

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

І Ю Л Ъ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

- I. СУДЬБА ЭКЗАРХА НИКИФОРЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.**
(Историческій очеркъ). (Окончаніе). **Ө. Кудринскаго.** 1—19
- II. ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВИКТОРЪ САДКОВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ МИНСКІЙ, ИЗЯСЛАВСКІЙ И БРАЦЛАВСКІЙ, КОАДЮТОРЪ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ, УПРАВЛЯЮЩІЙ СЪ 1785 ПО 1796 ГОДЪ ВСЪМИ ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВАМИ И МОНАСТЫРЯМИ ВЪ ПРЕДЪЛАХЪ БЫВШАГО Ц. ПОЛЬСКАГО. Протоіерея Петра Орловскаго.** 20—54
- III. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. II. Записки Евстафія Петровича Рудыковского (1796—1874). (Окончаніе). В. Щербинны.** 55—84
- IV. СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (Продолженіе). Проф. Н. Ө. Сумцова.** 85—94
- V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО** 95—108
- VI. ПРИСЯГА НА ВЪРНОСТЬ ИМПЕРАТОРУ НАВЛУ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. В. Храневича.** 109—113
- VII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ:** а) Мѣщанская семейная драма прошлаго столѣтія. **В. А.** б) Къ біографіи Петра Коцашевича Сагайдачнаго. **В. А.** в) Къ исторіи старинной малороссійской школы. г) Шевченко въ Академія Художествъ. д) Къ предполагаемому «Описанію харьковской губерніи» 114—129
- VIII. БИБЛІОГРАФІЯ:** а) Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Ак. Наукъ. Вып. 48-й. **А. Степовича.** б) Памятная книжка курской губ. на 1892 г. **А. Степовича.** в) Южный Сборникъ, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, изданный одесскимъ обществомъ вспомошествованія литераторамъ и ученымъ. **В. Ястребова.** г) Кіевскій Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Подъ редакціей **И. В. Лучицкаго. В. Н—на.** 130—139
- ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.
2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.

Дозволено цензур. Київъ, 26-го іюня 1891 г.

Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(О К О Н Ч А Н І Е).

V.

Вечеромъ, 10 марта, подъ конвоемъ цѣлаго отряда казаковъ, въ Варшаву вѣхалъ „рыдванъ“ и остановился у королевскаго замка. Въ „рыдванѣ“ сидѣлъ Никифоръ. Онъ пріѣхалъ съ двумя острожскими православными священниками.

О прибытіи экзарха тотчасъ-же было доложено королю. Среди пословъ-депутатовъ опять поднялся споръ о томъ, какъ судить Никифора. Какъ и прежде, споръ не привелъ сторонъ къ соглашенію. Наконецъ, было высказано мнѣніе, что послы не имѣютъ права вмѣшиваться въ королевскіе суды, что его величество король самъ разсудитъ это дѣло и распорядится Никифоромъ по всей справедливости польскихъ законовъ. Король, въ угоду князю Острожскому, приказалъ судить его публично (in Senatu). Въ тотъ-же день была составлена специальная судебная коммиссія по дѣлу Никифора, состоявшая изъ воеводъ: краковскаго, познанскаго, сандемирскаго, ленчицкаго, брацлавскаго, гетмана короннаго, маршалка короннаго и друг. Коммиссія тотчасъ-же хотѣла приступить къ допросу, но король велѣлъ дожидаться прибытія Яна волоха, и слѣдствіе отложили къ слѣдующему дню. Тутъ возникъ новый вопросъ: куда отправить Никифора, — держать-ли его подъ арестомъ въ королевскомъ

¹⁾ Кіевск. Стар. 1892 г. № 6.

замкѣ, или сдать на поруки князю Острожскому? Польскіе сенаторы, затѣвавшіе обыкновенно споры по самымъ маловажнымъ предметамъ и никогда, какъ извѣстно, не приходившіе къ согласію, готовы были поспорить на эту тему, по крайней мѣрѣ, до вечера, если-бы король не прекращалъ такихъ разногласій своимъ постановленіемъ. Уважая высокій санъ представителя восточной церкви, онъ не хотѣлъ держать Никифора въ заключеніи и позволилъ ему жить у князя Острожскаго.

Наступило 11 марта.

Король не спѣшилъ открывать засѣданіе сейма. Онъ долго совѣщался по дѣлу о Никифорѣ съ княземъ Острожскимъ, наговаривалъ князя открыто сознаться въ винѣ Никифора во избѣжаніе гласнаго скандала. Но князь стоялъ на своемъ и упорно защищалъ невинность протосингелла.

Послѣ совѣщанія, король отправился на сеймъ и велѣлъ позвать дидаскала, который былъ поставленъ на судъ самого короля. Позвали и Яна волоха. Началось слѣдствіе.

Прежде всего была подробно разсказана исторія ареста Яна волоха и прочитаны вслухъ найденныя при немъ письма: первое—къ митрополиту адрианопольскому, въ которомъ говорилось, что среди собакъ-ляховъ начались теперь большія замѣшательства отъ уніи и что теперь именно самое удобное время для нападенія на Польшу. Второе письмо было адресовано къ Іереміи—сестрѣ автора—и ничего „неблагонамѣреннаго“ не заключало, въ немъ говорилось о частныхъ дѣлахъ... Третье—къ одному адрианопольскому попу — свидѣтельствовало, что самъ авторъ принужденъ скрываться среди собакъ-ляховъ, такъ какъ его будто-бы могли заподозрить въ шпіонствѣ. Наконецъ, четвертое—къ попу Эгіушу—заключало въ себѣ разсказъ о войнѣ православныхъ съ поляками и о 20,000 погибшихъ въ этой войнѣ. Кончивши чтеніе писемъ, инстигаторъ прибавилъ общія біографическія свѣдѣнія о подсудимомъ и разсказалъ при этомъ много самыхъ невѣроятныхъ преступленій, совершенныхъ будто бы Никифоромъ. Онъ обвинилъ его въ шпіонствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Турціей и въ самовольномъ присвоеніи себѣ ти-

тула экзарха и протосингелла. Янъ обвинялся въ сообществѣ съ Никифоромъ.

Послѣ обвинительной рѣчи нистигатора, всталъ прокураторъ Прилѣпскій и много говорилъ въ защиту Яна и Нивифора. Невинность перваго онъ доказывалъ тѣмъ, что письма были даны ему какимъ-то грекомъ, ѣхавшимъ въ Москву, содержанія которыхъ Янъ не зналъ. Въ защиту втораго указывалъ на его высокое званіе патриаршаго протосингелла и экзарха, что подтверждаютъ его „*litterae testimoniales*“. Въ заключеніе прокураторъ просилъ, чтобы судебное дѣло было переводимо на понятный для Никифора языкъ (Никифоръ не зналъ хорошо польскаго языка, нѣсколько лучше онъ владѣлъ волошскимъ языкомъ, съ которымъ имѣлъ удобный случай познакомиться во время своихъ вмѣшательствъ въ политику волошкаго воеводства).

Король уважилъ послѣднее заявленіе прокуратора.

Затѣмъ, приступили къ слѣдствію. Такъ какъ главною уликою противъ Никифора служили письма, найденныя у Яна, то съ нихъ и начался допросъ.

— Отъ кого у тебя письма? Кто тебѣ ихъ далъ? Кто тебя посылалъ въ Турцію? спросили Яна.

— Я собственно ѣхалъ въ Волощину затѣмъ, отвѣчалъ волохъ, чтобы узнать, что дѣлается съ моимъ хозяйствомъ („маетностью“), которое я оставилъ своей женѣ при неласковомъ волошскомъ господарѣ Іереміи. Кромѣ того, меня послалъ его милость князь Острожскій купить ему турецкихъ лошадей... Онъ далъ мнѣ „червонные“ и пропускной листъ... Я ѣхалъ благополучно до самаго Шаргорода. Въ Шаргородѣ меня схватилъ урядникъ, обозвалъ меня шпиономъ и отобралъ мою торбу... Изъ всѣхъ моихъ денегъ онъ далъ мнѣ только два „червонныхъ“...

— А письма тебѣ кто давалъ?

— Письма далъ мнѣ одинъ чернецъ, который тутъ-же на нихъ и подписался, тотъ самый, который съ Моратомъ, мѣщаниномъ пана гетмана, отправился въ Москву. Онъ узналъ, что

я отправляюсь въ Турцію, и даль мнѣ эти четыре запечатанныя письма къ своимъ пріятелямъ.

— А дидаскаль Никифоръ не давалъ тебѣ никакихъ порученій?

— Не давалъ.

— И писемъ не давалъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть говорилъ чтонибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорилъ и ничего не давалъ мнѣ... А деньги мои у меня взяли и дали мнѣ только всего на всего два „червоныхъ“...

Князь Острожскій, внимательно прислушивавшійся ко всему, что говорилъ Янъ, былъ доволенъ его показаніями. Онъ очень желалъ, чтобы эта „справа“ по неосновательнымъ подозрѣніямъ скорѣе кончилась и чтобы Никифора скорѣе освободили. Когда допросъ кончился и сенаторы ничего не могли добиться отъ Яна для обвиненія Никифора, Константинъ Константиновичъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ королю и сказалъ:

— Вы слышали... Этотъ человекъ ни чемъ въ не виновенъ. Это дѣло ясное. Я поручаю его вашей королевской совѣсти... Можетъ быть, конечно, ктонибудь изъ васъ, господа сенаторы, захочетъ напиться неповинной крови, но я... не хочу... я не...

Онъ не могъ дальше говорить отъ волненія. Слезы пошли у старика изъ глазъ. Онъ вышелъ изъ засѣданія...

Яна волоха не одинъ разъ допрашивали въ этотъ день публичнымъ и частнымъ образомъ, но безуспѣшно. Янъ все говорилъ, что Никифоръ въ этомъ дѣлѣ совершенно не причастенъ и что у него отняли „червоныя“. Измученный все одними и тѣми-же допросами, онъ сталъ даже на колѣни и сказалъ:

— Милостивые панове! Если-бы вы даже приказывали рѣзать меня на части, то и тогда я бы сказалъ вамъ то, что

вы уже слышали, т. е., что письма далъ мнѣ одинъ монахъ, который въ Москву съ Моратомъ поѣхалъ, а отецъ протосингеллъ и князя его милость мнѣ тѣхъ листовъ не давали и ничего о нихъ не знали.

Послѣ допроса Яна волоха, кажется, было предоставлено право голоса самому Никифору ¹⁾. Не зная по польски, онъ говорилъ „влоскимъ языкомъ и учинилъ широкую рѣчь до короля его милости и до всего сенату“, въ которой, привѣтствуя сеймъ отъ имени четырехъ святѣйшихъ патріарховъ и отъ всей святой, апостольской, католической церкви, „далъ справу о себѣ, што есть за человекъ“. Изъ рѣчи, которая, къ сожалѣнію, передана въ актахъ не собственными словами, сенаторы узнали, что Никифоровъ человекъ видный и умный. Онъ былъ въ Падуѣ нѣсколько лѣтъ учителемъ (ректоромъ) наукъ греческихъ, его тамъ слушали „польскіе панята“, пріѣзжавшіе изъ Польши въ Италію учиться иностраннымъ наукамъ; потомъ онъ состоялъ проповѣдникомъ при одной греческой церкви въ Венеціи, это могутъ подтвердить (говорилъ Никифоровъ) его слушатели, среди которыхъ было не мало вліятельныхъ особъ. Вернувшись въ Константинополь, онъ получилъ званіе протосингелла и два раза управлялъ константинопольской патріархіей; объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать его документы и всѣ христіане на востокѣ; а теперь онъ присланъ сюда отъ лица патріарха по поводу возникшихъ въ западнорусской церкви замѣшательствъ и, въ частности, по приглашенію князя Острожскаго для устройства его школы. „А что обо мнѣ здѣсь говорятъ, все это однѣ выдумки, не имѣющія никакого основанія“, прибавилъ обвиненный.

Никифоровъ говорилъ самоувѣренно, не терялъ присутствія духа и надѣялся блистательно оправдать себя на судѣ.

¹⁾ Историческія извѣстія о дѣлѣ Никифора, согласныя въ общемъ ходѣ разсказа, значительно расходятся въ частныхъ пунктахъ судебного процесса. Особенно много путаницы въ этомъ отношеніи представляетъ разсказъ „перестрога“. Поэтому, довольно трудно установить порядокъ во времени судебныхъ засѣданій и въ ихъ содержаніи.

Такимъ положеніемъ дѣлъ была очень недовольна сторона гетмана Замойскаго. Она постаралась усилить виновность Никифора указаніемъ новыхъ обвиненій. Янъ Замойскій припомнилъ, что во время молдавской войны Никифоръ былъ посредникомъ между турками и Польшею. Это обстоятельство, вообще мало вяжущееся съ характеромъ поднятаго дѣла, дало поводъ Замойскому обвинить Никифора въ расположеніи его къ Турціи, враждебномъ отношеніи къ Польшѣ и осложнить, такимъ образомъ, дѣло новыми уликами.

12 марта въ сенатѣ происходило новое засѣданіе по дѣлу Никифора. Обвиненныхъ начали опять допрашивать. Янъ волохъ на этотъ разъ вступилъ въ свою роль далеко не съ тою смѣлостью, какъ наканунѣ. Онъ сильно струсиль. Запуганный судебною обстановкою и серьезностью возбужденнаго процесса (а можетъ быть, въ данномъ случаѣ, не обошлось безъ угрозъ со стороны католиковъ и униатовъ), онъ теперь высказывается не такъ рѣшительно и рѣзко, какъ прежде, и своими двусмысленными отвѣтами даетъ поводъ для осужденія Никифора. На вопросъ:

— Отъ кого у тебя эти письма? онъ теперь отвѣчаетъ:

— Отъ Пафнутія, который былъ въ то время въ Острогѣ при Никифорѣ... Никифоръ зналъ объ этихъ письмахъ и одобрилъ ихъ содержаніе („za zaleseniem Nikieforza“)..

„Zalesenie“ со стороны Никифора, показанное Яномъ (подъ вліяніемъ ли страха или внушеній католиковъ—не важный вопросъ), пришло очень кстати. Оно подтверждало подозрѣнія въ мнимыхъ политическихъ замыслахъ дидаסקала и бросало тѣнь на благонамѣренность въ политическомъ отношеніи самого князя Константина Константиновича Острожскаго.

Замойскому только это и нужно было. Вставши съ своего мѣста, онъ обратился къ сенату съ слѣдующими словами:

— Милостивый кролю и панове мои! Мнѣ кажется, что теперь именно очень умѣстно вспомнить о переговорахъ Никифора въ землѣ волошской съ турками и войскомъ вашего кололевскаго величества. Приблизительно за три дня предъ отсту-

пленіемъ татаръ изъ земли волошской, я получилъ письмо отъ Сивамъ-паши, который, при содѣйствіи Никифора, хотѣлъ вынудить у меня слѣдующія условія: во первыхъ, чтобы волошскій господарь Теремія присягнулъ на вѣрность цезарю турецкому-во вторыхъ, онъ долженъ отдать своего сына или брата къ ту; рецкому двору въ качествѣ заложника; въ третьихъ, Никифоръ хотѣлъ, чтобы ваша королевская милость приняли обязательство защищать воеводу волошкаго отъ враговъ; наконецъ, въ четвертыхъ, убѣждая меня согласиться на всѣ эти условія, Никифоръ прибавлялъ, между прочимъ, что вмѣшательство турокъ въ дѣла Валахіи не должно представлять ничего страннаго, что если поляки признали у себя королемъ Стефана, по предложенію Турціи, то тѣмъ болѣе волохи могутъ признать воеводу кандидата, представленнаго турками.

Всѣ обвиненія были объединены въ особыхъ юридическихъ вопросахъ и „казано было, абы отецъ протосингелль на заданные ему артикулы отповѣдалъ“. Въ эти артикулы были включены всѣ сплетни на счетъ Никифора, какія только можно было тогда собрать. Его обвинили въ нарушеніи мира не только одной короны польской, но и „всего христіанства“, въ чернокнижіи, въ томъ, что онъ вошелъ въ ласку цесаря турецкаго, что онъ ввелъ землю волошскую въ неоплатные долги и совѣтовалъ турецкому султану брать дѣтей у христіанъ, что онъ привелъ на землю волошскую татарскаго царя, что онъ тайно доноситъ туркамъ всё, что дѣлается въ Польшѣ и въ письмахъ своихъ пишетъ что „поляки, какъ собаки, сами себя ѣдятъ“, что онъ указывалъ туркамъ дорогу въ Польшу; что онъ убилъ одного мальчика, находился въ интимныхъ сношеніяхъ съ матерью султана и что онъ, наконецъ, не имѣя никакихъ полномочій, будучи простымъ человѣкомъ, рѣшился самовольно вмѣшиваться въ церковныя дѣла рѣчи посполитой, разорвалъ церковное соединеніе латинянъ съ православными, осмѣлился низлагать митрополита и епископовъ съ ихъ сановъ и тѣмъ произвелъ большое замѣшательство во всемъ государствѣ. Это онъ дѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы непріятель, воспользовавшись безпорядками Польши, тѣмъ, легче могъ овладѣть страной.

Никифоръ сильно смутился, когда ему представили цѣлый рядъ искусно сплетенныхъ подозрѣній. Онъ теперь ясніе, чѣмъ когда либо, понялъ, что враги рѣшили преслѣдовать его систематически и неотступно. Смутное, тяжелое предчувствіе печальнаго результата своего процесса внушило ему еще большую энергію къ самозащитѣ. Никифоръ слишкомъ вѣрилъ въ себя. Онъ выступилъ съ новою рѣчью, въ которой, пунктъ за пунктомъ, опровергалъ всѣ возводимыя на него обвиненія.

— Всѣ это одна ложь и клевета, говорилъ Никифоръ, а если бы предположить, что и въ самомъ дѣлѣ было что нибудь подобное, тогда судить о томъ, что дѣлалось въ чужой землѣ,— не ваше дѣло. Но пусть, однако, скажетъ самъ гетманъ по совѣсти, что онъ знаетъ о моихъ дѣлахъ въ Валахїи и что заставляло меня принимать участіе въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, я былъ посломъ въ переговорахъ Синамъ-паши и гетмана Замойскаго, но я прошу васъ, сами узнайте подробно объ этомъ дѣлѣ. Вѣдь разсудите: если-бы мое вмѣшательство было своекорыстно, оно не имѣло бы такихъ послѣдствій... Стороны были очень довольны моимъ вмѣшательствомъ, татары и турки отступили, Валахїя успокоилась. Само дѣло говоритъ за себя. Перебѣщикомъ я не былъ и извѣстій изъ Польши въ Турцію не посылалъ, я готовъ горло свое дать, если только это правда... Яна Волоха не я посылалъ въ Турцію. Это дѣло пана воеводы кїевского. А что касается подозрѣнія, что будто бы я не состою въ званїи протосингелла, то на это я вотъ что скажу: не только отъ константинопольскаго, но и отъ всѣхъ остальныхъ трехъ патріарховъ я имѣю полномочіе на это званіе и имѣю полное право въ каждой ихъ діоцезїи, гдѣ мнѣ угодно будетъ, созывать соборы, наблюдать за порядкомъ, низлагать виновныхъ съ ихъ сановъ и на мѣсто ихъ ставить другихъ. Я имѣю на это письменныя удостовѣренія, а если и имъ не вѣрите, то въ такомъ случаѣ ничего другаго вамъ не остается, какъ послать въ Константинополь и на мѣстѣ удостовѣриться въ справедливости моихъ показаній. Тамъ-же вы легко можете забрать справки обо мнѣ, о моемъ образованїи и прошломъ, и если всё окажется вполне согласнымъ съ моими показаніями, тогда вы поймете,

какъ жестоко клеветцуютъ на меня мои враги. Говорятъ, что я занимаюсь чернокнижіемъ; пусть докажутъ это, пусть представляютъ факты, соответствующіе обвиненію. Что касается обвиненія въ убійствѣ какого-то „хлопца“, въ интимныхъ связяхъ съ султаншею, то это такія грубыя и неосновательныя сплетни, на которыя и отвѣчать не слѣдуетъ... и т. д.

Неизвѣстно, въ какой степени понимали судьбы Никифора волошскій языкъ, на которомъ онъ говорилъ свою защитительную рѣчь, но во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что прото-сингелль долженъ былъ выслушивать обвиненіе на одномъ языкѣ, а оправдываться на другомъ, значительно повредило его дѣлу. Обвиненія противъ Никифора были болѣе понятны судьямъ, чѣмъ оправданія обвиненнаго. Многіе изъ католиковъ, враговъ Никифора, совершенно не поняли его рѣчи, а кто понималъ, тотъ не желалъ оправданія человѣку, подъ авторитетомъ котораго не такъ давно, пять мѣсяцевъ тому назадъ, произошла раздоръ между православными и католиками изъ-за уніи.

Дѣло Никифора на сеймѣ обсуждалось и публично, въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ, и „prywatnie“, въ присутствіи шести лицъ. Послѣднюю форму оно приняло „по dokonченію сейму, когда ся только сами канцлерове и урядницы zostали“. „Король его милость, великими просьбами будучи усилованный, розказалъ (приказалъ) приватнѣ“ тремъ сенаторамъ и двумъ канцлерамъ въ присутствіи маршалка составить новое, особое засѣданіе для спеціальнаго разбора дѣла. Процессъ длился еще три дня, по распущеніи сейма. Королю и сенаторамъ во что-бы то ни стало хотѣлось осудить Никифора. Напрасно защитникъ обвиненныхъ—панъ Прилѣпскій—повторялъ почти въ каждомъ засѣданіи свои заученныя, однообразныя рѣчи, въ которыхъ, не прибавляя ничего новаго, ограничивался повтореніемъ уже извѣстнаго, т. е. что Никифоръ писемъ не писалъ, а Янъ не зналъ, что ему дали для передачи. Ничего не помагало. Всѣ это было, конечно, доказательно, только не для засѣдателей польскаго сейма...

Во время частнаго засѣданія 28 марта въ залъ вопли волошскіе послы съ новыми показаніями на Никифора. Они

сказали, что султанъ турецкій подслалъ однажды въ Волощину пять шпіоновъ и что однимъ изъ нихъ былъ именно никто другой какъ Никифоръ, убѣжавшій изъ Хотинской тюрьмы. Четверыхъ шпіоновъ поймали, а Никифоръ скрылся за границу... Въ политическія дѣла Валахіи Никифоръ вмѣшивался самовольно, не имѣя на это никакихъ полномочій... и т. д.

Рѣчь волошанъ была знакома Никифору. Онъ одушевленно отвѣчалъ, что, напрогивъ, необходимыя полномочія у него были и для доказательства тутъ-же показалъ письма къ нему волошскихъ знатныхъ пановъ.

Волошане разсмотрѣли письма, признали ихъ дѣйствительными, хотя и не считали подписавшихся подъ ними пановъ знатными лицами Валахіи.

Затѣмъ, Никифоръ показалъ еще письмо, писанное къ нему Іеремію, воеводою волошскимъ. Въ немъ Іеремія проситъ Никифора прибыть въ Валахію и помирить его съ Синам-пашею, безъ пролитія крови.

— Я принялъ просьбу Іереміи, сказалъ Никифоръ, пріѣхалъ въ Валахію, устроилъ ея спокойствіе и затѣмъ отправился въ польско-литовское королевство; на границѣ меня арестовали и посадили въ тюрьму, изъ которой я долженъ былъ уйти, такъ какъ мое присутствіе было необходимо въ западной Руси, куда меня послалъ константинопольскій патріархъ для благоустройства православной церкви. Тамъ я жилъ до сихъ поръ, ничего не подозрѣвая...

Къ такимъ отвѣтамъ обвиненнаго судьи уже привыкли и не обращали на нихъ особеннаго вниманія.

Обвиненныхъ заключили въ ратушу, въ которой сидѣлъ тогда и Наливайко. Дѣло Никифора, начатое изъ-за пустяковъ, неожиданно приняло широкіе и серьезные размѣры. Константинъ Острожскій былъ сильно раздраженъ такъ неблагоприятно сложившимися для Никифора обстоятельствами; онъ обозвалъ Яна волоха „глупымъ холопомъ“ за его послѣднее показаніе, но не предпринималъ никакихъ средствъ для защиты своего дидаскала. Замѣчателенъ фактъ, что во всё время процесса князь Острожскій стоялъ въ сторонѣ, не принималъ въ дѣлѣ

активного участія, а Никифоръ ни разу не попросилъ у него покровительства и защиты въ эту критическую для него минуту. Надоѣло ли князю это дѣло, или, вообще, онъ сталъ индифферентнѣе глядѣть на вещи?... Можетъ быть и то, и другое, но фактъ тотъ, что князь во всё время процесса оставался зрителемъ. Лишь только въ самомъ концѣ его онъ проявилъ себя, проявилъ очень характерно, со всею желчью своего раздражительнаго настроенія и оскорбленнаго самолюбія.

VI.

Во время одного изъ частныхъ, частныхъ засѣданій, сенаторы, должно быть, уставшіе отъ продолжительныхъ совѣщаній, разошлись по заламъ для отдыха. Одни ушли въ комнаты короля, другіе „до другаго покою“. Въ послѣднемъ уединенно сидѣлъ князь Острожскій, еще раньше сенаторовъ пришедшій сюда. Онъ, повидимому, искалъ спокойствія своему раздраженному настроенію духа. Константинъ Константиновичъ былъ врагомъ оффиціальныхъ проволочекъ дѣла. Онъ любилъ дѣйствовать прямо и непосредственно. Иезуитская политика и судебная интрига, принятая королемъ для осужденія Никифора, возмущали его больше, чѣмъ лживые доносы на протосингелла. Вошли сенаторы. Завязался общій разговоръ.

— Всѣ это сплетни („плетки“), говорили одни. Стѣбитъ ли изъ-за нихъ поднимать такое дѣло у короля и рѣчи посполитой? Важно то, что Никифоръ синодъ собиралъ („синодовалъ“), митрополита и владыкъ низложилъ съ ихъ урядовъ...

— Низложеніе это не имѣетъ никакого значенія, сказали другіе, потому что оно идетъ отъ простаго человѣка.

— А всё это произошло отъ того, что у Яна нашли торбу съ письмами и посчитали его за перебѣщика, прибавили трети...

И, вообще, различные тогда шли толки по дѣлу Никифора („розное мнimanье и розмова“). Иные положительно высказывались въ томъ смыслѣ, что причиною поднятаго дѣла служить „непріязнь гетманская (Замойскаго) напротивъ пану воеводѣ кievскому“... и что низложеннымъ владыкамъ было очень же-

лательное осужденіе экарха, такъ какъ въ такомъ случаѣ проклятіе („выкликаніе“) его „не важное быти-бы мусѣло“.

Нужно представить себѣ настроеніе князя Константина Константиновича Острожскаго, навѣянное на него такими разговорами, въ которыхъ, время отъ времени, произносилось кстати и не кстати его имя. И сожалѣніе о невинно страдающемъ Никифорѣ, и сознаніе глубокаго оскорбленія въ лицѣ Никифора, недавняго предсѣдателя православнаго собора, всему православному духовенству, и горечь отъ недобросовѣстной, хотя официально-правильной, постановки судебного дѣла и, наконецъ, досада отъ невозможности поправить дѣло—все это слилось у него въ одинъ безразличный психическій актъ ожесточенія и озлобленія.

Сенаторы спорили свободно и непринужденно. Немного спустя („по малой хвили“) „вшоль король съ покою своего до того покою, гдѣ сенаторове съ паномъ воеводою кіевскимъ были“. Константинъ Константиновичъ не могъ терпѣть дальше.. Онъ всталъ и сдѣлалъ королю, въ присутствіи его сенаторовъ, рѣзкую сцену: онъ „учинилъ широкую и досыть жалостную мову до короля“.

Прежде всего старикъ Острожскій напомнилъ королю про исхожденіе своей княжеской фамиліи изъ древняго рода, заслуги своихъ предковъ для рѣчи посполитой, начиная отъ Сигизмунда I, дѣда короля его милости, Сигизмунда Августа, Генриха и Стефана—королей польскихъ, которые умѣли миловать своихъ подданныхъ, снисходить къ ихъ недостаткамъ и справедливо судить жалобы.

— Я уже старъ, говорилъ князь Острожскій, и очень благодаренъ королю за его ласку ко мнѣ. Одного моего сына ты посадилъ „въ правицы“, а другого „въ лѣвицы“¹⁾. Это меня старика утѣшаетъ. Но вотъ теперь совершенно неожиданно поднялось въ краѣ недовольство на православныхъ, и на меня, твердаго защитника своей православной вѣры, напали

¹⁾ Янушъ Константиновичъ Острожскій, старшій сынъ князя, былъ назначенъ каштеляномъ краковскимъ (1593 г.) и занималъ въ сенатѣ первое мѣсто; второй сынъ князя Александръ Константиновичъ былъ волынскимъ воеводою и старостою переяславскимъ.

со всѣхъ сторонъ враги и, въ частности, этотъ канцлеръ, гетманъ Замойскій, который, по личной ненависти ко мнѣ и зависти моему богатству, славѣ и видному положенію, гонить слугъ моихъ, велитъ хватать добрыхъ людей, ни въ чемъ неповинныхъ, „пенязи“ отбираетъ, мучитъ и т. п. Мало того, желая навести безчестіе на меня и всѣхъ православныхъ, онъ нападаетъ на духовныхъ православной вѣры и называетъ ихъ измѣнниками. А ваша королевская милость, видя всё это, этотъ „кввалтъ“ и нарушеніе правъ, не обращаетъ никакого вниманія на присягу свою, которою обовязался не нарушать нашихъ правъ, но напротивъ примножать и расширять ихъ. Тебѣ вовсе не желательно поддерживать насъ. Отступниковъ отъ православія ты ласкаешь, позволяешь имъ причинять намъ разныя насилія и проливать кровь тѣхъ, которые не хотятъ слѣдовать ихъ примѣру и по прежнему держатся своей родной вѣры. Ты наступаешь на права наши, ломаешь вольности (привилегіи) наши и налегаешь на нашу совѣсть!.. Я всё это вижу и хорошо чувствую обиду, „кривду“, которую ты намъ причиняешь. Я вижу къ чему это ведетъ. Помни мое слово, что если такъ продолжится дальше, королевство польское погибнетъ, потому что недалеко уже то время, когда никто не будетъ обезпеченъ въ своихъ правахъ и свободѣ... Государство идетъ къ замѣнательству. Это бы, впрочемъ, еще ничего; не случилось бы чего нибудь похуже!.. Осмотрись кругомъ себя, ваша королевская милость, и „здоровой рады послухай“. Я уже старъ и недалеко время моей смерти; но я надѣюсь, что больше не увижу нарушенія правъ православныхъ въ нашемъ государствѣ; въ противномъ случаѣ ты дашь за насъ строгій отвѣтъ на страшномъ судѣ. А что касается Никифора, то его крови я буду искать на судѣ Божіемъ“.

Острожскій замолкъ, „отступилъ трохи“, подозвалъ своихъ адъютантовъ и направился къ выходной двери, опираясь на плечо своего пріятели. Пріятель сказалъ, что нужно-бы „почекать на колевскій отвѣтъ“; старикъ не обращалъ вниманія.

— Пане воеводу, его милость король хочетъ съ вами говорить, сказали ему.

Острожскій не хотѣлъ больше слушать короля и „пошелъ прочь“. Король смутился, растерялся и не зналъ, что предпринять. Онъ послалъ за княземъ его зятя—воеводу виленскаго—Радзивилла. Радзивиллъ подбѣжалъ къ князю и просилъ вернуться. Тотъ продолжалъ идти.

— Увѣряемъ вашу мосьть, сказалъ Радзивиллъ, что король очень тронутъ вашими словами и что Никифоръ будетъ освобожденъ.

Князь остановился.

— *Нехай-же соби и Никифора згисть*, сказалъ онъ раздражительно, „въ великой жалости будучи“, и вышелъ изъ дворца.

На слѣдующій день рано князь выѣхалъ изъ Варшавы, покинувши Никифора съ нѣсколькими слугами „тамъ, на палацѣ“, котораго „королевскіи гайдуки тотчасъ-же оступили“.

Сомнительно, конечно, чтобы Никифоръ получилъ прежнюю свободу, какъ обѣщалъ король чрезъ Радзивилла, но его участь была-бы, быть можетъ, нѣсколько иная, если-бы князь Острожскій не испортилъ дѣла своею горячностью.

Дальнѣйшая судьба дидаскала очень печальна.

Оставленный „тамъ, на палацѣ“, онъ сдѣлался предметомъ сенаторскихъ разсужденій.

„Что съ нимъ дѣлать? Да кстати и съ Яномъ волохомъ?“

Высказаны были, какъ и обыкновенно у польскихъ сенаторовъ, различныя мнѣнія. Одни стояли на томъ, чтобы надъ обвиненными было вторично назначено слѣдствіе и виновные были-бы приговорены къ смертной казни. Въ такомъ родѣ высказывалось большинство. Другіе говорили, что Никифора слѣдуетъ содержать въ почетѣ („in honesta custodia“), а тѣмъ временемъ постараться-бы розыскать Пафнугія, который писалъ эти письма. Третьи наконецъ, совѣтовали снести по этому дѣлу съ Валахіей, забрать тамъ точныя и достовѣрныя справки о степени виновности Никифора.

Король согласился съ двумя послѣдними мнѣніями и издалъ декретъ, чтобы Янъ и Никифоръ содержались въ заключеніи до нахождения Пафнугія.

Пафнугія, конечно, не нашли; едва-ли его и искали... Никифора заключили въ крѣпость въ Малборкѣ, гдѣ онъ и скончался. Яна волоха отправили въ Варшаву; тамъ его велѣно было держать до слѣдующаго варшавскаго сейма.

Напрасно патріархъ Мелетій Нигасъ просилъ князя Острожскаго и всѣхъ православныхъ князей освободить Никифора „отъ навѣта и всякія бѣды“. Его просьба осталась безъ успѣха.

Впослѣдствіи стали ходить слухи, что Никифора будто-бы уморили постомъ.

Такъ кончилась „справа“ отца протосингелла.

VII.

Православные смотрѣли на Никифора, какъ на мученика за вѣру, и повѣствователь его „сравны“ считаетъ нравственнымъ долгомъ присоединить къ своему разсказу о Никифорѣ соотвѣтствующее, назидательное поученіе православному обществу.

„И вы, православные христіане,—говоритъ онъ,—слышачи о томъ, съ терпѣливостью идите на подлежащій вамъ подвигъ, взираючи на начальника вѣры и совершителя Иисуса, Который вмѣсто потѣхи принялъ крѣзь, о встыдѣ не дбаль“.

Судъ надъ Никифоромъ повѣствователь приравниваетъ даже къ суду Спасителя у Цилата и, для большаго впечатлѣнія на читателя, непосредственно за разсказомъ о процессѣ экзарха разсказываетъ о судѣ надъ Иисусомъ Христомъ.

Общество слѣдило за процессомъ Никифора на варшавскомъ сеймѣ, но когда процессъ кончился, оно забыло о дидакалѣ и не интересовалось его судьбой. Ни откуда не видно, чтобы даже православные предпринимали что либо для освобожденія и оправданія оклеветаннаго и опозореннаго предсѣдателя своего собора, представителя восточной, вселенской церкви, экзарха и протосингелла греческихъ патріарховъ.

Прошелъ годъ.

Впечатлѣніе обиды прошло у князя Острожскаго, и онъ помирился съ гетманомъ Замойскимъ. Это было на слѣдующемъ варшавскомъ сеймѣ. „Найдовались добрые люди, которые свели

ихъ и они поеднались“ въ то время, когда Никифоръ сидѣлъ „въ Малборку“. Никто не подалъ голоса въ защиту бѣднаго протосингелла, только одинъ лишь Казимирскій, „добрый пріятель пана воеводы“, сказалъ Константину Константиновичу, когда тотъ „ишолъ въ покояхъ королевскихъ у Варшавѣ до зъеднанья зъ гетманомъ“:

— Пане воеводо! Идешь еднатися зъ гетманомъ для того, ижъ обѣщался тобѣ пріятелемъ быти... *А* Никифоръ *пропалъ*...

Князь не обратилъ вниманія на слова своего пріятеля. Онъ „поеднался“ съ гетманомъ.

VIII.

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о причинахъ печальной участи экзарха Никифора.

Эти причины лежали не въ случайныхъ личныхъ отношеніяхъ двухъ польскихъ вельможъ—Острожскаго и Замойскаго, а въ обстоятельствахъ болѣе серьезнаго характера. На варшавскомъ сеймѣ сказалось лишь общее послѣдствіе многихъ фактовъ. Корень ненависти короля и его сенаторовъ къ Никифору нужно искать въ октябрьскомъ, брестскомъ соборѣ 1596 года. Между октябремъ 1596 года и февралемъ 1597-го успѣло нарости для Никифора много непріятностей, погубившихъ его.

Никифоръ погибъ потому, что съ его авторитетнымъ званіемъ патріаршаго протосингелла и экзарха связывалась сила тѣхъ опредѣленій православнаго брестскаго собора, которыми уніатскіе епископы проклинались и канонически лишались своихъ мѣстъ.

Какъ ни индифферентно относились уніаты и католики къ патріархамъ, однако представительства ихъ въ восточной, православной церкви они отрицать не могли. Впечатлѣніе, произведенное осужденіемъ западно-русскихъ епископовъ и митрополита отъ имени восточныхъ патріарховъ на православномъ соборѣ, было сильно въ обществѣ. Еще до брестскаго собора епископы, согласившіеся на унію, предвидя неопредѣленный исходъ затѣяннаго дѣла, боялись проклітія восточной церкви. Это про-

клятвѣ подрывало ихъ авторитетъ въ глазахъ униатовъ. Король успокаивалъ ихъ своими грамотами и писалъ, что проклятiе патрiаршее не будетъ имѣть для нихъ никакого значенiя. Но то, чего они такъ боялись, то и случилось: они были канонически низложены и на нихъ тяготѣла анаѣема восточной церкви. Чтобы ослабить сколько нибудь впечатлѣнiе, произведенное опредѣленiями брестскаго, православнаго собора, поляки начали происки противъ Никифора — предсѣдателя собора. „Отступницы, боячися того, же были отъ протосингелла патрiаршого зъ достоинствъ покиданы, начали шукати дороги на протосингелла, задаючи то, же онъ николи отъ патрiарха въ такой справѣ не былъ посланъ, и овшемъ самовласнѣ до Острога, по приватной справѣ своей, альбо потребѣ прѣхалъ, то есть для науки дитокъ“. Какими именно средствами „шукали отступницы дороги на протосингелла“, это не выяснено, да и едва-ли можетъ когда либо выясниться по самому существу интриги, какъ интимнаго, скрытаго пути для достиженiя опредѣленной цѣли. Во всякомъ случаѣ, ссора воеводы кiевскаго съ гетманомъ Замойскимъ и арестъ пьянаго волоха въ Шаргородѣ были очень кстати для польскаго короля и его сенаторовъ. „Когда отступницы послашали о томъ, они вельми радовалися“. Замойскiй ловко съумѣлъ связать миссiю пьянаго Яна волоха съ мнимыми политическими замыслами, малозначительный фактъ онъ превратилъ въ событiе важнаго, сенсацiоннаго характера, и Никифоръ отправился „до Малборку“. Съ этой точки зрѣнiя понятно, почему поляки такъ спѣшили судить Никифора ¹⁾, не оставили въ сторонѣ ни одной сплетни, претендовавшей на степень обвиненiя, и настойчиво требовали его осужденiя, не смотря на то, что всѣ „артикулы“ были основательно опровергнуты или разъяснены обвиненнымъ. Позоръ Никифора вполне согласовался съ интересами тогдашней внутренней польской политики. Польское правительство видѣло въ Никифорѣ не только виновника низложенiя уни-

¹⁾ Дѣло разбиралось не болѣе десяти дней — срокъ слишкомъ незначительный для такого сложнаго и ~~важнаго~~ своего характера процесса.

атскихъ епископовъ, но и будущаго противника введенія и распространенія въ краѣ уніи. Оставаясь въ западной Руси въ качествѣ уполномоченнаго лица отъ восточнаго патріарха, онъ своими распоряженіями въ пользу православныхъ былъ бы главнѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ уніи.

Что Никифоръ погибъ не какъ политическій преступникъ, а какъ именно *защитникъ православія*, это доказывается еще характеромъ рѣчи князя Острожскаго королю. Эта рѣчь служитъ лучшимъ комментариемъ факта съ его неофициальной стороны. О чемъ говорилъ раздраженный князь? Ни о Янѣ волохѣ, ни о Пафнутіи, ни о молдавскомъ вопросѣ, ни о политической неблагонадежности Никифора, менѣе всего о Янѣ Замоискомъ, но главнымъ образомъ объ уніи и притѣсненіи православныхъ („наступаешь на права наши, не хочешь насъ въ православной вѣрѣ захвати“ и т. п.). Странною и неумѣстною казалась бы рѣчь князя, если не поставить ее въ связь съ интимнымъ желаніемъ короля и сенаторовъ содѣйствовать цѣлямъ уніи чрезъ по возможности безотлагательное осужденіе Никифора. Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, говорить бы князю о вѣрѣ, если бы причиною осужденія Никифора были его политическіе замыслы, или вражда Острожскаго съ Замоискимъ? Не совсѣмъ также будутъ понятны его угрозы судомъ Божиимъ изъ-за мелочей—„плѣтокъ“. Но однако ни король, ни сенаторы не нашли его рѣчи неумѣстною, значить она была кстати. Правда, князь, по своему обыкновенію, увлекся, наговорилъ много лишняго, но упрекъ королю былъ высказанъ имъ справедливо и умѣстно.

Можно только пожалѣть объ одномъ, что князь Острожскій не пожелалъ воспользоваться своимъ сенаторскимъ вліяніемъ и авторитетомъ экзарха, чтобы облегчить, насколько это можно было, участь Никифора. Къ сожалѣнію, сдѣлать это не позволяли характеръ князя и его слово не вмѣшиваться больше въ это дѣло. Роковое „нехай-же и Никифора зъисть“—рѣшило судьбу послѣдняго. Быть можетъ, князю и хотѣлось впоследствии принять какое нибудь участіе въ положеніи всѣми

оставленнаго Никифора, но „амбиція“ и гордость польскаго магната, считавшаго себя въ своемъ оскорбленномъ чувствѣ выше вмѣшательства въ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оскорбленъ, удерживали его отъ участія, и князь выдержалъ свою роль до конца.

Ө. Кудринскій.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВИКТОРЪ САДКОВСКІЙ,

архієпископъ минскій, вязславскій и брацлавскій, коадьюторъ кievской митрополіи, управлявшій съ 1785 по 1796 годъ всеми православными церквами и монастырями въ предѣлахъ бывшаго ц. Польскаго.

19 іюля текущаго года исполнится столѣтіе съ того времени, какъ Архієпископъ Викторъ Садковскій, по настоятельному требованію Императрицы Евкаторины II, былъ освобожденъ Посполитою Рѣчью изъ тяжкаго тюремнаго заключенія, въ которомъ онъ болѣе трехъ лѣтъ томился сперва въ Несвижской крѣпости гродненской губерніи, затѣмъ въ Варшавѣ въ подземельяхъ при палацѣ графовъ Красинскихъ, а на послѣдокъ въ казематахъ при Ченстоховскомъ римско-католическомъ клешторѣ петроковской губерніи. По случаю этого приснопамятнаго событія, съ которымъ соединяется начало торжества православія надъ католицизмомъ въ предѣлахъ Польши, весьма благо- временно воскресить въ памяти жизнь и великія заслуги для православной церкви преосвященнаго Виктора, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ его 9 іюня 1785 года, послѣ семидесятилѣтняго перерыва ¹⁾, въ этомъ государствѣ была возстановлена православная іерархія, и темничныя страданія его, продолжавшіяся съ 18 апрѣля 1789 года по 19 іюля 1792 года были послѣднею великою жертвою со стороны православныхъ подданныхъ Посполитой Рѣчи за возстановленіе своихъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ, которыя попираемы были почти въ теченіе двухъ вѣковъ.

¹⁾ Исторія уніи старыхъ временъ Коляковича, С.-Петербургъ 1873 г. стр. 324.

По происхожденію своему преосвященный Викторъ принадлежалъ къ малороссійской дворянской фамиліи, а по мѣсту рожденія и воспитанія своего былъ кievлянинъ¹⁾. Родители его жили въ подольской части города Кіева, близъ церкви Всемилостиваго Спаса, которая въ 1811 году, во время великаго пожара, сгорѣла и на погостѣ сей церкви были погребены²⁾. Воспитаніе свое онъ получилъ въ началѣ второй половины XVIII вѣка, въ древней кievской академіи, сперва подъ главнымъ надзоромъ Георгія Конисскаго, скончавшагося 13 февраля 1795 года въ санѣ архіепископа могилевскаго, а потомъ—Самуила Миславскаго, скончавшагося 8 января 1796 года въ санѣ кievскаго митрополита. Оба эти приснопамятные ректора кievской академіи, а впослѣдствіи знаменитые іерархи россійской церкви, съ отеческою любовію относились къ своему весьма способному и ревностному питомцу не только тогда, когда онъ проходилъ курсъ своего ученія, но и по вступленіи его на службу церкви Божіей въ предѣлахъ тогдашней Польши³⁾

По окончаніи своего воспитанія и по принятіи монашества въ Кіево-Печерской Лаврѣ⁴⁾, Викторъ Садковскій болѣе 15 лѣтъ состоялъ учителемъ и префектомъ въ могилевской духовной семинаріи, основанной Георгіемъ Конисскимъ въ 1767 году на средства, отпущенныя Императрицею Екатериною II⁵⁾, исправляя въ то же время обязанность каедральнаго проповѣдника и члена могилевской православной консисторіи. Когда въ 1776 году капелланъ русскаго посольства при варшавскомъ королевскомъ дворѣ, игуменъ Спиридонъ Гринѣвецкій по распоряженію кievскаго митрополита Арсенія Могилянскаго, былъ назначенъ на должность настоятеля Лебединскаго Свято-Георгіевскаго монастыря (кiev. губерніи), то Викторъ Садковскій, по рекомендаціи преосвященнаго Георгія Конисскаго, получилъ

¹⁾ Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академію. Аскоченскаго т. II стр. 268.

²⁾ Протоіерей Іоаннъ Леванда, его жизнь, проповѣди и письма. Кіевъ 1879 г. стр. 195.

³⁾ Исторія уніи Коляловича изд. 1873 г. стр. 282. Апнеха стр. 99.

⁴⁾ Мірское имя преосвященнаго Виктора невѣстно.

⁵⁾ Кіевъ съ его древн. училищемъ-академію, Аскоченскаго т. II, стр. 120.

назначеніе на вакансію Варшавскаго капеллана, съ производствомъ въ санъ игумена, и должность капеллана исправлялъ до ноября 1783 года ¹⁾. Должность капеллана главнымъ образомъ состояла въ совершеніи богослуженія въ домовою церкви, находившейся при русскомъ посольствѣ и исправленіи религиозныхъ требъ, какъ для православныхъ чиновниковъ посольства, такъ и для другихъ лицъ, по разнымъ дѣламъ своимъ пріѣзжавшихъ въ столицу Посполитой Рѣчи и проживавшихъ здѣсь.

Въ продолженіе семилѣтней службы своей капелланъ Викторъ пользовался особенною благорасположенностію и уваженіемъ не только русскаго посланника графа Стакельберга, но и проживавшихъ въ Варшавѣ и ближайшихъ къ ней городахъ (Люблинѣ, Калишѣ, Петроковѣ, Опатовѣ, Познанскѣ) греческихъ колонистовъ, которые пріютились здѣсь послѣ завоеванія турками Византіи въ 1453 году и занимались торговлею. Изъ дѣлъ переяславской духовной консисторіи за 1776—1780 годы, переданныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ архивъ кіевской консисторіи, видно, что православные украинскіе протопопы—смѣлянскій Іоаннъ Радзимовскій и винницкій Ілія Голоскевичъ и священники—корсунскій Іоаннъ Стоцкій и Кривыхъ Колѣнъ Іоаннъ Зелѣнкевичъ, пріѣзжавшіе въ Варшаву искать у польскаго правительства защиты угнетенному на Украинѣ православію, первѣе всего являлись къ капеллану Виктору Садковскому. Въ квартирѣ его они находили для себя радушный пріютъ и гостепримство, а въ немъ самомъ мудраго, безкорыстнаго совѣтника и самаго тщательнаго руководителя по дѣламъ своимъ. Онъ и редактировалъ ихъ жалобы, и представлялъ оныя на благоусмотрѣніе русскаго посланника; онъ былъ проводникомъ ихъ, когда они лично подавали свои жалобы польскому королю и его Постоянному Совѣту; онъ принималъ на себя трудъ защищать эти жалобы и ходатайствовать о скорѣйшемъ и справедливомъ рѣшеніи ихъ на варшавскихъ сеймахъ. Въ сентябрѣ 1779 года православное украинское духовенство, вслѣдствіе совершеннаго разоренія своего уніатами

¹⁾ Архивъ кіев. консисторіи 1784 г. дѣло № 2640.

и мѣстными польскими помѣщиками и управляющими ихъ имѣніями, не могло на свои оскудѣвшія средства выслать уполномоченныхъ изъ своей среды въ Варшаву искать правосудія у польскаго правительства, и потому меморіаль о своемъ бѣдственномъ, беззащитномъ положеніи со всѣми потребными документами отправило по почтѣ на имя капеллана Виктора, который представилъ оный на тогдашнемъ варшавскомъ сеймѣ королю и членамъ его Постояннаго Совѣта и самымъ энергическимъ образомъ ходатайствовалъ о возстановленіи поправныхъ правъ своихъ единовѣрныхъ собратьевъ. Услугами Виктора, когда онъ исправлялъ должность капеллана, пользовались не только православные священнослужители, но и міряне, которые весьма часто пріѣзжали изъ Украины, Литвы и Бѣлоруссіи въ Варшаву съ своими апелляціями на противозаконныя рѣшенія своихъ исковыхъ просьбъ провинціальными польскими судами.

По смерти слуцкаго архимандрита Павла Волчанскаго, кievскій митрополитъ Самуиль Миславскій, съ согласія варшавскаго русскаго посла Стакельберга, въ началѣ ноября 1783 года произвелъ игумена Виктора въ санъ архимандрита слуцкаго Свято-Троицкаго монастыря и назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ предѣлахъ Польши, поручивши ему ближайшій надзоръ за всѣми православными монастырями и церквями, находившимися въ этомъ государствѣ. Состоя въ должности архимандрита и митрополичьяго намѣстника съ ноября 1783 г. по іюнь 1785 года, Викторъ Садковскій ознаменовалъ свою дѣятельность благоустройствомъ монастырей—Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго, двухъ Дрогиченскихъ—Преображенскаго и Троицкаго и Брестскаго Св. Сумеоновскаго и кромѣ того не безъ успѣха ходатайствовалъ на польскихъ сеймахъ о возвращеніи этимъ монастырямъ тѣхъ угодій, которыя отчуждены были отъ нихъ самоправными сосѣдними польскими помѣщиками. Почти двадцатипятилѣтнее служеніе Виктора Садковскаго въ предѣлахъ Посполитой Рѣчи было подготовительною для него школою къ поступленію на кафедру православнаго епископа въ государствѣ, которое почти въ теченіе двухъ вѣковъ употребляло всѣ свои фанатическія усилія для совращенія всѣхъ православныхъ под-

данныхъ своихъ если не въ католицизмъ, то по крайней мѣрѣ въ унию.

Когда въ началѣ 1785 года между Россіею и Польшею состоялось соглашеніе о возстановленіи въ предѣлахъ Посполитой Рѣчи православной епископской каѳедры, членамъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода поручено было рѣшить вопросъ объ избраніи достойнаго кандидата на эту каѳедру. Рѣшенію сего труднаго вопроса помогъ кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій, указавши на архимандрита Слуцкаго монастыря Виктора Садковскаго. Голосъ кіевского святителя поддерживалъ и русскій посланникъ при польскомъ дворѣ.

27 марта 1785 года послѣдовалъ Высочайшій приказъ Святѣйшему Синоду „о бытіи въ Польшѣ особливому епископу, коадьютору кіевской митрополи и о посвященіи въ сей санъ Виктора, архимандрита Слуцкаго монастыря“. Въ этомъ приказѣ, сообщенномъ изъ Св. Синода кіевскому митрополиту Самуилу, прописано: „для пользы православной нашей церкви греко-россійской и для удобнѣйшаго охраненія исповѣдающихъ законъ нашъ благочестивый въ Польшѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ: быть особому епископу викарному или коадьютору кіевской митрополи, именоваться сему епископу Переяславскимъ и Бориспольскимъ, имѣть пребываніе ему въ Слуцкомъ благочестивомъ монастырѣ, котораго быть ему и архимандритомъ; въ сей санъ посвятить въ Кіевѣ нынѣшняго архимандрита Слуцкаго монастыря Виктора... и относительно должности его въ управленіи всѣми въ Польшѣ находящимися благочестивыми монастырями и церквами сдѣлать надлежація распоряженія“... На основаніи сего Высочайшаго приказа хиротонія архимандрита Виктора въ епископа совершена въ Кіево-Софійской каѳедральной церкви 9 іюня 1785 года, въ праздникъ Сочествія Святаго Духа, митрополитомъ Самуиломъ при соучастіи Иларіона, епископа Новгородсѣверскаго, и находившихся въ Кіевѣ на пребываніи преосвященныхъ Серафима, митрополита Лаведемонскаго, и Кирилла, епископа Сѣвскаго ¹⁾).

¹⁾ Арх. Кіевск. Консист. 1785 г. дѣло о хиротоніи архимандрита Виктора Садковскаго въ епископа.

На долю Виктора Садковского досталась паства, которая, по словамъ его¹⁾, такъ широко распространялась, какъ широка была Польша и какъ далеке отстоятъ Двина отъ Днѣстра и Днѣпръ отъ границы Силезіи. Но въ симъ словамъ считаемъ нужнымъ присовокупить, что въ сей весьма обширной епархіи архипастырская дѣятельность его поставлялась въ весьма затруднительное и стѣснительное положеніе 1) иезуитскими происками католическихъ и униатскихъ духовныхъ властей, которыя игнорировали всѣ королевскія привилегіи въ охрану православія, 2) инструкціями русскаго правительства и Святѣйшаго Синода, которыя не легко было выполнять, особенно на Украинѣ, жители которой привыкли съ мечемъ въ рукахъ, а не съ *христіанскимъ* незлобіемъ и кротостію защищать свою религію и права своей народности, и 3) самоволіемъ и корыстолюбіемъ нѣкоторыхъ православныхъ украинскихъ протопоповъ, которые, не имѣя среди себя въ теченіе 70-лѣтъ мѣстнаго архипастыря, а управляясь архипастырями заграничными, привыкли къ безначалію и произволу по отношенію къ подвѣдомственному ихъ духовенству.

Послѣ хиротоніи своей преосвященный Викторъ прожилъ въ Кіевѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, собирая въ архивахъ Кіевской и Переяславской Консistorій дѣла, касавшіяся его новоучрежденной епархіи и отсылая эти дѣла въ Слуцкъ. Наконецъ 24 Октября онъ и самъ оставилъ Кіевъ, но уѣхалъ не въ Слуцкъ, куда ему слѣдовало уѣхать для устройства своей консисторіи, а въ козацкую Украину, и притомъ—какъ лицо частное, такъ какъ на исполненіе архипастырскихъ обязанностей ему еще не выдана была королевская привилегія. Когда онъ отъѣхалъ 50 верстъ отъ Кіева и остановился въ мѣстечкѣ Фастовѣ (кіевской губерніи), здѣсь его встрѣтили иноки украинскихъ монастырей и пригласили посѣтить ихъ обители для хиротоніи въ санъ священства нѣкоторыхъ изъ своихъ братьевъ. Приглашеніе было принято, и новый архипастырь, странствуя по Украинѣ въ теченіе пяти недѣль, посѣтилъ мона-

¹⁾ См. письмо его къ митроп. Самуилу отъ 26 января 1786 г.

стыри: Терехтеміровскій, Корсунскій, Виноградскій, Жаботинскій, Онуфріевскій, Мотренинскій, Чигиринскій, оба Лебединскіе, и Богуславскій. Въ вѣждомъ изъ сихъ монастырей онъ совершалъ богослуженіе, рукополагалъ представляемыхъ ему кандидатовъ священства и давалъ свои наставленія священнослужителямъ церкви относительно надлежащаго исполненія ими своихъ пастырскихъ обязанностей и воспрещенія ихъ пасомымъ съ мечемъ въ рукахъ возстановлять свои религіозныя и гражданскія права.

Въ украинскихъ монастыряхъ преосвященный Викторъ нашель крайнюю бѣдность и слѣды разоренія, произведеннаго уніатскими офиціалами—Мокрицкимъ въ 1766, 1767 и 1768 г. и Примовичемъ въ 1778 и 1779 г. Не мало поражала его и встрѣча такъ называемыхъ бродяжныхъ монаховъ, которые самовольно переходили изъ монастыря въ монастырь, или жили лѣтомъ по лѣсамъ въ землянкахъ и на пасѣкахъ, а зимою селились по хуторамъ и селамъ среди мірянъ и не хотѣли признавать надъ собою никакой духовной власти. Относительно такихъ монаховъ архипастырь отдалъ строгій приказъ настоятелю Мотренинскаго монастыря архимандриту Иринарху и уполномочилъ его лишать ихъ иноческаго званія и обращать въ помѣщичьихъ крестьянъ, если они не захотятъ поселиться въ монастыряхъ и не стануть подчиняться монастырскимъ уставамъ. Тому же архимандриту поручено было преосвященнымъ Викторомъ и блюстительство за всѣми украинскими монастырями и протопоціями.

Изъ Мотренинскаго монастыря архипастырь, по просьбѣ Жаботинскаго протопопа Григорія Орловскаго, выѣхалъ въ мѣстечко Жаботинъ, гдѣ 28 Ноября освятилъ возобновленную къ тому времени Успенскую церковь. Предъ днемъ освященія сей церкви въ Жаботинъ (Кіев. губ.) съѣзжались всѣ священнослужители, входившіе въ составъ Жаботинской протопоціи, для принятій благословенія отъ своего новаго архипастыря и для соучастія съ нимъ въ богослуженіи ¹⁾.

¹⁾ Событіе это записано протопопомъ Орловскимъ на принадлежавшемъ ему служебникѣ.

Оставивши Жаботинъ, преосвященный 1 Девабря прибылъ въ мѣстечко Смѣлу кievской губерніи. Здѣсь встрѣтило его все духовенство Смѣлянской протопопіи и подало ему жалобу на противозаконныя дѣйствія своего протопопа Іоанна Радзимовскаго. Въ жалобѣ сей Радзимовскій обвинялся въ содѣйствіи уніатскимъ и польскимъ властямъ собирать съ православныхъ священнослужителей отмѣненные еще въ 1768 году налоги: *subsidium charitativum*—на содержаніе королевскаго двора, катедратикъ—на содержаніе уніатскаго митрополита Іасона Сморгоржевскаго и его Радомысльской консисторіи и презенты—въ пользу помѣщиковъ при вступленіи священниковъ на приходы. Жалоба священнослужителей доказана была фактически и потому резолюціею его преосвященства Радзимовскій изъ Смѣлянской протопопіи былъ перемѣщенъ въ Ольшанскую¹⁾. Въ то же время Смѣлянская протопопія была поручена протопопу Луѣ Романовскому, который съ 1780 года оставался безъ протопопіи, такъ какъ всѣ церкви принадлежавшей ему Чечельницкой протопопіи (Подол. губ.) отняты были у него и переданы уніатскому духовенству.

Оставляя Украину, преосвященный Викторъ 7-го декабря чрезъ Мотренинскаго архимандрита Иринарха передалъ всѣмъ православнымъ украинцамъ свое архипастырское приказаніе „свято и неизмѣнно сохранять благочестіе (т. е. православіе), не входить ни въ какія препирательства съ уніатскими и польскими властями и не давать никакого повода къ враждѣ и несогласію съ ними, а тѣмъ болѣе быть вѣрнопоподанными пресвѣтлѣйшаго польскаго короля и Посполитой Рѣчи“. Приказъ

¹⁾ Описывая свою визитацію въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, преосвященный Викторъ въ рапортѣ, посланномъ въ Св. Синодъ 29 января 1786 года, и въ письмѣ отъ того же января къ митрополиту Самуилу привелъ даже дошедшія до него слова жены о. Радзимовскаго, сказанныя ею въ отвѣтъ на просьбу одного священника о защитѣ его отъ экзекуторовъ, собиравшихъ съ духовенства отмѣненные еще въ 1768 г. налоги: „если священникамъ бѣда, то намъ хорошо; а если имъ хорошо, то намъ худо“. Такъ говорила Радзимовская, потому что мужъ ея, содѣйствуя сбору этихъ налоговъ, не забывалъ и себя. См. Архивъ Св. Синода дѣла 1785 г. № 456 и Кіев. Консист. за 1786 г. № 17.

архипастыря остался не безплоднымъ; съ конца 1785 года по 1789 годъ на Украинѣ утихли всякаго рода волненія.

14-го Декабря преосвященный Викторъ прибылъ въ свою резиденцію—Слудцкій Свято-Троицкій монастырь и здѣсь безвыѣздно прожилъ до іюня 1786 года, приводя въ надлежащее устройство свою вновь открытую консисторію. Такъ какъ назначенные имъ члены и чиновники консисторіи еще мало знакомы были съ дѣлопроизводствомъ, то ему самому весьма часто приходилось и составлять болѣе важныя бумаги, и приучать членовъ и чиновниковъ своей консисторіи къ канцелярскимъ работамъ. Трудъ этотъ оказался слишкомъ тяжелымъ для архипастыря, не пользовавшагося крѣпкимъ здоровьемъ и часто страдавшаго болѣзнію глазъ; вслѣдствіе чего онъ 29 апрѣля 1786 года за № 179 послалъ кіевскому митрополиту промеморію о присылкѣ изъ кіевской консисторіи опытнаго чиновника для занятія секретарской должности въ Слудцкой консисторіи. Преосвященный Самуилъ желалъ послать въ Слудцкъ помощника секретаря кіевской консисторіи Королева, весьма опытнаго по дѣлопроизводству. Но Королевъ, по семейнымъ обстоятельствамъ своимъ, отказался отъ поѣздки въ Слудцкъ; отказались отъ занятія секретарской должности въ Слудцкой консисторіи и опытки кіевской консисторіи. По причинѣ сего отказа преосвященный Викторъ, не смотря на глазную болѣзнь свою, вынужденъ былъ самъ и составлять болѣе важныя бумаги, и руководить своими малоопытными чиновниками.

Въ началѣ іюня онъ, не смотря на множество епархіальныхъ занятій своихъ, отправился въ Варшаву, куда настоятельно звалъ его русскій посланникъ за полученіемъ королевской привилегіи на исполненіе архипастырскихъ обязанностей въ предѣлахъ Польши. Въ Варшавѣ пришлось ему безъ всякихъ занятій промедлить до первыхъ чиселъ октября, такъ какъ только къ началу этого мѣсяца возвратился въ столицу Польши великій канцлеръ ея Хрептовичъ, выѣзжавшій на каникулярное время въ свои литовскія имѣнія на отдыхъ и взявшій съ собою упомянутую привилегію изъ опасенія, чтобы фанатическіе польскіе магнаты не передѣляли ее, согласно своему

желанію поставить православнаго епископа въ самое стѣснительное положеніе, при отправленіи своихъ обязанностей. Проживая въ Варшавѣ, Викторъ посѣщаль греческихъ колонистовъ и совершалъ богослуженіе какъ въ посольской церкви, такъ и въ домовыхъ церквахъ этихъ колонистовъ, находившихся въ Калишѣ, Люблинѣ, Познанскѣ, и Петроковѣ.

Королевская привилегія выдана была преосвященному Виктору 3 октября. Одновременно съ тѣмъ канцлеръ Хрептовичъ сдѣлалъ по всей Польшѣ публикаціи о выдачѣ ея, и съ тѣхъ поръ православныя обитатели Польши, по религіознымъ дѣламъ своимъ обращавшіеся къ заграничнымъ архіереямъ, теперь начали обращаться къ своему мѣстному епископу. Поблагодаривши короля за выданную привилегію, преосвященный Викторъ 7 октября выѣхалъ изъ Варшавы въ Слуцкъ и на пути въ свою резиденцію посѣтилъ Подлѣсскіе монастыри: Троицкій и Преображенскій въ Дрогичинѣ, Яблочинскій Свято-Онуфріевскій и Бѣльскій Свято-Николаевскій, въ которыхъ нашель крайнюю бѣдность и разореніе, произведенныя сосѣдними польскими помѣщиками, которые не считали грѣхомъ грабить схизматиковъ, т. е. православныхъ. Въ Слуцкѣ его ожидали кандидаты священства, въ значительномъ количествѣ пріѣхавшіе изъ разныхъ мѣстъ его обширной епархіи для принятія рукоположенія. Рукоположеніе ихъ онъ совершалъ до половины января 1787 года, т. е. до выѣзда своего въ Кіевъ, для представленія Императрицѣ Екатеринѣ II, которая къ концу сего мѣсяца имѣла прибыть въ столицу святаго равноапостольнаго князя Владиміра и прожить здѣсь до вскрытія Днѣпра, и затѣмъ отправиться по теченію его въ новороссійскій край и на Крымскій полуостровъ.

Многосложные труды преосвященнаго Виктора, по архипастырской дѣятельности, усложнялись съ одной стороны неблагоприятными дѣйствіями нѣкоторыхъ украинскихъ священниковъ, не хотѣвшихъ подчиняться распоряженіямъ мѣстныхъ православныхъ духовныхъ правленій и, для избѣжанія отвѣтственности, уклонявшихся въ унию и прибѣгавшихъ подъ защиту униатскихъ и польскихъ властей, а съ другой—самоволіемъ

бродяжныхъ монаховъ, которые, не смотря на строгій приказъ, данный имъ въ ноябрѣ 1785 года на имя Мотренинскаго архимандрита Иринарха Балановскаго, не захотѣли поселиться въ монастыряхъ и подчиняться монастырскимъ уставамъ. Для обузданія самоволія тѣхъ и другихъ архипастырѣ вынужденъ былъ обращаться къ содѣйствию украинскихъ помѣщиковъ, и это содѣйствіе было оказано ему, конечно, благодаря главнымъ образомъ обаятельному могуществу защитницы православія Императрицы Екатерины II, предъ которой, особенно во время трехмѣсячнаго пребыванія ея въ Кіевѣ (съ 29 января по 22 апрѣля 1787 года), не могли не преклоняться польскій король и его разнuzданные магнаты, поражавшіеся величіемъ русской Семирамиды. Случаеиъ этимъ благовременно воспользовался святитель Божій и, по мѣрѣ возможности, началъ возстановлять права православной церкви въ предѣлахъ своей епархіи.

20-го Октября 1786 года протопопъ Алексѣй Андреевскій, управлявшій Фастовскою и Корсунскою протопопіями, представилъ преосвященному Виктору рапортъ о неблаговидныхъ поступкахъ трехъ подвѣдомственныхъ ему священниковъ: Іоанна Павловскаго, Павла Бенѣцкаго, и Андрея Чернодубравскаго. Въ этомъ рапортѣ онъ такъ описалъ ихъ проступки: „священникъ Павловскій Іоаннъ, оставивши самовольно Хилковскій приходъ годъ тому назадъ, поселился въ селѣ Шендерѣвкѣ, отнялъ у брата своего іерея Игнатія его собственный домъ и церковь Покрова Пресвятой Богородицы, самоправно литургируетъ и требы преподаетъ и приказамъ духовнаго правленія поудержаться тамо священнослуженіемъ отнюдъ не хочетъ подчиняться, брата своего неоднократно билъ, съ прихожанами Шендерѣвскими обходится не мирно, регулы священнической не смотритъ, какъ долгъ велитъ, сумасбродствуя по ярмаркамъ ѣздитъ, бродягъ монаховъ въ домѣ своемъ держитъ, пьянствуя защищаетъ себя панскимъ дворомъ въ той силѣ, что презенту на Шендерѣвку уплатилъ двору панскому Корсунскому; а ежели въ чемъ ему Іоанну духовное правленіе Корсунское станеть препятствовать, то вдругъ онъ прибѣгаетъ подъ протекцію Шендерѣвскаго губернатора Севрука и уніатскаго дзѣвана

Корсунскаго Яна Авраменко,—къ чему и другихъ священниковъ поощряеть не слушаться протопопской власти. Другой Выграевскій іерей Павелъ Бенѣцкій вдовъ, двоедушествуеть, больше къ униі, нежели къ православію склоняется, чрезъ ежедневное пьянство домъ свой непорядочно ведетъ и дѣтей безъ призора содержитъ и власть духовную презираеть. Третій—Андрей Чернодубравскій, Свято-Михайловскій Сухинскій вдовъ и тѣмъ же страстямъ неводержимымъ приклоненъ, какъ и реченные іереи. А какъ съ таковыми презирателями имѣеть впредъ поступать духовное правленіе,—о томъ прошу наставленія Вашего преосвященства, а равно и защищенія отъ двора панскаго Корсунскаго и униатскаго дзѣкана“. Такъ какъ прописанные въ рапортѣ священники находились въ селахъ, принадлежавшихъ племяннику польскаго короля князю Станиславу Понятовскому, то архипастырь на рапортѣ о Андреевскаго написалъ такую резолюцію: „Протоіерею Андреевскому написать къ его сіятельству князю Станиславу Понятовскому просьбу отъ моего имени, чтобы онъ запретилъ, какъ дзѣкану, такъ и двору своему Корсунскому противодѣйствовать распоряженіямъ духовнаго правленія; если же поименованные попы не поудержатся отъ проступковъ, не свойственныхъ ихъ сану, то воспретить имъ священнослуженіе и удалить отъ приходоѡ до чистосердечнаго раскаянія“. Бенѣцкій и Чернодубравскій, послѣ подачи О. Андреевскимъ просьбы князю Понятовскому, смирились и раскаялись, а Павловскій продолжалъ свои противозаконныя дѣйствія; вслѣдствіе чего Корсунское духовное правленіе воспретило ему богослуженіе и лишило прихода, а церковныя ключи, отобравши, вручило ктитору церкви. Чтобы уничтожить распоряженіе Корсунскаго духовнаго правленія, Павловскій уклонился въ унию и за помощію Корсунскаго судіи Шалѣвскаго и комиссара Яворнѣцкаго съ губернаторомъ Севрукомъ и базиліанскимъ каневскимъ Опатомъ Фузѣнвичемъ гвалтомъ, противу желанія Шендерѣвскихъ обывателей, отнялъ ихъ церковь 2 декабря 1786 года и завладѣлъ ею. Донося архипастырю о такомъ противозаконномъ событіи, о. Андреевскій въ рапортѣ своемъ прописалъ, что „Шендерѣвскіе жители, будучи съ пред-

вовъ православные, перестали ходить въ церковь свою, онаго уніата съ требами не пускали въ дома свои, умирающихъ же сами стали хоронить и теперь просятъ слезно Ваше преосвященство употребить, по Вашему полномочію, средства о возвращеніи паки на православіе отнятой у нихъ церкви“.

По полученіи сего рапорта, Преосв. Викторъ, находясь въ Кіевѣ, послалъ кн. Понятовскому на польскомъ яз. слѣдующее письмо:

Сіятедьнѣйшій князь,
милостивый мой государь!

„Ко мнѣ поступилъ доносъ, что Иванъ Павловскій, священникъ хилковскій, противузаконно овладѣвшій шендерѣвскимъ благочестивымъ приходомъ и церковью, ведетъ себя распущенно, т. е. развлекается пьянствомъ, безъ нужды патаётся по ярмаркамъ, передерживаетъ въ своемъ домѣ бродягъ монаховъ и совершаетъ разные проступки, несвойственные священническому сану. Когда-же поставленные надъ нимъ духовныя власти хотятъ штрафовать его за таковыя дѣйствія, онъ тотчасъ прибѣгаетъ къ заступничеству губернатора Шендерѣвки Северука, уніатскаго дзѣкана Абраменко и каневскаго опата Фузѣневича, которые, принявъ его подъ свою защиту, мѣшаютъ унять его, кому это по праву слѣдуетъ. Такъ какъ таковое незаконное заступничество прямо противорѣчитъ не только трактату, заключенному въ 1768 году между Россією и Польшею, но и желанію вашей свѣтлости, чтобы духовенство въ подвластныхъ вамъ имѣніяхъ служило примѣромъ добродѣтелей, то я покорнѣйше прошу выше поименованнымъ губернатору, дзѣкану и опату строжайше приказать въ дѣла суда и расправы благочестиваго духовенства не вмѣшиваться и не препятствовать законному теченію сихъ дѣлъ, напротивъ, въ случаѣ надобности, оказывать потребную помощь. Въ надеждѣ, что просьба моя не останется безъ послѣдствій, честь имѣю оставаться съ должнымъ почтеніемъ и горячими молитвами вашей свѣтлости покорнѣйшимъ слугою

Викторъ Садковскій, коадьюторъ кіевской митрополіи“.

17 февраля 1787 г.

Кіевъ.

По полученіи прописаннаго письма, князь Понятовскій предписалъ губернатору своихъ имѣній Севруку безотлагательно возвратить православнымъ жителямъ Шендерѣвки отнятую у нихъ церковь, а уклонившагося въ унию священника Павловскаго удалить изъ Шендерѣвки,—что было немедленно исполнено и объ этомъ тотчасъ сообщено преосвященному Виктору. Послѣдній, благодаря князя за такое распоряженіе и 2 апрѣля того-же года увѣдомляя его о назначеніи на шендерѣвскій приходъ новаго православнаго священника, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Понятовскаго „предписать всѣмъ управляющимъ его имѣніями, чтобы они ловили бродяжныхъ монаховъ и, если монастыри не пріймутъ ихъ, то чтобы снимали съ нихъ монашескую одежду, брили имъ бороды, стригли имъ волосы и обращали въ хлопство. Не нужно при этомъ бояться какихъ либо непріятныхъ послѣдствій; я прошу объ этомъ, какъ пастырь, какъ обыватель страны, уже уполномоченный на исполненіе своихъ обязанностей привилегією пресвѣтлѣйшаго короля, милостивѣйшаго нашего государя. Нужно еще и то имѣть въ виду, что между бродячими монахами больше всего бываетъ иноземцевъ изъ Валахій и другихъ странъ; могутъ подъ иноческою одеждою скрываться гайдамаки, а этотъ сбродъ какъ можно строже нужно преслѣдовать“¹⁾).

Письма о возвращеніи православнымъ ихъ церквей, насильственно отнятыхъ и переданныхъ униатскимъ пошамъ и объ удаленіи послѣднихъ изъ православныхъ приходовъ, а равно объ обращеніи самовольныхъ бродячихъ монаховъ „въ хлопство“ преосвященный Викторъ въ началѣ того-же апрѣля послалъ и князьямъ Любомірскимъ, Яблоновскимъ и Чарторыйскимъ, и графамъ Браницкому и Потоцкому, которые тогда владѣли всею Украиною. Письма его имѣли свои добрыя послѣдствія, хотя и не на продолжительное время. Съ конца апрѣля 1787 года гоненія и насилія за православіе на Украинѣ начали утихать, притязанія униатскихъ официаловъ стали ослабѣвать, прекратились отяготительные сборы съ благочестивыхъ монастырей и

¹⁾ Архивъ Кіев. Консисторіи за 1787 годъ, № 4666 и 5362; Аптека 369.

церквей, а равно и православнаго духовенства; монастыри и церкви, отнятыя уніатами послѣ трактатовъ 1768 года, безъ всякихъ проволочекъ были возвращаемы православнымъ. Кромѣ того, на козацкой Украинѣ, въ нынѣшнихъ чигиринскомъ, черкасскомъ, каневскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ (кіев. губер.), начали сооружаться новыя храмы, а обветшавшіе возобновляться. Что-же касается церквей собственно уніатскихъ въ черкасскомъ и чигиринскомъ уѣздахъ, то эти церкви къ началу 1788 года стояли уже безъ прихожанъ, а священники этихъ церквей, упорно державшіеся уніи, пріютились около католическихъ костеловъ, настроенныхъ по украинскимъ мѣстечкамъ и городамъ около половины XVIII столѣтія ¹⁾).

Пріѣхавши изъ Слуцка въ Кіевъ нѣсколькими днями раньше Императрицы Екатерины II, преосвященный Викторъ, по случаю болѣзни митрополита Самуила, имѣлъ счастье встрѣчать ее въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 29 января и затѣмъ въ ея присутствіи, до выздоровленія кіевского архипастыря, неоднократно совершалъ богослуженіе то въ Софійскомъ соборѣ, то въ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ числѣ другихъ знатныхъ особъ Императрица, гостившая въ Кіевѣ около трехъ мѣсяцевъ, приглашала на свои парадныя обѣды и преосвященнаго Виктора. Она бесѣдовала съ нимъ объ угнетенномъ положеніи православной церкви въ предѣлахъ Посполитой Рѣчи и о заботливости своей о возстановленіи правъ своихъ единовѣрцевъ, подданныхъ Польши. Ея царственное вниманіе къ польскому православному архипастырю ободряло его многотрудную дѣятельность, благотворно влияло на поднятіе важности его служенія и давало знать, кому слѣдовало, что и онъ самъ, и паства его состоятъ подъ ся особеннымъ покровительствомъ и защитою.

Въ половинѣ апрѣля пущечною пальбою возвѣщено было о вскрытіи Днѣпра; въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ совершенно очистился отъ льдинъ, покрывавшихъ его свѣтлыя воды, и 22 числа многочисленныя толпы кіевлянъ покрыли высшіе днѣпровскіе берега, по случаю выѣзда Ея Императорскаго Ве-

¹⁾ Historia Smilanskego Paroĳalnego Kościelu na Ukrainie. Wilno, 1856 roku

личества изъ Кіева въ Екатеринославъ и въ предѣлы Крыма. Между свитою ея, размѣстившеюся на 80 богато украшенныхъ галерахъ, нашелъ мѣсто и преосвященный Викторъ и отправился въ польскій городъ Каневъ, въ которомъ долженъ былъ встрѣтить русскую Императрицу польскій король Станиславъ-Августъ со множествомъ своихъ магнатовъ. Послѣднимъ весьма желательно было, чтобы архипастырь, русскій подданный, въ присутствіи своей Императрицы принесъ присягу на вѣрность польскому королю и Посполитой Рѣчи. Но таковое желаніе ихъ, по распоряженію свѣтлѣйшаго князя Потемкина, осуществилось не въ Каневѣ, а въ мѣстечкѣ Тульчинѣ подольской губерніи. Выполнивши 7 мая, съ разрѣшенія своей Императрицы, требуемую отъ него присягу, преосвященный Викторъ, въ присутствіи русскаго и иностранныхъ пословъ, произнесъ предъ польскимъ королемъ на латинскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь: „благоволеніемъ твоего королевскаго величества я, епископъ греко-восточной вѣры, поставленъ охранителемъ сего исповѣданія въ Царствѣ Польскомъ, и нынѣ присягою обязалъ себя и свою совѣсть въ вѣрности и тебѣ, и православной церкви. Тебѣ, государь, безъизвѣстно, а мнѣ не мѣсто говорить о томъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится здѣсь вѣра наша послѣ недавно заключенныхъ трактатовъ, вѣра православная, вѣра древняя, какъ обыкновенно не только ты называешь ее, но и предшественники твои польскіе короли. На твой справедливый судъ отдаю, сколько это должно беспокоить всякаго, а въ особенности меня, епископа, охранителя православія. Счастливымъ себя почитаю и радуюсь, нисколько не сомнѣваясь, что ты будешь защищать меня, какъ вѣрнаго своего подданнаго, и церковь, во главѣ которой я поставленъ“. Затѣмъ, напомнивши королю, какъ неестественно правительству допускать гоненіе на своихъ подданныхъ за ихъ вѣру, заключилъ рѣчь свою благожеланіемъ королевскому величеству долгоденствія, здоровья, мирнаго царствованія и исполненія всѣхъ желаній, свойственныхъ благочестивому монарху ¹⁾).

¹⁾ Рѣчь эта напечатана на латинскомъ языкѣ въ Киев. Еп. Вѣд. 1861, стр 87 — 89. Тамъ-же напечатана и присяга преосвященнаго Виктора на польскомъ языкѣ.

Польскій король 8-го мая выѣхалъ изъ Тульчина черезъ Львовъ и Краковъ въ Варшаву, а преосвященный Викторъ въ Тульчинѣ прожилъ около недѣли, и къ нему являлись протопопы брацлавскаго воеводства: грановскій Іоаннъ Строцкій, кальницкій Григорій Лѣневичъ, брацлавскій Василій Мокрицкій, бершадскаго монастыря игуменъ Іаковъ и другіе православные священнослужители. Съ ними онъ велъ свои бесѣды о терпѣливомъ переносеніи обидъ отъ польскихъ и уніатскихъ властей, о мѣрахъ къ сохраненію православія и о надеждахъ своихъ на возстановленіе его.

Во второй половинѣ мая архипастырь возвратился въ Слуцкъ, но здѣсь оставался только до начала августа. Въ августѣ онъ опять предпринялъ свое апостольское странствованіе по Украинѣ, но въ этотъ разъ оно продолжалось болѣе года и довольно часто прерывалось то неустройствомъ и опасностію тогдашнихъ путей сообщенія, то болѣзнями, то беспорядками въ протопопскихъ духовныхъ правленіяхъ, то отступленіями православныхъ священнослужителей отъ церковной дисциплины. Остановливаясь въ каждомъ изъ украинскихъ православныхъ монастырей на довольно продолжительное время, онъ сзывалъ сюда сосѣднихъ священнослужителей, убѣждалъ ихъ тщательно исполнять свои пастырскія обязанности и впредь избѣгать замѣченныхъ имъ беспорядковъ и церковныхъ неустройствъ, а по преимуществу заботиться о сохраненіи православія среди украинскаго народа. Во всѣ воскресные и праздничные дни архипастырь торжественно совершалъ богослуженіе въ монастырскихъ, а иногда и въ сосѣднихъ приходскихъ храмахъ, и для участвованія въ архіерейскомъ богослуженіи въ значительномъ количествѣ стекались не только твердо державшіеся благочестія, но и уклонившіеся въ унію. Во время бесѣдъ своихъ съ послѣдними онъ убѣдился, что они только наружно держатся единенія съ римскимъ костѣломъ, а въ сердцахъ своихъ остаются глубоко православными и питаютъ твердую надежду, что русская Императрица весьма скоро возвратитъ ихъ родной край подъ власть Россіи, а ихъ самихъ въ лоно той святой церкви, къ которой и они и предки ихъ принадлежали. О такомъ ре-

лигіозномъ состояніи украинцевъ и надеждахъ ихъ преосвященный Викторъ рапортами своими доносилъ Святѣйшему Синоду, а Синодъ докладывалъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Политическія обстоятельства Россіи — ея войны съ Турціею и Швеціею, а главнымъ образомъ лукавыя интриги прусскаго короля Фридриха II были причиною, что исполненіе желаній и надеждъ украинцевъ Екатерина Великая должна была отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Годъ и два мѣсяца преосвященный Викторъ странствовалъ по своей весьма обширной епархіи и возвратился въ Слуцкъ только около половины сентября 1788 года. Между тѣмъ предъ возвращеніемъ его на свою кафедру надъ нимъ и надъ паствою его начала появляться грозная, страшная туча. Туча эта не замедлила разразиться, какъ только русскія войска, квартировавшія на Украинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ Посполитой Рѣчи, двинулись въ предѣлы Россіи и оставили безъ своей защиты обитателей Польши, какъ удержавшихъ православіе, такъ и желавшихъ оставить унію и воссоединиться съ православною церквю. О такомъ желаніи послѣднихъ весьма скоро узнали католическія и униатскія духовныя власти и, чтобы подавить оное, стали разглашать, что на Украинѣ замышляется страшный бунтъ противъ Посполитой Рѣчи и что главный виновникъ замышляемаго бунта — схизматическій архіерей Садковскій съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ, которое уже приготовило множество смертоноснаго оружія для истребленія поляковъ ¹⁾. Ни на чемъ не основанная молва, благодаря содѣйствію враговъ Россіи, польскихъ магнатовъ — молодаго Сапѣги, Потоцкаго, Браницкаго и другихъ, начала быстро распространяться среди обывателей Варшавы. Сподвижники барской конфедераціи сочли благовременнымъ напомнить имъ о варварствахъ гайдамакъ, объ уманской рѣзнѣ и объ ужасахъ коліивщины, которые померкнутъ предъ приближающеюся хлопскою рѣзней. А досужіе, изобрѣтательныя варшавскіе художники по-

¹⁾ См. №№ Варшав. газеты Czas съ 20—30 апр. 1789 г. Здѣсь пишется, что „дизунит. епископъ приказалъ своимъ попомъ привести хлоповъ къ присягѣ поголовно вырѣзать ляховъ на Украинѣ“.

спѣшили выдумать и выставить въ магазинахъ и на городскихъ площадяхъ даже модели вновь изобрѣтенныхъ украинцами кинжаловъ и ножей съ ужасными по виду крючками для вырѣзванія польскихъ внутренностей и съ зубцами для увеличенія мученій. Польскія женщины при одномъ взглядѣ на эти модели падали въ обморокъ и, съ неистовымъ воплемъ обращаясь къ мужчинамъ, требовали немедленно приступить къ поголовному истребленію зачинщиковъ бунта. Предъ неистовымъ воплемъ паней и паненокъ никакое здравомысліе мужчинъ не могло устоять.

Первыми жертвами польскаго раздраженія въ концѣ 1788 и началѣ 1789 года были русскіе подданные, которые по торговымъ и разнымъ промысловымъ занятіямъ своимъ жили въ Варшавѣ. Ихъ заподозрили въ солидарности съ мнимыми украинскими бунтовщиками, немедленно заключили въ темницы и во время допросовъ подвергли жестокимъ пыткамъ, а затѣмъ казнили, не смотря на то, что во время судопроизводства къ изобличенію ихъ не было представлено никакихъ уликъ. Когда жестокая казнь производилась за варшавскими рогатками надъ невинными русскими подданными, преосвященный Викторъ, будучи чистъ предъ Богомъ и своею архіерейскою совѣстію, спокойно отправлялъ свои архіерейскія обязанности. 18 апрѣля 1789 года съ нѣкоторыми духовными лицами онъ возвращался въ Слуцкъ изъ Грозовскаго монастыря, въ которомъ въ тотъ день совершалъ богослуженіе. На половинѣ дороги его окружили польскіе жолнѣры, заковали въ кандалы и подъ строгимъ карауломъ, какъ великаго государственнаго преступника, препроводили въ несвижскую крѣпость гродненской губерніи, а отсюда въ Варшаву 9 мая того-же года. Въ варшавской газетѣ *Czas* 27/15 мая прописаннаго года кратко описано прибытіе епископа Виктора въ Варшаву: „въ прошедшій понедѣльникъ (мая 21/а) къ вечеру слуцкій дизунитскій епископъ вмѣстѣ съ своимъ офиціаломъ и другими пятью лицами (членами своей консисторіи) приведенъ въ Варшаву подъ карауломъ жолнѣрами Посполитой Рѣчи, при многочисленномъ стеченіи народа по городскимъ улицамъ“. Игуменъ Гавріилъ, тогдашній капелланъ рус-

скаго посольства при королевскомъ дворѣ, съ греческими, жившими въ Варшавѣ, колонистами, со слезами на глазахъ встрѣчалъ преосвященнаго Виктора и провожалъ его до самой темницы, приготовленной для заключенія его въ подземельяхъ палаца графовъ Красинскихъ. Проживая въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ съ 2 декабря 1795 года по 16 марта слѣдующаго года, отецъ Гавріиль довольно часто разсказывалъ инокамъ сего монастыря объ этой печальной встрѣчѣ архипастыря узника и рассказы свои заключалъ слѣдующими словами: „Когда карательные жолнѣры отдѣлили преосвященнаго Виктора отъ его свиты, также закованной въ кандалы, то онъ осѣнилъ ее, а также меня и грековъ архіерейскимъ благословеніемъ, и мы пропѣли ему, какъ намъ думалось, послѣдній разъ: *Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτά*“. Но это печальное свиданіе русскаго капеллана съ Викторомъ не было послѣднимъ. При посредствѣ дукатовъ, которыми охотно снабжали отца Гавріила греческіе колонисты—Добрычи, Самохваловы и Дучинскіе, онъ изрѣдка проникалъ въ темницу для свиданія съ узникомъ и своими сердечными бесѣдами смягчалъ тяжкія злостраданія архипастыря, который несъ крестъ свой, какъ жертву для избавленія паствы своей отъ фанатическаго польскаго ига.

Считая Виктора страшнымъ государственнымъ преступникомъ, вождемъ всего западно-русскаго народа, приготовлявшагося вырѣзать всѣхъ поляковъ, жившихъ въ западной Россіи, Посполитая Рѣчь строго воспретила допускать къ нему для свиданія кого бы то ни было изъ его пасомыхъ и немедля учредила особую судную комиссію для производства надъ нимъ суда. Члены сей комиссіи весьма часто подвергали святителя самымъ продолжительнымъ допросамъ и при допросахъ нерѣдко угрожали ему пытками и смертною казнію. Одновременно съ арестованіемъ его польскіе чиновники (сыщики) произвели самый тщательный обыскъ въ слуцкой консисторіи и во всѣхъ подвѣдомственныхъ ей монастыряхъ, протопопскихъ правленіяхъ, церквахъ и даже въ гробахъ православныхъ покойниковъ, съ цѣлію найти тамъ приготовленное будто-бы оружіе для истребленія поляковъ и переписку по дѣламъ задуманнаго

бунта ¹⁾. Конечно, нигдѣ не было найдено никакихъ уликъ противъ ложно обвиненнаго святителя, такъ какъ онѣ существовали только въ одномъ воображеніи фантастическихъ польскихъ магнатовъ, произведенномъ нагло распущенною униатскими и католическими духовными властями—молвою, которая имѣла въ виду окончательно подавить православіе въ предѣлахъ Польши. Впрочемъ, не смотря на это, преосвященный Викторъ не только не былъ освобожденъ изъ варшавской тюрьмы, но въ маѣ 1790 года переведенъ былъ для болѣе строгаго заключенія въ ченстоховскую тюрьму, которая отъ Варшавы находилась на разстояніи 260 верстъ. Сострадательный капелланъ русскаго посольства отецъ Гавріиль, не смотря на дальнее разстояніе, нѣсколько разъ пріѣзжалъ и въ Ченстоховъ съ святыми дарами, которыми пріобщался святитель-узникъ. И греческіе колонисты, весьма любившіе Виктора, пріѣзжая по торговымъ дѣламъ своимъ въ Ченстоховъ, если не могли при посредствѣ дукаатовъ проникнуть въ тамошнюю тюрьму, то всякій разъ передавали тюремному смотрителю и деньги, и разнаго рода продукты для улучшенія весьма скудной пищи, отпускаящейся архипастырю.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія преосвященнаго Виктора въ тюрьму, польское правительство, для управленія православными монастырями и церквами, учредило двѣ временныхъ консисторіи, — одну въ мѣстечкѣ Богуславѣ (кіевской губерніи), а другую въ городѣ Пинскѣ на Полѣсьѣ. Первая изъ нихъ называлась брацлавско-житомірскою греко-оріентальною и подъ предсѣдательствомъ мотренинскаго архимандрита Иринарха Балановскаго управляла всѣми православными монастырями и церквами на Украинѣ. Что-же касается пинской, то она во главѣ бѣльскаго игумена Саввы Пальмовскаго управляла монастырями и церквами, расположенными близъ Варшавы, на Полѣсьѣ и въ Литвѣ. Той и другой консисторіямъ воспрещено было сноситься не только съ своимъ архіереемъ-узникомъ, но и съ кіевскимъ митрополитомъ, даже по дѣламъ рукоположенія кандидатовъ на священническія вакансіи. Въ основаніи этого

¹⁾ Арх. Св. Синода, дѣло 1789 г., № 112.

запрещенія лежало лукавое іезуитское предположеніе, что, когда въ предѣлахъ Польши поумирають всё благочестивые (православные) священники, то православные міряне вынуждены будутъ *volens nolens* принять унію или католицизмъ.

Въ апрѣлѣ 1790 года польскій сеймъ предложилъ свой гнѣвъ по отношенію къ православнымъ обитателямъ Польши на милость. Къ этому времени сеймовая комиссія, назначенная для изслѣдованія дѣла о бунтахъ, окончила трудъ свой, и послѣдніе дни марта 1790 года употреблены были сеймомъ на чтеніе и обсужденіе донесенія этой комиссіи. Комиссія и сеймовые ораторы пришли къ убѣжденію, что Викторъ виновенъ въ замышлявшемся бунтѣ и требовали суда надъ нимъ. Судъ этотъ былъ назначенъ; поляки вздохнули свободно, и 13 апрѣля сеймовые маршалы универсаломъ пригласили всѣхъ жителей Польши принести Богу благодареніе за избавленіе Польши отъ угрожавшаго ей бѣдствія — бунта крестьянъ. При этомъ маршалы объявили, что король и чины сейма признають права иновѣрцевъ и желаютъ окончательно разъ навсегда устроить духовныя дѣла ихъ ¹⁾. Другимъ универсаломъ, послѣдовавшимъ 9 октября 1790 года, тѣ-же маршалы объявили, что они, по опредѣленію сейма, назначаютъ особую комиссію, которая должна собраться 1 декабря 1790 года и, по ношеніи съ лицами изъ диссидентскихъ исповѣданій и по полученіи отъ нихъ заявленій о желательныхъ ими перемѣнахъ и улучшеніяхъ по религіознымъ дѣламъ, составить проэктъ духовныхъ преобразованій и чрезъ три мѣсяца представить его на утвержденіе короля и сейма ²⁾. Проэктъ этотъ безъ замедленія былъ изготовленъ и разосланъ, кому слѣдовало, по областямъ ³⁾. Наскоро были собраны представители православія изъ Полѣсья, Пинска и Вильны ⁴⁾ и, рассмотрѣвъ этотъ проэктъ вмѣстѣ съ членами сеймовой комиссіи, представили сейму 2 марта 1791 года просьбу дать ходъ сему дѣлу и созвать православную конгрегацію для рассмотрѣнія этого про-

¹⁾ *Relacya deputacyi do examenowania sprawy o buntu oskarzonych.*

²⁾ Архив. Сборникъ, т. 5, стр. 215—217.

³⁾ Тамъ-же, стр. 248—249.

⁴⁾ Архив. Уніат. Митрополитовъ, связка 441.

экта и установленія духовнаго управленія по дѣламъ западно-русской церкви 1). Маршаламъ поручено было созвать конгрегацию въ Пинскѣ 2), а представитель православныхъ бѣльскій игумень Савва Пальмовскій отъ 31 марта 1791 года пригласилъ всѣхъ исповѣдниковъ благочестія принести Богу благодарственное молебствіе за короля и чиновъ Посполитой Рѣчи, дающихъ имъ права, и выслать изъ своей среды уполномоченныхъ въ Пинскъ на генеральную конгрегацию къ 15 іюня 3).

На конгрегацию явились уполномоченные отъ православныхъ монастырей, протопопій, благочиній, городовъ и братствъ. Въ числѣ ихъ было 24 монашествующихъ, 20 изъ бѣлаго духовенства и 30 изъ мѣщанъ и дворянъ. Къ конгрегациі примкнули и иновѣрцы: представители короля и сейма, члены, составлявшіе проектъ конгрегациі; явились также и латинскіе ксендзы съ уніатскими попами во главѣ пинскаго бискупа Горбацкаго и его викарія Булгака. Во время публичнаго засѣданія, состоявшагося 1 іюля, были прочитаны и единогласно приняты положенія новаго устройства православной церкви въ предѣлахъ Польши. Сущность сихъ положеній заключалась въ слѣдующемъ: 1) объявлялась національная церковь въ Польшѣ, зависимая по духовнымъ дѣламъ отъ константинопольскаго патріарха, но не имѣющая права, даже по духовнымъ дѣламъ, сноситься съ какою либо другою церковію. Высшая іерархія этой церкви должна была состоять изъ архіепископа и трехъ епископовъ, которые будутъ управлять, кромѣ консисторіи, посредствомъ національнаго собора, собирающагося при архіепископѣ, и посредствомъ конгрегаций при епископахъ. 2) До приведенія этого въ исполненіе, временно учрежденныя консисторіи, пинская и богуславская, будутъ управлять всѣми православными въ королевствѣ польскомъ, на Литвѣ и на Украинѣ 4). Но объявляя свободу церковнаго православнаго управленія въ Польшѣ, пинская конгрегациа въ то-же время ограничивала общеніе западно-русской церкви съ

1) Исторія паденія Польши Соловьева, стр. 247.

2) Архив. Сборникъ, т. 5, стр. 250.

3) Кіев. Енарх. Вѣд. 1861 г., ч. неофициалъ, стр. 379—383.

4) Акты пинской конгрегациі—Архив. Уніат. Митроп. № 124.

восточно-русскою и этимъ ограниченіемъ имѣла въ виду лишить православныхъ исповѣдниковъ, подданныхъ Польши, той защиты, которую они всегда находили въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Россійскомъ Синодѣ и русскихъ государяхъ. Православные члены пинской конгрегаціи не считали нужнымъ протестовать противъ этого ограниченія, такъ какъ имъ достовѣрно было извѣстно, что Россія блистательно оканчиваетъ войну съ Турціею и, послѣ заключенія съ нею мира ¹⁾, приступить къ немедленной расплатѣ съ Польшею за всѣ ея неправды по отношенію къ православнымъ своимъ подданнымъ. Проекту, принятому православными депутатами на пинской конгрегаціи, не суждено было осуществиться, такъ какъ съ половины 1792 года и Слуцкъ со своею минскою областію, и Украина, и Волинь фактически уже были русскими областями, и распоряженіе о раздѣленіи ихъ на губерніи сдѣлано 8 декабря 1792 года.

На пинскую конгрегацію православные депутаты представили на польскомъ языкѣ составленную ими въ началѣ 1791 года „общую вѣдомость о дѣйствительномъ состояніи греко-уніатовъ, осѣдлыхъ въ областяхъ Польши, съ показаніемъ числа монастырей, протопопій, церквей и капищъ, монаховъ и приходскихъ священниковъ и всѣхъ жителей того-же исповѣданія“. Какъ весьма цѣнный историческій документъ, показывающій, до какого минимума доведено было православіе въ предѣлахъ Польши къ 1791 году, считаю необходимымъ списать эту вѣдомость въ переводѣ на русскій языкъ, помѣщенномъ въ № 11 Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1891 годъ.

¹⁾ Миръ съ Турціею подписанъ былъ въ Яссахъ 29 декабря 1791 года.

ОБЩАЯ ВЪДОМОСТЬ

О дѣйствительномъ состояніи греко-католическаго, осѣдлыхъ въ областяхъ Подлиш, съ показаніемъ числа монашескаго, протопопій, церквей и каплицъ, монаховъ и приходскихъ священниковъ и всѣхъ жителей того же исповѣданія, представленнаго 1791 года уполномоченными греко-католическаго исповѣданія гг. комиссарами, назначенными отъ Рѣчи Посполитой, на генеральную конгрегацію въ г. Пинскѣ.

№ по порядку.	Монастыри мужские и женские.	Начальники.	Монахи.	Монахини.	Церковная прислуга.	Прихожанъ.		Протопопій и ихъ названій.	Протопопы.	Число приход.	Церкви и каплицы.	Священники.	Прислуга церк.	Народонаселеніе протопопій.		Общее число народонасел.	
						Муж. п.	Женск. п.							Муж. п.	Женск. п.		
1	Могилевскій Свято-Троицкій	1	15	—	6	—	—	1	Смѣлянская	113	113	147	226	44010	41383		
2	Лобедявскій Св.-Георгиевск. Душаново-Жаботинскій Св.-Иуфрѣвскій	1	22	—	39	1006	1095	1	Чигиринская	47	47	46	94	10914	10165		
3	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	18	—	6	—	—	3	Черкасская	46	46	46	92	14985	14380		
4	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	20	—	6	—	—	1	Мошенская	16	16	7	32	4161	4100		
5	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	13	—	16	—	—	7	Корчунская	7	7	12	14	3426	3409		
6	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	8	—	2	163	163	8	Богуславская	8	8	8	13	16	2971	2884	
7	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	13	—	1	—	—	13	Ражинская	13	13	3	26	—	—		
8	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	8	—	—	—	—	3	Чечельницкая	3	3	2	6	—	—		
9	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	8	—	4	433	304	9	Ирихоль Оржанскъ Ражинскій	1	1	1	2	509	502		
10	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	8	—	4	433	304	10	Уманская въ м. Торговицѣ	1	1	1	2	—	—		
11	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	1	—	4	59	57	11	Въ г. Дробинѣ греческая	—	—	1	1	47	27		
12	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	2	—	—	20	44	12	Въ г. Каширѣ	—	—	1	1	37	20		
13	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	—	—	—	—	—	13	Въ г. Позанскѣ	—	—	1	1	58	20		
13	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	—	—	—	—	—	14	Въ г. Петровѣ	—	—	1	1	51	23		
13	Мошенскій Св.-Вознесенск. Мельковскій Св.-Николаев. Виноградскій Св.-Успенск. Корчунскій Св.-Онуфрѣвск. Богуславскій Св.-Николаев. Ражинскій Св.-Преображ. Ражинскій Св.-Преображ. Балыго-Подласкій Свято-Николаевскій	1	—	—	—	—	—	15	Въ г. Варшавѣ	—	—	—	—	37	13		
	Итого	13	132	132	113	802	1104		Итого	7	254	259	287	510	81214	76926	162024

Подлинную вѣдомость подписали:

Монастыря Мотренинскаго старшій архимандритъ Ирнархъ Балавовскій.

Данилъ Наттокъ-Михайловскій, игумень и уполномоченный лебединскаго Свято-Георгіевскаго монастыря.

Мелхиседекъ Шаховской, игумень и уполномоченный жаботинскаго Онуфріевскаго.

Того-же монастыря монахъ Германъ Савчинскій, повѣренный отъ монахинь чигиринскаго монастыря.

Монастыря мошенскаго игумень и уполномоченный Лазарь Крыловскій

Монастыря корсунскаго игумень и уполномоченный Самуилъ Свидерскій.

Монастыря богуславскаго игумень и уполномоченный Аркадій Закржевскій.

Игумень Давидъ Евтушевскій, уполномоченный монастырей смѣлянскаго, виноградскаго и женскаго лебединскаго Свято-Николаевскаго.

Монастыря медведовскаго уполномоченный іеромонахъ Иларіонъ.

Монастыря ржищевскаго уполномоченный іеромонахъ Варлаамъ Яновскій.

Діонисій Стефановичъ, игумень и уполномоченный монастырей дрогиченскихъ.

Лука Романовскій, протоіерей, уполномоченный смѣлянскою, чечельницкою и рашковскою протопопій.

Смѣлянскою протопопіи уполномоченный Петръ Волчковскій.

Димитрій Кривицкій, протопопъ и уполномоченный чигиринскій.

Іоаннъ Крупа, каневскій протопопъ, уполномоченный отъ деканатовъ богуславскаго, корсунскаго и мошенскаго.

Θеодоръ Бегулинскій, протопопъ черкасскій и уполномоченный черкасскою протопопіи.

Той-же протопопіи намѣстникъ и уполномоченный Онисимъ Видовъ.

Іоаннъ Радзимовскій, протопопъ церкви Св. Николаевской ольшанской, уполномоченный.

Никифоръ Исаевичъ, іерей, уполномоченный протопопин чигиринской.

Николай Дидани, всадникъ (Aeques) венгерскаго королевства и делегатъ отъ варшавскаго греческаго общества.

Амвросій Францовичъ Дучинскій, уполномоченный отъ греко-восточнаго неуніатскаго общества въ посадѣ его королевскаго величества Піотроковѣ.

Анастасій Грабовскій, уполномоченный отъ греко-восточнаго общества въ г. Калишѣ.

Анастасій Маховскій неуніатъ, уполномоченный греческаго прихода въ г. Люблинѣ.

Послѣ блистательной побѣды, одержанной Россіею надъ Турціею, и заключенія мира въ Яссахъ 29 декабря 1791 года, русскія войска въ началѣ 1792 года изъ предѣловъ Турціи двинулись на Украину и здѣсь расположились въ нынѣшнихъ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской. Второй раздѣлъ Рѣчи Посполитой приближался. Въ это время польскій король и польскіе магнаты, видя, что участь Посполитой Рѣчи въ рукахъ русской императрицы, стали уступать требованіямъ тогдашняго русскаго посла Булгакова. По настоятельному ходатайству его, король и члены его Постояннаго Совѣта 19 іюля 1792 года сдѣлали распоряженіе освободить преосвященнаго Виктора изъ его томительнаго, болѣе чѣмъ трехлѣтняго, заключенія, и въ тотъ же день отправили свое распоряженіе къ коменданту ченстоховской тюрьмы, съ представленіемъ немедля исполнить оное. Чиновникъ русскаго посольства Юзефовичъ и капелланъ о. Гавриилъ съ нѣкоторыми греческими купцами поспѣшили въ Ченстоховъ и прибыли туда ночью наканунѣ 22 іюля. Въ этотъ день Викторъ, измученный физически и нравственно, по прочтеніи правительственнаго распоряженія о дарованіи ему свободы, на рукахъ ихъ былъ вынесенъ изъ темницы. Когда солнечный свѣтъ и свѣжій воздухъ коснулись его, окружавшимъ

казалось, что онъ начинаетъ засыпать вѣчнымъ сномъ ¹⁾. Но Богъ черезъ добрыхъ людей сохранилъ жизнь страдальца за православіе и продлилъ ее еще на одиннадцать лѣтъ. Викторъ прибылъ въ Варшаву 25 іюля и нашелъ пріютъ въ домѣ русскаго посольства, въ квартирѣ игумена Гавріила. Онъ былъ до того слабъ, что едва могъ съ помощію другихъ передвигаться съ мѣста на мѣсто. Благодаря сердечной заботливости членовъ посольства, здоровье его мало по малу начало возстановляться. Въ рапортѣ, поданномъ 4 августа въ св. Синодъ, онъ спрашивалъ у Синода: „какъ мнѣ и гдѣ оставаться, и входитъ ли мнѣ въ отправленіе епархіальныхъ мѣстъ, или нѣтъ?“ ²⁾. Съ такимъ вопросомъ обращался онъ, вспомнивши, вѣроятно, при этомъ многія изъ своихъ распоряженій, вызывавшихъ естественно на этотъ вопросъ, и прежде всего вспомнившій свою окружную грамоту изъ Несвижской крѣпости, въ которой приказывалъ всѣмъ духовнымъ и мірянамъ своей паствы — быть вѣрными не кому другому, а Рѣчи Посполитой и ея панамъ, и предавалъ проклятію всякаго, кто бы изъ духовенства осмѣлился приводить народъ къ присягѣ на подданство русской императрицѣ и поминать ее въ церквахъ, во время совершенія богослуженія ³⁾. Впрочемъ были и другія причины вызывавшія въ немъ прописанное недоумѣніе. Его и теперь преслѣдовало разнаго рода неустройство его дѣлъ. Его консисторія не существовала; его бумаги и вѣдомости были въ рукахъ поляковъ; онъ былъ безъ средствъ ⁴⁾.

Получивши на свой рапортъ отвѣтъ Св. Синода, Викторъ 5 марта 1793 года оставилъ Варшаву и въ Слуцкѣ прибылъ 20 марта. Его обширная епархія съ 13 апрѣля стала называться Мннской и поручалась по прежнему ему, а онъ самъ возведенъ

¹⁾ Обстоятельство это со словъ игумена Гавріила записано протоіереемъ Кіевскаго кафедральнаго Собора Левандою, который былъ сотоварищемъ по академіи и Викторъ, и Гавріила. Смот. біографію Леванды, напечат. въ Кіевѣ 1879. стр. 239—240.

²⁾ Арх. Св. Синода за 1789 г. № 112.

³⁾ Апиеха, стр. 426—431.

⁴⁾ Арх. Св. Синод. дѣло 1789 г. л. 177—217.

былъ въ санъ архіепископа¹⁾. Такъ какъ въ это время и онъ самъ, и его пасомые *de facto* находились во владѣніи не польскаго, а русскаго государства, то его прежняя боязливость и нерѣшительность въ распоряженіяхъ совершенно исчезли, онъ заговорилъ, какъ настоящій русскій человѣкъ и вѣрный пастырь. Во второй половинѣ 1793 г. и въ началѣ 1794 г. Викторъ рапортами своими доносилъ Св. Синоду о желаніи униатовъ, проживавшихъ въ его епархіи, воссоединиться съ православною церковью и просилъ у Синода исходатайствовать ему высочайшее разрѣшеніе осуществить это святое желаніе. 22 апрѣля 1794 года оберъ-прокуроръ св. Синода объявилъ Синоду слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Ея Императорское Величество, увѣдомився, что жители губерній Брацлавской, Изяславской и Минской, которыхъ предки, а иные и сами, исповѣдывали православную греческую восточную вѣру, но потомъ лестию и притѣсненіемъ, во время польскаго владѣнія, обращены были на унию съ римлянами, изъявляютъ нынѣ усердное ихъ желаніе возвратиться къ истинной ихъ матери церкви благочестивой, Высочайше повелѣтъ изволила опредѣленному въ тѣхъ губерніяхъ на должность генераль-губернатора Тутолмину въ исполненіе такого святаго намѣренія вѣрныхъ ея подданныхъ преподавать, въ чемъ надлежитъ, отъ свѣтскаго начальства защиту и пособіе; а Св. Синоду предоставляетъ поручить преосвященному архіепископу Минскому, Изяславскому и Брацлавскому, чтобы онъ обнародовалъ свою пастырскую грамоту, вызывая обитающихъ въ епархіи его къ возвращенію въ благочестіе...“. По полученіи увѣдомленія о такомъ порученіи, Викторъ разослалъ свою грамоту, въ числѣ двухъ тысячъ экземпляровъ, по всѣмъ городамъ и селамъ своей епархіи. Въ этой грамотѣ онъ писалъ: „исполняя долгъ пастыря... приглашаемъ мы гласомъ евангельскимъ всѣхъ и cadaго пола и возраста, въ паствѣ нашей обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы или и сами они лестию и страхомъ отъ благочестія совращены въ унию съ латинами, возвратиться безбоязненно въ объятія православной церкви...

¹⁾ Собр. закон. № 17300.

Возникните чада церкви, насладитесь свободно православнаго исповѣданія. Имъ воодушевлены были предки ваши и сами изъ васъ многіе. Гоненіе исчезло, престали обуреванія. Прибѣгните во объятія церкви матери вашей, да насладитесь тишины совѣми, да шествуете путемъ истины, ведущимъ васъ къ состоянію благодати и славы, и да исполняетъ каждый изъ васъ, при исповѣданіи истинъ православной вѣры, обязательства вѣрности къ государю и государству его, тщательно проходя званіе свое¹⁾.

Грамота сія имѣла самыя благотворныя послѣдствія особенно на Украинѣ. Вслѣдъ за обнаруженіемъ ея къ архипастырю немедленно поступили просьбы отъ всѣхъ крестьянъ, насильственно приклонившихся въ унию, о воссоединеніи ихъ съ православною церковью. Но чтобы желанію ихъ не дерзнули противодѣйствовать польскіе помѣщики и чиновники, а также латинскія и униатскія духовныя власти, тѣмъ и другимъ генералъ-губернаторъ Тутолминъ, на основаніи Высочайшаго рескрипта, объявилъ, что всякое противодѣйствіе воссоединенію униатовъ будетъ „принято за уголовное преступленіе, суду подлежащее и влекущее секвестръ имѣнія“²⁾.

Для болѣе успѣшнаго воссоединенія униатовъ, Викторъ въ маѣ 1794 года избралъ самыхъ способныхъ и благонадежныхъ изъ ревнителѣй православія украинскихъ игуменовъ, протоіереевъ и іереевъ³⁾ и, не смотря на слабость своего зрѣнія и частые недуги, самъ составилъ отдѣльную инструкцію для апостольской дѣятельности каждаго изъ нихъ. Въ этихъ инструкціяхъ, подписанныхъ его преосвященствомъ 30 іюня 1794 года, съ приложеніемъ красной сургучной печати, и вслѣдъ за тѣмъ разосланныхъ, указывались и сношенія избранныхъ лицъ съ гражданскими властями, и районъ для дѣятельности ихъ, и порядокъ воссоединенія униатовъ, какъ мірянъ, такъ и священниковъ, и образованіе приходовъ, и преобразование униатскихъ церквей въ православныя, и снабженіе ихъ святыми антиминсами, св. мѣ-

1) Арх. Св. Синод. за 1794 г. № 261 л. 1.

2) Тамъ же л. 30.

3) Списокъ ихъ напечатанъ въ Кіев. Епарх. Вѣд. № 11 1892 г.

ромъ и богослужебными книгами, и правила при опредѣленіи къ нимъ священниковъ, какъ вызванныхъ изъ пяти ближайшихъ русскихъ губерній, такъ и мѣстныхъ, возсоединившихся съ православною церковью и остававшихся безъ приходовъ за приклоненіемъ ихъ прихожанъ на унию¹⁾.

Священнослужители, избранные для возсоединенія униатовъ на Украинѣ, съѣхались предъ 18 августа въ Лебединскомъ Свято-Георгіевскомъ монастырѣ²⁾. Послѣ совѣщанія относительно мѣръ для успѣшнѣйшаго выполненія возложенной на нихъ миссіи, каждый изъ нихъ отправился въ указанное ему мѣсто. Миссія ихъ, съ помощію Божіею, такъ успѣшно совершалась, что предъ 20 числомъ октября кіевскій митрополитъ Самуилъ выслалъ изъ Кіева для возсоединенныхъ церквей, чрезъ корсунскаго игумена Самуила, св. антиминовъ 1617 и заготовилъ 1000³⁾. Въ генварѣ 1795 г. отцы миссіонеры почти окончили порученное имъ дѣло и возвратились на свои мѣста.

Ходъ возсоединенія униатовъ довольно подробно описанъ въ № 10 Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1891 годъ. Здѣсь на стр. 211 и 212 показано, что, по отношенію къ св. Синоду преосвященнаго Виктора отъ 28 февраля 1795 года, присоединено къ православію 2328 церквей, священниковъ 575, прихожанъ мужскаго пола 505257, женскаго пола 494962, да нераздѣльно обоего пола 9071; а всего 1009290 и кромѣ того 3 мужескихъ монастырей и 2 женскихъ. Уніаты, не пожелавшіе принять православіе до февраля 1795 года, вошли въ лоно православной церкви въ послѣдующее за тѣмъ время.

Уніатскіе священники, принявшіе православіе, прежде опредѣленія на приходы обязательно представляли документы

¹⁾ Въ Архивѣ Кіев. Консисторіи за 1795 годъ въ дѣлахъ подъ №№ 22 и 33 находятся двѣ инструкціи, одна на имя протопопа Іоанна Круны, а другая на имя протопопа Левандовскаго.

²⁾ Онъ находился въ 200 верстахъ отъ Кіева; 1843 года послѣдовало упраздненіе его.

³⁾ Архив. Кіев. Консисторіи за 1794 годъ; см. копію репорта митрополита Самуила въ св. Синодъ отъ 20 октября 1794 г. и дѣло о заготовленіи и отсылкѣ св. антиминовъ мнискому архіепископу Виктору.

о дѣйствительности своего рукоположенія, приучались къ отправленію богослуженія по уставу православной церкви и затѣмъ отъ игуменовъ и протоіереевъ, завѣдывавшихъ дѣломъ воссоединенія, получали приказы о вступленіи въ должность приходскихъ священниковъ. Причемъ, по распоряженію архіепископа Виктора, требовалась отъ нихъ подписка, во первыхъ, о немедленномъ устройствѣ въ бывшихъ уніатскихъ храмахъ иконостасовъ, царскихъ вратъ, престоловъ и всего внутренняго порядка по чиноположенію греко-восточной церкви, и во вторыхъ—о личной явкѣ къ преосвященному для полученія таеъ называемой усыновительной грамоты¹⁾. Къ прискорбію нельзя пропустить при этомъ факта, что между православными протопопами, коимъ поручено было воссоединіе, нашлись корыстолюбцы, которые отъ воссоединенныхъ священниковъ, при опредѣленіи ихъ на мѣста, требовали платы²⁾. Преосвященный Викторъ, узнавши объ этомъ, предписалъ главному сотруднику своему архимандриту Варламу Шишацкому³⁾ преслѣдовать и карать таковыхъ корыстолюбцевъ.

Предъ началомъ воссоединенія уніатовъ, жившихъ на Украинѣ, въ Польшѣ и на Литвѣ возникла страшная революція, которую организовалъ мятежникъ Грабовскій. Въ Варшавѣ, Вильнѣ, Минскѣ и другихъ городахъ поляками избито было не малое число русскихъ⁴⁾. Самому Виктору угрожала опасность попасть въ руки революціонеровъ, когда они появились въ минской губерніи. Спасая жизнь свою, онъ 20 ноября 1794 года съ консисторіею своею и ея архивомъ поспѣшилъ изъ Слуцка въ Бобруйскую крѣпость, но на пути едва не попался въ руки самого Грабовскаго. При поспѣшномъ переѣздѣ

¹⁾ Арх. Кіев. Конспстор. 1795 г. дѣло № 10, 30, 33, 44, 49, 50 и 51.

²⁾ Тамъ же дѣло № 10.

³⁾ Онъ былъ хиротонисанъ въ санъ житомир. епископа въ Кіевѣ 3 мая 1795 г. Арх. Св. Синода д. 1795 г. № 35 л. II. Бывши могилевскимъ архіепископомъ, онъ 14 іюля 1812 г., когда французы овладѣли Могилевою, прпнесъ присягу Наполеону и за то, по опредѣленію св. Синода, лишень архіерейства и въ званіи монаха скончался въ сентябрѣ 1823 г.

⁴⁾ Арх. Св. Синода д. 1795 года № 45 л. 601.

въ Бобруйскъ, онъ сильно простудился и на смертномъ одрѣ пролежалъ до половины генваря 1795 года ¹⁾.

3 марта преосвященный Викторъ донесъ Святѣйшему Синоду о намѣреніи своемъ отправиться въ изяславскую и брацлавскую губерніи, для визитаціи своей тамошней паствы, которая съ конца августа 1794 года значительно увеличилась по числу церквей и прихожанъ ²⁾. Изъ Слуцка на Украину онъ прибылъ 20 марта, и здѣсь апостольское странствованіе его продолжалось шесть мѣсяцевъ.

Остановливаясь на болѣе продолжительное время въ украинскихъ городахъ и мѣстечкахъ Фастовѣ, Житомирѣ, Винницѣ, Брацлавѣ, Грановѣ, Смѣлой, Богуславѣ и Звенигородкѣ и въ монастыряхъ ³⁾, о которыхъ мы упоминали, Викторъ довольно часто совершалъ богослуженіе, къ которому изъ сосѣднихъ мѣстъ въ большомъ количествѣ собирались священники съ своими прихожанами. Къ архипастырю обязательно являлись всѣ воссоединенные священники съ документами о дѣйствительности своего рукоположенія, совершали въ его присутствіи богослуженіе и затѣмъ, послѣ надлежащаго наставленія, получали усыновительныя грамоты. Являлись къ нему въ значительномъ количествѣ и просители съ избранными кандидатами священства. Прося о рукоположеніи послѣднихъ, они въ прошеніяхъ своихъ указывали на слѣдующія качества лица, одобряемаго ими для возведенія въ священнической санъ: „1, NN благоговѣнъ къ Богу; 2, во всемъ безпороченъ; 3, трезвенъ всегда и запиватись не охочъ; 4, въ чтеніи и пѣніи ис-

¹⁾ Объ этомъ разсказывалъ самъ Викторъ въ 1796 году, когда его перевели въ Черниговъ. „Живучи въ Слуцкѣ, многимъ смятеніемъ я удрученъ былъ, когда мятежникъ Грабовскій, за первый предметъ меня подхватить имѣвшій, не только уѣздный городъ Слуцкъ, но и губернской Минскъ, да и всю Минскую губернію нечаяннымъ своимъ между Минска и Слуцка впаденіемъ сильно потрясъ и въ чрезвычайное привелъ уныніе... я первѣ секретнымъ бѣгствомъ хотѣлъ спасти, чуть въ г. Глускѣ въ руки его Грабовскаго не попалъ, въ два или три дни потомъ полумертвъ нагло въ крѣпость привезенъ“. Арх. Св. Син. д. 1796 г. № 128.

²⁾ Въ это время на Украинѣ было церквей 2328, священниковъ 1495, а прихожанъ 1,342,383. Тамъ-же д. 1795 г. № 263.

³⁾ Архивъ Кіевской Консисторіи за 1795 годъ дѣла подъ №№ 2, 8, 16—18, 5, 6, 7, 20, 22, 41, 47.

кусень; 5, къ родителямъ своимъ, къ роднымъ и внѣшнимъ почителенъ; 6, рѣчи чистой, не горькавъ, не гугнивъ и не-шепетливъ. И посему въ приходѣ нашемъ мы желаемъ его имѣть за священника и смиренно просимъ о рукоположеніи его во священника къ церкви нашего прихода“¹⁾. Обычай рукополагать кандидатовъ священства не иначе, какъ съ согласія и одобренія самихъ прихожанъ, практиковался на Украинѣ до конца первой четверти текущаго столѣтія.

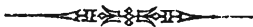
При визитаціи украинскихъ церквей, Виктора поражали крайняя ветхость храмовъ Божіихъ, отсутствіе въ нихъ подобающаго благолѣпія, бѣдность утвари и церковныхъ облаченій, небрежность священниковъ по веденію церковныхъ записей и надзору за церковнымъ хозяйствомъ и имуществомъ и, наконецъ, обычай протопоповъ держать за собою, для увеличенія средствъ къ жизни, по два и даже по три прихода. Окончивши свою визитацію, онъ возвратился въ Слуцкъ въ концѣ сентября и въ скорости переселился съ своею консисторіею въ губернской городъ Минскъ. Устроивая здѣсь свою каѳедру, онъ началъ тщательно заботиться объ изысканіи средствъ и для утвержденія православія среди возсоединившихся униатовъ, и для приведенія въ возможно лучшее состояніе подвѣдомственныхъ ему храмовъ Божіихъ и ихъ священнослужителей. Но заботу эту пришлось осуществить не ему, а другимъ іерархамъ, между которыми въ 1796 и 1797 годахъ раздробилась его весьма обширная епархія.

6 генваря 1796 года волею Божію скончался кievскій митрополитъ Самуилъ; 1 апрѣля того же года на кievскую каѳедру былъ перемѣщенъ черниговскій архіепископъ Героѳей Малицкій, а на черниговскую каѳедру 13 мая, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ преосвященный Викторъ. Состоя на черниговской каѳедрѣ, онъ Высочайше награжденъ былъ орденами Св. Анны и Св. Александра Невскаго 1-хъ степеней и довольно часто бывалъ въ Кіевѣ, пріѣзжая сюда помолиться на могилѣ родителей своихъ, которые погребены

¹⁾ Тамже № 3.

были въ Подольской части Кіева у церкви Святаго Спаса, и для свиданія съ Кіевскимъ митрополитомъ Герооємъ и знаменитымъ товарищемъ своимъ по академіи протоіереємъ Кіево-Софійскаго Собора Іоанномъ Левандою ¹⁾. 9 сентября 1799 года Викторъ погребаль митрополита Герооея ²⁾; преемникъ послѣдняго Гавріиль Банулеско въ сентябрѣ 1803 года уволился на покой, и въ ноябрѣ того же года получено было частное извѣстіе о назначеніи на кіевскую кафедру архіепископа Виктора ³⁾, но это назначеніе не осуществилось, такъ какъ онъ самъ скончался 11 числа того же мѣсяца, въ день своихъ именинъ.

Протоіерей Петръ Орловскій.

¹⁾ Біографія протоіер. Леванды, напечатанная въ Кіевѣ 1879 г. т. 1 стр. 195, 239, 242 и 257.

²⁾ Архив. Кіев. Консист. 1799 г. № 136.

³⁾ Біографія Леванды т. 1 стр. 265.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.¹⁾

II. СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1784 1851).

(ОКОНЧАНИЕ).

XIX.

Поминь

о славій козаччини въ Малороссіи, давно колысь бувшой и теперешной декабря 20
дня 1837 года.

Булы на свити козаки,—
Колысь!... А що вони теперь?...
Злыденны стали мужыкы,—
Весь духъ козацкій въ ныхъ замеръ.
Не стало близько ворогивъ,
Сусидивъ злыхъ—Татарь, Ляхивъ;
Кругомъ боронить ихъ Москаль.
На що жъ имъ мидь, зализо, сталь?...
Теперь вони соби жывуть,
Неначе въ Бога за двермы;
Татарь у гости вже не ждуть,
Що за жинкымы, за дитьмы
Ихъ,—якъ бувало въ старыну,—
Ишлы,—якъ бачишь сарану.
Теперь не треба имъ рушныць,
Щобъ боронить своихъ граныць.
И зледащили козаки

¹⁾ Киевск. Стар. 1892 г. № 7.

Одъ тыхомырья въ ихъ земли;
И списы, й шабли—все въ куски!...
Та й все на пичъ—въ тепли ляглы!...
Горилку пьютъ, идять, да сплять!...
Линь имъ и голову пиднять.
Якъ теплу пичъ покинуть?—Жаль!
Поки не згонуть ихъ москаль.
Такъ зледащившы козаки,
Воны уси свои хаты
Пообертали на шынки,—
Щобъ близько пыть було иты;
Усюды пляшкы, чарочки...
Пьютъ зъ ными ихъ и жиночки,
Пьютъ зъ ными й диты все малы,
Щобъ выродкамы не булы...
А у такыхъ господаривъ,
Що все зъ похмилья пьютъ, да пьютъ,
Якій посходуть де посивъ?—
Колы жъ воны и не оруть?...
Чортъ-ма ниуде на хатахъ стрихъ;
Де жъ хочешъ бачыть хлиба стигъ?
Нема въ ихъ хати и ката,
А дежъ тамъ имъ нажыть скота!
Скотыньди треба теплый хливъ
И нашы вдоволь щобъ було;
Безъ того жъ скотъ ихъ поколивъ,
Все вверхъ до биса дномъ пишло.
Нема овецъ, нема й коривъ,
А вже и не пытай воливъ;
Хиба де шкала ще мелькне
Така що й нигъ не ворухне.
Колыбъ де киньскій хочъ копыть,
Або товарачій де ригъ...
Усе пропыть имъ чортъ помигъ,—
Мазныцю наветь и батигъ.
Оставсь одинъ бовкунъ въ сели,

Не знайдешь билшъ, хочъ запалы.
 А тутъ кричать: „Пидводу дай!“
 Хочъ жинку зъ дитьми запрягай.
 А тутъ весна. „Мостите шляхъ!“
 А тамъ вси гребли рве вода!...
 „Везите гнй на сту возахъ!“
 Всимъ немшнучая беда.
 Робы жъ, небоже, що ты хочъ,
 Хочъ сядь да й плачь,—або пидскочъ.
 Зновъ жинку зъ дитьми запрягай,
 А знай повинность одбувай.
 Що жъ? схаменулысь Козаки?...
 Хочъ литомъ за серцы взялысь?...
 Ни! ще повнйщїи шынкы,
 Ще дужче пыты прынялысь.
 Теперь, бачъ, зъ горя, дай ковтокъ!...
 И курку, й гуску все въ шынокъ.
 Вси безъ шапокъ, безъ поясивъ.—
 Така покута сихъ бисивъ.
 Дывытьця страшно!—голы вси!—
 Въ рубцяхъ та въ латкахъ, якъ старци.
 Дивчать знать тилько по коси,—
 Въ дивочихъ свыткахъ молодци.
 Вся голоцуца дитвора
 На смитныку коло двора
 На сонци грїетця зъ Рябкомъ,
 Изъ нымъ лежать соби рядкомъ.
 Жинки жъ забулы прясты й ткать.
 Теперь таке въ ныхъ полотно
 (Сказать бы правду—не збрехать),
 Якъ въ старину було рядно.
 Имъ легше прядыво пропыть,
 Якъ пучками ёго кругыть,
 До того жъ—грїхъ бы бувъ жинкамъ
 Не помогать пыть козакамъ.
 Все пропылы!... А ще жывуть!...

Надходять осінь,—тутъ бѣда!...
 Подушне правыты идуть,—
 А въ ныхъ на ниви—лобода.
 Нема чого косыть, ни жать,
 Ни продавать, ни пропывать:
 Осталась ледви що душа.
 Отъ тилько намъ и барыша!...
 Яка жъ уже тамъ и душа?
 Хочъ и козацькая вона,
 Да що жъ?—не варта ни гроша,—
 Такъ пьяна, гола и дурна.
 Зовсимъ звелыся козаки,—
 Осталысь зъ лынвы мотузкы;
 И тилько въ казкахъ ще живутъ,
 Що козакамъ ихъ зовуть.
 А якъ бы мертвыхъ воскресыть?
 И поробыть ихъ—хочъ людьмы?...
 До щенту треба погасыть
 Все вынныци промежъ нумы.
 А безъ того ни въ виѣзъ ніякъ
 Не протверезытця козакъ;
 Не буде чоловикомъ винъ,
 Хочъ бый ёго,—хочъ плюнь, да й кынь.
 Ціого жъ самого козака
 Визьмы жъ лышь тилько въ москали,—
 И поступъ зъ разу не така.
 Хочъ въ воду, хочъ въ огонь пошлы,
 Моторный, жваый—хочъ куды;
 Нема іому нигде бѣды.
 Чи кынь въ Гузаре—винъ усачъ,
 Чи въ Гарнадеры—винъ сылачъ.
 Такихъ-то ликовъ козакамъ
 Годылось бы усимъ завдать.
 „Не будь бѣдшъ мужиками вамъ!
 „До вѣйска вамъ усимъ рушать!“

Сказать—да й годи.—Буде все!...
 Коли жъ, колыжъ имъ прынесе
 Сю зъ неба висточку Господь,
 Що війсковый воны народъ? ¹⁾

XX.

КОЗАКИ ВЪ СЧАСТЬИ.

Отвѣтъ малороссійскихъ козано^въ украинскимъ ^{*}слободжанамъ, найденный въ Глуховскомъ архивѣ.

Дѣялось за гетмана Павлюка
 1638 року, мая . . . дня

... Воно-то діялося—такъ:

Лежу я пидь викномъ, звичайно якъ козакъ,
 Пидь дворъ зповзлыся вивчары
 Зъ самои раннѣи поры.
 Вже жъ я ихъ слухавъ, слухавъ...
 То усъ крутивъ, то брови чухавъ,
 Вертивсь на лавци сякъ и такъ,
 Нейде на глудзь ни якъ:

Що тамъ за бисъ гарчить?... курнявкать, гавкать ставъ...
 Гуде, мовъ рой джемеливъ, мовъ кгездъ теля напавъ;
 Крычить мовъ за живить завійна ухопыла,
 Або объ землю бье когось нечыста сыла...
 Эге!—сежъ изъ степивъ украинскихъ сей гуль!...
 Завився тамъ якійсь зъ дощу въ болоти муль!...
 Мовъ чайки въ осоци, мовъ жабы при болоти,
 Знай квакають: ква! ква!—нема имъ бильшь роботы.
 Що жъ се?—яка тамъ тварь мемекае: мы! мы!
 Ахъ трясця. жъ въ ёго ма! ровняютця зъ людьми!...
 Не только жъ бо зъ людьми, а наветь зъ козаками!...
 Ахъ, племя гаспидьске!—та мыжъ васъ нагайками!...
 Що вы швергочете?—по якому цей крикъ?

¹⁾ Происхождение этого стихотворения и мысль его не совсемъ ясны, но можно думать, что оно имѣетъ связь съ слѣдующимъ фактомъ. Въ 1830 г. для усмирения польскаго возстанія въ черниговской и полтавской губерніяхъ организованы были козацкіе полки—всего до 16,000 чел.—изъ мѣстныхъ козаковъ. Послѣ усмире-

Нимота бисова! чи е у васъ языкъ ¹⁾?

„Мы, важуть, мы, мы, мы,—мы малороссіяне,
 „Украинци зъ степивъ, (простите) слобожане ²⁾.
 „Зъ супликою прійшли до васъ, якъ до батькивъ
 „Къ козацкой старшини, до зацныхъ козакивъ,
 „Щобъ вы таки дали и намъ яку радю,
 „Безъ пастуха жъ не бутъ и намъ таки якъ стаду.
 „Не мало жъ насъ такихъ, изъ нашихъ хуторивъ,
 „Що зъ вами жъ рѣзали и Туркивъ, и Ляхивъ.
 „Чимъ мы не козаки? Мы носымъ оселедци,
 „И цюкнемъ шаблюку, колы де доведеця.
 „Ни шабель, ни ручницъ не выпустымъ изъ рукъ:
 „Намъ тилько покажить,—де тихъ шукать псяюхъ,
 „Що хочуть скоштовать козацкой одваги,—
 „А мы вже зваримъ имъ густои дуже браги.
 „Мы щиро служимъ вамъ—не такъ якъ наймыты,
 „Вы жъ зъ насъ глузуете,—мы все въ васъ хамуты!...
 „Що все бачъ возымъ вамъ, и гинемъ при обози,
 „Въ снигахъ и въ болотахъ, на сонци й на морози.
 „Вы живытесь соби, де на войны грабижъ,
 „А намъ же що зъ того? Все ижъ одинъ кулишъ!...
 „Не доки жъ намъ ходыть и голымъ всимъ, и босымъ,—
 „Пышитъ насъ въ козаки, Вельможность вашу просымъ!“
 —Глянъ,—поганъ що верзе!... Плюгавци, вонъ, а зась!
 До козакивъ вашъ братъ никола не ривняйсъ!
 Такъ чванилась колысь и дулась жабалуха,
 Хотила стать воломъ, та й триснула псяюха.
 Одъ жабалухи цей соби бъ вамъ прыкладъ взять,
 Та й бильшь до козакивъ себе бъ вамъ не ривнять!...
 Чимъ же вы чваняетесь?—„Отъ мы-то слобожане!“

ня возстанія малороссійскій генераль-губернаторъ вн. Репнинъ предлагалъ обратитъ это временное учрежденіе въ постоянное, но проектъ этотъ не осуществился. Въ печати, сколько намъ извѣстно, фактъ этотъ еще не былъ затронутъ, но намъ приходилось слышать, что у покойнаго А. Ѳ. Кистяковскаго были какіе-то документы, относящіеся къ этому дѣлу.

¹⁾ Вар. Чого вы врячыте ажъ ласкае въ ухахъ!...

Дывисъ,—ось слухайте що тамъ за гамъ, ажъ страхъ!

²⁾ Вар. Украинци ляхи и славни слобожане.

Вы такъ соби щось—ать! нехрещены цыгане!
 Кортыть ихъ въ козаки! Чи жъ зъ разумомъ ця ричь!
 Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и сичь.
 Паскудство! пастухи! бездомни волоцюги!
 Якои зъ васъ намъ ждаты противъ погань услуги?
 Васъ заразы нападе перерва й перелякъ,
 Якъ тилько де спотка васъ видьма, вовкулакъ ¹⁾
 А якъ де на кони побачите вы Ляха,
 То швыдче всихъ зайцивъ розбижитесь одъ страха.
 На що вамъ на себе ждаты Туркивъ и Татарь?
 Жидивскій наймытъ васъ потре всихъ на сухарь;
 Васъ баба помеломъ звоюе, кочергою;
 Батогъ здаеця вамъ громовою стрилою...
 Отъ,—бачите сами—вамъ не прыставъ цей гамъ.
 Не треба горло дратъ, а вгамоватьця вамъ.
 Пасить соби овецъ, орите, чумакуйте,
 А лизти въ козаки?—и думки не турбуйте!...
 Селите слободы, але жъ платити намъ чиншъ,
 А ни?—такъ изъ степивъ позгонимъ васъ: кишъ, кишъ!...
 Коли жъ вы хочете у насъ быть наймытамы,
 То справымъ вамъ штаны зъ широкими матнями,
 Реминны очкуры, реминны й постолы
 И пришвы на зиму, щобъ босы не булы
 А що тамъ дали пише,
 Конецъ одъили мыши ²⁾.

¹⁾ Вар: „якъ въ поли стривеця вамъ хочъ одинъ полакъ“, при чемъ опущены слѣдующіе четыре стиха.

²⁾ Стихотвореніе это представляет не воспроизведеніе архивнаго документа какъ можно-бы думать, судя по его заглавію, а такъ наз. „вольную“ обработку историческаго сюжета. Историческоі достоверности въ немъ искать нечего: ни положеніе козачества въ данный моментъ, ни личность Павлюка, насколько она затронута, ни хронологическія данныя (Павлюкъ былъ казненъ въ февралѣ 1638, а дѣйствіе происходитъ въ маѣ) не соответствуютъ дѣйствительности. Тѣмъ не менше стихотвореніе представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ возникавшую уже въ данную эпоху разну между козаками реестровыми и „выписчиками“, а также положеніе выписчиковъ, которые искали осуществленія своихъ козацкихъ идеаловъ, выселяясь въ степи приднѣпровской и слободской Украины и въ то же время составляли видный, хотя и не господствующій, элементъ въ козацкихъ возстаніяхъ.

XXI.

НА ҚОНЧИНУ

Ректора Кіевскаго Университета св. Владиміра, незабвеннаго Владиміра Францовича Цыха, постигшую его на 32 году жизни 1837 года, Апрѣля 19 дня, въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы. Погребеньъ 21 числа.

Въ святилищѣ Наукъ
Владиміра Святаго

Владиміръ Францовичъ, напереникъ музъ и другъ,
Былъ перломъ дорогимъ вѣнца его златаго.

И выпаль этотъ перль!...
Потерянь безвозвратно!...

Млатъ смерти сокрушилъ и въ прахъ его весь стерль!...
Такъ въ мірѣ тлѣню все причастно и превратно!...

Блестящею звѣздою
Прекрасной, лучезарной

На новый горизонтъ наукъ востекъ,—собой
Восхитилъ всѣхъ сердца, и скрылся въ мглѣ туманной
Во цвѣтѣ лѣтъ и силъ.

Тебя ль, Цыхъ! зримъ мы мертва?

Ты рано вертоградъ Наукъ осиротилъ.
Миръ праху твоему, безвременная жертва!

Но Цыхъ не умеръ весь,
Въ дѣлахъ жить будетъ вѣчно.

Для пользы, для наукъ не долго жилъ онъ здѣсь,
Но Музы прахъ его кропятъ слезой сердечной.

XXII.

Стихотворенія посвященныя М. А. и Е. А. Максимовичамъ ¹⁾.

1. Отписка

до моего добраго пріятеля М. А. М—ча на самый новый 1843 рокъ.

И ты здоровъ будь новымъ рокомъ!
И я тобѣ,—якъ ты менѣ,—

¹⁾ Удерживаемъ правописаніе подлинника.

Жичливымъ хочу быть пророкомъ,
Щобъ вѣкъ твой плывъ у тишинѣ.

Щобъ все ѣ тебе росло на нивѣ,
Въ садахъ, городахъ и хлѣвахъ;
Щобъ всюды всѣмъ ты бувъ щасливый
И не тягався по судахъ.

Чого жъ бажать намъ бѣльшъ на старѣсть,
Якъ есть хлѣбъ-сѣль да тепла пѣчь?

Усе друге людская заздѣсть
Умремъ,—богатство марна рѣчь.

Не пойдуть зъ нами въ домовину
Червѣнци наши и рубли;
Покинемъ мы у ту годину
Уси приманки на землѣ.

А тамъ тебе ѣ же не пѣзнають,
Чи ты полковникъ, чи мужикъ;
А заразъ—„якъ ты живъ?“—спытають,—
И въ Рай, чи въ Пекло пхнутъ на вѣкъ!

Охъ! добре коли насъ по смерти
Не лайкою згадае хтось,—
Та не за те, що буде жерти
Кутю на поминкахъ, чи щось.

А скаже: „Память ёму вѣчна!

„Душѣ его дай Боже рай!

„Вона була къ добру привычна,

„Теперь—ликуе тамъ нехай!

„Его вдова не скаже й дѣти,
„Що въ землю гропи винъ сховавъ,
„Що жъ мавъ, то знавъ куды подѣти,
„Не проѣдавъ, ни пропивавъ.

„Не всѣхъ Богъ рѣвно надиле,

„Про те винъ добре памятавъ;

„Якъ хто було въ чѣмъ нужду мае,

„Винъ въ позычки,—и такъ дававъ!...

„Не закрывавсь—голубчикъ!—зъ хлѣбомъ
„Одъ добрыхъ, чесныхъ всѣхъ людей!...

„На добре все летѣвъ винъ стрибомъ,
А все недобре гнавъ зъ очей!“...

Хотѣлось бы й менѣ рѣкъ новий
Почать жить краще, якъ той рѣкъ,
Щобъ не злявавсь, а бувъ готовий
Ити на першій смерти крыкъ.

Та суча ёго знае маты,
Якъ утѣкати намъ одъ грѣхѣвъ!...
Якъ тяжко вѣкъ намъ коротаты
У Кіевѣ безъ тѣхъ рублѣвъ!...

Що ступишь—то давай все гроши!...
А де у бѣса ихъ набрати?
Будь ты й розумный и хорошій,
Безъ грошей нѣчого жовати.

У Кіевѣ ни жнуть, ни сѣють,
Письменни дуже всѣ,—якъ бачь,—
А ѣсти ласощи умѣють,
На хлѣбъ не глянуть,—дай калачъ!...

Везуть до насъ усеньке моремъ,—
Проклятый кохвей той и чай!

А мы—ажъ крехчемъ соби зъ горемъ,
Та знай!—съ кабзы все утрачай!...

Де дѣлась наша варенуха,
Выпнивка, медъ нашъ варенець?...
Охъ! охъ! Украина старуха!...

Прійшовъ—вразъ зъ цукромъ твоѣй кѣнець!...

Зачнѣмъ,—хочъ зъ нового мы року,

Шавлю, буквицю варити,

Щобъ бисову отъ ту мороку,—

Де гроши брати намъ?—уморити!

2. ПОСЛАНІЕ

М. А. Максимовичу, 4 Февраля 1843.

На що ты прадѣдѣвъ, прабабокъ
Турбуешъ кѣстки въ могилкахъ?

И ввесь старинный на остатокъ
 Твоѣй рѣдъ одшукешъ въ книжкахъ?
 На що тобѣ тѣ всѣ шпаргалы,—
 Гнилыѣ гнѣзда паукѣвъ;
 Гетьманскіѣ универсалы,
 Одломки списѣвъ, бунчукѣвъ?...

Манатъя старого шматинки
 Одъ шароварѣвъ и спѣдницъ,
 Старинны дзиглыки и скрынъки,
 И сволоки зъ гнилыхъ свѣтлицъ?..
 На що тоби трухлявы¹⁾ рамы
 Зъ потретѣвъ, зъ вѣконъ предкѣвъскихъ?
 Що въ кунтушахъ тоби зъ усами,
 Въ корабликахъ?... Бувъ часъ на нихъ,

Теперь настало время фѣракѣвъ
 Для оселедцѣвъ и чубѣвъ;
 И мы пекти не станемъ ракѣвъ
 И зватись имьемъ козакѣвъ.
 Що жъ за утѣха, що за радѣсть
 Та вся свята старовина?
 Збирать еи—якась-то заздрѣсть.
 Намъ бѣльшъ потребна новина.
 Намъ потребнѣйша жинка, дѣти,
 Щобъ внуки, правнуки булы,
 Щобъ въ памъяти ихъ намъ ожиты,
 Якъ въ нашѣй прадѣды жили.
 Щобъ наша кровь заговорила,
 Що й мы на свѣтѣ тутъ жили,
 Щобъ нашъ внукъ знавъ,—де та могила,
 Де наши кѣсточки згнили.

Такъ поки живемо на свѣтѣ,
 Грѣхъ гаять намъ даремно часъ,
 Нехай же—знай!—такъ вьютця дѣти,
 Якъ рѣй бчелиный коло насъ.

¹⁾ *Вар.* Зацѣвши.

От-то-то намъ потреты будуть,
 И не глухи, и не нѣмы,—
 Що всѣ живые не забудуть,
 Що то булы за люде—мы?...

3. Сонъ

Феврала 1 дня 1843 года ¹⁾).

На Михайловѣй гори
 Зѣхались богатыри...
 Одинъ—соколъ промежь нихъ
 Ясный—видно, що женихъ!...

Къ Києву всѣ поглядають,
 Кого-сь звѣдтѣль пѣдждають,
 Не спускаючи очей,
 Не доспавши сѣмъ ночей...

Глядь!... ажъ ось—плыве Днѣпромъ
 Противъ Канева поромъ...
 Ввесь золоченый,—блещить!...
 На ёмъ панночка сидить!...

„То Елена!... то Елена!“...

На ёй шубонька ²⁾ зелена,

А головка вся въ квѣткахъ;

Сама жъ въ золотѣ, въ шовкахъ!

Ей пѣдъ рученьки берутъ,
 Заразь въ церкѣвцю вѣдутъ,
 Зѣ женихомъ вридь становлять,
 На обохъ вѣнцы горять!...

Вся Михайлова гора

Молодымъ кричить: „ура!!!“

И тутъ всѣ богатыри

Принялися за пиры!...

¹⁾ Въ другомъ спискѣ: „Пророческій сонъ. Мѣсяца Лютго, въ 1 день 1843 року.

²⁾ Вар. Сукня вся.

Каневъ голову по́днявъ
 Глядь!—винъ зъ роду не видавъ,
 Щобъ Михайлова—гора
 Такъ свѣтилась якъ зоря.

А я въ Кшевѣ сижу,
 И на чудо се гляжу!...
 Бачу ёго якъ теперь...
 Снилось жъ воно въ четверъ.

4. Въ Альбомъ

Е. А. М.

Вещь чудная—Альбомъ!
 Васъ пригласятъ въ него, вы входите какъ въ домъ,
 Гдѣ званнхъ множество гостей.
 Тамъ шуму, говора, вѣстей!...
 На разныхъ языкахъ,
 И въ прозѣ, и въ стихахъ,
 Отъ разныхъ слышится вамъ лицъ:
 Мужчинъ степенныхъ, дамъ, дѣвицъ,
 Пріятельницъ, кузинъ, сестрицъ...
 Не скучно, радъ тутъ вѣкъ остаться,
 Ну,—какъ въ Альбомъ мнѣ не вписаться?
 „Пожалуйста, впишитесь!“
 Тутъ смѣло вы въ Альбомъ садитесь,
 Когда жъ неловко сѣсть,—ложитесь,
 Да только берегитесь,
 Съ хозяйкой вѣжливой, съ гостями будьте дружны,
 Иначе—вы не нужны,
 И вамъ укажутъ дверь.
 На то въ Альбомахъ свой манеръ:
 Вотъ изъ Альбома вмигъ вашъ вырвется листокъ,
 И вы съ нимъ тожъ,—о ровъ!...
 Безъ крыльевъ полетите въ Лету,
 А тамъ спасенья вамъ ужъ нѣту.
 Но если чинно вы въ Альбомѣ усидите,

То вѣрное себѣ безсмертье тѣмъ дарите.
 Въ подлунномъ мірѣ вашъ давно пробилъ ужъ часъ,
 И слухъ объ васъ погасъ,
 Въ Альбомѣ жъ вѣчно васъ
 Живить воспоминае.

Какое лестное за дружбу воздаянѣ!
 На гробѣ вашемъ мхи и крапива растутъ,
 За грязью надписи на камнѣ не прочтутъ

Прохожіе—а тутъ
 Въ сафьянномъ, золотомъ
 Альбомѣ—вы кругомъ
 Отъ тлѣнья безопасны,
 Безсмертію причастны;
 Лежите вы себѣ,
 Благодаря судьбѣ,
 Межъ прозой и стихами,
 Между помадой и духами,

На туалетѣ, иль на мраморномъ каминѣ,
 Въ картонѣ съ чепчикомъ, иль съ лентами въ корзинѣ.

Порою горничны взвалиятъ на васъ корсетъ,
 Башмакъ, подвязки... нужды нѣтъ!

За то же барышня, отъ радости, иль скуки
 Альбомъ завѣтный свой взявъ въ руки,
 И въ немъ нашедъ меня порой,

Не можетъ не сказать: „Старикъ былъ дорогой,

„Капризень иногда,—но миль,

„Со мною часто онъ шутилъ,

„Елену точно онъ любилъ,

„Какъ дочь свою родную“...

И слезку на листокъ уронить дорогую.

5. Къ стихотвореніямъ, рисующимъ отношеніе Е. П. къ М. А. Максимовичу можно отнести также стихотворную шутку „Біографія славнаго и незабвеннаго сѣраго кота Васьки“, въ составленіи которой принималъ участіе и М. А. Это—цѣлая поэма изъ восьми стихотвореній, написанныхъ различными ли-

цами, жившими въ разныхъ городахъ и собранныхъ „издателемъ Е. Р.“. Одно изъ этихъ стихотвореній принадлежитъ М. А. Максимовичу:

7. ЭПИТАФИЯ.

Миръ косточкамъ твоимъ, о незабвенный вотикъ:
 Ты къ смерти перешель отъ печки на чердакъ.
 Недвижны лапочки и не мяукнетъ ротикъ,
 Тебѣ ничто—ни пискъ мышей, ни лай собакъ.
 Миръ косточкамъ твоимъ! Ты былъ любимецъ Оли
 И воспѣвалъ тебя стихами Николай ¹⁾,
 За то ты славно ѣлъ и пилъ въ земной юдоли,
 А тамъ навѣрное попалъ въ кошачій рай...

Ноября 21 дня 1842.

М. М.

Михайлова гора.

XXIII.

Стихотворенія, посвященныя Я. И., Н. Я. и В. Я. Шульгинымъ.

1. Родъ свата Остапа до свата Якова ²⁾

пови шовань зъ именинами октября 9 дня 1848.

Сегодня Якова святого.

Я, вставши до свита, просмывъ,

Щобъ именинныка винъ своего

Добромъ усякимъ надилывъ.

Щобъ вы уси булы здоровы,

Щобъ все вамъ якъ по маслу йшло,

И щобъ не морщило вамъ бровы

На свити ниякее зло.

Щобъ вси жилы, та поживалы,

Не знали ликъ, ни дохтуривъ,

Щобъ веселылысь, танцевалы

Такъ... ще не маю бильше сливъ.

¹⁾ Дѣти Е. П. Рудковскаго.

²⁾ Яковъ Игнатъевичъ Шульгинъ.

Щобъ намъ ще ожениць Витальця,
 Та диточекъ его дождать,
 Тогди жъ пійты въ кривого танця,
 Та журавля потанцёвать.

Щобъ внучка наша пидростала,
 Та щобъ була на дыво всимъ,
 Щобъ князя въ женихи достала,
 Дала-бъ намъ правнукивъ потимъ.

Всёго, всёго прошу у Бога.
 Щобъ всимъ васъ разомъ надилывъ,
 А якъ умремъ—туды й дорога—
 Щобъ всихъ и небомъ надилывъ.

2. До любого мого зятъка Мыколы ¹⁾

у день его именинь, октября 14 дня 1848 року.

Дóждавсь, Миколо, Божои ласки?
 Сёгодня именинникъ ты,
 Сядай же въ вóзъ, хочъ винъ и траскій,
 До Всихъ Скорбящихъ полети.

Одправь молебень, помолися,
 Та митью заразъ и назадъ,
 До дому скоро ты вернися,
 Та учини порядокъ, ладъ.

Щобъ всѣ, тебе що поздравляли,
 По горло мали ѣсти й пыть,
 Бо ми сёго рóкъ цѣлый ждали,—
 А въ горлѣ щось такъ и свербить.

Прочухать треба оселѣдцемъ,
 Кавяромъ добрымъ, балыкомъ,
 Та и ковтнуть гиркои зъ перцемъ
 И закусить все чосничкомъ.

А що жъ твоя отце Маруся
 Сидить та нянчитця зъ дитямъ?
 Того-то дуже я й боюся,—
 Не голодать бы ў васъ гостямъ.

¹⁾ Николай Яковлевич Шульгинъ.

А нужъ, Марусю, подтыкайся,
 Рукава добре засучи,
 За господарство принимайся
 Усе вари, и все печи.

Не жаль сѣгодня бѣ и индика...

Спечи зѣ начинкой поросся...

А борщъ?—отъ це то рѣчь велика

Але-жѣ вона тутъ ще не вся.

Борщивѣ ты три, або чотыри
 По старосвѣцки навары,
 Щобъ у гостей ажѣ прѣли гиры
 Зѣ борщемъ лыгавши сухари.

Поробринка и полендвица

Зѣ пелюсточками въ два борщи,

Въ борщъ шарый гуска пригодитця

Въ четвертый зѣ часничкомъ лящи.

Та всѣ борщи позатовкати

Зѣ цибулькой товченымъ салцемъ

И не забудь позавравляти

Мучицею, або пшонцемъ.

Та щобъ упрѣло все гарненько,

Не позбѣгалось у печи,

А пѣчь закрывеш ты раненько,

Якъ посажаеш калачи.

Потомъ потравку цибулькову

До смаку добре присоли,

Та й родзинкову й шапранкову

Зѣ медкомъ и зѣ цукромъ подсмали.

А якъ зѣ подливою индыка

На столъ поставиш ты гостямъ

Тогди щобъ не було вже лива

Пряженичкамъ и всѣмъ сластямъ.

Та не скупитесь на вышнивку,

Але-жѣ,—щобъ та була первакъ,

Боли-жѣ нема, то мы й грушивку,

Або сливянку выпьемъ въ смакъ.

Бо буде такъ: що ложка стравы,
 То и наливочки ковтокъ.
 Безъ того мы не будемъ правы,
 Якъ по́двередимъ животокъ.
 Наѣвшись добре, ляжемъ спаты,
 Одлѣзши рачки одъ стола,
 А якъ почнемъ одъ сна вставаты,
 Щобъ варенуха тутъ була.
 А не та кава, чай мерзений,
 Надсада тóлько животамъ.
 Бодай не знавъ ихъ миръ хрещений!
 На що вони здалися намъ?
 Чи наши жъ животы якъ лыки
 Мочить чайкомъ та кофійкомъ?
 Козацьки тельбухи велики
 У нихъ все пхай четверикомъ!
 Отъ такъ справляли именины
 Батьки всѣ наши и дѣды!..
 Миколко! хочъ до половини
 Своимъ гостямъ ты догоды.
 Але жъ гляды, не чванься дуже!
 Французськихъ вынь щобъ не було!
 Одъ нихъ паны голѣють дуже,
 А намъ на що здалось те зло?
 Намъ Економку Политичку
 Виталій внора прочитавъ:
 Щобъ роскошь всякъ свою привычку
 Назавше мóцно загнуждавъ.
 Нехай уже тютюнъ та люлька
 Въ забаву зостаютьця намъ;
 Вони потрібни якъ сосулька
 Маленькимъ въ повитку диткамъ.
 А бóльше щобъ ниякихъ збыткóвъ
 Одъ сихъ не стало именинь,
 Хочъ-бы мы малы сто прыбыткóвъ,
 Хиба, Богъ дасть, дóждемъ християнь,

Або весильячко пѣдскочить.

Пора жъ Витальця намъ женить.

Що винъ намъ голову морочить?

Чи все жъ съ книжками буде жить?

А ну жъ, ковтнемъ ще на похмиле

По повной чарци заразомъ,

Та й пойдѣмъ звать всѣхъ на весилье,

Бо мы не будемъ зъ гарбузомъ.

По именинахъ вразъ весилье?...

Отъ тутъ-то праздникъ!—що й казать?!

Се жъ дубельтове намъ похмѣлье!

Ой дай же Господи дождать!

Охъ! щось я пьяный забрехався!...

Щось нѣсь повѣсивъ нашъ женыхъ!...

Съ экзаментомъ заженухався!...

Нехай ёму стонадцять лыхъ!...

Щобъ той экзаментъ провалывся,

Винъ не дае ёму и спать.

Схудава ажъ бѣдный, похилывся!...

Давайте, станемъ ратовать.

Пѣдсунемъ мы ёму панянку

Теплесеньку, мягку, якъ пухъ,

Вона ёму пошепче зранку

И разомъ прожене недугъ.

А книжки ти и вси шпаргалы

Повыкидае на чердакъ.

Щобъ головы не высушали.

Отъ-такъ, Витальцю, буде, такъ!

Гисторійки зѣдять тамъ крысы,

А горнограпію коты,

Одъ мудрости всѣ стануть лысы,

А мышъ имъ одгрызе хвосты.

Не лучше жъ крысамъ пропадати—

Одъ тихъ письменскихъ всѣхъ трудѣвъ?

А намъ на всѣ книжки плѣвати,

Не тратячи багато слѣвъ.

Чи правду я кажу, Миколо?
 Ты—именинникъ, братъ—женихъ!
 Скачи, душа, вертысь навколо,
 Дѣждавши радощивъ такихъ!...

Ой! дайте жъ промочить чимъ трохи,
 Засохло въ горлѣ одъ брехни.
 Гульнемъ, щобъ не кусалы блохи,
 Щобъ радѳсть бачить хочъ во снѣ.

Старый Остапъ.

3. МАГИСТРУ ВИТАЛІЮ ¹⁾

послѣ его экзамена, октября 29 дня 1848.

Ура!—ты кончилъ свой,
 Виталій, славный бой;
 Какъ гладіаторъ на аренѣ
 Ты подбоченясь сталъ себѣ;
 Всѣ апплодируютъ тебѣ...
 Жаль! не былъ я на этой сценѣ.
 Послушать любо!—говорять,
 Что ты, не надѣвавши лать,
 Съ такою шелъ на бой отвагой,
 Что всѣ противники потѣли смертной влагой.
 И гдѣ жъ имъ до тебя
 Равнять было себя?
 Они всѣ—словно мошки
 Полѣзли въ уши и глаза,
 А ты, пріободрясь, какъ задалъ имъ туза,
 Такъ всѣ они,—давай Богъ ножки!...
 И гдѣ, кому съ тобой
 Вступать въ неровный бой?
 Промель ты Альпы, Кордильеры,
 Изслѣдилъ рѣки и моря,

¹⁾ Виталій Яковлевичъ Шулгинъ.

Всѣмъ пальцемъ указаль,—гдѣ утрення заря
 Красуется на всѣ манеры,
 Выводить солнце на востокъ,
 Плыветъ оно то вверхъ, то вбокъ,
 Спустившись ляжетъ въ океанѣ,
 Проснавшись же, какъ на диванѣ,
 Спѣшить опять вставать заранѣ.
 А какъ ты Грековъ вспоминаль,
 Да Римлянъ въ помощь всѣхъ призвалъ;
 Какъ вдругъ нагрянули всѣ Ливіи, Тациты,
 Ксенóфонть, Геродотъ, сѣдинами покрытый;
 Они жъ какъ стали вызывать
 На помощь всю военну рать
 Героевъ Греціи и всѣхъ героевъ Рима,—
 Явилась вдругъ тебя толпа необозрима!...
 Герои Трои всѣ, всѣ гречески цари,
 Не то что нынѣшни нѣмецки пушкари,
 И Ксерксъ и Ганнибалъ, Брутъ, Фабій, Сципіоны,
 Не то что нынѣшни французскіе шпіоны,—
 Такъ гдѣ жъ тутъ и кому съ тобою устоять,
 Увидѣвши такую рать?
 Противники твои всѣ порознь зажужжали,
 И думали сперва—въ расплохъ они напали;
 Да видятъ у самихъ зарябило въ глазахъ,—
 Напалъ на мошекъ страхъ!...
 Давай онѣ кусать смѣлѣе,
 У коихъ зубы повострѣе,
 Чтобъ въ плѣнъ имъ не попасть.
 А ты имъ истины претвердые доводы:
 И дни, и числа всѣ, и годы
 Поставилъ въ явную напасть.
 Дошло до потасовки!
 Хватилися они за новыя уловки—
 На помощь Нибура и Мальгуса зовутъ...
 „Друзья! вашъ тщетный трудъ!...
 „Не знаетъ Нибуръ вашъ, сколь древни лапти наши,

„А Мальтусъ вамъ не дастъ безъ денегъ щей да каши.
 „Да зналъ ли Мальтусъ вашъ, что русскій нашъ мужикъ
 „Богатъ, и сытъ, и пьянъ, и самъ себѣ великъ?...

„И плодитъ семью безъ заботы,

„Пока достанетъ въ немъ охоты.

„Увѣренъ, что семья его числомъ сильна,

„А пищей вся земля у Господа полна.

„Не всѣмъ же соусъ ѣсть и жирные котлеты.

„Была-бъ капуста и горохъ

„А нѣтъ—съѣдимъ исландскій мохъ.

„Къ чему же Мальтусомъ лжи голода пропѣты?“...

Тутъ рѣчь твоя дошла до третьяго Ивана,—

Какъ цѣпь съ Руси онъ снялъ, да наложилъ на хана.

Сраженью тутъ конецъ,

Ты выигралъ вѣнецъ!

Противниковъ толпа вся пьяна!

Для подкрѣпленья силъ

Иной ужъ такъ хватилъ,

Что еле живъ остался...

И то ужъ честь ему, что онъ съ тобой сражался.

Ура! Виталій мой!

Magister дорогой!

Теперь по праву ты герой!

И честь тебѣ, и слава!...

Какъ вижу я, война—тебѣ одна забава;

Не выйду я съ тобой въ наукахъ на дуэль,

Лишь смѣло въ мельники могу пуститься

Надѣюсь—тутъ сто разъ случится

Тебя мнѣ посадить на мель.

Dixi ¹⁾.

Е. Р.

¹⁾ Въ отвѣтъ на это посланіе В. М. Шульгинъ говоритъ: „Вы вызвали для поздравленія меня всѣхъ грековъ и римлянъ, потревожили всѣхъ великихъ людей: явилась такая гурьба народу, что я испугался страшно, хотѣлъ было благодарить Васъ стихами, да куда! и проза вся отъ черенуру изъ головы вышла!.. Письмо адресовано „Viro humanissimo, ornatissimo, poetae praeclarissimo, ac in pugna, quam Rossi мельникъ vocant, bellatori egregio Domino Eusthaffo de Rudykowsky“.

4. Виталію Я. Ш.

По полученіи перваго выпуска его сочиненія: „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго“.

Изъ толстой женщины твоей
 Такая, вижу, вышла крошка?!
 Предлинная фата на ней!
 Одна лишь только видна ножка!
 Когда-жь намъ явишь всю красу,
 Виталій, женщины—богини?
 Я первый оуміамъ несу
 На жертвенникъ ея святыни.
 Величественъ обширный храмъ,
 Созданью современный міра,
 Открыть поклонникамъ мужамъ,
 Имъ тамъ злата играетъ лира.
 Привратники въ немъ и жрецы
 Одни благоговѣйны мужи,
 А наглецы тамъ и льстецы
 Не вынесутъ безмѣрной стужи.
 Любовью тамъ сердца горять ¹⁾.
 И дышутъ райской теплотою,
 Красамъ жены себя дарятъ ²⁾,
 Чтобъ быть достойной ей четою.
 Узрѣвши Евины красы,
 Адамъ растаялъ ³⁾ весь душою,—
 Такъ пораженъ былъ въ тѣ часы
 Жены небесной красотою—
 Власть женщины съ тѣхъ самыхъ поръ
 Въ потомствѣ всей вселенной править.
 Откуда жъ могъ возникнуть споръ,
 Чтобъ власть у женщины убавить?

¹⁾ Вар: Любовью мужа тамъ горять

²⁾ Вар: Женъ красоткамъ себя дарятъ .. имъ...

³⁾ Затрепеталъ.

Мы всѣ имѣли матерей
И въ матерямъ благоговѣли,
Взросли-жь, женились,—и въ своей
Любви къ подругамъ охладѣли!...

Священны женщины права
Мужчины-дикари покрали!...
Но ты, Виталій, всѣ сперва
Открой намъ этихъ правъ скривали;
Веди насъ въ этотъ дивный храмъ,
Гдѣ женщины сидятъ на тронахъ,
При томъ подвластны всѣ мужьямъ
И равенство хранить въ законахъ.

Но какъ дались тебѣ ключи,
Тебѣ отъ храма—холостому?...
Или женись, или молчи,
Иначе трепещи ты грому.
Женившись, просвѣтишь мужчинъ
И всѣхъ ихъ знать свой долгъ научишь—
Женъ уважать, какъ половинъ,
За что ты самъ вѣнецъ получишь.

Е. Р.

3 апрѣля 1850 г.
Кіевъ.

 XXIV.

ЭЛЕГИЯ.

При прощаніи съ поэзією февр. 15 дня 1843.

Прости, любимый мой конекъ,
Намъ не доѣхать до Парнаса,
А путь туда еще далекъ.
Гдѣ жь крыльевъ взять тебѣ Пегаса?
Хоть жемчугъ превратить въ овесъ
И дать шампанское для пойла,
И тутъ никакъ бы не отвезъ
Меня конекъ мой дальше стойла.

Пора отстать намъ отъ стиховъ,
 Поэзія намъ не дается.
 Она была языкъ боговъ,
 А нынѣ людямъ просто—врется!
 За то читать насъ не берутъ!
 И никогда не возьмутъ въ руки,
 А если возьмутъ, такъ умрутъ,
 Зѣвая во весь ротъ отъ скуки.
 Бывало!... Пиндаръ прозвучитъ
 Съ самой вершины Геликона,
 Такъ Греція вся задрожитъ
 Отъ гармоническаго звона,
 О миръ!... бывало всѣхъ богинь
 Съ богами вѣчно перессоритъ
 И онъ же ихъ миритъ одинъ,
 Никто не смѣлъ съ нимъ въ этомъ спорить.
 Онъ всѣхъ ихъ на Олимпъ, на пиръ
 Сбиралъ, какъ ямщиковъ въ харчевнѣ!...
 Какъ тѣшилъ тѣмъ древній миръ,
 Хоть драки были тамъ плачевны.
 Героевъ, греческихъ царьковъ,
 Онъ свелъ подъ Трою всѣхъ на драгу,
 Лили жъ они, какъ воду, кровь,
 Не зная рому и араку.
 Какихъ потомъ явилъ намъ Римъ
 Пѣвцовъ?!... Виргилій и Горацій!...
 Мы ихъ по днесъ боготворимъ!...
 А сколько жъ ихъ изъ прочихъ націй?...
 Явились въ мірѣ Данте, Тассъ,
 Жрецы поэзіи священной!!
 Европа ими поднялась
 Изъ тьмы невѣжества презрѣнной.
 Потомъ открылся рядъ свѣтилъ:
 Мильтоны, Байроны, Шекспиры!...
 И кто бы блескъ ихъ помрачилъ?
 Безсмертіемъ цвѣтутъ ихъ лиры

Было!... у насъ и на Руси
 Явились дивные поэты.
 А нынѣ—есть-ли гдѣ, спроси,
 Подобныхъ даже хоть примѣты!...
 Державинъ, Пушкинъ не умрутъ!
 А дальше?... разъ, два, три,... обчелся!...
 Чуть чуть было я,—экой шутъ!—
 И самъ въ родню къ нимъ не приплелся.
 Да въ пробный положилъ каминъ
 Стихи мои для испытанья...
 И чтожь? Горять они! Аминь!...
 Какого жъ ждаты тутъ воздаянья?!
 Узнавъ, что Музамъ я не милъ,
 Прости! сказалъ я Аполлону,
 П лиру въ дребезги разбилъ,
 Отвѣсивъ Музамъ по поклону.
 Не критикамъ обязанъ я
 Тѣмъ, что съ поэзіей простился;
 Въ томъ-то и слава вся моя—
 Я самъ къ разсудку возвратился.
 Не бывъ въ поэты посвященъ,
 Въ цехъ риѳмоплетовъ не вступаю,
 Парнасъ не ими населенъ,
 Ословъ я самъ оттоль сгоняю.
 Прѣшли златыя времена!...
 На вѣкъ поэзія угасла!...
 И чѣмъ затеплится она?...
 Никто не подливаетъ масла!...
 Было... къ поэмамъ клонять слухъ
 Цари, вельможи и герои,
 Свой ими восхищаютъ духъ
 И въ часъ бранномъ, и въ покоѣ.
 А палъ прелестный какъ любилъ
 Рондо, сонеты, мадригалы!...
 Поэтъ тогда лишь ими жилъ,
 Прелесты жъ ими и дышали!...

Геройство жъ и красы пѣвцы
 Были не очень прихотливы;
 Награда ихъ была—вѣнцы
 Изъ лавра, мирты и оливы...

Иной поэтъ за милый взглядъ
 Въ поэзи сталь исполиномъ;
 А въ насъ такой огонь наврядъ
 Разжегъ-бы кто карболеиномъ.

Намъ—золото давай скорѣй,
 Намъ дай аренды, майоратства!...
 На аукціоны у людей
 Пошли душевныя богатства!..

Теперь вездѣ, куда ни взглянь,
 Терзають духъ одни итоги,
 Разчеты, щепетильна дрянъ!...
 Поэзи жъ нигдѣ! О боги!!

Капризный и скеляжный вѣкъ!
 Ты все самъ дробишь на атомы,—
 Тебѣ-жъ поэтъ—не человѣкъ,
 Стиховъ не напечатавъ томы.

Бѣгу... отъ риѣмъ, и стопъ, и формъ—
 Ихъ не забрать и паровозу!...
 Конекъ мой! на подножный кормъ!
 А я пущусь пѣшечкомъ въ прозу.

И жду, покамѣсть на Парнасъ,
 На акціяхъ риѣмъ, понемногу,
 Устроить Англія для насъ
 Уже желѣзную дорогу.

По ней домчимся мы какъ разъ
 На верхъ Парнаса въ полъ-минуты
 Намъ будутъ оды на заказъ
 Туда вѣрнѣйшіе маршруты.

XXV.

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ.

Сент. 21 дня 1848.

Шестьдесятъ и пятый годъ!
 Здравствуй мой пріятель!
 Вновь идти съ тобой въ походъ
 Мнѣ велить Создатель!
 Слушаю,—иду, иду,—
 И несу всю ношу;
 Тяжело, терплю бѣду,
 А ее не брошу.
 За спиною выросъ горбъ,
 Голова плѣшива,
 И весь сталъ въ морщинахъ лобъ,
 Рожа не красива.
 Нечѣмъ ѣсть, ужъ нѣтъ зубовъ,
 Худо носить ноги,
 И не вижу безъ очковъ
 Столбовой дороги.
 Днемъ и ночью: ахъ да ахъ!
 Гдѣ мой сонъ дѣвался?
 Кажется бѣ упалъ да легъ,
 Спалъ, не просыпался.
 А какъ легъ,—болятъ бока!
 Гдѣ покой желанный?
 Скорчишь рожу старика
 И встаешь какъ пьяный.
 Такъ! не спавши и вставай
 На дѣла, къ работамъ;
 Богъ далъ день,—а пищу?—Знай,
 Нѣтъ конца заботамъ!
 Созданъ человекъ на трудъ:
 Благо какъ есть силы;
 А какъ хворости придуть,
 Какъ тутъ до могилы?...

Станешь и годамъ не радъ,
 Радъ придать имъ бѣгу,
 Только бы не опоздать
 Къ вѣчному почлегу.
 Вы какъ мыслите, друзья?
 И жена, и дѣти!
 Не заврался ли ужъ я?
 Можно въ эти лѣта!...
 Надо намъ поговорить
 Скоро о Цуховной.
 Но какъ нечѣмъ васъ дѣлить,
 То пунктъ сей не спорный.
 Повода не будетъ вамъ
 За дѣлежъ браниться,
 И моимъ чрезъ брань востямъ
 Въ гробъ шевелиться.
 Бога въ сердцѣ я имѣлъ,—
 Вотъ мое имѣнье!
 Оставляю вамъ въ удѣлъ
 На благословенье.

XXVI.

Годъ 67 моей жизни.

И шестьдесятъ седьмой примчался на рысяхъ!!!
 Тяжелый грузъ тащу! пищу: Увы и Ахъ!!!
 Да долголь мнѣ еще дежурить?
 По чести—я усталъ;
 И на дежурствѣ брови хмурить
 Я по неволѣ сталь...
 Вѣкъ цѣлый бился, бился,
 Какъ рыба бѣдная объ ледъ,
 А до покоя не добился.
 Глотай полынь ты,—а не медъ.

И вышло: истинны Крылова аксіомы
 (Но мнѣ по слуху лишь онѣ были знакомы),
 Что Мишенька зимой имѣеть что сосать,
 Коль лѣтомъ лапу въ медь умѣль онъ запускать.
 Что тѣмъ звѣркамъ на старость слава, честь,
 У коихъ болѣе пушку на рыльцѣ есть.
 Не всѣмъ же удалось быть въ жизни Муравьями.
 Чтобъ къ зимѣ—старости собрать довольный кормъ:
 Довольно и того—не быть чтобъ Стрекозами;
 А нужно жъ имъ имѣть хоть норку или домъ,
 Подъ старость гдѣ бъ могли улечься,
 И хоть голоднымъ, да согрѣться.
 А ты, о труженикъ! чернорабочій Воль!
 Или армо таскай, иль подъ обухъ пошолъ!...
 На старость нѣтъ тебѣ середины,
 Не жди ты корму—а дубины.
 Былъ молодъ, въ силахъ—ты пахалъ,
 Я кормъ тебѣ давалъ,
 За то теперъ отдай ты кожу
 Съ говядиной... Я словъ не множу.

Сентября 21 дня 1850 года.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. ¹⁾

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ въ харьковскомъ сборникѣ—сборникѣ *народныхъ разсказовъ о кладахъ* (48 страницъ), записанныхъ сельскими учителями и учительницами въ Купянскомъ уѣздѣ. Малороссія—классическая страна кладовъ; здѣсь дѣйствительно ихъ много и въ особенности много народныхъ разсказовъ о кладахъ. Эта любопытная область фолклора, гдѣ *wahrheit* и *dichtung* переплелись между собой весьма тѣсно, впервые подробно разсмотрѣна г. Ивановымъ. До сборника г. Иванова было нѣсколько сообщеній у Чубинскаго, Руликовскаго, Кольберга, Я. Новицкаго, Драгоманова (14 разсказовъ), Кіев. Старинѣ, въ разныхъ газетахъ (напр. Харьк. Вѣд. 1887, № 146) и въ разныхъ провинціальныхъ этнографически-статистическихъ изданіяхъ (напр., въ *Опис. Черниг. епархіи Филарета V*, 218). Г. Ивановъ даетъ 75 разсказовъ, записанныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ, причемъ разсказы эти распределены по ясной системѣ, вслѣдствіе чего этотъ трудъ г. И. заслуживаетъ вниманія не только любителей фолклора, но и вообще изслѣдователей мѣстной старины. Въ разсказахъ обнаруживается страсть малоруссовъ къ кладоискательству, раскрываются мѣстныя бытовые особенности, историческія воспоминанія и кое-какія міѳологическія черты.

Въ началѣ статьи г. И. говоритъ, что повѣрья и разсказы о кладахъ могутъ послужить основаніемъ для разнородныхъ

¹⁾ Кіевск. Стар. 1892 г. № 6.

соображеній, выводовъ и сближеній. Въ нихъ можно отмѣтить черты локализаціи небесныхъ явленій, вѣры въ силу челоуѣческаго слова, анимизма и демонологіи. При этомъ г. И. доказываетъ мнѣніе, что нѣкоторыя повѣрья и сказки о кладахъ могли возникнуть подъ вліяніемъ изображеній на старинныхъ монетахъ на творческую фантазію народа. Такъ, на лицевой сторонѣ древнихъ кіевскихъ монетъ находится изображеніе сидящаго старика, отъ шеи и отъ рукъ котораго идутъ ряды колець, принимаемыхъ нѣкоторыми нумизматами за украшающіе одежду жемчужные снурки; они легко могли быть приняты за цѣпи, которыми прикованъ къ сидѣнію старикъ, и вызвать повѣрье, что это серебро старика, прикованнаго и стерегущаго кладъ. На другихъ древнихъ монетахъ княжескаго періода встрѣчаются изображенія разныхъ четвероногихъ животныхъ и птицъ, которыя также могли потомъ считаться охранителями кладовъ.

Обращаясь къ народнымъ рассказамъ, г. Ивановъ группируетъ ихъ въ такомъ порядкѣ:

1) Рассказы о томъ, кто зарывалъ клады и какими обрядами сопровождалось зарываніе ихъ. Зарывали разбойники, или татары, или турки, съ заклятіями.

2) Когда и въ какомъ видѣ выходятъ изъ земли клады. Выходятъ весной или подъ большіе праздники, они являются людямъ или въ видѣ дряхлаго старика, или въ видѣ животного. Въ видѣ старика кладъ является въ 7 рассказахъ, причѣмъ въ однихъ случаяхъ старикъ служитъ прямымъ олицетвореніемъ клада, въ другихъ—даетъ деньги или совѣтъ, какъ вырыть кладъ. Въ 5 рассказахъ кладъ является въ видѣ коня, въ 2—собаки, 2—быка, 2—барана, 2—свиньи, 4—пѣтуха, 10—квочки. Нѣсколько рассказовъ о свѣчѣ надъ кладомъ, о томъ, что его можно взять только по назначенію, съ молитвою. Описаніе пріемовъ, какъ взять кладъ. Перечень 12-ти страховъ, какими черти пугаютъ людей, намѣревающихся сорвать цвѣтъ папоротника. Отмѣчено нѣсколько случаевъ упорнаго исканія клада. Приведены народныя указанія на мѣста нетронутыхъ кладовъ.

Нѣкоторые рассказы вызываютъ частныя сравненія, напр., рассказъ о томъ, какъ мужикъ для полученія заклятаго влады долженъ былъ вспахать поле двумя пѣтухами.

Во II т. Сборника Харьковского Историко-Филологическаго Общества (1890 г.) П. В. Ивановъ помѣстилъ „*Игры крестьянскихъ дѣтей въ Кулянскомъ уѣздѣ*“. Въ ряду другихъ сборниковъ малорусскихъ дѣтскихъ игръ сборникъ г. Иванова выдается по полнотѣ и подробности въ описаніи игръ. Всѣхъ игръ 95, именно: 15 игръ съ палками, 10 съ мячемъ, 4 съ ножичкомъ, 8 съ дощечками, камышками или косточками, 3 съ жгутомъ, 4 въ куплю-продажу, 21 съ ловлею (прятки, жмурки), 4 въ адъ и въ рай, 6 игръ съ гонкою и 13 игръ съ переговорами и припѣвками. Г. Ивановъ исключилъ воспроизводительныя игры, т. е. игры, въ которыхъ дѣти подражаютъ взрослымъ. Это исключеніе представляется неправильнымъ. На подражательныхъ играхъ можно прослѣдить, какія бытовыя и общественныя явленія въ настоящее время дѣйствуютъ на умъ и воображеніе дѣтей, что вносить школа. Г. Ивановъ ограничивается замѣчаніемъ, что дѣвочки воспроизводятъ обыкновенно занятія и слова матерей, мальчики-отцовъ; иногда они воспроизводятъ явленія общественной жизни, судъ и расправу, церковныя процессіи. По наблюденіямъ г. И. для взрослой деревенской молодежи игры на воздухѣ потеряли свою привлекательность. Подъ описаніемъ каждой игры указано мѣсто, гдѣ она записана. Употребляемые при играхъ термины, приговоры занесены въ текстъ буквально. Собиратель пользовался для сравненій сборниками Сахарова, Терещенка и Чубинскаго. Указываю здѣсь литературу предмета.

1) *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа, 1837; во 2 части помѣщено 62 игры.

2) *Терещенко*, Бытъ русскаго народа, 1848, въ IV томѣ масса игръ—223, въ томъ числѣ собственно дѣтскихъ 27.

3) *Чубинскій*, Труды этногр.-стат. экспед. въ зап.-рус. край, т. III (1872 г.) 58 игръ и въ IV (1877) 28, всего 86.

4) *Сементовскій* въ Маякѣ 1843 г. XI, дѣлаетъ обзоръ слѣдующихъ дѣтскихъ игръ въ полтавской и черниговской гу-

бёрніяхъ: король, перепелка, галка, щитка, укравъ рипки, дробушка, воронъ (подробное описаніе); упоминаются игры въ хрещикъ, гуси, довголаза, горидубъ и шесть игръ въ мячъ (въ гилку, стѣнку, ваши, свинку, горобця и городка).

5) *Срезневскій* въ Маякѣ 1843, XI, подробно описалъ игру въ короля; упоминаются кривой танецъ, кострубоньки и нѣкот. др.

6) *Метлинскій* въ Маякѣ 1843, XI, упоминаетъ объ игрѣ въ крашанки или на-вбитки.

7) *Максимовичъ*, Дни и мѣсяцы украинскаго селянина (напеч. въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., потомъ во 2 т. Собр. соч. 1877 г.). Здѣсь приведены слѣдующія дѣтскія и дѣвическія игры, съ превосходными историческими и бытовыми комментаріями: 1) дзвонця (съ приказкой о татарахъ), 2) танци, или корогоды, круговые и ключевые, 3) перепелка, 4) заюшка, 5) выступецъ (съ историческимъ именемъ Вишневецкаго), 6) просо сѣять, 7) шумъ (эта игра связана съ Днѣпромъ), 8) дѣтская приказка при купаньѣ въ рѣкѣ, 9) завиваніе вѣнковъ (троицкое), 10) сухой дубъ, 11) дробушки (игра эта связана съ русалками) и 12) кострубонько, (стр. 471, 474—479, 496, 505—509, 514, 521). Игры, запис. Максимовичемъ, относятся къ Киевской губерніи, къ Наднѣпровью.

8) *Шейковскій*, бытъ Подолянъ 1860 (вып. I). Здѣсь приведено нѣсколько весеннихъ игръ и пѣсень, съ приложеніемъ мало идущихъ къ дѣлу замѣчавій о міросозерпаніи древняго человѣка.

9) *Свидницкій*, въ статьѣ „Великдень у подолянъ, нап. въ окт. и нояб. книжкахъ „Основы“ 1861 г., подробно описываетъ слѣдующія парубочія игры: 1) шила быты, 2) кашу варыты, или въ коня граты, 3) харлай, 4) довга лоза (парубочій и дѣвичій варианты игры), 5) чортъ, 6) дзвонця (то же, что „вежа“ Лозинскаго), 7) игры въ мячъ, 8) въ просо, 9) въ дзвена, 10) въ баштана, 11) въ нимця, 12) жмурки, или пжмурки (подробное описаніе), 13) кривой танецъ, 14) горощкъ, 15) зайнька, 16) шумъ, 17) жельманъ (весьма подробное описаніе), 18) кострубонько, 19) колодій. Въ этнографическомъ отношеніи статья Свидницкаго (особенно сдѣланное имъ опи-

саніе дѣтскихъ и парубочкихъ игръ) представляется весьма цѣнной.

10) *Лозинскій* въ „Зорѣ Галицкой“ 1860 г. (львовское изданіе) описалъ слѣдующія весеннія (великодныя) игры галицко-русскихъ крестьянскихъ молодыхъ людей и дѣтей: 1) мада купа, 2) вежа (становятся другъ на друга), 3) проба писанокъ, 4) млынокъ, 5) качало, 6) проба ланцюха, 7) гусакъ, 8) кручокъ, 9) воробчикъ, 10) мышка, 11) колесо, 12) дѣдъ, 13) чадо, 14) впускъ до раю, 15) гая. Кромѣ того, приложено 5 игорныхъ пѣсень, изъ коихъ одна относится къ игрѣ въ кострубоньку.

11) *Маркевичъ*, Обычаи и повѣрья малороссіянъ, 1860 г. На стр. 70—77 описаны игры: 1) воронъ, 2) перепелка, 3) король, 4) дурне колесо, или укравъ рипки, 5) дробушка, 6) галка, 7) щитка, 8) просо, 9) макъ, 10) деръ-деръ, и затѣмъ упоминаются горѣлки, бабки и кулачный бой. Описаніе помянутыхъ игръ почти дословно взято у Сементовскаго (изъ Маяка 1843 г.).

12) *Лисенко*, Молодоци, 1875 (Кіевъ). Здѣсь приведено нѣсколько игръ и приложены мелодіи веснянокъ и игорныхъ пѣсень.

13) *Bykowski* во 2 т. „Zbiór wiadom. do autrop. krajow.“. 1878 г. описалъ весеннюю дѣвичью игру „кусть“ въ окрестностяхъ Пинска, причемъ привелъ 12 сопровождающихъ эту игру пѣсень. По языку пѣсни вполнѣ малорусскія. Объ игрѣ въ „кусть“ говорится, между прочимъ, въ соч. г. Мандельштама. „Опытъ объяс. обыч.“ с. 228.

14) *Moszynska*, Kurajlo, w Zbiór wiadom. do autrop. krajow. 1881. V. Здѣсь описаны: 1) вязаніе колодокъ (съ пѣснями), 2) володарь, 3) кривый танецъ, 4) шумъ, 5) макъ, 6) зайчикъ, 7) нелюбчикъ, 8) царенко, 9) квась, 10) краска, 11) пижмурокъ, 12) бжолы, 13) блохи, 14) жукъ, 15) мышка, 16) жиня, 17) грибъ, 18) шулякъ, 19) гуси, 20) реготунъ, 21) хрещикъ, 22) карапусныця, 23) силь, 24) довга лоза, 25) верниголова, 26) коромысло и 27) шука. При многихъ описаніяхъ приведены игорныя пѣсни. Всѣ игры записаны въ окрестностяхъ Вѣлой Церкви кіев. губ.

15) *Kolberg, Pokucie I 1882*. Въ отдѣлѣ „Zabawy na Welykden“ находятся описанія дѣвичьихъ игръ: 1) воробей, 2) огирокъ, 3) вербовая доска, 4) жукъ, 5) мужъ и жинка, 6) ко-струбъ, 7) дидъ и баба, 8) рынокъ, 9) перепелочка, 10) диво-роюваты, 11) жельманъ, 12) жинка, 13) воротарь, 14) журыло, 15) крутый ридъ, 16) горщикъ, 17) сосненка, 18) ворота, 19) грушка, 20) сваты, 21) бильце, 22) билоданчикъ, и парубоцкія: 23) деркачъ, 24) дзвинъ, 25) хвистъ, 26) котъ, 27) лозы, 28) лубокъ, 29) перескички, 30) пынки, 31) шекало, 32) крамарь, 33) монастырь, 34) зграя, 35) Богъ и дидко, 36) дидъ, 37) шипорни, 38) плазъ, 39) вакъ и копець. Дѣвичьи игры сопровождаются пѣснями, къ которымъ приложены ноты. Игры №№ 1, 2, 3, 4, 9, 11, 13, 18, 23 приводятся въ нѣсколькихъ вариантахъ, такъ что всѣхъ №№ у Кольберга считается не 38, а съ вариантами 62. Описаніе игръ сдѣлано съ свойственной Кольбергу точностью.

16) *Потебня*, Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, 1883 г. Здѣсь находятся обширныя и въ высокой степени цѣнныя въ научномъ отношеніи изслѣдованія слѣдующихъ весеннихъ игръ и пѣсенъ: 1) сѣянье проса, 2) ворота, 3) воротарь, 4) мосты, 5) вербовая дощечка и 6) горю-дубъ.

17) *Szablewska*—подробное описаніе игры „Кривой танецъ“ подъ Збаражемъ, въ *Żbiór wiadom. do antrop. krajow.* 1883. VII.

18) *Сборникъ* матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа, изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, т. V. 1886 г. Здѣсь описаны дѣтскія игры и забавы въ Кубанской и Терской областяхъ. Описаніе составлено учителями станичныхъ и городскихъ училищъ, по приглашенію Окружнаго начальства и по инициативѣ д—ра Е. А. Покровскаго. Этотъ сборникъ дѣтскихъ игръ почти всецѣло вошелъ въ вышедшій вскорѣ сборникъ г. Покровскаго.

19) *Покровскій*, Дѣтскія игры, преимущественно русскія (съ 105 рисунками), 1887 г. Въ этомъ громадномъ и цѣнномъ сборникѣ дѣтскихъ игръ встрѣчаются изрѣдка и малорусскія. Огромное большинство—игры великорусскія; затѣмъ есть игры вотяцкія, калмыцкія, грузинскія. Въ обширномъ „введеніи“

г. Покровскій говоритъ объ историческомъ, этнографическомъ и педагогическомъ значеніяхъ дѣтскихъ игръ. Пѣсни исключены, поговорокъ почти совсѣмъ нѣтъ; отдѣльныхъ техническихъ словъ въ сборникѣ г. Покровскаго весьма мало.

20) *Исаевичъ* собралъ въ окрестностяхъ г. Переяслава значительное число дѣтскихъ игръ, которыя напечатаны были съ предисловіемъ г. Горленка въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1887 г. Здѣсь находимъ: 1) Игры въ мячъ: а) высокій дубъ, или горе-дубъ, б) гилка простая, в) гилка сложная, г) гилка матковая, или матка, д) чортючка, е) каша, ж) яйца пички (великорус. ямки), з) баранъ, и) стинка № 1, і) стинка № 2; 2) Игры въ карты: а) пьяныця, б) свиня, в) видьма, г) визъ, д) дурень, е) неvirный дурень, ж) хвалька, з) цыганъ, и) сыжъ, і) хвиль, к) шистъ, л) хлюсть, м) нисъ, н) скубки, о) джгутъ, п) манахвейка, р) лава; 3) игры въ палки и кости: а) даровище, б) швайка, в) швайка съ цуркою, г) пурка, д) булка или бурда, е) школубъ или генъ-генъ, ж) тыкало, з) голый у голого, и) шапучка, і) шалахва, к) шкаребертъ, л) шкандыбки, м) шуль, н) скракли, о) палочки, короли, п) паці (бабки); 4) Игры „Зборная дружина:“ а) коромысло, б) ришка, в) таранъ, г) шуба, д) перевозить бабу, е) пукалка, ж) сикавва, з) плести лозу, и) довга лоза, і) сухій вовкъ, к) мала куча, л) тисна баба, или давить олію, м) куца баба, или ци-ци баба, н) квачъ, о) горилки, п) кони, р) ковзалка, репалка с) спускалка, т) крутилка, у) гуси, ф) воронъ, х) котики, ц) сучка, ч) кулачки. Итого въ короткихъ чертахъ описано 10 игръ въ мячъ, 17 игръ въ карты, 16 игръ въ палки и кости и 24 игры „Зборной дружины“, итого 67 игръ; игры въ карты составляютъ любопытную новинку въ малорусской этнографіи. Пѣсни и поговорки опущены. „Мнѣ едва ли удалось записать и четвертую часть игръ, обращающихся въ названной мѣстности“ (т. е. переяславскомъ уѣздѣ), замѣчаетъ г. Исаевичъ въ концѣ своего сборника.

21) *Kopernicki* въ *Zbiór wiadom. do antrop. krajow. XI* 1887 г., въ этнографическомъ описаніи Волыни приводитъ всеннія игры: 1) жена, 2) зайчикъ, 3) нелюбъ и милый и 4)

кривой танецъ и затѣмъ дѣтскія игры: 1) горобецъ, 2) рожа, 3) гуси, 4) деревце, 5) прижмурки и 6) основа.

22) *Сумцовъ*, въ сент. вѣн. „Кіевской Старины“ 1889 г. помѣстилъ краткія замѣтки о слѣд. играхъ: 1) водить тополю, 2) король, 3) кугиклы, 4) воротарь, 5) кострубонько, 6) кулачки и 7) паци (бабки).

23) *Иксъ*, *Zabawy, gry i tance ludowe w okolicy Międzyrzecza podlasniego*, въ *Wisła* 1889; между прочимъ описаны малорусскія игры въ гуть (бѣгъ парубковъ въ перегонку), ката и щура, крука, войну и кругъ съ Полянкой (Пелагеей?).

24) *Wanke (Anna)*, *Halahicki*, въ *Zbiór Wiadomosci* 1889. XIII; 14 игръ парней и дѣвушекъ: мала купа, вѣжа, млынокъ, качало, проба ланцуха, гусакъ и кручоць (парубоцкія); воробчикъ, мышки, колесо, дидъ, чадо, впусъ до раю и галя (дѣвичья). Подробное изложеніе содержанія этихъ игръ сдѣлано въ I кн. „Живой Старины“ 1892 г.

Для широкихъ сравненій могутъ быть привлечены великорусскія дѣтскія игры въ статьѣ г. Хрущова въ „Извѣст. Геогр. Общ.“ 1885, въ сборникѣ г. Покровскаго 1887 г., въ сборникѣ г. Тиханова въ „Матер. для изуч. крест. быта“ 1889, сербскія въ „Животерба селяка“ Миличевича III 1877 (30 игръ), болгарскія въ Сборникѣ за народ. умовѣ. I 1889 (14 игръ) польскія въ „Lud“ Кольберга, томы 2, 3, 5, 9, въ ст. Петрова во 2 т. „Sbiór wiadom. do antrop. krajow“, въ старинномъ соч. Голембiovскаго „Gry i zabawky“; для болѣе широкихъ сравненій драгоценный матеріалъ даютъ Либрехтъ въ соч. *Zur Volkskunde*, Тэйлоръ въ соч. „Первобытная культура“, особенно Пlossъ въ соч. „Das Kind in Brauch und Sitte der Völker“ 1884 г. и Роланъ въ соч. „Rimes et jeux de l'enfance“ и затѣмъ французскіе сборники Тарбе, Бюжо, Пюимегра, Арбо, сборники италіанскихъ дѣтскихъ игръ Анджелети, Форнари, Дальмедичо; еврейскія дѣтскія игры въ Этногр. Обзор. 1891 II.

О дѣтскихъ присказкахъ и поговоркахъ игорныхъ см. обильные матеріалы въ *Wisła* 1888 и 1889 годовъ (328, 660 и др.).

Научное значеніе дѣтскихъ игръ, собранныхъ г. Ивановымъ, съ трудомъ поддается общему опредѣленію. При изученіи тѣхъ

или другихъ сторонъ фольклора можно пользоваться съ успѣхомъ этимъ сборникомъ. Я позволю при этомъ указать на свои статьи о воронѣ и зайцѣ (въ Этнограф. Обзор.), въ которыхъ нашли мѣста двѣ, какъ я думаю, весьма древнія игры, взятія изъ сборника г. Иванова. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ играхъ можно усмотрѣть остатки древняго почитанія силъ и явленій природы (дѣтскія приказки о дождѣ, обращенія къ божьей коровкѣ, или солнышку), можно подмѣтить слабыя историческія воспоминанія (набѣги татаръ), или историко-бытовья культурныя переживанія (лукъ самострѣль, кулачки).

Въ III т. Сборника Харьк. Историко-Филол. Общества (1891 г.) г. Ивановъ помѣстилъ обширный *сборникъ народныхъ разсказовъ о вѣдмахъ и упыряхъ*. Изъ краткаго предисловія г. И. видно, что сборникъ составлялся въ теченіе 14 лѣтъ изъ матеріаловъ, доставленныхъ учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Въ началѣ сборника приведены общія народныя понятія о вѣдовствѣ; затѣмъ слѣдуютъ 14 приемовъ опредѣленія вѣдьмъ, раздѣленіе ихъ на родимыхъ и робленыхъ, о полетахъ ихъ на шабашъ, берегахъ коровъ (нѣсколько разсказовъ о собацѣ ярчукѣ), много разсказовъ объ оборотничествѣ вѣдьмъ чаще всего въ бѣлую собаку, иногда въ свинью, клубокъ, кошну, колесо, муху, яблоко.—Далѣе слѣдуютъ разсказы о томъ, какъ вѣдьмы обращали людей въ животныхъ, производили засуху, о смерти и посмертныхъ явленіяхъ вѣдьмы. Сборникъ оканчивается немногими разсказами объ упыряхъ. Наиболее обширный и цѣнный отдѣлъ—сказки о превращеніяхъ. Многія сказки въ этомъ сборникѣ г. Иванова представляютъ историко-литературный интересъ, напр.: сказка о злой женѣ и ея мужѣ, весьма сходная съ сказкой „Диковина“ въ сборникѣ Манжуры, подробно разсмотрѣнной нами въ другомъ мѣстѣ, сказка о ѣздѣ парубка на вѣдьмѣ, смерти ея и чтеніи надъ ней въ церкви псалтыри—сказки типа Гоголевскаго Вія, уже разсмотрѣнной нами въ мартовской Кн. Кіев. Старины 1892 г., цѣлый рядъ сказокъ на тему „Гусара“ А. С. Пушкина и др.

Литература предмета весьма обширна. Въ томъ же III т. Сборника я помѣстилъ библиографическій указатель сочиненій

о вѣдмахъ и упыряхъ въ 408 №№ (204 соч. на русскомъ языкѣ, 83—нѣмецкомъ, 58—французскомъ, 33 польскомъ, 11 италянскомъ, по 6 на англійскомъ и чешскомъ, 4 болгарскомъ, 2 сербскомъ и 1 на латинскомъ). Нѣтъ надобности здѣсь пояснять, что эта библиографія далеко не исчерпываетъ предмета, чрезвычайно сложнаго и обширнаго. Отсылая интересующихся фолклоромъ къ этому указателю, я отмѣчу здѣсь, что о малорусскомъ колдовствѣ съ наибольшей подробностью, не считая г. Иванова, говорятъ Кольбергъ въ III т. „Рокисіе“ Антоновичъ въ 1 т. „Трудовъ“ Чубинскаго, Драгомановъ въ Малор. нар. преданіяхъ, Чубинскій въ 1 т. „Трудовъ“, Ефименко въ Кіев. Стар. 1883 VI и XI, Кулишъ во II т. „Записокъ о юж. Руси“, Подберескій въ IV т. „Zbiór Wiadomości“, Рокоссовская въ XIII т. „Zbiór Wiadomości“, Руликовскій (ibid. т. III) и Сумцовъ въ „Культурныхъ переживаніяхъ“.

Какъ минимальное условіе при изданіи новыхъ матеріаловъ о малорусскихъ вѣдмахъ и упыряхъ, можно поставить предварительное сличеніе ихъ, по крайней мѣрѣ, съ двумя наиболѣе подробными сборниками Иванова и Кольберга.

Н. Ф. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отрывки изъ записокъ Автонома Аки- мовича Солтановскаго.¹⁾

Не могу не вспомнить еще одного эпизода изъ моей гимназической жизни. Гимназія была въ 17 верстахъ отъ мѣстожителства моихъ родителей. Мать въ хорошую погоду и при хорошей дорогѣ посѣщала меня почти каждое воскресенье, привозила мнѣ изъ нашего сада фрукты и иногда домашнія печенія. Все это я истреблялъ съ товарищами дня въ три. За такое потчиваніе товарищи мнѣ уступали во всѣхъ играхъ первенство. Это мнѣ льстило. Мать мнѣ иногда оставляла на сласти коп. 10, 15 сер. Сладкими я тоже дѣлился съ товарищами. Но случилось иногда для поддержанія первенства угощать товарищей въ такое время, когда у меня не было ни денегъ, ни печеній, ни фруктовъ. Я рѣшился кредитоваться у еврея, всегда торчавшаго со сладкими подлѣ нашей квартиры. Съ полученіемъ денегъ я расплачивался съ евреемъ, но все таки къ концу года образовался должокъ въ 45 коп. сер. Стыдясь сознаться отцу, который за мной пріѣхалъ, я молилъ Бога, чтобы мнѣ удалось ускользнуть домой, не встрѣтись съ евреемъ и не давши ему возможности обратиться къ отцу. Это мнѣ дѣйствительно удалось; но хотя я ему надѣялся уплатить послѣ вакацій, однако совѣсть моя не была покойна. Чуть залаютъ собаки, я такъ и жду—не явился-ли еврей. Вакаціи приходили къ концу. Я началъ успоаиваться. Но вотъ однажды отецъ, возвращаясь со службы, у воротъ нашихъ засталъ противнаго еврея, который

¹⁾ См. Кіевская Старина, 1892 г., № 6.

поджидаль случая увидѣться со мною. Дѣло объяснилось. Отець заплатилъ еврею 45 коп. и объявилъ, что если онъ посмѣетъ впередъ отпускать мнѣ въ кредитъ, то деньги ему не будутъ уплочены. Отець никогда меня не наказывалъ тѣлесно, не дозволялъ наказывать и матери; никогда не горячился, не кричалъ, но только становился угрюмымъ, несообщительнымъ со мною, а затѣмъ, когда я, вполнѣ сознавъ свою вину, приносилъ извиненіе, отецъ дѣлалъ мнѣ замѣчаніе и наставленіе. Вслѣдствіе такого обращенія отца со мною, я ужасно боялся сдѣлать ему неприятное и тѣмъ измѣнить его обращеніе со мною. Мать позволяла себѣ меня бранить, прикрикивала на меня, за то я ея менѣ боялся, менѣ любилъ и держалъ себя неосторожно и даже непочтительно въ ея присутствіи. Я тогда только смирялся и просилъ прощенія, когда она успокоившись, объявляла, что все перескажетъ отцу. И по дѣлу еврея отецъ ничего не сказалъ мнѣ, но я замѣтилъ въ немъ перемѣну относительно меня. Мнѣ было больно, и я самъ заговорилъ, обѣщая никогда не дѣлать долговъ. Отець добрымъ голосомъ заговорилъ со мною, и сталъ мнѣ давать наставленія. Съ тѣхъ поръ и до 60 лѣтъ жизни во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ я изворачивался такъ, что никогда не заводилъ долговъ.

Всѣ сослуживцы мои въ гимназій, за исключеніемъ инспектора Т—ова, учителя Петра Дмитріевича К—ка и гимназическаго надзирателя П—скаго, оказались люди весьма добрые. Но почти всѣ они исполняли свои учительскія обязанности рутинно-механически. Впрочемъ, какъ я удостовѣрился впоследствии, иначе они исполнять ихъ и не могли. Определенная до мелочей программа, наборъ однихъ подходящихъ фактовъ, шпіонство надзирателя П—скаго, ревнивое наблюденіе Т—ова и Траутфеттера ставили учителей историческихъ наукъ и словесности въ механическихъ исполнителей программы и заставляли ихъ безъ всякихъ объясненій ограничиваться учебниками. Это рождало апатію, равнодушіе къ службѣ. П—скій вслѣдствіе полномочій отъ Т—ова постоянно подслушивалъ у дверей и позволялъ даже себѣ подъ разными предлогами входить въ классъ и прерывать занятія. Это порождало столкновенія между

учителями и инспекторомъ. Ученики за шпионство и доносы не терпѣли П—скаго, и онъ былъ даже нѣсколько разъ ночью поколоченъ. Т—овъ употреблялъ его еще, какъ посредника при полученіи взятокъ съ учениковъ и какъ подрядчика общихъ квартиръ. Учителя языковъ и математики, хотя были менѣе стѣснены, но и они проникались общимъ духомъ апатіи и служили спустя рукава, лишь-бы благополучно отбыть ревизію попечителя округа или инспектора казенныхъ училищъ. Вообще для тѣхъ проходила благополучно ревизія, которые были хорошо рекомендуемы директоромъ и инспекторомъ, а прочимъ дѣлались замѣчанія со словъ директора и инспектора.

Послѣ венгерской компаніи введенъ былъ въ преподаваніе новый предметъ, поглотившій все вниманіе и усердіе инспектора. Стали обучать всѣхъ безъ исключенія учениковъ равенію, выправкѣ военной и маршировкѣ. Это ежедневно поглощало нѣсколько часовъ. Инспекторъ нашъ былъ впрочемъ человѣкъ не безъ способностей, мастеръ былъ писнуть, даже стихи. Одни изъ нихъ появились въ „Сѣверной Пчелѣ“ по случаю высадки союзниковъ въ Крыму. Въ этихъ стихахъ онъ изобразилъ Россію неизблемымъ утесомъ, о который должны разбиться всѣ усилія Европы. Т—овъ былъ сынъ комиссаріатскаго чиновника. Отецъ его скоропостижно умеръ. Мать съ небольшимъ сбереженіемъ поселилась въ Кіевѣ и опредѣлила сына въ гимназію. Здѣсь онъ встрѣтился и подружился съ ученикомъ Л—овымъ. Окончивъ 6 классовъ, Т—овъ опредѣлился въ гражданскую службу, но когда Л—овъ, въ должности столоначальника въ канцеляріи учебнаго округа, получилъ вліяніе на дѣла округа, Т—овъ перешелъ въ учебную службу. Назначенъ былъ учителемъ въ уѣздное училище, а затѣмъ младшимъ учителемъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію. Онъ выдавалъ себя за родственника Л—ова, и какъ только Л—овъ достигъ должности правителя канцеляріи округа, Т—овъ сейчасъ назначенъ былъ исправляющимъ должность, а затѣмъ и инспекторомъ въ Ровенскую гимназію. Т—овъ отлично владѣлъ польскимъ языкомъ, ѣздилъ кутить и жуировать въ окрестности Каменца къ мелкопомѣстнымъ польскимъ помѣщикамъ

и управляющимъ крупными имѣніями; успѣлъ понравиться дочери какого-то управляющаго, женился на ней, и получилъ въ приданое 5000 р. сер. Эта молодая женщина скоро умерла отъ родовъ, оставивъ ему трехъ сыновей. Т—овъ все время служенія его инспекторомъ, а затѣмъ директоромъ въ Ровенской гимназіи боялся меня, какъ огня, и старался подъ меня поддѣлываться; хотя я зналъ навѣрное, что подвернись только случай, онъ поспѣшилъ бы утопить меня въ ложкѣ воды. Къ счастью у меня и по должности надзирателя общихъ квартиръ, и по должности учителя все было въ должномъ порядкѣ. Траутфеттеръ, сталъ хлопотать черезъ брата о переходѣ въ другую гимназію. Вскорѣ ему представился случай перейти на высшее мѣсто директоромъ гимназіи и училищъ Подольской губерніи. Тамъ директорствовалъ Р—енко, переводчикъ одной изъ драмъ Шекспира и, кажется, сотрудникъ „Морскаго Вѣстника“. Онъ сначала служилъ директоромъ училищъ на Кавказѣ. Изъ Каменца по какимъ то причинамъ рѣшили его перевести на низшее мѣсто въ Ровно. Траутфеттеру сослуживцы не сдѣлали ни прощальнаго обѣда, ни вечера, потому что онъ былъ только сносный начальникъ, но, за исключеніемъ нѣмцевъ, никого изъ сослуживцевъ не жаловалъ и ни въ чемъ имъ не оказывалъ никакого содѣйствія. Р—енко, сухой, средняго роста человѣчекъ, блондинъ, съ огромною плѣшью, въ очкахъ, держалъ себя сановникомъ. Обошелъ классы разъ по пріѣздѣ своемъ передъ Рождествомъ и затѣмъ не показывался въ гимназію до самыхъ экзаменовъ. Учителямъ визита не сдѣлалъ и у себя ихъ не принималъ. Его можно было видѣть только на нѣсколько минутъ во время полученія жалованья, которое онъ раздавалъ самъ лично. Никто изъ учителей, за исключеніемъ Петра Дмитріевича Коленка, не былъ никогда имъ приглашенъ присѣсть. Р—енко пріѣхалъ въ каретѣ съ ерѣпостными людьми. Визиты сдѣлалъ только высшей городской чиновной аристократіи, съ которой игрывалъ въ карты. Одинъ только Петръ Дмитріевичъ Коленко достигъ таки того, что Р—енко сталъ приглашать его къ себѣ на чай и принималъ наравнѣ съ другими своими гостями и игрывалъ съ нимъ въ карты. Посред-

ствомъ Коленка и Т—ва, Р—енко, какъ говорили, сталъ брать взятки за переводъ учениковъ изъ класса въ классъ.

Р—енко былъ въ Ровно директоромъ около двухъ лѣтъ; онъ дослуживалъ только пенсію, и въ эти два года гимназія пришла въ значительный упадокъ. Учителя дѣлались все апатичнѣе къ своимъ занятіямъ, тѣмъ болѣе, что Т—овъ съ Коленкомъ, подъ главенствомъ директора, отняли у нихъ почти все вліяніе, и отмѣтки учительскія въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ и экзаменаціонныхъ спискахъ ровно ничего не значили: переводы рѣшительно дѣлались по волѣ директора.

Въ Ровенской гимназіи еще свѣжи были преданія о директорствѣ Аврамова. Его, однако, не смотря на многіе его недостатки, всѣ любили и хвалили. Онъ, говорятъ, бралъ взятки, но живностью и всякою провизіей, которую везли Аврамову со всѣхъ сторонъ, онъ охотно дѣлился съ учителями. Онъ велъ знакомство и въ городѣ, но учителя у него были свои люди, товарищи. Л—овъ, правитель канцеляріи попечителя округа, получалъ отъ него подарки. При Аврамовѣ учитель латинскаго языка сколотилъ капиталъ за уроки въ 12000 руб. Другимъ учителямъ жилось тоже не дурно. Не смотря на это, Аврамовъ былъ повышень. Его перевели директоромъ Житомирской гимназіи и училищъ волынской губерніи. При Траутфеттерѣ и Т—овѣ инспекторѣ гимназія въ учебномъ отношеніи не улучшилась, а учителямъ сдѣлалось плохо. Начальство учителей смяло и преградило имъ всякій путь къ наживѣ. На жалованье семейнымъ почти нельзя было жить—его не хватало. Я засталъ въ Ровно слѣдующихъ учителей: законоучителя протоіерея Омелянскаго, ксендза капеллана, учителя законовѣднія Невгадова, учителя словесности Тихомирова, учителя исторіи Юскевича, учителей латинскаго языка: Епифановича и Славутынскаго, учителей математики: Кирилла Петровича Яновскаго и Петра Дмитріевича Коленка. Младшихъ учителей: Гриневскаго—русскаго языка; нѣмецкаго языка учителей Баландина и Виттенбурга и французскаго языка

Лемпъ ¹⁾). Учителемъ приходскаго училища былъ молодой человекъ Михальскій, воспитанникъ Ровенской гимназіи. Гимназическими надзирателями были: Пухальскій и Маруничъ. Апатія, приниженность, обособленность, недостатокъ средствъ— все это способствовало тому, что учителя во время праздниковъ позволяли себѣ кутнуть до опьяненія; этому помогала и привычка, усвоенная еще въ университетѣ. Никто наукою не занимался, никто не слѣдилъ за своимъ предметомъ. Впрочемъ, повальнаго пьянства не было, а время проводили въ игрѣ въ карты въ преферансъ по небольшой. Одинъ только Коленко (Петръ) игралъ по большой. Игралъ еще по большой Яновскій ²⁾, который имѣлъ въ Малороссіи небольшое имѣніе и оттуда аккуратно получалъ доходы; игралъ еще Тихомировъ, проигравшій все, что имѣлъ, и Невгадовъ, получившій послѣ отца, полковника 12 года, въ наслѣдство 3000 р. Родная сестра Невгадова была за Сухозанетомъ, впоследствии военнымъ министромъ, но Невгадовъ съ нею не сносился и не хотѣлъ пользоваться покровительствомъ зятя. Играли учителя въ карты главнымъ образомъ потому, что установить другой родъ развлеченія было невозможно. Литературные вечера, музыкальные или просто собранія знакомыхъ и сослуживцевъ, если только на нихъ не происходила картежная игра, никого не занимали. Трауфеттеровскіе буттерброды тоже соединены были съ игрою въ карты.

Вообще нужно сказать правду, что всѣ тогдашніе учителя были добрые люди, добрые товарищи и хорошо обращались съ учениками; исключеніе составлялъ одинъ Петръ Коленко. Нѣмцы сталкивались постоянно съ учениками, не умѣя съ ними обращаться, и ученикамъ изъ-за нихъ таки доставалось отъ начальства; но такъ какъ и ученики бывали не вполнѣ правы въ этихъ столкновеніяхъ, а иногда сами затѣвали ихъ съ умысломъ, то расположеніе учениковъ къ нѣмцамъ было такъ же хорошо, какъ и къ прочимъ наставникамъ. Одного Коленка Петра всѣ

¹⁾ Пропущенъ учитель географіи—Зражевскій или Малавскій.—Ред.

²⁾ Впрочемъ, очень рѣдко.—Ред.

ненавидѣли. Траутфеттеровскій режимъ не нравился учителямъ, и кто могъ—старался перейти въ другое мѣсто. Кирилль Петровичъ Яновскій перешель раньше другихъ въ одесскій округъ¹⁾; за нимъ послѣдовалъ туда-же Тихомировъ. О послѣднемъ я ничего не слыхалъ болѣе²⁾. Кирилль же Петровичъ Яновскій женился на весьма богатой молдаванкѣ и вскорѣ получилъ мѣсто директора Кишиневской гимназiи и училищъ бессарабской области. Онъ и гимназiю и училища, по рассказамъ, привелъ въ порядокъ и, главное, открытою жизнью и милымъ характеромъ приобрѣлъ всеобщее уваженiе и дружбу влiятельныхъ лицъ.

Мнѣ удалось получить послѣ Тихомирова мѣсто старшаго учителя словесности русской и надзирателя общихъ квартиръ и казенную комнату. Жалованье мое возрасло до 600 р. въ годъ, такъ что я, одинокой челоувѣкъ, почувствовалъ себя нѣсколько обеспеченнымъ и могъ, не стѣняясь, пособлять родителямъ. Т—овъ въ это время ко мнѣ еще благоволилъ, а Траутфеттеръ цѣнилъ мое усердiе и видимые успѣхи учениковъ, такъ что мнѣ удалось получить повышенiе по должности и надзирательскую должность, не уплативъ никому ни вопѣйки взятки. Я въ карты не игралъ, не пилъ ничего, и потому только изрѣдка посѣщалъ товарищей и, порядочно скучая, весь занялся своимъ предметомъ и чтенiемъ. Принялъ бесплатно въ свое вѣдѣнiе гимназическую библiотеку, учредилъ по подпискѣ между учениками ученическую библiотеку, самъ раздавалъ ученикамъ книги ежедневно послѣ уроковъ. Это заняло все мое время. Поляки ученики стали заинтересовываться русскими писателями. нѣкоторые даже увлекались чтенiемъ; русскiй языкъ видимо сталъ дѣлать успѣхи въ гимназiи: все менѣе и менѣе встрѣча-

¹⁾ Теперь Попечитель Кавказск. Учебн. Округа. Здѣсь, кажется, авторъ записокъ ошибается: К. П. Яновскiй, насколько намъ извѣстно, ушелъ изъ Ровно, благодаря недовольству его директорствомъ Аврамова, а не Траутфеттера, о чемъ онъ самъ говорилъ, прощаясь съ знакомыми въ Ровно; но дѣйствительно, переводъ его, кажется, состоялся уже въ то время, когда Аврамовъ былъ назначенъ въ Житомиръ.—Ред.

²⁾ Окончилъ службу въ должности директора Керченской гимназiи.—Ред.

лось ошибокъ въ правописаніи, стали являться замѣчательно хорошія сочиненія и по изложенію, и по языку, и по содержанію. Нѣкоторые ученики 7 класса стали представлять цѣнныя диссертациі, обнаруживавшія начитанность и привычку пользоваться матеріаломъ. Я торжествовалъ, но начальство мало обращало на это вниманія.

Съ городскимъ обществомъ я вовсе не знакомился: оно мнѣ было не по душѣ; благодаря товарищамъ я близко ознакомился съ дѣятельностью, характеромъ каждаго изъ членовъ этого общества и общимъ его направленіемъ. Въ городѣ жилъ съ семействомъ пенсионеръ, бывшій директоръ Иркутской гимназіи, статскій совѣтникъ Линденъ. Онъ и его супруга были страстные любители игры въ карты, потому въ ихъ квартирѣ часто сходились городскіе аристократы и холостые учителя гимназіи, бывшіе въ состояніи поддерживать игру и любившіе потанцовать. Въ этомъ домѣ бывали: Тихомировъ, Коленко Петръ, Яновскій, Юскевичъ, Невгадовъ, а изъ женатыхъ Славутинскій. Другой домъ, гдѣ бывали тѣ же учителя, былъ домъ окружнаго начальника надъ казенными имѣніями, Жуковскаго. Это были простые, добрые люди, окруженные огромнымъ семействомъ. У нихъ была дочь невѣста, Октавія, страшно избалованная родителями и довольно некрасивая блондинка. Родители готовы были выдать ее за всякаго, кто ей приглянется. Они жили открыто, каждый день въ домѣ были гости, шла карточная игра, и часто танцовали. Они пользовались общимъ уваженіемъ и любовью. Онъ не дѣлалъ притѣсненій по службѣ, но деньги, и провізія и безъ того поступали въ карманъ къ окружному. Старикъ Жуковскій думалъ, что, служа честно, онъ до смерти будетъ окружнымъ, и ничего не сберегалъ. Но вотъ управляющимъ казенными имѣніями Волынской губерніи сдѣланъ какой то баронъ, нѣмецъ. Онъ сейчасъ же уволилъ одного за другимъ бывшихъ окружныхъ и на ихъ мѣста назначилъ новыхъ. Жуковскій не перенесъ этого удара—умеръ. Вдова съ огромнымъ семействомъ переѣхала въ Житомиръ и стала содержать себя трудами своихъ рукъ и кормленіемъ квартирантовъ — учениковъ гимназіи, а дочь сдѣлалась швеей и

замужъ не вышла. Пенсію вдовѣ съ дѣтьми за 35 лѣтъ службы мужа назначили въ годъ 200 руб. Аптекарь Степунковскій, какъ горячій польскій патриотъ, человѣкъ состоятельный, водился со сливками ровенскаго чиновничества и съ окрестными помѣщиками, а изъ учителей принималъ у себя одного Славутынскаго. Городничій Петре, полякъ, служившій прежде въ канцеляріи генералъ-губернатора, занималъ большое помѣщеніе, состоявшее изъ дома и флигеля, лежавшаго на самомъ берегу прудовъ. Петре былъ холостъ. Ежедневно по вечерамъ и ночамъ игралъ въ карты, но игралъ неудачно. Въ годъ, какъ говорили, проигрывалъ до 4000 р. сер. При немъ городъ былъ переполненъ контрабандой, и происходили по ночамъ неслыханныя воровства и даже грабежи. Когда его перевели въ Липовець, то оказалось, что всѣ купцы евреи ему должны по нѣсколько тысячъ. Мнѣ сознавался одинъ купецъ еврей, что Петре для нихъ былъ дороже родного отца, что у него будто бы во флигелѣ былъ главный складъ контрабанды, доставляемой туда по ночамъ на лодкахъ. Купцы за укрывательство и сбереженіе контрабанды платили ему порядочные проценты. Петре приглашалъ къ себѣ иногда учителей, игравшихъ въ карты, со Славутынскимъ же игралъ гдѣ нибудь ежедневно.

Сливки ровенскаго аристократическаго общества составляли дома: капитана инвалидной команды Ишлинскаго—поляка; исправника Аренса; стряпчаго, тоже поляка, товарища исправника по университету; городского врача, поляка изъ евреевъ Тарногородскаго; уѣзднаго врача, поляка, Левинскаго; холостяка старика уѣзднаго судьи Голубовскаго. Выше же всѣхъ, какъ нѣчто очень аристократическое, считался домъ польки, полковницы Павловой. Они жили въ собственномъ каменномъ помѣщеніи, расположенномъ въ саду. Этотъ садъ и домъ ей подарили князя Любомирскіе; она была, по словамъ однихъ, воспитанницей, а по словамъ другихъ—незаконной дочерью Любомирскаго. Говорили также, что она отличалась необыкновенной красотой, которой и плѣнила Павлова. У нея были двѣ взрослые дочери, перешедшія за 20-лѣтній возрастъ, и сынъ. Они держались вдали ото всѣхъ, бывали у князя Любомир-

скаго, какъ свои люди, и только изрѣдка являлись у кого-нибудь изъ мѣстной аристократіи на вечерахъ. Быть принятымъ у Павловой считалось особенно лестнымъ даже аристократамъ ровенскимъ.

Ишлинскій не имѣлъ никакого состоянія, получалъ жалованья менѣе 300 руб. въ годъ, но доходы отъ продовольствія и обмундированія команды, отъ огромнаго огорода, обрабатываемого безмездно этой командой, давали Ишлинскому порядочныя средства для жизни. Дѣтей у Ишлинскихъ не было, но страсть ихъ была хорошо и открыто жить и непремѣнно быть въ городѣ въ числѣ первыхъ. Кромѣ именинъ, онъ давалъ по балу ежемѣсячно. Ежемѣсячно вся аристократія у него танцевала подъ бальную музыку, ѣла, пила, играла въ карты,—тутъ бывали даже и тѣ, до которыхъ стали доходить подозрительныя объ Ишлинскомъ слухи, и которыхъ прямою обязанностью было бы принять противъ него мѣры и обо всемъ донести высшимъ властямъ. Не знаю, знало ли обо всемъ этомъ губернское начальство, по крайней мѣрѣ ничѣмъ оно не обнаружило въ этомъ дѣлѣ своего авторитета. Евреи стали слать анонимныя жалобы и доносы на Ишлинскаго корпусному командиру внутренней стражи. Явились для дознанія разные лица играли у Ишлинскаго въ карты, пили, угощались, танцевали, и Ишлинскій оставался бѣлѣ снѣга, а всѣ жалобы и доносы оказывались злобною клеветою его враговъ. Но корпусному наконецъ надоѣло,—онъ рѣшилъ перевести Ишлинскаго въ другой городъ. Благопріятели предупѣдомили Ишлинскаго. Онъ струсилъ: съ переводомъ его все могло обнаружиться. Но еврей факторъ, принимавшій участіе во всѣхъ его злоупотребленіяхъ, боясь за собственную свою шкуру, какъ то выручилъ Ишлинскаго. Но вотъ въ городѣ расположился, какой не помню, пѣхотный полкъ. Командовалъ имъ полковникъ Бибиловъ, богатый холостякъ. Бибилову какъ то удалось раскрыть всѣ беззаконія и злоупотребленія Ишлинскаго, онъ донесъ обо всемъ генералъ-губернатору, корпусному внутренней стражи и военному министру. Ишлинская полетѣла въ корпусную квартиру, но спасти мужа уже оказалось невозможнымъ. Онъ былъ

преданъ суду и посаженъ въ Житомирѣ на военную гауптвахту. Бибиковъ имѣлъ большія связи въ Петербургѣ, и съ нимъ оказалось невозможнымъ бороться и замять все дѣло. До окончанія суда Ишлинскій заболѣлъ и умеръ въ военномъ госпиталѣ, а жена выхлопотала право содержать у себя на квартирѣ гимназистовъ Житомирской гимназіи, которымъ внушала ненависть къ Россіи и ея правительству. Сдѣлавшись ярою патріоткой, она имѣла у себя на квартирѣ постоянно состоятельныхъ учениковъ, завела связи со всѣмъ враждебнымъ правительству, домъ свой опять поставила на аристократическую ногу и въ манифестаціяхъ 62 и 63 годовъ играла не послѣднюю роль. Не имѣй полковникъ Бибиковъ связей—дѣло вѣроятно было-бы замято.

Городовой врачъ Т—скій, горячій польскій патріотъ, женатый на полькѣ патріоткѣ, старался держать свой домъ въ уровень съ самыми аристократичными. Онъ давалъ балы и устраивалъ карточные вечера. Около его красивой брюнетки дочери, съ манерами очень развязными, но не лишенными граціи, всегда увивались квартировавшіе въ городѣ офицеры, и наконецъ ей удалось выйти замужъ за адъютанта какого то генерала. Т—скій жилъ хорошо. Больница городская доставляла ему доходъ. Но главныя доходныя статьи Т—скаго были: 1) рекрутскій приѣмъ, доставлявшій ему ежегодно тысячи четыре и 2) выдача разрѣшеній для погребенія умершихъ евреевъ. За каждое такое разрѣшеніе онъ установилъ плату по полуимперіалу золотомъ, а съ зажиточныхъ евреевъ бралъ по три и по пять полуимперіаловъ. Евреямъ эти разрѣшенія стояли поперекъ горла. Они жаловались, писали анонимныя письма, но все напрасно. Наконецъ евреи придумали ловушку Т—скому. Явилась еврейка съ воплемъ поздно ночью къ Т—скому и, подавая ему полуимперіаль, просила разрѣшенія похоронить умершаго мужа. Т—скій выдалъ разрѣшеніе. А черезъ мѣсяць это разрѣшеніе было представлено при жалобѣ губернатору, съ поясненіемъ, что Т—скій за деньги, уплоченныя ему врагами жалобщика, сдѣлалъ распоряженіе похоронить его, хотя онъ никогда не болѣлъ и не умиралъ, и что его жизни теперь грозить опасность, такъ какъ враги, на основаніи разрѣшенія

Т—скаго, могутъ схватить и похоронить живымъ жалобщика. При этомъ указывались всё злоупотребленія Т—скаго. Назначено было разслѣдованіе, которое замяло все дѣло, и Т—скаго только перевели въ другой городъ.

Л—скіе были люди весьма порядочные, гостепріимные, любезные и отличались замѣчательнымъ тактомъ. У нихъ не было заносчивости и надутости другихъ чиновныхъ аристократовъ. Вечера ихъ не отличались роскошью, напротивъ были очень скромны относительно угощенія; но за то у нихъ было все прилично и весело. Двѣ дочери невѣсты, очень недурныя, Камилла и Олимпія, были музыкальныя и пріятныя дѣвушки. Извѣстно, впрочемъ было, что Л—скіе сильно преданы польскому патриотизму и близки съ ксендзами. Кромѣ собственнаго дома у нихъ ничего не было. Братъ Л—скаго, студентъ—медикъ кіевского университета, не безъ задней мысли, познакомился со мною передъ моимъ выѣздомъ въ Ровно, просилъ передать брату письмо и просилъ бывать въ домѣ брата. Изъ учителей впрочемъ никто не ухаживалъ за Л—скими дѣвушками потому, что домъ этотъ считался во первыхъ вполне польскимъ; а во вторыхъ дѣвушки привыкли къ такой обстановкѣ, которой учитель не въ состояніи имъ былъ дать. Камилла вышла замужъ за стряпчаго, а Олимпія осталась въ дѣвушкахъ и въ 1863 году принимала живое участіе въ патриотическихъ манифестаціяхъ, за что и отсидѣла въ Житомирѣ подъ арестомъ. Сынъ Л—скаго, отличный ученикъ, окончилъ гимназію съ медалью, а университетъ со степенью доктора медицины.

Былъ еще въ Ровно одинъ домъ, считавшійся аристократичнымъ, домъ Ц—скаго, который основалъ въ городѣ винную торговлю французскими винами, получаемыми прямо съ мѣста ихъ выдѣлки, и при этой торговлѣ открылъ буфетъ. Ц—скій былъ въ эмиграціи во Франціи вмѣстѣ съ вторымъ братомъ Павловой еще съ 1831 года. Братъ Павловой женился на дочери французскаго виноторговца, и по возвращеніи на родину вмѣстѣ съ Ц—скимъ сталъ торговать винами.

Хотя эта торговля пошла весьма успѣшно, такъ какъ окрестныя помѣщики были охотники до хорошихъ винъ и съ

удовольствіемъ ихъ пили и покупали у польскихъ патриотовъ, но Павловой и Любомирскимъ не нравилось, что брать торгуетъ. Поэтому, вся торговля осталась въ рукахъ Ц—скаго, а брать Павловой взялъ аренду. Ц—скіе вели знакомство съ окрестными помѣщиками, а въ городѣ только водились съ домами Павловой, Л—скимъ и Степулковскимъ.

У инженера, маіора шоссейнаго, никто изъ учителей не бывалъ. На званіе учителя онъ и его семейство смотрѣли пренебрежительно. Былъ еще въ городѣ состоятельный чело­вѣкъ полякъ докторъ Лямпрехтъ. Онъ не имѣлъ дѣтей и жилъ вдвоемъ съ молодою еще женою въ собственномъ домѣ недалеко отъ аптеки. Лямпрехтъ былъ глубокой старикъ и отличный докторъ и акушеръ. Онъ лѣчилъ богатыхъ помѣщиковъ и нажилъ порядочное состояніе. Въ городѣ Ровно онъ поселился на отдыхъ и весьма рѣдко выѣзжалъ въ окрестности къ больнымъ. Въ городѣ же лѣчилъ почти безвозмездно, и отъ учителей вознагражденія не принималъ, называя ихъ коллегами академиками. Лямпрехтъ въ карты не игралъ и вечеровъ не давалъ. Знакомство велъ только съ Степулковскимъ и Л—скимъ, хотя на вечерахъ у нихъ никогда не являлся ни онъ, ни его жена. Въ городѣ былъ еще состоятельный чело­вѣкъ, глубокой старикъ казначей Лучинскій. У него были дома, садъ, большое хозяйство и собственная земля, на которой онъ производилъ посѣвъ хлѣба. Дочерей отъ перваго брака онъ уже пристроилъ, а отъ втораго брака у него былъ только одинъ сынъ гимназистъ. Лучинскій дружилъ только съ домомъ Жуковскаго, стараго сослуживца по житомирской казенной палатѣ; приглашалъ онъ къ себѣ на чай, ужины и обѣды исключительно однихъ только учителей; нѣкоторые изъ нихъ репетировали съ его сыномъ. Сынъ кончилъ гимназію и юридическій факультетъ университета.

Частью къ городскимъ жителямъ, а частью къ училищному штату принадлежалъ протоіерей Омелянскій. Онъ часто давалъ карточные и танцевальные вечера, потому что у него было двѣ дочери невѣсты. Учителя всѣ бывали на этихъ вечерахъ. Кромѣ дочерей, у Омелянскаго было еще два сына.

Оба они по окончаніи семинаріи поступили въ университетъ на медицинскій факультетъ и оба умерли отъ чахотки, служа военными докторами. Старшая дочь вышла за мужъ за подсудка уѣзднаго суда и годъ спустя умерла тоже отъ чахотки. Самъ Омелянскій, воротившись зимою изъ бани, отслужилъ въ своемъ холодномъ соборѣ вечерню, простудился и въ нѣсколько дней умеръ. Младшая дочь, полная краснощекая дѣвушка, умерла спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца. Такъ что въ теченіе трехъ лѣтъ вымерло все семейство Омелянскихъ, за исключеніемъ самой Омелянской, еще красивой, хорошо сохранившейся женщины. Омелянскій былъ некрасивъ, рыбой блондинъ, высокаго роста съ жиденькой бородой. Эмеритъ¹⁾ учитель, полякъ Т — вичъ, содержалъ на квартирѣ учениковъ, воспитывалъ двоихъ сыновей въ гимназіи и разъ въ годъ тоже угощалъ учителей у себя. Онъ былъ страшный патріотъ; но весьма ловко велъ свои дѣла, такъ что во время возстанія и послѣ къ нему не могли придратъся. Притомъ онъ состоялъ подъ особеннымъ покровительствомъ князей Любомирскихъ, помѣщиковъ города Ровно. Б — кіе, вошедшіе въ заговоръ готовившагося возстанія, боялись, что домъ ихъ можетъ въ случаѣ неудачи подвергнуться конфискаціи, и потому продали его разорившемуся помѣщику Д — скому, который, хотя еще пользовался своимъ имѣніемъ, чрезвычайно запутаннымъ, переѣхалъ на жительство въ городъ. Этого, кажется, требовало и участіе его въ политическомъ заговорѣ. Домъ онъ купилъ на имя жены и имѣніе тоже было переведено на ея имя, а самъ готовился въ предводители. Онъ прежде служилъ въ русской кавалеріи и знакомъ былъ съ военнымъ дѣломъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Пенсіонеръ.

Присяга на вѣрность Императору Павлу въ юго-западномъ краѣ.

6 ноября 1796 года скоростижно скончалась имп. Екатерина и на престоль вступил ея сынъ Павелъ. Въ тотъ же день былъ изданъ соотвѣтствующій манифестъ съ повелѣніемъ о приведеніи подданныхъ къ присягѣ. Тогдашній начальникъ юго-западнаго края, минскій, волынскій, брацлавскій и подольскій генераль-губернаторъ Тутолминъ, кромѣ манифеста, получилъ еще 22 ноября особое увѣдомленіе объ этомъ генераль-прокурора гр. Самойлова и въ тотъ же день разослалъ правителямъ губерній распоряженіе съ самымъ подробнымъ наставленіемъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должно происходить приведеніе подданныхъ къ присягѣ на вѣрность имп. Павлу. Распоряженіе это, обращая на себя вниманіе излишнею заботливостью о точной регламентаціи всѣхъ частныхъ и мелочей предстоящаго обряда, невольно заинтересовываетъ всякаго; особенно бросается въ глаза настойчивое требованіе быстроты въ исполненіи изданнаго распоряженія и тутъ, опять невольно, приходятъ на память тѣ своеобразныя и нѣсколько исключительныя обстоятельства, при которыхъ происходила перемѣна правленія.

Въ Житомирѣ Тутолминъ самъ присутствовалъ при выполненіи присяги жителями. Поджидали также изъ Острога еп. Варлаама, которому чрезъ вице-губернатора было заранѣе послано увѣдомленіе, но такъ какъ онъ къ назначенному дню не явился, то генераль-губернаторъ, совершивъ обрядъ съ мѣстнымъ духовенствомъ, просилъ Варлаама ускорить выполненіе

„со стороны духовной сего священнѣйшаго долга вѣрноподданства съ подобающею ревностію, благоговѣніемъ и порядкомъ“.

Подольскому же губернатору предварительно было сообщено, чтобы онъ пригласилъ мѣстнаго епископа Іоаннікія и лещевскаго католическаго бискупа Сѣраковскаго въ Винницу, удержалъ здѣсь присутствующихъ и вызвалъ отсутствующихъ предводителей дворянства, а затѣмъ ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій. 22 ноября, *„тогоже самого момента по полученіи“* увѣдомленія отъ генераль-прокурора, Тутолминъ и дѣлаетъ это распоряженіе и предписываетъ, чтобы *„въ ту жъ минуту по пріѣздѣ нарочнаго“* съ его предписаніемъ собрать чиновниковъ *„всѣхъ безъ изыятія степеней и орденовъ“* въ православную и католическую соборныя церкви—сообразно религіи каждаго, обнародовать чрезъ губернскаго прокурора Высоч. манифестъ и указъ сената, выполнить всѣмъ, начиная съ высшихъ, свѣтскихъ и духовныхъ, лицъ въ губерніи, присягу *„на непоколебимую на вѣки вѣрность“* и наконецъ подписаться на особомъ листѣ. Во 2-хъ, въ присутствіи губернскихъ чиновъ, привести къ присягѣ остальныхъ жителей города купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, господскихъ служителей и всякаго состоянія людей. Въ 3-хъ, отслужить обычный молебенъ. Въ 4-хъ, разослать изъ намѣстническаго правленія *„со всевозможнымъ поспѣшеніемъ и въ тотъ же непременно день“* по полученіи сего ордера *„во всѣ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста манифестъ и указъ сената. Таковы распоряженія, касавшіяся губернскаго города.*

Неменьшею пунктуальностію отличаются требованія, заявленныя относительно уѣздовъ. Прежде всего въ каждый уѣздъ должно назначить по *„одному благонадежнѣйшему, расторопному и отличному, изъ званій болѣе уважительныхъ, чиновнику“* и всѣхъ ихъ отправить *„единовременно въ тотъ же самый день“* въ уѣздные города. По пріѣздѣ каждаго изъ этихъ чиновниковъ *„со всевозможнымъ и деннонощнымъ неусыпнымъ попеченіемъ“* въ назначенные города, они должны, по соглашенію съ мѣстнымъ православнымъ и католическимъ духовенствомъ, созвать *„ту жъ минуту“* всѣхъ жителей въ церкви и по обнародованіи манифеста, *„немедленно“* привести ихъ къ

присягѣ, а вслѣдъ затѣмъ отслужить молебень—словомъ, дѣйствовать тѣмъ же порядкомъ, какъ это дѣлалось въ губернскомъ городѣ. Послѣ этого „собрать въ общее засѣданіе уѣздной и нижній земской суды того города и *тотъ же часъ* между членами оныхъ подѣлить греческіе, римскіе, и гдѣ еще суть униатскіе приходы, парафіи и монастыри, и послать ихъ всѣхъ *вдругъ и немедленно* въ округу, съ тѣмъ чтобъ каждый въ части ему назначенной, переѣзжая съ *поспѣшностью* изъ одного мѣста въ другое, созывалъ въ парафіальные и приходскіе костелы, церкви и монастыри всѣхъ окрестныхъ и тутошныхъ, къ той парафіи или приходу принадлежащихъ дворянъ, чиновную и околичную шляхту, духовныхъ и поселянъ“ и, по объявленіи манифеста, приводилъ ихъ къ присягѣ. Грамотные должны были сами росписываться, а за неграмотныхъ имѣли росписаться священникъ, помѣщикъ и чиновникъ, присутствовавшій при выполненіи присяги. Въ дальнѣйшихъ пунктахъ предписанія Тутолминъ еще разъ напоминаетъ, что „каждый по сему государственному дѣлу въ уѣздъ отряженной губернской чиновникъ обязанъ ѣхать во всѣ мѣста округа ему доставшейся наблюсти, чтобъ принятіе всеподданической присяги каждымъ порознь и всѣми вообще совершенно было съ подобающею важностію, благоговѣніемъ и порядкомъ, смотрѣть, дабы всѣхъ состояній вѣрноподданные непремѣнно присягнули“. Такимъ образомъ, помимо уѣздныхъ чиновниковъ, подѣлившихъ между собою всѣ приходы, должны были разѣзжать по всему уѣзду и губернскіе чины.

Не забыты въ этомъ распоряженіи и евреи, которые должны были присягать, въ присутствіи назначенныхъ чиновниковъ, „въ шеолахъ, гдѣ оныя токмо въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ находятся, по обрядамъ ихъ вѣры“, причемъ кагалные старшины и школьникъ должны подписаться на присяжномъ листѣ, что „всѣ вѣдомства того кагала евреи присягу вѣрноподданническую совершили“. Особо упомянуто также о пограничныхъ чиновникахъ, которые въ болѣе важныхъ пунктахъ, каковы таможни, таможенные заставы и карантинныя, должны были присягать въ присутствіи командированныхъ чинов-

никовъ, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ—подъ надзоромъ и руководствомъ своего непосредственнаго начальства. Что касается владѣльцевъ, отсутствующихъ изъ мѣста своего жительства, то о нихъ должны быть составлены особые регистры, и всѣ эти лица немедленно имѣютъ быть вызваны въ губернское правленіе для привода къ присягѣ. Присяжные же листы съ подписями присягавшихъ предписывается „какъ *наискорѣе*“ представить въ намѣстническое правленіе, а оттуда, послѣ надлежащей разсортировки, немедленно къ генераль-губернатору. Наконецъ требуется, чтобы какъ въ губернскихъ, такъ и въ окружныхъ городахъ, а равно по уѣздамъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ-то: на публичныхъ площадяхъ, на торгахъ, при входахъ церковныхъ, полиція „пристойнымъ образомъ“ выставила печатные и писанные экземпляры манифеста для общенароднаго свѣдѣнія. Въ заключеніе всего „отправляемымъ въ уѣзды чиновникамъ рѣшительно предписать, чтобы все имъ повелѣнное не далѣе какъ черезъ восемь дней было непременно со всевозможнымъ поспѣшеніемъ и вѣрноподданническою ревностью исполнено, подѣ опасеніемъ за противное тому неизбѣжнаго предосужденія ихъ службы, и для того настоятельнѣше подтвердить имъ, чтобъ не щадили ничего отъ возможности человеческой зависящаго на выполненіе сего толико важнаго государственнаго дѣла съ подобающею ревностію“¹⁾.

Та крайняя торопливость, какая въ изложенномъ предписаніи требовалась отъ администраціи, въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ еще усилилась и, напр., Варлаамъ, еп. житомирскій, въ своей резолюціи велѣлъ „нудительнѣше начальникамъ духовенства подтвердить, дабы они со всеѣми безъизъятно имъ подчиненными, дѣйствительными и праздными священно и церковнослужителями, и всеѣми, также безъизъятно, ихъ взрослыми дѣтьми, вѣрноподданнической свой долгъ со всякимъ рвеніемъ и усердіемъ выполнили и по поспѣшнѣйшемъ толико важнаго дѣла совершеніи самопоспѣшнѣйше и самовѣрнѣйше въ кон-

¹⁾ Содержаніе этого предписанія заимствовано изъ архива волынской духовной консисторіи, ноябрьская связка 1796 года, № 614.

систорію репортовали“ (Арх. В. Д. К. № 614). Нечего и говорить, что всѣ эти столь категорическія требованія выполнялись со всевозможною точностью. Генераль-губернаторъ Тутолминъ понималъ съ одной стороны, высокую важность самаго акта государственной присяги, съ другой—не совсѣмъ обычное положеніе края, такъ недавно ставшаго достояніемъ россійской короны, и находилъ необходимымъ точно опредѣлить въ своемъ предписаніи всякую мелочь и требовалъ отъ чиновниковъ неотомимой энергіи при исполненіи даннаго порученія.

В. Храневичъ.

Документы, известія и замѣтки.

Мѣщанская семейная драма прошлаго столѣтія. 14 декабря 1789 года въ ратушѣ города Хмѣльника ¹⁾ собрано было засѣданіе магистратскаго суда въ необычно торжественномъ составѣ. Подъ предсѣдательствомъ лядвойта, пана Якова Гаевскаго, на судейскихъ мѣстахъ засѣдали: бурмистръ Александръ Судылковскій, райцы: Яковъ Судылковскій и Иванъ Войтенко и депутаты отъ посполства: Павло Охота и Денисъ Тыщенко. Коллегіи этой предстояло по требованію старостинскаго уряда постановить приговоръ по небывалому до того времени въ городѣ уголовному преступленію: покушенію на отравленіе одного изъ городскихъ обывателей его пріятелемъ во время дружеской бесѣды.

Слѣдствіе по дѣлу было произведено магистратомъ еще въ іюль мѣсяцѣ, но приговоръ не могъ состояться по встрѣтившимся юридическимъ препятствіямъ, которыя поставили магистратъ въ безвыходное положеніе.

По произведенному слѣдствію фактъ преступленія выяснился до мельчайшихъ подробностей; дѣло состояло въ слѣдующемъ: Въ числѣ обывателей города Хмѣльника былъ нѣкто Мыкита Пивоваръ, челоѣкъ не первой молодости, довольно зажиточный, занимавшійся разными торговыми предпріятіями, между прочимъ онъ арендовалъ у города питейное заведеніе, помѣщавшееся въ самой ратушѣ. Семь лѣтъ назадъ Пивоваръ женился, и бракъ его былъ заключенъ при нѣсколькихъ исключительныхъ условіяхъ: жена его, Елена, отличавшаяся поразительною красотою, была по происхожденію еврейка; прельстившись горячею любовью Мыкиты, а, можетъ быть, в его

¹⁾ Подольской губ. Литинскаго уѣзда. Разсказъ основанъ на документахъ книги Хмѣльницкой городской ратуши № 5778.

облеченнымъ положеніемъ, она присоединилась къ христіанству и повѣнчалась съ Пивоваромъ; супруги жили въ согласіи и дружбѣ до 1788 года, но были бездѣтны. Въ это время ихъ питейное заведеніе сталъ посѣщать гость, вновь поселившійся въ городѣ и выдѣлявшійся довольно значительнымъ для того времени и среды развитіемъ. Это былъ пѣто Грицько Гайдошчукъ; родомъ онъ былъ крестьянинъ изъ села Воронинець; въ молодыхъ лѣтахъ, вслѣдствіе какой то счастливой случайности, онъ выучился хорошо читать и писать по русски и по польски и усвоилъ знаніе церковной службы. Подготовившись такимъ образомъ, онъ занялъ должность дяка въ собственномъ селѣ, исполнялъ эту должность умѣло и толково, и потому вскорѣ его стали перезывать въ другіе болѣе богатые приходы, доставлявшіе ему болѣе значительное содержаніе и доходы. Въ теченіе 14 лѣтъ, мѣняя постоянно мѣста на болѣе выгодныя, онъ перебывалъ дякомъ въ селахъ: Клитыщахъ, Люзной, Чернятинцахъ, Глинскѣ и, наконецъ, въ мѣстечкахъ Янушполѣ и Улановѣ.

Здѣсь случилось происшествіе, которое разрушило дальнѣйшую причетническую карьеру Гайдошчука—у него завелась любовная связь, кончившаяся скандаломъ, послѣ котораго невозможно было состоять дольше въ церковномъ причтѣ. Впрочемъ отставной дячекъ не потерялся, немедленно изъ Уланова онъ переѣхалъ въ Хмѣльнякъ, гдѣ получилъ выгодную должность; онъ сталъ писаремъ у пана Синицкаго, арендатора мельницъ и питейныхъ сборовъ во всемъ Хмѣльницкомъ староствѣ; свободное отъ занятій время Гайдошчукъ проводилъ въ питейномъ ратушномъ заведеніи, гдѣ вскорѣ онъ познакомился и сблизился съ хозяевами. Пивоваръ пригласилъ его посѣщать, въ качествѣ знакомаго, его частную квартиру и просилъ его, какъ человѣка грамотнаго, принять на себя бухгалтерію заведенія и записывать долги лицъ, пользовавшихся кредитомъ въ ратушномъ шинкѣ. Гайдошчукъ согласился вести записи и сталъ чаще посѣщать квартиру Пивовара, чѣмъ его заведеніе; вскорѣ впрочемъ оказалось, что услужливость его зависѣла не только отъ дружелюбныхъ отношеній къ Пивовару; онъ влюбился страстно въ его жену и сталъ ей объясняться въ любви; въ виду постоянного отказа раздѣлять его чувства, Гайдошчукъ становился все болѣе и болѣе настойчивымъ, и объясненія его принимали крайне страстный характеръ. Во время одного изъ таеихъ объясненій разговоръ принялъ слѣдующій оборотъ: «Люблю тебя болѣе собственной жизни, сказалъ писарь, и если не добьюсь твоей взаимности, умру съ горя» — «Зачѣмъ тебѣ умри-

рать», отвѣтила Елена; «еслибы любовь твоя была столь сильна, какъ ты утверждаешь, ты-бы давно уже постарался устроить такъ, чтобы умеръ мой мужъ». — «Но вѣдь это тяжкій грѣхъ покушаться на чужую жизнь». — «Конечно, отвѣтила женщина, но такіе случаи бывають, и, отдѣлавшись отъ препятствія, многіе счастливо живутъ и наслаждаются любовью.»

Слова эти глубоко запали въ душу влюбленнаго писаря; онъ вскорѣ освоился съ мыслью объ убійствѣ и, какъ полагалъ, придумалъ средства преступленія. Онъ вспомнилъ, что въ то время, когда онъ былъ дьячкомъ въ Янушполѣ, приглашены были маляры для украшенія церкви. Гайдошчукъ, какъ человѣкъ любознательный, часто бесѣдовалъ съ мастерами, спрашивая ихъ о свойствахъ и употребленіи красокъ. Маляры сообщили ему много техническихъ свѣдѣній и, окончивъ работу, въ виду его интереса къ живописи, подарили ему остатки употребленныхъ ими красокъ; передавая ихъ они предупредили, чтобы съ желтою краскою—аурипигментомъ—онъ обращался поосторожнѣе, такъ какъ краска эта составляетъ сильный ядъ.—Рѣшившись на преступленіе, Гайдошчукъ розыскалъ данный ему аурипигментъ, истолокъ его въ порошокъ и сталъ носить при себѣ въ узелкѣ, поджидая удобнаго случая. Случай такой вскорѣ представился: Гайдошчукъ встрѣтилъ на рынкѣ Пивовара, завелъ съ нимъ дружескую бесѣду и пригласилъ выпить стаканъ меда; пріятели зашли въ питейное заведеніе еврея Воли Янкелевича, выпили по стакану меда, затѣмъ писарь потребовалъ цѣлую кварту наиптека и, разливая въ стаканы, незамѣтно бросилъ въ стаканъ собесѣдника горсть аурипигмента. Чокнувшись, поднесли напитокъ къ губамъ, но Пивоваръ замѣтилъ какую-то необычную гущу въ медѣ, съ досадою выплеснулъ содержимое на полъ и, прикрикнувъ на хозяина за то, что онъ подаетъ гостямъ медъ, переполненный дрожжами, вышелъ изъ заведенія. Послѣ ухода гостей, еврей, обиженный выговоромъ, осмотрѣлъ стаканы и въ одномъ изъ нихъ нашелъ густой золотистый осадокъ; онъ догадался въ чемъ дѣло, отправился къ Пивовару и предостерегъ его, чтобы онъ пересталъ водить компанію съ писаремъ, стаканъ-же съ осадкомъ доставилъ въ старостинскій урядъ. Началось слѣдствіе, допросы обвиняемыхъ, рассказавшихъ всѣ изложенные факты, и затѣмъ собрана была магистратская коллегія для постановленія приговора. Обоимъ подсудимымъ угрожала по магдебургско музакону мучительная смертная казнь. Спасителемъ ихъ явился пострадавшій Пивоваръ. Пользуясь тѣмъ, что уголовное преступ-

леніе по обычаямъ магдебургскаго права, подлежало суду только въ томъ случаѣ, когда искъ предъявлялъ пострадавшій или его наслѣдники, Пивоваръ, не смотря на настоянія и старостинскаго уряда, и магистрата, отказался отъ роли истца; онъ не подалъ жалобы, не представилъ свидѣтелей, упорно отрицалъ покушеніе на свою жизнь и не явился въ торжественное засѣданіе магистратскаго суда.—Послѣдній былъ поставленъ въ необходимость прекратить уголовное дѣло и освободилъ Елену изъ-подъ ареста; не такъ легко отдѣлался Гайдошчукъ; оставивъ и по отношенію къ нему уголовное дѣло, магистратъ предъявилъ ему искъ отъ своего имени за нарушеніе общественнаго порядка въ городѣ и примѣнилъ къ нему высшую мѣру дисциплинарнаго наказанія: по приговору суда, Грицько Гайдошчукъ долженъ былъ отсидѣть 4 недѣли въ тюрьмѣ Хмѣльницкаго замка, при чемъ каждую пятницу его выводили въ одинъ изъ концовъ города и публично наказывали 50 ударами розогъ. Затѣмъ, по истеченіи четырехъ недѣль, если Пивоваръ будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ отъ иска, Гайдошчукъ долженъ будетъ уплотить 50 гривенъ въ пользу церкви, 25 гривенъ штрафа въ магистратъ, и будетъ выпровоженъ за черту города магистратскими нахолками съ претомъ когда-либо являться въ Хмѣльникъ.

Этотъ приговоръ магистрата былъ въ точности исполненъ, такъ какъ Пивоваръ до конца сохранилъ свой великодушный образъ дѣйствія, отплачивая своему врагу по христіанскому чувству добромъ за зло.

В. А.

Къ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. Въ метричкѣ коронной, хранящейся въ Варшавѣ, въ книгѣ 3, на листѣ 144, сохранилась краткая юридическая помѣтка, содержащая нѣкоторыя данныя, относящіяся къ подробностямъ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго ¹⁾.

Помѣтка эта гласитъ, что въ 1624 г., іюля 31 выданъ былъ позовъ по жалобѣ дворянина Федора Даровскаго, владѣльца села Вырвы (нынѣ Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губ.), требующій къ отвѣту въ гродскій судъ *Настасью, урожденную Шовченскую, въ первомъ бракѣ жену Петра Конашевича Сагайдачнаго, во второмъ бра-*

¹⁾ Помѣтку эту въ копіи сообщилъ намъ обязательно г. Алекс. Яблоновскій.

къ жену *Ивана Пшончинскаго*, за то, что она произвела заѣздъ на село Вурву и совершила въ немъ разныя насилія, причинившія истцу убытка на сумму 7,087 злотыхъ. Кіевскій судъ призналъ претензію Даровскаго подлежащею удовлетворенію и, вслѣдствіе неявки въ судъ *Настасіи Пшончинской*, приговорилъ ее къ баниціи. В. А.

Къ исторіи старинной малорусской школы. Характеристика старинныхъ «дяковъ» въ Малороссіи очень хорошо опредѣлена въ статьѣ г. Житецкаго (Кіев. Стар. 1892 г. № 2); изъ этой характеристики видно, что въ большинствѣ случаевъ тилъ дяка представлялъ изъ себя своеобразно-талантливую фигуру, способную обнаружить свои способности въ дѣяніяхъ какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго свойства. Эти послѣднія дѣянія и были причиною многихъ анекдотовъ о нихъ, а иногда прямо таки жалобъ на ихъ безобразія, и, конечно, вызвали приводимое ниже предписаніе митрополита Варлаама Ясинскаго съ цѣлью обуздать «сваволю дяковъ и ихъ выростковъ».

Варлаамъ Ясинскій мстію Божію православный архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи.

Превелебному в Богу отцу ігумену монастыря глуховского, пречестному отцу протопопѣ тамошнему и всему духовенству, намъ въ Духу Святомъ благопослушнымъ сыномъ при благословеніи Божомъ и при молитвахъ нашихъ архіерейскихъ ознаймуемъ, ижъ дошло насъ отъ певныхъ особъ зжалосной скарги вѣдати о великихъ роспустахъ и сваволи дяковъ и ихъ выростковъ по школахъ въ Глуховѣ живучихъ, которые людей безчестятъ поночи ходячи, бють и обдирають, до монастыря девичого безчинно волочатся и инныя тымъ подобныя душевредныя роспусты пополняютъ, з образю Божюю, а з соблазнію людскою, а то подобно чинятъ, не мѣючи надъ собою достодолжного за свои збродни караня. Зачимъ хотячи мы таковое безчиніе исправити, жебы болшъ престола митрополитанскаго, затрудненнаго по.....ими и публичными церковными дѣлами, таковыми привитными не турбовано скаргами, даемъ власть превелебному отцу ігумену глуховскому таковыхъ свавольныхъ и роспустныхъ дековъ и ихъ выростковъ, такъ тежъ и паламаровъ, смирети и жестоко карати за согласіемъ любовнымъ пречестнаго отца протопопы глуховского, который жебы таковой нашой волѣ не противился, пастырско желаемъ. Писанъ в катедр.....анской кіевской 18 д. Вишшеименованый митрополитъ рукою власною. (Съ подлинника).

Шевченко въ Академіи Художествъ. О времени пребыванія Шевченка въ петербургской Академіи Художествъ записаны нѣкоторые воспоминанія и сохранились его автобиографическіе рассказы въ прозаическихъ его новостяхъ. Но біографы поэта не обратили вниманія на одинъ источникъ, хотя сухой, но точный и дающій подлинныя даты его академической карьеры,—это сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за столѣтіе ея существованія», изданный подъ редакціей П. П. Петрова въ 1865 году. Въ напечатанныхъ здѣсь дѣлахъ правленія Академіи, мы находимъ слѣдующія данныя, относящіяся къ двукратному въ ней пребыванію Шевченка:

1839 годъ. — Определено записать въ списокъ удостоенныхъ по третнему экзамену, происходившему 29 апрѣля 1839 года къ полученію серебряныхъ медалей перваго и втораго достоинства, между другими, удостоеннаго медали втораго класса «посторонняго» Шевченка (Сборникъ, т. 2, стр. 384).

1840 г. Награжденъ серебряною медалью втораго достоинства за первый опытъ его въ живописи масляными красками Тарасъ Шевченко за картину его «Нищій мальчикъ, дающій хлѣбъ собакамъ». Сверхъ того положено объявить ему Шевченкѣ похвалу. (Сборникъ, т. 2., стр. 406).

1841 г. сентября 26. Определено: вольноприходящихъ учениковъ академіи за успѣхи въ художествѣ, доказанные представленными работами по живописи исторической и портретной, между ними Тараса Шевченка за картину изображающую Цыганку, наградить серебряною медалью втораго достоинства (т. 2, стр. 419).

1845 г. марта 22. По двумъ прошеніямъ вольноприходящихъ учениковъ академіи Тараса Шевченка и Алекс. Волоскова, коими просятъ удостоить ихъ званія свободнаго художника, определено, поелику Шевченко и Волосковъ извѣстны совѣту по своимъ работамъ и награждены уже за успѣхи въ живописи серебряными медалями втораго достоинства—то удостоить ихъ этого званія (т. 3, стр. 31).

Послѣ ссылки Шевченко воротился въ Академію, измѣнивъ, подъ влияніемъ утеряннаго времени, родъ занятій и отдавшись гравюрѣ. Къ этимъ годамъ въ академическихъ бумагахъ относятся двѣ замѣтки:

1859 г. 16 апрѣля. По прошенію гравера Тараса Шевченка (№ 676) при которомъ, представляя двѣ исполненныя имъ гравюры просить удостоить его по онымъ званія академика или задать программу на полученіе этого званія, определено: Шевченка по пред-

ставленнымъ гравюрамъ признать назначеннымъ въ академики и за-
дать программу на званіе академике по гравированью на мѣди.)

[1860 г. 2 сентября. Опредѣлено, въ уваженіе искусства и по-
знаній въ художествахъ, доказанныхъ исполненными работами по за-
данной отъ академіи программѣ и по другимъ извѣстнымъ трудамъ,
признать академикомъ по гравированію Тараса Шевченка (т. 3, стр.
329 и 355).]

Къ предполагаемому „Описанію харьковской губерніи“. Нѣко-
торые члены Харьковскаго Губерн. Статистическ. Комитета задумали
составить «Описаніе Харьковской губерніи» и съ этой цѣлью напе-
чатала въ «Харьковскомъ Сборникѣ» программы для собранія раз-
личныхъ свѣдѣній, относящихся къ этнографіи, исторіи, географіи,
археологіи, быту и языку въ этомъ краѣ. Кромѣ личныхъ работъ
члены комитетъ надѣются, что на эти программы отзовутся и лица
разныхъ культурныхъ слоевъ края, сообщая всѣ, даже мельчайшія
подробности, отвѣчающія какому-нибудь изъ пунктовъ этихъ программъ.
Въ видахъ распространенія этихъ программъ, перепечатаваемъ ихъ
въ полномъ объемѣ, добавляя для свѣдѣнія г.г. корреспондентовъ,
что отвѣты по вопросамъ программы можно присылать или въ Харь-
ковскій Губернскій Статистическій Комитетъ, или авторамъ программъ.

1.

Программа для собранія этнографическихъ свѣдѣній о крестьянскомъ населеніи Харьковской губерніи.

Харьковская губернія весьма мало изслѣдована въ этнографическомъ отношеніи. Въ послѣдніе годы изданы Петромъ Вас. Ивановымъ весьма цѣнные въ научномъ отношеніи матеріалы для характеристики міросозерцанія и быта крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда. Этнографическія данныя объ остальныхъ уѣздахъ Харьковской губерніи крайне незначительны и крайне разбросаны. Если усердіемъ и трудами одного уѣзда сдѣлано такъ много, что матеріалами г. Иванова пользуются теперь не только русскіе, но и иностранные ученые, то можно по этому судить, какъ много лежитъ у насъ матеріала совсѣмъ нетронутаго и какъ сильно подвинулось бы впередъ дѣло изученія крестьянскаго населенія Харьковской губерніи, если бы примѣру г. Иванова послѣдовали многіе сельскіе учителя и

учительницы, священники и другія лица, близко стоящія къ народу. Желая посылно содѣйствовать укрѣпленію и расширенію мѣстных этнографическихъ изученій, я предлагаю программу для собранія этнографическихъ матеріаловъ о крестьянскомъ населеніи Харьковской губерніи. Программа составлена краткая, чтобы не утруждать и не запугать сложностью требованій тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть привлечены къ этому дѣлу. Къ программѣ приложено нѣсколько руководящихъ наставленій относительно способа собранія этнографическаго матеріала.

1) Мѣстоположеніе описываемаго села (уѣздъ, разстояніе отъ ближайшихъ городовъ и т. п.). Какъ народъ объясняетъ названіе и происхожденіе села. Преданія о прошломъ.

2) Численность и наружность жителей. Не обнаруживается ли въ наружности вліяніе инородческихъ примѣсей.

3) Языкъ. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ. Мѣстные слова, реченія и поговорки. Слѣды вліянія литературнаго языка.

4) Что читаетъ народъ. Какія книжки распространяются въ народѣ, какими путями.

5) Жилище. Устройство и убранство хатъ. Какое значеніе имѣютъ части дома: передній уголъ, печь, порожекъ и др. Устройство двора и расположеніе дворовыхъ построекъ. Новѣйшія измѣненія въ устройствѣ хатъ. Въ какихъ частяхъ хаты бывають украшенія (рѣзба, раскраска). Гдѣ встрѣчаются въ хатахъ сволоки съ надписями и съ какими надписями.

6) Одежда мужчинъ и женщинъ, лѣтняя и зимняя, будничная и праздничная. Остатки старинныхъ одеждъ. Вліяніе городское. Стоимость одежды.

7) Пища богатыхъ и бѣдныхъ въ скоромные и въ постные дни; улучшается она или ухудшается и почему; городское вліяніе; значеніе мѣстныхъ лавчонокъ. Способы освѣщенія.

8) Болѣзни наиболѣе свойственныя селенію. Народныя врачевныя средства. Мѣстные знахари. Отношеніе къ врачамъ. Какъ и чѣмъ лѣчатъ скотъ.

9) Главныя занятія: земледѣліе, пчеловодство, садоводство, кустарные промыслы—прежде и нынѣ.

10) Религіозное настроеніе народа. Сектанты. Сказанія и преданія о мѣстныхъ наиболѣе чтимыхъ иконахъ, церквахъ, монастыряхъ. О крестьянской благотворительности. Шпятали.

11) Умственное состояніе народа. Мѣстныя средства образованія. Отношеніе крестьянъ къ школѣ и учителю (сравн. § 4).

12) Нравственное состояніе народа. Положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Отношеніе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ. Кабаки. Пьянство. Проституція.

13) Пѣсни и обычаи, соблюдаемые при рожденіи и крещеніи ребенка. О вечерникахъ. Свадебныя пѣсни и обряды. Свадебные расходы. Похоронные обряды, причитанія и поминки.

14) Народный календарь. Пѣсни, обряды и повѣрья, относящіеся къ празднику Рождества Христова, масляной, Воскресенію Христову, Вознесенію, ко дню св. Георгія Побѣдоносца, дню Ильи пророка и др.

15) Повѣрья, обряды, поговорки и сказанія, связанные съ писальными писанками. Какіе рисунки бывають на писанкахъ. Народныя названія писанковъ и на что употребляются онѣ въ быту народномъ.

16) Пѣсни, обряды и повѣрья при посѣвѣ хлѣба, жатвѣ, свозѣ въ клуни, печеніи хлѣба и т. п.

17) Народныя игры и забавы, дѣтскія, юношескія, взрослыхъ людей. Танцы. Музыка. Мѣстные музыкальные инструменты.

18) Повѣрья и обычаи при повальныхъ болѣзняхъ, скотскомъ падежѣ, пожарахъ. Обычаи базарные и ярмарочные.

19) Народная демонологія: колдуны, вѣдьмы, упыри, вовкулаки, лѣшіе, водяные, русалки и проч. Обереги отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ.

20) Народная зоологія: повѣрья и сказки о мѣстныхъ животныхъ.

21) Народная ботаника: повѣрья и сказки о мѣстныхъ растеніяхъ; названія ихъ.

22) Народныя юридическія обычаи относительно сватовства, развода, раздѣла имущества, найма рабочихъ, аренды и по преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, противъ нравственности и благочинія.

23) Народная поэзія: сказки, пѣсни, преданія, заговоры, пословицы и пр. О кобзаряхъ и лирникахъ (имя, фамилія, гдѣ учились, у кого, какія пѣсни и сказанія извѣстны).

24) Отношеніе малороссовъ къ великороссамъ, и обратно великороссовъ къ малороссамъ, къ евреямъ и цыганамъ.

Примѣчанія: 1) При описи обозначается званіе, имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства автора.

2) Описатель по своимъ личнымъ наклонностямъ и по количеству и качеству имѣющагося въ распоряженіи этнографическаго матеріала одни параграфы въ этой примѣрной программѣ можетъ совсѣмъ пропустить, другіе внести отъ себя, можетъ остановиться только на одномъ параграфѣ и разработать его подробно.

3) Въ записяхъ излагается лишь фактическій матеріалъ безъ теоретическихъ разсужденій. Литературнаго изложенія не требуется.

4) Всѣ записи должны быть написаны съ широкими полями и съ обратной бѣлой стороною бумаги.

5) Подробностями не пренебрегать, какъ бы сообщаемые факты ни казались малыми и незначительными. (Наука не знаетъ мелочей въ народной жизни: для нея все одинаково важно).

6) Пѣсни, преданія, повѣрья нужно записывать точно, со словъ крестьянъ, не внося собственныхъ дополненій или поправокъ. Указывать всѣ поясненія крестьянъ, какъ бы странными и ошибочными не представлялись они.

7) При каждой пѣснѣ, сказкѣ или преданіи должно быть обозначено—когда, гдѣ и отъ кого (имя, отчество, фамилія, возрастъ) записано.

8) По каждому изъ параграфовъ программы можно получить дополненія и разъясненія, обратившись письменно къ профессору Харьковскаго университета, члену Статистическаго Комитета, Николаю Федоровичу Сумцову.

9) Желающіе получить подробную программу для собранія этнографическихъ свѣдѣній благоволятъ обратиться съ просьбой въ Этнографическій отдѣлъ Императорскаго общества любителей естествознанія при Московскомъ университетѣ.

10) Этнографическіе матеріалы и изслѣдованія доставляются въ Харьковскій губернскій статистическій комитетъ.

Н. Ф. Сумцовъ.

2.

Программа для собранія историко-географическихъ и археологическихъ свѣдѣній.

Нѣтъ ли остатковъ старыхъ земляныхъ укрѣпленій въ селеніи или окрестностяхъ его? Нѣтъ ли пещеръ? Что въ нихъ находили?

Каковы преданія о нихъ? Не было ли раскопокъ въ послѣднее время? Гдѣ находятся найденные предметы? Нѣтъ ли старыхъ зданій, воздвигнутыхъ въ прошломъ вѣкѣ, и каково ихъ назначеніе (напр. церквей)? Нѣтъ ли старыхъ надписей на дверяхъ, потолкахъ и т. п.? Нѣтъ ли памятниковъ надъ могилами мѣстныхъ выдающихся дѣятелей, съ эпитафіями, надписями на нихъ? Не было ли находокъ (за послѣднее время): старинныхъ монетъ, оружія, предметовъ домашняго быта, одежды, украшеній и т. п., и какова была судьба находокъ? Нѣтъ ли у кого коллекцій мѣстныхъ древностей или отдѣльных предметовъ, найденныхъ въ Харьковской губ., и каковы именно (старинная посуда, утварь, украшенія)? Нѣтъ ли въ храмахъ иконъ стараго письма, церковно-богослужебныхъ книгъ, старинной стѣнной живописи, древней церковной утвари, замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи колоколовъ? Нѣтъ ли во владѣльческихъ усадьбахъ или вообще у кого-либо старинныхъ письменныхъ документовъ, въ видѣ архивовъ, фамиліныхъ записокъ, воспоминаній, писемъ, важныхъ для характеристики мѣстныхъ дѣятелей; извѣстно, наиримѣръ, что существовали раньше записки Квитокъ, Лесевицкихъ, Кондратьевыхъ, Тевяшевыхъ, Шевича; гдѣ онѣ теперь? Нѣтъ ли экономическихъ книгъ прошлаго вѣка, важныхъ для характеристики хозяйства, документовъ, касающихся состоянія вѣршостныхъ крестьянъ? Нѣтъ ли фамиліныхъ или другихъ какихъ-либо портретовъ XVII—XVIII вѣковъ, картинъ мѣстнаго пейзажа или жанра (преимущественно харьковскихъ художниковъ), альбомовъ, памятниковъ литературныхъ? Не сохранилось ли отъ стараго времени шпиталей (т. е. богадѣленъ), церковныхъ братствъ, цеховъ? Нѣтъ ли бандуристовъ или лирниковъ?

Нѣтъ ли свѣдѣній о времени основаніи селеній по письменнымъ документамъ или преданію? Нѣтъ ли указаній на прежнія названія того или иного селенія? Нѣтъ ли особыхъ названій для отдѣльных частей селенія? Нѣтъ ли преданій или рассказовъ о переселеніяхъ жителей? Что разумѣется въ данной мѣстности подъ терминами—село, деревня, слобода, слободка, мѣстечко, хуторъ и т. п.? Нѣтъ ли преданій объ историческихъ событіяхъ, происходившихъ въ этой мѣстности (татарахъ, запорожцахъ, шведахъ, гайдамакахъ, разбойникахъ). Нельзя ли получить свѣдѣнія о замѣчательныхъ уроженцахъ данной мѣстности и ея дѣятеляхъ? Нѣтъ ли въ окрестностяхъ селенія старинныхъ шляховъ (дорогъ)—татарскихъ, чумацкихъ и т. п. и каковы ихъ названія? Не сохранились ли въ народѣ наз-

ванія старыхъ шляховъ—Муравскаго, Изюмскаго, Калміусскаго, Бакаева, Ромодана и др. и если да, то нельзя ли отмѣтить хотя отчасти ихъ протяженія и направленія? Въ Зміевскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ и теперь существуютъ остатки такъ называемой Украинской линіи; желательно было-бы сдѣлать описаніе и измѣреніе остатковъ ея земляныхъ укрѣпленій (крѣпостей, редутовъ), а также и другихъ подобныхъ сооруженій (валовъ возлѣ сѣверскаго Донца и т. п.).

Какъ называетъ себя само населеніе и какъ называютъ его сосѣди? Чистое или смѣшанное населеніе (въ племенномъ отношеніи) живетъ въ данномъ поселкѣ? На сколько въ немъ сохранились старыя черты быта и на сколько оно подверглось вліянію новыхъ условій жизни (города, фабрикъ, солдатъ)? Какъ эти новыя условія дѣйствуютъ на женщинъ и мужчинъ, старыхъ и молодыхъ и т. п.? Кто проявляетъ большую устойчивость въ сохраненіи своихъ старыхъ формъ и племенныхъ особенностей—великороссы или малороссы? Каковы взаимныя отношенія между великорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ? Вліяютъ ли они другъ на друга или остаются безъ взаимодѣйствія? Если вліяютъ, то въ какихъ отношеніяхъ (въ сферѣ языка, привычекъ, костюма и т. п.)? Какъ часты между ними взаимные браки и какое вліяніе они оказываютъ въ этомъ отношеніи? На какомъ языкѣ говоритъ, напримѣръ, женщина—великороссіянка, попавшая въ малороссійскую семью и наоборотъ? Каковы отношенія между великоруссами и малоруссами смежныхъ, сосѣднихъ и болѣе отдаленныхъ селеній? Нѣтъ ли насмѣшливыхъ прозвищъ и пословицъ у однихъ по адресу другихъ и т. п.? Каково отношеніе малороссіянъ и великороссіянъ къ евреямъ? Не вліяетъ ли мѣстное населеніе на евреевъ въ сферѣ языка, домашняго быта и т. п.? Какія складываются отношенія между туземнымъ населеніемъ и пришлымъ нѣмецкимъ—нѣмецкими колонистами, покупающими землю въ южной части Харьковской губерніи? Какое вліяніе оказываютъ нѣмцы на бытъ мѣстнаго крестьянства? Нельзя ли представить нѣсколько примѣровъ (за послѣднее время) покупокъ нѣмцами колонистами земель въ Харьковской губ.

Примѣчанія для собирателя:

1) Можно отвѣтить не на всѣ, а только на нѣсколько и даже на одинъ какой-либо вопросъ, но только возможно полно и обстоятельно.

2) Съ предметовъ древностей желательно имѣть снимки и рисунки.

3) За раз'ясненіями можно обращатьсь къ профессору Дмитрію Ивановичу Багалю въ Харьковскій университетъ.

4) При записяхъ нужно руководствоваться такими же правилами, какія помѣщены въ этнографической программѣ пр. Н. О. Сумцова.

Д. И. Багалъ.

3.

Программа для описанія быта сельскаго населенія.

1) Населенныя мѣста: разнаго рода поселенія и ихъ характеръ.

2) Крестьянскія постройки: разные виды построекъ, общій планъ, матеріаль и стоимость. Предметы обстановки и домашней утвари. Матеріалы для отопленія и освѣщенія.

3) Пища и одежда крестьянъ: описаніе той и другой съ указаніемъ происходящихъ въ нихъ измѣненій и стоимость ихъ.

4) Крестьянская семья; составъ ея и отношенія между членами семьи. Семейные раздѣлы и ихъ причины.

5) Потребности средней крестьянской семьи и средства для ихъ удовлетворенія (бюджетъ крестьянскаго хозяйства).

6) Отходъ и переселенія крестьянъ: направленіе отхода и переселеній, размѣръ, причины того и другого; вліяніе ихъ на благосостояніе крестьянскаго населенія.

7) Формы мѣстнаго крестьянскаго землевладѣнія: участковое, старозаимочное и общинное владѣніе земель. Отличительныя черты того или другого; время возникновенія и происходящія въ нихъ видоизмѣненія.

8) Разныя формы, въ которыхъ проявляются общественныя и индивидуальныя вѣтвисты мѣстнаго населенія, напримѣръ, земельныя и промышленныя товарищества, разнаго рода артели, цехи, братства и проч.

9) Измѣненія, происходящія въ области нравовъ, нравственности и формъ жизни сельскаго населенія; причины этихъ измѣненій.

П. С. Ефименко.

4.

Программа для собиранія данныхъ о языкѣ великорусск. населенія.

Изъ какаго уѣзда, села сообщаются свѣдѣнія.

• Какъ называютъ себя жители даннаго села, и какъ ихъ называютъ сосѣди.

Какому измѣненію подвергается въ ихъ говорѣ звукъ *о* *неударяемый*. Какъ произносятся, на примѣръ, слова: *юлова, хорошо, оурцы, того?*

Какъ измѣняется *о* *ударяемое*. Какъ произносятся слово—*хоть?*

Нѣтъ-ли случаевъ перехода *неударяемо* *а* въ *о*. Какъ произносятся слова: *Андрей, Александръ, работникъ, пароходъ, самоваръ?*

Какъ измѣняются *ударяемые* *е* и *ь*. Какъ, примѣрно, произносятся слова: *купецъ, идетъ, тетка, овесъ, цѣпь, цѣпы, ослѣпь, береза, зеленый, ель?* (Употребленіе звука *ѣ* въ говорѣ нужно тщательно отмѣчать въ сообщеніи).

Какъ измѣняются *е* и *ь* *неударяемые*. Какъ, на примѣръ, произносятся слова: *земля, цѣпты, сестра, ребята, медовый, льсной, съмена, бѣловатый, зеленоватый, черезъ поле, черезъ дорогу, жена, пшеница, на мѣсть, еще, нельзя, человекъ, теремокъ?*

Какъ измѣняется *ы*. На примѣръ, какъ произносятся слова: *быль, была, не былъ, колыбель, умываться, крышка?*

Есть-ли случаи употребленія *в* вмѣсто *у* и наоборотъ. Какъ произносятся слова: *ударить, взять, вдова, всп?*

Какому измѣненію подвергается *у*. Какъ произносятся: *будто, буйная юлова, глубоко, откуда, кукушка?*

Нѣтъ-ли случаевъ употребленія *придыханія*. Какъ произносятся слова: *онъ, утка, э тотъ.*

Какимъ переходамъ подвергаются звуки *д* и *т*. Какъ произносятся слова: *дѣти, видѣлъ, тѣло, свѣтель, мѣсяцъ, въ золотъ, видѣть, знать, темный, отлетѣлъ?*

Нѣтъ ли случаевъ измѣненія *гортанныхъ* *г, к, х*, въ *ж, ч, ш*, и въ *з, ц, с*. Какъ произносятся: *на рѣкъ, на луку, въ лухахъ, на берегу, при дорогѣ, въ кабахъ*. Какъ произносятся слова: *копейка, хозняйка, чайку, яблочковъ, корольковъ, рѣдька, палочка, на рѣчку, шапочка, кашка?*

Какъ измѣняются *губные*: *б, в, м, п*; какъ произносятся слова: *траблю, ловлю, ломлю, куплю?*

Нѣтъ-ли какихъ либо особенностей въ произношеніи *плавныхъ* звуковъ. Какъ, на примѣръ, произносятся слова: *вихоръ, грибы, крикъ, кропива, рама, завтра, царанать?*

Какимъ измѣненіямъ подвергаются *шипящіе* звуки *ц, ч, ш* и *щ*. Какъ произносятся слова: *цѣпь, цапля, улица, щека, щавель, знающій, большущій?*

Измѣняются-ли въ концѣ словъ звучные согласные въ *отзвучные* или нѣтъ? Говорятъ: *дубъ* или *дупъ*, *городъ* или *горотъ*, *лузь* или *лухъ* и проч.?

Какое окончаніе имѣютъ имена прилагательныхъ въ именительномъ и родительномъ падежахъ ед. числа? Какъ произносятся, напримеръ, *черный*, *бѣлый*, *синій*, *хорошій*, *добрый*, *деревенскій*, *городской*? Какъ род. пад.?

Какъ произносятся родительный и дательный падежи мѣстоименій: *я*, *ты*, *себя*, *онъ*, *кто*, *тотъ*. Какъ произносятся *тебѣ*, *себѣ*, *ему*, *кого*, *того*?

На чтѣ оканчиваются глаголы во 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственного числа и 3-мъ множественного? Какъ произносятся: *ведешь*, *знаешь*, *несешь*, *печешь*, *печетъ*, *ведетъ*, *несетъ*, *читаетъ*, *пишетъ*, *мутитъ*, *шумитъ*, *лжетъ*, *спетъ*, *пашетъ*, *учится*, *учитъ*, *учишься*, *толкаться*, *толкаешься*, *толкается*, *знають*, *ведуть*, *говорять*, *шумятъ* и друг.?

Нѣтъ ли въ говорѣ данной мѣстности какихъ-либо непонятныхъ словъ, названій, прозвищъ, странныхъ оборотовъ и выраженій?

Желательно имѣть точно записанными нѣсколько обыденныхъ фразъ или пословицъ, или — небольшую сказку.

Нужно непременно обозначать ударенія въ словахъ, и вообще, всѣ слова и выраженія, взятые изъ народнаго говора, должны быть переданы на письмѣ совершенно такъ, какъ они произносятся крестьянами.

О малорусскихъ говорахъ.

1. Обозначеніе мѣстности, изъ которой доставлены свѣдѣнія?
2. Чистое ли малорусское населеніе или смѣшавшееся съ великорусскимъ?

I.

Примѣры пзмѣненій *o* и *e* въ *u*: *року* — *рикъ*; *овесь* — *ввеса*; *жишка*; *лндъ*?

Примѣры перехода *e* въ *ѣ*: *жовтый*, *чорный лёнь*, *синѣю*, *здоровѣмъ*, *зеленый*, *его*?

Примѣры перехода *ь* въ *i*.

Какимъ измѣненіямъ подвергается неударяемое *o*: какъ произносятся, напримеръ, слова: *горячій*, *хозяинъ*, *въ соборъ*, *тополъ*, *тоска* и др.?

Какъ произносится звукъ *е* (твердое *е* обознач. или *е* или *э*, мягкое *е*).

Какъ произносится звукъ *и*?

Какъ произносится звукъ *ы*?

Гдѣ слышатся гласные неопредѣленные или дифтонги (двугласные).

II. •

Какъ произносится звукъ *г* (*g* или *h*)?

Какъ произносятся сочетанія: *жа, ча, ша, шу, чу, жу, в* под.?

Какимъ измѣненіямъ подвергаются гортанные: *г, к, х*?

Какимъ измѣненіямъ подвергаются звуки: *з, ц, с*?

Какъ измѣняются губные: *б, п, в, м*?

Какъ измѣняются зубные *д* и *т*?

Слышится-ли гдѣ-либо звукъ *дж*: напримѣръ, *походжено*?

Какъ измѣняются *л* и *р*?

Какъ измѣняется звукъ *ф*?

Случаи удвоенія согласныхъ: *безлюддя, ключчя*?

Случаи придыханія: *е — еирла, висса*.

Нѣсколько примѣровъ разговорной рѣчи, пословицъ и поговорокъ или сказку.

М. Г. Халамскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Ак. Наукъ; вып. 48, Спб. 1890 г. Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2, 1890 г.—т. 3.

Читателямъ нашимъ былъ уже предложенъ отзывъ о первомъ томѣ сочиненій покойнаго славяновѣда «средняго поколѣнія» славистовъ А. А. Котляревскаго. Не имѣвъ возможности, по обстоятельствамъ, раньше предложить разсмотрѣніе слѣдующихъ томовъ, дѣлаемъ это теперь на основаніи мудраго изреченія «лучше поздно, чѣмъ никогда», а также помня чрезвычайно основательное мнѣніе покойнаго учителя о крайней важности библиографическихъ обзоровъ и отзывовъ о книгахъ для науки¹⁾. Въ статьѣ «На память будущимъ библиографамъ» (т. 2, стр. 109—119), конечно, идетъ рѣчь о необходимости правильныхъ, систематически ведомыхъ библиографическихъ обзоровъ; но изъ нея же вытекаетъ и нарочитая важность для повременныхъ изданій неукоснительнаго веденія сколько нибудь упорядоченныхъ книжныхъ обзоровъ... Центръ тяжести вышесказанной статьи заключается, между прочимъ, въ слѣдующемъ вполне справедливомъ положеніи, которое авторъ подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ, взятыхъ изъ дѣйствительности т. е. примѣровъ несоблюденія означеннаго положенія. «Не только старина выдается за новое, но часто предлагаются такіа мнѣнія, о которыхъ не могло бы быть и помину, если бы изслѣдователь былъ знакомъ со всею предыдущею литературою предмета; часто строятся цѣлыя системы, оказывающіяся потомъ совершенно ложными, и все это только потому, что

¹⁾ Этимъ взглядомъ можно объяснить и извѣстную склонность А. А. Котляревскаго къ библиографіи склонность, переходившую въ страсть...

ислѣдователь упустилъ изъ виду какое нибудь свидѣтельство, или документъ, помѣщенный гдѣ нибудь въ старомъ, забытомъ изданіи». Разсматриваемый второй томъ на нашъ взглядъ представляетъ еще болѣе интереса, чѣмъ первый. Тутъ мы находимъ сжатый, но цѣльный и толково написанный, не потерявшій значенія даже и въ наше время, очеркъ «Сравнительное языковѣдѣніе» (138—212 стр., 1870 г.), извѣстный обстоятельный разборъ сочиненія А. Афанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» (256—358 стр.), провозведшій въ свое время довольно значительное впечатлѣніе; разборъ книги «Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова» (416—432), присудившій этой книгѣ меньшую Уваровскую награду; живой, читающійся, почти какъ романъ, очеркъ «Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племенъ индоевропейскихъ» (1865 г., стр. 522—555); славянскія книжныя обзорѣнія (Успѣхи славяновѣдѣнія, 359—393); рѣчи и номинки (о В. И. Григоровичѣ, объ О. М. Бодянскомъ, О. Я. Шафарикѣ, о Н. А. Ивановѣ, о С. В. Ешевскомъ). Собственно къ русской исторіи относятся слѣдующія статьи: «Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей» (73—109 стр.) и большой, основательный разборъ книги И. Забѣлина «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» (444—521 стр.). Отсылая любознательнаго читателя къ самимъ «Сочиненіямъ А. А. Котляревскаго», я нѣсколько останавлиюсь только на слѣдующихъ мысляхъ этого автора, заслуживающихъ вниманія читателя. Въ статьѣ «Исторія всеобщей литературы въ Россіи» (212—243 стр.) онъ высказываетъ, между прочимъ слѣдующее, вполне сиравеоливо мнѣніе: «По неимѣнію или недоступности хорошихъ русскихъ переводовъ многихъ произведеній литературы, на историкѣ ея лежитъ также обязанность хрестоматора: конечно, можно ограничиться немногими замѣчательными отрывками, общими изложеніями содержанія произведеній; и они необходимы уже и затѣмъ, чтобы приговоры ислѣдователя не были голословны и не поражали читателя своею неудобопонятностію». Какъ вѣрна и глубоконаблюдательна эта мысль, которую я многократно слыхалъ и лично изъ устъ покойнаго Котляревскаго и затѣмъ самъ примѣнилъ на дѣлѣ въ своей книгѣ «Очеркъ исторіи чешской литературы» (Кіевъ, 1886 г.). Благородныя славянолюбивыя, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, мысли автора читатель найдетъ, наприм., хоть въ его прекрасной рѣчи о В. И. Григоровичѣ, произнесенной въ засѣданіи Кіевскаго Славянскаго Общества 23 дек. 1876 г., гдѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующую похвалу Григо-

ровичу»... сдѣланное имъ видимое далеко не перевѣшиваетъ того, что сдѣлано имъ и невидимо, хранится въ его ученикахъ: любовь къ славянству, славянская идея взрощены имъ широко и прочно въ сердцахъ и умахъ многихъ поколѣній; въ другомъ мѣстѣ рѣчи этотъ ученый называется «учителемъ, непоколебимо среди житейскихъ искушеній соблювшимъ вѣру свою и другихъ въ великое значеніе славянской науки и великую миссію славянской идеи». Взгляды эти приводятъ васъ къ мысли, что было бы очень любопытно, ежели бы кто нибудь взялся представить характеристику славянскихъ воззрѣній А. А. Котляревскаго на основаніи его сочиненій; это было бы очень важно для освѣщенія одной изъ сторонъ сложной духовной личности покойнаго русскаго славяновѣда...

Третій томъ сочиненій К—аго состоитъ изъ двухъ крупнѣйшихъ его трудовъ: извѣстнаго изслѣдованія «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ», посвященнаго гр. А. С. Уварову, и «Книги о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ» (Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древностей). Труды эти, особенно первый, по своей извѣстности, не нуждаются въ какихъ нибудь объясненіяхъ и указаніяхъ, и мы заключимъ наше обзорное искреннимъ пожеланіемъ имъ возможно болѣе широкаго распространенія въ нашемъ читающемъ обществѣ.

А. Степовичъ.

Памятная книжка Курской губ. на 1892 г.—Изданіе Курскаго Губ. Статист. Комитета. Составлено Т. І. Вержбицкимъ. Ц. 1 р. 20 к.

Намъ не однажды приходилось говорить на страницахъ «Кіевской Старины» о разныхъ «Памятныхъ книжкахъ» южно-русскихъ губерній, и независимо отъ того или другого достоинства этихъ книжекъ, мы съ удовольствіемъ привѣтствовали всегда ихъ выходъ въ свѣтъ, какъ проявленіе извѣстной духовной дѣятельности нашихъ провинцій; конечно, такія книжки обращали наше вниманіе особенно въ тѣхъ случаяхъ, если въ нихъ находили себѣ мѣсто какія либо историческія или этнографическія и проч. замѣтки либо матеріалы, а не одни лишь голыя числовыя данныя статистики. Предлежащая книга составлена настолько удачно и толково, что можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ изданій этого рода. Прекрасная, даже изящная внѣшность, присутствіе нѣсколькихъ недурно сдѣланныхъ видовъ г.

Курска (съ описаніями ихъ) производятъ особенно пріятное впечатлѣніе. Кромѣ обычныхъ отдѣловъ (мѣсяцесловъ и разныя календарныя свѣдѣнія, статистическаго, адресъ-календаря и т. п.), мы находимъ въ книгѣ еще и недурной «Краткій очеркъ Курской губ.». «Матеріалы для описанія Курскаго края», обнимающій на протяженіи 46 страницъ историко-географическое обзорѣніе городовъ курской губ. Обзорѣніе это составлено довольно занимательно, по документальнымъ даннымъ и заставляетъ пожелать, чтобы и всѣ остальные губернскіе статистическіе комитеты русскихъ городовъ позаботились объ изданіи своихъ памятныхъ книжекъ съ подобными же обзорѣніями.. Очень пріятно замѣчаніе на 44 страницѣ «очерка», что составитель книги считаетъ эту работу только «началомъ собиранія матеріала для будущаго *всесторонняго* описанія Курскаго края», и мы вполне искренне желаемъ ему полнаго успѣха въ этой полезной дѣятельности. Позволимъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы собственно адресъ-календарь, составляющій добрую половину книги и имѣющій важность и значеніе только для курянъ, печатался отдѣльной книжкою, что давало бы возможность лицамъ, интересующимся историко географическими и народоописательными данными разныхъ краевъ нашего обширнаго отечества, пріобрѣтать основную часть книги за болѣе дешевую цѣну; всего лучше бы распредѣлять матеріалъ между двумя книгами такимъ образомъ: въ первую часть помѣщать святцы, календарныя данныя и адресъ-календарь, а во вторую—статистическія данныя и историко-географическія съ народоописательными, если таковыя окажутся.

А. Степовичъ.

Южный Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаея, изданный одесскимъ обществомъ вспоможенія литераторамъ и ученымъ. Одесса. 1892. Стр. X+2 нем. + 256 + 2 нем. + 222.—Цѣна 2 р. 50 к.

Это—второй уже сборникъ, изданный въ Одессѣ въ пользу голодающихъ, если не считать Новороссійскаго календаря съ литературно-научнымъ отдѣломъ его, изданнаго одесскимъ городскимъ управленіемъ. «Сборникъ» напечатанъ безплатно разными одесскими типографіями, остальные издержки по изданію покрыты добровольными приношеніями, литературный матеріалъ весь безплатный также. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы въ заявленіи редакціоннаго

комитета, что обиліе предложеннаго разными авторами, преимущественно мѣстными, (въ числѣ 130) литературнаго матеріала было столь велико, что половиной его не удалось воспользоваться.

«Сборникъ» раздѣленъ на два отдѣла: беллетристическій и научный. Въ первомъ помѣщено большое число стихотвореній (и на первомъ мѣстѣ два стихотворенія высокопоставленнаго поэта, пишущаго подъ инициалами К. Р.), очерковъ, рассказовъ и пр., во второмъ 14 статей по разнымъ научнымъ вопросамъ и почему то также одно стихотвореніе.

Изъ произведеній перваго отдѣла съ мѣстнымъ интересомъ укажемъ прежде всего очеркъ П. А. Зеленаго подъ заглавіемъ «Лахтіонъ». Это, конечно, не болѣе, какъ эскизъ, набросокъ, но эскизъ, написанный съ большой наблюдательностью и очень интересный по предмету, избранному авторомъ. Лахтіонъ—собственно,—не имя и не фамилія, а кличка крестьянина Ермократа Иларіоновича Яковлева, данная, какъ это нерѣдко, по словамъ автора, случается, вслѣдствіе неудобнопроизносимости хрстіанскаго имени. Лахтіонъ—грядущая сила, будущій милліонеръ, новый типъ крестьянина-землевладѣльца, купившаго у разорившагося помѣщика 880 десятинъ и мечтающаго еще значительно закруглить свои владѣнія посредствомъ прикупки. Живыми чертами обрисовываетъ авторъ личность этого Лахтіона, выразившуюся въ его темномъ прошломъ, послужившемъ основаніемъ его благополучія, въ его отношеніи къ наемнымъ рабочимъ, въ способѣ хозяйства, въ семейныхъ дѣлахъ и въ домашней обстановкѣ.

Далѣе, укажемъ очеркъ г-жи Антонины Саломонъ «Хема» (картинка изъ жизни галицкихъ крестьянъ). Хема—имя несчастной и добрѣйшей няньки автора. На старости лѣтъ одинокая Хема поддавалась соблазну обзавестись собственнымъ угломъ и для этого выйти замужъ; замужество оказалось погибельнымъ для сбереженнаго ею капиталца, захвативъ который, ея нареченный быстро исчезъ, но Хема снова вступила въ обязанности няньки, ничего не утративъ изъ своихъ душевныхъ сокровищъ. Развитие разсказа даетъ автору поводъ нарисовать картинку галицкой свадьбы.

Можно назвать еще «Званный вечеръ у чиновника Буднищева» драматическія сцены А. П. Романовскаго, въ которыхъ, впрочемъ, мѣстный элементъ очень не великъ и, кажется является, помимо намереній автора. Вещица, вообще, блѣдная по содержанію и наивная по формѣ.

Есть въ «Сборникѣ» и стихи, навѣянные мѣстной природою и исторіей. Таковы стихотворенія П. А. Искры «На берегу моря въ

Людсдорфъ», «Хаджибейскій заливъ зимой» и «На развалинахъ Херсонеса».

Обращаемся къ научному отдѣлу. Изъ статей, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, здѣсь мы находимъ, во первыхъ, двѣ статьи В. А. Яковлева: «Къ исторіи голодныхъ годовъ въ Одессѣ» и «Когда были заложены первыя церкви въ Одессѣ»? Первая изъ нихъ имѣетъ предметомъ голодные годы 1794—95-й и 1805-й, написана по архивнымъ матеріаламъ и не лишена интереса. Вторая, посредствомъ сопоставленія извѣстныхъ уже въ печати данныхъ, переноситъ время заложения первой церкви въ Одессѣ съ 1794 г., къ которому событіе это приурочено г. Скальковскимъ, на 1794 г. Статья эта, въ качествѣ реферата въ одесскомъ обществѣ исторіи и древностей, уже напечатана въ протоколѣ 262 засѣданія этого общества и, признаемся, мы не понимаемъ причины ея вторичнаго появленія въ «Сборникѣ».

А. А. Шапелловъ знакомитъ читателей съ интересными мемуарами графа Рошешуара, появившимся въ Парижѣ въ 1889 году. По словамъ автора, записки эти представляютъ большой интересъ для новороссійскаго края, такъ какъ значительная часть ихъ посвящена дѣятельности горцога де Ришелье, при которомъ графъ Рошешуаръ состоялъ адъютантомъ въ продолженіи семи лѣтъ, (1805—1812). Статья читается съ интересомъ, но нельзя не пожалѣть, что авторъ не почерпнулъ изъ мемуаровъ гр. Рошешуара побольше матеріала собственно о новороссійскомъ краѣ.

Статья И. К. Эйзенъ фонъ Шварценбергъ помѣстилъ въ «Сборникѣ» свои воспоминанія о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ 1844—45 г. Для новороссійскаго края статья эта представляетъ отдаленный интересъ въ томъ отношеніи, что въ означенныя годы на мѣстникомъ и главнокомандующимъ кавказской арміей былъ кн. М. С. Воронцовъ, бывший прежде новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

Г. Ящуржинскому принадлежитъ небольшая статья «Колядки о хлѣбѣ», матеріалы для которой заимствованы изъ сборниковъ Чубинскаго и Головацкаго.

Общее впечатлѣніе отъ «Сборника» благоприятное. Правда, есть въ немъ вещи и слабоваты, но есть и написанныя съ неоспоримымъ талантомъ и знаніемъ. Пожелаемъ ему заслуженнаго успѣха, особенно въ виду благой цѣли и благородныхъ жертвъ и трудовъ, принесенныхъ для достиженія ея.

В. Ястребовъ.

Кіевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Подъ редакціей И. В. Луцицкаго. Кіевъ, 1892 г. Стр. 1—433+14 фототипическихъ снимковъ. Ц. 2 р. 50 к.

Название книги «Кіевскій Сборникъ», по установившейся привычкѣ, даетъ право предполагать, что въ ней мы найдемъ совершенно опредѣленный характеръ статей какъ беллетристическаго, такъ и научнаго содержанія, иными словами, — что въ ней обнаружатся стремленія мѣстныхъ людей своимъ посильнымъ трудомъ и талантомъ прийти на помощь страждущимъ братьямъ и, какъ гласитъ изрѣченіе «чѣмъ хата богата», принести на литературный рынокъ продукты мѣстнаго производства. Къ сожалѣнію, первыя же строки предисловія къ сборнику сразу отнимаютъ у васъ надежду встрѣтить въ книгѣ этотъ мѣстный характеръ и сотрудниковъ, и темъ, такъ какъ редакторъ прямо заявляетъ, что «редакція поставила своей задачей придать сборнику, насколько то было возможно, международный характеръ». Какъ и почему на долю Кіева выпала эта роль «интернационализма», мы разбирать не станемъ, но, по всей вѣроятности, у редактора, помимо личныхъ симпатій, были очень основательныя причины, — заставившія его придать своему сборнику именно такой отпечатокъ. Въ виду только что сказаннаго, мѣстному научному журналу почти нѣтъ надобности останавливаться на этомъ сборникѣ въ своихъ библиографическихъ обзорахъ, такъ-какъ мѣстнаго элемента въ немъ нѣтъ; однако, разсмотрѣвъ весь сборникъ, мы найдемъ въ немъ нѣкоторыя крупныя, касающіяся и нашей украинской полосы, что нисколько не противорѣчитъ характеру международности.

Конечно, на первомъ планѣ мы должны поставить статью *М. Владимірскаго-Буданова* «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.» (стр. 357—387). Это есть какъ бы одна глава ихъ обширнаго по своей задачѣ изслѣдованія о положеніи западно-русскаго крестьянства, юридически никогда не бывшаго въ литовско-русскомъ государствѣ крѣпостнымъ, но фактически оказавшагося закрѣпощеннымъ уже въ концѣ 16-го вѣка. Данная статья только занимается разсмотрѣніемъ и уясненіемъ тѣхъ формъ землевладѣнія крестьянскаго въ западной Руси, которыя господствовали до утвержденія крѣпостнаго права. Тутъ разсматриваются такія формы землевладѣнія: 1) *Дворище*, т. е. участки земли, принадлежащій группѣ лицъ, связанныхъ родовымъ единствомъ; при этомъ выясняется личный составъ этихъ дворищъ (глава дворища и оц-

тужники), число лицъ въ немъ (до 40 челов.), составляющееся изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ, имущественный составъ дворища (усадебъ и пахатная земля), количество пахатной земли (отъ 20 до 300 десятинъ) и, наконецъ, повинностный характеръ дворищъ—*жребій и служба*. Это послѣднее даетъ поводъ предполагать, не образовалась ли дворища искусственно, ради болѣе удобнаго обложенія повинностями со стороны государства; однако—говорить авторъ—предположеніе это не опровергаетъ вывода о естественномъ бытовомъ значеніи дворища. 2) *Сельская община*, т. е. совладѣніе нѣсколькихъ дворищъ, что и составляетъ село. Тутъ предполагаются древнія формы общиннаго владѣнія: во первыхъ, непосредственныя права сельской общины простираются на земли, не подѣленные на дворища, во вторыхъ, иногда сельской общинной власти до извѣстныхъ предѣловъ подлежитъ земля, принадлежащая дворищамъ и находящаяся въ наслѣдственномъ владѣніи лицъ, которыя составляютъ дворища. 3) *Волость и ея подраздѣленія*. Волость въ Западной Руси имѣла болѣе административное значеніе, нежели частноправное, чѣмъ она и отличается отъ сѣверно-русской волости. Авторъ по этому поводу и разсматриваетъ значеніе волости административное, хотя останавливается и на имущественныхъ отношеніяхъ, которыхъ въ смыслѣ общинности тоже не лишена была западно-русская волость. Всѣ эти земельныя и имущественныя права и формы разсматриваются въ статьѣ при помощи фактическихъ справокъ изъ разныхъ актовыхъ книгъ, отчего сама статья получаетъ особый интересъ и становится болѣе удобочтимою.

Достаточно теперь только назвать остальные научныя статьи, вошедшія въ сборникъ, чтобы видѣть, что, даже при самомъ болѣешемъ интересѣ въ ихъ содержаніи, «Кіевской Старинѣ» не приходится останавливаться на разборѣ ихъ. Вотъ онѣ: 1) *Максимъ Ковалевскій* «Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи», 2) *П. Броуновъ* «Погода и ея предсканіе», 3) *И. Сикорскій* «Голодъ и его послѣдствія», 4) *А. Абрамзонъ* «Двѣ недѣли въ Средней Азій», 5) *Р. Савельевъ* «Къ вопросу о предсказаніи неурожаевъ», 6) *Г. Бобриковъ* «Матеріалы для исторіи войны 1877—78 гг.», 7) *Л. Куперникъ* «Шарль Фурье», 8) *В. Малининъ* «Надсонъ какъ поэтъ», 9) *П. Морозовъ* «Война, ея орудія и жертвы», 10) *Макс Нордау* «Fin de siècle», 11) *И. Луницкій* «Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Испаніи», 12) *В. Ермаковъ* «О преподаваніи алгебры». Единственная статья, которая имѣетъ хотя нѣкоторое отдаленное отношеніе къ программѣ

нашего журнала, это—маленькое сообщеніе *Т. Флоринскаго* «Новое открытіе въ области южно-славянскаго народнаго эпоса». (337—348 стр.), гдѣ говорится о совершенно невѣдомомъ до послѣдняго времени отдѣлѣ сербскаго эпоса, записаннаго изъ устъ босняковъ и герцеговинцевъ мусульманской вѣры и изданнаго Костою Хѣрманомъ.

Въ отдѣлѣ беллетристики, гдѣ преобладающими явились иностранные писатели и писательницы, особенно скандинавскіе, мы встрѣчаемъ имя извѣстныхъ нашихъ двухъ беллетристовъ, Вас. Немировича-Данченка и Вл. Короленка, изъ которыхъ послѣдній далъ въ распоряженіе редактору Сборника главу изъ повѣсти «На зарѣ» по тѣмъ названіемъ «Щось буде». Уже самое заглавіе заставляеть насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ отрывкѣ г. Короленка. Это очень красивенькій по построенію набросокъ изъ жизни юго-западной Руси въ концѣ 50 хъ годовъ, въ тотъ моментъ, который далъ такъ много характерныхъ осложненій въ разныхъ слояхъ русскаго общества на сѣверѣ Россіи, а тѣмъ болѣе на нашемъ югѣ. Глухіе толки послѣ роковой Севастопольской компаніи о разныхъ новыхъ вѣяніяхъ и реформахъ, неясныя ожиданія какихъ-то иныхъ условій жизни,—все это заставляло трепетно озираться по сторонамъ и, при сравнительно слабомъ развитіи общества, только и вызывало многозначительное восклицаніе «щось буде». Вотъ этотъ-то моментъ и освѣщается авторомъ, правда еще только въ общихъ наброскахъ, требующихъ, по нашему мнѣнію, въ иныхъ мѣстахъ обработки, но и теперь производящихъ впечатлѣніе своими талантливыми росчерками. Особенно хороши мѣста въ изображеніи этюда съ *мардой*, гдѣ и солдатъ очень мило выступаетъ съ своимъ залихватствомъ, и становой не менѣе рельефенъ съ той буланой кобылкой, которая послѣ приключенія съ марой появилась у него на пристяжкѣ.

Всѣ прочія беллетристическія піески, какъ нашихъ писателей, такъ и заграничныхъ, давая очень много интереснаго и разнообразнаго чтенія, по темамъ своимъ совсѣмъ не подходятъ подъ цѣли, преслѣдуемыя «Кіевской Стариной», а потому—о нихъ мы говорить не будемъ, равно какъ умолчимъ и о стихотвореніяхъ по той же причинѣ. Остается упомянуть еще о рисункахъ, изъ которыхъ иные сюжетами своими затрогиваютъ жизнь нашего юга, а именно: первымъ поставленъ фототипическій снимокъ съ картины проф. Орловскаго «Днѣпръ»,—снимокъ, заставляющій желать многого лучшаго; нѣсколько не лучше и другой снимокъ съ картины г. Платонова «Ко сну»; не много лучше снимокъ съ картины г. Пимоненка «Сва-

танье», и наконецъ, далеко превосходить всѣхъ ихъ послѣдній снимокъ съ извѣстной картины г. Бодаревскаго «Свадьба въ Малороссіи».

Въ заключеніе не можемъ не выразить благодарности И. В. Лучицкому, взявшему на себя во многихъ отношеніяхъ нелегкую задачу составить литературный сборникъ въ Кіевѣ и тѣмъ снѣвшему съ кіевлянъ тотъ упрекъ, который, можетъ быть и незаслуженно, но былъ-бы посылаемъ по ихъ адресу за равнодушное отношеніе къ страждущимъ братьямъ. Теперь оправданіе—на лицо: сборникъ, и содержаніемъ, и объемомъ не уступающій другимъ, находится передъ нами; остается только пожелать ему самага широкаго распространенія.

В. Н—ко.

Отъ редакціи. Обзорніе журналовъ будетъ помѣщено вмѣсто іюльской въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

43-й и 44-й ВЫПУСКИ

(Кальдеръ - Капитанъ)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К^о въ Москвѣ (Больш. Никитская,
Долгоруковскій пер., д. 8).

Подписная цѣна (съ пересыл.) на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.): на лучш. бумагѣ 23 р., на обыкн. б.—25 р.; на томъ (14 вып.) въ переплетѣ: на лучш. б.—6 руб., на обыкн. б.—4 р. 50 к.; на серію въ 10 вып.: на лучш. б.—4 р., на обыкн. б.—3 р. Отдѣльные выпуски продаются: на лучш. б.—по 40 к., на обыкн. б.—по 30 к.

Дозволено ценз. Кіевъ, 26 іюня 1892 г.

1. юнь. Вовтор. Обѣдалисмо у себе сами, а по обѣдѣ нашѣмъ пріехали Гамалѣи Стефанъ, Василь и Григорій, и стали близъ насъ обозомъ. Потомъ поехалисмо до табору и захали просто до п. п. Миклашевскихъ и тамъ просидѣлисмо часть немалій. Козакъ полку нѣжинского у рѣчки Хотомлю, где обозъ стоять, утонулъ, купаючись, которого поховали при стрелбѣ мушкетной, да на томъ же мѣстѣ еще нѣсколько козаковъ померло. Отехавши отъ п. п. Миклашевскихъ, захали до прилучанъ п. п. Федора, Горленка и прочіихъ, где книжку писанную лѣтописную о козакахъ взялисмо для прочитанія. Гасло било у насъ Марія. Зѣ обозу Гамалѣевъ визивали ихъ козаки нашихъ на вкучачки, и когда наши выйшли бытись съ ними, то при нашихъ побѣда осталася и заледво розогнать возмогли онихъ отъ того бою. Книжку тую, позиченную, лѣтописъ, читаючи начиталисмо: *1-то*, что козаки отъ рѣчки прозиваемой Козара назвались, первой, козарами, а потомъ, за временемъ, прозвани козаками. *2-do*, князи ихъ козаретіи обладали кіевскою и другими странами, а вимали дань отъ двора, по бѣлковой шкурѣ, а отъ плуга по шелягу. *3-тїо*, Гедимъ, вел. князь литовскій, подбилъ подъ свою область Кіевъ и другіе стороны и намѣсникомъ тамъ своимъ оставилъ князя Голшанского. *4-to*, 1471 року, Казѣмиръ четвертій, король полскій, княженіе кіевское на воеводство перемѣнилъ. *5-to*, 1516 року, за Жыкгмунта первого, короля полского, всѣ жители малороссійскіе стали козаками зватись. *6-to*, 1534 року, за Генриха француза, короля полского, гетманъ Свѣрчовскій, упрошенній отъ Івани, господара волоского, былъ при немъ зъ своимъ войскомъ, которого тилко на 1400 было и баталію имѣлъ зъ турками 14 разъ. *7-то*, 1575 року, козаки човнами, рѣкою Днѣстромъ, на орди напавши, много онихъ въ плѣнъ взяша. *8-во*, Тогда жъ зъ гетманомъ Богданкомъ землю татарскую повоевали. *9-но*, 1576 року, король полскій Стефанъ Баторій, учредивши гетмана запорожского, устроилъ въ войску обознихъ, судей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ и атаманы и мѣстечко Терехтемировъ далъ имъ на зимовую квартиру. Тогда козаки Азію на тысячу миль повоевали, Трапезонтъ взяли и витали, Синопъ

збурили и подъ Константинополемъ многіе взяли користи. *10-то*, За того жъ короля, 1577 року, гетманъ запорожскій Шахъ, прийшовши въ волоскую землю, зъ войскомъ своимъ, устроилъ тамъ козака Подкову господаремъ волоскимъ, по прошенію волохъ, а Петра воеводу, господара тамошного, изъ господарства изгналъ. Послѣди тому жъ Подковѣ, хитростію пойманному отъ поляковъ, король велѣлъ въ Львовѣ голову отсѣкти. *11-то*, Того жъ року, соборъ былъ въ Брестѣ Литовскомъ и уявія началася. *12-до*, 1597 року, гетманъ запорожскій Наливайко, прийшовши зъ козаками на Литву, много розорилъ мѣстечокъ и сѣлъ, а потомъ, отъ гетмана коронного Жолковського пойманий, подъ Лубнями на мѣстці урочищѣ, прозиваеомъ Солониця, и запроважений до Варшави, на мидяномъ волѣ распаленномъ сожженъ zostалъ. *13-тїо*, 1606 року, Петро Юнашевичъ Сагайдачний, гетманомъ запорожскимъ учинившись, ходилъ подъ Кефу, турецкое мѣсто, и оногo воевалъ. *14-то*, 1608 року, за Жигмунта, короля полского, гетманъ коронний Жалковскій, зобравши зъ Украины козаковъ, ходилъ на Цоцору, между которыми билъ и Михайлъ Хмельницкій, отецъ гетмана Богдана Хмельницкого, сотникомъ надъ козаками. *15-то*. На Цоцорѣ отъ турковъ и татаръ Жолковскій збитъ и Михайлъ Хмельницкій убіенъ, а синъ его Богданъ въ плѣвъ взятъ и, по двоелѣтномъ своемъ плѣненіи, отъ козаковъ викуплѣвъ; родомъ билъ, сказують, зъ Лисянки. *16-то*. 1623 року, Османъ, царъ турецкій, побѣдивши поляковъ на Цоцорѣ, пришолъ въ годъ потомъ на полскую землю зъ многими силами, а король полскій Жакгмунтъ сына своего вислалъ противъ его Владислава, до которого призванний и гетманъ Сагайдачний пришолъ въ помочъ зъ шестма тисачами козаковъ и переднее мѣсто удержалъ зъ великимъ турецкимъ урономъ, такъ далеко, же мусѣлъ султанъ мира просить и учинилося тогдa примиреніе зъ королевичомъ. *17-то*, 1622 року, Сагайдачний гетманъ померъ, а тѣло его поховано въ Братскомъ Кіевскомъ монастирѣ, въ проводную неделю. *18-во*, По смерти Сагайдачного, по многой войнѣ Ляховъ зъ Шведами, войска полскіе въ кіевское переведени воеводство и поставлени на консистенцію по городахъ

и селахъ бувши, многіе озлобленія жителямъ чинили; тогда гетманъ коронный Конецполскій зъ гетманомъ запорожскимъ Тарасомъ войну имѣли подъ Переяславлемъ и побѣждени стали отъ козаковъ. *19-го.* Гетманъ запорозкій Павлюкъ зъ Поляки войну имѣлъ подъ Кумейками декавр. 6. и отъ Конецполского побѣжденъ zostалъ, а подъ Боровицею примиреніе учинилось; але скоро потомъ пойманъ Павлюкъ и запроваженъ до Варшави, тамъ въ голову усѣченъ zostалъ. *20-го.* 1638 року, козаки, устроивши себѣ гетмана Острицию, бились знову зъ Ляхами, подъ Говтвою, Лубнями, Лукомлемъ и Жовниномъ, где другой козакъ Тимошевичъ Гуня гетманомъ обранъ zostалъ, але на рѣчку Старцемъ пакта мирніе зъ Поляками составили. *21-го,* Отъ того часу у козаковъ вмѣсто гетмана комисаръ великій зъ лядской стороны, также и полковники были устроени. *22-до.* 1639 року, Кодакъ городовъ надъ Днѣпромъ у низу отъ Конецполского былъ устроенъ и нѣмцами служивими осажень, даби зъ Украины бѣжачихъ козаковъ за пороги могли переймать. *23-тго.* Чаплинскій, подстаростѣй Івана Даниловича старости Чигиринского, отнялъ у Богдана Хмелницкого Суботовъ и самого въ вязенне осадилъ, але, на прозбу жени своей, потомъ освободилъ. *24-го.* Хмелницкій Богданъ у Барабаша, асаули оне-ралного, о привилеяхъ довѣдавшись королевскихъ, у жени его оніе отобралъ и, зъ оними побѣгши, первой, въ Микитиномъ Розѣ 300 козаковъ сискалъ и зъєдналъ себѣ, а потомъ за позволеніемъ хана Исламъ Герей мурза Тогамъ Бей помоществовалъ ему. *25-го.* Первую баталѣю Хмелницкій имѣлъ зъ Ляхами на Жовтой Водѣ, где гетмана коронного Потоцкого синъ, два рази устрѣленъ, умре, асіе было 1648 року, въ постъ великий. *26-го,* Другую баталѣю имѣлъ подъ Корсуномъ, где таже Ляхи побити и оба гетмани Потоцкій и Калѣновскій въ плѣнъ достались татарамъ. *27-го.* Подъ Пилявцами била баталѣя и тамъ побѣждени Поляки такъ, же однихъ воевъ кованнихъ осталось у козаковъ сто тысячъ. *28-го.* Отъ того часу Хмелницкій печать войсковую устроилъ. *29-го.* Полковники во всей Украинѣ отъ Хмелницкого устроени стали: чигиринскій, черкасскій, перяславскій, каневскій, браславскій, бѣлоцерковскій,

уманській, корсунській, калницькій, гадацькій и прочи року 1649. *30-то.* Подъ Збаражемъ Хмельницькій зъ Фирляемъ, главнымъ егераломъ полского войска, баталѣю имѣлъ, где стисненни Поляки до такой пришли нужди, что мусѣли зъ великого голоду конскіе, собачіе, мишачіе и кошечіе мяса исти, куда и король Казѣмиръ приишовши на помочъ, также нужду утерпѣлъ, отъ которой мусѣлъ на трактати, зъ стороны козацкой предложенніе, соизволити, между которими и тотъ билъ включенъ пунктъ, жеби митрополитъ кіевскій первій по примасѣ въ Сенатѣ имѣлъ стулецъ. *31-то.* Але когда приехалъ до Варшави митрополитъ кіевскій Силвестръ Косовъ, не дано ему въ Сенатѣ мѣста и такъ отехалъ въ Кіевъ. *32-do.* Хмельницькій списалъ козаковъ и роздѣлил на 60 (sic) полковъ и сколко въ коемъ полку козаковъ, а именно; чигиринскомъ—3189, въ черкасскомъ—2989, въ каневскомъ—3120, въ корсунскомъ—3472, въ уманскомъ—3930, въ браславскомъ—2072, въ калѣцькомъ—2046, въ кіевскомъ—2080, въ переясловскомъ—2150, въ кропивянскомъ—2059, въ острянскомъ—1958, въ миргородскомъ—3158, въ полтавскомъ—2785, въ нѣжинскомъ—985, въ чернѣговскомъ—996. *33-тo.* Отъ солтана турецкого приишолъ Османъ ага до Хмельницкого зъ предложеннемъ таковымъ, дабы онъ, отступивши Ляховъ, поддался подъ солтана турецкого и привезлъ ому чугу, мечъ, короговъ и булаву. *34-то.* 1651 року, баталѣя била подъ Берестечкомъ, где король Казѣмиръ билъ зъ посполитимъ рушеннемъ, а войска било ладско(го) на 300 тысячъ. Тамъ же Хмельницькій и ханъ Кримскій зъ своими силами били. Але когда ханъ, оставивши козаковъ съ татари, пойшолъ въ свояся и за нимъ Хмельницькій въ слѣдъ пошолъ же, а войско при Виговскомъ и полковникахъ оставилъ, тогда козаки утѣсенени зостали отъ поляковъ и мусѣли, оставивши все, армать 60, утекти оттуду. *35-то.* Того жъ року, уже королю зъ посполитимъ рушеннемъ повернувшуся до Варшави, била акцѣя подъ Бѣлою Церквою, где Хмельницькій новіе пакта учинилъ. *36-то.* 1652 року, гетманъ Хмельницькій послалъ сийа своего Тимоша и зъ нимъ войска 36 тысячъ козацкого и татарского до Молдавского воеводи, дабы дочь свою отдалъ за его

Тимоша, якій путь поневажъ Калѣбовскій гетманъ заступилъ билъ ему Тимошеви; того ради великая учинилась баталѣя на Батозѣ, где все войско полское побито и самому гетману голову урѣзаль татаринъ и принеслъ предъ самого Хмелницкого, тамъ тогда згодившогося, и Нурадинъ Салтана. По семъ Хмелницкій, вернувшись до Чигирина, послалъ уже сына своего Тимоша зъ 20-ма тысячами конныхъ козаковъ на веселле до Яссъ, где мусѣлъ господарь отдать дочь свою за его. *37-то*, 1653 року била война козаковъ зъ поляками подъ Монастирищемъ, где зъ козацкой стороны Богунъ Чернецкого такъ устрашилъ, убравши козаковъ въ одежду татарскую, же Ляхи, покинувши обозъ свой, утекли; а помянутій Чернецкій зъ войскомъ полскимъ того ради присланъ билъ на козаки, что извѣстно учинилось онимъ смятеніе между козаками, ибо когда Хмелницкій до солтана посилалъ своихъ пословъ, поддаучисъ ему, тогда полковники нѣкоторые, не пристаючи до того, укарали его, за що Гладкому, полковнику миргородскому, и Хмелецкому голови велѣлъ отвѣсти, а Гуляницкій, нѣжинскій, у монастирѣ крися. *38-во*. Сенаторъ полскій Радзіовскій, отъ канцелярії отстановлений, бѣжалъ у шведскую землю и оттуду писалъ до Хмелницкого, жебы врѣпко стоялъ противу поляковъ, понеже и король шведскій хочеть битъ козакамъ помощенъ. *39-но*. Адамъ Кисѣль, воевода кievскій, умеръ. *40-то*. Тимошъ, синъ Хмелницкого, тестя своего господара Мултянскога, отъ венгерского князя Ракочого изгнанного, посадилъ знову на господарствѣ, але потомъ знову оний изгнанъ билъ, а Тимошъ въ Сочавѣ въ засадѣ билъ, где и убитъ zostалъ зъ армати. *40-то*. Надъ Жванцемъ баталѣя била Хмелницкому зъ самимъ королемъ Казѣмиромъ, где войско лядское до такой пришло нужди, же мусѣли зборовскіе подтвердить пакта и хану, тамъ же бывшому, въ закладъ двохъ сенаторовъ отдати. *42-до*. Хмелницкій блаженной и вѣчнодостойной памяти цару Алексѣю Михайловичу поддался въ Переяславлѣ, при Василювичу Бутурлину, 1654 року, януар. 16. *43-тис*. Царь Алексѣй Михайловичъ, увѣдавши отъ Хмелницкого о томъ, что король полскій и ханъ крымскій, услышавши о подданствѣ Хмелницкого великому государю

учинившомся, пріязнь между собою учинили и приговорили войною ити на Москву, пославъ боярина Срѣбрного и Хованского въ литовскіе края, а потомъ и самъ своею особою, мѣючи при себѣ наказного гетмана Золотаренка, тудажъ пошолъ и первую имѣлъ баталію зъ Радивиломъ надъ рѣчкою Березицею, подъ Шкловомъ, и славную получилъ викторію, и много мѣстъ доставши и илѣнивши, повернулся назадъ. *44-to*. По смерти Исламъ Герей хана, Месли Герей ханъ зъ поляками воевали козаковъ и въ Уманѣ облегли крѣпко, которыхъ хотячи освободить, Хмелницкій пошолъ туда на отсѣчь, але зачувши о томъ ханъ и поляки, обернулись на его и между Ставищами и Охматовомъ въ полѣ (которое потомъ Дрижиполею названо) осадили, откуда, сквозь обозъ лядской пробившись, Хмелницкій прибѣгъ до Умани и освободилъ онихъ зъ Пушкаренкомъ осаженныхъ и, совокупившись, подъ Буки поиде и тамъ пять полковъ козацкихъ зосталъ, а поляки повернулись назадъ; татаре зась, зъ позволенія лядского, народъ, поддавшийся имъ, въ неволю побравши, вернулись зъ онымъ до Криму.

2. Середа. П. п. Гамалѣи, столвшіи зъ нами зде обозомъ, отехали совсѣмъ и стали купно зъ таборомъ. Послани Демянъ да Леско кухаръ въ Бурлуки до Захаржевского и въ Балаклію до Лѣсаневича зъ листами моими, для покупки риби, пива и меду, на що п. Михайло далъ 3 р., а Заборовскій 2 р. Обѣдалисмо сами безъ всякихъ гостей. Гасло сего вечора у насъ было Потапъ.

3. Четвер. Рано сего дня поехавши зъ обозомъ, переехалисмо рѣчку Хотумлю, и пріехали на становиско обѣдное большъ милѣ и сталисмо обозомъ своимъ у версту отъ табору, недожджая Бурлукъ, якби у едину версту. Обѣдалисмо у п. Семена Лизогуба, оттоль сидѣли у п. Миклашевскихъ, Бурковского и Василя Томари, а передъ вечеромъ до своего обозу пріехалисмо, где погожую криницю у яру увидѣлисмо, изъ оной пили воду зъ шербетомъ п. Михайловимъ. Захаржевскій, владѣлецъ Бурлукъ, пріехалъ былъ въ село свое, а потомъ и отехалъ, звать збуваючи гостей. Посиланіе Демянъ да Леско повернулись зъ нѣщимъ, да риби толко достали мало. Гасло было у насъ маларъ.

4. Пятокъ. Рушилисмо зъ всѣмъ таборомъ въ подлежащій путь и пріехали въ мѣстечко Бурлуки п. Захаржевского, где я, осмотрѣвши церкви, билемъ въ дворѣ его, куда потомъ п. Семень Лизогубъ зъ всѣмъ товариствомъ пріехалъ и покилка кубковъ пива и меду випили; а Бурлуки отъ Салтова въ разстояніи будутъ близъ 4 миль. Поехавши оттуду, разлучилемся зъ знакомъ и самъ зъ п. Сулимою, швакромъ, ехалемъ зъ милю добрую, а потомъ, совокупившись зъ п. Михайломъ, пріехалисмо на становиско, якъ би у 20 верстѣ отъ Бурлукъ обрѣтающееся, недожджаючи села неподалеку будучого, называющогося Колодяжное, владѣніе волоховъ. Тутъ осмотрувалемъ реестровъ Мартина и Вѣжевского, взятыхъ въ дорогу рѣчій. П. Иванъ Забѣла посидѣлъ у вечеру зъ нами и правилъ намъ нѣчто до нашего утѣшенія. Меду купили боелагъ, цию и барилце. Гасло у насъ теперь мѣрочникъ, а то въ другое на памятку Алексѣецъ.

5. Субота. Обѣдали у себе, а по обѣдѣ уснувши, ходилемъ до Бурковского, оттоль до Тамари, зъ которимъ и въ свой обозъ прийшолемъ и кушалисмо вечеру. Гасло било у насъ фурда.

6. Неделя. Рано барзо рушилисмо всѣ зъ обозами въ подлежащій путь и пріехалисмо до села Колодяжного, въ владѣніи волохъ девяти человекъ обрѣтающогося, которое отъ Бурлукъ яки у 3 милѣ легкихъ отстоитъ, и тамъ службы Божой вислухавши, поехалисмо далѣй и пріехалисмо до мѣстечка Каменки, полку узюмского, подъ которимъ рѣка Осколъ иде, на якой и млици суть; а въ Камяницѣ сотникомъ Горпинченко Андрей Ивановичъ. Неостановляючися въ городку, виехалисмо далѣй и, верстѣ зо двѣ отъ городка отехавши, стали на обѣдъ и поневажъ тамъ паши не было для коней, того ради ми, побувавши у Семена Лизогуба, поехалисмо зъ п. Михайломъ и зъ курѣнчиками нашими, Иваномъ Забѣлою, Заборовскимъ и Омою Скоропадскимъ, и пріехали до села, прозиваемаго Тополѣ, въ 8 верстахъ отстоящего отъ Камянки, а до Камянки жъ належачого, и тутъ черезъ мость переехалисмо рѣку Осколъ и стали близко обозомъ своимъ. Гасло било у насъ Михайло.

7. Понедѣлокъ. Рано заехали къ намъ Костенецкій, Федоръ Чуйкевичъ, Яеубовичъ и Худолѣй и, выпивши водки, отехали; а мы сами, своимъ куренемъ, кушали у себе обѣдъ. По обѣдѣ Семень Лизогубъ зъ всѣми бунчуковими, переехавши черезъ мостъ, мимо насъ проехали и стали отъ насъ якъ би у версту обозами своими, а потомъ пріехали къ намъ Василь Гамалѣя, Федоръ Марковичъ дядко, Терновіотъ и Березинскій (которій говорилъ, что полковникъ Яропкинъ у Харкови, взялъ въ конвой себѣ зъ Прилудского, Гадацкого и Миргородского полковъ по 10 козаковъ въ конвояхъ себѣ до Царицина) и Андрей Горленко и посидѣвши отехали. П. Федоръ говорилъ, что Карпѣвки, бувши у князя, чули отъ его самого и въ Ахтирцѣ о ясновелможной и Квѣтцѣ, харковскомъ полковнику, розговоръ. Гасло било у насъ Ромень.

8. Вовторникъ. Рано передъ обѣдомъ ездилismo ободва зъ п. Михаиломъ до обозу, где, заехавши до прилучанъ, были у нихъ на водцѣ, а оттоль пошовши до Семена Лизогуба, zostалисмо на обѣдъ у его, зъ которимъ полѣтичную имѣли контроверсѣю, а потомъ, отохавши зъ обозу, пріехалисмо сами передомъ въ обозъ свой. Посла насъ пріехали прилучане п. п. Федоръ дядко, Андрѣй Горленко и Павелъ Раковичъ и кушали у насъ, куда заехалъ до насъ Петракій, а потомъ Синдаровскій и, по обѣдѣ, розехалися, зъ онихъ до лазнѣ нѣкоторіе, а другіи въ обозъ. Въ день заехали до насъ Василь Томара, Федоръ Сулима, п. Федоръ дядко и, посидя, розехалися. Тогда жъ Василь Томара позичилъ у мене атлясъ на время. П. Андрѣй Горленко сказовалъ, когда конь явій заднимъ копитомъ переднего касается, то въ передномъ копитѣ около мичку помазатъ діогтемъ. Гасло било у насъ Глуховъ.

9. Середа. Обѣдали у насъ Костенецкій и Грабовскій. По обѣдѣ были у насъ Томара и Григорашъ нашъ. Черевко зъ возами своими мимо насъ ишолъ къ Царицину. У вечеру дождъ зъ превеликимъ громомъ бувъ. Гасло било у насъ Березнее. Гаврило посланецъ билъ отъ насъ до Кандиби и Семена Лизогуба объ отводѣ намъ мѣста въ таборѣ.

10. Четверть. Ездилъ п. Михайло въ обозъ до Семена Лизогуба за тимъ же, за чимъ вчорасъ Гаврило посланъ былъ и привозъ резолюцію его, чтобъ нашему куреню быть въ куренѣ прилучанъ, а атаманомъ надъ всѣми быть Андрѣю Горленку. Повернулся п. Михайло и приехалъ къ намъ Худолѣй зъ Черевкомъ и Семеновъ Литвиномъ, присланнымъ зъ Ромна зъ грошми сотнянамъ роменскимъ, будучимъ у Сулаку; и обѣдалъ у насъ Худолѣй. А Черевко зъ Литвиномъ, выпивши водки, отехали, черезъ которыхъ писалемъ до Юска зъ товарищи въ Царичинъ, дабы они старались тамъ непремѣнно судна достать для обозу, чили багажу, при насъ обрѣтающогося, и чтобъ губернатору дали кухню оковитой и кухню вишневой гор., а коменданту царицанскому куеу простой. Гречаний Якимъ прислалъ асаулчика до насъ, чтобъ наши конѣ зогнани были зъ лугу, а то по жалобѣ тутейшихъ жителей, ускаржавшихся Семену Лизогубу. Михайло, полковникъ бывшій бѣлоцерковскій, бувъ у насъ, которому по обѣтницѣ показалось. У ланѣ милися ми, тутъ въ селѣ, а гасло было Худолѣй трусь.

11. Пятокъ. Сего дня рано прійшолъ сюда полкъ Стародубовскій и недалече нашего обозу сталъ. Въ обѣдную годину пріездилъ Микита Холодовичъ, а послѣ его Григорашъ до насъ. Черезъ Ѳедка готовали писма въ домъ и тогдажъ началемъ до брата своего п. Семена писать листомъ исторію нашего походу, а написалемъ полъ третя листа великого. Того жъ дня было у насъ гасло Коровинцѣ.

12. Субота. Рано до службы Божой ездилемъ, въ село Тополѣ, когда и полкъ Азовскій, стоявшій въ Узюжскомъ полку, прійшолъ, которій мѣсть слѣдовать къ Царицину. По службѣ Божой захали до насъ Забѣла Стефанъ, Григорашъ, Худолѣй и Березинскій и, выпивши водки, розехались нѣкоторіе, а Худолѣй и Григорашъ обѣдали у насъ. По обѣдѣ рушились зъ мѣстца своего зо всѣмъ обозомъ и приехали до обозу всѣхъ и стали зъ прилучанами на малое время, поневажъ уже увесь таборъ приуготовился до порушення. Зъ обозу прилуцкого Ѳедко отпущенъ въ Роменъ зъ подорожною отъ мене, Андрѣемъ Трощинскимъ написанною, а

черезъ его письма писалисмо: 1) до родителя, 2) родителки, 3) жени о присланню вина волоского и конффектовъ, и о нашемъ интересѣ зъ швакграми и о протчемъ, 4) до ясневелможной, 5) до п. Семена зъ описаніемъ походу сего, а п. Михайло Скоропадскій до Петра Андрѣевича, Петра Петровича, прокурора, и протчіихъ. Рушивъся весь таборъ и, увойшовши вереть зъ 20, прійшлисмо надъ байракъ, у лѣвой руцѣ отъ дороги отстоящій, прозиваемій Ровеніюкъ, и тутъ почовалисмо, въ серединѣ обозу, купно зъ прилучанами.

13. Неделя. Купалисмо у себе, а у насъ п. Федоръ дядко и п. Тарноліотъ ¹⁾. По обѣдѣ рушивши, у половинѣ дороги зогналисмо козу дикую и гонили близко, а потомъ пріехалисмо на ночь до рѣчки, прозиваемой Красна, отстоящей отъ Ровенка въ 15 верстахъ, а отъ Тополѣ села въ 35 верстахъ. Вѣдомо учинилось, что Яковъ Якубовичъ Петровского нашего сина порубаль шаблею лобъ, которій на его и жаловался до Семена Лизогуба. За пріездомъ нашимъ сюда, явился тутъ чловѣкъ, повернувшійся зъ рибою зъ Черкасского, которій говорилъ, что донци вийшли въ походъ да ждутъ нашего войска.

14. Понеделокъ. На семь же становиску обѣдъ купалисмо сами, а зъ нами п. Андрѣй Горленко и п. Федоръ дядко и Петракій. По обѣдѣ приходили ко мнѣ п. п. Миклашевскіе и Бурковскій и розговорували де о чомъ и пограли въ маріаша, а потомъ просидѣлемъ у прилучанъ, куда зъ горѣлкою приходилъ Стефанъ Забѣла и почтуваль всѣхъ. Зъ п. Михайломъ въ первое игралемъ въ пикетъ карти. Гасло было у насъ и во всемъ таборѣ Сула,

15. Вовторокъ. Рушилисмо барзо рано зъ становиска и переехалисмо рѣчку, прозиваемую Красную, гатѣ подѣлавши своими людьми, и часть нѣкоторую переехавши, нехалисмо (sic) зъ Дону людей идучихъ, которіи сказовали, что донцовъ 3000 вийшло и къ нимъ 2000 козмиковъ и пушокъ 5, и мѣли ити просто до Сулаку, а 2000 знову донцовъ велено виселать до лѣнѣи, отъ Волги до Дону лежащей. Оттуду поехавши, пріехали надъ рѣчку Бѣленую, отъ

¹⁾ Должно быть Тернавіотъ.

Красной около 15 верстъ отстоящую, такъ же плесами язь и Красная идучую, и перебравшись на другую сторону, сталисмо на обѣдъ. Обѣдалисмо дома, а зъ нами Раковичъ и Петракій. По обѣдѣ Лизогубъ рушилъ далѣй, а ми осталисмося тутъ ночовать и зъ нами п. Федоръ дядко, Тарноліотъ, Холодовичъ, Заборовскій и Тимофѣй Скоропадскій. При порушеніи табора, пріехали до Лизогуба донци, которіи то жъ о походѣ, что и вижеі у 1 пунктѣ предложилось, говорили, а они сказались, что едутъ до Мосевы по жалованне и двоихъ колодниковъ некрасовціовъ, нашихъ людей, повезли зъ собою. Гасло было у насъ Богъ. Демяну далемъ 3 р., чтобъ онъ ехалъ передомъ до Осиновой и тамъ покупки нѣкоторые справиль.

16. Середа. Рушилисмо своимъ обозомъ рано и въ половинѣ дороги отъ Осиновой, догналісмо таборъ, и пріехали до села чи городка Осинowego, полку рибянского, а тутъ сотникомъ Сербинъ, въ которого захавши и посидѣлісмо, а отъ его поехавши, и переехавши городокъ, и рѣчку подъ нимъ текучую, прозиваемую Гайдаръ, сталисмо у версту отъ городка. Пріехавши до табору, у п. Борковского снѣдалемъ смаженую рибу, а потомъ обѣдалисмо сами, а въ насъ п. Стефанъ Забѣла. Сотникъ сей сказовалъ, что указъ къ нему зъ Рибного принесенъ, жебы городокъ оправлялъ, и что донцы вилани зъ Черкаского къ Сулаку и на линѣю. Роменскій житель, сидѣвшій въ колегіи, принюсъ ко миѣ тіошу бѣлужую, а онъ повернулся зъ Царицина. Гасло било у насъ Новгородокъ. Въ день сидѣли въ насъ Борковский и, Томара, и кагве напившись, отойшли, а ми зъ прилучанами посидѣлісмо. Черезъ того жъ роменского жителя писалемъ писма теперъ до родителя и жени, до родителя—о поведеніи нашемъ и о присилцѣ бандуристи губернатору астраханскому, а до жени тожъ о поведеніи и чтобъ прислала ожинъ отемаженихъ и увѣдомила бъ мене о всемъ домашнемъ поведеніи. Городокъ Осиновое отъ ночлѣга нашего, то есть отъ рѣчки Вѣленькой, отстоитъ въ 25 верстахъ, а отъ села Тополѣ и рѣвки Оскола въ 70 верстахъ же.

17. Четверъ. Писма, писанніе до домашнихъ моихъ, отдани чловѣку роменскому. Обѣдалемъ у п. Семена Лизогуба зъ п. Ми-

хайломъ, куда и Чернякъ Григорій, наказ. полтавскій полковникъ, отъ лагера своего прибувши въ намъ, прійшоль и совокупне жъ обѣдалъ. По обѣдѣ рушили оттуду въ подлежащій путь, и мало проехавши, оглядали лошадей, колмиками зъ Саратона пригнаннихъ, для ярмарку узюмского, которыхъ болшъ 1000 было, и пріехалисмо на становиско, отстоящее отъ Осинового въ 12 верстахъ, при дорозѣ, до Богучаръ идучой, на горѣ при байраку, надъ рѣчкою, прозываемою Камянка, плесами але барзо глубоко идучою, надъ которою близше, на горѣ жъ, стоялъ и полѣъ полтавскій. Заразъ зъ табору зъ Лизогубомъ ездилисмо до полтавского наказного въ обозъ ихъ полковій, у которого випивши по килеа кубковъ меду, зайшлисмо оттуду до обозу Кочубея, которій насъ такъ же медомъ почтоваль довольно, и потомъ, пріехавши до табору, чай у Борковскаго, а кагве у Лизогуба пилисмо. Значковіе не похотѣли ѣхать передъ бунчуковими зъ знакомъ, для чого зъ виговоромъ приходили стародубовскіе при насъ до Лизогуба и Галецкій Семень бувъ первымъ заговорчикомъ и зъ п. Михайломъ перемовлялся. Въ обозѣ полтавскомъ и у п. Кочубея черезъ всю ночь стрѣляно залпомъ, бо були тамъ знать шумни. Гасло было у насъ въ таборѣ Лютенка.

18. Пятокъ. Простояли тамъ же на одномъ мѣстѣ. Демянъ посланъ былъ въ Осиневе для покупки риби и напитку и, мало що скуравши, повернулся. Богаевскій, харковскій писарь, явился у мене и сказалъ, что имѣеть писма во мнѣ, отъ Ромна въ Ахтирку, а оттуду въ Богодуховъ и въ Харьковъ въ нему принесеніе. Кутневскій пріехалъ, синъ Данила Кутневскаго. Гасло было у насъ Лютенка.

19. Субста. Тамъ же простоялисмо, а обѣдали у насъ п. дядко и Раковичъ. Сторожъ новомлинскій, полку нѣжинскаго, отпущенъ зъ табору назадъ, а писалемъ черезъ его до ясневелможной, до родителей и жени своей. Харковскій Богаевскій отдалъ мнѣ писма тіе, отъ родителей и жени писаніе. Чуйкевичъ Семень и Василь Романовичъ приходили зъ предложеннемъ п. Семена Лизогуба до насъ, жебы бунчуковимъ давать своихъ слугъ впередъ ити имъ вмѣсто значковихъ, которимъ отказалисмо въ томъ. Якимъ

Горденко предлагалъ намъ и протчимъ, отъ его жъ Лизогуба, о сторожѣ плечовой и полевой и приговорилисмо на полевой сторожѣ стоять значковимъ зъ радовими, а объезджати бунчуковимъ товарищамъ. Бурковскій и Томара были у насъ и просидѣли. Гасло было Батуринъ. У п. Лизогуба былисмо и поговоря отойшли. Завадовскій и Дзявулскій, бунчуковіе товарищи, во первыхъ начали объезджати сторожу полевую въ ночь.

20. Неделя. Обѣдалисмо тамъ же сами зъ п. Ивановъ Забѣлою. По обѣдѣ рушилисмо и, увойшовши версть зъ 5, черезъ рѣчку Камянку, стали на ночлѣгъ по близу оной. Кулачки были жестокіе, полтавскій полкъ зъ лубенскимъ и чернѣговскимъ оніе отправляли, которыхъ Якимъ Горденко розогналъ заледво, а Андрѣй Горденко Петракія канчукомъ утялъ. Гасло было Лохвица; а сторожу полевую обездили Ширай зъ Городискимъ бунчуковіе.

21. Понедѣлокъ. Рушилисмо оттуду рано, а уехавши версть зъ 20, стали на обѣдъ у вершини рѣчки, прозиваемой Богучаръ. Сидѣдалисмо у п. Семена Лизогуба, оттуду у прилучанъ посидѣли. Оттуду пошовши я до п. п. Миклашевскихъ, тамъ просидѣлемъ и обѣдалемъ, и потомъ назадъ прийшодемъ до своего куреня. Чловѣкъ зъ Бурлукъ привюзъ медъ, которого купилисмо 32 гарци. Гасло было у таборѣ Сосниця, а объездили (sic) сторожу полевую Василь Гамалѣя. Козаки, опроважавшіи полковника Яропкина, повернулися назадъ, а его оставили у млина Мигулиного.

22. Вовтор. Поехавши отъ ночлѣга низомъ поузъ рѣчку Богучаръ, пріехалисмо на обѣдъ версть у 12 и, перебравшись черезъ помянутую рѣчку, сталисмо на обѣдъ, гдѣ и ночлѣгъ имѣлисмо. Пріхавши на становиско сее, первой былисмо у п. п. Миклашевскихъ, зъ которыми и въ дами ¹⁾ игралисмо, где и Кураховскій зъ п. Михайломъ въ задіорѣ сталъ. Обѣдалисмо сами толко, да въ тую жъ пору пріехалъ въ обозъ нашъ порутчикъ азовского полку Чобуковъ, отъ полковника Яропкина зъ писмомъ, до комъендиара нашего отпращеннимъ, въ которомъ вираженно, что въ інструкціи

¹⁾ Шашки.

ему полковнику отъ князя генерала и кавалера Голѣцина предложено было, чтобъ онъ нашъ корпусъ въ Царичинѣ пересмотрѣлъ, а 7 юня получилъ онъ указъ ея величества, зъ правительствующаго сената, дабы ему зъ нерегулярными войсками слѣдовать до крѣпости Святаго Креста съ великимъ поспѣшеніемъ, и съ тимъ указомъ для принужденія присланъ къ нему саржантъ отъ гвардіи Цизиревъ, и потому нашъ корпусъ поспѣшался бы въ самой скорости до Царичина, оставивши излишніе веѣ тягости и прихоти. Для чего мы умислилимо обозъ воловій передомъ отправить къ Царичину, а онъ, порутчикъ, 18 юня зъ Царичина выехалъ и сталъ зде въ палатцѣ тутъ винайденной, зъ Себестіановичемъ, а п. Лизогубъ отвѣтъ на листъ той до Яропкина намѣрилъ отправить черезъ Василя Томару, бунчукового товарища. Гасло было Сеймъ.

23. Середа. Поехавши рано зъ ночлѣга, приехалимо къ байракамъ, у правой руцѣ стоячимъ, и тутъ на обѣдъ сталимо особно, а уехалимо версть около 15. Вози воловіе свои отправилимо зъ приставомъ Потапомъ, передомъ, къ Царичину. Демяна да Гаврила, зъ козакомъ токаровскимъ, послалимо передомъ къ Царичину для покупки 4 верблюдовъ, 2 фунтовъ чаю и пуда цукру и для наняття судна водного, на що ониъ далимо пополамъ зъ п. Михайломъ я 80 р., а поехали они при заходѣ слонца и писалемъ черезъ нихъ до Юска, Казѣмира и Гаврила и до Якова Ивановича, поселителя слободки Дубовки. Василь Томара позно поехалъ зъ обозу въ путь свой до Царичина, зъ письменнимъ отвѣтомъ до полковника Яропкина такимъ, что сколко можемъ столеко поспѣшаемъ, а лишнихъ у насъ тягостей и прихотей нѣтъ. Да ему жъ полѣчено упомянутись о суда водніе. Осталось у мене грошей 17 р. зъ полтиною. Гасло било у нашемъ обозѣ Иванъ, а въ таборѣ — Конотопъ.

24. Четверъ. Рано присмотрувалимося слонцу сходячому зъ тоей причины, что Иванъ Забѣла заложился зъ другими товарищами, будто слонце на сей донь для святаго Предтечи играетъ и зеленѣ бываеъ. Поехавши веѣ мы рано, сталимо у байракъ, на лѣвой сторонѣ стоячихъ, якъ бы у 40 верствъ отъ ночлѣга, бо близко

7 годинъ уставичне вѣхалисмо. Тутъ въ насъ обѣдалъ, съ нами, Семень Лизогубъ, п. Федоръ дядко, Рошачовскій и мы, а по обѣдѣ и порутчикъ пріехалъ къ намъ. Передъ вечеромъ поехалисмо своимъ обозомъ и порутчикъ зъ нами, и пріехали надъ вершину рѣчки Тихенкой, черезъ которую переехавши, сталисмо подъ горою, а прочіе бунчуковіе на той сторонѣ, и при горѣ, и въ низу стояли; отъ становиска обѣднаго будетъ верстъ около 20. Орановскій рукоположенъ въ Кіевѣ въ пресвитери на село Коровинци до половины парохіи.

25. Пятокъ. Пріймалисмо обыдва, зъ п. Михайломъ, проносное лѣкарство въ конфетѣхъ и легкую ляскацію имѣли. Къ обѣду пріехалъ п. Семень Лизогубъ зо всѣми бунчуковими и, не доежджаючи рѣчки, на горѣ сталъ обозомъ. Рушилъ онъ же зо всѣмъ таборомъ передъ вечеромъ и мимо насъ поехалъ далѣй, и сталъ ночовать оттуду за 7 верстъ, и мы на томъ же мѣстѣ переночовалисмо. Пона отца Федора, запившогося и оставшогося отъ обозу, а блукавшого по стени, козакъ приприводилъ до нашего куреня.

26. Субота. Рано пріехалисмо до становиска цѣлого табору, за 7 верстъ отстоящего, и тутъ засталисмо нерушаючихъ, и побудили прилучанъ и Миклашевскихъ. Обѣдалисмо у Лизогуба, а по обѣдѣ просидѣлисмо у себе и у п. Миклашевскихъ, и въ дами поиграли. Сторожъ гадяцкій пріехалъ зъ Царицина и привезлъ писма отъ Юска ко мнѣ и отъ губернатора Волинского до родителя.

27. Неделя. Рано Лизогубъ рушилъ со всѣми, а мы приоставшись, отправили сторожа гадяцкого, вчора зъ Царицина въ обозъ нашъ пріехавшого, а писалемъ до родителя и листи губернаторскій и Юсковъ приложилемъ зъ прошеніемъ о присланне бандуристи господину Волинскому, и до жени о своемъ повоженню и что сегодня передомъ поеду до Царицина зъ п. Михайломъ для повиданяся зъ губернаторомъ, мѣючимъ на сихъ часахъ до Саратова ехать. По отправѣ листовъ, поехалисмо оба и пріехали до табору, надъ Тихенькою ставшого, на обѣдъ, отъ ночлѣга на 10 верстъ отстоящего, и тутъ у Лизогуба обѣдалисмо. По обѣдѣ переклалисмося у возки 2 легкіе, которіе зъ нами пойдуть при спалняхъ и рушился та-

боръ, а приехалисмо и стали тожь надъ Тихенкою у близшого млина, прозиваемого Мигулиного, на той же рѣчцѣ построенного, а отъ обѣдного становиска въ 15 верстахъ отстоящего. Тутъ мы пожегнанными зъ Лизогубомъ и протчими, поехалисмо въ подлежащій путь до Царицина и, проехавши версть зъ 6, оставилисмо дорогу у лѣво до монастырца Мигулинского, взяли у право до мосту, на Тихенкой будущого, до которого едучи, минулисмо у правой руцѣ дворець чернецкій монастырскій и, переехавши черезъ мость, тутъ же неподалеку сталисмо на ночлѣгъ, где и Себестіановичъ стоялъ у 2 верстахъ, а ехали зъ нами порутчикъ Петръ Филиповъ Чобуковъ, Худолѣй, Голенковскій, Куляба Иванъ и прочіи. Прислухалисмося утѣшной контроверсѣи курѣнчиковъ нашихъ Забѣли и Заборовского и отъ оной ссорѣи произшедшой о годности бунчуковыхъ къ шляхетству. Порутчикъ Чабуковъ сказовалъ, что въ дворѣ чернецкомъ, который мы у правой руцѣ проминули, стоитъ учрежденная почта отъ лѣнѣи, межи Волгою и Доломъ обрѣтающейся до Рыбного, да на той почтѣ онъ бывши извѣстился, что вчорайшого дня проехалъ порутчикъ отъ князя Голѣпина до линѣи, за тимъ жебы донци всѣ зъ станицъ были введены и поставлены при линѣи для осторожности. Тихенкой рѣчки такое состояніе: вершина оной прописана у 24 числа, идетъ она переноринами, у лѣвой сторонѣ по надъ нею гори, ажъ до толь, поколь она въ Донъ близъ монастыра Мигулинского упадаетъ. всей будетъ должини ея на 38 вер.

28. Понеделокъ. Конь половий, лошакъ, якимъ Вѣжевскій ехалъ, захромалъ велми, которого когда прежде зашкварованна саломъ промивали ногу, то онъ спинившись копитомъ Якова ранилъ. Оставивши мы оба зъ п. Михайломъ обозъ свой Якову, сами виехалисмо въ подлежащій путь до Царицина, да зъ нами Данило Галенковскій молодій до обозу своего, передомъ виправленного, поехалъ. Лескови кухареву на розніе кухарскіе потребности далемъ 10 зол. Ехали ми версть зъ 40 и стали на обѣдъ на степу, а вода у лѣвой руцѣ была за версту отъ насъ, у байраку. По обѣдѣ поехавши ѳерсть болшь 10, наехали на обозъ воловий полку лубенского, где Кгрѣгорій Котляренко приставомъ и тутъ заночовалисмо. Кап-

юж од сего часу и дня, юж волно будет тим футором владет, яко властностю, волно ми юж будет продат, дароват, на церков оддат и яко хотѣт ведлуг наилѣпшого своего позжитку оборочат, часы вѣчными. Дѣялос в ратушу Барышполским, року, месеца и дня вишменованого.

94.

Бурмистръ Максимъ Таратута жалуется на козака Тишка за кражу жупана изъ мельницы отца Бакума, священника Свято-Пречистенскаго.

Року 1662, месеца новобра дня 22.

На врадѣ мѣском в ратуши Барышполскомъ перед нами Григорием Горкушою сотникомъ Барышполскимъ, Даниломъ Куликомъ атаманомъ городовимъ, паном Григорием Малишемъ войтомъ, Феску Бездѣтку, Василемъ Радосшевскимъ, Федором Сенявскимъ бурмистрами, ставшы очевисто пан Максимъ Таратута бурмистръ, ускаржался на Тишка, козака з Березны, о украдене жупана з млина господина отца Бакума, священника свято-пречискаго, в тие слова: пане рада! тен козакъ, будучи з нами тилко он еден, и немного з нами побувавши, пошол, и в мене жупан новыи изгиб. Прето мы, вислухавши тоей жалобы, казалисмо шукат на томже часѣ, которий жупанъ у его господѣ нашолся, перед конни у Максима атамана курѣнного; прето мы, углядѣвши в реч слушную, же его то справа власная, же тот козак сотни Таганской жупан украл, а не хто инший. Тутже стоячи и Тимошъ козакъ не мог виводу з собѣ дати слушного, кидаячи то такъ, то онъ-як; а мы яко врад, постерегаючи такого злодѣйства, казалисмо его березиною пробит. Которая справа до книг мѣских, для памяти ест записана. А атамана Максима Курѣнного волным чинилъ от себе тот Тимошъ.

Списокъ церковнаго имущества, отобраннаго отъ Свѣто-Никольскаго священника Корнилія, по приказанію сотника Григорія Гаркуши.

Року 1663, месеца ануаря дня 21.

Вѣдомо чыним тым писанем нашимъ, теперь и на потомъ будущимъ, ижъ мы, будучы высланныи до отца Корнилія священника святоニコлскаго для отобранія всякаго добра, отъ пана Григорія Гаркуши сотника на тотчасъ будущаго и всего посполства. Отбралисмо на передъ крестъ сребный с столцемъ сребрным, кадилницу сребрную, келѣхъ сребный 1, таблицъ 7 сребрных, а гривенов розне робленыхъ пят, мыска сѣбная, звѣзда сѣбная, крестиков малыхъ 7, ягнусокъ еденъ; манѣсто коралове, крижиковъ сребныхъ два; червоный золотый; перетенковъ два: еденъ щирозлотный, а другой сѣбный; другое манѣсто копѣйковое изъ кришталями, локотъ чотыри и чверть; манѣсто третое коляровое изъ кришталями; Евангелие на престолное, сребромъ оправне; аировъ два: еденъ злотою гафтованный атласовый червоный, а другой жовтый; воздушковъ малыхъ два; кыга трофолой друкованый шестодникоу; апостоль Острозскаго друку; двѣ триоди, постная и цвѣтная, друкованіе; евангелие учительное; служебныи великий Киевский; мѣнея общаа ключ; ермолой; псалтыра друкованая; паника(ди)ло сѣбное; дзвоновъ пят; в Михала святого 6, а в Глѣба-Бориса еденъ дзвонъ старшій; лихтаровъ 3 мосендзовыхъ; лампа сѣбная великая; лихтаръ сѣбный стѣновый; замковъ 2: нутранный и надверный; у Мохомора грошей копѣ пят литовское личбы, литовскихъ; рызъ троѣ, ядомашковиѣ червоныѣ, 2 атласовѣ друкованѣ, 3 нендзи убогой; нарукъвицъ двоѣ; воздушковъ 4; петрахилъ злоголавный; френдзлювъ 2; завѣсовъ малыхъ и великихъ семдесятъ и два; стихаровъ 2; полмисокъ 1, великий; лохана мосендзова великая; лихтаръ сѣбный другой; келѣхъ цѣновыи еденъ (с) сакраментомъ, оставилисмо у отца Есифа, а ложку отцу Корнилію; келѣхъ оловяный з позлотою маларскою; аиръ атласовый, злотою афтованный; крестъ деревянный; кадилница мосендзова, отда-

лесмо. Пархоць Малый, Федор Ковбаса, Мойсѣй Бурмак, Гаврило Михал(енко), Моисей Таратута бурмыстры. Пылип Скудеда, Сава Василевич, писар мѣский.

96.

Козакъ Омелько удостовѣряетъ, что продалъ мѣщанину Ониську Рудченку коня не краденаго и не доморослаго, а купленнаго нмѣ въ Переяславѣ у москала.

Anno Domini 1663, miesiąca februaris die 5.

Przed nami urzędem mieskiem Chrykiem Maliszękiem woytem z burmistrami Wasylem Radiszewskim, Fedorzem Syniawskim, Feskiem Bezditikiem, Maximem Taratutą burzmistrami, stawszy oczewisto Omelko kozak woyska iego carskiego weliczestwa zaporozkiego, setni Słynkowej, wyznał iasnie, iawnie y dobrowolnie, w te słowa, żem sprzedał klacze białą za pewną y gotową sumę, za kop dwadziescia, liczby litewskiey panu Oniskowi Rudeczenkowi mieszaninowi Baryszpolskiemu, slubując mu, że nie kradziona y nie domorosła, ale kupiona w Pereiasławlu w moskala; przeto ten Onisko Rudeczenko prosił nas, abysmo te kupie iego zapisali do xiąg mieskich; y dla lepszey wiary y pamięci kazał tego kozaka, który te klacze sprzedał yz iego zięciem, to iest Artuchiem, który mieszka na ulicy Chryszękowej, który slubował, że ta klacza kupiona, iako powiada moy szuryn. Co my urząd bacząc słuszne kupie, kazalismy zapisac y iest zapisano et ut supra.—Pry toi kupli były mohorycznyki: Onisko брат Веремѣв. Мартин Ратушенко. Кузма Флигосенко.

97.

Маляръ Даниль продалъ свой домъ Ивану Андрійченку.

Року 1663, июня дня пятого.

Перед нами Евстафием Подгайным, войтом з бурmistрами, из намы засѣлыми бурmistрами, паномъ Василием Носачомъ сетником,

Б*

Юськомъ Безъдѣткою, Даниломъ Куликомъ и инышимъ товариствомъ, ставшы очевисто славетный пан Даниел маляр до книгъ мѣскихъ и нынешнихъ ку записаню призналъ в тие слова: иж продадемъ домъ власный не пенный и нѣкому нѣ в чомъ не заведеный зе всемъ будинкомъ, якъ ся в собѣ маеть, за певную и готовую суму за золотыхъ пятьдесятъ и пившесть, пану Ивану Андрѣйченку, до которого дому я Даниел не маю мѣти жадное потребности, и потомкове моѣ; толко помененый Андрѣй(ченко) маеть оный дворъ спокойное уживати, и волно оному тотъ дворъ продати, даровати и якъ хотѣти оборочатъ, яко своимъ власнымъ вѣчными часы. Што для лѣпшого вѣри и певности просили насъ ураду выш менованого, абы тое признаня было до книгъ мѣскихъ записано. Теди врад, видячи устное признаня Даниела, казали до книгъ мѣскихъ Барышполскихъ записати—што естъ записано.

98.

Раздѣлъ огорода между Ганною Шолудченковою и ея ятровою Романихою.

Року 1663, месеца июля дня 13.

Передъ нами Евстафиемъ Подгайнымъ, войтомъ з бурмистрами, ставши очевисто Ганна Давидиха Шолудченкова из Романихою ятровою всею, мѣвши межю собою турбацію (о) огородъ в межѣ Гапонихи и Щербинихи. Прето мы углядѣвши сторонъ обохъ жалоби и на прозбу ихъ казалисмо пану бурмистру (и) инышимъ людемъ, абы оглядѣвши того огорода и подѣлъ на пол, безъ кривды межю ними учинили; що теж по подѣле пришовшы на врадъ просили насъ, абы тое было до книгъ мѣскихъ записано. Прето Ганна Давидиха маеть спокойное и вѣчне, того огорода половину держатъ; а Романиха также из мужемъ своимъ половину тогож огорода: любо теж волно половину огорода из садомъ продатъ, дати, даровати якъ хотѣти оборочатъ часы вѣчными. А Ганна Давидиха не маеть ню в чомъ ятровки своей вѣчными часы турбоватъ о наменьшую рѣчь; якожъ ся ей во всемъ сталося ятровки вишменованой. Прето стороне обѣ просили насъ, абы тое было записано и естъ записано.

99.

Судъ присуждаетъ возвратить Грицихъ дворъ, который взялъ у нея въ залогъ въ 10 копахъ деверь ея Денисъ. Въ случаѣ смерти дитяти ея отъ Грицька дворъ долженъ перейти къ Денису.

Року 1663, июля 20 дня.

На вряде мескомъ перед нами Евстафием войтом из бурмистрами, такъже и от пана Василя Носача сотника зосланными на справу ниже менованую паномъ Лукияномъ Коленкомъ, Андрием Колошенцом и иными особами, ставшы очевисто Вувдя, по першому мужу Грициха, а по другом мужу Тишчиха из мужомъ своимъ, ускаржалася на Дениса девера своего, же он маючи двор ея власный на ню належачий, из сыном ея Грицком в долгу взятий, в копахъ десяти, не маючи на то жадною запису Прето мы, вислухавшы сторон обохъ, приворочаемъ тот двор знову Грицисъ из сыномъ ея, наказавшы Грицисъ из мужемъ, аби Денису деверу своему гроши отдала, то есть копъ десят, а по отданю грошей, южь болше Денис до того дому не маеть мѣти жадного дѣла и потреби, вѣчне до того двора не упоминаючи; а Грицисъ невѣстце водно тимъ двором яко власным своим, яко хотѣт оборочат собѣ. Що для памяти просили нас, абы тое было до книг мѣских записано; що мы на прозбу их казалисмо записат и ест записано року, месеца и дня вишменованого, а меновите, дитяти небожчика Грицька, яко батковщина, а по смерти дитяти, ежели мѣло бы умерти, знову мѣет брат небожчика Грицька отложит, яко ближший над иншие тие коп десят за тот двор, яко теж иншое убозство, которое тецер ест на дитя отбрано, а не на кого иншого, так убозство лежащее, яко и рухомое, на которое мѣет реест пан Денис, щос после брата остало и якъ що невѣстка на дитя отобрала, а не на себе; але власне мѣет по смерти дитяти спадати на Дениса, яко близшого зе всѣх по брату. Що ест записано.

100.

Савва Коваль продалъ свой дворъ Яцку Танчику.

Року тысяча шестсот шестдесят третьего месеца октября 1-го дня.

Перед нами Евстафием Подгайным, войтомъ на тотчас Буршполскимъ и зо мною засѣдающими едностайне в магистратъ бурмистрами Алексѣем Литовкою, Яковом Яцутенком, Мартином Плющиком, Левком Трохименком, ставшы очевисто, ясне, явне Сава Ковал вызнал в тые слова: ижем продал дом свой власный, никому ни в чом не пѣнный и не заведенный, зо всым будинком, якъ ся в собѣ мает, Яцку Танчику за готовую суму... личбы литовское и за осмачку жита; которому тот двор волно оному дат, продат и кому дароват, або заставит и як хотѣт обладат. А я оного двора вѣчне зрекаюся вѣчными часы, аби с потомковъ моихъ, або с приятелей не мел жадной потребы. Теды стороны просили нас, абы тое до книг записано.

101.

Универсалъ гетмана Бруховецкаго о томъ, чтобы никто не обижалъ козака Павла Рустановича, котораго онъ беретъ подъ свою защиту.

Иванъ Бруховецкій гетманъ зо всѣмъ войскомъ его царского пресвѣтлого величества запорожскимъ.

Паномъ, полковникомъ, асавуломъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товариству, такъ старшимъ, яко и черни войска его царского пресвѣтлого величества запорожского, а особливе сотнику, атаману и войту и всему посполству мѣста Буршполя до вѣдомости вашимъ милостямъ доносимъ: иж взялисмо подъ оборону нашу пана Павла Рустановича, козака полку Переяславского, хотячи того всего по вас мѣти, сурово приказуем, абысте поменену Павлови, тамъ в Буршполю в дому его и фолваркахъ, в конях и волах, и во вшелявих добрах, и в полях засѣяных, не важилис и не могли на-

менное кривды и шарпанины чинити; а еслибы що и позабирано было по сей час, и тое все зараз поворочано было конечно, без жадное одволоки, ежели самъ тамъ захочет мешкати, албо тамъ кого пошлетъ, аби тех добръ его власных до з безпечнемъ здоровья своего былъ и нѣ от кого кривды и премовекъ не поносил; также хто ему зостают в долгу виннымъ, и тое отдавано было. Того всего той тамошний сотникъ, атаманъ и войтъ повиненъ постерегаючи, абы нас наменная скарга отъ его не доходила; а еслибы Рустанович в чом мѣлъ кривду понести, теди за донесенемъ до нас скарги. онаго сурово на горлѣ карати без отпущу. Що иначей аби не было, под ласкою нашою и срокгимъ каранямъ войсковымъ. Дан в таборѣ под Переяславлемъ, юлия дня 24, 1663 года. Иванъ Бруховецкий звишменованый гетманъ.

102.

Яцко Винниченко купилъ фольваркъ и грунтъ у Федора Капитаника.

Року Божего 1664, месеца 24 априля.

Перед нами Евстафиемъ Подгайнимъ войтом з бурмистрами засѣлыми нижей описаними, становшы очевисто, ижъ Яцъко Винниченко купил пулфарокъ до того и грунтъ належачий, у Федора Капитаника, то ест за суму за злотих польских шест. Мы узнавшы тое водлугъ наших реляций, яко судовых, зезнаемъ подлугъ нашего суду. Дѣялося 1664, месеца 24 априля. Евстифий войтъ. Алексий Сухоступский. Яковъ Яцутенко.

103.

Левко Трохименко заявилъ, что онъ выдѣлилъ пасынка своего Гаврила.

Року тысяча . шестсот шестдесят четвертого месеца юлия дня двадцат пятого.

Передо мною Евѣстафиемъ Подгайнымъ и при мнѣ засѣдающими едностайне в маестратѣ бурмистрами Яковомъ Яцютенкомъ,

Иваномъ Тихимъ, Мартиномъ Плющикомъ, Алексѣемъ Сухоступскимъ, пришедши предъ вѣдъ нашъ Левъко Трохименко визъналъ явнѣ и доброволнѣ, и жъ изъ Гавриломъ пасынкомъ своимъ едънаніе учинили, тѣды напродъ Левъко далъ пасынку своему пашнѣ мирокохъ три всехъ, шкапу рижую далъ ему и вола рижого, телицу и овецъ четверо, свиний двое далемъ ему, пулкопы конопель, полконы ліону, сорочку жоноцкую и плахту далемъ ему, все то поодаваломъ ему. Тѣды просилъ насъ, абы тую справу казалисмо до книгъ мѣстныхъ записатъ, абы болшъ не турбовалъ Левъка Трохименка, бо было притомъ людей зацънихъ и вѣри годныхъ; былъ при томъ Курыло резникъ, Молявчанка два были и инныхъ немало было. Тѣды естъ и записано въ року и дня вишъзаписанномъ. (Писалъ Симионъ писаръ мѣсткій. Нижей подписанный полковый Переяславскій тотъ выписъ вынятый съ книгъ мѣскихъ). А мы прето урядъ войсковый Барышполскій, вырозумѣвши зъ него, же во всехъ пунктахъ естъ виражанный, который яко слушанный и правдивый, цѣле ствержаемъ, а варуемъ, жебы южъ болшей Гаврило зъ братомъ своимъ пасынкомъ Левкомъ Трохименкомъ отчима своего въ каждого суду и права подъ зарукою сто таларей; на що для лѣпшой вѣры и повага, и печатъ полковую притиснено до того выпису. 1664 мѣсяца апрѣля 27 дня. Юрийъ Николаевичъ судья полку Переяславского, Тимушъ Хведоренко атаманъ Барышполскій, Хведоръ Забузвий есаулъ полковый.

104.

Козакъ Стефанъ Чудновець заявилъ, что онъ отдастъ свой домъ Данилу Маляру съ тѣмъ, что послѣдній долженъ сдѣлать въ церковь Бориса и Глѣба образъ св. Николая и 2 хоругви и дать на церковь св. Пречистой 10 таларей.

Року 1664, октября дня 15.

На вѣде мескомъ, передъ нами Григоріемъ Малишомъ войтомъ зъ бурмиистрами, Ониску Крамару, Феску Бездѣтку, Василию Радисhevскимъ, Максимомъ Таратутою, Хведоромъ Синявскимъ, паномъ Даниломъ Куликомъ сотникомъ на тотчасъ будучимъ, съ атаманомъ городовымъ

Сахном Розвискою, также и панами ктиторами Моисѣем Бурмакою, Федором Ковбасою, ставшы очовисто ку записаню до книг мѣських нинешни(х), Степан Чудновець, козакъ войска запорожского, визналь ясне, явне и доброволне в тие слова: жем продал домъ свой власный не пенный и нѣкому нѣ в чом незаведенный, который пред тим менилем на церкве Божіе отдати за доброе здоровие свое и жоны своей, также и родичовъ своих, и ведлуг тогож сумленя своего, продалем пану Даниелю малярюви в тен способъ: же становил з ремесла своего образ до светих страстотерпцовъ Божиихъ Глѣба и Бориса, образ святого Никולי, в сумѣ в золотих шестдесят, и корогов мѣт ставит до церквы, двѣ, в копах дванадцат, то ест всеѣ сумы талярей 30, а ведлуг его сумленя тую роботу собѣ меновал зл. 130; прето пану Даниелю малярюви тим домом зо всемъ будинкомъ, яко в собѣ мається, волно якъ хотѣт оборочат, продат, дароват, любо тежи на церков отдат, волно заставити якъ хотѣт, ведлуг своего пожитку оборочат, часы вѣчными; а я, Степан Чудновец, жона и пріятеле моѣ до того дому не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Прето стороне обе просили нас, абы тая купля была до книг меских записана; що ми бачачи слушност, казалисмо записат, и ест записано.

А с тоѣ сумы панове ктиторе мают отдати талярей десат на церков святую Пречисту; а гда тое отдане будет, тогда и то. . .

105.

Юсчиха Безлюдиха заявила, что она помѣнялась дворомъ и пляцомъ съ войтомъ Остафіемъ Подгайнымъ.

Року тисеча шест сот шестдесят пятого, месеца марта дни девятогонадцат.

Передо мною Давидом Верненком атаманом городовым, на тот час будучимъ, и пред нами бурмистрами Хведором Сияньевскимъ, и при нас сидячих товариствѣ Сахну Розвалци, Миску Шкураенку и при Гарасиму Дюгтарю ктитору Глѣбоборискому,

ставши пред нами врядом обаполним, Юсчиа Безлюдиха, визнала ясне и доброволне, без примусу жадного, тилко з доброй волѣ, иж измѣняла двур свуй власний ни в чомѣ никому незаведеный, стоячий в мѣстѣ, край Волочаѣхи, з вуйтом Евстафѣмъ Подгайнымъ на двур, и пляц на пляц, тилко вуйтѣ зберет комору; и додалъ вуйтѣ Юсчиси чверть жита и золотихъ 4, гроший, а жито на тотъ час было по чтыри золотих а осмачку мѣтеъ дати в новину, теди вуйту якъ своим добром, як хтѣт оборочат, дат и продат и колвѣкъ кому дароват. Теди просит Евстафѣй Подгайный нас, абисмы казали в книгах мѣских записат — що теж ест и записано. Было на тотчас людей и вѣри годних: был Гарасим Костенак (?), Яцео Поташео. Дѣлалося в Баришполѣ року и дня виш(менованого). Писалъ Симеон, писар меский.

106.

Разводъ Лукьяна Лихолана, съ женою за то, что она осрамила его, укравши одежду у Носачихи.

Року тисеча шестсот шестдесят пятого месеца мая дня двадцат третего.

Перед нами зосланными от пана полковника, Павлом Косинченком и Хведоромъ Стрѣлою, и при мнѣ Давиду Верненку атаману городовым, на тот час будучимъ, и при мнѣ Евстафѣю Подгайным войтом на тотчас будучомъ, и при мне сидячих в магистратѣ едностайне бурмистровъ Матвѣю Шумѣ, Роману Мовчану, Хведору Синявѣскимъ и при иных людехъ зацных и вѣры годных, при Симиону Светличном, Сидору Полонченку, Верне старом, Веремѣю Левченку, ставши пред вряд наш едностайне Лукян Лихолац, обывател Баришполский, просил нас, абы мы дали ему писания, иж бы он напотом не мѣл жадной домовки, иж в небытности его, жона его взяла курту в Носачихи способом краденя. Теда право на тое было и даровано еѣ всѣмъ жадною карностью, Носачиха вая мовит: же я не настою, а мир вес ед-

постайно крикнулъ: же той не настоѣтъ, кому шкода, а намъ на-що? Теди питалисмо Лихолапа, мужа еѣ, чи приймеш еѣ собѣ за жону, якъ былисте впрод и тепер бути. Теди Лукьян отповедил иж пане вряде! я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, кгда она с тих злих речий виводу себѣ не даст, а ежелибы дала вывод, же не она тому ест причинцею, можнабы тому рѣч, а тепер еѣ цураюся и не хочу за жону мѣтъ; а дѣти моѣ, при мѣѣ нехай зостають. И просил нас о писания. А больш он неслави на собѣ не мочи носит, як цютливимъ былъ, и тепер цнота его ни в чомъ не нарушова. иж он як зацным пред ним был и тепер зацный. А еслибы хто мѣл важитися ему на цноту, на собѣ сам понесеть. Теди мы зосланные выслухавши мовы его: „иж я цураюся еѣ“, казалисмо оное дѣло признат и писару записат, що теж и ест записано. Было на той справѣ людей зацных, и вѣри годних, былъ при том Ониско Рудченко, Петро Перехристь. Дѣялося в Борисполѣ року и дня вишѣписаного. Писал Симеонъ писар рукою власною. Павел Косиченъко. Григорий Стрелка писар городовий Переяславський. Зосланные на тую справу для прислухання и роспоряженя оною, казалисмо руки свои подписатъ до того декрету, для лѣпшого сведецтва.

107.

Иванъ Дефта купилъ хату у Дениса Кузьменка.

Anno domini 1665, miesiąca augusta dnia dziewiątego.

Przede mną Eustafem wuytem na tenczas będącym, a przy mnie będących burmistrzow Matwim Szulhoim, Romanom Mowczanom, Chwedorem Syniawskim, Andruszkiem Łysym, stanowszy przed nami oczewiscie Ywan Defta, prosił urzędu naszego yż by do xiąg był przyniaty ten zapis w ten sposob: isz kupił za swoje pieniądze yzbę ze wszystkim prawem od Denisa Kuzmenka za złotych dwadziścia, tylko pola, nalieży do tego dwora młyniszcze. Tedy on prosił yż na wieczne czasy nie wtrącał się w to, wolno

Ywanu Depcie dac, przedac y darom komu dac, a ia nie mogę, ani żona ma y ni żaden z pokrewnych mych w to. Tedy my urząd słysząc, kazalimy pisarzu w xiążkie zapisac, co też iest y zapisano. Działo się w ratuszu Baryszpolskim roku y dnia wyszopisanego

Pisał Simien pisar mieskij ręką własną.

108.

Иванъ Соколъ купилъ ниву у Гапки, Самойловой сестры.

Предо мною Евстафием Подгайным, на тотчас будучим войтом, и при мне заседающим бурмистрами Матвѣю Щоце, Хведору Снявским, Андрею Малому, зознал ясне, явне и доброволне Иван Сокол теми словы, жемъ купил ниву у Гапки Самойлови сестри за готову суму готових грошей личби литовской, золотихъ двѣ. Но счо просил нас, абисмо тое казали до книг меских записат. Ивану Соколу волно ему, якъ свое власное, волно дати, дароват, любо на церков дат. Был при том делу Лаврѣн Дудка, Андрей Даниленко и иншихъ людей зацнихъ и вѣри годныхъ. Що есть и записано.

109.

Богданъ Дегтяревичъ продалъ свой пляць Ивану, Гордѣяковому внуку.

Року 1666, месеца марта дня 13.

Предо мною Евстафѣемъ Подгайнимъ вуйтом на тотчас будучом и при мнѣ сидячих бурмистров Матвѣя Шулги, Ромапа Мовчана, Хведора Снявского, Андрушка Лисого, пришедши пред вриад наш славетне урожоний панъ Богданъ Дегтяревич вызнал ясне, явне и доброволне в тот способ, ижъ продал пляць свой Пузѣвский, лежащий на киевском гостинцу, Васил Залузненко помѣжку, за готовую суму за золотих девят Ивану, Гордѣйшоновому унуку. И просил нас врияду Иван, абисми казали писару записат, иж бы вѣчными часы не могль его Богданъ турбоват, не вин, не жаден

с покровных его. Било притом людей зацних и вѣри годних, бил при том Дорош ктитор Пречиский, повберчие в рогу том сидячие, Хвеско Товстенко, Иван Матюш, Еско дяд Михайловский и з иных немало зацних людей било. Дѣялос в Барышполю року и дня вишписаного.

110.

Веремѣй Левченко продалъ огородъ Тимошу Щербиненку.

Року 1666 месеца апрѣля 5 дня.

Перед нами врьдом мѣским Барышъполским, передо мною Веремѣмъ Левченком войтом Барышъполским и при мнѣ будущими бурьмистрами, Есифом Зѣниченком, Марком Левченком, Федором Никузою, Анѣдрѣем Щербиненком, ставши очевисто Веремѣй Левченко, ку записаню, ижъ продал огород Чорнушинский за пять коп Тимошу Щербиненку вѣчными часы, волно ему будет дароват и продат не повинен его о то турьбоват, що для памяти казали-смо до книг мѣстских Барышъполскихъ записати — што есть записано.

111.

Дѣло объ убійствѣ довбиша изъ полка Думитрашка-Райчи Василя Иваномъ Кученкомъ.

Року от Нарожена Сына Божого тисеча шестеот шестдесят девятого, месеца ноеврия 14 дня.

На ураде войсковомъ на тот час будучи в Барышполю, мною **Иваном Новаковичом**¹⁾ сотником Барышполским, Василием Волочлем атаманом городовым Барышполским и при битности пана Григория Рубаника и Ивана Лужецкого з раменя его милости пана Думитрашка Райчи, полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорожского, Переяславского, на тую нижей вырожовую

¹⁾ Потомки сотника Новаковича до сикъ поръ проживають въ Барышполѣ.

справу висланих; также и пред славетными особами, паном Романом Мовчаном вуйтом Барышпульским, Романом Пятником, Алексѣемъ Литовкою бурмистрах, с притомностью них многих особъ и товариства, на тую справу едностайне заселих, приточилас справа межи двома особами, то ест межи а то в такой способ: иж в року нинейшом 1669-мъ, ноеврия числа 11, именем зовемии Гнатко Буримко и другий Гришко Скрипченко, обиватель Барышпульские, за пилюю потребою своею поехали были до бору; а не далеко отехавши от фолварковъ обачили труп чловечий въ ровѣ, свѣжо забитый и тиранско замордований; котрие будучи такъ доброго сумнениа, взяли оный труп на свой воз, з тим вернулись и впровадили до мѣста. О которое забитя оного небожчика в мѣстѣ Барышполю стался опит, а о збойци пилюе отшуканя; где натих мѣстѣ з межи посолства пришедши именем зовемии Карпъ Котлярчикъ приглядуочися, оного забитого опознал, же тот небожчик десятого числа ноеврия з другим чловеком особистым, на едном возѣ в бору ехали, простуочи ку Барышполю; а вгди з тих слов оного Котлярчика пилюый опит о таком збойци стался, аж винайдено такового в господѣ юж пьяного, меновите у Яцка Окрайца, которого снат же невинная кров затримала и обявила а таким способом, же пріехавши въ господу тот збойца Иван Кученко купил казан горелчаний у Сидоричихи за злотих девят и шест грошей литовских в Барышпулю, а справуючи собѣ и иншое дѣло хотѣл выехать з мѣста; але му Богъ не допомогл, зостал пойманным. А кгда был от нас уряду питаний, яко и тепер потверждад, з яких то мѣр он такое забойство учинилъ и як з тим небожчиком знался и з якое причины, абоби з намови, або з чиею помощю тот злий учинок пополнил. Теди так оный вишвспомненый збойца доброволне сам до того своего злого дѣла сознаючися признал и повѣдѣл, же мешкаючи с тамтого бока, под Мотовиловкою час немалый, отишол був на мешканя под Кремьянецъ, а потом вернувшись от тамтой пришов на Заднѣпря до Броваров; а мешкаючи там ездив до Киева в потребе своей, а злучившись с тим то небожчикомъ в Києви, взял его на свой возок; которий то не-

божчикъ менил себе по имени Василий а з компанѣи пана полковника довишъ. А пытался Думитрашки, а за перевоз до Броварув, або и далей, мѣв ему заплатити; аже мя правѣ грѣхъ споткав, училием тое забитство з причины тогож небожчика, кгдиж он первой до мене, которого подолѣвши пришиб обухом, потом хотячи тот свой учинок утайти и до остатка до смертѣи оного праве привел и в ров уринул, где от Баришпулских людей и найден. Зачим мы, вишпомененый уряд, виrozumѣвши и пилно вислухавши добровольного признания менованого збойци, поневаж сам свой злий учинок на себе визнал, казалисмо тое до книг мѣских Баришпулских записати, що ест и записано, року и дня вишпоменованого.

112.

Судъ надъ укравшими чужія вещи во время пожара въ м. Борисполѣ Кондратомъ Федоренкомъ, Фескомъ Федоренкомъ и Юркомъ Андрѣенкомъ. (*Актъ не оконченъ*).

Року Божого 1669, месеца ноеврия 17 дня.

На вряде нашом права майдебурского и ратуша Баришполскаго, предо мною Иваном Новаковичом сотником и при пану Василию Волочаю атаману городовом Баришполским на тот час будучим, так теж и зосланим от боку его милости пана Думитрашка Раича пана полковника нашего Переяславского пана Леска Коломийченка и Олекси пушкара для прислухання тоеи важной справы так теж и пред Романом Мовчаном войтом Баришполским и при мнѣ засѣдающих в лавѣ бурмистровъ паном Олексѣю Литовки и Роману Пятнику и при бытности славетне урожоных козаков, яко мещан на имя Матвѣя Шулги, и Лаврѣна Федоровича, и Давида Верненка, и Данила Михайлонка, и иных людей зацных и вѣри годних, приточилас справа под час презрения Божого, як мѣсто наше горѣло, и там зас многие люди, едни Бога боячис ратовали людей в таком великом утрапѣню, а тот зас Бога запамяталий на имя Кондрат Федоренко ис Феском Федоренком и с Юрком Андрѣенком и с по(мо)чниками своими убоства чужое позабѣрали в

чти годливых козаков, на имя в Кирила Дюгтяренка в другого Костюка, которое то убозтво в звишменованных злочинцов в ѳх схованях понаходили, що и вес мир под тое каране Божое своих убозत्व поотпалое, казалѣ до судов правних засѣсти и ведлуг права майдебурского а в статуту оказанной таких карат, теди ми уряд наш увес звишопѣсанный, казалисмо писару статут отворит пред звишописанным урядом, яко и людми зацними, и там в статуту указывает в артикулѣ 20 и 6 роздѣле 14, а гдоби теж найдено по огню хотяй би теж в обчого человека знайдено, шоби в той час сгинуло, коли горѣло, если там, под тамтим правом, у которого такую речѣ знайдут, мѣют справедливости просити на злодея, а коли ся слушне не виведет, аби бил на горло скаран, ведлуг звишописаного роздѣла.

113.

Грицько Плугатарь укралъ копу овса съ нивы у Каленика Лещенка.

Року Божого 1670 октября 17-го дня.

Передо мною **Федором Волком** сотником Барышѣпольским на тотчасѣ будучим, и при Василию Волочаю атаману, и при Иосипу Анѣдрониченку вуйту, и при Федору Синяевскими бурмистру, и при иных зацних мешанех, так теж и козакохѣ, при той справѣ будучих, приточилася справа межи Калеником Лещенко, у которого на нивы овса копу украдено; теди свидки признали пред нами же: Грицько Плугатар приходил до Лещенка у дом прохати, перший свѣдок Иесишѣ Дранникѣ, другой свѣдокѣ Петро Скабий, третий Иванѣ Дубинич погоничѣ Лещенковѣ, же що повѣдил, же Каленикѣ Лещенко на том мѣстѣцу сиялѣ овес и казал зженником пожат; теди зженники нажали копу и снопув два. У килеа дни том овесь з нивы згинулѣ; теди у Плугатара знайденый. И приходил у дом Плугатар просит Лещенков. Що мы уряд выслухавши тую справу казалисмо записат що теж у записамо. Писано року и дня вышей писаного.

Раздѣлъ имущества между вдовой Гапкой и свекромъ ея Панькомъ Черевченкомъ.

Року Божого 1670, месеца неевря 18 дня.

За вѣдомостю его милости пана Думитрашки Райчи полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорозского Переяславского, приточилас сирава пред суд нашъ, мене Юря Николаевича судю полкового Переяславского и при битности славетних панов и товариства пана Хведора Забузкого осавула полкового, пана Петра Романенка, панов Олехвѣра, Максима сотников, пана Тимофѣя Хведоренка атамана городского Баришовского и притомностю пана Ивана Новаковича сотника Баришполского, Василя Волочая атамана городского Баришполского и з иними особами Баришполскими, яко теж и иншими персонами при сей справѣ будущими, иж скаржилас жалобливе Гапка вдова обивателка Баришполская на Панка Черевченка свекра своего, обивателя тож Баришполского в тои мѣре, же онъ свекор по смерти малжонка еи а сына своего отправаючи еи отъ себе на свое господарство, любо через суд всего уряду Баришполского, ведлуг слушности давни юй бидла овечок, нашнѣ бив удѣлив, теди тое иначей судом же уряду Баришполского отменит афектовав, и що правѣ мнѣ дал овечок, бидла, свиной и нашнѣ тое, жеби знову по половицѣ поделивши от мене отобрати и кому иному до зросту дѣтей моих отлати; а собѣ зоставиль свекор муї овечек девятеро, и к тим казан и грошей золотих пят, на знак памятки сина своего а малжонка моего, я в том не пречу, тилко забегаючи кривды своей жеби мене в тои худобѣ, з которою мене от себе отправил, знову не ущербляв и не нарушил, на том милостей вапих правного варунку и россужденя покорне прошу. Панко Черевко за приволанем невѣстки своей Гапки, отповѣд такую даючи. повидѣл: Пале уроде! иж яко уряд наш Баришполский, сотник, атаман з товариством, войт з мещани, чинил межи нами росправу, и я на том не пречачи, овшем, ведлуг наказу, свою невѣстку отправилем и далем юй овец семнадцат, ко-

рову, волов два, свиней трое, жита осмачок шест, овса три осмачки, гречки осмачку, гороху полосмачки, засѣву жита осм. три, поля на пахане нив пят, хату в мѣстѣ, жебы собѣ, где пойдет замуж зобрала з плечу, а поки не пойдет, жебы в неи мешкала спокойне; до господарства тиж, яко потребную реч, далем юй и жорна. А собѣ, через узнаня суду и уряду нашого, зоставилем овец девятеро, казан горѣдчаний, грошей золотих пят на отправу небожчиковскую, тое на увагу милостей ваших пуцаю. Зачим я, увес уряд вишменованый, уваживши, поневаж оная Галка давала справу, що з небожчиком малжонком своим, любо при свекру, през лѣт десят мешкали, однак з особна працею своею худобки собѣ нажила, а тепер би знову не того, що дал, половицу на дѣти усилует отобрати, наказалисмо з одностайного а праве згодного суду нашого, нинешним декретом нашим, аби оный Панко, поневаж що на знак сыновний памятки от невѣстки своей отобрал, на том жебы и переставал, не чипаючи юж болшей невѣстки своей; также и оная Галка невѣстка его, що собѣ з отпрати от свекра своего худоби, котрая ся вишней меновала отдержала, на той абы переставала и тим ся контентовала, и яко хочачи тую власност свою ку доброму пожиткови своему обернула и користовала, не вимагаючи юж болшей едно на другом, так Панко на невѣстцѣ своей, любо бы и безпомощне ся зостала; яко теж и тая Галка свекра своего из своими потомками, его самого и по нем потомков его, не турбовала, але жебы каждое з своего ся тѣшачи, без всяких турбаций и правних заводов жили спокойне, под закладом вины на упорную сторону коп литовских сто до шкатули войсковой. Которий то декрет для вѣри и далшого mezi ними (?) покритим нашим писмом ствердивши, при подписѣ и притисненям печати судевой полковое, выдалисмо. Писан в Барышовцѣ, року и дня звишменованого.

Юрий Миколаевич, судя пол-
ву Переяславского.

Тимош Хведоренко атаман Ба-
ришовскій.

Утвержденіе раздѣла между братьями Федоромъ и Борисомъ Бурмаченками и вдовою дяди ихъ Мойсея Бурмачихою.

Року 1673, месеца Ноевряя дня 6.

Становили очевисто перед нами, передо мною Иваном Новаковичомъ, на тотчасъ бывшим сотником, Нестором Поманным атаманом городовым и при нас будучи заселыми на тот час Давыда Верны и Тишка Петровича Москаленка; также и при нас заселыми на тот час Федора Романовича войта и колежки его Андрея Мухомора и Федора Бездетки, и Федора Козокола, и Грицка Березенка, также и мещан при нихъ будучих Федора Задыхайла, Федор Бурмаченко и Борис Бурмаченко, иж будучи позосталис по отцови своему и през час немалый будучы жыли из собою и робили до купы заробляючи себе збирали; потомъ подруже себе зналежши упатрыли себе же не пожити в одном месте промежку собою, чынили подел промежку собою пры людех добрых и вери ходних, мяновите: пры Василю Костенку а пры Василю Радисhevскому и пры Олексу Прасолу, мяновите: Федору брату двоѣ Чудковчовский з винъницею, из колодезем и иле що до того двора приналежит; ако що ест поля во всехъ рукахъ и зо всею теперешнею озимую по половине; кобыла вороная томуж Федору, корова старая половая, бык перестый и корова рыжая половая свиной отдавшы Федор брату Борису четверо, то вси его; Борису брату плац дедовский и батковский зо всим и з садомъ, кобыла рыжая, корова гнедая, вол один седый, другой рыжий, назимков двоѣ, то Борису; а що ест кон гнедый, того продавши, то долги мают поплатити. Матфею брату корову самотрет, кобыла, свиной двое; на . . . ниве жыта отнут, на Голубенченковой ниве жыта отнут, половину нивы за Груздовкою, на Капустине нива на тры дни, на Салковской дорозе а два дни, на Кнегинине уся нива; тое все Матвѣю. Моисеисѣ дяд(ино)й, отрубом двор у мѣсти, под ратушы, зо всим будинком и плец; корову ребую ис тележ, до того подтелок; свиной трое, старая одна, малых двоѣ; у засева, ув озимине и в ерыне четвертая

часть жыта на три дни до жнив дали; тое все ей Бурмачисе дошло, що приваложало. Що и те Бурмаченки становшы, так и Мойсеиха Бурмачиха, видечи, же подѣл ровный стал каждому, же однала, до веля каждому дошло заровно, просили нас ураду, абы мы до книгъ мойских записали подел ихъ, и тое положили утвердити в записе, абы братья Бурмаченки от того часу, за ойцызну, за подел один до другого не мают мѣт жадной справы вечными часы; также и дядовая не мает мет жадной справы о той подел. Которий той подел ихъ чуючы, и просечы ихъ, абы до книгъ месских майдобурскихъ записали, що мы казали за писат; що ест записано року и дня вышей писаного.

Пашня, що ест готовая Федор з братом Борысом мает поделитися по половине.

116.

Степанъ Дегтярь продалъ хату Феску Кирилишному зятю.

Книги за Харка Курандоу.

Року 1674, месеца априля 12 дня.

Передо мною Харком Курандою и при мнѣ едностайно засѣлыми бурмиистрами Иваном Тимошенком, Грицком Малишенком, Саввою Захарченком, Миском Ходорковъским, ставшы очевисто Степан Догтяр созналь доброволне, ижъ продал хату в мѣсти, которая лежитъ берегъ Шнурчихи, Фескови Кирилиному зятю за полсема золотого; уже ему от того часу волно той хати спокойне заживат, продат, дат, дароват и яко (в) наилѣпши свой пожитокъ обернут; а я вже самъ, жона и дѣти, и всѣ приятели мои до той хаты жадное справы вѣчъными часы мѣти не маемо. О што просили нас, абы тое было до книгъ записано що ест записано.

117.

Васько съ шурьяками купил ниву у Сидора Чирвы.

В року 1674, месеца июля дня 4-го.

Оповѣдал нами урядомъ, предо мною Павлом Стетченком войтомъ з бурмистрами Андрѣемъ Мурмаркою, Хведором Сиявѣским, Грицькомъ Лапѣгою, Василѣм, в лавѣ засѣдающих, мовачи: „Пане враде! купилисмо ниву заедно изъ шурьяками своими Гришкою и з братом его Иваномъ, в Сидора Чирви, жителя Трипулского на днюв чотири, за золотых два, при могоричниках Хвеску Рубашномъ и инших (не)мало людей зацѣных; которий то Чирва признал, же свое власное прадал, нѣкому не ценѣная нива, не заведеная, але его власная; до которой то нивы не повиненъ такъ реченый Сидоръ впоминается, жона его и дѣти его вѣчными часы. А Васковѣ з шурьяками тая нива по половинѣ зостават повинѣна, волно им тои нива любѣ продат, заменит и на свой пожиток оборочат, якъ своим власнымъ. На що для лѣиное вѣри поставилисмо помѣж ними, з одного боку Хвеска Рубашного, а з другого боку Левка Куменка. (Мы, врад) учувши добровольное их признане впростили нас, абы до книг месцкихъ приняли и записали, що ест и записано. Писанъ в ратушу Борисполскому року и дня вишъписаного.

Звышъменованый врадъ Борисполский. Евстафий Васченъко, писаръ, рука власная.

118.

Мойсеяха Бурмачиха продала свой дворъ Харку Шаповалу.

В року 1676, месеца апрѣля дня 22.

На вrade мѣста Борисполя, пред нами, предо мною Ионисимомъ Миневичомъ войтом из бурмистрами Грицько Мовчан, Филипъ Василенко, Анѣрею Мурмарцѣ ключнику и завѣдомом пана Ивана Новаковича сотняка, Ивана Шореткого атамана городского и при могоричниках Хведору Сиявскому на тен час побѣрчого, и

при товариству, сторони козацької Гишко Тарануха а Миско Шкурка, Иван Бугай, Сомко Виньникъ, могоричники и прислухана тоеи еупли, яко тижъ и продажъ, Романъ Пятникъ и инъших людей зацнихъ и вѣри годнихъ. Чинила явно и добровольне Мойсеиха Бурмачиха бывшая, а в тот час Дмитриха, ижъ, мовит, пане вrade! продалашъ дворъ свой зо всѣмъ, такъ комора из сѣнъцами, стоячий близко ратуши, а з другой стороны Нагишенкова, за суму готових грошей, золотих пятьдесят, которой то суми далам готових грошей копъ десят, а мѣю отдат о Нароженю Христовимъ копъ десять безъ полкопъ, даст ли Господъ в року 1677 мом; который то двор не пѣнный, не заведений, але свой власний позосталий по мужу своем Моисею Бурмацъ, который то дворъ легкую пану Харку Шаповалу вѣчностъ, волно ему тот дворъ изъ жоною своею Марьею продат, дароват, заменит, у своим дѣтем задержат, и на свой пожиток обернут; а я, такъ сама, яко родичи мои в тот дворъ впручатся (не мают); а хтобы мѣл, повинен мененный Харко до мене вдаватся. Мы тежъ яко вряд, обохъ сторонъ, которие просили нас, абы до книг мѣских принято, що ест и записано. Писан врадовне року и дня вишписаного.

А хто бы мѣл въ тот двор впират, на такого заруки на их милост закладам, заруки золотих 100, во южъ право было на тое от родичов.

119.

Василь Осипенко долженъ отдать корову сестрѣ своей Ганвѣ, женѣ Марка Демченка.

В року 1676, месеца марта дня 31.

На врядѣ мѣскомъ в ратушу Борисполскомъ, пред нами, предо мъною Иваном Новаковичомъ сотникомъ Борисполским, Иваном Шорстким атаманомъ городовымъ и при нас товариству, Иван Горкун, Прокопъ Семененко, зосланого до книгъ запису, Лукян Гриненко, Яцко Анътоненко, инъшого товариства немало и при быт-

ности пана Онисыма Миневича войта из бурмистрами Грицко Мовчанъ, Филип Василенко, Анъдрей Мурмарко ключникъ, припозвалъ был Марко Демченко Василя Осипенка по смерти отца и матери его, шурина своего, таким способомъ: ижъ впоминался, яко звычайного за дѣвкою бывает, который то отецъ его дал был ему корову за дочкою своею Ганною, сестрою его; теде того часу не принял в посягу, по смерти отца его впоменулся в шурина своего Василя. Зачимъ наказалисмо ис права, жебы дал оную корову мененной сестрѣ его, що такъ ся и стало, же мусиль дат; зачимъ погодиль Василь зятя в вѣчност, который болшъ не повиненъ турбоват, такъ жона и дѣти его, приятелѣ близкие и далекие вѣчни(ми) часы. А еслибы теразнѣйшого, любъ потомные часы Господь Богъ Василя обернулъ, яко теразъ часи небезпечные, любъ па войнѣ, любъ где колвекъ Богъ духа приймет, отнисует убозство свое жонѣ своей Хими позосталое, на що мают расправит люде; част мает зостават жонѣ, част мает зостават на церков Рождества Богородици. А если даст Господь потомство мѣнѣ, то оному повинен вес зостават, такъ двор, зо веѣмъ приналежаим, яко и поля и лее где ест, а и тое припомянку зостае, еслибы мѣль Господь Богъ изъ неволѣ бисурманской Пылипа, брата его старшого, мает част зостават отцевщины и оному; а если южь по смерти зоставатимет, вся мает част тая мененная на церковъ Пресвятой Богородици зостават, що потверѣжаю повторе и проклятво кладет, еслибы еще мѣла, такъ кости отца их и матери порушат, любъ и Василя турбоват, любъ сестра его и хто колвекъ, такового зватимут на страшный судъ, пред велицеѣрного Судию, который будетъ судит живых, и проклят будет в семь и в будущем вѣцѣ. Що для лѣпшого вѣри и певности казалис(мо) до книгъ мѣских записат, що есть и записано. Писано року и дня вишписанного.

120.

Кіевская жителька Галя Семениха Дяденчиха выдаетъ росписку жителямъ м. Борисполя въ полученіи денегъ за порохъ, взятый у ея мужа во время войны «першого шеремета».

Року Божого тисеча шѣтсотъ семьдесятъ сегого, месеца марта дня 24.

Я, Галя Семениха Дяденчиха, жителка Кіевская, чиню вѣдомо симъ моимъ писмомъ, кому бы о томъ потреба будетъ, ижъ я вишъменованная Семениха изгодившия о дулг слушный вчинивши изъ жители Богоспасаемого града Борисполя, такъ козаками яко и мещани, за порохъ, который брали в Семена Дяденка мужа моего небожчика, подъяс войны першого шеремета, который наступючи на оно реченное мѣсто Бориспол, при котором я мы застаючи, зо всѣмъ своимъ маеткомъ, мѣлисмо порохъ, зачимъ того часу, до того пришло давалисмо тот порох не рахункомъ, бо кожному о здоровья и о души шло, хто тилко на тое способный был до бою, а звлаща огнистой стрѣльбы, брали не вагою, зачимъ мнѣ позосталой по мужу своем, давалам позов на ихъ в мѣсто Бориспол, такъ до яспе велможного его милости пана Ивана Самойловича, пана гетмана его царского пресвѣтлого величества запорозского, якож и до его милости Войци Сербина, полковника Переяславского, от которых писма отримавши показала, абы мени за тот порох погодили и заплатили; зачимъ тепер, завѣдомом пана Ивана Новаковича сотника Борисполского, Ивана Шореткого атамана городского, Йонисима Миневича войта и бурмистрами Грицком Мовчаномъ, Пилином Василенком, Анѣдрѣем Мурмаркою, квитую, отримавши от них за тот порох суму цѣлую. которая мнѣ належна была, такъ козаков, мѣщан, якъ жон и дѣтей ихъ, не повинъна южъ болшь поновлят за тот порох, такъ я сама, яко и приятелѣ мои, близкии и далекии, вѣчными часы; на що для лѣшшой вѣри и невности и правного попартя, казалам до книг мѣских записат, що ест и записано прилюдне зацних вышей писанихъ. Писан в ратушу Борисполском, року и дня вышписаного.

При том квитованом писмѣ были люди добрие, Хвеско Нехорошенко хоружий сотни Борисполской, Микита Левоненцько атаманъ курѣнный пихотный, Грицко Васиченко, Ананас Галоненко, Иля Радивоненко, Степан Вовпянка, Гордѣй Грищенко, товариство. Мищане: Евхим Бурьяѣй, Тимушь Приймакъ и инших людей зацних немало.

Звишменованый вряд Борисполский Евстафий Ващенко, писар на тот час.

121.

Жалоба Ивана Марченка на Танчичку Яциху за нанесеніе обиды словами.

В року 1678, месеца июля дня 4.

Ставѣши очевисто, пред нами врадом, предо мѣною Лукьяном Гриненкомъ, атаманомъ городовымъ, Андѣреемъ Муръмарькою войтомъ и при бурѣмистрахъ Григорию Мовѣчану, Ивану Гусаку ключнику, и при бытности Ониска Рудѣченка Семен Попович шинькаръ и иннихъ людей зацних много, прекладал жалобу Иван Ларѣченко на тотчас бурѣмистръ в лавѣ засѣдающий, мовячи: пане вrade! дала мнѣ безчести Яцыха Танѣчичька, жителка Борисполская, такимъ способомъ: трафилос, мовит, мнѣ едѣного часу изъ губилем был своего власного быка, которого знайшолемъ изъ Яцковим товаромъ Танѣчиковым в полю, при пастуху его, и сталемъ питати: „где ти того быка взял?“ Которий хлопецъ признал: в нас той бык, кажет, и ночует. Теди цыталемъ его: чомуужъ вы старѣшому не ознаймили?—Я, кажет, по килка разий въ старѣшого опитывалемъся, не признался старший, жебы такого быка ознаймовал. Но тое хлопецъ отказал: и я господару своему казал, жебы старшому того быка ознаймил, теди мнѣ казал: непотреба, мовячи, небоже, ознаймоват старѣшому; якъ ознаймимо, то в чоловѣка болшь будет коштовати, а то якъ познает, волно ему будет взяти. На що мы вrade, давѣную его рѣчь, що и с-щого початокъ той справѣ стался, випитавѣши, казалисмо людей поставит. Теди поставил Стецька Былиловѣця

и Сахна Розвалку и Петра Сугоняку, которые признали, мовячи: Пане враде! была то правѣда, ижъ Яцѣко турбацию мѣлъ за того быка, за враду Лукяна Гриненка наказного сотника, в тот час на врадѣ были сего гетмана наставляли, пана Ивана Самойловича, а атаманом былъ Ониско Рудѣченко, которого, якъ могль годити изъ людьми просил за тое, же в чужого быка вклепался, именно реченого Ларѣченка, Остауъ Шолудѣчко, Стецѣко Былиловець, Давидъ Верѣненко и иншие, за реченный проступокъ Танѣчицков просили и впросили. Мы тихъ выслухавъши яко врадѣ першую справу, такъ от самого Ивана и от признаних питалисмо, що за причина тому, що тиразнѣйшого часу позовъ даешъ безбытности мужа еи Танѣчика жону его; теди признал: словами, каже, пане враде, злими побликовѣла Яциха, мовячи: ти, каже, в нас купил быка за чехъ. За тое еи слово, позовъ далемъ, нехай мнѣ того доводитъ, жебимъ где, в кого, такъ дешево быка купилъ. На що, выслухавъшы жалобу его, казали издаватис на людей, що признал Грицѣко Мовчанъ, Анѣдрѣй Мухомор, Петро Новенѣчко признали в тие слова: говорила, кажут, пане враде, же якобы Иванъ купилъ в пастуха их Танѣчицова быка за чехъ. На що казалисмо Танѣчицѣцѣ того доводит, чога и не довела, и такъ шекаючи якъ неопѣтливою губою, и знову в свои уста побрала; для чога ис плачемъ людѣми зацнныи годила из Остапомъ Шолудѣченкомъ, Стецкомъ Билиловцем, Стецкомъ Давиденком и зъ иншими людѣми, Хвескомъ Гриценкомъ, Иваномъ Сухолѣсенкомъ, много. При той тежъ справѣ положилисмо премежѣку ними за руку на пана полковника Переяславѣского талярѣй сто, жебы не тилко отъ Яцѣка Танѣчика, або от жоны его мѣлъ Иван оние слова, але естлибы от людей якие похвалки перечулъ, що бы мѣли они говорити, такой заруки не вводит. Мы тежъ, яко врадѣ, выслухавъшы его жалобу и признане людѣское, просили нас, абысмы оную ихъ справу до книгъ мѣскихъ приняли и записали, що ест и записано. Писан в ратушу Борисполском, року и дня вишѣменованого.

Звишѣменований врадъ Борисполский. Евстафий Ващенко, писар мѣский.

122.

Споръ между Иваномъ Кармазенкомъ и Пархоменками изъ-за грунта въ Иваньковѣ.

1678.

Приточилас справа предъ врядъ нашъ, Лукяна Гриненна сотника Борисполскаго, Василя Москаленка атамана городского, Ониска Рудьченка, такъже на тотчасъ безъ бытности атамана, наказнимъ атаманомъ, Анѣдрея Мурмарка войта изъ бурмистрами Грицка Мовчана, Ивана Ларьченка, Ивана Гусака, и при товариству Ивана Шореткого, Ильи Слиненкого и иного много промежку Ивана Кармазенка и Пархоменковъ, Грицка, и Хомы, и Анѣдрѣя, за грунтъ, таковымъ способомъ: Трафилось еще живымъ будучи Мурмарцѣ, купилъ былъ въ попа Иванковского отца Хведора, пляць за готовую суму не хоромами, а попу тому зостался за сорокоустъ, подчасъ Дрижиполекого року; который тотъ пляць продалъ былъ Анѣдре Мурмарченку зостался по родичахъ. Теди поживъши часъ який, або и килка лѣтъ, продалъ Карпу Прасолу, а Карпъ писару Микчасу, а въ писара купилъ Пархомъ небожчикъ, за що позосталие сини его реченние тымъ ся контентовали, на чомъ застали отцевщину. Теди помененный Кармазенко изъ жоною своею перечувъши отъ людей зацнихъ, же болшь его грунту мѣло быти, доходилъ своего и припозвавъши до насъ в раду становилъ свѣдки, Конона Прасола у Карпа также Прасола, которые признавали, по якую между тотъ грунтъ зоставалъ. Щежь на томъ Пархоменки не контентуючися, ставили своѣ свѣдѣки, за що мѣлъ турѣбацию и Кононъ реченный, щожь еще при томъ же поставившия Ониско Миневичъ и Анѣдрий Литвинъ, и тиежь признали, же слово волово на томъ была межа; иншихъ много в тожь признавали. Которимъ свѣдетствомъ ище не контентуючися, Пархоменки давали позовъ на Конона за свѣдѣцтво. Теди видечи Кононъ невинностъ свою, мусилъ копати землю, шукати межи граничноѣ; теди знашолъ стародавний погребъ, при межи зостающий, (ко)торий копалъ Карпъ, тамъ жиючий; зачимъ ажъ му-

силь земьлею от того позву отпертис. Що мы, яко вряд углядѣвши в самую слушност наказалисмо на тои городит, а им до згоди и до поеднаня прийти, щожь такъ и стало, погодивъшися, руки подавали, же южь един другого, стороны обѣдвѣ турбоватся не повинни, такъ они сами, яко жони, дѣти и приятелѣ близкие и далекие вѣчными часы. Для правного попертя и заруку казалисмо положит на его милост пана полковника Переяславъского, талярей десят, а на нашъ вряд талярей пят. На що для лѣпшой вѣри и певности, просили насъ, абы до книг мѣскихъ приняли и записали. Писан в ратушу Борисполскомъ року 1678, месеца декабря 11. Остафій Ващенко, писар на тот час.

123.

Грицко Остаповичъ, сынъ Тихаго, а зять Товстаго, продалъ грунтъ и гай Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню.

Року 1680 месеца ануария 8-го.

Ставовшы очевисто пред нами, предо мѣною Лукьяном Гриненком сотникомъ Борисполекимъ, Василем Москаленкомъ атаманомъ городовымъ, Григорием Березенкомъ войтомъ и при бурмистрахъ Грицку Мовчану, Евхиму Ключнику, Семену Яценъку и при товариствах изъ ураду приданых, Васлю Щербаненку, Юску Поташку, Якиму Лобку и при могоричникахъ Грицку Онищенку, Ивану Коломийцю, Якиму Бураву и иных мищан много, чинил вѣдомо Грицко Остапович Тихого сынъ, а зят Товстого, мовячи: Пане враде! Продадемъ кгрунтъ тестювский. Хвеска Товстого позосталый по смерти его гай не сѣножатями, якъ в собѣ мает, взювъшы от самого гаю по гостинець Баришовский и по мочилы, или где ест кгрунтъ Богдановский або Косиполе славетнымъ пану Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню, за готовую суму, золотыхъ двадцет личбы Литовъской; который бы то кгрунтъ продадем доброволне на долги тестювские, нѣ от кого не намовлен, толко имъ тим кгрунтъ продат, дароват, замянат и своим дѣтям задержат; а я такъ

самъ, жона и дѣти могъ неповинъни втручатис вѣчными часы. А хтобы мѣлъ ис приятелей близких и далекихъ в тот крутьт впираючис доходит, я повинен отповѣдат. На що для лѣпшой вѣри и певности просили враду, абы до книгъ мѣстекыхъ принято и записано, що ест и записано. Писан в ратушу Борисполской року и дня вишписаного. Звишменованный врад Борисполский. Евстафий Василевич писар рукою.

124.

Татьяна Лесиха продала ниву Филипу, Давиденкову сыну.

Року 1682, месеца мая.

Передо мною **Хведором Хвилонвичом**, сотником Барисполским, Лукияном Гриненком атаманом городовым и при нас вуйтом Андрѣемъ Му, Грицком Мовчаном бурмистромъ, Калеником Цѣпником ключъником, Юском Тищенком рочными бурмистрами, и при Гапону Тарану атаману курѣнном и при Роману Рудченку и при Совѣ Мойсѣю, и при инших людех зацных, чинила вѣдомо ясне, явне, доброволне до запису, до книгъ мѣскихъ Татьяна Лесиха, на тот час вдовою будучи, мешанка Борисполская, мовячи: Пане враде! Продалам ниву, лежачую за мостком, межи дорогами двома к лѣсу Веряину, на гоней двое, пану Пилипу. Давиденковому сыну, за готовие гроши, золотих полчварта, свое поле власное, свекровское; волно тому Пилипу Давиденку тое поле продат, даровати и заменяти, и на свой пожиток обернувши дѣтем своим задержати; а я такъ сама, реченная Татьяна, якож и дитина моя и приятелѣ моѣ не повинни втручатис вѣчными часы. На що для лѣпшой вѣри и певности просили нас, яко враду о запис, що (ест) записано. Писано в ратуши Борисполской при людне, року и дня вишей писанного. Роман Стефанович писар козацкый, рукою.

125.

Катря Мухомориха продала свой дворъ Хведору Ивановичу.

Року 1682, месеца мая дня 6-го.

Пред нами, предо мѣя Василемъ Москаленкомъ сотникомъ назанымъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ и за вѣдомомъ Ивана Малинського войта, Ивана Гусака ключника ратушного и при бытности Исака Шкуръки, Ивана Шепеленка, Хвеска Безлюдного и иныхъ многихъ, чинила вѣдомо и сознала ясно, явно до книгъ мѣскихъ, мовячи: Пане враде! Я Катря Мухомориха жителка Борисполская, будучи при старости лѣтъ моихъ а позоставпися по мужу моемъ, видячи, же нѣчимъ контентоватис, продаламъ дворъ свой, лежащий промежку отца Корния и Яремина ткача, за готовие гроши личьби литовской, пану Хведору Ивановичу (за) золотихъ пятнадцат; от которого двора отдаливъши себе самою и сыновъ моихъ Семона и Гаврила, и Ивана, приятелей нашихъ близкихъ и далекихъ на вичност; волно пану Хведору Ивановичу в томъ дворѣ будинокъ становити, жити, продати, даровати и заменяти, и на свой пожитокъ дитемъ своимъ задержати. О що просилам, яко вряду, абы до книгъ мѣскихъ Борисполскихъ принято было и записано; що и записано. Писан в ратушу Борисполскомъ року и дня вишь писаного, за ураду Хведора Хвилоневича, сотника Борисполского. Звышьменованный урад Борисполский. Романъ Степанович, писаръ козацкий.

126.

Багнюкъ оштрафованъ отнятіемъ коня за то, что шинковаль, хотя шинковой промыселъ въ мѣстечкѣ Борисполѣ отданъ былъ въ аренду полковому переяславскому писарю Петру Максимовичу.

Року 1683, месеца мая 30 дня.

Запис до книгъ мѣскихъ Борисполскихъ. Предо мѣною Хведоромъ Хвилоневичомъ сотникомъ Борисполскимъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ, Иваномъ Малинскимъ войтомъ, Иваномъ Семеновичомъ ключникомъ ратушнымъ и за вѣдомомъ такъ то-

вариства и иных, заславши нас ясне велможный его милость панъ гетманъ универсаломъ своимъ казал всѣмъ вычитавши загрозит, бы прешкоды ани жадной в арендѣ горѣлчаной, в которомъ панъскомъ универсалу вручено и подано в посессию его милости пану Петру Максимовичу на тотчас писару полковому Переяславскому мѣстечко нашу за его власную суму до скарбу войскового отплатит; зачимъ излецивъши панъ Пётро, Ивану Петровичу свое такъ господарство и шапарство, приказовал, бы якъ належить перестерегалъ в потайныхъ шинкахъ; онъ тежъ, яко вѣрний слуга пана своего, постерегал потаемныхъ шинковъ, аже не поеднокротъ знаючи о Тимошу Багнюку, жителю нашему, же он потаебно шинки дѣет, упоминал его, мовячи: знай певне, же тебе я зъ горѣлкою шинковною поймаю; и такъ он тое легцеважачи шинковал. Для чого, яко господар тому панъскому добру, дважди поймал, от него купленую у фляшкахъ из горѣлкою людей, которые пред врядом признали от власного Багнюка купленую горѣлку ношовали. Теди мы, врадъ, видечи, же тот Багнюк воли панской противен, казалисмо по указу пана писара полкового, взявъши коня сивого отдат; на що панъ писар, яко ласкавый пан, взял того коня, що напил был Багнюк в ворендѣ таларей два, а до того що ему перешкоду дѣялъ в ворендѣ, а що болшого, такъ казали и худобою подаровавъши, казал для лѣпшой вѣри и правного попарта в книги мѣские записат, що ест и записано. Писано в ратуши Борисполской, року и дня вишписанного.

127.

Раздѣлъ гая между Дудорковскими жителями братьями Огѣмъ и Гришкомъ Корниенками и сестрою ихъ Хвесею, причемъ сотникъ взялъ клинокъ гая въ посессию.

Року тисеча шестсот осемдесят пятого месеца генъвара 26 дня.

Ставши перед мене Хведора Хвиловича сотника Борисполского, Ивана Шореткого атамана городского, при товариществу

Степану Билиловцу, Василю Москаленьку и при бытности Ивана Малинского и при иных многихъ Огѣй и Гришко Корніенъки, жителѣ Дудорковские, оповѣдали нам ураду, же ойцѣ их отходячи на он свѣтъ, не росправивъ сыновеи своихъ гаями, прото мы, видячи прозбу такъ реченныхъ Корніенъковъ, якожь причину отъ чернѣцовъ свято-Троецкихъ, бы ихъ слушне, ведле правди святой подѣлили. Прото я вишреченный сотникъ, взявши изъ собою Романа Стефановича, писара козацкаго, Степана Ворочаенка, хоружого нашего, и зѣхавшы до села Дудоркова, казали тамошнимъ жителемъ изийтися, прииптующися, ежели свѣдоми о тихъ гаяхъ; тоди призвали двѣ жителѣ Дудорковские, же то отецъ ихъ зъ давныхъ часовъ оними гаями владѣл и пожитковаль. Для чого ми, врадъ взявши исъ собою Грицька Тишченъка войта тамошняго, отца Романа священника, Тишка Старого и Ивана зятя его, Петра Козорѣзенъка, и Матвѣя Маняченъка, обихавшы тотъ гай, вдѣлили частъ вишпомененому Огѣю Корженъку, помежь Олексѣя Хиленкового, а зъ другой стороны Панъка Черевка и помежь Сотницкаго, и подорожку, знаки поробыли; и съ того тижъ гаю оддѣлили Гришку меньшему Корніенъку помѣжь Гордѣвого по озеро и по дорогу; до того тижъ Хвесѣ Корніенкѣ, сестрѣ ихъ, дали тогожъ подѣлу частку гаю, помѣжь Огѣя брата еѣ и Гордѣвого; оние засъ стороны всѣ три, слушне промежку ними подѣл от насъ бачачи, на томъ zostали, которому, где, вказано, и принявши изъ собою погоду, изъ доброй волѣ своей, вдѣлили мнѣ мененному сотникѣ, со всѣхъ сторонъ трохъ, прилюдне, помененыхъ жителехъ Дударкувскихъ, такъ священнику, атаману и войту Матвѣю Мулявцѣ и Тишку Старому, и при Ивану зятю Тишчовомъ, и при иныхъ въ посессию, въ держане вѣчное, яко старшому своему, частку гаю тогожъ называемимъ Клинькомъ. Ми тежь, урядъ, прибувши исъ того села Дударкова до мѣстечка нашего, обѣснивши такъ товариству, казалисмо онихъ сторонъ письмомъ укупьтенътовати, варуючы тепер и на потомные часы, би каждый зъ нихъ онимъ гаемъ частю подѣлу вольно держали, которому будетъ потреба продать и дароват и заменятъ, и яхъ хотя владнуть, жонѣ и детемъ своимъ на вѣчность задержати; на що для лѣпшой вѣри и певности просили насъ, яко

враду о запис, на що и даем при печати нашей войсковой и рудѣ писарской. Писанъ въ Борисполю, року и дня вишписаного. Григорий Талѣржевскій писар мѣскій рукою.

128.

Судъ надъ ворами Ониськомъ Голнкою и другими.

1686.

На враде мескомъ вратушу Борисполскомъ, пред нами перьсонами засѣлими, на тотчас будучою старшиною Федоромъ Филоновичомъ Магировскимъ, сотникомъ Борисполскимъ, Конономъ Сеничомъ наказнымъ сотникомъ, Иваномъ Горкуномъ атаманомъ городовымъ, Хведоромъ Проскурнею войтомъ, Иовомъ Карпенкомъ бурмистромъ, Гарасимомъ Шевцемъ ключникомъ, едностайне въ лавѣ засѣдающимъ рочными бурмистрами, а при насъ обополныхъ сторонъ задне славетныхъ товаристви и мѣщанъ именно тут написанныхъ: Васил Москаль, Степану Бублику, Ивану Сахненку, Микитѣ Леоненъку, Роману Павлюченъку, Сидору Коваленъку, Евхиму Игнатенъку, Ивану Безбородченъку, Миску Копилу, Стефану Волочаю, Стефану Билиловцю, Микитѣ возному, Ивану Колѣнъку, Ивану Курандѣ, Каленику Просолу, и мещанахъ Павлу Пятнику, Хведору Курандѣ, Каленику Прасоловому зятю, Пархому Первушу, Степану Исаенъку, Ивану Исаенъку, Ивану Гусаку, Гаврилу Клименъку, Гаврилу Мухомору и многихъ персонъ зацныхъ и вѣри годныхъ людяхъ радилисмос еднокупне, яковымъ вшталтомъ из проступными а явными злочинцами, о нимъ за ихъ расколъ вчинити кару. А же всѣ еднокупно, такъ товариство, якожъ мещане изговорили, новячи до насъ враду: помы тимъ злочинъцюмъ сидячимъ держати ихъ сторожею, бавите мещанъ и приклады свѣчками на каждую ночь свѣтяти, тратити мѣские гроши, на которыхъ вже коштовало золотыхъ болшъ десятка. Прото мы, врьдѣ, выслухавшы пораду еднопольную казалисмо одозватис тимъ, в которыхъ шькоду и крадецтво починили злочинъци; овожъ тие, ани един изъ них до нас враду на судъ скаръги не уносили, на очевистое людського

всего народу и въезду нашего на торгъ пятничнй тихъ злочинцвъ слузѣ мѣскому казали до прингеля дати и питати, в кого зломислнымъ своимъ злодѣйскимъ способомъ, кому шкоды починили, призналъ Ониско Голянка злодѣй: мы, кажет, вкрали изъ Михалемъ Збегълымъ кобылу в Борисполского и продали в Фастове за золотыхъ осмъ: и знову в Ковбасенка вкрали кожуховъ два в окъно вытягши и продали барзо за малие гроши на пристани Киевской, съ тымъ же и ярилуеъ ис тымижъ кожухами; воловъ три тожъ Голюнка призналъ, же вкрали на Груздовъцы ис Коротенкомъ Иевдоховыхъ два и Пѣтакового одного; всѣ тие в Киеви продали из Коротенкомъ, в Киевѣ платье музское—изъ Жабским; тежъ признался Голюнка, же по крали в Колѣвка и в Яцуги, ищо тожъ в Гордѣя свиту вкрали и пироги ис погреба, то все изъ Жабским; а особливе Жабский овичку вкралъ у Верненка; а грошей вкралъ полчварта ста золотыхъ у своего шурына коваля; и многие пакости людемъ чинили. Про що за всѣ ихъ проступства казали мѣскому слузѣ волати по мѣсту, бы каждый, коли кривѣда сталас, вспоминалис и инстикговали на тихъ злочинцвъ; теди ани единъ изъ них не инстикговаль и на смерть ихъ и на душу не вотовали, тилео водле кари казали ихъ впродѣ привязавшы публичне соцкому бити, и од чести людской отлучити. Аже увес народ на оних молодыхъ злочинцвъ, стали говорити, такъ станы старие и середние, якожъ и меншиє, бы були пуцини на покаяние, мовячи, ежели послѣ сего не покаются на своихъ головахъ отнесутъ изгибель, по нѣважъ нихто на ихъ не инстикгуеъ, еднакъ карани и быти пред слугу мѣского посторонками, из мѣста преч выбитие и вигнание зостали, пригрозившы каждому из мешканцовъ нашихъ и еден, не тилео ис принятеловъ и кривныхъ ихъ не держали и не приимовали въ доми, але и каждому приказали, бы сусѣдъ сусѣда престерегалъ, такихъ зломислныхъ надзвычай преступцовъ и злодѣевъ не держати, але цѣле и в узду нашомъ и по селахъ не мѣти и не приимовати. Тое ихъ злодѣяние документомъ выписавшы до книгъ мѣскихъ вписати писарови нашому приказали. Писано в ратушу мѣскомъ року 1686, месеца юня 15 дня.

129.

Священникъ церкви Рождества Богородицы Іоаннъ продалъ свой домъ священнику церкви Свв. Бориса и Глѣба Григорію Евфимевичу.

Року тысяча шестсот осмдесят сомого месяца феврала дня девятогонадцат.

Передо мною Федоромъ Филоновичом сотником Борисполским, Лукианом Гриненком атаманом городовим и при нас будучи товариства Иванъ Шореткий, Васил Москал, Гапон Таран, Давиду Верненку и иных много, так тежъ и при урадѣ мѣскомъ в ратуши засѣдлом, Ивану Малинском вуйту и при немъ будучихъ бурмистровъ Пилипу Груздовъскому, Ивану ключнику ратушному, Проккопу Ехиженку и иным разным людям при томъ ни урати засилихъ ниже подписаних, чинилъ оповедъ ясне, явне и доброволне тепер и на потомние часы священно иерей Иванъ презвѣтер храму Рождества Пресвятой Богородицы, въ таковий способъ, мовячи: Пано враде! продалемъ домъ мой власный, никому не заведенный и не ценный, на предмѣстю, за брамою Киевскою стоячий, з одной стороны, помѣжный Федор Куранда, з другой стороны Матвѣй Ткач и по дорожку, которая лежит на Груздовку прозываемую улицу; а тотъ думъ зо всѣмъ тим кгрунтомъ и будинкомъ, якъ (ся) в себѣ имеетъ, священному іерею Григорію Евфимевичу презвѣтеру церкви святыхъ страстотерпцовъ Бориса и Глѣба, за готовую суму золотыхъ иятдесят, монети доброй, отдаючи оному, вѣчне тимъ домом владнут, яко своим власным, волно теж ему запродавати и вѣчне продати, либо даровати, albo съ ким заменати и якъ хотѣти, ведлуг умыслу своего на пожитокъ свой оборочати, жонѣ своей и дѣтем своим задержати, тежъ варую и вѣчне запиую, аби священному иерею Григорію въ его власном дому зо всѣмъ его будинком, ниhto жадноѣ перешкоди и утиску не важилсе чинити, яко не повиненъ я, ани жона моя, анѣ потомокъ мой, такъ тежъ кривные моѣ, близкие и далекие, сикцессий собѣ жадныхъ вынаходити. Давши тежъ волю до всего того кгрунту з будинкомъ на немъ стоячимъ от мене

священно-иерея Иоана Василовича проданного священно-иерею Григорию Евфимиевичу симъ записом при урадѣ мѣском отвержаю и вѣчные записую, що я просилем ураду, жебы было и до книг мѣских записано—що есть и записано. А священно-иерею Григорию, даю сей мой выпис владовне, выписавши съ книгъ перед урадом вышописанном, при печати мѣской и козацкой и руцѣ писарской. Писан въ ратуши Борисполской року и дня пышьописанного. Роман Стефановичъ писарь козацкий Борисполский.—Тут тежъ устне прошение мещане о подпис своихъ рукъ, Андрий Борсук, Стецко Исаенко, Каленик Прасолов зят, Панъко Киселювъ зят, Левко Олексѣенко, Стецко Якименко, Омелько Ковбаса, имена свои подписали, будучи при томъ записѣ.

130.

Духовное завѣщаніе Варвары Микитихы Зѣньчихи.

1687 сентября 28-го.

Во имя Отца и Сына и (Духа) Святого Аминь.

Я, раба Божия Варвара Микитиха Зѣньчиха, чиню вѣдомо симъ моимъ тестаментомъ, такъ стану свѣцкого и духовного, ижъ длуговъ жаднихъ по собѣ не zostавляю. Напрод вручаю душу мою Господу Богу а тѣло землѣ, которое має бити поховано ведле звичаю христіянъского при храмѣ святыхъ князей роскихъ Бориса и Глѣба, при томъ роснаражаю дѣти своего першого мужа Яцка, Василя и Кирила, повеважъ жиючи я ис вторымъ мужемъ симъ Микитою лѣтъ болшъ тридцати, теде угледѣвши, мужъ мой Микита на лѣта ихъ двоихъ поженивши и подѣль промежку ихъ учинилъ прилюдне, при Миску Верненъку и Хомѣ Верненку от ихъ рукъ, а од руки мужа моего пры Гордѣю ктитору Борисоглѣбскому, далъ имъ на всѣхъ троухъ воловъ два, коровы двѣ, а що за ихъ отцевщины zostавало грошей готових, отдал золотихъ полчвартанадцетъ, Кирѣю не жонатому далъ на жупанъ золотихъ десет и жита копъ десет, томужъ далъ свиней двое и вурту шептуровую мене матки ихъ

оних до себе взяли, проте оддѣливши мужъ мой ихъ сынов моих, волнимъ зостае, не повинъни позосталие дѣти мои мужа моего, кождый из них турбовати и слова моего касовати, костей моих порушати. А всторый бы мѣль, любъ из синовъ моих, албо ис крвних наших, слова моего касовати и кости мои порушати, такового буду на страшный судъ Божий позывати. На щом упросила от Филоновича сотника на тот час Ивана Шоретского атамана городского, писара мѣсцкого, который писалъ при отцу Матвѣю священнику Святониколескому и при Ивану Самуйленку, Яцку Цибару, Василию Ярмоленку, при печати, туюжъ душеотходницу для дальшого часу вѣри данья, (аби) вписали въ книги мѣсткие ратушние. За упрошенъемъ врадъ, **Ивана Шоретского** на тотчас **сотника**, Григория Кириченка атамана городского, и за Прокопия Рубашного войта, Стецка Саенъка, Мартина Чурака, Ивана Безлюди ключника, за рочнихъ бурмистровъ и при людях инших зацних и вѣри годних, при Гордѣю еттору, Борисоглѣбскому, Ваську Сугонацъ и при Григорию Голубничомъ устне запрошоными въ ратушу для записанья, що ест и записано септевра 28, 1687 року

Писар Григорий Миколаевич рукою власною

131.

Мартинъ Нестеренко продалъ грунтъ въ Кучаковѣ и три нивы подъ Лебединомъ Алексѣю Скорикю и огородъ въ Кучаковѣ Андрею Бабиченку.

Року 1688, месяца мая 9 дня.

За владу сотництва Ивана Шоретского, на тотчас сотника Барышполского, Гордѣя Ковалювского атамана городского, а перед мене Стецка Исаенъка войта, Евлаха Груздувского, Тараса Дужченъка Полуляховского, Ивана Безлюди ключника ратушного рочних бурмистровъ, и при мещанех Петру Юсковичу Скабѣенку и Гнату Романовичу Мовчаненку и Пархому Вовку, Леску Долъ, Тарасу Верещацъ, на тотчас въ ратуши мѣской засѣдлыми будучы. Приходили перед нас врадъ, стороны, Алексѣй Скориченъко да Андрѣй

Бабиченко, жителѣ Баришпольские, една сторона, а другая сторона Мартинъ Нестеренко втожъ мешканецъ Баришпольский, который мѣючи грунтъ свой по змерломъ родичу своем (мат)чиного племя дялковский, лежащий въ селѣ Кучаковѣ ему власне належитый помѣжъ Романа Слусара зъ одной стороны, а з другой—помѣжъ садки, и который то огород из трома нивами подъ Лебединъ лежащими, продал реченому Алексѣви Скорикови за первую суму, зазолотих тринадцать и за шест грошей монетою готовою доброю, а другой огород продал из займищемъ Андрѣю Бабиченку¹⁾ за золотихъ вусѣмь. Теды нас, яко враду обѣдвѣ стороны просили до кнѣг мѣских о запис; аже мы, видячи помененую того Мартина добровольную продажу, а другой стороны skutечную куплю, казалисмо до кнѣг мѣскихъ записати. Дѣялося звишмененого року и дня.

Григори Михайловичъ писар мѣсткий рукою.

132.

Судъ надъ ворами Петромъ Тарасенкомъ, Конономъ Космаченкомъ и другими.

1696.

На врдѣ мѣскомъ в ратушу Борисполскомъ, предъ нами врадомъ, Феодоромъ Магировъскимъ сотникомъ на тотчас будучим, Микитю Левоненкомъ атаманомъ городовымъ, Тарасомъ Власенком войтомъ, Иваномъ Темеренкомъ бурмистромъ, Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ, и при нас зостаючихъ на тотчас засѣлих в ратушу, Иване Сахненку, Павлу Яковенку, Хведору Найдюшку и Панасу Захарченку, Матвѣю Проценку, Гришку, Хомѣ Прожейку атаманѣ курѣвном, для прислужючихся права и при товариству Василю Москалю, Гапону Тарану, Сидору Коваленку, Каленику Левченку и при многихъ такъ товариства и мешанъ, (яко и иныхъ людей

¹⁾ До сѣхъ поръ одно урочище въ Кучаковскомъ мѣсу носить названіе „Бабичевой Дубинькѣ“.

зацных), ставъши передъ суд наш Васил Налуйченко, Иванъ Колѣнко и всѣ зацние товариство скаржилися на пойманыхъ злочинцовъ, которыхъ изъ лицемъ ознайшовали, и же в нихъ двоухъ домохъ, из вовъторка на середу, комори повикрадали, такъ збожа, сала и инъшние хванѣти, и що могли тамъ захватили, которых на ймя доведемъ слушнымъ еще без жадной кари вышитовали. Признался напрод Петро Тарасенко, же они якъ би два ходили до Василя Налуйченка изъ Конономъ Костюченкомъ красти и тамъ побрали такъ збоже, яеожъ сало, которое тоижъ ноци, отнюе до Василя Дудъченъка в домовку тому перший доводъ, якъ знайшли впродъ нушкомъ збоже в загатахъ ¹⁾, такъ в Горькуновихъ, яко жъ пшено в Щегловѣ и полотъни, тогди вже тому признавъшися тот Петро Тарасенко, якожъ и Кононъ Костюченко, же тоижъ ноци з ними ходили и Лаврънъ Лотота и Василь Дудъченко, всѣ чотири разомъ, такъ до Налуйченка, якожъ и до Колченъка, Тогди наочне сказалъ Петро на брата Лавръна Тарасенъка: „чого вже маем таитися“, а Кононъ на Дудъченка тожъ посвѣдчилъ, же всѣ чотири тоей ноци крали. Которихъ взглянувъши ис саксона на онихъ злочинцов, якои достойни кари, теди згди казали впродъ слузѣ мѣскому публице ²⁾ на мѣстѣ ихъ бити поврозами; тогди всѣ чотири злочинци висвѣдчаючи еден на другого, призналис, якъ ходили першъ до Налуйченка, тамъ Кононъ Костюченко продравъши стрѣху, намъ тромъ выдавалъ, такъ збоже, сало, полотъно и що моглъ занять и во тѣми покравъши, иншние позагатахъ збоже поховали были, мало взявъшы из собою; пришовъшы до Колѣнъка, тамъ у комору впершися, тожъ сала покрали и иншние разѣ, которимъ всѣ чотири злочинъци призналис, же тие сала всѣ три, такъ Колѣнъково, якожъ Налуйченково отнесли до Тарасова сына Василя, еднакъже Налуйкового сала дошукавшис, изнайшлось в дому Тараса Дудъченка, которое самъ онъ Тарасъ Дудъченко своими руками далъ с своей комори Налуйченково сало, а тихъ двоухъ Колѣнко-

¹⁾ Загатай называється около Борисполя огорожа, устроєнная из соломы, поддерживаемой кольями.

²⁾ Publice.

вых не могли дошукатис и винайти. Прето тихъ злочинцовъ всѣхъ чотирохъ, кгда слуга мѣскій бючи поврозомъ през мѣсто до стовпа привязавъшы, ведле права, якъ в саксонѣ мовѣдчаеть, казалисмо онихъ злочинцовъ отдаливъши от места сродзе битъ и нещадно карат. Тогда оние злочинци в сему злomu своему учинку призналис, не тилко сегорочному, а бо тилко що в сихъ двоухъ персонъ покрали, але еще и що прошлого року шведи тежъ в Колѣнѣка сала покрали, якожъ в купцовъ Виницкихъ сливи сухие и иные овощи, всему тому злomu своему вчинку явѣному, злодѣйскому вчинку, призналис. За що на голоси люду посполитого, всенародного, казали онихъ слузѣ мѣскому крѣпко выбити изъ мѣста, и оголосити, жеби никто не важилъся такихъ злодѣевъ до домовъ приймовати и в мѣстѣ их не держати; а их жилища то ест домовки, росхитити и роскидати, бы не мѣли нигде пристанища и прибѣжища, яко злиѣ и небоячися Господа Бога проступѣци. А онимъ персонамъ, такъ Ивану Колѣнѣку, взираючи на ихъ згубу од тихъ злочинцовъ наказалисмо позосталимъ родителемъ нагородитъ, що не могли чого добра ихъ дошукатис; якож и Налуйченку, що оние были незбожние злочинци покрали, все свое доброе побрати, а чого не винашло тихъ нагородити. Которихъ злочинцовъ виволавъши изъ мѣста казалисмо все достовѣрно виписавъши, до книгъ мѣскихъ чорныхъ вписати. Писано в ратушу Борисполскомъ року 1696, месеца априля 27 дня.

А на потомъ по виписаномъ правѣ, призналъ Конон Костючокъ, же всѣ чотири крали тие комори, такъ в Налуйка, якожъ и в Колѣнѣка сала покравъшы отнесли до Тараса Дудѣченка изъ синомъ его Василем, еднакъ Налуйково винашли и самъ Тарасъ Дудѣка своими руками видалъ с комори своей тое сало Налуйково, а Колѣнѣкового не сказалъ.

За которие сала Колѣнѣку казалисмо мы, врадѣ, Костючковъ двуръ изъ огородомъ ариштват, нимъ за его сало улетитя тот Костючокъ. Тут же выражал на том контентѣ Колѣнѣко.

Иванъ Личенко зарѣзалъ быка у Сеньковскаго жителя Цибули.

Року 1697 месеца июля 26 дня.

Пред нами вradoмъ на тот час будучим **Миколаем Кораба-номъ** сотникомъ наказнимъ, Василем Москалемъ атаманомъ городo-вим, и при бытности Грицка Онисименка бурмистра, Процика Ев-хименка ключника ратушнаго и при товариствѣ Грицеу атаману курѣнному сотницкому Роману Павленъку, Василю Колѣпъку, Хведору Бубну, Трохиму Гриценку, Грицку Головцѣ, Грицку Вакуленку и при Стецку Билиловцю, Гарасиму Костанцю, Иовѣ Карпенку, Богдану Явубенку и при многихъ застаючихъ зацнихъ людех, позов давал Иванъ Цибуля жител Сенковскій за своего быка на Личенка Исая, овъчара, же его быка гнал из овечками своими до футора, де по (?) на его слѣду того быка знайшол. Прото мы врадъ доволне доходячи по жалобѣ его, казали становити свѣдка, которого поставил Бублика; ставши очевисто Тимошъ Бубликъ признал под сумленемъ души своей, мовечи: Пане враде! мы там поблизу орали при футори где тие изгони пасут, ажъ над вечеръ гналь Исая Личенко быка полового из своими овечками до футора; аже на потомъ тен Иван жител Сенковскій приходил нас же пытати такого быка; мы сказали, же такого быка гнал з овечками Личенко. Тогда тот Иванъ Цибуля, прихавъшы самотрет изъ чередникомъ и пастухомъ питалис Исая Личенка, где той быкъ подѣлся, що ти гналь з овечками до футора? тохди он сказалъ, що звѣръ избилъ того быка, и привюл их до падла, ажъ того быка задъ увес обдулпен, да стегна поотрѣзовано, а перед не луплен. Про то тот Цибуля изъ тими чередникомъ и пастухомъ для свѣдцтва скуру тую взяли и до нас привезли до вradу, которой огледали прилюдне кильакротне, ажъ немал того быка звѣръ моглъ погубит, тилко рѣзъ, бо и телбуги снайдени цѣлие у водѣ близъ падла. Овожъ гди конъчилося право, знову тотже Тимуш Бублик на очевисто ув очи Личенку говорил: „От ти кажешъ, же своего гнал быка, да твуй гнидый и менший, а се половый и болший“,

и розгорнувъши скуру: „От се власний Цибулин был быкъ“. Прето мы взявъши пораду своимъ при нас будущимъ товариствомъ, высилали Романа Павленъка и Храпъка, и тамъ вызнали пастухи и чередникъ, и стадникъ, же то падло бачили, задъ безъ шкури взято, а передъ зовсѣмъ изъ шкурою лежал, а телбухи окроме у воде; не звѣрь изъилъ, тилко скелото, до мяса задъ взято, которое близко футора и зостал, где лиг всѣхъ тихъ сторонъ документомъ виведъши не могли на Личенку лица явного, которому любо не знаишли лица, ведле доводу, же онъ того быка гналъ, на его слѣду падло рѣзаное знаишли, наказали правомъ нашимъ, бы того Цибулю погодил. Прото тотъ Иванъ Личенко заплативъши Цобули быка воведемъ мусиль просити, яко могучи, и погодивъши при между собою. вѣчисте поеднались. Теди мы врадъ, вислухавъши, ведле правды обоихъ сторонъ, привривъшыся декретомъ нашимъ, казали писарови нашему записат. Писано в ратушу Борисполскомъ, року и дня вишьписаного.

134.

Судъ надъ двумя Васялами (зять Диравощоковъ и зять Левковъ), обокравшими хлѣбную яму у дочери Косинскаго Марьи.

В року 1697, месеца марта 15 дня.

Предъ нами урадомъ Борисполскимъ Феодоромъ Магировскимъ сотникомъ, Микитою Лео(не)неомъ атаманомъ городовимъ, Гавриломъ Клименкомъ войтомъ, Иваномъ Курандою ключникомъ, приходилъ жаловатисъ Косинский старый изъ дочкою своею Марєю Острилихою вдовою, в которой покрадено жито изъ ямы, которая была в хлѣвѣ исхована и освѣдчили намъ врадъ, же молотили зъ молотъники в неѣ, Мари, зяти Левковъ ктитора Михайловскаго изъ зятемъ Диравощокого, обадва на ймя Васѣли, мовячи, же тие тилко знали, же вона в тую яму змолотивъши сыпала; тогда мы врадъ на жалобу Косинскаго зъ дочкою его, посылали есаулъчиковъ нашихъ и придавъши посторонного нашихъ товаришовъ, бы ихъ, Левъка двуръ

истресли; которые пойшовъшы до Левъка найшли лице, покраденое жито, такъ на городѣ, яко и в сѣнцяхъ; которихъ тихъ злочинъцовъ обохъ, гди приведено предъ врьдъ наш до ратуши, добровольне призналис, без кары будучи, же тот Диравощоков зять Васил, в ночѣ откопал яму, а откопавъши, пришовъши сказал тожъ Василю, зятю Левъковому и Левъку своему господару; теди они всѣ три поймавши злодѣйскимъ способомъ тое жито, колко было в тий ямци, выкрали и переносили до Левъка; который тожъ признался Левъко, же з ними ходил вкупѣ и крали заедно в ночѣ. За которое ихъ явѣное злодѣйство, ведле саксону глядячи, ведле права святого, же побоймъ не призналис, тилко першъ впали в явѣное злодѣйство, казалисмо слузѣ мѣскому тихъ злочинцовъ до стовѣна привязавъшы, публице, на мѣстѣ, поврозамы през слугу мѣского бити, питаючися шкодѣ болшѣ; тогда болши не призналис, кромѣ того жита, же в дочки Косинского покрали; которыхъ достатечне слуга мѣский бючи в стовѣна якъ потреба было, яко явѣныхъ злочинъцовъ, отдаливъши ихъ отъ чести казали публице всего мира из мѣста вигнати; а вигнавъши приказали кождому з народу жителей наших в мѣсти не приймават, и на фольваркахъ не держатъ, яко доводныхъ, явныхъ злочинъцовъ. А виволавъшы ихъ з мѣста, казали (т)ихъ злочинъцовъ до книгъ мѣскихъ чорнихъ записат, що и записано.—Писано в ратушу Борисполскомъ року и дня вишѣписаного.

135.

Судъ надъ ворами Гряцкомъ Жигалкою и другими.

Року тисеча шестсот деветдеят осмого ноеврия месяца во ден пятый.

По розказаню его царского пресвѣтлого величества войска запорозского полковника Переяславъского Ивана Мировича, будучи мы всланые Василей Барановский а Константин Яскович Следзинский, сполне изъ урадомъ мѣскимъ Феодоромъ Магировскимъ

сотникомъ на тотчасъ будущимъ а Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, изъ Гавриломъ Клименкомъ войтомъ и Богданомъ Якубенъкомъ бурмистромъ, засѣдлисмо на справу злодѣевъ оказавъшихся жителей Борисполскихъ; о чомъ вгди учинилисмо инъквизицію, теди явѣно оказалось на Грицка Жигалченка, же укралъ пару волувъ в Березанѣ, а продалъ в Киевѣ, о чомъ и отецъ его зналъ, Иванъ Жигалъа, живучи изъ сыномъ въ одной хатѣ. За якое дѣло злочинное правомъ нашимъ полковимъ, з мѣста росказалисмо Грицка вигнати катови, давши кару, а отца, Ивана Жигалъку, на худобѣ з увагою каралисмо, же сына своего не учил. На томже мѣсцю и тогожъ часу выводилисмо инъквизицію, мы всѣ вишьописаные висланые и уряд мѣскій о злодѣя Ивана Миколаенъба и на Павла брата его, якие вкупѣ жили и въ одной хатѣ; теди на Ивана Миколаенъба оказалось скутечне и певѣне всѣмъ вѣявъ, же укралъ коня цыганского и продалъ подданному Видубицкогю монастыря, и того коня цыганъского познал и на правѣ нашемъ истинговал на Ивана, о чомъ и Павло знаючи, еднакимже оказалъся, яко и братъ его, злодѣемъ; бо у Павла, на ярмарку тутже Борисполскомъ, Кузма Братченко, ковал, чоловикъ честный, позналъ власную свою шапу, якая шапа и пропала в рукахъ москалей, цале па вѣки, бо он Павелъ з москалями держалъ переводъню купно кунми миняючи; якимъ дѣломъ и торгомъ миняльницкимъ они сами сказали же бавятся давно. Прото мы врадъ, ведлугъ права святого росказалисмо, абы Павло вини злодѣйские на его милостъ пана полковника отдалъ копъ три; якую вину отибравшы не каралисмо болшей, тилко язенемъ, а брата его Ивана из мѣста, посполу з Грицкомъ Жигалъкою обнажонихъ з мѣста катъ вигнал, выбивъшы у принкгера. Дла чего до сихъ книгъ чоръныхъ мѣскихъ доводне всѣхъ чотирохъ злочинцовъ уписавъшы для снадънейшого увѣдомленя до всякого права и суду, якъ того укажетъ потреба, симъ нашимъ згоднымъ, всѣхъ нас, вишей описаныхъ особъ декретомъ узнаемъ. Дѣялося в ратуши Барышполскомъ року, месяца и дня вишей писаного.

136.

Судъ надъ ворами Максимомъ Скуберенкомъ и другими.

Року 1698 месеца декавра 21.

Предъ нами вradoмъ Хведоромъ Магировъскимъ сотникомъ Борисполскимъ, Микитою Левоненкомъ атаманомъ городовымъ, Гавриломъ Клименкомъ войтомъ, Богданомъ Якубенкомъ бурмистромъ Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ и при нас на тотчас будучих на судъ, Григорию Гордѣенку, Ивану Сахненку, Павлу Яковенку, Гришку Захарченку, а Панасу Рудковому, Назару Тимушенку, Хведору Бубну, Илѣи Храпченку товариству, а при мещанахъ Яцку Литовцу, Стоцку Исаенку, Проциву Евхименку и при многихъ на тот час зостающихъ, доводъ слушный и явное показало злодѣйство на Максима Скуберенка и на Юрка сусѣда его, иже запомнѣвши Господа Бога и боязни его святой ис порады дьявольской кусилис в ночь пошовшы до Гната Рабчонка, мещанина, покрали гречку ис куфи болшь вежели осмачокъ три, подчас до рожнети, о которой слѣдомъ дошли на тихъ злочинцахъ, которые тие злочинци и сами на собѣ явно своему явному злодѣйству призналис, же ни от кого не научени, а тилко сами на тое кусилис, аже за их злодѣйский проступокъ читали взгляду ис саксона, такъ описуеть: ежели за першое проступство саксонъ описуеть поврозами привязавшы до слупа, выбить из мѣста, яко злочинцу вигнать, бы ихъ злине непорядки от ихъ не дѣяло, которыхъ служѣ мѣскому казали бити без фолжки карати; а ихъ явный проступокъ записат и до книгъ чорныхъ, як злочинцовъ записат. Писано в ратуши Борисполскомъ року и дня вишъписаного.

Тотже Максимъ Скуберенко, же такъ его за гречку карали, знову признался своему явному злодѣйству же покрад пчолы в Яцуги Грицка, и многие пакости людям Борисполцом де що в кого на . . ча крадено. Тогда всѣ народи на его голосами мовили, бы

такого злого и явного злочинъцю и признавъцю не держали в мѣстѣ, але жилищо его на старшину взяти, бы тамъ болшь жиючи, не чинил шкод народу. Видячи мы врьдѣ на такъ народъное жаданне приказалисмо не щадячи его, такъ проч из мѣста слузѣ мѣскому вигнати, бы южъ и не звался призванцемъ Борисполскимъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Копія.

Zygmunth III

z Bożey łaski król Polski Wielkię Xiążę litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmądzkie, Inflamskie, y Swedski, Gotski, Vandalski dziedziczny król. Oznaymujemy tim listem naszym, wszem wobec y każdemu zosobna komu to wiedzieć należy, isz my za przyczyną niektórych PP. Rad naszych, imieniem Wielmożney Zophiey Wielmożnego niegdy Jana Daniłowycza, Woiewody Ruskiego, małżonki pozostały, donas na seymie teraznieyszem chcąc, aby miasteczko iey Dziedziczne Baryszpol nazwane przez niegdy Wielmożnego Stanisława Żółkiewskiego rza y Hetmana koronnego oycy swego założone w woiewodztwie kijowskim leżące dla dostatków y pożytków sé y w nich pomnożenie brać mogłe, pozwolamy miasteczku temu, aby wnim targy wkażdym tegodniu wponiedziałok czwartek, a iarmarki wkażdym roku na święta ruskie, pierwszy na Wodochrzyszcze, drugi na Ilija, według ruskiego przyspadaiające wiecznemy czasy odprawowane były, iednak bez szkody y ublizenia ynszych miasteczek temu przyległych. Na które targy y iarmarki ludziom którego kolwiek stanu y condiciey będący i onego miasteczka Baryszpola zewszystkiemy handlamy towarami y rzeczami iakimi kolwiek wol ę przysyiezdzać y tam bezpiecznie y spokojnie każdemu kupować, przsedawać, towary zatowary zamienia ystkie potrszeby bezżadney przesz-

kody y zatrudnienia odprawować. Dla tego wszyscy ci którzy do tego zka na targy y iarmarki przysiedzzać, y stamtąd odiezdzać będą, takiego bezpieczeństwa iakiego wszys zagleitem naszym wobronie naszej będączy zażywaio zażywać, zana byle iaczy nie byli, których prawo pospolite przyswiliowane wiecznemi czasy, którzy między dobrimi ludzmi mieysca mieć niemogo. Naco dla lepszey wiary ręko się naszo podpisawszy pieczęć wielką koronną przyszyżyć roskazaliśmy. Dan w Warszawie na Seymie wielkim koronnym dnia XXVII miesiąca stycznia roku panskiego MDCXXIX panowania krolewstw naszych polskiego XXXXII Swedskiego XXXVI roku.

Sigismundus Rex Pavlus Koludzki.

Мѣсто печати королевской на шнуре шелковомъ приложенной въ кришкѣ желѣзной.

Сподлинного сводиль козакъ и житель Борисполскій Гаврило Лукіановъ сынъ Храпченковъ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по 8 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по 1 р.

Здѣсь же продаются чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца кн. I—V.

Издатель Н. М. Гамалѣй.

За редактора Е. Кивлицкій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТР.
I. СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (Продолженіе). Проф. Н. Ф. Сумцова.	141—159
II. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВЯЩЕННИКА О. НИКИФОРА ХМЪЛЕВСКАГО ОБЪ УПРАЗДНЕННОМЪ БАЗИЛІАНСКОМЪ УЧИЛИЩЪ ВЪ Г. УМАНИ. Свящ. Вик. Ильяшевича	160—167
III. ХАРЬКОВСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ. С. Р	168—198
IV. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	199—216
V. БОГУСЛАВСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ. 1808—1860 годы. П. Клебановскаго.	217—224
VI. БЪЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ. В. Соколова	225—245
VII. ЗАПИСКИ МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).	246—258
VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи Саввы Чалаго. В. А. б) Благодарственное письмо Импер. Елисаветѣ Петровнѣ за возвращеніе Кіевской кафедрѣ митрополитанскаго титула. Протоіерея П. Орловскаго. в) Къ преданіямъ о гр. Потоцкомъ. Свящ. Вик. Ильяшевича. г) Жалоба переяславскаго полковника на укрывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760 г.). А. А. д) Указъ изъ канцеляріи Московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ сбѣжавшаго студента кіевлянина. А. А. е) «Никому не принадлежащій табакъ въ погребѣ кіевскаго магистрата (1723 г.). А. А. ж) Святочные подарки отцу протоіерею. П. Кнителина.	258—268
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. И. Каманина. б) Этнографическое Обзорніе. Изданіе этнограф. отдѣла Импер. общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при москов. университетѣ. Я. Ш. в) Analecta byzantino-russica. Edidit W. Regel. Petropoli. A. MDCCCXCI. П. Г. г) Библиографическая замѣтка. А. С—ча. д) Обзорніе журналовъ.	269—292
ПРИЛОЖЕНІЕ :Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.	

СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. ¹⁾

Однимъ изъ лучшихъ трудовъ г. И. представляется рядъ его статей въ 2 и 4 кн. Этнограф. Обозр. 1890 г. и во 2 кн. 1891 г. подъ заглавіемъ „Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ“. Это сборникъ и въ то же время изслѣдованіе. И по содержанию и по приѣмамъ изложенія трудъ интересный, одинаково полезный и для этнографа и для изслѣдователя народной словесности, въ особенности по вопросахъ о воздѣйствіи на нее апокрифической литературы. Въ Россіи есть только одинъ сборникъ легендъ Аванасьева, да и тотъ попалъ въ index librorum prohibitorum и составляетъ нынѣ библиографическую рѣдкость. И въ настоящемъ случаѣ я не имѣю его подъ руками и сужу о его содержаніи только по обширной рецензіи А. Н. Пыпина въ „Современникѣ“. „Цѣнность всякаго человѣческаго произведенія, говоритъ г. Ивановъ, опредѣляется не только стоимостью матеріала и изяществомъ отдѣлки его, но также и тѣмъ, насколько отражается въ немъ характеръ времени и народнаго быта, насколько оно характерно вообще для своей эпохи и своего народа. Даже въ томъ скудномъ по количеству матеріалѣ, какой собранъ нами въ купянскомъ уѣздѣ, мы находимъ въ обрисовкѣ личности ан. Петра яркія черты, характеризующія малоросса такимъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своемъ прошломъ и какимъ остается отчасти и теперь, не смотря на измѣнившіяся условія гражданственности. Сильно развитое чувство

¹⁾ Киевск. Стар. 1892 г. № 7.

личности, протестующее противъ фатализма, стремленіе къ общественной справедливости, вызывающее неустанное исканіе правды на землѣ, личная инициатива въ возбужденіи и рѣшеніи вопросовъ какъ нравственныхъ, такъ равно и общественныхъ, братская любовь къ людямъ, исключаящая, однако, всякую мистическую темноту, смотрящая прямо на людскіе недостатки,— вотъ важнѣйшія нравственныя черты, отмѣчаемыя въ этихъ легендахъ“. (Этногр. Обозр. 1891, II, 110).

„Нравоучительный элементъ легендъ, замѣчаетъ г. Ивановъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи, раскрываетъ передъ нами идеаль не только той среды, гдѣ легенда получила свое начало, но и того общества, гдѣ она пользуется наибольшимъ распространеніемъ, такъ какъ самый фактъ сохраненія и распространенія ея въ томъ или иномъ мѣстѣ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что она соотвѣтствуетъ извѣстному настроенію народа, удовлетворяетъ духовнымъ потребностямъ его“.

Всѣ эти замѣчанія, въ сущности основательныя и справедливыя, могутъ быть односторонне понятыми, если относить ихъ исключительно къ малороссамъ. Точно такія же легенды, какія встрѣчаются среди малороссовъ, съ чертами стремленія къ общественной справедливости, исканія правды на землѣ, съ чертами любви къ людямъ, встрѣчаются и у другихъ культурныхъ народовъ, напр., французовъ; въ области легендъ національныя особенности народа несомнѣнно проявляются, но сравнительно въ немногихъ легендахъ; любопытно, что въ легендахъ вполне отсутствуетъ какое-либо вліяніе вѣроисповѣдныхъ различій народовъ.

Отмѣчаемъ вкратцѣ содержаніе легендъ, нашедшихъ мѣсто въ статьѣ г. Иванова, съ указаніемъ на нѣкоторыя однородныя явленія въ словесности другихъ народовъ.

Въ началѣ статьи (1890, II, 143—144) г. Ивановъ дѣлаетъ дѣльное замѣчаніе, что въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ и повѣрьяхъ ап. Петръ является подъ именемъ *св. Понидилка* въ положеніи райскаго привратника или проводника душъ черезъ огненную рѣку. Г. Ивановъ привлекаетъ къ сравненію апокрифъ о хоженіи Богородицы по мукамъ. Вѣрованіе въ св. Понидилка

стоитъ въ связи съ обычаемъ „понеделкованія“—поста замужнихъ женщинъ по понедеѣльникамъ. Объ этомъ обычаѣ была замѣтка г. *Василенка* въ 1 кн. „Кіевской Старины“ 1887 г. и небольшое, но цѣнное изслѣдованіе *Чернышова* въ 4 кн. „Кіев. Стар.“ 1887 г. Чернышовъ возводитъ начало обычая въ глубокую древность, въ эпоху устроенія брачныхъ отношеній по типу моногамическому, когда обычай этотъ могъ имѣть значеніе брака „на три четверти“, т. е., нѣкотораго нарушенія супружескаго цѣломудрія женщины въ пользу тѣхъ мужчинъ, съ которыми она ранѣе жила. Это объясненіе обычая, хотя и оставленное широкими историко-культурными комментаріями, представляется сомнительнымъ. Сообщение г. *Иванова* о Понедилкѣ бросаетъ на обычай понеделкованія новый свѣтъ, и даетъ мнѣ поводъ высказать предположеніе, что въ обычаѣ понеделкованія отразилось сильное вліяніе на народную мысль такихъ апокрифовъ, какъ „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ и „Павлозо Видѣніе“, въ частности легендъ объ ап. Петрѣ.

Легенда о св. Петрѣ и злой женѣ представляетъ вариантъ легенды, напечатанной въ „Малор. нар. преданіяхъ“ Драгоманова подъ № 27. Содержаніе легенды въ короткихъ словахъ состоитъ въ томъ, что было одно время, когда женщины верховодили въ семьѣ, по желанію ап. Петра, и въ это время одна злая женщина, нанося побои мужу, прибила и странника—ап. Петра, ночевавшаго въ ея домѣ. Г. *Ивановъ* усматриваетъ въ этой легендѣ отзвукъ существовавшаго нѣкогда главенства женщинъ. Вѣроятнѣе будетъ предположеніе о простой шуткѣ. Подобнаго рода легенды встрѣчаются у другихъ народовъ. Въ польской легендѣ Спаситель и ап. Петръ заночевали въ корчмѣ, когда была тамъ свадьба. Парубки разбудили ап. Петра, спавшаго на кровати съ краю, и заставили его танцовать. Послѣ танцевъ усталый ап. Петръ легъ къ стѣнѣ, чтобы его не беспокоили. Парубки сказали: „Давайте заставимъ танцовать и другого странника, что спитъ у стѣны, и, не обращая вниманія на протесты ап. Петра, снова заставили его танцовать, а Спаситель все время спокойно почивалъ (*Wisla* 1891, 625). Эта польская легенда совпадаетъ съ малорусскими по нѣкоторымъ мотивамъ. Съ малорусской ле-

гендой тожественна бѣлорусская о томъ, что у женщинъ была отнята власть за грубое обращеніе съ ап. Петромъ одной злой женщины, въ Смолен. Этногр. Сборникъ *Добровольскаго* подъ № 62, и польская сказка въ *Przeглядъ Akademicki* 1881, II, 146.

Легенды о богатомъ и бѣдномъ, какъ богатый отказалъ Спасителю въ ночлегѣ, или отказался въ дорогѣ подвезти усталого Спасителя, а бѣдный принялъ, и у бѣднаго же, по волѣ Господа, волки съѣли единственную корову. Ап. Петръ негодуешь на несправедливость Спасителя. Спаситель сказалъ, что съ этой коровы должна была начаться моровая язва. Легенды такого содержанія весьма популярны. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды, причемъ во второй встрѣчается нѣсколько вставныхъ мотивовъ, именно мотивъ о своеобразномъ наймѣ бѣднаго въ работники („за великодный обидъ“), оригинальный мотивъ о побратимствѣ бѣдняка съ ангеломъ, который передавалъ своему побратиму рѣчи Спасителя и ап. Петра. Въ сходной легендѣ, вкратцѣ сообщенной г. Ивановымъ, работнику вмѣсто ангела помогаетъ смерть, ставшая ему названной сестрой послѣ того, какъ онъ далъ ей разговѣться пасхой, полученной имъ вмѣсто платы за цѣлый годъ работы. Четыре легенды разбираемаго мотива напечатаны въ „Малор. нар. преданіяхъ“ Драгоманова, 110—120.

Легенда о краткой, но искренней молитвѣ представляетъ вариантъ двухъ легендъ о томъ, какъ святые молились въ старину, изданныхъ въ „Малор. нар. преданіяхъ“ Драгоманова, стр. 141—142, изъ которыхъ одна записана г. Мурашкою въ черниг. губ., другая г. Манжурой въ екатериносл. губ. Свою всѣ три легенды: св. ап. Петръ (у г. Ив.), дѣдъ или просто человекъ (въ друг. вариантахъ) замѣтилъ, что какой-то человекъ (у Манжуры голый) перепрыгиваетъ черезъ пенькъ съ одной стороны на другую и обратно, приговаривая: „Оце тоби, Господи, а се мини, Господи!“ Ап. Петръ обучаетъ его молитвамъ. Странный богомолецъ съ трудомъ ихъ усваиваетъ. Когда ап. Петръ удалился, богомолецъ забылъ молитвы, побѣждалъ за нимъ, чтобы подучиться, нагналъ его при переходѣ черезъ рѣку и пошелъ по водѣ, какъ по суху. Увидѣвъ это, ап. Петръ ска-

залъ пустыннику: „молись, какъ молился“, и поклонился ему. Въ вариантѣ г. Манжуры приведена мораль легенды: „молись по своему та одъ сердца“. Г. Ивановъ замѣчаетъ, что „настоящая легенда представляетъ лучшее объясненіе, почему расколъ старообрядчества не имѣлъ успѣха въ Малороссіи“. Подъ этимъ замѣчаніемъ почтеннаго этнографа скрывается практической выводъ болѣе широкій, чѣмъ позволяютъ сравнительно-литературные факты. Эта прекрасная и поучительная легенда не чужда и великоруссамъ, не смотря на развитіе среди нихъ раскола старообрядчества. Графъ Л. Н. Толстой передалъ великорусскій вариантъ этой легенды въ рассказѣ о трехъ старцахъ, только и знавшихъ, что восклицать: „трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ!“ Проѣзжавшій случайно архіерей научилъ ихъ молитвамъ, которыя были ими усвоены съ большимъ трудомъ. Забывъ нѣсколько словъ изъ молитвы, старцы побѣжали за архіереемъ по морю, какъ по-суху.

Основная мысль русскихъ легендъ о краткой молитвѣ разрабатывается также въ легендарной словесности западно-европейскихъ народовъ. Такъ, существуетъ граціозная французская легенда (изъ Нижней Бретани) слѣдующаго содержанія: Одна молодая дѣвица (Францеца Арбайль) потеряла отца и мать. Она жила въ бѣдной хижинѣ подъ соломенной крышей, и все ея имущество состояло изъ кошки, цыпленка и прялки. При всемъ томъ она была всегда въ хорошемъ расположеніи духа, по праздникамъ утромъ ходила въ церковь, вечеромъ участвовала въ хороводахъ и пѣла. Родители ея были люди порочные и не выучили ее молитвамъ. Она не знала даже молитвы „Отче нашъ“ (*ni Pater, ni Noster, comme on dit*). Однако она ежедневно утромъ и вечеромъ произносила слѣдующую молитву собственнаго сочиненія: „Да благословитъ Богъ мой домъ и мой очагъ, и да будетъ пресв. Богородица охранительницей моего ложа, а апостолы охранителями моего порога“. Въ селѣ стали замѣчать, что по ночамъ у хижины дѣвицы бываетъ много мужчинъ. Про дѣвушку пошли дурные слухи. Мѣстный священникъ даже сдѣлалъ ей внушеніе относительно соблюденія нравственности. Дѣвушка не признавала за собой никакой

вины. Когда, однажды, священникъ ночью пошелъ посмотрѣть, что за люди собираются на ея дворѣ, то увидѣлъ, что 12 апостоловъ стояли на охранѣ ея дома. Мораль же: краткая, но искренняя молитва пріятнѣ Богу, чѣмъ большія молитвы, не отъ сердца сказанныя (*Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, I, 144—147*).

Легенда о томъ, какъ Христосъ съ апостоламъ Петромъ поле пахалъ (Этн. Об. 1890, IV, 72—74) удачно сопоставлена съ колядками о паханіи поля Христомъ и ап. Петромъ. *Н. А. Янчукъ* въ подстрочномъ примѣчаніи (на стр. 73) указалъ много изслѣдованій и сборниковъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ эту легенду.

Легенда о томъ, какъ ап. Петръ пожелалъ, чтобы скупецъ подавился хлѣбомъ, нашедшая мѣсто въ сборникѣ г. Ив., встрѣчается также, какъ указалъ г. Янчукъ на 78 стр., въ сборникахъ великорусскихъ легендъ Аванасьева, Садовникова и Иванническаго. Въ сходной французской сказкѣ ап. Петръ скрылъ отъ Христа кусокъ хлѣба. Христосъ, поддерживая разговоръ, не даетъ ап. Петру времени съѣсть хлѣбъ. (*Luzel, Légendes chrétiennes, I, 17*).

Легенда о стоколосѣ тождественна съ ранѣе напечатанными у Чубинскаго I. 84, 154 и Драгоманова, 14. Объ этой легендѣ см. въ ст. *Н. Сумцова* „Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ“ стр. 11—12 и статьяхъ *А. Ивановскаго* и *В. Калмаша* въ VII кн. Этногр. Обзор. 263—265.

Легенда о награжденіи добрыхъ и наказаніи злыхъ представляетъ, какъ указалъ уже г. Янчукъ, вариантъ легендъ въ сборникахъ Аванасьева и Драгоманова. Эта легенда интересна по символической картинѣ ада и рая (криница съ жабами и криница съ чистой водой), возникшей, быть можетъ, подъ вліяніемъ апокрифическаго Видѣнія ап. Павла или другихъ родственныхъ ему апокрифовъ о загробномъ мірѣ. Эта легенда стоитъ въ связи съ разобранной выше легендой о богатомъ и бѣдномъ. Сходныя легенды у Драгоманова, 110—120.

Легенда о Маркѣ богатомъ приведена въ сборникѣ г. Иванова въ двухъ вариантахъ. Г. Янчукъ указалъ въ примѣчаніи

на варианты въ сборникахъ сказокъ Аѳанасьева, Чубинскаго, Драгоманова и Романова. Марко богатый просить къ себѣ въ гости Христа и ап. Петра. Когда они пришли въ видѣ нищихъ, Марко не узналъ ихъ и отослалъ къ бѣдной вдовѣ. Господь сказалъ, что къ сыну бѣдной вдовы перейдетъ все состояніе Марка. Маркъ покупаетъ ребенка и бросаетъ его въ лѣсу на снѣгъ; но ребенокъ былъ спасенъ проѣзжими купцами. Когда онъ выросъ, Маркъ взялъ его къ себѣ въ работники и отправилъ къ женѣ съ письмомъ, въ которомъ находился приказъ убить его; но старикъ (ап. Петръ) переписалъ на дорогѣ письмо, и жена выдала за молодаго человѣка дочь Марка. Наконецъ, Марко посылаетъ зятя на заводъ, гдѣ жили черти, и призываетъ чертѣмъ разорвать перваго пришедшаго. Зятя удержала молодая жена, и когда Марко пошелъ на заводъ, то вышелъ первый и былъ разорванъ чертями. Въ вариантѣ Марко бросаетъ ребенка въ море два раза; первый разъ его спасли рыбаки, во второй монахи.

Сказки о Маркѣ богатомъ встрѣчаются у многихъ народовъ подъ другими только заглавіями и большею частью съ замѣной Марка дьяволомъ. Такъ, известна французская сказка такого содержанія „Le fils du diable“ (*Cosquin*, I, 158—165), французская легенда „Saint Etienne“ (*ib.* II, 231—233), сказка индійская (*Минаевъ*, § 46), греческая (*Hahn*, № 68), чешская, вестфальская, венеціанская, занзибарская (*Cosquin*, II, 233) Обыкновенно сказки начинаются съ того, что дьяволъ (=Марку) покупаетъ ребенка, и послѣдній дѣлается силачемъ, нигдѣ не можетъ ужиться и разгоняетъ самихъ чертей въ аду. Въ малорусской сказкѣ Марко посылаетъ зятя на заводъ, чтобы его разорвали черти; во французской—хозяинъ мельницы посылаетъ работника на мельницу, гдѣ было 12 чертей; черти разбѣжались отъ страху, и работникъ притащилъ домой мельницу. Сказки о Маркѣ проклятомъ (или богатомъ) переплетаются со сказками о необыкновенномъ наймѣ силача работника.

Легенда о врачѣ и смерти въ сборникѣ г. Иванова связана съ именемъ ап. Петра. Бѣдный крестьянинъ накормилъ ап. Петра и получилъ отъ него такое зелье, что сталъ видѣть

смерть у кровати больныхъ и предохранять отъ нея, переворачивая больныхъ головой туда, гдѣ были ноги. Такъ онъ спасъ отъ смерти многихъ больныхъ и нажилъ большія деньги; но въ концѣ концовъ самъ умеръ. Эта легенда встрѣчается у многихъ народовъ, большею частью безъ ап. Петра. Такъ, намъ извѣстны сходныя сказки: великорусская (*Садовниковъ* §§ 88, 92, 104), сербская (*Караджичъ* 145), польская (*Ciszewski* въ IX т. *Zbiog wiadomosci*), ново-греческая (*Carnoy et Nicolaides*, 144, 172), монгольская (*Потанинъ* IV, 498). Къ этому циклу сказокъ тѣсно примыкаютъ сказки и легенды о томъ, какъ Богъ старику или старухѣ возвратилъ молодость (сварилъ въ горячей водѣ или въ кузницѣ выбилъ на наковальнѣ молотомъ); таковы французскія легенды у *Luzel* I, 34, 39 и *Cosquin* 30, ново-греческая у *Nicolaides* 61, индійская у *Минаева* § 42, цѣлый рядъ великорусскихъ и малорусскихъ. Слабый малорусскій вариантъ у *Чубинскаго* II, 355. Полный вариантъ у *Драгоманова* 403—406.

Легенды объ ап. Петрѣ и волкахъ, въ которыхъ ап. Петръ распоряжается волками и назначаетъ, что имъ ѣсть. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды. Эти легенды или относятся къ Юрію, и имя ап. Петра представляется случайной замѣной, или представляются искаженіемъ одного мотива легенды о богатомъ и бѣдномъ, гдѣ также фигурируетъ волкъ.

Легенда о возникновеніи лжи (или о цыганахъ). Цыганъ просилъ ап. Петра спросить у Бога, какъ жить цыганамъ. Богъ сказалъ: „що знавъ, кажы, не знаю; що чувъ, кажы, не чувъ; що бачывъ, кажы, не бачывъ; що бравъ, кажы, не бравъ“. Легенда записана въ сл. Радьковскіе Пески купян. уѣзда. Г. Ивановъ склоненъ усмотрѣть въ этой легендѣ мнѣніе малороссовъ о цыганахъ, какъ народѣ лживомъ. Это мнѣніе не исключительно малорусское и не характерно для малороссовъ. Во французской легендѣ у Христа и ап. Петра была корова, которая производила часто отраву въ сосѣдскихъ поляхъ, такъ что Христосъ послалъ ап. Петра на базаръ продать корову. Цѣна назначена была небольшая, и покупатели находились; но ап. Петръ всякому покупателю сообщалъ, что корова

норовистая, и никто ее потому не купилъ. Когда корова была приведена домой, Христось выбранилъ ап. Петра и сказалъ, что въ этой странѣ нельзя продать коровы, не скрывъ отъ покупателей ея недостатки (*Luzel*, I, 15—16). Бѣлорусская сказка о томъ „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли“ (*Добровольскій* I, 290) заключаетъ въ себѣ также мотивы воровства и лжи въ другой литературной обработкѣ.

Легенды о солдатѣ, съѣвшемъ сердце овцы, приведены въ сборникѣ г. Иванова въ трехъ вариантахъ. Въ двухъ вариантахъ солдатъ, а въ третьемъ священникъ присоединился въ дорогѣ ко Христу и ап. Петру. Спаситель поручилъ солдату зажарить на ужинъ овцу (въ вар. козу), но не ѣсть у нея сердца. Солдатъ овцу зажарилъ и сердце съѣлъ. На вопросъ Спасителя, гдѣ дѣлось сердце овцы, солдатъ отвѣтилъ, что у ней не было сердца. Вскорѣ Спаситель съ ап. Петромъ и солдатомъ проходили черезъ рѣку, и солдатъ сталъ тонуть. Спаситель нѣсколько разъ спрашивалъ у него, не онъ ли съѣлъ у овцы сердце, но солдатъ отвѣчалъ отрицательно и все болѣе и болѣе погружался въ воду. Спаситель извлекъ его изъ воды. Вскорѣ Христось нашелъ мѣшокъ съ деньгами и раздѣлилъ деньги на 4 части, сказавъ, что двѣ части получить съѣвшій сердце. Тогда хитрый солдатъ признался съ цѣлью получить двѣ части. Въ третьемъ вариантѣ священникъ похищаетъ у Спасителя просфору. Во второмъ вариантѣ г. Иванова находится посторонній мотивъ о лѣченіи дочери богатаго человѣка; въ первомъ вариантѣ также особый мотивъ о томъ, какъ Христось смолотилъ у одного крестьянина хлѣбъ, спаливъ его соломѣ, а хитрый солдатъ, подражая Спасителю, спалилъ весь хлѣбъ и поплатился за свое корыстолюбіе.

Эта легенда принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ. Г. Янчукъ указалъ на варианты въ сборникахъ Аванасьева, Чубинскаго и Драгоманова. Добавимъ еще слѣдующія указанія: Встрѣчается нѣсколько французскихъ сказокъ на эту тему; крестьянинъ съѣдаетъ печенку барана въ сказкѣ *Le foie de mouton* у *Cosquin'a* № 30 или сердце ягненка въ сказкѣ *Porrant* у *Luzel* № VIII; въ обѣихъ французскихъ сказкахъ на-

ходится мотивъ о возвращеніи молодости или лѣченіи болѣзней Христомъ и солдатомъ. Къ этимъ французскимъ сказкамъ ближе стоитъ второй вариантъ г. Иванова. Съ первымъ вариантомъ (объ утопавшемъ солдатѣ) весьма сходна польская сказка изъ-подъ Кракова, въ которой роль солдата играетъ жидъ, укравшій сыръ (*Wisła* 1891, 626). Въ польской сказкѣ нѣтъ мотивовъ о лѣченіи и чудесной молотьбѣ. Въ испанскихъ сказкахъ солдатъ или крестьянинъ получаетъ отъ Христа наказаніе за такую же провинность; въ швабской и гессенской сказкахъ отъ ап. Петра; въ сказкахъ италіанскихъ выступаетъ таинственный старикъ. Эта легенда встрѣчается у старинныхъ писателей, напр., у Монтана (1551 г.). Въ италіанской повеллѣ XIII в. о Богѣ и жонглерѣ, послѣдній съѣдаетъ козлиныя почки. Въ одной персидской поэмѣ XIII ст. христіанскаго происхожденія повторяется тотъ же эпизодъ о похищеніи хлѣба (*Cosquin* I, 285—288). Одинъ вариантъ этой легенды проникъ и въ *Gesta Romanorum*, гдѣ поварь, съѣвшій сердце кабана, увѣряетъ попомъ короля, что кабанъ былъ безъ сердца.

Эпизодъ о чудесной молотьбѣ, извѣстный по русскимъ сказкамъ въ сборникахъ Аванасьева, Драгоманова и Иванова, встрѣчается также въ западно-европейскихъ сказкахъ, напр., во французскихъ въ *Légendes chrétiennes Luzel* I, № 6 и въ *Contes populaires de la Haute-Bretagne Sebillot* (пересказана кратцѣ у Люзели).

Сказаніе о томъ, почему на хохлѣ чортова голова въ сборникѣ г. Иванова вставлено въ число малорусскихъ народныхъ легендъ. Эта легенда, повидимому, зашла въ Малороссію изъ Великороссіи, какъ насмѣшка надъ малоруссами; и въ Малороссіи удержалась, какъ объясненіе происхожденія браннаго выраженія „чортова голова“. Содержаніе легенды состоитъ въ томъ, что однажды чортъ бился съ хохломъ; ап. Петръ въ гнѣвѣ снялъ имъ головы. Господь приказалъ понадѣвать имъ головы, и ап. Петръ по ошибкѣ чорту надѣлъ голову хохла, а голову чорта на хохла. Г. Янчукъ въ примѣчаніи на стр. 92 указалъ на аналогичный чешскій разговоръ, съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь роль хохла играетъ баба (*Roubovana baba*). Аналогичная бѣлорусская

сказка „якъ Никола бабу разымаль у драки съ чортомъ“ напечатана въ Смоленскомъ Этнографическомъ сборникѣ г. *Добровольскаго* стр. 288. Сказка эта почти дословно сходна съ чешской и малорусской. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь насмѣшку надъ женщиной въ *pendant* къ стариннымъ поученіямъ о злыхъ женахъ, и затѣмъ мѣстную передѣлку ея въ насмѣшку надъ малороссами.

Два сказанія о происхожденіи великороссовъ и малороссовъ построены на апокрифахъ о сотвореніи человѣка и также получили ироническое значеніе. Ап. Петръ лѣпилъ малороссовъ изъ пшеничнаго тѣста, а ап. Павелъ великороссовъ изъ желтой глины („отымъ вони и руды“). Собака съѣла пшеничныхъ холовъ и об.....а глиняныхъ великороссовъ. Когда Петръ погнался за собакой и ударилъ ее на ярку палкой, то тамъ появился хуторокъ, а въ лободѣ, гдѣ лежала собака, появилась цѣлая слобода. Въ другомъ разказѣ свадебные поѣзжане посмѣялись надъ Господомъ и Петромъ и были за то обращены—одни въ вѣчныхъ хлѣборобовъ малороссовъ, другіе въ вѣчныхъ лапотниковъ великороссовъ и третьи въ медвѣдей. Насмѣшки, очевидно, обоюдоострыя, но такъ какъ малороссамъ отдается въ этихъ разказахъ нѣкоторое предпочтеніе, то, можно думать, что и разказы сами возникли въ Малороссіи. Кое-какія сходныя черты въ другихъ разказахъ указаны въ Этногр. Обзор. 1890, IV, 94 въ подстрочномъ примѣчаніи.

Въ сказаніи о происхожденіи малороссовъ отъ собаки, можетъ быть, скрывается глубоко-древняя черта—тотемизмъ. См. по этому поводу статью *А. А. Потебни* „Слѣпородъ“ и пр. въ „Къ ист. звуковъ“ III, 68—83 и мою замѣтку объ этой статьѣ на одной изъ предыдущихъ страницъ.

Малорусскія легенды, нашедшія мѣсто въ 3-й части статьи г. Иванова (во 2 кн. Этногр. Обзорѣнія 1891 г.), художественны и оригинальны. Вообще, это лучшія страницы этнографической дѣятельности г. Иванова. Въ этихъ легендахъ, большею частью связанныхъ съ двумя растеніями украинской флоры, съ дикимъ цикоріемъ (Петривъ батигъ, *Cichorium intybus*) и васильками (*Osumum basilicum*), чувствуется свѣжее дуновение народной

жизни, поэтическое созерцаніе природы, мѣстами пробиваются черты широкаго гуманизма.

Въ началѣ 3 главы приведенъ одинъ заговоръ, начинающійся словами: „ишовъ судья, за нимъ пырысудья“. Г. Ивановъ остроумно замѣтилъ, что въ этомъ заговорѣ (отъ перелоговъ) и др. подобныхъ названіе *пересудья* относится къ ап. Петру.

Г. Ивановъ сообщаетъ три легенды о растеніи Петровъ батигъ (дикій цикорій). Въ одной легендѣ ап. Петръ отгонялъ этимъ растеніемъ дѣтей, пристававшихъ въ дорогѣ къ Спасителю. Въ другой—сгонялъ имъ съ жита жуковъ. Въ третьей легендѣ ап. Петръ употребилъ дикій цикорій вмѣсто батога, когда пасъ овецъ. Далѣе у г. Иванова слѣдуетъ легенда о томъ, что нѣкогда овцы дровичись, а рогатый скотъ не страдалъ отъ слѣпней, и ап. Петръ, обидѣвшись на пастуха рогатаго скота, который (пастухъ) не далъ ап. Петру воды, сдѣлалъ такъ, что слѣпни оставили овецъ и стали кусать скотину.

Слѣдующая затѣмъ легенда повѣствуетъ объ установленіи ап. Петромъ поста по просьбѣ женщинъ, недовольныхъ тѣмъ, что мужики поѣдали всѣ ихъ молочные запасы.

Слѣдующая далѣе легенда представляетъ варіантъ сказанія о Доля: По волѣ Спасителя красивая и трудолюбивая дѣвушка достается въ жены лѣнивому парню. Близкая сказка въ сборникѣ Аванасьева (III, 425) указана самимъ г. Ивановымъ. Варіанты легенды у Драгоманова 123 и въ сборникѣ разсказовъ о Доля г. Иванова 1892 г.

Далѣе приведена легенда о томъ, что ап. Петръ допускаетъ въ рай людей различнаго вѣроисповѣданія, если они умерли согласно съ требованіями своей религіи, такъ какъ, по морали легенды, всѣ люди дѣти одного Бога. Г. Ивановъ приводитъ народный варіантъ этой легенды и передачу ея интеллигентнымъ лицомъ въ видѣ историческаго анекдота, связаннаго съ именемъ Фридриха Великаго. Легенда имѣетъ нѣмецкую основу. Она возникла, повидимому, внѣ Малороссіи; характерно, однако, для нравственной личности малороссіяня, что она ими усвоена и сохранена. Проникающая легенду идея о вѣротерпимости, очевидно, пришлась малоруссамъ по сердцу.

Г. Ивановъ привелъ 4 народныхъ разсказа о *василькахъ*, а въ XII кн. Этн. Об. (1892 г.) добавилъ еще одинъ разсказъ. Во всѣхъ разсказахъ обнаруживается дѣйствіе народной этимологіи: цвѣтокъ связанъ съ именемъ Василя; въ одномъ разсказѣ цвѣтокъ получилъ названіе отъ имени Василька, который посадилъ „пахучее зилье“ на мѣстѣ, гдѣ былъ закопанъ крестъ Господень, въ другомъ (Этн. Об. 1892, I, 192) отъ имени дѣда Василька названъ его внучкой, по случайной звуковой ошибкѣ, въ третьемъ отъ имени св. Василя Великаго, будто бы любившаго эти цвѣты, въ четвертомъ отъ имени Василя Блаженнаго, тѣло котораго будто нашли на владбищѣ въ пахучей травѣ (василькахъ) и въ пятомъ отъ имени мальчика Василька, превратившагося въ это растеніе. Съ первой малорусской легендой (объ обрѣтеніи креста) весьма сходна болгарская духовная пѣсня (указана П. В. Ив.). При изложеніи 4-ой легенды (о Василя Блаженномъ) г. Ив. попутно сообщаетъ преданіе, какъ Василій Блаженный выплеснулъ въ Москвѣ въ окно вино, поднесенное ему царемъ, и затушилъ горѣвшій въ Иерусалимѣ монастырь. Въ историко-литературномъ отношеніи интересенъ разсказъ подъ литерой г (о превращеніи мальчика въ растеніе). Главное содержаніе состоитъ въ томъ, что водяной ужъ женился на дочери лѣсника красавицѣ Машѣ. Это варіантъ чрезвычайно сложнаго цикла сказаній на классическую тему объ Амурѣ и Психеѣ. Варіанты Кулиша и Эрленвейна указаны г. Ивановымъ. Предполагая со временемъ посвятить этимъ сказаніямъ особую монографію, я теперь не останавливаюсь на нихъ.

Въ концѣ статьи приведено *два сказки на мотивъ сказки о золотой рыбкѣ*, весьма извѣстной въ обработкѣ Пушкина. Въ одной сказкѣ липа даетъ мужику разныя блага, за то, что онъ не срубилъ ее („стала въ пригоди“ по малорусскому выраженію), огородила дворъ, старуху жену обратила въ молодую и красивую, поставила его старшиной, становымъ, исправникомъ и, наконецъ, губернаторомъ. Но мужикъ и тѣмъ не удовольствовался и захотѣлъ быть царемъ. Тогда липа обратила его въ медвѣдя, а жену его въ медвѣдицу. Въ другой сказкѣ, болѣе близкой къ Пушкинской, роль золотой рыбки или липы играетъ

таинственный кумъ; онъ даетъ бѣдному мужику пшеницы, денегъ, ставитъ его „начальникомъ“, потомъ царемъ и даже богомъ, но съ условіемъ молчать, что бы онъ не увидѣлъ внизу. Мужикъ, замѣтивъ, что братъ утащилъ у брата пшеницу, выранилъ его, нарушилъ такимъ образомъ обѣщаніе, и былъ обращенъ въ медвѣдя, жена его обратилась въ медвѣдицу, а дѣти въ медвѣжатъ. Здѣсь всѣ требованія идутъ отъ жены мужика, какъ въ сказкѣ Пушкина.

Въ обѣихъ сказкахъ люди обращаются въ медвѣдя. Г. Ивановъ замѣчаетъ при этомъ, что въ купянскомъ уѣздѣ кромѣ того извѣстенъ общераспространенный рассказъ о происхожденіи медвѣдя изъ человѣка, желавшаго испугать Христа и ап. Петра, когда они проходили по мосту. Оборотничество въ медвѣдя встрѣчается часто въ повѣрьяхъ и сказкахъ малоруссовъ и друг. народовъ. Я нашелъ его въ III т. „Рокисіе“ *Кольберга*, въ I т. Смолен. Этногр. Сборника *Добровольскаго* (288, 640), у *Чубинскаго* I, 51, *Драгоманова* 5, *Zbiór wiadomości* II, 165, *Этногр. Обзор.* 1890, III, 143; IV, 94, 262; 1891, II, 129, *Сборн. матер. для изученія Кавказа* IX, ч. 2, 107, *Живой Старинѣ* II, 158, въ *Faune populaire* *Ролана*, у *Верещанина* (о вотякахъ, 70), въ „Очеркахъ сѣв. зап. Монголіи“ *Потанина*, въ статьяхъ о культѣ медвѣдя г. *Ядринцева* и г. *Гондати*. Имѣемъ ли мы въ малорусскихъ сказаніяхъ о превращеніи человѣка въ медвѣдя остатокъ культа медвѣдя или странствующій литературный мотивъ, основанный на инородномъ культѣ или возникшій въ видѣ объясненія характерной ступни медвѣдя, напоминающей ступню человѣка, отвѣтить на эти вопросы затруднительно, и я лично болѣе склоняюсь на сторону послѣдняго предположенія.

Для опредѣленія содержательности и научнаго значенія составленнаго г. Ивановымъ сборника легендъ нужно принять во вниманіе, что этотъ отдѣлъ народной словесности по разнымъ причинамъ былъ въ забросѣ. Не считая отдѣльныхъ легендъ, вошедшихъ въ сборники *Аванасьева* и *Чубинскаго*, только въ „Малор. нар. пред.“ (1876) собрано ихъ значительное число, именно 10 №№. Сравнивая легенды, вошедшія въ этотъ сборникъ, съ легендами въ сборникѣ г. Иванова, нельзя не отдать

последнему сборнику прямого предпочтенія; здѣсь и легенды гораздо болѣе, и распределены онѣ въ известномъ порядкѣ. Изъ „Малор. пред.“ при сборникѣ г. Иванова можно выдѣлить по оригинальности не болѣе 2 или 3 легенды, именно подъ № 22 (о нахожденіи подковы), № 23 (о пьяницѣ) и № 25 (о беззаботномъ чловѣкѣ). Легенда подъ № 24 (какъ Богъ научилъ прясть жену мужика) представляетъ вариантъ нѣсколько грубыхъ сказокъ въ сборникахъ *Рудченка* II, № 66 и *Манжуры* (стр. 100).

Въ 4 томѣ Сборника Харьк. истор.-фил. общ. напечатана статья *П. В. Иванова* „Народные рассказы о Долѣ“. Народныя представленія о Долѣ и Недолѣ, Горѣ, Злочастіи, Сречѣ давно уже стали предметомъ научнаго изслѣдованія, и въ настоящее время существуетъ значительная научная литература о Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ или сродныхъ олицетвореніяхъ: сюда относятся обширныя статьи Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1867 г. и отдѣльно), Аванасьева (въ Поэт. возвр. т. III, гл. XXV), Потемни во 2 т. „Древностей“ Моск. Арх. Общ.), Крауса, Веселовскаго (въ „Розысканіяхъ вып. V; гл. XIII и въ Этногр. Обзор. 1891 № 2), Васильева (въ 1 т. Этн. Об. 1890 г.) и Довнаръ-Запольскаго (во 2 кн. Этн. Об. 1891 г.). Трудъ г. Иванова представляется по счету восьмымъ, въ ряду другихъ изслѣдованій о Долѣ и естественно возникаютъ вопросы, что онъ вноситъ новаго къ литературу предмета? чѣмъ обусловлено помѣщеніе его въ изданіи научнаго общества? Близкое знакомство съ содержаніемъ статьи г. Иванова побуждаетъ насъ поставить ее въ рядъ лучшихъ изслѣдованій о Долѣ, по богатству собраннаго матеріала, по новизнѣ и оригинальности многихъ его деталей. Какъ всѣ предыдущіе труды г. Иванова по малорусской этнографіи (о легендахъ, дѣтскихъ играхъ, вѣдьяхъ), и статья „Народные рассказы о Долѣ“ представляетъ собственно собраніе матеріаловъ, извлеченныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ. Матеріалы эти разнообразны, обширны и, главное, такъ удачно распределены, что ясно обрисовываются нѣкоторыя характерныя черты народнаго міросозерцанія, и статья, сохраняя характеръ сбор-

ника сырых матеріаловъ, получаетъ значеніе научнаго изслѣдованія, составленнаго по первоисточникамъ. Изслѣдованіе г. Иванова распадается на три главы: въ первой главѣ авторъ группируетъ народныя повѣрія и сказки о прирожденной Долѣ. Въ основаніи сказокъ и повѣрій, вошедшихъ въ эту главу, лежитъ древнее повѣрье о Долѣ, какъ душѣ предка. Во 2 главу вошли сказки и повѣрья о Долѣ ангелѣ. Въ 3 главу—сказки и повѣрья о Долѣ какъ душѣ челоуѣка, или его двойникѣ; къ статьѣ приложено 16 сказокъ о Долѣ, записанныхъ въ разныхъ селахъ купянскаго уѣзда народными учителями и учительницами.

Г. Иванову, работающему въ глухомъ городкѣ, остались неизвѣстными наиболѣ крупныя и цѣнныя изслѣдованія о Долѣ Боровиковскаго, Потемни, Крауса и Веселовскаго. Г. Ивановъ, не выходя изъ малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, добытыхъ на мѣстѣ, самостоятельно пришелъ въ нѣкоторымъ выводамъ, сдѣланнымъ А. Н. Веселовскимъ по фактамъ западноевропейскаго фольклора. Совпаденіе выводовъ говоритъ въ пользу ихъ основательности. Изслѣдованія А. Н. Веселовскаго о Долѣ составляютъ несомнѣнно самый цѣнный вкладъ въ научную литературу предмета, и если мы станемъ смотрѣть на статью г. Иванова съ высоты этихъ трудовъ, то и въ такомъ случаѣ мы должны признать въ ней полезное научное пособіе: въ однихъ случаяхъ трудъ г. Иванова дополняетъ изслѣдованія г. Веселовскаго характерными этнографическими фактами, въ другихъ вноситъ новые элементы, освѣщающіе предметъ изслѣдованія съ незатронутыхъ ранѣе точекъ зрѣнія. Такъ, г. Веселовскій въ 1 гл. своей статьи о долѣ высказываетъ мнѣніе, что понятіе о долѣ выработалось впервые въ отношеніяхъ рода въ связи съ культомъ предковъ (стр. 177), и это мнѣніе находитъ подтвержденіе въ статьѣ г. Иванова, въ первой главѣ, гдѣ собрано много характерныхъ народныхъ повѣрій и сказокъ о прирожденной долѣ и долѣ—душѣ предковъ. Фактическія доказательства, приведенныя у г. Веселовскаго, сравнительно съ данными г. Иванова, скудны и блѣдны, не смотря на то, что ученый авторъ искалъ опоры въ фольклорѣ греческомъ и вотяцкомъ. У г. Иванова чре-

обычайно рельефно выступает замѣчательно архаичное народное повѣрье о долях умершихъ съ разграниченіемъ ихъ даже по степени родства, что вводитъ изслѣдователя въ глубь древнѣйшаго родоваго быта. Четвертая глава изслѣдованія г. Веселовскаго, гдѣ рѣчь идетъ о литературно-христіанскихъ элементахъ въ народныхъ представленіяхъ о Долѣ, можетъ быть дополнена нѣкоторыми народными сказками и повѣрьями, отмѣченными у г. Иванова во 2 главѣ его статьи о Долѣ. Вообще сказки, собранныя у г. Иванова, какъ тѣ 16, которыя помѣщены въ концѣ статьи, такъ и вошедшія въ самый текстъ, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ въ этнографическомъ отношеніи подробностей. Въ сказкахъ подробно разработаны мотивы о томъ, когда можно увидѣть Долю, какъ подчинить ее. Заслуживаютъ вниманія также сказки объ оборотничествѣ Доли, впервые являющіяся въ печати въ полнотѣ и обилии.

Въ статьѣ г. Иванова встрѣчаются интересные детали. Трудно, напр., было думать, что въ народной словесности можетъ оказаться рассказъ или повѣрье на мотивъ лермонтовскаго „Ангела“:

Опъ душу младую въ объятіяхъ несъ
 Для міра печали и слѣзъ,
 И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
 Остался безъ словъ, но живой.
 И долго на свѣтѣ томилась она
 Желаніемъ чуднымъ полна,
 И звуковъ небесъ замѣнить не могли
 Ей случныя пѣсни земли.

Въ сборникѣ г. Иванова находится такое повѣрье о долѣ ангелѣ: когда младенецъ еще находится въ утробѣ матери, то его ангелъ хранитель питаетъ его и учитъ всему, что онъ долженъ знать для своей земной жизни. Въ моментъ выхода младенца изъ утробы матери на свѣтъ ангелъ ударяетъ пальцемъ по верхней губѣ младенца, отчего образуется на ней на всю жизнь углубленная дорожка, а младенецъ въ ту же минуту забываетъ все сообщенное ему ангеломъ. Потомъ въ дальнѣйшей жизни человѣка всѣ сообщенныя ему ангеломъ свѣдѣнія постепенно восстанавливаются въ памяти его, если человѣкъ будетъ

упражнятыся въ размышленіяхъ и самонаблюденіяхъ. И тогда изъ такого человѣка выходитъ разумный, великій мужъ; въ противномъ же случаѣ, если человѣкъ ведетъ разсѣянную жизнь и плохо припоминаетъ ангельское ученіе, то и бываетъ малоспособный и съ большими нравственными недостатками (сл. Кабанья. Сообщ. учитель П. Марусовъ).

Д о п о л н е н і я.

1) *Біографія П. В. Иванова*. П. В. Ивановъ родился въ 1837 г. въ г. Чугуевѣ (харьков. губ.). По окончаніи курса въ харьковской губернской (нынѣ 1-й) гимназіи въ 1856 г., служилъ вольноопредѣляющимся въ крымскомъ пѣхотномъ полку на Кавказѣ. Съ 1862 г. былъ учителемъ и смотрителемъ уѣзднаго училища въ г. Купянскѣ, а съ 1877 г. инспекторомъ народныхъ училищъ. Въ 1884 г. вышелъ, по болѣзни, въ отставку. Съ 1871 г. состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Общества испытателей природы при харьков. университетѣ и съ 1884 г. членомъ Историко-филологическаго общества при харьков. университетѣ. Не считая этнографическихъ изслѣдованій, въ „Трудахъ“ Общества испытателей природы помѣщены слѣдующія статьи г. Иванова: 1) 1871, IV, Перечень вида клоповъ (*Hemiptera heteroptera*) въ окрестностяхъ г. Купянска; 2) 1872, VI, Перечень перепончатокрылыхъ (*Hymenoptera monotrocha*) въ окрестн. г. Купянска; 3) 1874, VIII, Списокъ тентрединидъ въ окр. г. Купянска; 4) 1876, X, Описаніе стрекозъ въ окр. г. Купянска; 5) 1881, XV, Списокъ насѣкомыхъ, причиняющихъ въ окрестностяхъ г. Купянска вредъ хлѣбамъ; 6) 1885, XIX, Списокъ кобылокъ (*cicadina*) въ окрестн. г. Купянска и 7) 1888, XXI, Списокъ прямокрылыхъ (*orthoptera*) въ окрестностяхъ Купянска.

2) *Сотрудники П. В. Иванова*. Г. Ивановъ внесъ въ науку народовѣдѣнія массу новаго матеріала и занялъ видное мѣсто среди этнографовъ-собрателей. Крупные результаты достигнуты г. Ивановымъ при ближайшемъ участіи многихъ сотрудниковъ, составившихъ какъ бы мѣстную школу народоизученія. Самъ г. И. высоко цѣнить это участіе и вездѣ указываетъ на

него. И мы, заканчивая свой обзоръ этнографическихъ трудовъ г. И., считаемъ своимъ долгомъ перечислить здѣсь сотрудниковъ его. Въ сборникѣ дѣтскихъ крестьянскихъ игръ (1890 г.) г. И. выражаетъ благодарность слѣдующимъ лицамъ, доставившимъ ему матеріалы, учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ: Х. Г. Сильченковой, А. А. Склобинской, А. А. Склобинской 2-й, В. Н. Свѣтъ, М. Е. Аксененковой, А. А. Ковалевской, Е. П. Гингазовой, В. И. Шовчениной, А. В. Венедиктову, М. Д. Скубаку, А. В. Бабакову, А. Д. Панкратьеву, г. Марусову и Г. Е. Колонійцеву. Въ другихъ сборникахъ г. И. упоминаются еще М. Нетреба, Д. Калининъ, Г. Близно; затѣмъ встрѣчаются записи крестьянъ Бувальца, Рудича, Сухоносова и друг. Здѣсь мы знакомимся съ цѣлой группой мѣстныхъ дѣятелей этнографовъ, почтенныхъ тружениковъ просвѣщенія, работающихъ на двѣ стороны—вверхъ—для людей науки и внизъ—для простаго народа—явленіе исключительное въ нашей провинціальной жизни, отрадное и поучительное.

Изъ сотрудниковъ г. Иванова самостоятельно выступали въ печати:

В. Н. Свѣтъ въ 1 кн. Этногр. Обзорнія 1889 г. небольшая статья о черничкахъ (92—101) въ малорусскомъ селѣ Тарасовѣ купян. у. харьков. губер. Чернички—дѣвушки, давшія обѣтъ безбрачной жизни. Г-жа Свѣтъ говоритъ о черничкахъ, живущихъ въ одиночку и общинами. Статья содержательная и прекрасно изложена.

М. Д. Скубакъ въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ 1890 г. (49—56) помѣстилъ статью „Одежда крестьянъ сел. Араповки купянского уѣзда“—описаніе одежды, опредѣленіе стоимости ея и сборничекъ повѣрій и примѣтъ, связанныхъ съ одеждой.

Н. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній священника о. Никифора Хмѣлевскаго¹⁾ объ упраздненномъ базилианскомъ училищѣ, въ г. Умани.

Базилианское училище, греко-уніатскаго вѣдомства, я помню съ 1820 г. Заведеніе это основано было въ Умани вмѣстѣ съ базилианскимъ монастыремъ графомъ Францискомъ-Салезіемъ Потоцкимъ въ 1766 г.; на содержаніе училища Потоцкій подарилъ два селенія: Грежановку и Ксендзовку, находящіяся вблизи Умани, съ принадлежащими къ нимъ землями и лѣсами. Доходы съ этихъ селеній всякій годъ употреблялись исключительно на содержаніе сего училищнаго заведенія. Въ нихъ жили два прокуратора—монахи завѣдывающіе хозяйствомъ. Имѣнія эти пожертвованы были навсегда въ пользу училища.

Базилианскіе монахи составляли штатъ преподавателей училища. Ректоромъ былъ въ 1830 г. іеромонахъ, окончившій курсъ академіи, Литинскій, а въ 1832 г. Скибовскій Антоній, который по присоединеніи въ 1840 г. къ православію остался православнымъ архимандритомъ въ Тригурскомъ монастырѣ (около

¹⁾ О. Никифоръ Хмѣлевскій родился въ 1814 г. въ с. Россошѣ, (гайсинаскаго у. под. губ., гдѣ отецъ его былъ уніатскимъ приходскимъ священникомъ. Съ 1821 по 1831 г. воспитывался въ уманскомъ базилианскомъ училищѣ; затѣмъ, въ 1839 г. онъ присоединился къ православію, былъ рукоположенъ въ священника и въ 1856 получилъ приходъ въ с. Ольшанкѣ (уманскаго у.), который занималъ въ теченіи 30 лѣтъ. Благодаря его энергіи и умѣнью ладить съ людьми и обстоятельствами онъ успѣлъ значительно обстроить свой бѣдный приходъ: возвратилъ церковную землю, захваченную въ началѣ столѣтія помѣщиками, построилъ церковь, которой не было вовсе въ приходѣ, домъ для помѣщенія причта и т. д.

Житомира); инспекторомъ былъ Андрушкевичъ, тоже іеромонахъ, профессора были всѣ іеромонахи; всякій изъ нихъ преподавалъ отдѣльный предметъ: латинскій языкъ—Дашкевичъ, географію—Козловскій, Куфинскій—музыку и т. д., всѣхъ преподавателей было восемь душъ, 9-й префектъ, 10-й ректоръ и 2 прокуратора въ селеніяхъ. Всѣ они держали очередныя служенія, которыя ежедневно совершались. Кромѣ выполненія монашескихъ обѣтовъ, главною обязанностію всѣхъ, какъ начальствующихъ, такъ и учащихъ, было воспитаніе юношества въ повиновеніи и преданности обрядамъ и уставамъ римско-католической религіи, безусловной покорности старшимъ, а въ особенности—родителямъ. Въ случаяхъ нарушенія порядка училищнаго, ученикъ не имѣлъ права объясняться, выгораживать себя, а долженъ былъ слушать и выполнять то, что ему было внушаемо. И случаевъ ко внушенію было много; профессора имѣли такую ревность преподавать наставленія ученикамъ, что малѣйшій проступокъ ученика, или неожиданная встрѣча съ профессоромъ вызывали цѣлый ворохъ наставленій отъ него съ текстами изъ св. Евангелія, посланій апостольскихъ, историческими примѣрами и т. п. и все это на польскомъ языкѣ. Требовали, чтобы каждый ученикъ училищную инструкцію зналъ наизусть и соблюдалъ ее какъ святыню, какъ требованіе религіи.

Въ училищѣ учениковъ во всѣхъ семи классахъ съ приготовительнымъ было до 800 душъ и болѣе. Всѣ они были римско-католическаго исповѣданія; греко-уніатскаго исповѣданія о. Никифоръ, помнитъ, Хмѣлевскихъ 3-хъ, Савицкаго 1, Козловскаго 1, Свицерскаго, а православныхъ всѣхъ было 13 душъ, которые въ великій постъ исповѣдывались въ уманскомъ Николаевскомъ соборѣ православнымъ священникомъ. Въ томъ же самомъ зданіи состоялъ *конвиктъ* (общія квартиры, пансіонъ), т. е. на содержаніи монастырскомъ были дѣти болѣе богатыхъ и знатныхъ родителей, по преимуществу помѣщиковъ, владѣвшихъ крестьянами свыше 100 душъ¹⁾. Конвикторы зани-

¹⁾ Оригинальная подробность нравовъ шляхты юго-западнаго края во время рѣшительное: шляхетское общество, въ силу установившихся нравовъ, распалось на

мались преимущественно иностранными языками, музыкою, танцами и фехтованіемъ. На все это имѣлись свѣтскіе заграничные преподаватели. По окончаніи курса Базилянскаго училища такіе воспитанники поступали въ заграничныя учебныя заведенія. Средняго состоянія ученикамъ, окончившимъ 7 классовъ училища, если замѣчали, что ученикъ хорошаго, нравственнаго направленія, не выдавали свидѣтельствъ для полученія права на поступленіе на какую либо стороннюю должность, а оставляли таковыхъ при училищѣ для пользы учениковъ низшихъ классовъ, т. е. въ качествѣ репетиторовъ и размѣщали по квартирамъ такъ, что безъ надзора репетитора не было ни одной квартиры; да и хозяинъ не имѣлъ права держать на квартирѣ учениковъ, если не заявилъ себя и своего дома съ нравственной стороны предъ начальствомъ училища. Репетиторъ квартирный былъ обязанъ смотрѣть за подчиненными ему учениками по религіозной части, нравственной; также за здоровьемъ ученика, за сномъ его, имуществомъ, учебными принадлежностями, объяснять ученику урокъ, выслушать его и, если ученикъ не зналъ урока, то заставить его выучить; репетиторъ имѣлъ право *положить* ученика и два раза его ударить, а *палки* дать пять разъ; при молитвахъ утреннихъ и вечернихъ онъ всегда присутствовалъ; молитвы всегда произносились на польскомъ языкѣ вслухъ однимъ изъ учениковъ, всѣ слушали,

двѣ категоріи: помѣщиковъ настоящихъ (*obywatel*), владѣвшихъ помѣстьями свыше 100 душъ м. п. и мелюзгу (собственно *vzlashta*), владѣвшую болѣе мелкими помѣстьями или вовсе не имѣвшую помѣстій. Первая категорія относилась ко второй съ презрѣніемъ, обзывая ее сволочью (*szuja*), вторая попрекала первую въ лаштѣхъ и, руководясь конечно завистью, утверждала, будто паны измѣняютъ народному дѣлу, разрушая предками созданный принципъ шляхетскаго равенства. Эта борьба двухъ категорій шляхетства особенно рѣзко проявилась въ промежутокъ времени 1840—1850, когда во многихъ городахъ юго-западнаго края образовали т. н. *рессурсы* (т. е. нѣчто въ родѣ дворянскихъ клубовъ съ танцевальными вечерами, карточной игрою и т. п.) Основатели *рессурсы* поставили цензъ 100 душъ для права участвовать въ клубѣ (впрочемъ тотъ-же цензъ давалъ право голоса на дворянскихъ выборахъ). Мелкопомѣстные шляхтичи и особенно судебные ланчи (*kapela-guzsi*), которыми кишѣли уѣздные города, со скрежетомъ зубовъ встрѣтили это ограниченіе, но такъ и не добились участія въ *рессурсахъ*, гдѣ танцовали и играли въ карты исключительно „*obywatel*“, а „*szuja*“ вовсе не допускалась.

стоя на колѣняхъ, а репетиторъ, тоже стоя на колѣняхъ сзади учениковъ, наблюдалъ за общимъ порядкомъ и вниманіемъ учениковъ къ молитвѣ. Если ученикъ шелъ по необходимости въ городъ, то репетиторъ обязанъ былъ осмотрѣть его штатный костюмъ, пуговицы, сапоги и дать ему на руки записку—на сколько времени онъ отпущенъ и посылалъ съ нимъ благонадежнаго ученика, чтобы тотъ не опоздалъ или не былъ къмъ либо обиженъ.

Исправленіемъ нравственности учениковъ, ихъ поведенія, а также съ цѣлію усиленія занятій ихъ по учебной части, служила въ училищной практикѣ *марка* т. е. записка, это была книжечка, въ которую записывались шалости и проступки противъ нравственности, именно: грубое непочтеніе къ старшему, неопрятность, гнусность, неприличное выраженіе словомъ, несоблюденіе порядка за столомъ во время обѣда или ужина и т. п. Если книжечка съ записью о проступкѣ ученика побудетъ у него часъ, то за вину, кромѣ классическихъ уроковъ, ученикъ долженъ выучить на память 10 *вокабуловъ* на языкѣ, какой будетъ ему назначенъ: французскомъ, латинскомъ или нѣмецкомъ и разобрать эти слова по склоненіямъ. Въ случаѣ же, если ученикъ сдаетъ книжечку другому до часа времени, то наказывается по мѣрѣ вины. Такихъ книжечекъ или марокъ на каждыя три квартиры была одна. Къ обязанностямъ репетитора относилось: утромъ, по выслушаніи уроковъ квартирантовъ, составлять квартирную эррату, въ которой означались поведеніе и успѣхи по предметамъ. Также была общая для всего класса эррата. Каждаго дня утромъ всякій репетиторъ, подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ, приводилъ учениковъ въ костѣль, гдѣ каждый становился на свое мѣсто. Если же я, примѣрно, сынъ греко-уніатскаго священника, то я долженъ явиться за 10-ть минутъ до Богослуженія къ очередному священно-служащему профессору, сотворить молитву: „Laudetur Iesus Christus“ и постучать въ келейныя двери, на что онъ отвѣчаетъ: „in secula seculorum amen“, отворяетъ двери и я съ нимъ прихожу въ *закрестію*, одѣваю его въ облаченіе и провожу съ волоколичкомъ въ костѣль для отправленія читанной *мши*, такъ назы-

ваемой *primarii*. По выслушаніи Богослуженія, на которомъ знающіе поютъ группою Божественныя гимны, всѣ отправляются по классамъ и сдаютъ свои уроки аудиторамъ въ продолженіи получаса. По первому звону колокольчика всѣ садятся на мѣста; по входѣ профессора прислуживавшій при совершеніи *missi* читаетъ въ классѣ на латинскомъ языкѣ молитву: „Veni Sancte Spiritus etc“. Разсмотрѣвши эррату общую, профессоръ по алфавиту вызываетъ учениковъ на средину класса говорить урокъ и затѣмъ требуетъ передать его своими словами. Переспросивши такимъ образомъ нѣсколько десятковъ учениковъ, профессоръ проходитъ между скамьями и, смотря каждому пристально въ глаза, усматриваетъ незнающихъ урокъ, записываетъ и вызываетъ на средину отвѣчать. Дѣйствительно оказывается, что изъ числа вызванныхъ 30 человекъ, едва 5 или 6 знаютъ урокъ. Тогда профессоръ смотритъ въ эрраты, справляются какъ тамъ они записаны и вызываетъ для справки самихъ аудиторовъ. Незнающіе должны до окончанія занятій по классу стоять на колѣняхъ и выучить непременно урокъ, если же не выучатъ, то нѣкоторыхъ, для примѣра другимъ, наказывали розгами, но наказывали въ томъ случаѣ, если ученикъ былъ замѣченъ въ шалости въ костѣлѣ, классѣ или на квартирѣ; если иногда бывали оторваны пуговицы при одеждѣ, или она замарана, сапоги нечисты, сумка для классныхъ принадлежностей не въ порядкѣ, если книгъ всѣхъ ученикъ не имѣлъ, если онъ былъ разсѣянъ, то выводили его на средину класса при двухъ присутствовавшихъ *каляфакторахъ*¹⁾—силачахъ; профессоръ велѣлъ раздѣвать виновнаго и, сообразно съ виновностию, читалъ ему нотацію. Раздѣваніе его производилось медленно и, если виновный обнаруживалъ раскаяніе и общалъ исправиться относительно успѣховъ въ наукахъ и въ нравствен-

¹⁾ Каляфакторомъ въ базилянскихъ и іезуитскихъ училищахъ назывался избранный въ каждомъ классѣ школьнымъ начальствомъ ученикъ, величезростный и потому превосходявшій товарищей физическою силою. Онъ, по приказанію начальства, обязанъ былъ въ классѣ исполнять роль палача надъ товарищами и отчасти класснаго служителя: производилъ сѣченіе, подавалъ мѣлъ и т. п., въ награду за эти услуги онъ получалъ даровое содержаніе въ конвентѣ.

номъ отношеніи, то всё наказаніе ограничивалось раздѣваніемъ при 200 иногда ученикахъ; если же виновный старался оправдаться и профессоръ находилъ, что оправданіе его не правдоподобно, то его вляли и самъ аудиторъ его наносилъ ему одинъ или два удара розгою *на голо*. Вообще, при такихъ случаяхъ внушалось ученикамъ послушаніе, смиреніе, кротость и повинновеніе начальствующимъ. Такой порядокъ или пріемъ былъ принятъ при наставленіи учениковъ первыхъ 4 классовъ. Въ остальныхъ трехъ классахъ вину ученика, а тѣмъ болѣе сопротивленіе его, излагали на четвертушкѣ или полулистѣ бумаги, прикалывали на спинѣ виновнаго и поручали двумъ *каляфакторамъ*—силачамъ подъ руки провести виновнаго по старшимъ классамъ. Приведши въ классъ, его ставили спиною къ ученикамъ и профессоръ вслухъ читалъ вину ученика; классный же профессоръ, вставши съ кафедры и съ жестомъ обращаясь къ ученикамъ, поднимавшимся съ мѣстъ на ноги, обличалъ виновнаго приведеннаго, стыдилъ его и дѣлалъ нравственныя назиданія всему классу въ томъ смыслѣ, чтобы каждый изъ нихъ избѣгалъ подобныхъ проступковъ и не поддавался искушенію.

На всѣ классы были назначены тайные смотрители изъ лучшихъ по поведенію учениковъ 5-го класса, такъ называемые *окультусы*, имѣвшіе отъ училищнаго начальства свидѣтельства, которыя хранили при себѣ на всякій случай; они отправлялись секретно по квартирамъ, переодѣвались въ различные костюмы. При посѣщеніи квартиры заходили прежде всего въ комнаты хозяина подъ различными предлогами и высматривали какъ ведутъ себя ученики и поведеніе каждаго записывали; они же по очередно ходили въ театръ, клубъ, на танцевальныя вечера, въ садъ Софіевку, высматривать учениковъ. Ученики, посѣщавшіе подобныя собранія, преимущественно дѣти состоятельныхъ родителей, одѣвались для этого въ цивильное платье. Такихъ то нарушителей инструкціи училищной, подмѣченныхъ окультусами, водили по классамъ и *презентовали*. Всякій мѣсяцъ неожиданно посѣщала квартиры ревизія, состоявшая изъ префекта или профессора, 2 учителей

и 4 каляфакторовъ. На квартиру, заподозрѣнную по доносу тайныхъ окултусовъ, въ 9 или 10 ч. ночи неожиданно являлись означенныя лица и по входѣ въ квартиру ставили 2 каляфакторовъ на дверяхъ, а 2-хъ во дворѣ подъ окнами и профессоръ отъ репетитора требовалъ свѣдѣній о нравственномъ состояніи учениковъ и велѣлъ подавать квартирную эррату о мѣсячномъ ихъ поведеніи. Просмотрѣвши эррату, онъ требовалъ списковъ одѣянія, бѣлья, библіотеки и имущества всякаго ученика. У кого оказывалось цивильное одѣяніе, кромѣ штатнаго, велѣлъ забирать каляфакторамъ. Книги, запрещенныя инструкціею, и все вообще противузаконное отбиралось для продажи съ публичнаго торга въ пользу бѣдныхъ учениковъ, хорошо обучавшихся. Если же хозяинъ оказывался пособникомъ ученикамъ въ нарушеніи инструкціи училища, то закрывали квартиру, а репетиторамъ дѣлали публичный выговоръ въ присутствіи всей училищной корпораціи въ первый разъ, а во второй разъ отказывали отъ репетиціи.

Въ 1831 или 1832 г. послѣ польскаго возстанія былъ вызванъ въ С.-Петербургъ ректоръ училища Скибовскій и, какъ помнится, по подозрѣнію въ участіи въ возстаніи польскомъ учениковъ старшихъ классовъ. По официальномъ закрытіи училища всѣ ученики были удалены изъ него; нѣкоторые изъ нихъ пошли въ повстаніе, а профессора были размѣщены по монастырямъ православнымъ, такъ какъ многіе изъ нихъ приняли православіе, а одинъ, именно Іануарій Дашкевичъ, не принялъ православія и находился въ подольской губерніи, балтскаго уѣзда, въ с. Семидубахъ у помѣщицы Богудкой; съ нимъ мнѣ приходилось видѣться въ 1857 году; посѣщаль онъ церковь тамошняго прихода, служить никогда не служилъ и приобщался св. таинъ въ св. четыредесятницу возлѣ св. престола въ своемъ габитѣ и епитрахили. При погребеніи его былъ споръ: католическіе всендзы настаивали, чтобы погребать его, по желанію помѣщиковъ, по католическому обряду,

но православные священники, опираясь на томъ, что онъ уніатскій монахъ, приобщался св. таинъ возлѣ св. престола въ православномъ храмѣ, одѣли его какъ священника и отпѣли надъ нимъ священническое погребеніе въ с. Курячахъ¹⁾ подольской губерніи.

Свщ. Вяк. Илляшевичъ.

¹⁾ Или въ с. Семидубахъ.

Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія.

I.

Далеко не каждому университету пришлось быть съ перваго дня своего существованія такимъ истинно просвѣдательнымъ центромъ, какимъ былъ университетъ харьковскій. Первый провинціальный университетъ, основанный послѣ московскаго и одновременно съ далекимъ казанскимъ, харьковскій возникъ въ ту счастливую эпоху, когда въ русскомъ обществѣ господствовало наибольшее довѣріе къ просвѣщенію, къ прогрессу. Основанный не столько по предписанію администраціи, сколько по почину самого общества въ лицѣ его достойнаго представителя В. Н. Каразина, харьковскій университетъ сразу сталъ не только правительственнымъ но и общественнымъ учрежденіемъ, никогда не терявшимъ живой связи съ окружающею его общественной средою. Съ самаго начала своего существованія онъ сталъ во главѣ народнаго просвѣщенія огромной области, простиравшейся отъ курской губ. до Чернаго моря и равной почти тремъ теперешнимъ учебнымъ округомъ — одесскому, вѣевскому и харьковскому. Принявъ въ наслѣдство отъ добраго стараго времени слушателей изъ прекраснаго коллегіума, сослужившаго не мало пользы просвѣщенію Слободской Украйны, да изъ нѣсколькихъ давно закрытыхъ полковыхъ школъ въ полтавской и черниговской губ., харьковскій университетъ дѣятельно принимается учреждать новыя училища и готовить для нихъ преподавателей и ру-

ководителей. Рядомъ съ этимъ университетъ занимается развитіемъ печатнаго слова,—онъ беретъ на себя инициативу издательской дѣятельности въ глухой провинціи, продолжая и въ этомъ дѣятельность коллегіума и пользуясь тогдашней свободой цензуры. Онъ дѣлится съ обывателями всѣми своими научными интересами, стараясь пробудить въ нихъ любознательность, приучить ихъ къ книгѣ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ своего учрежденія, когда число читающихъ и даже грамотныхъ людей въ Харьковѣ было такъ ничтожно, университетская типографія за одинъ 1815 годъ выпускаетъ 27 изданій самаго разнообразнаго содержанія; за 1818 годъ издается 16 книгъ; вообще же за все первое десятилѣтіе жизни харьковскаго университета его типографія выпустила 210 изданій, что составляетъ половину всего количества вышедшихъ за это же время по всей Россіи книгъ. Изъ нихъ 90 принадлежало перу профессоровъ, 16 студентамъ, а остальные случайнымъ и постороннимъ писателямъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти книги расходились между обывателями, свидѣтельствуетъ о пробужденіи сознательныхъ умственныхъ запросовъ въ тогдашней сонной атмосферѣ. Въ теченіе всего перваго пятидесятилѣтія харьковскаго университета, при содѣйствіи его лучшихъ профессоровъ, издавалось нѣсколько газетъ и журналовъ¹⁾: „Украинскій Вѣстникъ“—подъ редакціей проф. Филомофитскаго, при ближайшемъ сотрудничествѣ талантливаго поэта и переводчика—профессора Гонорскаго; Масловичемъ издавался „Харьковскій Демокритъ“; подъ редакціей Бецкаго—„Молодикъ“; харьковскимъ книгопродавцемъ Лангеромъ издавался „Харьковскій Еженедѣльникъ“; редактируемый Склабовскимъ научный „Украинскій журналъ“ пользовался репутаціей лучшаго провинціального журнала; учи-

¹⁾ Совсѣмъ не то видимъ мы, оглядываясь на прошлое кievскаго университета. Открытый специально изъ особыхъ расчетовъ тогдашней администраціи края, онъ все первое время своего существованія больше преслѣдуетъ задачи политической, чѣмъ широко просвѣтительныя. Лишенный сразу всякой самостоятельности, онъ не былъ общественнымъ научнымъ центромъ. Первая попытка основанія ученаго журнала по предложенію Максимовича въ 1839 г. не осуществляется на дѣлѣ. Университетъ печатаетъ въ своей типографіи одни учебники да рѣчи профессоръ (см. Шульгинъ, Къ исторіи Кіевск. Унив.).

тель гимназіи Вербицкій издавалъ съ 1817 года газету „Харьковскія Извѣстія“. Кромѣ этой періодической прессы, въ Харьковѣ постоянно выходили сборники и альманахи, какъ научнаго, такъ и художественнаго содержанія. Такой оживленной литературной дѣятельности въ Харьковѣ положенъ былъ внезапно предѣлъ отнятіемъ у университета цензуры, и съ 50-хъ годовъ мы ясно видимъ продолжающійся почти и до сихъ поръ упадокъ литературной дѣятельности въ той обширной территоріи, которая не такъ давно вся объединялась подъ общимъ названіемъ Слободской Украины. Профессоръ Стояновъ въ своей біографіи Каченовскаго придаетъ этому отсутствію періодической прессы въ городѣ, имѣющемъ 150,000 жителей, три высшихъ учебныхъ заведенія, самое отрицательное значеніе и видитъ въ современной мертвой тишинѣ нашей провинціальной литературы одну изъ главныхъ причинъ, погубившихъ не одну талантливую, богато одаренную натуру, не находящую никакого примѣненія своимъ силамъ ¹⁾).

II.

Первымъ толчкомъ, какъ мы уже говорили, къ развитію въ Харьковѣ журнально-литературной дѣятельности было основаніе харьковского университета ²⁾, совпавшее съ золотымъ вѣкомъ нашей цензуры. По уставу 1803 г. „цензура всѣхъ печатаемыхъ въ губерніи книгъ имѣетъ принадлежать единственно университетамъ, коль скоро они въ округахъ открыты будутъ“. Окончательно выработанный въ 1804 г. цензурный уставъ лучше всѣхъ послѣдующихъ удовлетворялъ даже самымъ взыскательнымъ требованіямъ и смѣлымъ надеждамъ: цензура всѣхъ книгъ ввѣрялась въ руки комитета изъ профессоровъ и магистровъ. Главное управленіе университета только въ рѣдкихъ случаяхъ

¹⁾ Стояновъ. Воспоминанія о Каченовскомъ. Харьк. 1870.

²⁾ Изъ изданій, выходившихъ въ Харьковѣ еще раньше, мы можемъ указать на стихотворенія Сковороды, богословскія рѣчи профес. Духовной Академіи и еще на народные календари, издававшіеся при ректорѣ Прокоповичѣ между 1800—1820 годами.

вмѣшивалась какими либо распоряженіями отъ своего имени. Первые годы харьковскій университетъ (1805—1809), весь поглощенный заботами о собственномъ устройствѣ, о пріисканіи профессоровъ и привлеченіи слушателей, еще мало пускаетъ въ ходъ свои издательскія права и больше пользуется свободой слова въ живыхъ рѣчахъ, читаемыхъ профессорами не только на актахъ, но и при открытіи разныхъ училищъ своего обширнаго округа и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Первое десятилѣтіе харьковского университета является однимъ изъ самыхъ радужныхъ, исключительныхъ періодовъ въ исторіи нашего умственнаго развитія, когда лучшая часть общества рука объ руку съ правительствомъ шла на встрѣчу свѣту знанія, прогресса и гуманности, когда самое даже бѣдствіе 12-го года только сблизило насъ съ Западной Европой и дало возможность непосредственнаго знакомства съ ея утонченной жизнью и возвышенными нравственными принципами. Вѣра въ просвѣщеніе, убѣжденіе въ необходимости общественной реформы и довѣріе къ лучшимъ силамъ человѣка пронизало все болѣе и болѣе въ общественное сознаніе и живительными лучами будило нашихъ коснѣвшихъ въ невѣжествѣ прадѣдовъ, призывало къ новой, лучшей жизни. Это настроеніе всецѣло отразилось на всѣхъ рѣчахъ, которыя произносились профессорами харьковского университета и вмѣстѣ съ учебниками выходили въ свѣтъ, какъ первыя его изданія. Во всѣхъ ихъ прославляется просвѣщеніе, раскрываются передъ слушателями успѣхи человѣческаго ума по всѣмъ отраслямъ науки; таковы — рѣчь, читанная на актѣ 1811 г. „о преимуществѣ и силѣ истиннаго и совершеннаго просвѣщенія“, (въ которой ученый мужъ восторженно восклицаетъ: „о преславный и божественный свѣтъ истины! о когда бы ученые никогда не забывали, что обязанность ихъ есть питать и хранить тебя...!“), и „о пользѣ и вліяніи наукъ на благосостояніе рода человѣческаго“;—рѣчь директора училищъ Войска Донскаго—„о достоинствахъ человѣка, происходящихъ отъ дарованія слова“, въ которой попадаются тавія философско-лирическія мѣста: „что можетъ быть для человѣка занимательнѣе, какъ само человѣчество? Разумъ отличаетъ человѣка отъ жи-

вотнаго. Слово—сила. Человѣкъ всегда пребудеть великъ. Его силы, воскрылась даромъ слова, превозносятъ его надъ всѣми тварями и превознесутъ всегда выше и выше. Но сила слова—въ добрѣ, добродѣтель есть несомнѣнная спутница всѣхъ занимающихся изящными науками. Хвала поэтамъ!“

Въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ 1811—12 г. говорится: „О значеніи естественныхъ наукъ въ общежитіи“, „О пользѣ наукъ и въ особенности естественныхъ“, „О величіи изящныхъ наукъ“, „О пользѣ всемірной и отечественной исторіи“, „О важности общественнаго воспитанія“. Другія рѣчи передавали публикѣ всевозможныя научныя свѣдѣнія: „О дѣйствиіи сходствомъ противоположности матерій электрической и магнитной“, „О причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ предохранить его отъ совершенной порчи“, „О теплотворной матеріи и ея дѣйствиіи“. Въ 1816 году была сказана интересная лекція Архангельскимъ „О точныхъ наукахъ“, гдѣ подробно и разносторонне разсматривались достоинства математики и опровергалось очень горячо то предположеніе, что науки приносятъ вредъ. „Не науки, не искусства, не художественныя произведенія причиною зла, между людьми свирѣпствующей. Источникъ ихъ чистый, цѣль благородная, дѣйствиіе святое. Необузданное самолюбіе человѣческое всему злу виновой!“

Всѣ эти рѣчи читались не для однихъ учащихся, а для публики въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; университетъ пользовался всякими случаями, чтобы привлечь въ свои стѣны обывателей и занять ихъ умъ великими интересами науки. Праздновались не только дни акта университета но и день восшествія на престолъ Императора, въ 12—15 годахъ дни наиболѣе славныхъ побѣдъ.

Для привлеченія публики на актахъ не только читались рѣчи и отчеты, но разыгрывались цѣлыя симфоніи и ораторіи, устраивались пышныя иллюминаціи съ фигурными вензелями Императора. И все это носило не формальный казенный характеръ, а наивно восторженный, соотвѣтствовавшій общему при-

поднятому патріотическому настроенію тогдашней эпохи. Такъ, въ 1814 году на актѣ исполнялась ораторія въ трехъ частяхъ, гдѣ два хора прославляютъ русскаго Царя—„Царя славы силы“. Одинъ хоръ русскій вопрошаетъ горделиво:

Скажите намъ, цари, народы,
Что были ваши всѣ права,
Когда внимали безъ свободы
Наполеоновы слова?

Другой хоръ, изображающій французовъ, смиренно отвѣтствовалъ:

Мы о велчіи мечтали
И свѣтомъ овладѣть желали
И думали—Наполеонъ
Взошедъ на древній галльскій тронъ
Законъ всему дастъ свѣту и т. д...

Послѣ чего описывались всѣ несчастія, постигшія народы отъ воцаренія Наполеона, и прославляется русскій Царь. Легко представить себѣ, какимъ умиленіемъ наполнялись при такихъ „симфоніяхъ“ сердца обывателей, для которыхъ Александръ I являлся въ сіяніи героя освободителя и вѣстника мира. Всѣ эти ораторіи, рѣчи, въ печатномъ видѣ и устной передачѣ, быстро распространялись въ тогдашнемъ обществѣ, а вмѣстѣ проникали вглубь провинціи и просвѣщеніе и гуманныя начала. Правда, эти первые начатки культуры иногда выражались и уродливыми формами слѣпаго подражанія Европѣ и чисто внѣшняго лоска, какъ мы это видимъ изъ правдивыхъ очерковъ талантливѣйшаго изобразителя тогдашней провинціи ¹⁾ Квитки, но все же это были первыя сѣмена прогресса, первыя шаги общества изъ мрака къ свѣту. Въ провинціи нарождался мало по малу классъ интеллигентныхъ людей, прислушивающихся къ тому, что дѣлалось на Божьемъ свѣтѣ, людей, уже нуждавшихся въ книгѣ, журналѣ, газетѣ, и мы видимъ, что Харьковскій университетъ, чутко прислушиваясь къ запросамъ окружающей его среды, скоро улавливаетъ этотъ новый интересъ общества и спѣшитъ его удовлетворить, переходя отъ рѣчей и учебниковъ къ изданію болѣе разностороннихъ печатныхъ произведеній.

¹⁾ См. 4-й томъ соч. Квитки. Украинскіе дипломаты, Ярмарка и др.

III.

Самая старая изъ изданныхъ харьковской университетской типографіей книгъ—„Бабушка и внучка“—повѣсть въ стихахъ неизвѣстнаго автора—помѣчена 1811 годомъ. Мы нигдѣ не могли ее найти. Хотя мы не знаемъ заглавій другихъ издававшихся около того же времени книгъ, но очевидно, что она не первая, такъ какъ въ архивѣ харьков. университета находится слѣдующая официальная бумага отъ того же 1811 года, полученная совѣтомъ университета отъ Алексѣя Разумовскаго, тогдашняго министра просвѣщенія:

Дѣла харьковскаго совѣта университета съ цензурнымъ комитетомъ! Дѣло № 2598. „Предлагаю принять по харьковскому учебному округу слѣдующія мѣры: 1) наблюдать, чтобы вѣдомости о разсмотрѣнныхъ цензурнымъ комитетомъ книгахъ и сочиненіяхъ доставляемы были во мнѣ непременно по истеченіи каждаго мѣсяца. 2) Новыя театральныя сочиненія и отдѣльныя ежедневныя листы, содержащія какія либо частныя или публичныя извѣстія, буде бы поступили впредь въ цензуру, обращать по принадлежности въ министерство полиціи. 3) Сдѣлать распоряженіе, чтобы для помѣщенія въ газетахъ не было принимаемо отъ частныхъ лицъ никакого объявленія, ежели оное не было прежде представлено на разсмотрѣніе полиціи. 4) Ежели представлены будутъ отъ частныхъ лицъ прошенія о заведеніи новыхъ типографій, то не давать имъ на то дозволенія, пока не представятъ со стороны министерства полиціи свидѣтельства въ благонадежности, да и въ такомъ случаѣ предварительно представлять мнѣ о дозволеніи открыть типографію. Алексѣй Разумовскій. Августа 17. 1811 года. Петербургъ“.

Въ этомъ же 1811 году была запрещена, тоже по предложенію Разумовскаго, одна книга (Дѣло за № 2593) „Предлагаю харьковскому университету сдѣлать распоряженіе, чтобъ въ случаѣ представленія въ цензурный комитетъ онаго перевода польскаго сочиненія графа Стройновскаго о условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами и проч. не было дано дозволенія на печатаніе сей книги“. Ал. Разумовскій.

Это являлось только ослабленіемъ цензурной самостоятельности университета, а слѣдующая бумага, пришитая въ тому же дѣлу за № 2593, прямо уже имѣетъ видъ вмѣшательства въ оцѣнку учебниковъ, издаваемыхъ университетомъ для надобностей вѣреннаго ему округа: „Совѣту харьковскаго Императорскаго университета. Вслѣдствіи представленія совѣта за № 358, предлагаю оному совѣту, учебную книгу, которая сочинена будетъ и по разсмотрѣніи совѣта найдена будетъ полезная для университета или гимназій до напечатанія оной, представлять мнѣ. Какое же награжденіе выдавать сочинителямъ, о томъ въ свое время сдѣлано будетъ постановленіе. Ал. Разумовскій“.

Дальше въ дѣлахъ архива мы не находимъ дѣлъ, относящихся до изданія той или другой книги, но зато много дѣлъ, касающихся различныхъ періодическихъ изданій, о которыхъ рѣчь впереди. Что же касается до книгъ, издаваемыхъ въ это далекое время университетской типографіей, то до насъ дошли только заглавія ихъ, но самихъ книгъ не находится уже ни въ бібліотекахъ, ни въ архивѣ харьковскаго университета. Древнѣйшія видѣнныя нами книги—переводъ поэмы Делиля „Сады“ 1814 года и стихотворенія Нахимова 1815, извѣстнаго поэта и сатирика. Обѣ книги отпечатаны на толстой синеватой бумагѣ стариннымъ выпуклымъ шрифтомъ. Стихотворенія Нахимова и теперъ читаются еще съ интересомъ, особливо его короткія басенки, отличающіяся тонкимъ юморомъ и наблюдательностью. Память о Нахимовѣ, какъ о веселомъ, остроумномъ шутникѣ, сохранилась еще до сихъ поръ въ средѣ харьковскихъ старожилонъ. Особенной популярностью пользуются его сатиры на „канцеляристовъ“ и „палатныхъ“ чиновниковъ. Въ 1809 году при харьковскомъ университетѣ назначены были курсы для чиновниковъ; безъ диплома, выдаваемого по окончаніи этихъ курсовъ, нельзя было получить чина. Нахимовъ, бывшій тогда студентомъ, осыпалъ ихъ сатирами своими:

Зрять тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщенемъ
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленемъ.

Какія времена! должны вы слушать курсъ,
 Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсъ,
 А чинъ ассессорскій, только вождедѣльный,
 Ты убѣгаешь днесь, когда я восхищенный
 Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ,
 Быть можетъ навсегда прости, любезный чинъ?!...

Среди писателей, особливо часто издававшихъ свои сочиненія, намъ попадаются имена многихъ профессоровъ: Гонорскаго (Опыты въ прозѣ, 1818 г.) Склабовскаго (Опыты въ стихахъ, 1819 г. и Злорѣчіе, стих. 1823 г.), учителя Вербицкаго (Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій, 1822), Левшина (Письма изъ Малороссіи 1816) и писательницы Любови Кричевской (Мои свободныя минуты—стихот. 1817 г.) Нѣтъ добра безъ награды, драма, 1826 г., Графъ Гореній, повѣсть 1837 г. Болѣе полный списокъ книгъ, издававшихся въ Харьковѣ, можно найти въ указателѣ Чирикова (см. Харьков. Сборн. 1889 г.).

IV.

Обратимся теперь къ древнѣйшимъ періодическимъ харьковскимъ изданіямъ.—„Харьковскимъ Извѣстіямъ“ и „Украинскому Вѣстнику“. Въ архивѣ не сохранилось той бумаги, которою совѣтъ университета разрѣшалъ выходъ въ свѣтъ этихъ изданій, но по другимъ дѣламъ мы видимъ, что эти изданія вызвали не мало заботъ какъ со стороны цензурнаго комитета, такъ и университетскаго совѣта. Такъ, мы видимъ, что въ дѣлѣ подъ № 98 въ 1816 г. кандидатъ Вербицкій, издатель „Харьковскихъ Извѣстій“, получилъ позволеніе помѣщать въ своихъ листахъ перемѣны, случающіяся въ университетѣ и въ его учебномъ округѣ, а также въ подвѣдомственныхъ ему ученыхъ обществахъ. Въ 1818 году видимъ, что правленіе университета „мнѣніемъ положило, что „Харьковскимъ Извѣстіямъ“ довольно будетъ на первый разъ издавать одинъ листъ въ недѣлю, каковыхъ отпечатать 600 экзempl., кромѣ прибавленій объ извѣстіяхъ и объявленій отъ частныхъ лицъ, за кои деньги будутъ получаться особо, все же будетъ стоить 1500 р., а что касается до числа

пренумерантовъ, то сего напередъ опредѣлить нельзя, о чемъ одному совѣту имѣеть честь донести Деканъ Успенскій" (см. Дѣло за № 1987).

Затѣмъ въ томъ же году получается бумага отъ департамента нар. просв., въ которой отъ попечителя требуются подробныя свѣдѣнія, „чего будетъ стоить годовое изданіе сихъ извѣстій по примѣрному расчисленію и можно ли надѣяться на число пренумерантовъ на сей журналъ; равнымъ образомъ, можетъ ли быть отъ него какая либо польза? Обо всемъ томъ, равно какъ и о содержаніи самыхъ „Харьковскихъ Извѣстій“ увѣдомить меня обстоятельно. Что же касается до предполагаемаго заимствованія политическихъ извѣстій изъ варшавскихъ газетъ, то я нахожу нужнымъ замѣтить, что оныя не суть сами первоначальными источниками таковыхъ извѣстій, а потому лучше почерпать сіи извѣстія изъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ. Подлинное подписали министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Голицынъ и директоръ департамента Поповъ“. (См. дѣло № 704). Со всѣми этими вопросами попечитель Карнѣевъ обращается къ университету, предлагая донести ему: „о числѣ пренумерантовъ, о цѣнѣ за годовое изданіе и о томъ, не будутъ ли сіи Извѣстія въ убытокъ университету“. На это секретарь правленія университета Джунковскій отвѣчалъ, что онъ обращался для предписанія „пренумерантовъ“ къ губернаторамъ, архіереямъ, предводителямъ дворянства, смотрителямъ и директорамъ. Изъ этого мы видимъ, что университетъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ этой первой еженедѣльной газеты и боялся, чтобы изданіе ея „не ввело его въ убытки, а потому и обращается съ просьбой о выпискѣ ея ко всѣмъ официальнымъ покровителямъ просвѣщенія“.

Посмотримъ однако, какъ отнеслось само общество къ новой газетѣ. Въ первомъ же № мы встрѣчаемъ письмо къ издателямъ отъ читателя; въ немъ столько наивной симпатіи и добродушной простоты, какой мы не видимъ теперъ въ отношеніяхъ между читателями и редакціей, а потому мы позволяемъ себѣ привести его здѣсь дословно: „Спасибо вамъ, милостивые государи, за доброе намѣреніе ваше вспомоществовать намъ въ на-

шей промышленности и нашихъ экономическихъ работахъ. Какъ часто два сосѣда на 5 верстахъ имѣютъ надобность одинъ купить, другой продать испанскую шерсть, кирпичъ, холстъ и пр., и, не находя средствъ объявить о семъ, всякій изъ нихъ терялъ свои выгоды. Теперь выйдетъ совсѣмъ другое, только запаситесь, господа издатели, терпѣніемъ и равнодушіемъ. Сначала можетъ быть васъ и покритикують и не пожелаютъ присылать вамъ объявленій; листы ваши могутъ быть тощи, но со временемъ (въ мартѣ или апрѣлѣ) вы будете доставлять намъ цѣлыя дести различныхъ извѣстій. Дай Богъ вамъ часъ добрый! Не унывайте. Слыхалъ я, что и Московскихъ Вѣдомостей при началѣ изданія не расходилось въ годъ болѣе 600 экземпляровъ, а теперь? Итакъ, терпѣніе гг. издатели! Впрочемъ отъ всего сердца желаю, чтобы Харьковскія Извѣстія занимательны были не только для сей губерніи, но и для всего полуденнаго края. Пребуду всегда усерднымъ читателемъ листовъ вашихъ¹⁾.

Изъ этого письма мы сразу видимъ, что придавало большую цѣнность газетѣ, а именно: справочныя свѣдѣнія для купли и продажи тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ продуктовъ. Это объясняетъ намъ, почему и редакторы такъ хлопотали о полученіи этихъ свѣдѣній. За объявленія о куплѣ, наймѣ, продажѣ, пропаяжѣ они платили по 20 к. отъ печатной строки, между тѣмъ какъ всѣ остальные статьи, замѣтки, и извѣстія не оплачивались вовсе или случайными вознагражденіями. Годовая плата съ подписчиковъ была 10 р. въ годъ (съ пересылкой 12 руб.); выходили „Извѣстія“ одинъ разъ въ недѣлю. Въ отвѣтъ на привѣтствіе читателя редакторы въ слѣдующемъ же № „пріятнѣйшимъ долгомъ“ поставляютъ изъявить чувствительнѣйшую благодарность тѣмъ благомыслящимъ особамъ, кои обѣщали приложить возможное попеченіе, чтобъ поддержать изданіе сіе, столь необходимое для здѣшняго края, а тѣмъ порицателямъ, которые и не видѣвши (??) еще „Харьк. Извѣстія“, вздумали называть оныя *чудовищными*, обязанностію считаемъ напомнить, что критика ихъ ни мало не опасна. Издатели въ семъ случаѣ по-

¹⁾ См. 1-й № „Харьков. Изв.“. 1817. г.

слѣдуютъ совѣту любезнаго баснописца Крылова, который говоритъ:

Хулители на что ни взглянуть
Подымутъ вѣчно лай
А ты себѣ своей дорогой ступай.
Полають да отстануть!¹

Намъ неизвѣстно, какова была эта критика „хулителей“, но, рассмотрѣвъ газету за 6 лѣтъ ея существованія, мы видимъ, что она старается удовлетворить и желаніямъ подписчиковъ, выраженнымъ въ приведенномъ выше письмѣ, и придать въ то же время разнообразное содержаніе газетѣ. Объявленія мы встрѣчаемъ самыя разнородныя: и о театральныхъ представленіямъ, и о книгахъ, поступившихъ въ продажу, и о вѣрбостномъ человѣкѣ, бѣжавшемъ отъ своего помѣщика и укравшемъ при этомъ хомутъ, и объ открывающихся пансіонахъ, и о томъ, что въ университетѣ продается студенческой мундиръ и при немъ шпага, и о цѣнахъ на главные продукты, о состояніи торговли на главныхъ базарахъ и ярмаркахъ какъ харьковской, такъ и близко отъ нея лежащихъ губерній, и давала даже свѣдѣнія по всему югу Россіи изъ Нѣжина, Феодосіи, Таганрога, Одессы, Екатеринодара и т. д.¹). Но кромѣ торговыхъ свѣдѣній, газета слѣдитъ и за умственной жизнью того края, сообщаетъ объ всѣхъ открывающихся училищахъ, ученыхъ обществахъ, описываетъ крупнѣйшія событія, смерть выдающихся лицъ; сообщаютъ, что въ окрестностяхъ Батурина убитъ черный медвѣдь, что въ рѣку Донъ обвалилась большая часть горы; описываются всѣ удовольствія г. Харькова, при томъ съ особымъ умиленіемъ говорится о благотворительныхъ балахъ и собраніяхъ: „Весьма восхитительно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ многіе спѣшили въ сіе собраніе, коего предметъ былъ столь благодѣтельный, столь благородный...!“

Пишется о всѣхъ полкахъ, проходившихъ черезъ городъ Харьковъ; описываются всѣ акты и празднества не только въ университетѣ, но и въ другихъ заведеніяхъ; съ особенной лю-

¹) Тутъ-же печатается объявленіе отъ учителя музыки, который беретъ въ 4 года шестерыхъ мальчиковъ обучать игрѣ на скрипкѣ и кіолончеллѣ, такъ что они могутъ играть симфоніи разныхъ виртуозовъ на скрипкѣ, квартеты, квинтеты и т. п.

бовью сообщается все касающееся Института Благородныхъ Дѣвиць, этого любимаго дѣтица харьковскаго общества, выхолонаго имъ на свои собственныя средства и уже въ 1820 г. принятаго Императрицей въ свое вѣдѣніе.—„Весьма желательно, говорятъ „Харьков. Извѣстія“, чтобы любители просвѣщенія посѣщали сіе примѣрное въ здѣшнемъ краѣ заведеніе во всякое время, какъ въ часы учебныя, такъ и въ обѣденное время. Только личнымъ обозрѣніемъ можно удостовѣриться въ справедливости, что чистота, устройство и порядокъ въ семъ заведеніи примѣрны и содержаніе во всѣхъ частяхъ прилично званію и состоянію благородныхъ дѣвиць!“

Много было свѣдѣній объ урожаяхъ хлѣбовъ по всему югу; помѣщались метеорологическія свѣдѣнія изъ села Крутикъ отъ В. Н. Каразина, также свѣдѣнія о смертности и рождаемости, и наконецъ въ 1818 году печатается статистическое изслѣдованіе края; „Краткая вѣдомость о слободско-украинской губерніи за 1816 годъ, составленная на основаніи предписанія Министра Внутр. Дѣлъ отъ 4 ноября 1817 года, о предметахъ, принадлежащихъ государственному хозяйству, о надѣленіи казенныхъ крестьянъ землею и переселеніи оныхъ и о разныхъ частяхъ хозяйства и промышленности“. Иногда попадались и бытовыя описанія, весьма наивныя по своему лиризму, какъ напр.: „Примѣрные помѣщики“, отрывокъ изъ котораго мы позволяемъ себѣ привести здѣсь: „На границѣ слободско-украинской и воронежской губерніи познакомился я съ двумя истинными сынами отечества и настоящими друзьями человѣчества. Эти родные братья помѣщики свято исполняютъ заповѣди Божьи въ разсужденіи ближняго. Крестьянъ почитаютъ не за рабовъ, а за дѣтей, вдовъ и сиротъ ублажаютъ, бѣгутъ на помощь къ священнику, упавшему въ яму въ полночь, съ лѣкарствомъ, вправляютъ ногу и проводятъ съ нимъ всю ночь, мирятъ двухъ враждовавшихъ помѣщиковъ“ и т. д. въ томъ же хвалебномъ тонѣ.

для помѣщиковъ, дабы нѣтъ у себя для препровожденія времени, особливо же въ длинныя осенніе и зимніе вечера, пріятную и небольшихъ издержекъ требующую музыку.

Изъ другихъ мѣстъ Россіи, не южной, газета мало имѣла свѣдѣній и ограничивалась перепечатками, да и то въ случаяхъ экстренныхъ, напр.—по поводу путешествія Государя¹⁾. Въ столицахъ газета тоже не имѣла своихъ корреспондентовъ, а потому прибѣгала къ выпискамъ изъ частныхъ писемъ, такъ напр.: объ актѣ въ Императорской академіи, причемъ издатели дѣлають къ такимъ выпискамъ свои предисловія: „Издатели Хар. Извѣстій узнали по слову и чувствамъ почтеннѣйшаго украинца и не могли не украсить симъ прекраснымъ отрывкомъ своего украинскаго періодическаго изданія“.

Извѣстія изъ заграницы въ первые годы выхода газеты носятъ еще какой-то наивно-сказочный характеръ и лишены достовѣрности, какъ напр.: „Изъ Марселя пишутъ отъ 28 мая что дей алжирскій велѣль отрубилъ головы англійскому, шведскому и сардинскому консуламъ. И хотя слухи о семъ нѣсколько между собой разнствуютъ, однако всѣ согласны, что французскому консулу не сдѣлано никакого вреда“. Или: „На островѣ Итакѣ *кажется* (!) произошло нѣкоторое возмущеніе между тамошними богатыми корсарами“. „Изъ Копенгагена пишутъ: прибывшіе сюда корабельщики разсѣяли слухъ, будто бы островъ Мадера поглощенъ вулканическими изверженіями. Надѣются, что слухъ сей не подтвердится“. „Изъ Парижа пишутъ: вчера и сегодня его величество король нашъ трудился въ кабинетѣ своемъ съ герцогомъ Ришелье долѣе обыкновеннаго“. „Изъ Италіи пишутъ, что одна женщина въ Римѣ

¹⁾ Съ особеннымъ умиленіемъ передаетъ редація, какъ въ Порховѣ „Императоръ между выѣхавшими на встрѣчу узналъ нашего Ивана Митроновича Мязгаго и весьма милостиво принять изволилъ отъ него крендели и яблоки, разспрашивалъ о жатвѣ и урожаѣ. На станціи Сорокиной Государь, узнавши, что почти въ самый часъ Его туда пріѣзда у станц. смотр. родила жена, тотчасъ пошелъ къ родильницѣ, поздравилъ съ новорожденной дочерью, приказалъ наименовать ее Александрой и удостоилъ быть восприемникомъ. Пожаловалъ родильницѣ 100 руб. и отцу новорожденной 100 р., да матери отца 50 р. Разнощигъ мужикъ съ яблоками закричалъ: „Государь, купи у меня яблоковъ!“ Александръ отвѣтствовалъ: „Охотно!“ и приказалъ взять 10 яблокъ и заплатилъ 25 руб. Читая мое письмо, прибавляетъ корреспондентъ: вы подумаете конечно, что читаете отрывокъ изъ исторіи Петра I или Генрика IV“.

разрѣшилась отъ бремени уродливымъ ребенкомъ съ рыбьей головой“.

Кромѣ того, для доставленія интересныхъ извѣстій редація и тутъ прибѣгала къ выпискамъ „изъ партикулярныхъ писемъ“, напр., приводится извлеченіе изъ письма одного путешественника про Карлсбадъ: „Природа для блага человечества нѣсколько уже тысящелѣтій безпрестанно дѣйствуетъ въ подземной своей лабораторіи и никакой умъ человѣческой не можетъ проникнуть тайнствъ ея... тутъ видишь людей всѣхъ націй, различныхъ языковъ, нравовъ и одѣлій, здѣсь видишь королей, графовъ, князей, герцоговъ, ученыхъ, военныхъ, купцовъ, мѣщанъ и наконецъ жидовъ. Не взирая на такое безчисленное разнообразіе, благопристойность въ обхожденіи нимало не нарушается: прохаживаясь пьютъ, разговариваютъ, шутятъ, смѣются, опять пьютъ и расходятся. Французы, пишетъ дальше путешественникъ, на все народъ гораздъ... но тутъ голодному надо имѣть терпѣніе. Я всегда во время обѣда проклиналъ французовъ. Тó ли дѣло благословенная Малороссія и лучшее ея кушанье—борщъ! Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“.

Въ концѣ года было напечатано, что „съ сего времени, получая заграничныя новости ближайшимъ путемъ и непосредственно, будутъ въ состояніи сообщать почтеннѣйшей публикѣ полуденныхъ губерній хотя нѣкоторыя изъ нихъ прежде всѣхъ другихъ газетъ“. Съ этихъ поръ размѣръ заграничныхъ извѣстій все болѣе и болѣе разрастается и обращается на политическую жизнь западной Европы. Подъ мягкой цензурой университетскаго совѣта, въ газету попадаютъ извѣстія и о засѣданіяхъ англійскаго парламента, и о волненіяхъ въ Италіи, о звѣрствахъ турокъ въ Греціи. Этотъ отдѣлъ скоро началъ наполнять всю газету, а внутреннія извѣстія, мѣстные вопросы все отступали на задній планъ, такъ что газета съ первой же страницы занимала своихъ читателей сообщеніями изъ иностранныхъ газетъ. Такое исключительное содержаніе конечно соотвѣтствовало тому жгучему интересу, съ какимъ и само тогдашнее общество слѣдило за западно-европейской жизнью въ 20-хъ годахъ.

Для развлечения своихъ читателей Вербицкій ввелъ съ перваго же года отдѣлъ „смѣси“, гдѣ печатались анекдоты, въ родѣ напр. такого: „одинъ бережливый человекъ никогда не ставилъ точки надъ буквой і, желая уменьшить расходъ на чернила“; помѣщались разсужденія „о поцѣлухахъ!“ и разсужденія почему то называемыя „критическими“, напр.: „Иные вѣрятъ чертямъ, другіе боятся чертей, а многіе походятъ на чертей!“ или: „Многіе живутъ чужимъ умомъ, многіе живутъ чужими деньгами, а и того болѣе, которые живутъ чужимъ трудомъ“. Тутъ же были и стихи въ родѣ слѣдующихъ:

„Я пѣсней бабочки пѣвился.
Ахъ, еслибъ я былъ мотылькомъ,
Я въ поле бъ не леталъ ни за однимъ цвѣткомъ,
Но слушая тебя, вокругъ тебя бъ рѣвился“.

Въ 4-мъ № одинъ острякъ изъ г. Переяслава даетъ трагикомическое изображеніе человѣческой жизни: „Свѣтъ—есть театръ, на которомъ люди составляютъ актеровъ. Случай сочиняетъ пьесу, нечаянность раздаетъ роли, политики подводятъ машины, а философы бываютъ праздные зрители, богачи и вельможи занимаютъ ложи, бѣдняки—партеръ, женщины доставляютъ прохладенія; несчастные чистятъ подсвѣчники, глупость играетъ въ оркестрѣ, а время опускаетъ занавѣсъ и закрываетъ оной. Піеса имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Свѣтъ желаетъ быть обманутымъ, слѣдовательно пускай обманывается“. Прологъ состоитъ изъ слезъ и вздоховъ, въ первомъ дѣйствіи показываются глупыя изображенія людей; тогда иные одобряютъ пьесу плескомъ, другіе освистываютъ и т. д.“

Въ другомъ № дается рецептъ для хорошаго романа въ новѣйшемъ вкусѣ: „возьми древній до половины развалившійся замокъ; длинный темный переходъ со многими дверями, изъ коихъ нѣсколько было бы потайныхъ. Три мертвыя въ крови дымящіяся тѣла, три скелета, задавленную женщину съ тремя кинжальными ранами въ груди. Разбойниковъ по произволению, любовнаго шептанія, скрытыхъ вздоховъ какъ можно больше...“.

Такимъ образомъ то шутками, то сообщеніями своими газета харьковскаго университета доставляла своимъ читателямъ

разнообразное и въ своемъ родѣ занимательное чтеніе. Посвященная южному родному краю, она носитъ впрочемъ свой мѣстный областной колоритъ только въ первые годы. Впослѣдствіи же, переполненная политическими извѣстіями изъ западной Европы, она принимаетъ шаблонный и подражательный характеръ, мало чѣмъ отличаясь отъ тогдашнихъ столичныхъ листковъ. Гораздо болѣе яснаго направленія придерживался другой университетскій органъ—„Украинскій Вѣстникъ“, къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

V.

„Украинскій Вѣстникъ“ выходилъ подъ редакціей трехъ выдающихся литературныхъ дѣятелей того времени: профессора Филомофитскаго, учителя Гонорскаго и знаменитаго писателя Г. О. Квитки. Впослѣдствіи редакторомъ его сталъ профессоръ Склабовскій, тоже извѣстный литераторъ. Редакція была одушевлена самыми искренними желаніями содѣйствовать своимъ журналомъ всестороннему подъему науки и литературы. Кромѣ того, въ этомъ органѣ чувствуется объединяющее всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ горячее чувство любви къ своему родному краю, желаніе узнать его и познакомить съ нимъ читателей. Мѣстная исторія, географія, этнографія составляютъ главное его содержаніе и по богатству и цѣнности передаваемыхъ свѣдѣній, и по удѣляемому имъ мѣсту.

Мы не имѣли въ рукахъ всѣхъ 4-хъ годовъ этого изданія, но знакомы съ 1816 (первымъ годомъ), 1817 и 18 (не всѣ книги) и 1819, и видимъ впрочемъ, что съ каждымъ послѣдующимъ годомъ мѣстное содержаніе замѣняется болѣе общимъ, такъ что въ 1819 году вмѣсто прежнихъ изслѣдованій по южнорусской исторіи, являются изслѣдованія о религіи индусовъ, о бытѣ китайцевъ, и даже открывается новый отдѣлъ, болѣе умѣстный въ газетѣ, чѣмъ въ журналѣ искусства и науки,—отдѣлъ „Смѣси“, или краткаго обзорѣнія заграничныхъ происшествій, гдѣ событія политическія перемѣшивались съ анекдотами. Очевидно, редакторы дѣлали уступку вкусамъ читателей,

такъ какъ изданіе не находило себѣ достаточно интеллигентной среды для распространенія въ ней. Задача редакціи была, конечно, не коммерческая, а чисто образовательная, культурная; имѣлось въ виду развить наилучшими словесными образцами переводной литературы вкусъ какъ читателей, такъ и читателей познакомить ихъ съ родиной и воспитать героическое чувство любви къ ней. Тогдашнее общество было совершенно неподготовлено къ такому чтенію, а потому, чтобы пріохотить читателей, редакція, какъ мы это видѣли изъ дѣлъ университета, разсылаетъ свой журналъ даромъ. Совѣтъ университета боясь лишнихъ расходовъ, просить у редактора „Украинскаго Вѣстника“ Филомофитскаго точнаго отчета о веденіи имъ этого журнала, и онъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія: Втеченіе перваго 1816-го года изданія, онъ, желая заохотить къ подпискѣ на оный, принужденъ былъ большую половину экземпляровъ изъ числа 350 разослать даромъ. Въ 1817 г. напечатано Украинскаго Вѣстника 500 экземпляровъ, издержки всѣ равнялись 4578 р., число сускривентовъ было 297. Отъ оныхъ собрано денегъ 5346 р., слѣдовательно выигрышъ въ 1817 году отъ изданія Украинскаго Вѣстника былъ въ 768 р. Въ 1818 году уменьшено число экземпляровъ, судя по прежней подпискѣ, до 400, и издержки на то, стоили 3789 р. Число сускривентовъ было 244, отъ оныхъ денегъ получено 4392 р. (слѣдовательно, выигрышу на 603 р.). Въ 1819 году еще уменьшено число экземпляровъ до 350, издержки не то простирались до 3764 р. Число сускривентовъ было 253, сумма отъ нихъ 4554 (выигрышу на 790 р.). Бумага выписываема была прямо съ фабрикъ. На значительную сумму выписывается иностранныхъ газетъ и журналовъ, что при изданіи университетскаго журнала не входитъ въ число издержекъ, къ тому же высшее учебное заведеніе можетъ имѣть больше довѣрія отъ сускривентовъ и средствъ увеличить число ихъ, чѣмъ частный человекъ“. (См. Дѣло № 1552, Архивъ хар. ун.). И несмотря на то, число „сускривентовъ“ никогда не доходило даже до 300 человекъ. Но все таки, несмотря на слабую отзывчивость тогдашняго общества, журналъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ литераторовъ и

вызывалъ иногда охоту писать даже у лицъ, не занимавшихся до того времени никакимъ писательствомъ. Изъ извѣстныхъ писателей въ журналѣ участвовалъ Квитка, писавшій подъ псевдонимомъ Фалурденъ Повинухинъ „Письма къ издателямъ“, полныя весьма тонкаго юмора, направленнаго на нравы современныхъ ему помѣщиковъ. Въ нихъ осмѣивается стремленіе ихъ непременно приглашать въ свой домъ гувернера или управителя „изъ французовъ“, которые заводятъ „новые порядки“, основанные на послѣднемъ словѣ цивилизаціи и приводящіе къ полному обнищанію помѣщика, и развращаютъ весь женскій персоналъ дома, отъ самой помѣщицы до послѣдней судомойки во дворѣ. Письма эти написаны въ такомъ комическо-сатирическомъ тонѣ, что читаются и теперь не безъ удовольствія. Въ стихахъ особенно отличались Кричевская, Райдаровскій и Гонорскій своими гладкими переводами почти со всѣхъ европейскихкихъ языковъ. Кричевская писала въ сантиментально-лирическомъ тонѣ, господствовавшемъ въ то время. Мы приведемъ образчикъ поэзіи этой писательницы, которая удостоивалась отъ редакціи „Укр. Вѣстн.“ всегда самаго лестнаго вниманья.

О дружба, искренность—священны!
 Гдѣ можно васъ теперь найти?
 Гдѣ люди тѣ нелицемѣрны,
 Сотрудники въ прямомъ пути?
 Свѣтъ создалъ новыя законы
 И власти нѣтъ его препоны!
 И чувства стали всѣ—обманъ
 И то, что жизнь намъ украшало,
 Что намъ блаженство доставляло
 Любовь и дружба—есть романъ и т. д.

Вотъ какимъ еще несовершеннымъ языкомъ высказывала первая харьковская поэтесса свои благородныя сѣтованья на бренность дружескихъ узъ, а современники умилялись и напереерывъ читали сборникъ ея стихотвореній, изданный подъ заглавіемъ „Мои Свободныя Минуты“ въ пользу Института Благородныхъ Дѣвицъ ¹⁾).

¹⁾ При первомъ стихотвореніи, присланномъ Кричевскою въ редакцію, напечатано и письмо ея къ редактору, въ которомъ такъ и связать чисто-сердечный

Писалъ въ „Укр. Вѣстн.“ стихи и Срезневскій¹⁾, обыкновенно выступавшій съ псалмомъ или одой подражаніемъ Горацію.

Оды переводилъ также и Филомафитскій. Нѣкто Сомовъ переводилъ цѣлыя отрывки изъ трагедій Вольтера, а Гулакь-Артемовскій заслужилъ благодарность редакціи за то, что своими „прекрасными подражаніями восточной или лучше священной поэзіи знакомить съ обиліемъ и благозвучіемъ славянскаго языка“. Увы! какъ бѣдны и некрасивы кажутся намъ теперь эти подражанія послѣ звучныхъ и красивыхъ стиховъ Лермонтова и Пушкина.

Смутися тварь!... Сіонъ источникъ слезъ пролей!
 Възбуди строптиву дщерь плачевною трубою;
 И гнѣвъ мой возвѣсти горѣ моей святѣй.
 Да вострепещетъ всякъ враждебный мнѣ языкъ!
 И да всколеблются вселенныя основы:
 Господь грядеть...

Благозвучнѣе другихъ кажутся намъ стихи Склабовскаго, въ которыхъ гораздо болѣе простоты и искренняго чувства, какъ напр. этотъ его романсъ:

страхъ начинающей писательницы передъ публичнымъ выходомъ на литературное поприще. Мы приводимъ его здѣсь съ его орфографіей: „Вы хотѣли милый другъ и братъ, чтобы нестройный мой голосъ былъ слышенъ въ Украинѣ: чувствую большое удовольствіе; хотя, испытывая себя, долго не смѣла рѣшиться исполнить желаніе ваше. Доселѣ все, что я писала въ свободныя минуты моей жизни, читали одни друзья мои; а для сердца любящаго насъ все въ насъ любовно.—Но что я предложу такому множеству читателей, меня не знающихъ? Не будутъ ли онѣ имѣть право сказать: какое самолюбіе, и чѣмъ я оправдаю себя? Они того не знаютъ, что изъ угожденія такому другу какъ вы, можно подвергнуть себя нѣсколькимъ осужденіямъ,—они не знаютъ, что я не имѣла случая учиться; читала только стихи а по навъку писала для тѣхъ, которые, не входя въ подробныя разиѣры словъ, измѣряютъ одни мои чувства и говорятъ, что я пишу по ихъ сердцу. Вотъ минуты, когда я мечтаю присвоить себѣ названіе писательницы. Но благодарю Бога, минуты такого ослабленія рѣдки; и я отъ частаго сердца прошу своихъ почтенныхъ читателей—прощать мои безчисленныя ошибки, поправлять ихъ, а больше всего не думать, чтобы я имѣла дерзкую мысль занять собою публику, забыла когда нибудь свое правило: „въ доброй волѣ не итти на судъ людей“. Вы—другъ мой—требуете того; повинуюсь вамъ, и могу увѣрить васъ, что всего дороже цѣню ту честь, которую вы мнѣ дѣлаете, помѣщая меня среди истинныхъ дарованій и почтенныхъ писателей, украшающихъ Украинскій Вѣстн., вами издаваемый. Любовь Кричевская.

¹⁾ Отецъ и вѣстнаго академика Изм. Ив. Срезневскаго, бывшій профес. російскаго краснорѣчія.

Полный мѣсяцъ надъ рѣкою
 Всталъ—задумчиво глядѣть,
 На берегу одна съ тоскою
 Дѣва юная сидитъ:
 Рветъ вѣнокъ изъ розъ душистыхъ,
 Связанный ея рукою,—
 И въ потокъ бросаетъ чистый,
 Окропя его слезой и т. д.

Среди всѣхъ этихъ подслащенныхъ романсовъ и черезчуръ торжественныхъ одъ попадаются эпиграммы и сатиры, но довольно наивныя.

Печатавъ всѣ эти стихи, редакція однако не помѣстила ни одного беллетристическаго произведенія въ прозѣ мѣстныхъ авторовъ и весь этотъ отдѣлъ наполняла образцами западной литературы. Это дѣлалось ею сознательно, что и объяснено въ статьѣ „Нѣчто о нашей живописной прозѣ и о нынѣшнемъ состояніи русской словесности вообще.“ „Одинъ по многимъ отношеніямъ уважаемый человѣкъ изъявилъ мнѣ свое удивленіе, пишетъ въ ней Гонорскій: почему въ нашемъ журналѣ такъ мало оригинальныхъ произведеній, и все большею частью переводы? Я могъ бы на это отвѣчать ему очень кратко во всякое время, особенно при нынѣшнемъ состояніи нашей словесности, лучший иностранный отрывокъ, удачно переведенный, полезнѣе дюжины толстыхъ и безвкусныхъ подлинниковъ. Но я удержался отъ рѣзкаго тона какого нибуоу всемірнаго цѣнителя и объяснилъ причину сего почти такъ, какъ теперь буду излагать ее моимъ читателямъ. Вольтеръ говоритъ: „когда какаа нибуоу нація начинаетъ выходить изъ первобытной своей грубости, то съ удивленіемъ смотритъ, какъ Аврора своими алыми перстами отверзаетъ врата востока и разсыпаетъ топазы и рубины по пути солища и зефиръ вѣется около Флоры и Амуръ играетъ оружіемъ Марса“. Благоразумный почитатель нашей живописной прозы могъ бы сказать тоже самое и о нашей словесности, т. е. о нашей провинціальной, украинской. Онъ этимъ показалъ бы,—что у насъ нѣтъ еще вѣрнаго вкуса, но вмѣстѣ призналъ бы въ насъ стремленіе къ пріобрѣтенію онаго и мы остались бы ему благодарны за его къ намъ вниманіе“.

Затѣмъ идутъ жалобы на ропотъ ничего не понимающихъ въ литературѣ и хладнокровіе „тѣхъ, для кого наши писатели проливаютъ потъ и чернила,“ и наконецъ очень ясное критическое отношеніе къ существовавшимъ въ то время направленіямъ литературнымъ, которыхъ отмѣчается три: славянолюбцевъ, Карамзинистовъ и наконецъ тѣхъ „у которыхъ нѣтъ начальника, но есть свое уложеніе т. е. правила здраваго вкуса, основанныя на примѣрахъ древности и времянъ новѣйшихъ.“ Этимъ то послѣднимъ и сочувствуетъ больше всего редакція „Украинскаго Вѣстника“, и оставаясь послѣдовательной, она предлагаетъ своимъ читателямъ образцы лучшей современной и классической западной литературы. Въ числѣ переводчиковъ мы особенно часто встрѣчаемъ имена Глафиры Шумлянскои, Александры Коростовцевой и Александры Каменской, владѣвшихъ нѣсколькими иностранными языками.

Таковъ былъ чисто литературный отдѣлъ разсматриваемаго нами журнала. Мы уже говорили, что въ научномъ отдѣлѣ онъ больше всего занимается мѣстными вопросами, и дѣйствительно—мы встрѣчаемъ въ немъ интересныя изслѣдованія по мѣстной исторіи, напр.: „Историческія замѣчанія о Малороссіи, отъ смерти гетмана Богдана Хмѣльницкаго до Полтавскаго сраженія“.

Грибовскаго: „О Малороссіи“—Ил-я—Кв-ки, статья, на которую дѣлалъ свои возраженія въ томъ же журналѣ Марвовъ; „О гетманѣ Хмѣльницкомъ“; затѣмъ обстоятельная статья „О Литвѣ“; эти статьи можно считать почти первыми у насъ пробами областнаго изученія исторіи, первыми начатками нашей этнографіи. Такъ напр. въ письмахъ Левшина „о малороссахъ“ мы находимъ подробную характеристику этого народа, его быта и душевныхъ особенностей, напр.: „Малороссіяне болѣе, можетъ быть, нежели всѣ извѣстные народы способны хранить вѣренныя тайны; но добродѣтель сія часто обращается въ порокъ и производитъ скрытность. Воровство было презрительнѣйшимъ проступкомъ у самыхъ древнихъ малороссіянъ;—оно и теперь здѣсь въ омерзеніи“. Или въ др. мѣстѣ: „чувствуя любовь, малороссіяне не скрываютъ ее и не томятся. Ежели сердца ихъ созданы любить другъ друга, то они бросаются на колѣна передъ

отцомъ съ матерью и съ свойственнымъ языку сердца красно-рѣчіемъ умоляютъ соединить ихъ. Съ той минуты, въ которую нѣжныя чувствованія сердець увѣнчаются согласіемъ родныхъ, они носятъ названіе жениха и невѣсты—названія, дающія имъ право всегда быть вмѣстѣ и позволяющія нѣкоторыя невинныя шутки. Возходящее солнце освѣщаетъ ихъ во взаимныхъ ласкахъ, вечерняя звѣзда застаётъ ихъ въ томъ же положеніи“... Въ этомъ сантиментализмѣ нельзя не видѣть начатковъ того будущаго народническаго романтизма, который сослужилъ не малую службу какъ нашей литературѣ, такъ и общественнымъ условіямъ жизни. Не надо забывать, что это писалось въ эпоху крѣпостничества, когда такое любовное отношеніе въ народу являлось крайнимъ либерализмомъ и когда на народъ смотрѣли какъ на безчувственнаго скота, не живущаго никакими чело-вѣческими влеченіями.

Областной отдѣлъ былъ богатъ и непосредственными описаніями различныхъ мѣстностей Южной Россіи: Херсона, Екатеринослава, Святогорской обители подъ Харьковомъ, Полтавы, Зміевского уѣзда, раскопокъ каменнаго угля въ Бахмутѣ,—все это служило темой для „живописныхъ описаній“, надъ которыми главнымъ образомъ упражнялись Вернетъ, Корнеліусъ, Левицкій и другіе. Въ 1819 году мы замѣчаемъ въ содержаніи журнала рѣзкую перемѣну: вмѣсто статей изъ мѣстной исторіи и бытописаній появляются статьи общаго содержанія, напр.: „Періоды или вѣки міра по счисленію извѣстнѣйшихъ индѣйскихъ книгъ“, или „Объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ на нравственность“ и т. п. Изъ бытописаній помѣщены: „Описаніе Грузіи“ Тюльпина и „Путешествіе по Швейцаріи“. Переводы заполняютъ почти весь журналъ; переводятъ и легкія и серьезныя вещи, статьи о критикѣ, о значеніи литератора берутъ изъ польской словесности; чувствуется, что умственные запросы расширяются, и для удовлетворенія ихъ редація журнала обращается къ готовымъ опредѣленіямъ и положеніямъ западноевропейской науки и литературы. Въ 10-й книжкѣ „Украинскаго Вѣстника“ мы находимъ малорусское произведеніе—комическую поэму Гулакъ-Артемовскаго „Солопій та Хивря“;

университетскій органъ не пренебрегъ народнымъ языкомъ и помѣстилъ его рядомъ со всевозможными подражаніями классической и новѣйшей художественной литературѣ и даже напечаталъ при этомъ на малорусскомъ языкѣ все обращеніе—письмо Г.-Артемовскаго къ редактору. Очевидно, свѣжесть и юморъ этой реальной сатиры плѣнили и развитой на чуждыхъ образцахъ художественный вкусъ редакторовъ „Украинскаго Вѣстника“¹⁾.

Намъ не удалось познакомиться съ содержаніемъ послѣднихъ годовъ „Украинскаго Вѣстника“—позднѣе 1819 года²⁾; Но среди бумагъ Харьковскаго Архива намъ попалась одна за 1825 годъ, помѣченная № 3913, въ которой новый редакторъ журнала В. Склабовскій доноситъ, „что на будущій 1826 годъ заниматься изданіемъ журнала на томъ же положеніи, какъ было до сего времени, находить для себя невозможнымъ, ибо средства и пособія, доставляемыя ему какъ редактору, вовсе не соразмѣрны съ его по сей части трудами и отвѣтственностью передъ читателями“. И журналъ прекратилъ свое существованіе.

VI.

За годъ почти до закрытія „Украинскаго Вѣстника“ харьковскій университетъ затѣялъ новое изданіе „Украинскій Журналъ“, которое пользовалось въ столичной прессѣ аттестаціей лучшаго научнаго провинціального органа. Редакторами его³⁾ университета назначилъ Гулака-Артемовскаго и Склабовскаго, но первый отказался по болѣзни и такимъ образомъ на попеченіи Склабовскаго оказалось единовременно два журнала. Вотъ программа

¹⁾ Вообще талантъ Гулака-Артемовскаго очень почитался современниками. Въ надгробной рѣчи Станиславскаго мы читаемъ о немъ слѣдующее: „не одни только юноши, всегда склонные къ восторженности, съ жадностью и наслажденіемъ читали въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего вѣка поэтическія оды и баллады Артемовскаго; сановные государственные люди, какъ Репнинъ, Паскевичъ, и мног. др. услаждали ими свои досуги“. (См. Харьк. Сбор. 1890, стр. 94).

²⁾ Котораго мы видѣли 8 книгъ.

³⁾ См. Дѣло за № 3142. Хар. ун. арх.

этого новаго ежемѣсячнаго изданія, какъ она высказана въ дѣлахъ самого университета (Д. № 69, 1823 г.):

„Сіе періодическое изданіе будетъ заключать въ себѣ слѣдующія четырехъ родовъ статьи:

I. Все, что касается до историческихъ извѣстій, успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ, земледѣлія, торговли, промышленности и др. достопамятностей такъ называемой Украины.

II. Всѣ роды прозаическихъ сочиненій, какъ то: разсужденія, рѣчи, повѣсти, разговоры, историческіе отрывки, жизнеописанія знаменитыхъ мужей, путешествія, всякаго рода изслѣдованія о свойствахъ языковъ и т. д.

III. Всѣ роды стихотворствъ, совмѣстныхъ обширности сего періодическаго изданія.

IV. Смѣсь, какъ то: библіографіи или извѣстія и сужденія о книгахъ и извлеченія изъ оныхъ, критическое разсмотрѣніе новѣйшихъ сочиненій. Любопытныя анекдоты и другія мелкія сочиненія, которыя почему либо не могутъ быть помѣщены въ первыхъ двухъ статьяхъ, особливо же краткія статьи нравственныя, также все по учебной части примѣчанія достойное относительно Имп. харьк. университета и его учебнаго округа, Института благородныхъ дѣвицъ и частныхъ пансіоновъ, въ Харьковѣ находящихся.

Главная цѣль сего журнала способствовать по возможности распространенію всеобщаго вкуса ко всему полезному, изящному, и пріятному, а посему въ ономъ будутъ помѣщены только такія сочиненія, которыя бы доставляли читателямъ и пользу и вмѣстѣ удовольствіе. Въ изданіи сего журнала могутъ участвовать всѣ наличные члены университета, но впрочемъ и произведенія постороннихъ особъ будутъ принимаемы съ благодарностью и помѣщаемы въ семъ журналѣ, если только оныя по своему содержанію и слогу будутъ соотвѣтствовать цѣли оного. Въ мѣсяцъ (выходить) двѣ книжки, каждая не меньше трехъ печатныхъ листовъ. Цѣна въ годъ 20 р., а съ пересылкой въ другіе города 25 р.“

Мы не можемъ провѣрить, насколько удачно осуществилась эта широкая программа въ самомъ журналѣ, потому что

намъ удалось увидѣть всего двѣ книжки его за 1825 годъ. Но содержаніе ихъ гораздо дальше отъ мѣстныхъ изслѣдованій и областныхъ извѣстій, чѣмъ у предшественника его „Украинскаго Вѣстника“, особливо въ первые годы его существованія. Мы видимъ въ „Украин. Журналѣ“ спокойное научное изложеніе главныхъ теорій, занимавшихъ тогдашнихъ ученыхъ и литераторовъ. Вотъ перечень статей въ разсмотрѣнныхъ нами 2-хъ книжкахъ:

1) Разсмотрѣніе XII книги Небесной Механики Лапласа. 2) О баснѣ и баснописцахъ, древнихъ и новыхъ—переводъ съ французскаго Семена Видулина, очень обстоятельная статья, изобилующая образцами басенъ разныхъ писателей, приводимыхъ въ подлинникъ и въ переводѣ на русскій или въ предѣлѣ нашихъ баснописцевъ. 3) Поэмы Дидактическія перев. съ франц. Василя Якимова. Всѣ эти статьи написаны тяжелымъ языкомъ; гораздо интереснѣе ихъ является самостоятельный разборъ поэмы Рыльева 4) Взглядъ на поэму, подъ названіемъ Войнаровскій. Трудно давалась критика нашимъ старымъ публицистамъ, да и относились къ ней крайне подозрительно. Изъ статьи, помѣщенной въ „Укр. Вѣстн.“ 1819 г., мы можемъ отчасти составить себѣ понятіе, какого взгляда на критику придерживались лучшіе писатели въ Харьковѣ въ то время: „Критика полезна, необходима, пишетъ Гулакъ-Артемовскій (переводя Красицкаго „Изъ критики“), когда она находится въ надлежащихъ предѣлахъ благоприличія, но бывъ употреблена во зло, она такъ далеко простерла владычество свое, а яремъ ея до толикой степени отяготѣлъ на умахъ поработенныхъ ея деспотизму, что нельзя не изнемочь подъ бременемъ ея. Существеннѣйшій корень зла сокрывается въ дерзости сатириковъ, которые, не довольствуясь тѣмъ, что вооружаются противу заблужденій, устремляются даже съ вооруженной рукою противъ заблуждающихся, посягаютъ на честь ихъ и имя, превращаютъ въ личность то, что должно быть общимъ... Ремесло критика и безъ того ужѣ ненавистно и производитъ едва ли не омерзѣніе къ тому, кто себя посвятилъ оному, слѣдственно онъ долженъ умѣть смягчать его дѣлать не столько отвратительнымъ!“ Вотъ, очевидно, чтобы не возбуждать „омерзѣнія“, критики того вре-

мени принимали сладчайшій тонъ, и если дерзали не восхищаться разбираемымъ произведеніемъ, то дѣлали это осторожно, напр., по поводу г-жи Сталь „Укр. Вѣстн.“ говорить: „еслибы я осмѣлился здѣлать замѣчанія на послѣднее сочиненіе г-жи Сталь, то сказалъ бы, что сужденія во многихъ мѣстахъ не вмѣстимы ея полу“... Такъ и въ статьѣ о Войнаровскомъ нѣтъ критики произведенія, а только изложеніе его содержанія со многими выписками. Изъ этихъ выписокъ видно однако, что автору сильно нравится поэма и что онъ сочувствуетъ вложенной въ нее любви къ родинѣ, къ Украинѣ, уважаетъ Рылѣва именно за то, что онъ „старается соединить въ себѣ оба-сіи священныя названія: *Поэтъ* и *Гражданинъ!*“ Затѣмъ идутъ 5) статья о Поэзіи и краснорѣчии у древнихъ въ особенности у грековъ и римлянъ—гдѣ восторженно „повѣствуется“ о Гомерѣ, Виргиліи и о ихъ продолжавшемся до тѣхъ поръ влияніи на писателей; 6) О необходимой и тѣсной связи наукъ изящныхъ съ точными (переводъ съ польскаго), 7) переводъ съ французскаго—Объ Энеидѣ Виргилія. Изъ одного этого перечня статей видно, какъ сильно „Украин. Журналъ“ развивалъ въ своихъ читателяхъ вкусъ къ классической литературѣ. Про свое, мѣстное и тутъ писалъ одинъ Вернетъ, продолжавшій свои „Выписки изъ моего путешествія по изюмскому уѣзду“, „посвященныя всѣмъ тамошнимъ дворянамъ, почтившимъ меня хлѣбомъ-солью“. Но тутъ тоже больше отвлеченныхъ разсужденій, о тщетѣ человѣческаго счастья, о любви къ родинѣ даже у лапландца, чѣмъ конкретныхъ описаній.

Кромѣ всего этого, въ журналѣ былъ еще отдѣлъ „Внутреннихъ извѣстій“,—гдѣ сообщается о проѣздѣ Государя черезъ Новгородъ Сѣверскъ, отдѣлъ „Смѣси“ съ анекдотами и рассказами изъ переводной литературы, объявленія (даже на франц. языкѣ) о выходѣ столичныхъ и заграничныхъ журналовъ, и наконецъ—стихи. Здѣсь мы замѣчаемъ нѣкоторый успѣхъ сравнительно съ поэзіей, помѣщавшейся въ „Укр. Вѣстн.“: и языкъ глаже, и содержаніе интереснѣе; такъ, мы имѣемъ прекрасный переводъ съ чешскаго Гулака-Артемовскаго „Царскій столъ“, преданье о Любушѣ, а въ мелкихъ стихотворе-

ніяхъ исчезаетъ подражательный сантиментализмъ и является романтическое настроеніе, какъ отзвукъ того романтизма, который уже охватывалъ всю столичную литературу.

„Украинскимъ Журналомъ“ заканчивается правильная періодическая издательская дѣятельность харьковскаго университета. Это совпадаетъ съ измѣненіемъ какъ общественнаго настроенія, такъ и цензурныхъ правилъ въ особенности. Уже въ 1819 году, по словамъ Сухомлинова, „правленіе училищъ, сообразуясь съ опаснымъ движеніемъ умовъ въ Европѣ, почло нужнымъ обозрѣть предметъ цензуры во всей его обширности и сдѣлать для него установленія, сообразнѣйшія прежнихъ съ обстоятельствомъ и временемъ“¹⁾.

Цензура изъ университета переходитъ въ руки цензурныхъ комитетовъ, которые учреждаются совершенно независимо отъ университетовъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Ригѣ, Вильно. Магницкій составляетъ секретную инструкцію, которою цензора должны руководиться наравнѣ съ новымъ цензурнымъ уставомъ. Всякія философскія ученія подвергается самой строгой цензурѣ, извѣстія изъ заграницы воспрещаются, всѣ нравственныя ученія должны проповѣдывать одинъ источникъ всякихъ понятій у человека—Божественное Откровеніе. Харьковскій университетъ подъ тяжелымъ правленіемъ попечителя Карнѣева весь проникается этимъ духомъ смиренномудрія²⁾. Карнѣевъ прямо „не допускалъ возможности предоставить разуму свободное поле дѣятельности“. Онъ надѣется „разогнать мракъ философскаго заблужденія, основаннаго на кичливости разума“, путемъ распространенія Божественной философіи Дютца, которая обязательно покупается для гимназій харьковскаго округа. Подъ этимъ реакціоннымъ вѣяніемъ литературная дѣятельность харьковскаго университета какъ бы замираетъ; по указателю книгъ и брошюръ, выходившихъ въ Харьковѣ—Чирикова мы видимъ постепенное уменьшеніе книгъ, изданныхъ университетомъ, а именно:

¹⁾ Сухомлиновъ. Къ ист. просвѣщ.

²⁾ См. Щелковъ. Изъ исторіи харьков. ун. Ж. М. Нар. Пр., 1890 г., кн. 10.

въ 1824 году вышло 13 книгъ и брошюръ, въ 1825—12, въ 1826—всего 6, а въ 1827—1 (и то только обязательно издаваемые рѣчи, произнесенныя на торжественномъ актѣ университета), въ 1828—4 (тоже только рѣчи и конспектъ римскаго правовѣдѣнія). Мы могли бы и заключить этой мертвой петлей нашъ обзоръ харьковской литературы начала нынѣшняго столѣтія; но заглянемъ еще немного далѣе, въ тридцатые годы, чтобы прослѣдить, какъ возродилось то литературное направленіе, котораго держался „Украинскій Вѣстникъ“ и какое собственно и составляетъ жизнь и задачу всякой провинціальной прессы, это—областное изученіе края со всѣхъ точекъ зрѣнія, изученіе народа и выясненіе его нравственной фізіономіи. Эту задачу и преслѣдовала позднѣйшая харьковская литература 30-хъ и 40-хъ годовъ. Первымъ дѣятелемъ, прямо ступившимъ на этотъ путь, былъ И. И. Срезневскій, начавшій съ 1833 года издавать свою „Запорожскую Старину“. Это—маленькія, въ восьмую долю листа книжечки, выходившія въ 33—34—35 и 38-мъ годахъ, и представлявшія богатое собраніе лѣтописей, думъ, пѣсенъ и рассказовъ изъ исторіи Малороссіи. Въ предисловіи къ первой книжкѣ Срезневскій говоритъ: „Издавая въ свѣтъ мое собраніе запорожскихъ пѣсенъ и думъ, я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину запорожскую—бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа—воиновъ, который своей храбростію и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юговостокъ Европы и даже Малую Азію, особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ и образомъ жизни и характеромъ будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства“. Не видя достаточнаго количества лѣтописей, по которымъ можно было бы изучить интересовавшій его народъ, Срезневскій обращается къ народнымъ преданіямъ, къ пѣснямъ и думамъ бандуристовъ. Знакомясь съ ними, онъ приходитъ въ восторгъ отъ ихъ художественной красоты: „И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, пишетъ онъ въ томъ же предисловіи, въ которыхъ старина запорожская отразилась такими вѣрными

живописными очерками,—старина, исполненная жизни, хотя и грубой, но величественной, поэтической!... Въ этихъ пѣсняхъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на доно свое при рожденіи,—все порывисто, подобно полету урагана степнаго, подъ глухія завыванія котораго онѣ взлелѣяны,—все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья“.

Это романтическое увлеченіе красотой малорусскихъ народныхъ произведеній проникаетъ всѣ этнографическія изслѣдованія того времени. Жаль только, что это самое увлеченіе помѣшало точности изслѣдованій Срезневскаго и отняло достовѣрность у изданныхъ имъ матеріаловъ. Но не смотря на это, всѣ лица, сколько нибудь одушевленные особымъ горячимъ патріотизмомъ, встрѣтили изданіе Срезневскаго съ восторгомъ и мы видимъ изъ числа лицъ, оказывавшихъ помощь Срезневскому при собираніи матеріала, что работа его пользовалась сочувствіемъ самыхъ развитыхъ представителей науки и просвѣщенія какъ въ университетѣ, такъ и внѣ его стѣнъ (тайн. сов. А. Ѳ. Квитка, ст. сов. Цебриковъ, Курдюмовъ, Венелинъ, профессора: Даниловичъ, Павловскій и мн. др.).

Укажемъ еще на два сборника, вышедшіе въ разсматриваемый нами періодъ 30-хъ годовъ — „Украинскій Альманахъ“ (подъ редакціей проф. Шпигоцкаго) и „Утренняя Звѣзда“ — сборникъ, изданный Петровымъ и вышедшій въ 1833 году. Въ „Украинскомъ Альманахѣ“ не только помѣщены 9 народныхъ малорусскихъ пѣсенъ и двѣ думы, но и оригинальныя стихотворенія на малорусскомъ языкѣ („Козакъ“ Боровиковскаго и „Малороссійская баллада“ Шпигоцкаго) и даже очень недурно переведенъ отрывокъ изъ Пушкинской „Полтавы“, подъ заглавіемъ „Марія“ (переводъ Шпигоцкаго).

Вслѣдъ за этими сборниками въ Харьковѣ опять оживаетъ литературная дѣятельность. Областное направленіе, одушевленное романтическимъ народничествомъ, которое поддерживало и всей тогдашней русской литературой, проявляется въ сборникахъ, въ изданіяхъ народныхъ пѣсенъ и въ развитіи оригинальной малорусской литературы. Но это литературное движеніе относится уже къ 40-мъ годамъ, разсмотрѣніе кото-

рыхъ не входить въ нашу статью. Мы хотѣли только отмѣтить то вниманіе, съ какимъ харьковскій университетъ съ самаго начала своего существованія относился къ родному краю, какъ много поработалъ онъ для изученія этого края и для пониманія населявшаго его народа. .

Мы хотѣли указать, что то романтическое народническое литературное движеніе, которое дало въ 40-хъ годахъ такіе роскошные плоды, жило въ харьковской литературѣ съ самаго начала ея существованія, благодаря живой связи, сразу установившейся между харьковскимъ университетомъ и краемъ, для котораго онъ долженъ былъ быть (и былъ таковымъ въ дѣйствительности) ядромъ просвѣщенія. Оглядываясь на всѣ тѣ статьи, которыя пришлось перечестъ въ этихъ старыхъ журналахъ съ ихъ толстой синей бумагой и съ невзрачными выпуклыми буквами, мы конечно видимъ въ нихъ много наивнаго, даже иногда нелѣпаго съ научной точки зрѣнія; но рядомъ съ этимъ отъ этихъ старыхъ страницъ вѣетъ на насъ чистосердечная вѣра въ просвѣщеніе, любовь къ своему дѣлу и ничѣмъ не прикрываемая горячая привязанность къ своему родному краю. Эти черты отличаютъ харьковскую журналистику въ періодъ ея зарожденія и эти же черты характеризуютъ и первыхъ профессоровъ харьковскаго университета, стараніями которыхъ создавалась самая богатая у насъ харьковская областная пресса.

С. Р.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.¹⁾

Князья Любомирскіе не сообщались съ городской аристократіей. У нихъ бывала только Павлова, Т—овъ съ женой (Софьей Павловной), Б—іе, такъ какъ Б—ая была дочерью управляющаго его имѣніями Стечинскаго, уже покойнаго и Т—ичъ. Кромѣ того, приглашался иногда на чай исправникъ, какъ лицо нужное. Имѣнія Любомирскихъ, какъ говорили, доставляли въ годъ 50000 руб. чистаго дохода. Но этой суммы недостаточно было на уплату однихъ процентовъ по долгамъ, заведеннымъ главою семейства княземъ Казиміромъ Любомирскимъ. Семейство состояло изъ вдовы, княгини Любомирской, второй жены покойнича отца Казиміра, князя Казиміра, его супруги и двоихъ дѣтей: сына и дочери. Вдова была прежде актрисой вѣнскаго театра. Это была видная еще красивая пожилая дама, отличавшаяся въ молодости необыкновенной красотой. Ей назначено было покойнымъ пожизненное содержаніе, и другіе члены семейства относились къ ней, какъ къ чужой. Она жила въ Ровно, пока не переѣхали на постоянное жительство въ свой домъ остальные члены, и затѣмъ удалилась въ Варшаву. Князь Казиміръ былъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ. Но безпутная жизнь въ столицахъ и заграницей сдѣлала его дряхлымъ, сѣдымъ старикомъ и подвергла страданію позвоночнаго хребта. Онъ уже не могъ самъ ходить; его возили въ креслахъ. Страданія его были такъ велики, что онъ

¹⁾ Кіевск. Стар. 1892 г. № 7.

не кричалъ, а просто ревѣлъ и рычалъ отъ боли, и ревъ его далеко слышенъ былъ изъ дому на улицу. Въ страданіяхъ, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ, онъ кончилъ въ Ровно свою жизнь. Онъ издерживалъ десятки и сотни тысячъ на актрисъ и разныхъ кокотокъ въ Вѣнѣ и Парижѣ и разстроилъ все свое громадное состояніе. Онъ писалъ въ молодости стихи польскіе и самъ полагалъ ихъ на музыку. Онъ славился, какъ отличный музыкантъ. Жена его—племянница бывшаго генераль-губернатора Гурьева. Отличалась она величественной осанкой и необыкновенной красотой. Она не была богата, но Любомирскій Казиміръ состоялъ подъ надзоромъ полиціи; желая отъ него избавиться, онъ поступилъ въ канцелярію генераль-губернатора, конечно бывалъ у него, какъ магнатъ, на вечерахъ и, пораженный красотой племянницы, сдѣлалъ предложеніе и сейчасъ былъ освобожденъ отъ надзора. Любомирская была православнаго исповѣданія, но подъ давленіемъ фанатической родни мужа и той среды, въ которую попала, она перестала посѣщать церковь, а затѣмъ стала исповѣдываться у ксендзовъ. Дѣти по закону должны были быть православными, но ихъ крестилъ ксендзь. Кто то изъ православнаго духовенства возбудилъ дѣло. Поручено было мѣстному протоіерею доносить въ консисторію ежегодно объ исполненіи Любомирскою исповѣди. Любомирская ежегодно доставляла объ этомъ протоіерею свидѣтельство какаго то сельскаго священника за подписью всего причта, а сама продолжала исповѣдываться съ дѣтьми въ костелѣ. Любомирскіе вели знакомство только съ крупными польскими магнатами, хотя ихъ средства до того истощились, что въ лавкахъ часто не хотѣли евреи отпускать имъ говядину подъ росписку. Они оставили огромный старый палацъ, находившійся на островѣ среди прудовъ, и жили въ небольшомъ каменномъ домѣ, на Романсовой улицѣ. Палацъ оставили за невозможностью, по недостатку средствъ, отремонтировать его, равно какъ и разрушившіеся два моста, которыми островъ соединялся съ городомъ. Этотъ палацъ они пожертвовали Министерству Нар. Просв. на нужды мѣстной гимназіи. Гимназическое начальство совѣмъ не ремонтировало палаца, и онъ болѣе и болѣе разрушался.

Въ великолѣпномъ, большомъ, расписанномъ фресками залѣ устроили гимназическую каплицу (часовню). Странно было смотрѣть, какъ на католическое богослуженіе съ потолка зала глядѣли миеологическіе нагіе боги, богини и амурь. На первомъ этажѣ помѣщались три учительскія семейства и надзиратель Пухальскій, да во флигелѣ еще одно семейство. Пухальскій сильно опустошилъ этотъ великолѣпный палацъ; онъ отыскивалъ 60000 червонцевъ, которые, по преданію, одной изъ Любомирскихъ были гдѣ то запрятаны. Онъ разбиралъ мраморныя каминныя, разбивалъ стѣны, срывалъ паркетъ, квадратъ котораго въ свое время обошелся каждый въ 25 руб. сер., обрывалъ бронзовую оковку и пр.

Оранжерея, отличавшаяся огромными апельсиновыми и лимонными деревьями, посаженными въ грунтъ и приносившими массу хорошихъ фруктовъ, была запущена, оставаясь безъ садовника, и наконецъ деревья эти, да и другія растенія вымерзли. Огромный фруктовый садъ¹⁾, подлѣ оранжереи, вслѣдствіе плохой огорожи, обгрызли еврейскія козы, и онъ совсѣмъ уничтожился. До освобожденія крестьянъ въ домѣ Любомирскихъ продолжала состоять въ бездѣльи огромная дворня. Былъ и дворецкій, и лакеевъ штукъ 12-ть, и козачки, и козаки, и охотники, и начальникъ охоты, и псарня, и придворный живописецъ, и повара, кучера и фореиторы, и много всякой другой челяди. Все это тѣснилось во флигелѣ подлѣ дома. Князь Казиміръ не имѣлъ никакихъ отношеній къ гимназій, хотя отецъ его построилъ для помѣщенія ея двухъэтажное каменное зданіе, причемъ и у строителя зданія Р—е одновременно выросъ двухъэтажный каменный домъ и большой одноэтажный флигель. Говорятъ, что потомъ князю Р—е поднесъ къ подписи какую то бумагу, и князь, не зная что подписываетъ, скрѣпилъ своею подписью дарственную запись Р—е на мѣсто, на которомъ послѣдній произвелъ свои постройки. За эти продѣлки Р—е потерялъ мѣсто, но онъ въ немъ болѣе и не нуждался. Домъ его сейчасъ былъ нанятъ подъ общія квартиры для гим-

¹⁾ Очевидно, забыто авторомъ записокъ: садъ былъ очень невеликъ.—Ред.

нази и большая наемная плата совершенно обезпечивала его семейство.

Изъ городскихъ жителей я помню еще отставнаго полковника Голтвинскаго, служившаго въ полку, которымъ командовалъ Пестель. Но Голтвинскій въ заговорѣ не участвовалъ; онъ былъ старый холостякъ и нигдѣ не бывалъ. Вель онъ жизнь весьма скромную, посѣщая аккуратно богослуженія. Секретарь полиціи В — ль имѣвшій собственный домъ съ садомъ, и большое семейство, тоже иногда являлся на карточныхъ вечерахъ у чиновниковъ и позволялъ себѣ крупную игру, хотя жалованье получалъ грошевое. Жила еще около аптеки вдова бывшаго когда то въ Ровно городничимъ Фонъ-Фридриксъ. Она вела знакомство большое всегда съ учительскимъ кружкомъ, рассчитывая, что, можетъ быть, кто-нибудь изъ учителей женится на одной изъ ея двухъ дочерей. М-те Фридриксъ получала особую, не въ примѣръ другимъ, пенсію, вполне обезпечивавшую ея содержаніе.

Мѣстный ксендзъ каноникъ, Морозъ, бывалъ также часто на вечерахъ у знати; онъ въ карты не игралъ, но зато пилъ немилосердно. Это былъ старикъ лѣтъ 60-ти, полный, краснощекій и необыкновеннаго здоровья. Онъ былъ, какъ и всѣ ксендзы, фанатикъ. Но любилъ ѣсть хорошо, пить безъ мѣры, повеселиться и пошутить въ компаніи. Онъ могъ трое сутокъ ѣсть и пить пуншъ, не ложась спать. Только на разсвѣтѣ чтобы освѣжиться, онъ раздѣвался до нага и, покрывшись плащомъ, выбѣгалъ въ садъ. Повалявшись въ снѣгу, онъ вытирался простыней до суха, становился совершенно трезвымъ и опять начиналъ пить. Говоря о Морозѣ, я вспомнилъ объ одномъ вечерѣ у окружнаго Ж — скаго. Послѣ ужина Ж — скій, вазначей Л — скій, служившій вмѣстѣ съ нимъ въ молодости въ казенной житомірской палатѣ, и Морозъ сидѣли въ небольшой комнатѣ, назначенной для куреня, и пили пуншъ. Л — скій повелъ разговоръ о давно минувшемъ времени, когда югозападный край былъ подъ намѣстничествомъ Вел. Кн. Константина Павловича. Рассказывалъ онъ о необыкновенной раздражительности и вспыльчивости Вел. Князя, имѣвшихъ для многихъ ро-

ковья послѣдствія. Между прочимъ, передалъ онъ одинъ такой случай; жаль только, что я не замѣтилъ фамилій дѣйствующихъ лицъ. Служилъ въ губернскомъ житомирскомъ правленіи въ теченіе многихъ лѣтъ старшимъ совѣтникомъ нѣкій господинъ, успѣвшій нажить солидный капиталъ. При немъ мѣнялись одинъ за другимъ губернаторы, и наконецъ назначенъ былъ нѣкто, братъ адъютанта В. Князя. Новый губернаторъ объѣхалъ сейчасъ всю губернію въ сопровожденіи жида фактора, необходимаго ему для особыхъ услугъ: черезъ посредство его шла плата отъ чиновниковъ за занимаемыя ими должности. Кто не хотѣлъ платить или у кого не было средствъ, того немедленно удаляли отъ должности. Въ числѣ послѣднихъ былъ какой то стряпчій съ огромнымъ семействомъ, состоящимъ изъ 14 душъ дѣтей и жены. Стряпчій въ то время получалъ, кажется, не болѣе 200 рублей ассигнаціями въ годъ жалованья. Стряпчему приходилось съ семействомъ совсѣмъ пропадать; онъ былъ русскій, слѣдовательно на какую нибудь помощь со стороны мѣстныхъ помѣщиковъ поляковъ разсчитывать не могъ. Къ счастью, онъ приходился родней упомянутому совѣтнику. Послѣдній въ одномъ изъ своихъ домовъ въ Житомирѣ далъ пріютъ семейству стряпчаго, пособляя ему и деньгами, а самого заставилъ переписывать для себя разныя бумаги и употреблялъ въ качествѣ адвоката по процессамъ, которые ему приходилось вести съ своими должниками.

Губернаторъ между тѣмъ сталъ выкапывать дѣла, которыя сулили ему большую добычу, въ теченіе полугода онъ успѣлъ совершить болѣе 180 уголовныхъ преступленій. Губернскихъ чиновниковъ онъ не рѣшился обложить прямой данью, и сталъ періодически брать у нихъ деньги въ видѣ займа безъ росписки, на честное слово. У болѣе состоятельныхъ занималъ больше. У совѣтника разъ занялъ 10.000 ассигнаціями, черезъ мѣсяць 5000, а затѣмъ черезъ мѣсяць потребовалъ еще 5000. Совѣтникъ отказалъ. Губернаторъ сталъ его тѣснить и давалъ такіе порученія, которыя пахли уголовщиной. Совѣтникъ поспѣшилъ выйти въ отставку; но рѣшился отомстить губернатору. Онъ составилъ доносъ на губернатора, подробно исчисливъ его злоупотребленія

и преступленія и поручивъ своей роднѣ обиженному стряпчему, отъ своего имени доносъ этотъ вручить лично Вел. Князю въ Варшавѣ. Должно быть стряпчій проболтался, такъ-какъ черезъ фактора губернаторъ узналъ о доносѣ и распорядился, чтобы полиція день и ночь слѣдила за стряпчимъ, и если послѣдній направится въ Варшаву, то чтобы немедленно его арестовала и отобрала доносъ. Совѣтникъ посредствомъ своихъ благопріятелей полицейскихъ принялъ свои мѣры. Разнесся слухъ, что стряпчій опасно заболѣлъ и лежитъ при смерти. Другъ совѣтника, частный врачъ, сталъ посѣщать больного и день, и ночь по нѣсколько разъ. Полиція успокоилась. Между тѣмъ стряпчій, перереяженный простымъ мужикомъ, успѣлъ ускользнуть изъ города, а тамъ на заранѣе заготовленныхъ перемѣнныхъ лошадяхъ благополучно переѣхалъ Бугъ и оказался внѣ сферы власти губернатора. Тогда разнесся слухъ, что стряпчій вдругъ выздоровѣлъ и исчезъ. Губернаторъ послалъ погоню; но было уже поздно. Опасаясь правдиваго доноса, губернаторъ изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и просилъ своего брата адъютанта отвратить грозу. Адъютантъ распорядился въ управленіи намѣстника, чтобы ему сейчасъ дали знать, если явится изъ волынской губерніи личность съ извѣстными примѣтами. Полиція его прослѣдила и насторожила уши. Когда стряпчій явился въ управленіе, адъютантъ принялъ его весьма ласково, расспросилъ его обо всемъ подробно и обѣщаль представить его В. Князю, когда это окажется возможнымъ, и приказалъ ему ежедневно навѣдываться въ управленіе.

Однажды В. Князь былъ чѣмъ то сильно раздраженъ, а въ это время къ нему не подворачивайся. Онъ кричалъ на всѣхъ, и носился какъ вихрь по золамъ. Адъютантъ еще ранѣе предупредилъ Вел. Князя, что изъ волынской губерніи долженъ явиться мелкій чиновникъ съ омерзительнымъ ложнымъ доносомъ на губернатора, такъ какъ этотъ дѣльный администраторъ не понравился всѣмъ волынскимъ взяточникамъ и негодаямъ. Адъютантъ уже нѣсколько разъ заглядывалъ въ управленіе, поджидая стряпчаго, и едва послѣдній явился, потащилъ его въ пріемный залъ В. Князя, и самъ отправился доложить. Стряпчій ни живъ, ни мертвъ стоялъ съ доносомъ въ рукахъ. До него

все ближе и ближе доносился крикъ В. Князя. Наконецъ, какъ молнія, налетѣлъ на него самъ В. Князь. „Что у тебя? Доносъ на волинскаго губернатора?“ „Точно такъ, Ваше Высочество!“ еле отвѣтили стряпчій, напуганный выраженіемъ лица и голоса В. Князя. В. Князь разорвалъ доносъ на мелкіе клочки и разметалъ по залу. Затѣмъ В. Князь совсѣмъ забылъ объ этомъ случаѣ. Стряпчій воротился въ семью. Губернаторъ опять приказалъ полиціи зорко слѣдить за стряпчимъ и совѣтникомъ. Послѣдній сталъ убѣждать стряпчаго отправиться въ Петербургъ и подать доносъ на губернатора и жалобу на В. Князя Государю Императору. „Тебѣ все равно; ты перенесъ худшее; не казнятъ же тебя за жалобу и доносъ; пожалуй, сошлютъ куда нибудь, — я не оставляю ни тебя, ни твоего семейства, и послѣ моей смерти оно будетъ обезпечено“. Стряпчій поддался, и съ жалобой на В. Князя и доносомъ на губернатора очутился въ Петербургѣ. Губернаторъ поднялъ трусъ, опять извѣстилъ брата; но стряпчій кануль, повидимому, какъ въ воду. Встрѣтивъ однажды Николая Павловича на улицѣ, стряпчій бросился на колѣни, поднялъ высоко надъ головою бумагу, Государь приказалъ ему слѣдовать ко дворцу. Прочитавъ жалобу на В. Князя, онъ сказалъ стряпчему, если ты жалуешься ложно, то ты пропалъ; но если твоя жалоба основательна, тебѣ оказана будетъ защита и тебя вознаградятъ. Затѣмъ приказалъ арестовать и накормить стряпчаго, а черезъ часъ фельдъегерь мчалъ стряпчаго въ Варшаву и везъ собственноручное письмо Государя къ В. Князю. Стряпчій струсивъ всю дорогу молилъ Бога, чтобы его В. Князь приказалъ сразу казнить. Фельдъегерь примчался ночью и просилъ вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія немедленно о себѣ доложить В. Князю. В. Князя разбудили. Прочитавъ письмо Государя, В. Князь измѣнился въ лицѣ, сейчасъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія, а на адъютантѣ своемъ оборвалъ эполеты. Въ ту же ночь слѣдственная комиссія съ стряпчимъ отпавилась въ Житомиръ. Стряпчему удалось извѣстить обо всѣмъ совѣтнику. Едва комиссія прибыла въ Житомиръ, какъ совѣтникъ явился къ ней и предложилъ, какъ опытный и подробно знающій всѣ дѣла губерна-

тора чиновникъ, принять его въ дѣлопроизводители. Коммиссія состояла изъ двухъ генераловъ и нѣсколькихъ другихъ чиновъ. Спустя двое сутокъ совѣтникъ повелъ такъ слѣдствіе, что губернатору никакъ нельзя было уже вернуться. Губернаторъ ночью явился къ совѣтнику съ повинною, принесъ ему долгъ 15000 и сверхъ того предлагалъ еще 30000, если онъ его успѣетъ хоть нѣсколько обѣлить передъ комиссіей. Совѣтникъ не согласился. Черезъ двѣ недѣли комиссія кончила свое дѣло и увезла губернатора подъ арестъ въ Варшаву. Стряпчій былъ освобожденъ, награжденъ пенсією и Станиславомъ въ петлицу; кромѣ того, ему возвращено было мѣсто. Губернаторъ по суду угодилъ въ арестантскія роты въ Вильно, а братъ его адъютантъ разжалованъ въ солдаты.

Вообще говоря, жизнь уѣзднаго города Ровно до крымской войны была весьма не красива. Излюбленнымъ развлеченіемъ, наполнявшимъ весь досугъ, а досуга было много, была карточная игра. Играли днемъ, играли ночью, играли въ страстной четвергъ и пятницу, играли во время производства дѣлъ и слѣдствій; играли во время рекрутскихъ наборовъ, на свадьбахъ, поминкахъ, крестинахъ, играли почти непрерывно; карты мерещились во снѣ и похмѣльи. Другаго разговора никогда не было, какъ только о картахъ, о карточной игрѣ. Горсть учителей, въ такомъ кругу, лишена была всякаго значенія и добрая часть ихъ цѣликомъ посвящала себя и свой досугъ карточной игрѣ. Этому способствовали и директора и инспектора гимназій. Досуга у нихъ была бездна: они по цѣлымъ мѣсяцамъ могли безнаказанно не являться въ гимназію и управлять ею изъ своей квартиры. Скажу еще нѣсколько словъ о тяготѣвшемъ надъ православнымъ народомъ дворянскомъ помѣщичьемъ классѣ, принадлежавшемъ къ чуждой народу католической религіи и чуждой народу польской національности. У польскихъ помѣщиковъ, ихъ крѣпостной православный народъ именовался *bydło* (скотъ), а также хамы. До инвентарей, введенныхъ генераль-губернаторомъ Бибиковымъ, по которымъ ра-

бота на помѣщика полагалась только въ теченіе трехъ дней съ души, народъ работалъ всю недѣлю, не исключая и праздниковъ. Свой хлѣбъ обрабатывали болѣе по ночамъ. Крѣпостной человекъ—это лицо, стоящее внѣ закона: съчь его можно было сколько угодно. Сѣкли крѣпостныхъ паны и пани, сѣкли ихъ управляющіе, сѣкли экономы, сѣкли полицейскія и всякія другія власти, сѣкли за преступленія и проступки, сѣкли по суду и безъ всякаго суда. Польская магнатка Ст—ая въ сѣверо-западномъ краѣ воскрешала застѣнокъ со всевозможными пытками. Однажды она провѣдала, что лакей, ея любимѣйшій фаворитъ, завязалъ связи съ ея красавицей горничной, дѣвушкой лѣтъ 16-ти. Изъ ревности она взяла горничную въ комнату пытокъ; ставила ее босыми ногами на раскаленную жаровню и т. п. Лакей бѣжалъ въ Петербургъ и подалъ Николаю Павловичу доносъ на звѣрство Ст—ой. Назначенный Государемъ изъ Петербурга слѣдователь раскрылъ всю истину. Ст—ая посажена была въ тюрьму, гдѣ вскорѣ скоропостижно скончалась. Говорили, будто она сама отравилась. Помѣщикъ лудкаго уѣзда Зенонъ Ч—кій изъ Забороля (Омелянки) по праздничнымъ днямъ сочинилъ для себя слѣдующее развлеченіе. Онъ приказалъ выкопать длинный и весьма глубокой и широкой ровъ; по одну сторону рва устроенъ былъ барьеръ. Ко рву собирали дѣвокъ и приказывали прыгать черезъ ровъ. Которая счастливо перепрыгивала—то получала рубль, а которая попадала въ ровъ—получала 25 розогъ. Послѣ крымской войны обратили наконецъ вниманіе на этого сумасброда, и имѣніе его отдали въ администрацію. Разъ онъ, весною проѣзжая черезъ прудъ, обломался и тонулъ. Крѣпостные спасли его. Зенонъ того же дня пересѣкъ своихъ спасителей, и поставилъ около пруда крестъ (фигуру) съ надписью:

Pan (Bóg) pana od śmierci zbawił
Pan Panu krzyż postawi!

кто то внизу прибавилъ:

Nie bóisie panie Zenonie;
Co ma wisieć, nie utonie!

Крѣпостныхъ и мѣщанъ могъ сѣчь, сколько угодно тотъ, у кого они состояли въ услуженіи.—Будь это чиновникъ, шляхтичъ, или даже еврей. Жаловаться было некому. Евреи почтосодержатели пороли ямщиковъ ежедневно. Евреи корчмары тоже драли своихъ пахолковъ (сторожей, разсылныхъ), которые назывались имъ изъ экономіи, пороли наймычекъ служанокъ изъ христіанъ. Запрещено было въ городахъ и мѣстечкахъ евреямъ имѣть христіанскую прислугу, а между тѣмъ не было зажиточнаго еврейскаго семейства, у котораго ея не было бы. Я самъ помню дѣло объ одномъ почтосодержателѣ еврей въ селеніи Крапивнѣ, кажется, липовецкаго уѣзда, который не только до полусмерти, засѣкалъ ямщиковъ; но одного въ пьяномъ видѣ, немилосердно высѣкши, въ трескучій морозъ приказалъ нагого привязать къ столбу, около котораго гоняли лошадей и облить водою. Ямщикъ моментально умеръ. Началось слѣдствіе. Еврею оно обошлось тысячи въ три, но ямщикъ признанъ былъ умершимъ отъ загорѣвшагося въ немъ спирта и удара апоплексіи. Хотя духовенство было враждебно настроено противъ польскихъ пановъ и ксендзовъ, стремившихся всѣми путями окатоличить своихъ православныхъ крестьянъ, хотя оно убѣждало своихъ прихожанъ крѣпко хранить вѣру отцовъ и не поддаваться панамъ; но все таки волей неволей они стояли за существующіе порядки. Ополяченіе и окатоличеніе главнымъ образомъ совершалось въ средѣ панской дворни, и если мѣстный священникъ слишкомъ горячо заступался за свою паству, то полиція, оплаченная паномъ, представляла такого священника высшей власти, какъ революціонера, возбуждающаго крѣпостныхъ противъ панской власти. Ходатайство пана у секретаря консисторіи и членовъ рѣшало судьбу упрямаго попа: если онъ имѣлъ средства и самъ дарилъ консисторію, ему дѣлали выговоръ и перемѣщали въ другой приходъ; въ противномъ случаѣ оставляли за штатомъ или ссылали въ монастырь, а иногда даже сажали и въ тюрьму. Во многихъ селеніяхъ существуетъ множество католическихъ дворовъ, именующихъ себя шляхтою. Это все совратившаяся изъ православія панская дворня. Въ ксендзовкахъ, т. е. селеніяхъ и деревняхъ, принадлежавшихъ католическимъ приходамъ

всѣ православные дворы огуломъ совращены, и въ нихъ и теперь нѣтъ ни одной православной души. Теперешніе жители ксендзовокъ по большей части дѣйствительно польскаго и католическаго происхожденія; хотя не знаютъ почти ни слова по польски и говорятъ только на мѣстномъ украинскомъ нарѣчїи. Это потомки незаконнорожденныхъ дѣтей ксендзовъ. Многочисленная женская прислуга на пробствахъ часто мѣнялась ксендзами. Возвращались въ семью и женщины и дѣвки забеременѣвшими. Мѣста ихъ занимали другія красивыя женщины и дѣвки. На ксендзовскихъ огородахъ и въ садахъ все лѣто работали дѣвки изъ ксендзовокъ, и многія изъ нихъ послѣ работы оказывались беременными. На такихъ по приказанію и благословенію ксендза должны были жениться сыновья болѣе зажиточныхъ крѣпостныхъ. Въ случаѣ протеста ксендзъ сѣлъ ихъ розгами въ деревнѣ, а въ крайнемъ случаѣ требовалъ къ костелу въ праздничный день и публично передъ народомъ сѣсть на паперти веревками отъ костельныхъ колоколовъ до тѣхъ поръ, пока не получалъ согласіе жениться на забеременѣвшей отъ ксендза дѣвкѣ. Съ польской революціи 1831 года эти порядки начали проходить. Но было уже поздно. Ксендзовки окатоличились, и жители ихъ стали себя считать польскою шляхтою, хотя продолжали употреблять и употребляютъ до сихъ поръ свой природный языкъ.

До революціи 1831 года русскій чиновникъ въ судѣ и полиціи составлялъ рѣдкость. Жандармы тоже состояли изъ поляковъ. Судья, подсудки избирались панамы изъ своей среды; такъ называемый (родъ прокурора) писарь, секретарь и архиваріусъ назначались правительствомъ изъ поляковъ, дѣтей панскихъ официалистовъ. Судъ былъ гласный. При открытыхъ дверяхъ адвокаты защищали дѣла. Сессіи суда назывались каденціями. Русскій въ этихъ судахъ никогда не оказывался правымъ.

Полиція извѣстна была подъ названіемъ земскаго суда. Она состояла изъ капитанъ-исправника, раненаго капитана или маіора въ отставкѣ, часто полуграмотнаго, часто даже поляка; изъ четырехъ засѣдателей помѣщиковъ, служившихъ по

выборамъ польскаго дворянства, подписывавшихъ свои фамиліи по подписямъ карандашемъ, сдѣланнымъ на русскомъ языкѣ секретаремъ суда; изъ секретаря и столоначальниковъ. По всемъ происшествіямъ слѣдствіе производилось въ земскомъ судѣ, для чего виновные вызывались въ судъ. Иногда же исправникъ совмѣстно со стряпчимъ и однимъ изъ засѣдателей производилъ слѣдствіе на мѣстѣ, напр.—въ случаяхъ грабежа, убійства. Слѣдственное дѣло отправлялось въ уѣздный судъ. Дѣлопроизводство въ земскомъ судѣ производилось исключительно на русскомъ языкѣ, почему секретарь и столоначальникъ назначался правительствомъ изъ русскихъ семинаристовъ. Исправникъ тоже назначался правительствомъ. Въ уѣздномъ судѣ письмоводство тоже велось на русскомъ языкѣ; но каденціи велись на языкѣ польскомъ. Какъ въ земскомъ, такъ и въ уѣздномъ судѣ всю суть составляли секретари. Секретарь земскаго суда вполне управлялъ уѣздомъ. Исправникъ производилъ слѣдствія, разъѣзжалъ по помѣщикамъ, которые посылали ему цѣлые обозы всякой всячины, водворялъ повиновеніе крѣпостныхъ предрежащей панской власти, кутилъ съ ксендзами, словомъ—катался, какъ сыръ въ маслѣ, а секретарь управлялъ уѣздомъ. Засѣдатели почти никогда не являлись въ судъ. Каждый изъ нихъ въ домѣ секретаря держалъ коннаго стойчика. Такіе стойчики каждую ночь по очереди возили въ кожаныхъ сумкахъ бумаги засѣдателямъ для подписи. Исправники были всецѣло въ рукахъ пановъ, такъ-что, при первыхъ приготовленіяхъ къ возстанію 1831 года, когда имъ случалось проѣзжать мимо кузницъ панскихъ, на которыхъ открыто приготавливались пики и оттачивались палаши, и когда ямщики, указывая на это, предупреждали ихъ, что паны готовятся бунтовать противъ царя, то они запрещали ямщикамъ выдумывать неблицы и болтать вздоръ, грозя за клевету наказаніемъ. Крестьянъ же, которые доносили объ этомъ, сѣкли нещадно за распространеніе тревожныхъ слуховъ. Не смотря на сплошное русское и православное населеніе югозападнаго края; несмотря на массу въ немъ православнаго духовенства и православныхъ церквей и относительно ничтожную въ немъ горсть поляковъ пановъ и

ихъ офіціалистовъ, а также ксендзовъ,—свѣдѣнія объ этомъ край Петербургскаго правительства были столь не точны, что край этотъ признавался въ Петербургѣ вполнѣ польскимъ и католическимъ. Такой взглядъ не вполнѣ исчезъ и до революціи 1863 года. Лучшимъ доказательствомъ служить то, что русскіе, занявшіе послѣ 1831 года мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ этого края, съ переводомъ Бибикова министромъ внутреннихъ дѣлъ и назначеніемъ въ Кіевъ князя Васильчикова генераль-губернаторомъ, снова стали замѣняться поляками. Такъ что въ ровенской гимназіи передъ 1864 годомъ, кромѣ капелана, въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи числилось шесть поляковъ католиковъ и шесть протестантовъ учителей.

Одинъ панъ около Ровно, забылъ я его фамилію, холостякъ лѣтъ 60-ти и довольно богатый, устроилъ изъ своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ оркестръ и пѣвческій хоръ. Дѣвки всѣ были на подборъ—статныя, свѣжія, красивыя отъ 14 до 20 лѣтъ. Одѣвались онѣ всегда въ мужской костюмъ, весьма красивый, придуманный паномъ. Музыкантши носили коричневый костюмъ съ золотыми галунами, а пѣвцы голубой съ серебряными галунами. Онѣ жили въ особыхъ флигеляхъ въ саду, который былъ обнесенъ высокой оградой. При посвященіи католической каплицы въ 1861 году ¹⁾, построенной на гимназическомъ дворѣ, присутствовалъ этотъ панъ со своимъ оркестромъ и хоромъ. Каплица строилась на добровольныя пожертвованія пановъ. Сборомъ пожертвованій занимались: княжна Любомирская, Павлова, гимназическій капелланъ Творовскій и жена директора гимназіи Софья Т—ва, дочь Павловой. Тумановъ же исходатайствовалъ у генераль-губернатора Васильчикова разрѣшеніе построить каплицу на гимназическомъ дворѣ, подѣлѣ предлогахъ, что ученикамъ далеко ходить въ дурную погоду въ городскую каплицу, лежавшую на католическомъ кладбищѣ въ предмѣстѣи „Воля“. Это отчасти была правда. Огромный городской каменный костелъ совсѣмъ уже разрушался и отпра-

¹⁾ Построена она значительно раньше, въ 56—57 году

лять въ немъ богослуженіе было запрещено. Въ подвалѣ этого костела находился родовой склепъ князей Любомирскихъ. Ихъ набальзамированные трупы, одѣтые въ богатые контуши, весьма хорошо сохранились. Органистъ за небольшое вознагражденіе охотно показывалъ ихъ любопытнымъ. Поляки воспользовались гимназической капліцей въ 1862 и 1863 году чтобы совершать въ ней манифестаціи, пѣть запрещенные гимны, и въ погребѣ нѣкоторое время хранили порохъ и разное оружіе для повстанцевъ. Вслѣдствіе представленій Т—ва въ ровенскую гимназію проникло не малое число учителей изъ поляковъ: учитель польскаго языка, учитель математики Скольскій, учитель французскаго языка Вронскій; учитель польской литературы Гродецкій, учитель чистописанія и рисованія Глинскій; учитель естественныхъ наукъ Тушецкій и эти учителя, съ согласія Т—ва, завели порядокъ при началѣ и окончаніи уроковъ читать съ колѣно-преклоненіемъ молитву на польскомъ языкѣ, которая до сихъ поръ читалась по русски. Православныхъ учениковъ насмѣшками и притѣсненіями заставляли тоже преклонять колѣни. Къ началу манифестаціи ровенская гимназія приняла характеръ совсѣмъ польскаго учебнаго заведенія. Русскій элементъ совсѣмъ ослабѣлъ въ педагогическомъ совѣтѣ. Директоръ и поляки составляли рѣшающее большинство, такъ какъ протестанты оставались нейтральными и всегда голосовали съ большинствомъ. Протестантовъ было тоже довольно: французскаго языка учитель швейцарецъ Лемпъ; нѣмецкаго языка Дихеръ и Фанцъ; математики Гвайтъ и Венерть и латинскаго языка Редейнъ. Русскіе учителя были только слѣдующіе: 1) законоучитель протоіерей Клюковскій; 2) русской словесности Солтановскій; 3) русскаго языка Ив. Коленко; 4) исторіи Трофимовъ; 5) учитель математики Ив. Суворовъ; 6) законовѣднія Невгодовъ. Преподаваніе географіи раздѣлено было между наличными учителями русскими и поляками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОГУСЛАВСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

1808—1860 годы.

Въ южной части м. Богуслава, каневского уѣзда, кievской губерніи, надъ р. Росью расположенъ въ очень живописной мѣстности богуславскій Свято-Николаевскій монастырь.—Похиловичъ въ своемъ „Сказаніи о населенныхъ мѣстностяхъ кievской губерніи“ (изд. 1864 г. стр. 553), основываясь на „Исторіи русской іерархіи“ епископа Амвросія и на историческомъ извѣстіи кievскаго мѣсяцеслова о монастыряхъ кievской епархіи, предполагаетъ, что богуславскій монастырь существуетъ около 3-хъ столѣтій и основанъ въ половинѣ XVI вѣка, когда польскій король Стефанъ Баторій даровалъ малороссіянамъ и ихъ православному духовенству многія преимущества и привилегіи на строеніе церквей и монастырей.

Монастырь первоначально былъ возлѣ с. Хохотвы, въ урочищѣ, называемомъ нынѣ „Монастырище“, гдѣ теперь хуторъ монастыря, и церковь въ немъ была во имя Рождества Богородицы. Монастырь сей сожженъ Орликомъ въ концѣ XVII вѣка, одновременно съ сожженіемъ прочихъ украинскихъ монастырей и разореніемъ жителей правобережной Украины, отказавшихся отъ плановъ Мазепы. По разореніи онъ возстановленъ Самусемъ, богуславскимъ козацкимъ полковникомъ. Около 1740 года онъ перенесенъ ближе къ Богуславу, на нынѣшнее свое мѣсто и названъ Николаевскимъ, по сооруженной въ немъ церкви во имя святителя Николая. Въ половинѣ XVIII вѣка онъ захваченъ

уніатами; но въ 1768 году, во время народнаго возстанія за гонимую православную вѣру, уніатскіе монахи бѣжали изъ Богуслава, и монастырь сдѣлался опять достояніемъ православныхъ. Впослѣдствіе, возвратившись, базиліане построили себѣ каплицу возлѣ церкви Св. Троицы въ мѣстечкѣ¹⁾.

Трудно найти живописнѣе мѣстность, какъ мѣстность нынѣшняго богуславскаго монастыря.—Рось, пройдя между камнями чрезъ м Богуславъ, расширяется, принимаетъ тихое и плавное теченіе, направляясь однимъ краемъ къ горѣ съ плоскимъ конусомъ, которая съ другой стороны огибается роскошнымъ лугомъ и лѣсомъ; минуя монастырскую гору, Рось у ея подошвы устремляется чрезъ каменистый порогъ и производитъ вѣчный шумъ и плескъ водъ. На этомъ то конусѣ устроены монастырь; съ 1820 по 1880-й годъ существовало здѣсь духовное уѣздное училище, переведенное изъ г. Богуслава послѣ пожара, случившагося чрезъ годъ по открытіи училища. Бывшій настоятель богуславскаго монастыря, игумень Θεодоръ въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, задавшись грандіозной мыслью раздѣлить Рось у самой подошвы конуса на 2 рукава, которые бы, огибая монастырь кругомъ, оставили его на живописнѣйшемъ островѣ, прорылъ по лугу во всю его длину глубокую канаву. Къ сожалѣнію, игумень Θεодоръ не достигъ своей цѣли, хотя затраченный капиталъ не пропалъ даромъ: изменный болотистый лугъ, послѣ проведенія канавы, образовалъ площадь, благодарнѣйшую для сѣнокоса и огородовъ. Впослѣдствіи, когда для монастыря наступили скорбныя времена, за удаленіемъ игумена Θεодора и вслѣдствіе недосмотра, канава осунулась и теперь представляетъ лишь слѣдъ гигантскаго труда.

Мѣстность подъ монастыремъ и вокругъ него каменистая, но на горѣ и скатахъ ея имѣется достаточно прекрасной земли, на которой разведены сады и огороды²⁾. На горѣ, гдѣ мо-

¹⁾ Полное историческое свидѣніе о богуславскомъ Николаевскомъ монастырѣ помѣщено въ Киев. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1867 годъ.

²⁾ Игумень Θεодоръ захотѣлъ построить и построилъ на р. Роси, у монастырскаго берега, мельницу, но когда экономя графовъ Браницкихъ не дозволила применить монастырскую плотину къ своему лѣвому берегу, о. игумену пришла

настырь занимаетъ 2 десятины, устроены 2 церкви (3-я старая бывш. теплая), келии настоятеля и братіи. Все это окружено теперь большою каменною оградой, за которой огороды, лугъ, роща занимаютъ около 5 десятинъ; кромѣ этого въ хуторѣ монастырь имѣетъ около 40 десят.,—вотъ все его имущество, и это скудное убѣжище содержитъ 60 человекъ братіи.—Въ XVI-мъ, XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ монастырь имѣлъ 300 д. земли и с. Хохотву. Въ самые тяжелые годы татарскихъ набѣговъ, Коливщины и общаго разоренія Украины, богуславскій монастырь сохранилъ свое достояніе, переданное въ наслѣдіе братіи, но въ XIX столѣтіи, во время самое спокойное, особенно въ 50 годахъ, монастырь лишился всего своего достоянія. Не татары, не гайдамаки разорили монастырь, а пострадалъ онъ отъ неурядковъ дореформеннаго суда. Объ этихъ печальныхъ дняхъ и будетъ наша рѣчь.

Въ 1799 г. богуславское староство было куплено отъ князя Понятовскаго б. гетманомъ польскимъ, а потомъ генераломъ отъ кавалеріи, Ксаверіемъ Браницкимъ¹⁾. Администрація Браницкаго стала приводить въ извѣстность свои земли. Началась съемка, и богуславскій монастырь съ своей стороны пригласилъ повѣтоваго землемѣра Лопухина снять на планъ всю монастырскую землю; Лопухинъ произвелъ „начерно“ съемку въ присутствіи повѣреннаго со стороны экономіи Браницкаго, по указанію свидѣтелей—старожилонъ с. Хохотвы. Всего монастырской земли было вокругъ на 5 верстъ и особо мѣрою 706 саж., за что уплачено землемѣру 10 руб. на матеріалы. Браницкій, рассматривая планы своихъ земель, обратилъ вниманіе на то, что въ чертѣ его владѣній существуетъ православный монастырь, владѣющій 300 десят. земли, и потребовалъ отъ монастыря документы на право владѣнія землею. Настоятель монастыря отвѣтилъ, что документы были, но во время пожара въ

мысль провести р. Рось каналомъ вокругъ монастырской горы, чтобы здѣсь на своей землѣ устроить мельницу; но изъ этого проекта не вышло ничего, кромѣ истребленія луга и непосильнаго долга.

¹⁾ Женившемся на Александрѣ Васильевѣ Энгельгардтѣ, фрейлинѣ императрицы Елизаветы II-й, племянницѣ свѣтлѣйшаго князя Г. А. Потемкина.

1787 г. сгорѣли. Браницкій, основываясь на томъ, что въ дарственномъ документѣ князю Понятовскому не сдѣлано никакой оговорки о постороннихъ владѣльцахъ въ богуславскомъ староствѣ и что внутри богуславскихъ имѣній не можетъ находиться чья либо земля, самоправно овладѣлъ въ 1808 г. всею монастырскою землею,—какъ отмежеванною по указанію старожиловъ на „Монастырищѣ“ и „Чернечьемъ Яру“, такъ и не отмежеванною, находящеюся при самомъ монастырѣ, оставивъ монастырю только 2 десятины въ сажняхъ подъ церковными зданіями.—Настоятель монастыря началъ искъ; всѣ богуславскіе повѣтовые, земскіе верхніе и нижніе суды и кіевскій главный судъ были на сторонѣ Браницкаго.

Однако братія не унывала и дѣло поступило въ Сенатъ, который рѣшеніемъ 12 октября 1822 г. призналъ: „дѣло сіе, яко заключающее искъ о церковной землѣ, на основаніи Высочайше конфирмованного въ 25 день іюня 1811 г. общаго учрежденія министерствъ, препроводить къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія на его заключеніе“. Министръ, соглашаясь съ рѣшеніемъ кіевской казенной палаты и съ заключеніемъ тамошняго гражданскаго губернатора, мнѣніемъ полагалъ: „всѣ угодія, находящіяся въ непрерывномъ владѣніи богуславскаго Николаевскаго монастыря, оставить навсегда въ пользованіи его, подвергнувъ Браницкаго законному взысканію за самовольное завладѣніе оными; Николаевскому же монастырю предоставить право установленнымъ порядкомъ отыскивать убытки, понесенные отъ завладѣнія землями Браницкимъ и отъ вовлеченія онаго въ тяжбу“. Кажалось бы, дѣлу конецъ; но въ дѣйствительности возникли новыя комбинаціи, на сцену явились нежданныя для монастыря новыя препятствія, задерживавшія спокойное и безспорное владѣніе землею, возникли такія увертки со стороны повѣренныхъ Браницкаго, присущія духу того времени, что приходится только удивляться, какъ могъ бѣдный монастырь перенести эти невзгоды и упорно при полномъ безденежьи вести свое дѣло.—Настоятели монастыря не жалѣли своихъ трудовъ и своихъ

личныхъ средствъ и стремились достигнуть своихъ законныхъ и справедливыхъ правъ.

Гр. Браницкій и его администрація остались крайне не довольны выше указаннымъ рѣшеніемъ Сената 1822 года. Монастырь же желалъ воспользоваться взысканіемъ убытковъ за непользованіе землею въ теченіе 15 лѣтъ, и начались взаимные иски. Главный кievскій судъ, получивъ при указѣ Сената отъ 29 января 1823 г. за № 199 все подлинное дѣло для исполненія, не нашелъ нужнымъ привести его въ точное исполненіе, а препроводилъ въ кievское губернское правленіе, извративъ совсѣмъ смыслъ подлиннаго рѣшенія, причемъ существенныя слова рѣшенія опустилъ и такъ старался повернуть дѣло, что за монастыремъ должно остаться только 49 десятинъ и 1283 квадр. сажня.—Низшія судебныя учрежденія, какъ богуславскій земскій судъ, исполняя указъ губернскаго правленія, препроводилъ конторѣ гр. Браницкаго требованіе, что бы она не препятствовала богуславскому Николаевскому монастырю пользоваться присужденными ему Сенатомъ землями;—на требованіе же монастыря привести въ исполненіе указъ Сената, богуславскій земскій судъ отношеніемъ отъ 18 іюля 1823 г. за № 2216, увѣдомилъ, что до присылки *плана*, *формальнаго ввода*, онъ не находитъ возможнымъ исполнить просьбу монастыря.—При настоятельныхъ-же просьбахъ монастыря исполнить рѣшеніе Сената, контора гр. Браницкаго отвела участки монастырю въ самыхъ неудобныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего опять начались жалобы. Благодаря постояннымъ и упорнымъ жалобамъ монастыря, при поддержкѣ преосвященнаго митрополита Евгенія, составлена была комиссія изъ уманскаго уѣзднаго землемѣра, члена уѣзднаго суда, духовнаго депутата и уѣзднаго стряпчаго, которая, начавъ свои дѣйствія 10 декабря 1834 г. и окончивъ 22 апрѣля 1835 г., признала за богуславскимъ монастыремъ право на 290 десятинъ земли, при чемъ это право основала на планѣ 16 іюня 1806 г. и допросѣ богуславскихъ жителей—старожиловъ. Землемѣръ всю эту землю снялъ на планъ и, по подписи всѣхъ лицъ присутствовавшихъ, передалъ монастырю. Монастырь опять сталъ пользоваться принадлежавшей ему

издавна землею. Но недолго владѣлъ монастырь этими землями; явился на сцену планъ землемѣра Лопухина, подписанный только имъ однимъ, по коему плану за монастыремъ значилось только 49 десятинъ земли, и экономія графа Браницкаго, основываясь на этомъ планѣ, доказывала, что монастырю слѣдуетъ дать только 49 десятинъ, и тогда лишь исполненъ будетъ указъ Сената. По поводу этихъ разнорѣчій начались опять иски, новыя жалобы, пошли опять всякія разслѣдованія, а при порядкахъ прежняго дореформеннаго суда иски эти затянулись на цѣлое десятилѣтіе при чемъ управленіе графини Браницкой не стѣснялось уже въ изысканіи всякихъ средствъ запутать дѣло ¹⁾.

Всѣ эти неправильныя дѣйствія администраціи гр. Браницкой помѣщены въ рапортѣ члена комиссіи, духовнаго депутата,—благочиннаго священника о. Симеона Левицкаго митрополиту Филарету на пристрастныя дѣйствія пристава и уѣзднаго стряпчаго.

Не буду приводить цѣликомъ этого рапорта, а скажу только, что въ 13 пунктахъ его отмѣчены самыя разнородныя несправедливости, допускавшіяся приставомъ и стряпчимъ при производствѣ слѣдствія, начиная съ того, что въ засѣданіи комиссіи являлись лица непричастныя къ ней, но вліявшія на ходъ слѣдствія въ пользу администраціи гр. Браницкой, и кончая тѣмъ, что умышленно предлагались свидѣтелямъ запутанные вопросы и такимъ путемъ вылавливались неудачныя отвѣты ихъ, могшіе служить во вредъ интересамъ монастыря.

¹⁾ При чтеніи этой тяжбы нужно знать, что гетманъ Ксаверій Браницкій умеръ въ началѣ XIX вѣка, а его жена графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардтъ, племянница князя Гр. Ал. Потемкина—православная, скончалась въ 1838 году; почти 5 лѣтъ владѣлъ ея имѣніемъ сынъ ея графъ Владиславъ Браницкій, а по смерти его—управляли главноуправляющіе изъ поляковъ до 1851 года. По раздѣлу Богуславское имѣніе досталось графу Константину Владиславовичу Браницкому, который занимался не хозяйствомъ, а охотою. Управляющими въ Богуславскомъ имѣніи были до 1854 года Домбровскій и Узембло—поляки. Они то съ адвокатами своими ограбили и разорили Богуславскій монастырь.

Этой бѣды однако неслучилось бы, еслибы игумень Феодоръ не раздражилъ ихъ своими бумагами и затѣями.—Ред.

Въ заключеніе своего рапорта депутатъ духовный, о. Симеонъ Левицкій, писалъ такъ: „Видя такое противное указамъ, правдѣ и выгодамъ монастыря, а полезное только для экономіи гр. Браницкихъ дѣйствіе комиссіи, я своимъ отзывомъ въ комиссію отъ 2 мая сего 1847 г. за № 63 просилъ оную прекратить производство этого дѣла впредь до распоряженія начальства, потому что я намѣренъ о неправильномъ началѣ онаго дѣла донести начальству. О чемъ доношу Вашему Высокопреосвященству и присовокушляю, что дѣло это мнѣ кажется очень запутаннымъ“.

По рапорту о. Симеона Левицкаго были потребованы подлежащимъ начальствомъ объясненія отъ стряпчаго и пристава, но тѣмъ и закончилось дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ за незаконныя дѣйствія; цѣль же разслѣдованія,—запись въ донанія нужныхъ, хотя и ложныхъ, свѣдѣній и узаконеніе ихъ для возможнаго отнятія гр. Браницкимъ земли отъ монастыря—была достигнута. Да и неудивительно: стряпчие и полиція были на сторонѣ Браницкихъ, а суды имъ вторили. А между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что о. игумень Теодоръ, вступивъ въ управленіе монастыремъ въ 1845 г., горячо припался за защиту монастырскихъ интересовъ; не жалѣлъ онъ времени, трудовъ и собственныхъ скудныхъ средствъ, сталъ всѣми законными средствами отстаивать право обители, писалъ много и во всѣ учрежденія, перо его работало безъ устали; замѣтно по оставшимся отъ него копіямъ, что онъ изучилъ дѣло и искренно былъ убѣжденъ въ правотѣ притязаній монастыря на земли, вѣрилъ въ справедливость, искалъ ее вездѣ. Но эта горячность, эта искренняя преданность дѣлу при плохомъ знаніи законовъ и юридической практики не помогали ему: на каждомъ шагу администрація гр. Браницкаго сочиняла новые документы, игумень Теодоръ возмущался, доказывалъ ихъ подложность, но на это не обращали вниманія, и въ 1854 году Сенатъ окончательно призналъ за монастыремъ право только на 49 десятинъ. Игумень Теодоръ вездѣ видѣлъ измѣну, особенно въ кievской консисторіи, перомъ своимъ не щадилъ секретаря ея, а кому неизвѣстно, какое значеніе тогда имѣли секретари! И вотъ, со-

ставлено было опредѣленіе консисторіи о преданіи суду игумена Θεодора за оскорбленіе секретаря консисторіи. Управленію Браицкихъ было извѣстно это гоненіе, и администрація ихъ рѣшила ни въ чемъ не дѣлать уступокъ монастырю. Въ 1857 г. послѣдовало распоряженіе, по ходатайству духовнаго вѣдомства, войти въ соглашеніе съ управленіемъ гр. Браицкихъ. Игуменъ Θεодоръ не соглашался на „панську ласку“ и за это несогласіе поплатился ужаснымъ и насильственнымъ захватомъ монастырскаго имущества. Вотъ какъ совершился этотъ захватъ. Помню хорошо, что въ 1859 г., кажется 24 іюня, мы дѣти еще спали въ своей квартирѣ и были свободны отъ учебныхъ занятій. (Пишущій эти строки былъ ученикомъ богуславскаго духовнаго училища и жилъ въ монастырскихъ домахъ, предназначенныхъ для учителей и учениковъ училища). Вдругъ крикъ людей и ревъ скота насъ разбудили, и мы увидѣли истинно поражающую картину. Несмѣтная масса крестьянъ вокругъ монастырскихъ земель, сотни возовъ съ волами и лошадьми вступили на монастырскія поля и огороды. За монастыремъ на лугу стояли хозяйственныя постройки монастыря: домъ для рабочихъ съ большою кухнею, клуня для склада хлѣба, большіе сараи для коровъ, воловъ, телятъ, свиней и особо птичій дворъ. Вокругъ строеній по лугу надъ Росью была посеяна пшеница, которая въ этомъ году удалась, какъ нельзя лучше; на горѣ за рощею былъ посеянъ овесъ. И вотъ масса народа прибыла съ возами, волами, плугами; начался грабежъ монастырскаго имущества: одни косятъ пшеницу, овесъ (пшеница была еще зеленая), другіе забираютъ на возы скошенное и везутъ невѣдомо куда, третьи разбираютъ монастырскіе хозяйственныя дома и строенія; все это мгновенно складывается на возы, вывозится; плугъ дѣлаетъ борозду, — отводитъ новую межу для монастырскихъ земель; на межѣ забиваютъ колья, рубятъ монастырскія деревья, которыя вышли за черту, однимъ словомъ—ловко и умѣлою рукою уничтожалось монастырское имущество, гибли безслѣдно труды послушниковъ и рабочихъ монастыря. Среди этой массы подневольныхъ истребителей монастырскаго добра, непрерывно шныряли шустрые наѣзники - панки на графскихъ

быстроногихъ коняхъ, на бѣгу дѣлая распоряженія, давая приказанія, тогда какъ звѣзды большой величины засѣдали на главномъ дворѣ въ м. Богуславѣ, поминутно принимая донесенія о ходѣ варварской атаки. Замѣтно было, что работа эта подготовлена была давно, точно указано было, кому, *идъ* и что *дѣлать*, опредѣленно высчитано было *идъ* и *сколько* нужно было назначить крестьянъ, причемъ, гдѣ нужно было поставить двухъ-трехъ рабочихъ, ставилось десять, пятнадцать человекъ, чтобы смести все, свезти все въ одинъ день и не оставить слѣда монастырскаго имущества и потраченныхъ трудовъ.

Я, въ числѣ другихъ мальчиковъ, подбѣгалъ къ крестьянамъ, косившимъ пшеницу, слыхалъ, какъ оставшись наединѣ, они бранили своихъ пановъ, но время было крѣпостное, возражать нельзя было, и потому работали они дружно.

Къ вечеру не осталось и слѣда пшеницы, не осталось слѣда строеній на заднемъ монастырскомъ дворѣ; уничтожена была даже дорога, по которой изъ с. Хохотвы можно было ѣхать въ монастырь возлѣ полей. Такъ безжалостно, такъ несправедливо покончила экономія гр. Браницкихъ споръ съ Богуславскимъ монастыремъ за землю.

Игуменъ Θεодоръ во время разграбленія не показывался изъ келіи и только Богу молился. Можно представить себѣ, каково было нравственное состояніе этого энергичнаго, пылкаго и въ высшей степени справедливаго настоятеля въ этотъ злосчастный день. Намъ дѣтямъ вчужѣ до слезъ горько было видѣть это грозное нашествіе;—до слезъ было жаль и нашего зрителя и монастырскаго добра. Глубоко возмущало это насиліе и насъ маленькихъ школьничковъ. Долго съ замираніемъ сердца мы смотрѣли на эти сцены; казалось, что еслибы только намъ позволили, мы бы мгновенно бросились на этихъ здоровенныхъ мужиковъ, въ особенности хотѣлось въ клочки разорвать командировъ-ляшковъ, поминутно показывавшихся и исчезающихъ среди пяти тысячной толпы работавшихъ крестьянъ. У всѣхъ насъ была одна мысль, всѣхъ давило одно чувство. „Пойдемъ не дадимъ“—сказалъ одинъ изъ насъ. „Тамъ въ канавѣ я собралъ большую кучу камней“, подхватилъ другой, и

мы бѣгомъ бросились въ канаву. Но лишь только мы навлонились къ еучѣ камней, какъ кто-то изъ насъ вспомнилъ: „А смотритель?“ Какъ будто стыдно стало намъ, что мы могли забыть такое важное слово, что такая простая мысль только теперь могла прійти намъ въ голову, когда карманы наши были наполнены камнями; всѣ мы казались опущенными въ воду, камни выпали изъ рукъ. Еще за минуту передъ тѣмъ, каждый изъ насъ представлялъ себя библейскимъ Давидомъ; еще за минуту каждый изъ насъ былъ убѣжденъ, что, попадая камнемъ въ голову „панка“ и мужика (непремѣнно въ самый лобъ, иначе „панокъ“ опять вскочить на коня, а мужикъ поднимется и опять станетъ косить пшеницу, разрушать клуню и проч.), онъ можетъ уложить на мѣстѣ полсотни человѣкъ, а насъ десять—пятнадцать человѣкъ (не важно, что намъ было отъ 10 до 16 лѣтъ), а потомъ, видя нашъ успѣхъ, выбѣгутъ товарищи: наконецъ выйдутъ эти большіе послушники монастырскіе. Теперь все рушилось предъ нами, все спуталось въ головѣ, вся картина исчезла. „Пойдемъ къ смотрителю, онъ позволитъ“—рѣшили мы, возбужденные, разгоряченные, прямо безъ доклада очутились въ пріемной строгаго, раздражительнаго, но всегда справедливаго смотрителя. Вышелъ онъ къ намъ въ своей неизмѣнной черной скуфейкѣ, подавленный, уничтоженный, смертельно блѣдный, блуждающимъ взоромъ обвелъ насъ, но даже не спросилъ: „что нужно?“ Мы сами рѣшили нарушить тягостное молчаніе: „Ваше высокопреподобіе! уже разрушаютъ клуню. Позвольте намъ; и Кудрицкій съ нами пойдетъ¹⁾ (безъ него такъ страшно было); а тамъ за Росью много мѣщанъ,—они не боятся графа, какъ крестьяне, они за нами“ заговорили мы разомъ. Мы увѣрены были, что этотъ человѣкъ, почти незнавшій середины въ обращеніи съ нами, или обласкаетъ насъ и, конечно, позволитъ, или же сердито прогонитъ и даже подвергнетъ наказанію. Ничего подобнаго не случилось; помолчавъ съ минуту, какъ будто онѣмѣвъ отъ этого нравственнаго пораженія,

¹⁾ Кудрицкій—большого роста послушникъ, съ необыкновенно большими курчавыми волосами, которые никогда не были знаемы съ грѣбенкой; онъ—казалось—однимъ своимъ бычачьимъ голосомъ могъ разогнать толпу.

онъ наконецъ спокійно сказалъ: „нельзя идти; не позволю, Боже храни, Господь ихъ накажетъ, вдесятеро отниметъ; графа не станеть, а монастырь останется. Ступайте по квартирамъ, а туда не показывайтесь“. Только теперь мы поняли все безуміе нашей затѣи и пошли заниматься своимъ дѣломъ.

Возобновлялъ ли свою жалобу игуменъ Феодоръ на это насиліе, неизвѣстно. Но скоро онъ былъ удаленъ отъ должностей настоятеля монастыря и смотрителя училища. Послѣ него не было кому возражать, и погибло на вѣки дѣло монастыря о землѣ.

Тяжелый день 24 іюня, окончательное и насильственное разореніе монастыря и удаленіе отъ службы такъ сильно потрясли нравственную и честную душу игумена Феодора, что онъ нѣсколько времени находился въ отдѣленіи душевно-больныхъ при Кіево-Кириловскихъ Богоугодныхъ заведеніяхъ, откуда бѣжалъ пѣшкомъ въ монастырь и затѣмъ высланъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь, черниговской г., гдѣ, находясь подъ сильнымъ надзоромъ, не переставалъ составлять проекты объ отнятій монастырской земли; но всѣ его проекты, и даже по слухамъ сочиненіе „О монашествѣ“, представленное въ кіевскую духовную академію, были оставлены безъ вниманія, какъ произведенія душевно-больного человѣка. Игуменъ Феодоръ умеръ въ 1889 г. въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ на 75 году жизни, какъ честный, справедливый, но забытый людьми человѣкъ. Въ 1860 годахъ богуславское имѣніе, доставшееся по раздѣлу внуку гетмана, графу Константину Браницкому, пріобрѣло удѣльное вѣдомство и купило въ границахъ, какія указалъ гр. Браницкій.

Разобразъ исторію монастырскаго спора за землю, невольно задаешься вопросомъ: дѣйствительно ли монастырь не имѣлъ права на 300 десятинъ земли и почему, если его дѣло было справедливо, онъ не выигралъ его въ судахъ. Здѣсь прежде всего нужно помнить, что гр. Браницкій былъ великая сила, самъ по себѣ, что велѣніямъ его самого и его управляющихъ всѣ власти подчинялись безъ разсужденій, слѣдовательно на сторонѣ гр. Браницкаго была сила, власть, безмолвная покорность служащихъ чиновниковъ, знаніе законовъ, а его повѣренные не брезгали и подлогами. Ничего по-

добнаго у монастырской братіи не было, и нужно только удивляться, какъ эта братія съ 1808 г. по 1860 г. вела такъ энергично дѣло за спорную землю съ такой силой, какъ гр. Браницкій. Изъ имѣющихся при монастырѣ копій этого спорнаго дѣла видно, что митрополиты Евгеній и Филаретъ интересовались судьбою этого дѣла, даже Святѣйшій Синодъ требовалъ свѣдѣній о положеніи дѣла, но „поперекъ дороги, какъ писалъ игумень Ѳеодоръ, стояли секретари консисторіи, которыхъ можно было администраціи гр. Браницкаго подкупить“. По моему личному мнѣнію, дѣлу вредилъ также и самъ игумень Ѳеодоръ своею горячностью и своими писаніями. Никому не довѣряя, онъ самъ сочинялъ и писалъ всѣ нужныя по дѣлу бумаги. Онъ, какъ педагогъ, по тому времени былъ хорошъ, но какъ юристъ—совсѣмъ плохъ. Прочитавъ массу его прошеній, писанныхъ лично и поданныхъ въ разныя судебныя и административныя учрежденія, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ памяти его, какъ наставника, я долженъ однако сказать, что ничего не понимаю въ нихъ. Каждое прошеніе его, на 10 или болѣе листахъ, наполнено постоянными повтореніями, придирками къ словамъ, но дѣла нѣтъ. Прочитавъ такое прошеніе, нельзя понять, „чего онъ хочетъ и о чемъ просить“. Если такое прошеніе поступало къ митрополиту, невольно приходилось терять терпѣніе при чтеніи его и черезъ это погибало дѣло. Справедливость-же была на сторонѣ монастыря: разъ монастырь владѣлъ тѣми землями два столѣтія по документамъ, а съ 1787 г. безъ документовъ по случаю пожара, кто же могъ отнять ту землю отъ монастыря? Затѣмъ, указъ Сената 1822 г. вполнѣ узаконилъ за монастыремъ это право. Извращеніе смысла рѣшенія Сената кіевскимъ главнымъ судомъ, умышленный пропускъ существенныхъ словъ рѣшенія и передача всего дѣла о спорной землѣ въ кіевское губернское правленіе для исполненія можно было бы легко доказать и на этомъ основать свое право, но нужно было въ данномъ случаѣ дѣйствовать опытнымъ юристамъ, а не многоглаголивымъ игуменамъ, хотя-бы и исполненнымъ самыхъ лучшихъ стремленій.

И. Клебановскій.

БЪЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ.

Въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за прошлый 1891 годъ была помѣщена весьма интересная замѣтка г. Падалки: „Каменный затонъ и Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ“ (стр. 361—383). Въ концѣ этой замѣтки авторъ ея совершенно справедливо называетъ „остатки старины въ окрестностяхъ Каменнаго затона и Бѣлаго озера“ *замѣчательными*, прибавляя при этомъ, что „вѣское слово о нихъ можетъ сказать только спеціалистъ-археологъ“. Я не „спеціалистъ-археологъ“ и не имѣю въ виду сказать „вѣскаго слова“ объ этихъ остаткахъ, но тѣмъ не менѣе думаю, что всякое новое слово о нихъ крайне желательно, такъ какъ остатки эти дѣйствительно представляютъ глубокой интересъ какъ для археологическихъ, такъ и для историко-географическихъ изысканій. Въ виду этого, я и рѣшаюсь, въ дополненіе къ замѣткѣ г. Падалки, сообщить тѣ свѣдѣнія о Бѣлозерскомъ городищѣ на Днѣпрѣ, которыя были добыты мною при личныхъ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ, а равно и при обработкѣ относящагося къ нему литературнаго матеріала. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду отдѣлять „остатки старины“ у Каменнаго затона отъ подобныхъ же остатковъ подъ с. Большой Знаменкой, такъ какъ считаю ихъ за остатки одного и того же весьма обширнаго поселенія, которое и называю *Бѣлозерскимъ городищемъ на Днѣпрѣ*.

Описываемое городище находится въ мѣстности, занятой такъ называемыми *кучугурами* или холмами сыпучаго песка, лежащими при Бѣломъ озерѣ или Бѣлозерскомъ лиманѣ, на

лѣвомъ берегу Днѣпра, немного ниже м. Никополя, въ предѣлахъ мелитопольскаго уѣзда, таврической губерніи. По окраинамъ этихъ Бѣлозерскихъ кучугуръ лежатъ два огромныхъ села: Большая и Малая Знаменка, изъ коихъ послѣднее гораздо чаще называется Каменкой. Мое личное знакомство съ Бѣлозерскимъ городищемъ относится къ лѣту 1888 года, когда я имѣлъ случай провести нѣкоторое время въ с. Каменкѣ. Въ первое время моего пребыванія въ названномъ селѣ я занимался исключительно только геологическими изслѣдованіями его окрестностей, но затѣмъ, благодаря знакомству съ мѣстнымъ народнымъ учителемъ, Д. Я. Сердюковымъ, и нѣкоторымъ его указаніямъ, я обратилъ также свое вниманіе и на описываемое городище, которое и постарался изучить съ возможно большею подробностью.

Мѣстность, гдѣ расположено Бѣлозерское городище, представляетъ довольно своеобразныя орографическія особенности, имѣвшія, повидимому, немаловажное значеніе въ его исторической судьбѣ. Съ юга къ ней подходитъ открытая степь, къ долинѣ Днѣпра обрывающаяся рѣзко выраженнымъ уступомъ, средняя высота котораго надъ уровнемъ моря достигаетъ 85 метровъ, хотя непосредственно къ югу отъ Бѣлозерскаго городища она не превышаетъ 70 метровъ. Уступъ этотъ, сложенный изъ породъ третичнаго возраста, прикрытыхъ значительными толщами лѣса, представляетъ древній берегъ днѣпровской долины и идетъ отъ с. Балокъ мимо с. Днѣпровки къ с. Большой Знаменкѣ.

Между этимъ уступомъ и заливной долиной Днѣпра разстилается довольно обширная равнина въ видѣ надлуговой террасы, возвышающейся метровъ на 10—12 надъ среднимъ уровнемъ Днѣпра. Къ югу, въ сторону только-что упомянутаго уступа, описываемая терраса нѣсколько понижена и на ея поверхности замѣчается здѣсь рядъ углубленій, извѣстныхъ подъ именемъ *падовъ*, отчего, вѣроятно, и с. Днѣпровка часто называется Падовкой. Въ геологическомъ строеніи этой террасы, какъ это слѣдуетъ изъ моихъ личныхъ изслѣдованій и изъ болѣе детальнаго изслѣдованія петербургскаго геолога, Н. Соколова, принимаютъ участіе по преимуществу песчанистыя по-

роды, каковы, на примѣръ, лёссовидный сильно песчаный суглинокъ, глинистый песокъ, чистый кварцевый песокъ и т. п. Всѣ эти породы, прикрыты сверху сильно песчанистымъ черепоземомъ толщиною до 0,5 метра, принадлежать къ древнимъ рѣчнымъ отложеніямъ Днѣпра, при чемъ теперешнее, сравнительно высокое положеніе ихъ надъ ея среднимъ уровнемъ указываетъ на то, что во время ихъ образованія, т. е. приблизительно въ началѣ послѣтретичнаго періода, уровень Днѣпра былъ нѣсколько выше, чѣмъ теперь. Сверхъ этого, по словамъ Н. Соколова ¹⁾, существуютъ нѣкоторыя данныя, заставляющія предполагать, что вслѣдъ затѣмъ уровень Днѣпра опустился ниже уровня настоящаго времени, чѣмъ и объясняется, между прочимъ, образованіе значительныхъ озеровидныхъ расширеній или лимановъ въ устьяхъ балокъ, впадающихъ въ Днѣпръ, на примѣръ, Бѣлозерскаго, Рогачинскаго и др. Изъ числа этихъ лимановъ наибольшее значеніе имѣетъ для насъ лиманъ Бѣлозерскій, лежащій въ предѣлахъ описываемой террасы и представляющій довольно обширный водоемъ длиною въ 8 и шириною до 5 верстъ. Лиманъ этотъ составляетъ расширенную часть устья Бѣлозерской балки. Берега его не высоки, но по большей части обрывисты, особенно сѣверо-восточный. Глубина его незначительна и не превышаетъ 2,5 аршинъ, но при всемъ томъ онъ отличается необыкновеннымъ обиліемъ рыбы, которая вылавливается изъ него съ незапамятныхъ временъ.

Съ сѣвера вся вышеописанная надлуговая терраса омывается р. Конокю и притоками Днѣпра, извѣстными здѣсь также подъ названіемъ Конокъ. За ними лежитъ уже заливная долина Днѣпра, покрытая чрезвычайно запутанной сѣтью его рукавовъ, протоковъ и множествомъ озеръ. Долина эта называется обыкновенно *Днѣпровскими плавнями*. Поверхность ея возвышается не болѣе 1,5—2 метровъ надъ среднимъ уровнемъ Днѣпра, благодаря чему всѣ плавни сплошь покрываются водою во время весенняго половодія, образуя при этомъ обширное озеро ши-

¹⁾ „Общая геолог. карта Россіи“. Листъ 48. Труды Геолог. Комитета, т. IX. № 1, Спб., 1889 г., стр. 187.

риною до 20, а длиною въ нѣсколько десятковъ верстѣ. Вся эта долина заполнена *новѣйшими* рѣчными или, такъ называемыми, аллювіальными отложеніями, характеръ которыхъ чрезвычайно разнообразенъ. По словамъ Н. Соколова, здѣсь можно встрѣтить всевозможные переходы „отъ почти чистаго кварцеваго песка, нерѣдко довольно крупнаго, отлагающагося по преимуществу въ главномъ руслѣ рѣки и въ протокахъ съ болѣе сильнымъ теченіемъ, до тончайшаго ила, состоящаго изъ мельчайшаго песка и глины, съ болѣе или менѣе значительною примѣсью органическихъ остатковъ, отлагающагося въ плѣсахъ, затонахъ и старыхъ рукавахъ съ ослабѣвшимъ теченіемъ (назв. здѣсь „рѣчищами“)“¹⁾. На всемъ обширномъ пространствѣ, занятомъ заливною долиною Днѣпра, встрѣчается довольно богатая древесная, луговая и болотная растительность, которая въ древности несомнѣнно была еще болѣе богатой, на что, между прочимъ, указываютъ весьма обильныя торфовидныя скопленія растительныхъ остатковъ, нерѣдко встрѣчающіяся въ аллювіальныхъ отложеніяхъ Днѣпровскихъ плавней. Въ области, занятой ими, у с. Малой Знаменки (Каменки), въ устьи одной изъ многочисленныхъ Конокъ также находится довольно значительное расширеніе или затонъ, извѣстный подъ именемъ *Каменнаго затона*. Затонъ этотъ, чрезвычайно удобный для стоянки судовъ, составляетъ совершенно естественное расширеніе одного изъ прежнихъ протоковъ Днѣпра, при чемъ въ настоящее время верхняя часть этого протока почти совершенно засорена и представляетъ только сравнительно ничтожную „течію“. Объ искусственномъ происхожденіи Каменнаго затона не можетъ быть и рѣчи. Что же касается его названія, то оно несомнѣнно произошло отъ того, что въ устьи его существуютъ довольно мощные выходы различныхъ кристаллическихъ каменныхъ породъ, образующихъ выступы въ видѣ сплошныхъ каменныхъ массъ, рѣзко отличающихся отъ развитыхъ по сосѣдству съ ними рыхлыхъ и даже сыпучихъ породъ новѣйшаго происхожденія.

¹⁾ Ibid. стр. 163.

Итакъ, идя съ юга, мы имѣемъ въ описываемой мѣстности три послѣдовательныхъ уступа, образованныхъ открытою степью, надлуговою террасою и заливною долиною Днѣпра. Своимъ происхожденіемъ всѣ они обязаны размывающей и намывающей дѣятельности днѣпровскихъ водъ. Что же касается времени ихъ возникновенія, то, въ геологическомъ отношеніи, оно должно быть приурочено къ эпохамъ новѣйшимъ или такъ называемымъ послѣтретичнымъ, но, въ отношеніи исторической хронологіи, оно несомнѣнно выходитъ изъ ея предѣловъ. Другими словами, уже въ доисторическую эпоху, ко времени возникновенія здѣсь человѣческой осѣдлости, вполне опредѣлились всѣ тѣ физико-географическія особенности, какими характеризуется описываемая мѣстность въ настоящее время, за исключеніемъ развѣ только кучугуръ, которыя, какъ мы увидимъ ниже, образовались сравнительно недавно, т. е. уже въ историческое время. Такимъ образомъ, и тогда уже существовала маловодная и неудобозаселяемая открытая степь, а также—многоводные и почти необитаемые днѣпровскіе плавни. Слѣдовательно, и тогда уже, какъ и теперь, наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для устройства осѣдлаго поселенія являлась здѣсь вышеуказанная надлуговая терраса и особенно тѣ части ея, которыя всего ближе подходятъ къ Днѣпру.

Ближайшее изслѣдованіе мѣстности дѣйствительно убѣждаетъ насъ, что нѣкогда здѣсь существовало обширное человѣческое поселеніе. Но прежде чѣмъ говорить о немъ, я останавлиюсь еще на одной весьма характерной особенности описываемой мѣстности, выражающейся въ громадныхъ скопленіяхъ дюннаго сыпучаго песка. Наиболѣе обширное изъ такихъ скопленій находится между с. Ивановскимъ и с. Водянымъ, гдѣ сыпучіе пески занимаютъ площадь болѣе 60 квадр. верстъ (или слишкомъ 6,200 десятинъ). Общій характеръ мѣстности, занятой этими песками и называемой здѣсь кучугурами, холмистый, при чемъ отдѣльные песчаные холмы поднимаются до высоты 4—6 метровъ, рѣдко болѣе. Преобладающая форма этихъ холмовъ удлинненная, изрѣдка дугообразная или подеовидная. При удлинненной формѣ, песчаные холмы чаще всего

бываютъ вытянуты съ востока на западъ, сообразно направле- нію господствующихъ здѣсь восточныхъ вѣтровъ. Вслѣдствіе этой-же причины, болѣе крутые склоны ихъ по большей части обращены къ западу. На всемъ своемъ протяженіи кучугуры состоятъ изъ желтовато-бѣлаго, хорошо отвѣяннаго, почти чи- стаго кварцеваго и довольно мелкаго песка. Матеріаломъ, изъ котораго образовались и понынѣ образуются кучугуры, слу- жать сильно песчанистые лёссовидные суглинки и древніе рѣчные слоистые пески, изъ которыхъ, какъ мы видѣли выше, и со- стоитъ вся вторая или надлуговая терраса, а также и новѣй- шія песчанія отложенія заливной долины Днѣпра. Будучи ли- шаемы своего естественнаго растительнаго покрова, эти рых- лыя, сильно песчанистыя породы легко разрушаются вѣтромъ, отвѣивающимъ изъ нихъ песокъ, который и скопляется затѣмъ въ видѣ характерныхъ холмовъ по пути господствующихъ здѣсь вѣтровъ. Подъ вліяніемъ этихъ вѣтровъ происходитъ постоян- ное передвиженіе песковъ къ западу и юго-западу, почему въ настоящее время они представляютъ весьма серьезную опа- сность для с. Водяного и с. Днѣпровки, угодья и пашни кото- рыхъ ежегодно все больше и больше заносятся сыпучимъ пескомъ. Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что кучугуры представляютъ собою не искусственныя, а вполне естественныя образованія и что, по времени своего возникновенія, они при- надлежатъ къ новѣйшимъ образованіямъ, т. к. есть полное ос- нованіе думать, что они возникли уже въ историческую эпоху, когда, при участіи человѣка, мало по малу былъ разрушенъ тотъ растительный слой, который представлялъ надежный естественный покровъ для развитыхъ здѣсь рыхлыхъ песчаныхъ отложеній. Весьма возможно даже, что въ описываемой мѣстности въ болѣе древнія времена была развита болѣе обильная древесная расти- тельность, присутствіе которой, конечно, сильно мѣшало раз- вѣиванію почвы и выдуванію изъ нея песка. Въ настоящее время въ кучугурахъ встрѣчается лишь крайне жалкая расти- тельность и только въ послѣдніе годы здѣсь стали производить усиленныя посадки шелуги (*Salix acutifolia*), заросли которой значительно способствуютъ укрѣпленію песковъ. Совершенно

подобный же характеръ и подобныя же условія образованія представляютъ кучугуры между с. Малою Знаменкою (Каменной) и с. Большою Знаменкою. Эти кучугуры съ большимъ удобствомъ можно назвать *Бѣлозерскими*, т. к. они непосредственно подходятъ къ Бѣлозерскому лиману. Площадь, занятая ими, составляетъ 620 десятинъ. Съ сѣвера они омываются Днѣпромъ, съ востока и запада р.р. Конками, съ юга Бѣлозерскимъ лиманомъ, а съ юго-востока къ нимъ прилегаетъ с. Каменка. Поверхность ихъ холмиста и въ настоящее время значительно укрѣплена обширными зарослями шелуги. Тѣмъ не менѣе въ углубленіяхъ между отдѣльными холмами или въ такъ называемыхъ „котловинахъ выдуванія“ вѣтеръ не прекращаетъ своей работы, мало-по-малу обнажая глубже лежащіе слои. При такой работѣ вѣтра, здѣсь легко обнаруживается, повидимому, вполне опредѣленный подпочвенный горизонтъ, заключающій въ себѣ множество культурныхъ остатковъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о существованіи на этомъ мѣстѣ обширнаго человѣческаго поселенія и въ послѣдствіи занесенныхъ кучугурами. Именно эти-то остатки древняго поселенія я и называю *Бѣлозерскимъ городищемъ*.

На всемъ протяженіи вышеописанной надлуговой террасы трудно указать болѣе удобное и лучшее мѣсто для поселенія, чѣмъ то которое занято Бѣлозерскимъ городищемъ. Близость къ Днѣпру обезпечивала за нимъ удобства сообщенія, а изолированность его положенія представляла несомнѣнную выгоду въ стратегическомъ отношеніи. Доступы къ нему были свободны отъ естественныхъ преградъ (лиманъ, протоки Днѣпра и крутые берега) только съ юго-востока, съ стороны с. Каменки, и съ юго-запада, со стороны с. Большой Знаменки, но за-то мы видимъ здѣсь сильныя искусственныя укрѣпленія въ видѣ валовъ и насыпей, которыя будутъ описаны ниже. Вся мѣстность, занятая Бѣлозерскимъ городищемъ, представляетъ столько весьма важныхъ практическихъ удобствъ, что она несомнѣнна была бы заселена первыми русскими поселенцами, появившимися здѣсь въ концѣ прошлаго столѣтія, если-бы этому не препятствовали скопленія сыпучаго песка въ видѣ кучугуръ, сдѣлав-

шихъ ее совершенно необитаемой. Итакъ, не на открытой степи, не на Днѣпровскихъ плавняхъ и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ надлуговой террасы, а только здѣсь могла возникнуть прочная и удобная человѣческая осѣдлость, съ остатками которой мы теперь и имѣемъ дѣло въ Бѣлозерскомъ городищѣ.

Если не считать старинныхъ указаній на существованіе этого городища, разсѣянныхъ въ „Запискахъ“ Эриха Лассоты, въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ и т. п., то болѣе обстоятельное описаніе его мы въ первый разъ встрѣчаемъ у Г. И. Спасскаго въ его примѣчаніяхъ на „Книгу, глаголемую Большой Чертежъ“¹⁾. Однако, данное имъ описаніе Бѣлозерскаго городища все-таки крайне поверхностно и заключаетъ въ себѣ лишь немногія существенныя указанія. Съ несравненно болѣею обстоятельностью Бѣлозерское городище было описано графомъ А. Уваровымъ, который на основаніи нѣкоторыхъ весьма остроумныхъ наведеній готовъ считать его за остатки древняго греческаго поселенія на Борисоенѣ, города Серимона²⁾. Нѣсколько позднѣе, его описываетъ также А. Терещенко, который, опровергая мнѣніе о нахожденіи здѣсь Гераса, склоненъ видѣть въ Бѣлозерскомъ городищѣ остатки татарскаго поселенія³⁾. Затѣмъ, у Н. Вертильяка мы встрѣчаемъ описаніе той части этого городища, которая лежитъ у с. Большой Знаменки, по лѣвой сторонѣ протока изъ Бѣлозерскаго лимана⁴⁾. А. Чирковъ въ своемъ очеркѣ днѣпровскихъ городищъ только упоминаетъ о Бѣлозерскомъ городищѣ, общая при этомъ датъ въ послѣдствіи особое описаніе его⁵⁾. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ сообщаетъ также проф. Ф. К. Брунъ, кото-

¹⁾ „Книга, глаголемая Большой Чертежъ“. Изд. по порученію Имп. общ. ист. и др. російскихъ Г. И. Спасскимъ. М., 1846 г., примѣч. 129, стр. 260.

²⁾ „Исслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря“. Спб., 1851—56 г., выпускъ I, стр. 20—30 и табл. V и VI.

³⁾ „Очерки Новороссійскаго края“. Жур. Мин. Нар. Просв., ч. LXXIX, 1853 г., стр. 31—34.

⁴⁾ „Описаніе Бѣлозерскаго городка“. Зап. одес. общ. ист. и древн. т. IV, 1858 г., стр. 143.

⁵⁾ „Краткій очеркъ городищъ, находящихся по Днѣпру и его лиману“. Зап. одес. общ. ист. и древн. т. VI, стр. 550.

рый, вопреки мнѣнію графа А. Уварова, хотя и считаетъ его тоже за остатки греческаго города, но только не Серимона (Serimum), а Сорона (Saron), бывшаго, по Птоломею, четвертымъ городомъ, считая отъ устья Борисеена ¹⁾). Наконецъ, послѣднее указаніе на Бѣлозерское городище мы находимъ въ замѣткѣ г. Падалки, давшей поводъ и мнѣ коснуться того-же предмета. Изъ вышеизложеннаго нетрудно видѣть, что Бѣлозерское городище, несмотря на то, что оно было давнымъ-давно извѣстно археологамъ, до сихъ поръ еще не привлекло къ себѣ ихъ достаточнаго вниманія и не было подвергнуто ими систематическому изученію, котораго оно вполне заслуживаетъ, какъ по своей обширности, такъ и по тѣмъ находкамъ, какія издавна дѣлаются въ немъ мѣстнымъ населеніемъ.

Расхищеніе культурныхъ остатковъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ систематически производится уже болѣе ста лѣтъ. Такъ, еще въ 1772 году новороссійскій губернаторъ Чертковъ въ письмѣ къ запорожскому кошу отъ 30 ноября писалъ слѣдующее: „Близъ Александровской и Никитинской, на пространствѣ 30 верстъ, между рѣками Кучугумомъ и Конскою, по направленію къ Великимъ пескамъ, найдены солдатами, на работахъ бывшими, скрытыя въ землѣ жженой кирпичъ и известь, тесаный и плитный камень и въ одномъ курганѣ найдены мраморомъ выложенные покои, оставленные тамъ прежде бывшими татарами и другими народами; то дабы скорѣе окончить постройку днѣпровскихъ крѣпостей, прошу не только *не воспрепятствовать* выбирать найденные уже матеріалы, столь драгоценныя въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, *но еще поощрять* отысканіе другихъ такихъ ямъ, за что предлагаю въ награду по 5 руб. за кирпичный и по 10 руб. за известковый запасъ“. Кошъ отвѣчалъ на это, что подобная работа давно уже извѣстна войску и назначена имъ на постройку въ Сѣчи каменной церкви, вмѣсто деревянной ²⁾). По словамъ Г. И. Спасскаго, въ Бѣлозерскомъ

¹⁾ „Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѣи и смежныхъ съ нею земляхъ“. Древности Геродотовой Скиѣи, СПб., вып. II, 1872 г., стр. LXXVII—LXXX.

²⁾ „Исторія Новой Сѣчи“. Свальковскаго, Одесса, 1846 г., стр. 129.

городищѣ „въ 1831 году, почти на самомъ высокомъ берегу Днѣпра, въ полусаженной глубинѣ, вырыть изъ подъ песковъ каменный помостъ въ 15 сажень длиною и 6 шириною и около аршина толщиною, состоявшій большею частью изъ тесаныхъ камней, и нѣсколько, также сооруженныхъ изъ камня и кирпича, поваренныхъ печей (?), можетъ быть служившихъ и для обжиганія приготовлявшейся глиняной посуды, чего теперь не утвердить, ни отвергнуть нельзя, потому что все это *разрушено* и употреблено окрестными жителями въ строенія, равно какъ и прежде того открытые фундаменты и другіе остатки бывшихъ нѣкогда зданій“¹⁾. И до сихъ поръ жители с. Каменки и с. Большой Знаменки пользуются изъ Бѣлозерскаго городища строительными матеріалами, какъ они сами говорили мнѣ объ этомъ. Точно также здѣсь ежегодно дѣлаются находки монетъ и различныхъ вещей, да „безъ надобности“ на нихъ не обращаютъ никакого вниманія и обыкновенно отдаютъ ребятишкамъ для забавы. Единственное исключеніе дѣлается, конечно, для золотыхъ вещей, но онѣ попадаются сравнительно рѣдко. Тѣмъ не менѣе, и онѣ чаще всего бесплодно ускользаютъ изъ рукъ специалистовъ. Такова, напримѣръ, находка, сдѣланная ребятишками въ день Спаса Преображенія въ 1845 г., когда въ одномъ песчаномъ бугрѣ были найдены разныя золотыя вещи, а именно: пуговицы, кольца, птички, выпуклыя изображенія головъ на золотыхъ пластинкахъ и т. п. Молва говоритъ, что находка эта составляла на вѣсу около 1½ пуда²⁾. Воспоминаніе о ней и до сихъ поръ еще живо въ средѣ мѣстнаго населенія. Однако, изъ всей этой находки только нѣсколько вещицъ попало въ руки А. Терещенко; все же остальное безвозвратно погибло для науки въ рукахъ алчныхъ и невѣжественныхъ людей. Короче сказать, если теперь же не будутъ приняты серьезныя мѣры къ огражденію Бѣлозерскаго городища отъ расхищенія, то изъ него вскорѣ исчезнутъ и послѣдніе остатки старины, которые пока еще довольно многочисленны въ немъ.

¹⁾ „Книга, глаголемая Большой Чертеж“, примѣч. 129.

²⁾ „Очерки Новор. края“, стр. 32.

Разнообразные культурные остатки встрѣчаются здѣсь не только на пространствѣ, занятомъ кучугурами, но и вѣдѣ ихъ какъ по направленію къ с. Большой Знаменкѣ, такъ и вплоть до огромнаго вала, проходящаго черезъ с. Каменку отъ берега рѣки Конки до Бѣлозерскаго лимана. Около Конки валъ этотъ въ настоящее время почти совершенно сгладился, но ближе къ лиману онъ ясно видѣнъ, особенно начиная съ ярмарочной площади. Повидимому, въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ былъ очень высокъ и ровъ его находился снаружи отъ городища, т. е. со степной стороны. Общее направленіе вала почти прямое съ сѣверо-востока на юго-западъ; только подходя къ лиману, онъ нѣсколько поворачиваетъ, направляясь перпендикулярно къ его берегу. Близъ ярмарочной площади валъ въ одномъ мѣстѣ рѣзко прерывается и образуетъ узкій проѣздъ, который мѣстное населеніе называетъ „желѣзными воротами“. По словамъ старожиловъ, перерывъ этотъ существовалъ уже въ то время, когда мѣсто это стало заселяться первыми поселенцами изъ Россіи, т. е. въ концѣ прошлаго столѣтія. Культурные остатки древняго поселенія попадаютъ только на внутренней сторонѣ вала, т. е. по направленію къ кучугурамъ и въ самихъ кучугурахъ, но ихъ совершенно нѣтъ на сторонѣ его, обращенной къ степи.

Я не буду останавливаться на описаніи остатковъ земляныхъ укрѣпленій по лѣвому берегу протока изъ Бѣлозерскаго лимана, близъ с. Большой Знаменки, такъ какъ они неоднократно были уже обстоятельно описаны, напримѣръ, г.г. Вертильякомъ, Падалкой и др. По поводу нихъ я повторю только, что я не считаю ихъ за остатки отдѣльнаго городища, такъ какъ, и по мѣсту своего нахожденія, и по характеру находимыхъ въ нихъ вещей, они тѣсно примыкаютъ къ городищу у Каменнаго затона, въ чемъ легко убѣдиться при внимательномъ изученіи описываемой мѣстности.

При тщательномъ обзорѣ всего пространства, въ предѣлахъ котораго находятъ древніе культурные остатки, я убѣдился, что всѣ они должны быть приурочены къ вполне опредѣленному подпочвенному горизонту, который въ видѣ ясно выраженаго

зольнаго слоя мощностью до 1 аршина встрѣчается на всемъ этомъ пространствѣ, залегая или у самой поверхности почвы, или на нѣкоторой глубинѣ, достигающей мѣстами 2 аршинъ. Слой этотъ мало по мало разрушается вѣтромъ, который отбѣиваетъ отъ него песокъ, а всѣ болѣе тяжелыя вещи, заключающіяся въ немъ, остаются на мѣстѣ, при чемъ чаще всего это происходитъ въ углубленіяхъ между песчаными холмами или въ „котловинахъ выдуванія“. Такимъ образомъ, вѣтеръ какъ-бы просѣиваетъ зольный культурный слой, результатомъ чего и является мѣстами массовое скопленіе заключающихся въ немъ предметовъ.

Въ мѣстахъ такого скопленія ихъ вся почва на протяженіи десятковъ и даже сотенъ квадратныхъ сажень, буквально завалена битой черепицею и обломками глиняныхъ амфоръ, отъ которыхъ чаще всего попадаютъ ручки и суженныя книзу днища. Кромѣ этихъ обломковъ, здѣсь довольно часто находятъ бронзовыя стрѣлки различныхъ типовъ, стрѣлки изъ зубной эмали домашнихъ животныхъ, кремневыя стрѣлки, кости и зубы различныхъ животныхъ, куски ржаваго желѣза, бусы, черепки терракотовой посуды, черепки горшковъ чрезвычайно грубой работы съ примитивнымъ узоромъ, множество кусковъ сплавленной бронзы, обломки ножей съ бронзовыми рукоятками, обломки свинца, битое стекло и т. п. Изрѣдка попадаютъ золотыя вещицы и монеты, какъ на это указываютъ гг. Терещенко, Вертильякъ, Спасскій и графъ Уваровъ. Послѣдній подробно описываетъ ихъ, и на основаніи этого описанія мы должны признать ихъ за остатки греческой культуры. Къ числу характерныхъ находокъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ слѣдуетъ отнести также, повидимому, искусственныя громадныя скопленія гранитныхъ обломковъ. Мѣстами мнѣ лично приходилось наблюдать что такіе обломки гранита лежатъ плотно другъ около друга, образуя подобіе мостовой, какъ это хорошо можно видѣть, на примѣръ, за огородомъ Юмы Лещенко, около пристани на Днѣпрѣ. Здѣсь груды камня выступаютъ въ видѣ насыпи, имѣющей значительное протяженіе. Мы не знаемъ ни одного естественнаго агента, дѣйствіемъ котораго можно было бы объяснить

образованіе подобныхъ скопленій гранитныхъ обломковъ. Слѣдовательно, они могли возникнуть здѣсь только при участіи человѣка, который пользовался для своихъ строительныхъ цѣлей выходами гранита на берегу Каменнаго затона и строилъ изъ этого матеріала фундаменты зданій, мостовыя и т. п. Дѣйствительно, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ кучугурахъ встрѣчаются также остатки какихъ-то зданій, а также какія-то особыя сооруженія въ видѣ погребовъ. Весьма возможно, что послѣднія вовсе не погреба, а могильные склепы, такъ какъ въ нихъ нерѣдко находили кости людей и разнообразныя вещи. Такъ, по словамъ графа Уварова, недалеко отъ с. Каменки случайно была открыта могила, которая „внутри была обложена большими четырехугольными плитами изъ бѣлаго камня. Въ ней лежалъ человѣческій скелетъ, а вокругъ него были разбросаны золотыя украшенія, которыя, вѣроятно, пришиты были къ истлѣвшему платью“ ¹⁾. Вообще, несмотря на безпощадное расхищеніе строительныхъ матеріаловъ, ихъ все еще весьма много въ Бѣлозерскомъ городищѣ, при чемъ особенно обильными они становятся въ тѣхъ частяхъ его, которыя всего ближе подходятъ къ Днѣпру или къ его протоку, р. Конкѣ. Наиболѣе часто остатки зданій встрѣчаются на землѣ Өомы Лещенко, гдѣ находятъ тонкіе квадратные кирпичи, бутовый камень, перегнившее дерево и т. п. Очевидно, что и прежде, какъ и теперь, мѣсто это было особенно привлекательно для человѣка, который пользовался имъ какъ удобною пристанью, для чего оно служить и въ настоящее время. Тутъ же неоднократно находили и цѣльныя амфоры нерѣдко весьма большихъ размѣровъ. Здѣсь же чаще всего попадаютъ и монеты, особенно послѣ весенняго половодья, когда находятъ ихъ въ тонкомъ слоѣ песка, покрывающемъ выходы кристаллическихъ породъ. Въ дополненіе къ вышперечисленнымъ находкамъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ, я долженъ еще прибавить, что мною были найдены здѣсь остатки литейной мастерской, на существованіе которой указываетъ обильное скопленіе шлаковъ и въ

¹⁾ „Изслѣд. о древн. Юж. Россіи“. Стр. 22.

особенности присутствіе разрозненныхъ кусковъ болотной желѣзной руды.

Весьма многія изъ вышеуказанныхъ вещей были лично найдены мною въ Бѣлозерскомъ городищѣ въ 1888 году. Изъ этихъ вещей, а также изъ находки г. Сердюкова составилаь небольшая коллекція, которая и передана мною въ даръ Императорскому Историческому Музею въ Москвѣ. Вещи эти до сихъ поръ еще остаются неописанными и не мнѣ, конечно, братья за это описаніе. Тѣмъ не менѣе, не могу не отмѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, какъ наиболѣе характерныя и имѣющія отношеніе къ послѣдующему изложенію. Такъ, изъ числа стрѣлокъ мы имѣемъ изъ Бѣлозерскаго городища стрѣлки кремневая, стрѣлки изъ зубной эмали, стрѣлки бронзовыя и желѣзныя. Изъ посуды мною были найдены черепки съ одной стороны чрезвычайно грубой работы съ примитивнымъ орнаментомъ, а съ другой—черепки необыкновенно тонкой греческой работы. Что-же касается украшеній, то и здѣсь рядомъ съ бусами очень грубаго вкуса и работы попадаются такія изящныя издѣлія, какъ рельефныя изображенія на золотыхъ пластинкахъ, о которыхъ упоминають гг. Терещенко, Спасскій, гр. Уваровъ и др., а также найденная мною весьма изящная металлическая овальная пластинка съ вогнутымъ изображеніемъ крылатой *Нике*. Если же ко всему этому прибавить находки греческихъ, римскихъ, татарскихъ и турецкихъ монетъ, то для насъ станетъ вполнѣ очевиднымъ, что въ Бѣлозерскомъ городищѣ мы имѣемъ смѣсь различныхъ культуръ, такъ сказать, археологическій конгломератъ, что еще болѣе возвышаетъ интересъ научнаго изученія этой мѣстности.

Мѣсто это, повидимому, давно уже было покинуто человекомъ, который оставилъ его, быть можетъ, подъ вліяніемъ необходимости отступить подъ напоромъ песковъ, постепенно заносившихъ его. По крайнѣй мѣрѣ, уже старинные путешественники свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о древнемъ городищѣ. Такое указаніе, между прочимъ, мы находимъ у Эриха Ласоты, путешествовавшаго къ запорожцамъ въ 1594 году. Запорожцы хорошо знали это городище, называвшееся у нихъ „Свя-

тымъ“¹⁾, и, вѣроятно, съ ихъ словъ были записаны различныя свѣдѣнія о немъ, какія мы находимъ, на примѣръ, въ „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“. По словамъ А. А. Скальковскаго²⁾, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія противъ Микитина—рога (Никополя), на мѣстѣ теперешняго с. Каменки, существовало козачье поселеніе „с. Камянное“ или „Крымская Каменка“, названнаа „Крымской“ потому, что она была расположена на лѣвой, т. е. крымской стороны Днѣпра, по ногайски же это поселеніе называлось „Крименды — Базарь“. Здѣсь на берегу Бѣлозерскаго лимана и далѣе вверхъ по Бѣлозерской балкѣ жили запорожцы отдѣльными зимовками отчасти для рыболовства и охоты, а отчасти для содержанія мостовъ и переправы черезъ Днѣпръ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, живя по сосѣдству съ Бѣлозерскимъ городищемъ, запорожцы пытались такъ или иначе объяснить его происхожденіе. Объясненія эти носили, конечно, легендарный характеръ и, между прочимъ, одво изъ нихъ, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому, дошло и до нашего времени. Такъ, мнѣ лично, въ бытность мою въ с. Каменкѣ въ 1888 году, пришлось встрѣтиться съ девяностолѣтнимъ старикомъ, фамилія котораго Бутринъ, а народное прозвище „Юрза“. Къ сожалѣнію, онъ страдалъ глухотою, что крайне затрудняло разговоръ съ нимъ. На мой вопросъ: „не знаетъ-ли онъ чего-либо про старину этихъ мѣстъ?“—Юрза разсказалъ приблизительно слѣдующее:

„Извѣстное дѣло, давно это было,—еще при турецчинѣ. Жила за этимъ валомъ (мы какъ-разъ сидѣли на немъ), въ городкѣ, около Днѣпра, гречанка, Бѣлоторія по прованію; у ней и постройка, и лавки всякія были, хорошо она жила! И вѣрыто она была христіанской. Только, вдругъ пришелъ со степи Мамай съ войскомъ, увидалъ городокъ Бѣлоторіи, узналъ про красоту ея и затѣялъ на ней жениться. Сталъ пословъ посылать, а та и слышать не хочетъ,—ужь дюжій-то нехристь Ма-

¹⁾ „Нѣсколько новыхъ документовъ о Запорожской сѣчи и ея земляхъ“. А Шмидта. Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. Т. IV, 1858 г., стр. 468.

²⁾ „Поѣздка по запорожскимъ урочищамъ“. Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1846 года, XIII, стр. 66.

май былъ, а она, стало быть, какъ слѣдуетъ, крѣпко за христіанскую вѣру стояла. Сталь тогда Мамай войной и силой своей грозить. Испугалась Бѣлзорія, видитъ не устоять ея городку противъ силы Мамаевой и пошла она на хитрость. Завела съ Мамаемъ переговоры, а сама начала корабли строить. Настроила кораблей, сколько было надо, сѣла на нихъ съ своимъ народомъ, снесла на нихъ все богатство свое, да и уплыла въ море по Днѣпру. А Мамай хоть и видѣлъ это, да сдѣлать ничего не могъ,—народъ-то его по корабельному дѣлу ничего не смыслить. Обозлился тогда Мамай и разорилъ со зла городокъ Бѣлзоріи. Оттого-то и находятъ въ кучугурахъ черепки, да камень и вещи разныя. Отъ Бѣлзоріи и лиманъ-то нашъ называется Бѣлозерскимъ, а отъ Мамаи въ Большой Знаменкѣ рѣчку стали называть Мамасовкой⁴.

Разказъ Юрзы весьма близко совпадаетъ съ разказомъ, записаннымъ у г. Вертильяка, а также въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ съ тою только разницею, что у г. Вертильяка Бѣлзорія называется „Суркою“. Имя это и теперь слышится въ названіяхъ нѣкоторыхъ окрестныхъ урочищъ. Такъ, на картѣ запорожскихъ урочищъ, приложенной къ вышецитированной замѣткѣ г. Шмидта, окрестныя возвышенности названы „Мама-Сура“, и рѣчка въ с. Большой Знаменкѣ тоже „Мама-Сура“, Юрза же назвалъ ее „Мамасовкой“. Объясненіе происхожденія этого названія мы находимъ у г. Скальковского¹⁾. Изслѣдованія, произведенныя имъ на мѣстѣ, убѣдили его въ томъ, что „Мама-Сура“ было козачье поселеніе на крымской сторонѣ, при устьѣ рѣчки, впадающей въ Днѣпръ немного ниже Бѣлозерки, которая по-татарски называлась „Мамай-су“. Близъ этой рѣчки, Мамайки или Мамасовки (въ разказѣ Юрзы) есть довольно высокая гора—„Мамай-Дагъ“ (Мама-Сура). Названіе же „Мамай-су“ присвоено Бѣлозерской балкѣ, вѣроятно потому, что на ней издавна были расположены аулы нагайскихъ мурзь Мамайскаго рода. Впоследствии же названіе это было исковеркано запорожцами на свой ладъ и обратилось въ „Мамай-Сурка“ или „Мамай-Сура“.

¹⁾ „Повѣдка по запорожскимъ урочищамъ“. Стр. 66.

Весьма характернымъ въ разсказѣ Юрзы является то обстоятельство, что Бѣлоторія была „гречанка“. Очевидно, и народъ ея былъ также греческаго происхожденія. Не есть-ли это отголосокъ еще болѣе древнихъ сказаній о Бѣлоторскомъ городищѣ, въ которыхъ болѣе точно опредѣлялась національность его прежнихъ обитателей? На древность ихъ указываетъ также и сказаніе, записанное въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“, гдѣ Бѣлоторское городище прямо приурочивается въ „славному старинному городу“, который „былъ построенъ отъ древняго нѣмецкаго народа еранковъ, которые въ то время тутъ жили, а потомъ оный народъ вышелъ въ нѣмецкую землю“. Затѣмъ, какъ въ этомъ сказаніи, такъ и въ разсказѣ Юрзы, Мамай и татары являются уже болѣе поздними пришельцами—разорителями, а потому я думаю, что они никогда и не жили здѣсь осѣдлою жизнью. Слѣдовательно, имъ и нельзя приписывать болѣе грубые остатки, находимые въ Бѣлоторскомъ городищѣ, какъ это дѣлаетъ графъ Уваровъ, который прямо говоритъ ¹⁾, что на развалинахъ болѣе древняго города здѣсь поселились татары. Еще опредѣленнѣе въ этомъ смыслѣ выражается г. Терещенко, который на основаніи находки въ Бѣлоторскомъ городищѣ татарскихъ монетъ и „внимательнаго обозрѣнія“ этой мѣстности „убѣдился, что здѣсь было городище татарское“ ²⁾. Позволю себѣ замѣтить на это, что даже самое „внимательное обозрѣніе“ этой мѣстности не даетъ ровно никакихъ указаній относительно національности древнихъ обитателей его. Что же касается татарскихъ монетъ, то ихъ присутствіе среди культурныхъ остатковъ Бѣлоторскаго городища, конечно, даетъ нѣкоторое указаніе на пребываніе здѣсь татаръ, но отнюдь не доказываетъ, чтобы они имѣли на мѣстѣ Бѣлоторскаго городища постоянную осѣдлость. По всей вѣроятности, пребываніе ихъ здѣсь было временное. Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что у Каменнаго затона издавна существовала переправа съ одного берега Днѣпра на другой. Гораздо болѣе убѣдительно указанія графа Уварова

¹⁾ „Изслѣд. о др. Юж. Россіи“. В. I, стр. 21 и 26.

²⁾ „Очерки Новор. края“. Ж. М. Н. Пр., ч. LXXIX, 1853 г., стр. 34.

на грубый характеръ работы и отдѣлки черепковъ посуды, которая встрѣчается въ Бѣлозерскомъ городищѣ рядомъ съ черепками изящной посуды несомнѣнно греческаго происхожденія. Но грубость этой посуды еще ничего не говоритъ за принадлежность ея татарамъ, а указываетъ только на то, что посуда эта принадлежала какому то народу, стоявшему на довольно низкой ступени развитія, который жилъ здѣсь или одновременно съ народомъ болѣе культурнымъ, т. е. греками, или же заселялъ это мѣсто въ эпоху болѣе раннюю. Кремневая стрѣлки и стрѣлки изъ зубной эмали, которыя мнѣ удалось найти въ Бѣлозерскомъ городищѣ и которыхъ графъ Уваровъ, очевидно, не зналъ для этой мѣстности, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло вовсе не съ татарами, а съ какимъ то народомъ, культура котораго была очень низкой. Все это заставляетъ насъ признать, что предметы болѣе низкой культуры, находимые въ Бѣлозерскомъ городищѣ, вовсе не татарскаго происхожденія и что древность ихъ заходитъ гораздо дальше эпохи татарскаго нашествія, ко времени котораго древнее поселеніе, бывшее на мѣстѣ этого городища, было уже, вѣроятно, разрушено и занесено пескомъ.

Что же касается археологическаго значенія болѣе культурныхъ остатковъ Бѣлозерскаго городища, въ числѣ которыхъ преобладающую роль играютъ вещи несомнѣнно греческаго происхожденія, то подобный анализъ этихъ находокъ и въ особенности монетъ заставилъ графа Уварова признать, что на мѣстѣ этого городища процвѣталъ нѣкогда греческій городъ, время существованія котораго онъ полагаетъ между VI или V столѣтіями до Р. X. и II столѣтіемъ послѣ Р. X. По словамъ графа Уварова, найденныя здѣсь „монеты занесены были на берега Борисеена, вѣроятно, торговлею и доказываютъ намъ, что существовавшій тутъ городъ былъ въ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми главнѣйшими поселеніями береговъ Понта Евксинскаго, т. е. съ Ольвіей, Пантикапеей, Херсонисомъ и Истромъ. Впослѣдствіи, когда въ торговлѣ, подъ вліяніемъ римскаго владычества, распространились монеты императорскія, то, вѣроятно, посредствомъ тѣхъ же сношеній, дошли онѣ и до бе-

реговъ Днѣпра. Положеніе греческаго города на самомъ Борисѣенѣ было весьма полезно для грековъ въ отношеніи торговли. Онъ служилъ мѣстомъ соединенія торговли южной съ торговлею сѣвера. Греческіе купцы, по преимуществу, вѣроятно, ольвійскіе, привозили сюда свои товары; они или мѣняли ихъ на произведенія скиѣскія, или продавали ихъ скиѣамъ. Греки умѣли выбрать мѣсто для учрежденія города. Они поселились на томъ мѣстѣ, до котораго судоходство по Борисѣену было безопасно и имъ извѣстно. Съ юга и съ запада они были отчасти окружены лѣсами, отчасти полями; однимъ словомъ, они имѣли тутъ всѣ удобства жизни. Это мѣсто и доселѣ еще такъ удобно для торговли и до такой степени лежитъ на самомъ пути между югомъ и сѣверомъ, что и теперь тутъ пролегаетъ дорога изъ Крыма въ Россію¹⁾. Нельзя не согласиться, что всѣ эти соображенія графа Уварова весьма правдоподобны и что внѣшнія удобства этой мѣстности даже и теперь дѣлаютъ ее чрезвычайно пригодной для торговли, благодаря чему всѣ окрестныя селенія лѣваго берега Днѣпра замѣтно тяготеютъ къ естественной и удобной пристани, расположенной въ Каменномъ затонѣ, откуда ежегодно сплавляются милліоны пудовъ хлѣба въ черноморскіе порты. Въ виду всего этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что Бѣлозерское городище, которое графъ Уваровъ считаетъ за остатки греческаго города Серимона (Σερίμων—Σερίμων), нѣкогда представляло собой греческую факторию, составлявшую одинъ изъ крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ греческихъ поселеній по Борисѣену и расположенную почти на рубежѣ тогдашняго цивилизованнаго міра.

Рядомъ съ этимъ, однако, весьма возможно также допустить, что Бѣлозерское городище представляетъ собою остатки не греческаго, а какого либо скиѣскаго поселенія, куда такъ или иначе находили себѣ доступъ вещи греческой работы, а также и монеты, но я, какъ не специалистъ, не рѣшаюсь взяться за рѣшеніе этого вопроса, хотя и думаю, что такое предположеніе мало вѣроятно. Едва-ли не единственнымъ указаніемъ въ

¹⁾ „Изслѣд. о древн. Южн. Россіи“. В. I, стр. 26—27.

пользу его правдоподобности могло-бы служить присутствіе въ Бѣлозерскомъ городищѣ рядомъ съ многочисленными остатками греческой культуры такихъ грубыхъ вещей, какъ кремневая стрѣлки или черепки посуды весьма примитивной работы. Однако, присутствіе подобныхъ вещей можетъ быть одинаково хорошо объяснено какъ при томъ предположеніи, что нѣкогда существовавшее здѣсь поселеніе было исключительно скиѣское, такъ и принимая Бѣлозерское городище за остатки одного изъ греческихъ городовъ, съ которыми скиѣы несомнѣнно находились въ постоянныхъ и весьма дѣятельныхъ сношеніяхъ. При этомъ, конечно, между ними могли быть и такія племена, которыя стояли на весьма низкихъ ступеняхъ культуры. Эти-то послѣднія, посѣщая для торговыхъ или какихъ-либо иныхъ цѣлей греческую факторію, и могли занести въ нее въ большемъ или меньшемъ количествѣ предметы своего незатѣйливаго домашнего обихода, остатки которыхъ мы находимъ теперь рядъ мѣ съ остатками греческой культуры.

Такимъ образомъ, значеніе болѣе грубыхъ вещей, найденныхъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ, остается крайне неяснымъ. При этомъ необходимо еще замѣтить, что лично я не могу утверждать, встрѣчаются-ли оба рода остатковъ въ одномъ и томъ-же культурномъ горизонтѣ, или же вещи болѣе грубой работы залегаютъ нѣсколько глубже вещей греческаго происхожденія. Разъясненіе этой подробности составляетъ уже предметъ болѣе специальныхъ изслѣдованій на мѣстѣ, которыя и покажутъ намъ, представляютъ-ли остатки греческой осѣдлости въ Бѣлозерскомъ городищѣ первоначальное человѣческое поселеніе на этомъ мѣстѣ, или же ему предшествовало болѣе древнее поселеніе, время возникновенія котораго, быть можетъ, относится еще съ доисторической эпохѣ.

Ограничиваясь вышесказаннымъ, позволю себѣ замѣтить, что цѣль моей настоящей замѣтки я буду считать вполне достигнутой, если мнѣ удастся обратить вниманіе археологовъ-спеціалистовъ на Бѣлозерское городище, которое вполне заслуживаетъ его какъ по своему научному интересу, такъ и въ виду опасенія за дальнѣйшую сохранность его. Необходимо

поспѣшить съ систематическимъ и всестороннимъ изслѣдова-
ніемъ этого замѣчательнаго памятника съдой старины, такъ
какъ иначе время и человѣческое невѣжество угрожаютъ на-
всегда отнять у науки тѣ цѣнные археологическіе матеріалы,
которые скрыты въ немъ подъ грудями сыпучихъ песковъ.

В. Соколовъ.

Москва, 8 апрѣля 1892 года.

Записки Мих. Чайковскаго (Садыкъ-паши).

Отъ редакціи. Приступая къ печатанію новаго отдѣла изъ записокъ М. Чайковскаго, отдѣла, относящагося ко времени пребыванія автора записокъ въ Турціи, редакція считаетъ необходимымъ для большей ясности разсказать вкратцѣ о пребываніи Чайковскаго въ Зап. Европѣ до его отъѣзда въ Константинополь.

Послѣ перехода австрійской границы часть повстанцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Чайковскій, направилась въ г. Брюнъ въ Моравіи, гдѣ они были радушно приняты мѣстными жителями — чехами, среди которыхъ были распространены панславистскія воззрѣнія, мало понятныя, повидимому, для польскихъ эмигрантовъ. Но пребываніе въ Брюнѣ было непродолжительно, такъ какъ австрійское правительство находило неудобнымъ оставить бывшихъ повстанцевъ на своей территоріи. Эмигранты отправились черезъ Баварію въ Швейцарію. Баварскій король воспротивился проѣзду ихъ черезъ Мюнхенъ и они направилась черезъ Ульмъ, гдѣ были торжественно встрѣчены нѣмецкими либералами. Но оказалось, что и поляки и нѣмцы совершенно расходились въ своихъ симпатіяхъ и идеалахъ и потому плохо понимали другъ друга. Въ Швейцаріи повстанцы поселились въ Шафгаузенъ, откуда совершили поѣздку въ Арнсбергъ, мѣстопребываніе Людовика-Наполеона и его матери королевы Гортензіи. Самого принца тамъ въ это время не было, но эмигрантовъ очень любезно приняла его мать. Во Франціи въ то время повсюду высказывались горячія симпатіи къ Польшѣ и полякамъ, и выходцы поспѣшили перебраться въ эту дружественную страну.

Они перешли границу у крѣпости С.-Луи. Здѣсь эмигранты получили свѣдѣнія, что часть бывшихъ повстанцевъ находилась въ Безансонѣ, часть въ Авиньонѣ, а часть въ Буржѣ; не военные эмигранты проживали въ Шатору, а главари, сеймъ и ржондъ народный имѣли мѣстопробываніе въ Парижѣ. Чайковскій съ товарищами направились въ Буржъ. Тамъ, по словамъ Чайковскаго, было болѣе 4,000 поляковъ, изъ которыхъ 1,500 было солдатъ, жившихъ въ казармахъ. Польскіе эмигранты во Франціи тотчасъ раздѣлились на множество политическихъ партій, особенно это раздѣленіе усилилось, когда, послѣ безпорядковъ, произведенныхъ эмигрантами въ Буржѣ, французское правительство распорядилось размѣстить поляковъ по многимъ городамъ. Изъ Буржа Чайковскій съ товарищами совершили поѣздку въ Парижъ и видѣлись тамъ съ главами польскихъ эмигрантовъ. Въ Парижѣ они застали своихъ соотечественниковъ раздѣлившимися на партіи, которыя сходились между собою развѣ только въ непріязни къ князю Адаму Чарторыйскому. Пребываніе Чайковскаго въ Парижѣ было непродолжительно и онъ возвратился въ Буржъ, гдѣ и женился на дѣвицѣ де-Габаре. Изъ Буржа Чайковскій переселился въ Фонтенбло, и, вмѣстѣ съ товарищами, несъ военную службу въ стоявшемъ тамъ гусарскомъ полку. Здѣсь онъ подружился съ Кипризи-Мегмет-пашей, служившимъ во французской арміи, и здѣсь же написалъ сочиненіе о кавалеріи, которое впоследствии и было напечатано во французскомъ военномъ журналѣ. Черезъ годъ Чайковскій снова возвратился въ Парижъ. Здѣсь онъ очутился въ затруднительномъ положеніи: деньги были прожиты, а субсидіи отъ французскаго правительства, которая выдавалась другимъ эмигрантамъ, Чайковскій не получалъ. Въ поискахъ за средствами къ жизни онъ рѣшился было поступить въ банкирскую контору, но одинъ изъ его пріятелей-французовъ уговорилъ его попытать свои силы на литературномъ поприщѣ; Чайковскій написалъ по-французски разсказъ изъ украинской жизни, разсказъ этотъ былъ напечатанъ и за нимъ послѣдовали другіе. Отъ разсказовъ Чайковскій перешелъ къ газетнымъ статьямъ политическаго характера. На его разсказы обратилъ вни-

маніе Мицкевичъ и уговорилъ его писать по-польски. Такъ началась литературная дѣятельность Чайковского. Въ это время Ч—скій сошелся съ Адамомъ Чарторыйскимъ и представилъ ему свою политическую программу, которая состояла въ слѣдующемъ: необходимо, не обращая вниманія на мнѣнія эмигрантовъ, установить правительство, которое являлось бы польскимъ правительствомъ, перенесеннымъ изъ родной страны въ Парижъ, и вело бы иностранную политику, при чемъ должно обратить вниманіе: во 1-хъ на Римъ, какъ центръ католицизма, во 2-хъ на Востокъ, т. е. на турецкое правительство, которое „до конца сохраняло миръ съ Польшей и ни однимъ актомъ не признало ея раздѣла, и на христіанскихъ подданныхъ султана, изъ которыхъ одни такіе же славяне, какъ и поляки, а другіе враждебны государствамъ, раздѣлившимъ между собою Польшу (?)“. Такая политика придастъ большое значеніе кн. Адаму въ глазахъ европейскихъ дворовъ и народовъ. Въ то же время надо организовать за границей польскую военную силу. вмѣстѣ съ тѣмъ Ч—скій сообщилъ Чарторыйскому, что онъ „не вѣритъ въ возможность возстановленія Польши собственными силами, потому что поляки не имѣютъ и не могутъ имѣть средствъ для борьбы съ могущественными врагами, которые господствуютъ въ странѣ, особенно при разладѣ сословіи въ польскомъ обществѣ, при отсутствіи цемента, который могъ бы его соединить, при взаимной неприязни между панами и хлопами, при отсутствіи людей съ общепризнаннымъ высшимъ общественнымъ положеніемъ, которые стали бы во главѣ возстанія, при народномъ легкомысліи, которое можно назвать политической незрѣлостью, при несчастномъ политическомъ недомысліи, которое есть тяжкая кара за наши грѣхи; каждое возстаніе должно повлечь за собою рядъ несчастій, которыя постепенно все больше и больше будутъ закапывать гробъ Польши на вѣки. Потому то я всегда былъ врагомъ конспирацій и пропаганды, вызывающихъ возстанія въ Польшѣ. По моему убѣжденію, должно было дѣйствовать для блага Польши за границей, дабы приготовить тамъ силу, которою можно бы было воспользоваться въ случаѣ войны между европейскими государствами, какъ средствомъ заставить ихъ заняться польскими дѣлами“.

Чарторыйскій согласился съ этой программой и оба они съ Чайковскимъ стали дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, вступивъ въ сношенія со славянами и румынами, жившими въ Парижѣ, съ одной стороны и съ французскимъ правительствомъ, относившимся къ нимъ благосклонно, съ другой. Съ тѣхъ поръ политическая дѣятельность Чайковскаго была связана съ дѣятельностью Адама Чарторыйскаго. Въ качествѣ его представителя Чайковскій ѣздилъ въ Римъ и въ Германію.

Въ это время одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Чарторыйскаго, Владиславъ Замойскій, составилъ планъ воспользоваться жившимъ въ Парижѣ черногорскимъ княземъ Васовичемъ для польскаго дѣла на Востокѣ. Этотъ Васовичъ былъ выдвинутъ какъ кандидатъ на черногорскій престолъ. Въ Васовичѣ приняли участіе „смартвых-встанцы“ и іезуиты, такъ какъ этотъ авантюристъ выражалъ готовность принять католичество и способствовать распространенію власти св. престола на балканскихъ славянъ. Дворы англійскій и французскій сначала отнеслись къ этому предпріятію двусмысленно, что дало поводъ предполагать въ нихъ сочувствіе. Чайковскій не одобрялъ этого рискованнаго шага, который могъ вооружить противъ поляковъ Турцію, но его протесты не имѣли успѣха, пока предпріятіе не рушилось влѣдствіе недостатка денегъ и настояній европейскихъ кабинетовъ. Тогда рѣшено было послать Чайковскаго въ Константинополь съ цѣлью разузнать на мѣстѣ о положеніи дѣлъ и о томъ, какую пользу можетъ извлечь Чарторыйскій и его партія изъ Турціи. Чайковскій черезъ Римъ, Неаполь, Мальту и Аѳины прибылъ въ Константинополь.

I.

Царьградъ.—Знакомство съ Людвигомъ Звѣрековскимъ.—Французское посольство.—
О. Леленъ.—Гузревъ-паша.—Риза-паша.—Султанъ Абдуль-Меджидъ.

Мы приѣхали въ Стамбулъ ночью и я рѣшилъ почевать на пароходѣ. Ночь я провелъ, сидя на своемъ багажѣ, не ради того, чтобы прислушиваться къ вою псовъ европейской столицы

могущественныхъ султановъ, которому отвѣчалъ вой шакаловъ съ азіатскаго берега, и не ради того, чтобы любоваться ночнымъ движеніемъ на черномъ фонѣ Золотого Рога, а потому что мнѣ какъ то странно было очутиться на Востокѣ, не имѣя ни одного знакомаго, безъ знанія языка и обычаевъ. Лычары, потому что Богъ знаетъ покончили ли они свое существованіе или преобразовались въ другой мусульманскій орденъ, чума, которая разгуливала по оттоманской имперіи, грозная власть русскаго посольства, о которой я слышалъ столько вымысловъ на Западѣ,—все это безпокоило меня и проносилось въ моемъ воображеніи. Въ такомъ настроеніи я заснулъ на скамьѣ и мнѣ приснился сладкій сонъ...

Разбудилъ меня Равскій ¹⁾, говоря:

— Посмотрите, послушайте!

Я не успѣлъ еще раскрыть глаза, какъ въ ухахъ у меня раздались возгласы муэзиновъ, этихъ соловьевъ Ислама, призывающіе правовѣрныхъ къ молитвѣ. Голосъ ихъ былъ такъ сладокъ, звонокъ и сердеченъ, что я подумалъ, должно быть мусульмане очень сердечный народъ, если ихъ зовутъ такимъ голосомъ къ молитвѣ. Мнѣ вспомнилась Польша и я уже ухомъ и сердцемъ примирился съ тѣмъ Востокомъ, къ которому принадлежатъ славяне и который принадлежитъ славянамъ. А когда я увидѣлъ этотъ городъ, похожій на нашъ старый Кіевъ, то сказалъ въ душѣ, что ему дѣйствительно принадлежитъ имя Царьградъ, потому что это столица не только царства славянскаго, но царства всемірнаго. На фонѣ города, среди зданій различныхъ родовъ и цвѣтовъ, окруженныхъ рощами кипарисовъ и садами, полными цвѣтовъ, бѣлыя мечети съ стройными минаретами, съ блестящими куполами, были какъ бы планетами и кометами между звѣздами небснаго свода. Міръ неодушевленный и полудушевленный былъ дивенъ, очарователенъ. Міръ одушевленный не уступалъ ему: разнообразныя уборы, одежды, разноцвѣтные люди на коняхъ, въ арбахъ, на кайкахъ, на лодкахъ, пѣшкомъ; на мосту, на улицахъ, на морскомъ бе-

¹⁾ Спутникъ Чайковскаго.

регу толпы людей тѣснили одна другую и въ своемъ непре-
станномъ движеніи приливали и отливали безъ начала и безъ
конца. Я понялъ восхищеніе Магомета Завоевателя, когда, гля-
дя на этотъ богатый коверъ, на эти два изумруда, оправлен-
ные въ бирюзу и раздѣленные другъ отъ друга бирюзкою, онъ
задумалъ увѣнчать его бриллиантомъ султанскаго господства и
исполнилъ это. Этотъ коверъ чудной работы сталъ владѣніемъ
калифовъ ислама, падишаховъ обширнаго міра, но въ жилахъ
этихъ падишаховъ текла теперь уже кровь сербская, кровь сла-
вянская. Съ такими мыслями я сошелъ съ парохода и выса-
дился на берегъ въ Тофане.

Это было въ концѣ октября 1841 г.

Я розыскалъ Людвигъ Звѣрковскаго, извѣстнаго въ Стам-
булѣ подъ именемъ Ленара, якобы француза, который служилъ
офицеромъ въ 7 пѣхотномъ полку. Человѣкъ храбрый, оросив-
шій не одно поле битвы своею кровью, онъ считался однимъ
изъ лучшихъ офицеровъ полка. Высланъ онъ былъ на Востокъ
своимъ двоюроднымъ братомъ Валентіемъ Звѣрковскимъ и круж-
комъ людей, мечтавшихъ о соединеніи эмигрантовъ подъ зна-
менемъ шляхетской демократіи, апостолами которой были: вое-
вода Антонъ Островскій, посолъ Ледуховскій, генераль Двер-
ницкій, Іоакимъ Лелевель. Его отправленіе совпало съ миссіей
генерала Хржановскаго—Кинга ¹⁾. Цѣлью вождей шляхетской
демократіи было помѣшать дѣйствіямъ кн. Чарторыйскаго, или,
по крайней мѣрѣ, слѣдить за ними и пользоваться сообщеніа-
ми о нихъ для борьбы въ польскихъ и французскихъ газетахъ
съ политикой кн. Адама. Были для этого собраны деньги и
Звѣрковскій былъ хорошо обезпеченъ.

Я не былъ знакомъ съ Звѣрковскимъ, но, зная его по
слухамъ, прямо отправился къ нему, безъ всякихъ околичностей
оказалъ ему кто я, какая цѣль моего приѣзда и предложилъ
дѣйствовать сообща по приказаніямъ и отъ имени князя Адама.
Онъ принялъ мое предложеніе и съ тѣхъ поръ до самой смер-

¹⁾ Агентъ князя Ад. Чарторыйскаго, равнѣ Чайковскаго ѣздившій въ
Турцію.

ти его, въ 1857 г., мы были съ нимъ неразлучными друзьями и политическими единомышленниками.

Поляковъ въ Стамбулѣ было немного, да и тѣ скрывались подъ чужими именами: Корчакъ, Ленаръ и т. п., даже унтеръ-офицеръ Антонъ Ольшевскій назывался синьоръ Антонио, а два Яна, одинъ стекольщикъ—Janî Timoti, другой поваръ Jean de France. Такъ боялись русскаго посольства. Ген. Хржановскій, жившій подъ именемъ англичанина Кинга, и его свита усиливали эту боязнь, тогда какъ русскому посольству и во снѣ не мерещилось преслѣдовать поляковъ на стамбульскихъ улицахъ или даже просто заниматься ими. Ежедневно появлялись новые басни объ арестахъ, заключеніи и высылкѣ ихъ; были свидѣтели, которые якобы слышали крики бѣдныхъ поляковъ и видѣли собственными глазами, какъ ихъ вели закованныхъ, точно медвѣдей въ сморгонскую академію, и все это въ то время, когда русскимъ посламъ былъ Титовъ, одинъ изъ самыхъ лояльныхъ, самыхъ благородныхъ дипломатовъ въ Европѣ, человекъ сердечный и добрый, женатый на литвинкѣ Хрептовичъ, которая заботилась обо всѣхъ, и полякахъ, и не полякахъ.

Въ тотъ же день я отправился во французское посольство. Посоль графъ де-Путуа, какъ говорили, побочный сынъ Людовика—Филиппа, представлялъ типа стараго французскаго дворянина. Онъ былъ не въ ладахъ съ англійскимъ посломъ лордомъ Понсонби и его женой. Я былъ хорошо принятъ и самимъ посломъ и всѣми членами посольства. У посла я познакомился съ о. Леленъ, настоятелемъ лазаристовъ, человекомъ лѣтъ 35, хорошо воспитаннымъ и образованнымъ, не фанатикомъ, заботившимся не только о пользѣ церкви, но и о благѣ людей. Послѣ обѣда мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Ени-кію къ доктору Константину Маркополи, который былъ врачомъ и довѣреннымъ лицомъ бывшаго великаго визиря Гузревъ-паши. У меня были письма къ этому визирю, жившему въ изгнаніи, и къ его секретарю.

Вечеръ былъ проведенъ пріятно и не безъ пользы для меня. Хозяинъ дома былъ тотъ самый Костаки, о которомъ такъ много говорили и писали, приближенный и даже совѣт-

никъ Гузрева, черкеса по происхожденію, умомъ и ловкостью возвысившагося изъ невольниковъ до сана великаго визиря. Султанъ Махмудъ очень его любилъ и довѣрялъ ему. Гуссейнъ-ага былъ побѣдителемъ взбунтовавшихся янычаръ, а Гузревъ въ конецъ искоренилъ ихъ. Онъ много сдѣлалъ для проведенія реформъ въ Турціи; посылалъ за границу на свой счетъ много мальчиговъ, изъ которыхъ вышли потомъ полезные дѣятели.

На самомъ дѣлѣ Гузревъ былъ только исполнителемъ замысловъ Решида-Мустафы-паши, замѣчательнаго турецкаго государственнаго человѣка, и Фети-Ахмедъ-паши, зятя султана Махмуда. Эти люди, связанные узами дружбы, не были еще такъ извѣстны, чтобы стать инициаторами реформы, но они нашли черкеса, податливаго и готоваго на все, чтобы только удержать власть, и воспользовались имъ для блага страны. Гузревъ въ сущности не имѣлъ никакихъ убѣжденій, но онъ не былъ фанатикомъ въ религіи, потому что, кажется, ни во что не вѣрилъ, и реформа его не пугала. У него не было ни политическаго смысла, ни человѣческаго сердца, какъ почти у всѣхъ черкесовъ, вышедшихъ изъ невольниковъ въ сановники. Во внѣшней политикѣ онъ старался угодить всѣмъ дворамъ и не вѣрилъ въ силу и могущество Турціи.

Ради успокоенія религіознаго фанатизма, который былъ придавленъ, дремалъ, но не былъ уничтоженъ, Решида-Мустафу-пашу, бывшаго душею реформы, назначили посломъ въ Парижъ и въ Лондонъ, а Ахмедъ-Фети-паша, при всѣхъ своихъ добрыхъ желаніяхъ, не имѣлъ возможности управлять Гузревъ-пашей и чужеземцами, призванными для проведенія реформы. Военная организація существовала на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Инструкторы, между которыми были люди знающіе и добросовѣстные, безъ дѣла слонялись по улицамъ и по кофейнямъ Перы, потому что имъ некого было учить. Комитетъ возрожденія Турціи заявлялъ о себѣ смѣшными и неудачными распоряженіями, напр. о вывозѣ изъ Стамбула собакъ и кошекъ на одинъ изъ Принцевыхъ острововъ и о выдѣлкѣ тамъ изъ ихъ кожъ лайки, а изъ мяса и костей—сала и т. п. Въ это время сгруппировалась и другая партія, сознавшая необходимость ре-

формы и благопріятствовавшая ей, партія болѣе національная, опиравшаяся на мѣстные силы и также не фанатическая въ религіозномъ отношеніи. Душею этой партіи былъ Гассанъ-Риза-паша, бывшій пажъ и любимецъ султана Махмуда, человекъ большихъ способностей, хотя и лишенный образованія. Его единомышленниками были: Мегметъ-Али-паша, зять умершаго султана, Халиль-паша, другой зять султана Махмуда, черкесь, землякъ Гузрева, Реуфъ-паша, впоследствии великій визирь, женатый на сербкѣ-христіанкѣ, Ага-Гуссейнъ-паша, побѣдитель янычаръ, и Неджибъ-паша, глава многочисленнаго и вліятельнаго въ Стамбулѣ семейства, находившійся въ родствѣ со всѣми правящими лицами. Риза-паша и его единомышленники съ большимъ уваженіемъ относились къ Решидъ-пашѣ, признавали его превосходство и считали самымъ способнымъ человекомъ для дипломатическихъ сношеній; Гузрева и его сторонниковъ они считали неспособными осуществить реформы.

Молодой султанъ Абдуль-Меджидъ-ханъ былъ человекъ добрый и кроткій и даже хорошо воспитанный, съ дѣтства онъ учился французскому языку и порядочно владѣлъ имъ, любилъ свою родину и обладалъ умѣньемъ выбирать людей. Онъ оказывалъ большое довѣріе Ризъ-пашѣ, которому удалось добиться удаленія Гузрева и Фети-Ахмеда-паши и назначенія Реуфъ-паши садразамомъ, а себя сераскиромъ. Первымъ дѣломъ новаго сераскира было устройство войска въ дѣйствительности, а не на бумагѣ.

Докторъ Маркополи посовѣтовалъ мнѣ, прежде чѣмъ приступить въ какимъ бы то ни было дѣйствіямъ, увидѣться съ Гузревомъ-пашей и выразилъ готовность отвезти меня въ Родосто-Теквардагъ, гдѣ Гузревъ жилъ въ изгнаніи, и представить пашѣ. Но, чтобы не компрометировать ни себя, ни его, мы уговорились выѣхать отдѣльно и встрѣтиться въ Родосто.

На вечерѣ у Маркополи я узналъ также отъ грековъ, что черкесы продали множество поляковъ, которыхъ подговорили дезертировать изъ русскаго войска, туркамъ и даже армянамъ и грекамъ, владѣльцамъ чифликовъ, выдавая этихъ поляковъ за своихъ невольниковъ, и что эти бѣдняки пашутъ теперь

землю, и исполняютъ различныя работы, что ихъ продавали даже въ Египетъ, Тунисъ и Триполи и что они боятся объявить о своей національности, страшась еще худшаго. Ни одно посольство не оказывало покровительства, не выдавало паспорта поляку, даже французское. Поляки были истинными паріями въ Стамбулѣ и въ Турціи. Мнѣ даже совѣтовали, чтобы я выбралъ народность и фамилію не польскую, но я на это не согласился. Сохраненіе своей національности и польской фамиліи я считалъ за первый шагъ въ своемъ дѣлѣ, за первый камень зданія, которое я намѣренъ былъ возвести.

II.

Свиданіе съ Фети-Ахмедъ-пашей.—Поѣздка въ Родосто.—Свиданіе съ Гузревъ-пашей.—Поиски козацкихъ куреней.—Козаки-некрасовцы.

На другой день я съ родственникомъ Маркополи, французомъ, учителемъ французскаго языка въ медицинской школѣ, секретаремъ и пріятелемъ Фети-Ахмеда-паши, а потомъ чтецомъ султана Абдуль-Меджида, отправился въ Арнаутъ-кію, гдѣ былъ дворецъ султанши, жены Фети-Ахмеда, въ которомъ онъ и жилъ, такъ какъ, въ качествѣ мужа султанши, не былъ отправленъ въ ссылку, а оставался инкогнито во дворцѣ. Онъ не могъ открыто принимать гостей и выѣзжать со свитой, приличной его сану. Я былъ знакомъ съ Фети-Ахмедомъ еще въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ турецкимъ посломъ, и еще тогда пользовался его расположеніемъ. Онъ принялъ меня очень ласково, но сказалъ, что не видитъ для меня возможности что нибудь сдѣлать, что онъ очень расположенъ къ полякамъ и польскому дѣлу, но что о немъ здѣсь и говорить нельзя, этого не допустить три державы, а за ними тянется и Англія, что на Францію рассчитывать нельзя, что, наконецъ Франція, какъ и Турція, боится трехъ державъ.

Вечеромъ мы съ Равскимъ отправились на парусномъ суднѣ въ Родосто и на слѣдующій день ночью пріѣхали туда. Мы были задержаны до разсвѣта въ кофейнѣ, пока явился карантинный врачъ англичанинъ и мы получили разрѣшеніе въѣ-

хать въ городъ. Въ кофейнѣ сидѣлъ какой то арабъ въ бурнусѣ и чалмѣ и пристально всматривался въ насъ. По прїѣздѣ доктора этотъ арабъ предложилъ черезъ него намъ свое гостепрїимство, такъ какъ мы, по его словамъ, очень ему понравились, хотя и не обмѣнялись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ. Мы не могли отказаться отъ такого любезнаго приглашенія. Нашъ хозяинъ оказался арабомъ изъ Сиріи, женатымъ на венгеркѣ,—и однимъ изъ зажиточнѣйшихъ жителей Родосто. Дома онъ представилъ намъ свое семейство и предложилъ старшаго сына въ качествѣ драгомана, что было для насъ очень кстати, такъ какъ мы ни слова не знали ни по турецки, ни по гречески, а сынъ нашего хозяина говорилъ съ грѣхомъ пополамъ по французски и мы могли объясняться съ его помощью.

Вскорѣ мы встрѣтились съ Маркополи и онъ представилъ насъ Гузреву—пашѣ. Послѣдній встрѣтилъ меня чрезвычайно любезно, какъ посла его друга кн. Адама Чарторыйскаго, но тоже заявилъ, что для успѣха польскаго дѣла въ Турціи нельзя ничего сдѣлать.

По возвращеніи нашемъ отъ Гузрева—паши намъ былъ принесенъ отъ него обильный обѣдъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ водки и вина и мы устроили великолѣпное пиршество для всѣхъ сосѣдей.

Я много слышалъ о козацкихъ поселеніяхъ около Енось. Въ 1827—28 гг., какъ я узналъ въ Родосто, эти поселенія были перенесены въ Анатолю, въ окрестности Бандермы и Миголича, надъ озеромъ Маніовскимъ, и тамъ основано было большое селеніе въ 1000 домовъ, названное Биневле или Маніоской. Но на озерахъ Сырджа Юмурджина, которыхъ числомъ 7, козаки сохранили свои рыбныя ловли, а ихъ курени находились въ урочищѣ Ючь-евле—„три дома“. Я рѣшился поѣхать туда, а потомъ пробраться въ Биневле.

Я съ Равскимъ и нашимъ драгоманомъ Сайхомъ выѣхали на почтовыхъ изъ Родосто. За нами почтальонъ, по турецки сируджи, велъ коня, навьюченнаго нашимъ багажемъ. Мы ѣхали по прошлогоднимъ стеблямъ бурьяна, по степи, подобной нашимъ украинскимъ, и къ вечеру прибыли въ Кешаны.

На восходѣ солнца мы выѣхали изъ Кешанъ искать козацкіе курени. Дороги не было, вездѣ разстилалась необозримая степь, покрытая травой и бурьяномъ, зеленые луга, а надъ озерами заросли тростника, которыми озера такъ обросли, что надо было подѣхать близко, чтобы увидѣть ихъ обширную водную поверхность, вздымаемую вѣтромъ, какъ море, и на нѣкоторыхъ острова, покрытые группами деревьевъ и кустарниками. Въ тростникѣ слышится шорохъ и хрюканье стадъ дикихъ кабановъ, которые бѣжали отъ насъ; въ одномъ изъ этихъ стадъ было нѣсколько сотъ головъ, такъ что наши лошади дрожали отъ страха. Ни мусульмане, ни христіане не охотились на кабановъ, такъ какъ ни тѣ, ни другіе не ѣдятъ ихъ мяса.

Въ Ючевле мы нашли козацкіе курени. Это были шалаши изъ тростника и вѣтвей, довольно многочисленныя, на самомъ берегу озера Сырджа, на склонѣ небольшого пригорка, на которомъ, среди развалинъ обширнаго села, уже поросшихъ травой, стояли три домика, или скорѣе мазанки; въ одной изъ нихъ была корчма, которую держалъ еврей изъ Бердичева, въ двухъ другихъ помѣщались лавочки съ краснымъ товаромъ, гдѣ торговали грекъ и армянинъ. Козаковъ мы застали въ корчмѣ за водкой и виномъ, познакомились съ ними и послѣ нѣсколькихъ словъ и нѣсколькихъ чарокъ водки, которыя Равскій выпилъ однимъ духомъ на удивленіе старымъ козакамъ, и поружились.

Это была артель козаковъ изъ села Биневле, донскихъ выходцевъ, которыхъ называли Игнатъ-козаками или некрасовцами, а иногда кубанцами. Предки ихъ вышли съ Дону послѣ Булавинскаго бунта подъ предводительствомъ Игната Некрасова и поступили на службу къ татарскимъ ханамъ. Они сторожили Кубань и крѣпость Анапу. По занятіи Россіей Крыма и береговъ Чернаго моря, эти козаки съ семьями и имуществомъ перешли въ турецкіе предѣлы и дошли до Синопа, откуда на лодкахъ переѣхали на Дунай, гдѣ имъ было отведено для поселенія урочище близъ Задунайской сѣчи. Они составляли въ султанскомъ войскѣ отборную конницу. Но они не могли поладить съ буйными запорожцами и, послѣ нападеній

на ихъ поселенія запорожцевъ, послѣ насилій и убійствъ, переселились съ Дуная въ окрестности Еноса и на берегу семи озеръ основали семь большихъ селеній. Численность ихъ должна была быть значительной, такъ какъ во время войны съ Россіей въ 1827—28 гг. они выставили 2500 всадниковъ, подъ начальствомъ войскового или походнаго атамана Ивана Солтана, и были въ большой милости у сераскира Мехмеда-Решидъ-паши, оборонявшаго Шумлу. Когда некрасовцы были подъ Шумлою, полковникъ Мухановъ, высланный генераломъ Роттомъ съ полкомъ улановъ и двумя орудіями къ Дарданелламъ, взялъ крѣпость Еносъ и потомъ посѣтилъ селенія некрасовцевъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ, потому что одни козаки, какъ некрасовцы, такъ и запорожцы, имѣли привилегію звонить въ церквахъ въ колокола. Послѣ этого посѣщенія старшины, забравши всѣхъ жителей и имущество, переправили ихъ на азіатскій берегъ, на азіатскія озера Маніосъ и тамъ основали село Биневле. Семь же селеній надъ озерами были сожжены ими самими и козаки вернулись изъ подъ Шумлы не на берега озеръ Сырджи, а на берега озера Маніосъ.

Рыболовство, ловля пьявокъ и торговля въ разность была единственными занятіями этихъ козаковъ. Двумя первыми отраслями промышленности занимались сообща подъ начальствомъ старшинъ въ пользу общины. Торговать могъ всякій на свой страхъ, но съ вѣдома и съ позволенія властей. Ловля рыбы и пьявокъ производилась, какъ повинность. Восемь мѣсяцевъ ловили рыбу, а четыре пьявокъ. Отъ Дуная до греческой границы, въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи, и по берегу моря до Смирны всѣ озера были заарендованы у правительства козаками-некрасовцами; они арендовали озера даже въ Египтѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Нъ біографіи Саввы Чалого. Имя Саввы Чалого пользуется довольно громкою, но, насколько намъ кажется, незаслуженною извѣстностью, благодаря прекрасной народной пѣснѣ, описывающей его убіеніе гайдаками, состоявшими подъ начальствомъ Игната Голого. Пѣсня эта послужила мотивомъ для біографіи Саввы Чалого, не лишенной фантастическаго колорита, какъ въ сочиненіяхъ г. Скальковскаго (Исторія Новой Сѣчи т. II, стр. 131—135 и Наѣзды Гайдамакъ, стр. 46—49), гдѣ, впрочемъ, авторъ пересказываетъ лишь этнографическія данныя въ крайне сдержанномъ тонѣ, такъ еще болѣе въ сочиненіи г. Мордовцева, (Гайдамачина, стр. 67—83), въ которомъ авторъ, на основаніи данныхъ народной пѣсни, давъ широкое поле развитію субъективныхъ гипотезъ, составилъ изъ мотивовъ пѣсни цѣлую этическую картину мнимой дѣятельности Саввы Чалого, не отвѣчающую исторической дѣйствительности. Благодаря актамъ, изданнымъ въ III томѣ, III-ей части Архива Юго-Западной Россіи ¹⁾, біографіи Саввы Чалого получила реальную историческую, хотя весьма не полную обстановку.—Изъ архивныхъ данныхъ личность Саввы Чалого обрисовывается далеко не въ привлекательныхъ чертахъ.—Родомъ изъ мѣщанъ м. Комаргородка (подольской губ. ямпольскаго у.), онъ поступилъ въ надворную милицію мѣстнаго владѣльца, кн. Четвертинскаго, и вскорѣ достигъ должности сотника; затѣмъ въ 1734 году, во время общаго въ Подоліи крестьянскаго возстанія, онъ примкнулъ къ нему, но, вмѣсто того, чтобы вести борьбу съ угнетавшею народъ шляхтою, онъ ограбилъ въ собственную пользу нѣсколько мѣстечекъ. Когда крестьянское возстаніе было усмирено, онъ бѣжалъ въ запорожскія владѣнія и затѣмъ, провѣдавъ,

¹⁾ См. стр. 69—72, 111, 194, 197, 229, 237, 244, 289, 353.

что польскій региментарь Малинскій не только обнародовалъ амнистію бывшимъ участникамъ розстанім, но призывалъ ихъ въ польскую службу по найму для усмиренія дальнѣйшихъ крестьянскихъ возстаній, Савва Чалый явился однимъ изъ первыхъ съ повинною въ лагерь региментаря въ 1736 году, принесъ требуемую присягу, получилъ чинъ полковника козаковъ, составленныхъ изъ раскаявшихся гайдамаковъ, и сталъ вести дѣятельную борьбу съ бывшими товарищами по возстанію 1734 года. Въ 1738 онъ перешелъ въ частную службу къ владѣльцу Немирова, коронному гетману Юсифу Потоцкому, въ качествѣ полковника козаковъ его надворной милиціи; Потоцкій, желая обезпечить и поощрить вѣрность Саввы, отдалъ ему въ пожизненное владѣніе два села въ окрестности Немирова и поручилъ ему защиту отъ гайдамаковъ своихъ обширныхъ владѣній. Савва не только ревностно преслѣдовалъ и отражалъ отряды гайдамаковъ, но сталъ врываться въ запорожскую территорію, разорялъ и грабилъ запорожскіе зимовники и въ 1740 году даже разрушилъ Бугогардову паланку и сжегъ бывшую въ ней церковь. Эти подвиги Чалого вызвали въ запорожцахъ и гайдамакахъ желаніе мести; однимъ изъ бывшихъ товарищей его, гайдамацкій ватажокъ Игнатъ Голый, собралъ небольшой отрядъ братчиковъ и въ самый день Рождества Христова внезапно ночью окружилъ домъ Саввы въ селѣ Степашкахъ и убилъ полковника. Этотъ фактъ, произведшій вѣроятно на современниковъ сильное впечатлѣніе, и послужилъ сюжетомъ народной пѣсни, благодаря которой имя Саввы Чалого и сохранилось въ народной памяти. Въ пѣсенномъ пересказѣ между прочимъ есть эпизодъ, рассказывающій, какъ «Савиха молодая кризь вякно тикала» и спасла при помощи слугъ грудного ребенка. Изъ довольно неточныхъ указаній польскихъ мемуаристовъ извѣстно было, что вдова Чалого вышла впоследствии замужъ за какого то польскаго офцера, уѣхала на родину мужа въ Моравію, куда увезла и спасеннаго ею сына. Послѣдній извѣстенъ былъ впоследствии, какъ одинъ изъ весьма энергичныхъ партизановъ, предводительствовавшихъ отрядомъ барскихъ конфедератовъ подъ именемъ Саввы Цалинскаго.

Пересматривая недавно одну изъ гродскихъ винницкихъ книгъ¹⁾, мы встрѣтили документъ, поясняющій исторію семьи Саввы Чалого. Не скоро послѣ его смерти, только черезъ 10 лѣтъ, его вдова собиралась уѣзжать изъ родного края вмѣстѣ со вторымъ мужемъ. Же-

¹⁾ Книга Винницкая записовая № 4638, листъ 803.

лая покончить счеты по имуществу съ семьей перваго мужа, она заявила въ городскую книгу отчетъ объ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти Саввы и объ употребленіи ею этого имущества. Документъ этотъ, заключающій много подробностей о судьбѣ семейства Саввы Чалого, о его родственныхъ связяхъ, имущественномъ положеніи и бытовой обстановкѣ, мы прилагаемъ въ возможно точномъ переводѣ.

В. А.

1753 года, іюля 14 дня явилась лично передъ урядомъ городскимъ Винницкимъ вельможная ея милость пани Апполонія Вичфинская, жена ловчаго перемышльского, представила для записи въ городскія винницкія книги нижеслѣдующій списокъ всего движимаго и недвижимаго имущества, оставшагося послѣ смерти покойнаго Саввы, полковника милиціи гетманской, своего перваго мужа; при чемъ она принесла присягу въ томъ, что списокъ этотъ составленъ правдиво, точно и согласно во всемъ съ истиною. Содержаніе списка слѣдующее: *Рейстръ вещей, лошадей и скота, оставшихся послѣ смерти покойнаго мужественнаго Саввы, гетманскаго полковника, и послѣ разграбленія и сожженія до тла его дома гайдамаками въ 1743 году.* Стадо лошадей, оставшееся послѣ смерти моего мужа, гайдамаки немедленно угнали. Подѣздъ, отираившійся за ними въ погоню, отнялъ этихъ лошадей и доставилъ ихъ въ Умань, но изъ Умани мнѣ возвратили только 30 головъ; часть этихъ коней и кобылицъ тотчасъ раздѣлили между собою родственники покойнаго мужа, изъ оставшихся-же у меня я дала: одну кобылицу его милости пану Лупинскому, который взялся вести дѣла моего мужа при дворѣ гетмана, относительно его долговъ, данныхъ ему во владѣніе сель и другихъ претензій; двѣ кобылицы я дала его милости пану комиссару Галецкому для устройства тѣхъ-же дѣлъ; 8 коней я отдала племянницѣ покойнаго мужа, Варварѣ Матвѣевнѣ, нынѣ Добровольской; одного коня дала гречину, мужу другой племянницы покойнаго Саввы; одну кобылицу я подарила игумену въ Лебедивъ за то, что онъ обучалъ грамотѣ Василька Чалого; одного коня съ сѣдломъ взялъ Шамрай; одного коня у меня украли въ Немировѣ. Нѣсколько лошадей я продала, желая прилично помянуть душу покойнаго мужа, такъ какъ другихъ средствъ для этого у меня не было; остальные лошади подошли. Изъ числа денегъ, вырученныхъ мною за проданныя лошади я выдала на разные расходы упомянутому гречину 682 злотыхъ. Остальные вещи: Наборъ обоевъ—находится понынѣ у меня;

турецкая сабля досталась пану Лупинскому въ вознагражденіе за веденіе дѣлъ, зависѣвшихъ отъ гетмана. Сабля въ серебряной позолоченной отдѣлкѣ—осталась у меня. Конскій уборъ, серебряный, червекій—остается у меня. Три малые котелки для варенія пици, шерстяные обои, старый коверъ, желтыя сафьяновыя кожи, купленныя за 100 злотыхъ (изъ нихъ только одну я дала пану Лупинскому)—всѣ эти вещи я продала за 100 злотыхъ, деньги—же взяла у меня упомянутая Добровольская, племянница покойника. Отъ Юся Бершадскаго я получила готовыхъ денегъ 20 червонцевъ; изъ нихъ Добровольская взяла безъ моего вѣдома 8 червонцевъ, остальные—же я израсходовала на содержаніе свое, сына и Добровольской. Отъ еврея Шаи Немировскаго я получила 38 червонцевъ, но деньги эти во время моей тяжкой болѣзни разобрали себѣ родственники покойнаго мужа, часть-же я израсходовала на дорогу, вслѣдствіе необходимости ѣздить нѣсколько разъ къ пану гетману. 12-же червонцевъ числятся понынѣ за названнымъ евреемъ. Волонъ оставалось 12; ихъ заграбилъ Ладъжинскій губернаторъ (управляющій), подъ предлогомъ какой-то неизвѣстной мнѣ претензіи; я должна была выкупить ихъ и уплатила 320 злотыхъ. Изъ числа этихъ волонъ: 3 были зарѣзаны для похороннаго обѣда, 2 взяли евреи за долгъ, остальные вздохли. Оловяной посуды осталось 10 штукъ—которыя находятся у меня, а нѣсколько штукъ взяла вышеупомянутая племянница моего мужа. Самопаловъ оставалось два: одинъ взялъ Шамрай, а другой я отдала судебному субделегату за производство взысканія съ наслѣдниковъ пана Байбузы. Корова была одна—досталась племянницѣ. Свиной 5 я отдала ей-же. Сукна гайдамаки оставили 4 локтя—ихъ взялъ Чалый и ничего за это сукно не уплатилъ. Панцырь одинъ, перегорѣлъ во время пожара—находится у меня, равно какъ одна старая повозка, двѣ пары старой упряжи и кусокъ стараго ковра. Другую повозку и пару упряжи я отдала той-же племянницѣ покойнаго мужа. Двѣ пары чехловъ для пистолетовъ; изъ нихъ одну пару я отдала повѣренному по дѣламъ, пану Залевскому, за веденіе дѣла и производство взысканія съ крестьянъ.—Никакихъ векселей, данныхъ на имя покойнаго мужа у меня нѣтъ, суммъ денежныхъ, занятыхъ у него безъ росписокъ, я не получала и ни отъ кого не требовала. Регистръ этотъ составленъ мною правдиво, во удостовѣреніе чего подписуюсь, какъ неграмотная, знакомъ креста святого Аполлонія Вичфинская †.

Благодарственное письмо Импер. Елисаветѣ Петровнѣ за возвращеніе Кіевской кафедрѣ митрополитанскаго титула. Послѣ смерти кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго, внезапно послѣдовавшей 1 іюня 1718 года въ г. Твери на пути въ Петербургъ, на кіевскую митрополію 14 мая 1722 года былъ назначенъ злосчастный Варлаамъ Ванатовичъ, но безъ производства въ санъ митрополита. И преемникъ его Рафаилъ Заборовскій, вступившій на кіевскую кафедру 15 апрѣля 1731 года, возведенъ былъ, по Высочайшему указу Елисаветы Петровны, только 11 іюня 1743 года. преосвященный Рафаилъ медлилъ принести Ея Величеству всеподданнѣйшую благодарность за возвращеніе кіевской кафедрѣ митрополитанскаго титула. И потому преосвященный Амвросій, архіепископъ новгородскій, первенствующій членъ Св. Синода, нижеслѣдующимъ письмомъ своимъ, отъ 11 ноября 1743 года, напомнилъ кіевскому архипастырю о необходимости принести таковую благодарность.

«Преосвященнѣйшій Рафаилъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи, мой о Христѣ возлюбленный братъ и сослужитель! По полученіи мною словеснаго указа объ учиненіи справки, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ обрѣтаются мощи святыхъ страстотерпцевъ, благовѣрныхъ російскихъ князей Бориса и Глѣба¹⁾, изволила Ея Императорское Величество спросить меня о полученіи Вами указа о возвращеніи кіевскому престолу митрополитанскаго титула по прежнему. На что я Ея Императорскому Величеству отвѣтствовалъ: получилъ еще въ іюль мѣсяцѣ. Отъ онаго вопроса такую вношу консеквенцію, что ваше преосвященство еще до сихъ поръ за таковую Превысочайшую милость Ея Императорскому Величеству не благодарствовалъ. Ежели подлинно такъ есть, какъ я консекторую, то совѣтую вашему преосвященству благодарить вскорѣ и безотлагательно, да не ревуть: не благодаренъ; да и прочімъ можете къ полученію милости заградить источникъ милосердія.

Вашего преосвященства моего о Христѣ возлюбленнаго брата вседоброжелательный братъ и слуга, смиренный Амвросій, архіепископъ Новгородскій.

Санктъ-Петербургъ
Ноября 11 дня 1743 года“.

По полученіи прописаннаго письма, митрополитъ Рафаилъ отправилъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ слѣдующее письмо:

¹⁾ Переписва по этому предмету напечатана мною въ 10 № за текущій годъ.

Всемиловѣйшая, всепресвѣтлѣйшая Великая Государыня, Императрица Елисавета Петровна, Самодержица всероссійская, всемиловѣйшая Государыня моя!

Хотя по полученіи Высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости въ превращеніи по прежнему епархіи кіевской митрополитанскаго титулу которымъ миѣ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ именоваться повелѣно, умедлил я должнаго всеподданнѣйшаго моего принести благодареніе Вашему Императорскому Величеству, но, разсуждая въ томъ возданіи благодаренія быти всеподданнѣйшую должность мою, безъ нанесенія утружденія Вашему Императорскому Величеству, и уповая на единую высокоmaterнюю Вашего Императорскаго Величества милость, со все-нижайшимъ моимъ до земли челопреклоненіемъ дерзаю всеподданнѣйше принести благодареніе съ тѣмъ всеусерднѣйшимъ желаніемъ, да всемиловѣйный Господь сохраняя Вашего Императорскаго Величества дражайшіе здравіе въ долготу лѣтъ, всегда даруетъ полезная промышляти и устроявати о церквѣ своей святой и всей всероссійской Имперіи, Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшей Государыни моей, всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ Рафаиль, митрополить Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи.

11 генваря 1744 года г. Кіевъ.

Письма эти хранятся въ архивѣ Кіевской духовной Консисторіи въ связкѣ № 4 за 1744 годъ.

Протоіерей П. Орловскій.

Къ преданіямъ о гр. Потоцкомъ. Отъ своихъ родителей я слышалъ преданіе, что полторасти лѣтъ тому назадъ уволенный отъ службы уніатскій епископъ Рыло прибылъ на жительство въ г. Умань къ Потоцкому, съ которымъ былъ знакомъ и ранѣе. Сей послѣдній изъ состраданія къ нему, назначилъ ему для жительства за городомъ, урочище въ лѣсу называемое *Поливярня*, получившее названіе отъ глины, пригодной для дѣланія полвняной посуды. Водворившись тутъ, Рыло завелъ при помощи Потоцкаго фруктовый садъ и вель уединенную жизнь. Его любила знать польская и собиралась къ нему изрѣдка для полученія назиданія. Въ одно время при такомъ собраніи епископъ, будучи въ восторженномъ состояніи, прогнѣлъ

имъ сентиментальный польскій романсъ. Потоцкій, будучи доволенъ пѣснью подарилъ ему пожизненно села *Цибрмановку и Помойникъ*, ¹⁾, сказавъ насмѣшливо: «*бабрайся тамъ до смерти*».

Свящ. Викторъ Ильяшевичъ.

Жалоба переяславскаго полковника на укрывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760 г.). Обращеніе свободныхъ обывателей козаковъ въ «подданныхъ» на лѣвой сторонѣ Днѣпра заставляло многихъ «привлекаемыхъ въ подданство» бросать свои родные грунты и, нарушая свои обязательства по отношенію къ землевладѣльцамъ, бѣжать на правый берегъ въ Польшу, въ предѣлы нынѣшней Кіевской губерніи. Во 2-мъ вып. моихъ «Ист. матер. изъ арх. Кіев. губ. Пр.» я помѣстилъ нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, объ этомъ бѣгствѣ съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра (стр. 60—110). Но жалобы на это бѣгство встрѣчаются гораздо раньше указанныхъ годовъ. Дѣла по отысканію бѣглецовъ, возбуждаемыя главнымъ образомъ старшиною Переяславскаго полка, производились, между прочимъ, въ Кіев. губ. Канц. и въ пограничной коммпссіи. Въ такого рода дѣлахъ мнѣ и встрѣтилось приводимое ниже доношеніе переяславскаго полковника Сулимы, писанное имъ 26-го октября 1760 г. на имя гетмана.

«Многіе здѣшняго полку и города Переяслова разнаго званія и достоинства люде и протчіе обыватели Полк. Пер. Канцеляріи представляютъ жалобы, что ихъ служители и служанки, будучи въ службѣ, починя знатныя шкоды, воровства и другія шалости и безчинія, бѣгають въ г. Кіевъ, и хотя объ отпускѣ и состояніи ихъ никакихъ свидѣтельствъ у нихъ не бываетъ, но, учрежденные при г. Кіевѣ караулы безвозбранно прошедь, скрываются у разныхъ кіевскихъ жителей, а наче по тамошнимъ монастырямъ, гдѣ таковымъ бѣглецамъ, понеже имъ о ихъ состояніи и спросу нѣтъ, и пристаиъ подается; сыскать же ихъ хозяевамъ, за таковымъ укрывательствомъ, (развѣ случайно) никакъ не возможно, отчего хозяева принуждены терпѣть немалыя разоренія; а отъ такова несвѣдомыхъ людей тамо въ Кіевѣ принятія и защищенія съ оногo г. Кіева и многіе воровства и разбои начали происходить. Того ради Вашей Ясновельможности о томъ представляя, нижайше прошу повелѣть отъ К. Губ. Канц. истре-

¹⁾ Села вблизи г. Умани.

бовать, чтобъ на учрежденныхъ при г. Кіевѣ караулахъ крѣпкое смотрѣніе чинено и чрезъ оныя никого безъ пашпортовъ и другихъ вѣроятныхъ свидѣтельствъ пропускаемо не было, но если гдѣ тамо каковыя бѣглецы покажутся, оныхъ задерживая отсылаю бѣ въ тѣ мѣста, откудава они бѣжали; да и въ г. Кіевѣ всѣмъ жителямъ, а паче тамошнимъ монастырямъ таковыхъ бѣглецовъ принимать и ихъ защищать запретить; сколько жъ нынѣ тамо гдѣ у кого или при какомъ монастырѣ служителей и служанокъ есть, откудава оныя и каковаго состоянія и есть ли какіе вѣроятству подлежащіе виды, справиться и затѣмъ явившихся бѣглецовъ отослано бѣ по ихъ мѣстамъ туда откудава оныя и побѣгъ учинили, къ поступленію съ ними по жалобамъ и впрочемъ въ силу Е. И. В. указовъ и правъ малороссійскихъ; на что отъ В. Я. имѣю ожидать въ резолюцію высокоповелительнаго ордера.»

Согласно съ этимъ доношеніемъ и писано было отъ Ген. Войсковой въ Кіев. Губерн. Канцелярію 9-го ноября.

А. А.

Указъ изъ Канцеляріи московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ сбѣжавшаго студента кіевлянина. По указу Е. И. В. въ канцеляріи университета опредѣлено: о сыску самовольно отлучившагося изъ университета присланнаго во оной по имянному Е. И. В. высоч. указу съ прочими для обученія наукъ и бывшаго на казенномъ содержаніи ученика *Ивана Сычевскаго*, котораго отецъ Василій Сычевской и мать нынѣ находятся въ г. Кіевѣ и жительство имѣютъ своимъ дворомъ, въ Кіев. Губ. Канц. послать указъ, предписавъ при томъ, чтобъ къ сыску его Сычевскаго отъ оной Губ. Канц. въ Кіевѣ въ домѣ онаго отца его и въ другихъ жительствовахъ отъ той Губ. Канц. употреблены были возможные способы, и по сыску допроса о покраденномъ имъ у ученика изъ казеннаго содержанія Насаченкова платѣ и прочемъ, чему при семъ прилагается реестръ, и сколько можно оныя отыскавъ, обще съ нимъ Сычевскимъ прислать въ университетъ при оказіи непродолжительно, а если въ сыску не явится, репортовать. И. К. Г. К. учинить о томъ по Е. И. В. указу.» Подлинный подписалъ: Михайло Херасковъ. Въ приложенномъ реестрѣ увезенныхъ Сычевскимъ вещей Данилы Насаченкова значится:

Пара платья осинового цвѣту цѣною въ	30 р.	—
Кирейка малиновая суконная въ	8 р.	—
Полупуховая новая шляпа	1 р.	—
Пара шелковыхъ чулковъ	1 р.	—
Четыре тонкихъ рубахъ съ простынею въ.	3 р.	50 к.
Образъ на доскѣ Іоанна Златоустаго	2 р.	—
Новые башмаки въ	—	35 к.

Всего на 45 р. 85 к.

А. А.

„Никому не принадлежащій“ табакъ въ погребѣ нѣвскаго магистрата (1723 г.). Въ 1723 г. князь Трубецкой провѣдалъ, что въ магистратскомъ погребѣ хранится какой то табакъ, никому, такъ сказать, не принадлежащій, и приказалъ подполковнику Щепотину забрать этотъ табакъ. Магистратъ не допустилъ Щепотина къ осмотру своего погреба безъ письменнаго о томъ приказанія губернатора и объяснялъ въ своемъ доношеніи, что де тотъ табакъ «послѣ мороваго повѣтрія, якъ люде посходилися въ Кіевъ, ¹⁾ въ ратушномъ ліоуху въ трехъ бочкахъ въ бумагахъ печатныхъ явился, и отъ того времени по сейчасъ въ ліоуху стоять, а чій тотъ табакъ и кто его въ ліоухъ поставилъ и за чинимъ вѣдомомъ, про тое мы невѣстны; и дабы майстратови Кіевскому о оный табакъ отъ кого на потомъ не было якое трудности и турбаціи, хто его именно отбирати будетъ, на тое у Сінтельства Вашего покорно просимъ письменнаго указа».

Табаку этого «въ картузахъ» оказалось двѣ полныхъ бочки, а въ третей половинѣ «гнилого и картузы отъ мышей поѣдены.» Когда табакъ доставленъ былъ въ Губ. Канц., его тамъ оцѣнили два мосевитина Иванъ Афанасьевъ и Василій Тертничковъ по 20 к. картузъ и затѣмъ тогда же его продано было 284 картуза, за которые и выручено всего 56 р. 80 к. ²⁾.

¹⁾ Морова язва была съ марта 1710 до января 1711 г.

²⁾ Купили этого табаку, между прочимъ, оберъ-комендантъ Штокъ 40 картузовъ на 8 руб., служитель его Афанасьевъ 60 карт., майоръ Фонъ-дербъ Берхъ 55 к., Переяславскій комендантъ Яковлевъ 3 к., ратушный писарь 2 к.

По всей вѣроятности, табакъ этотъ былъ провезенъ контрабанднымъ путемъ кѣмъ либо изъ магистратскихъ, почему и поджелалъ конфискаціи въ казну.

А. А.

Святочные подарки отцу протоіерею. Изъ Еленскаго Духовнаго Правленія 5 части благочинному честному отцу Федору Коцу-бѣнскому предложеніе. Извѣстно честности Вашей, что нѣсть власть, поставленная еще не отъ Бога и они отъ Бога учинены суть, и повиноваться власти не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть и воздать должное. Ему же бо урокъ, ему же честь и ему дань. И какъ во всѣхъ имперіи Россійской станахъ, (въ) духовныхъ правленіяхъ имѣются власти надъ духовенствомъ протоіерей, какъ и въ здѣшнемъ духовномъ правленіи, коимъ все вѣдѣніи его священство объ Воскресныхъ и Рождественскихъ святъ, собравшись единогласно приносятъ даръ своему начальнику съ поздравленіемъ торжественнаго праздника. Почему честности Вашей черезъ сіе объявляется въ находящемся вѣдѣніи Вашемъ всему священству сіе въ скорости разослать съ тѣмъ, чтобы они, не пренебрегая своей власти, пріѣхали-бы съ принесенными дарами и поздравленія праздникомъ къ нашему начальнику г-ну протоіерею неодмѣнно, ибо, какъ апостолъ написалъ: «хощеши ли не бояться власти, благое твори и имѣти будещи отъ него похвалу и честь. Аще злое убойся, небобезъ ума мечъ носить.» Присутствующій Іерей Георгій Сулима. Генваря 8 дни 1798 года № 14.

(Извлеченъ изъ архива въ балтскомъ уѣздѣ подольской губ. Балта, въ концѣ XVIII вѣка, именовалась Елемскъ).

И. Кятицынъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. (Изданіе Свято-Владимірскаго православнаго братства въ г. Владиміръ-Волынскомъ). Составилъ членъ братства О. И. Левицкій. Кіевъ. 1892 г.

«Краткая опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищъ православнаго Свято-Владимірскаго братства въ г. Владиміръ-Волынскомъ. (Изданіе Свято-Владимірскаго братства)». Кіевъ, 1892 г.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось девять вѣковъ со времени учрежденія на Волыни православной епископіи. Явленіе это представляется важнымъ не только по своей древности, но и по тому значенію, которое оно имѣетъ для мѣстнаго православнаго населенія, долго находившагося подъ гнетомъ уни и лишь сто лѣтъ тому назадъ возвратившагося къ отеческой вѣрѣ. Празднованіе памяти этого событія указало на необходимость историчекой справки, на необходимость оглянуться на пережитое время, полное фактами національно-религіозной борьбы. Трудъ сдѣлать такую справку принялъ на себя членъ Св.-Владимірскаго братства О. И. Левицкій, заявившій себя нѣсколькими выдающимися печатными трудами по исторіи Волыни и, особенно, мѣстной церковной исторіи.

Такъ какъ предметомъ празднованія служило учрежденіе епископіи, а эта послѣдняя обуславливала существованіе кафедральнаго храма, то поэтому храмъ является живымъ памятникомъ и свидѣтелемъ былой жизни; его исторія есть исторія и волынской епископіи и вообще мѣстной церковной жизни. Такимъ образомъ, г. Левицкій, поставивъ себѣ цѣлью историческое описаніе перваго, напоминаетъ отчасти и вторую. Сообщаемыя авторомъ данныя о судьбѣ храма заимствованы имъ изъ источниковъ не для

всѣхъ извѣстныхъ и доступныхъ, какъ напр., неизданные документы изъ древнихъ актовыхъ книгъ кievскаго центрального архива, консисторскія дѣла, современная текущая переписка правительственныхъ учреждений края и, наконецъ, личное участіе въ экспертной комиссіи, производившей изслѣдованіе мѣстныхъ древностей; все это дѣлаетъ разсматриваемый трудъ весьма важнымъ, интереснымъ и полезнымъ руководствомъ не только въ дни иразднества, но и во всякое другое время для мѣстныхъ дѣятелей. Когда рѣчь заходитъ о времени учрежденія епископіи для волынскаго края, самъ собою возникаетъ вопросъ и о храмѣ, и такъ какъ учрежденіе епископіи несомнѣнно принадлежитъ Владиміру св., то и построеніе храмовъ, развалины которыхъ сохранились до сихъ поръ, а имена строителей забыты, приписывается ему же; таковы, напр., развалины Успенскаго собора и Васильевской церкви въ г. Владиміръ-Волинскѣ, двѣ церкви въ с. Зымномъ, Васильевская церковь въ г. Овручѣ и Дмитріевская въ г. Луцкѣ; современные сказанія, относящія время сооруженія этихъ церквей къ X-му вѣку, опираются на преданіе. Авторъ рѣшительно отрицаетъ преданіе и главнымъ основаніемъ сказаній считаетъ домыслы мѣстныхъ изслѣдователей, въ доказательство чего приводитъ и примѣры. Археологическое изученіе г. Левицкимъ храмовъ, вмѣстѣ съ проф. А. В. Праховымъ и проф. В. Б. Антоновичемъ, приводитъ его къ заключенію, что на Волини не сохранилось построекъ времени св. Владиміра, и наиболѣе раннія изъ нихъ относятся къ XII вѣку, такъ какъ храмы, воздвигнутые просвѣтителемъ Россіи, могли быть только деревянные, потому что каменно-строительное искусство было еще очень мало развито въ ту пору на Руси. Такого-же мнѣнія авторъ и относительно епископской кааелдры въ г. Владиміръ-Волинскомъ; изъ изученія данныхъ лѣтописи онъ дѣлаетъ выводъ, что Успенскій храмъ былъ построенъ кн. Мстиславомъ Изяславичемъ между 1157—1160 гг. и притомъ раньше другихъ древнихъ храмовъ Волини. Обращаясь къ исторіи храма, г. Левицкій различаетъ въ ней три періода: первый—древне-русскій, когда съ распространеніемъ и усиленіемъ православія на Волини и водвореніемъ здѣсь потомковъ Мстислава Изяславича храмъ становится «отнимъ» для князей, которые при жизни соревнуютъ въ украшеніи и обогащеніи фамиліной для нихъ святыни, а по смерти ихъ бранныя останки находятъ въ ней послѣдній пріютъ. Это былъ лучшій періодъ въ исторіи города и храма. Второй періодъ былъ уже неблагопріятенъ для г. Владиміра и его кааелдры. Первый съ переходомъ Волини подъ власть литовскихъ

князей долженъ былъ уступить свое первенство г. Луцку, а Успенскій храмъ, хотя и получалъ пожертвованія отъ православныхъ литовскихъ князей, въ то же время подвергался частымъ разореніямъ со стороны татаръ, раздѣляя участь цѣлаго края, и со стороны своихъ владыкъ, которые видѣли въ епархіи лишь доходную статью. Съ подчиненіемъ волынскаго края Польшѣ и распространеніемъ уни здѣсь храмъ раньше другихъ былъ захваченъ униатами, и съ этихъ поръ начинается для него третій, польско-униатскій, періодъ. Униаты воспользовались значеніемъ храма для православія и прежде всего позаботились упрочить власть свою надъ нимъ и при его посредствѣ надъ православнымъ населеніемъ: въ виду этого униаты поддерживали благолѣпіе храма, и до XVIII вѣка Успенскій храмъ оставался неурикосновеннымъ, сохраняя свой древній видъ и служа теперь каедрой не только епископа, но и кievскаго униатскаго митрополита. Съ XVIII в. въ храмѣ начинаются перестройки, которыя постепенно измѣняютъ прежній его видъ, приближая его по вышности къ католическому костелу; передѣлка привела къ тому, что храмъ началъ разрушаться, и въ такомъ видѣ возвращенъ Россіи; первое время онъ былъ занятъ военными складами и «мерзость запустѣнія стала водворяться въ мѣстѣ святѣ». Но съ начала текущаго столѣтія и мѣстная духовная власть, и епархіальное начальство, и высшая администрація принимаютъ мѣры къ реставраціи этого славнаго памятника старины; однако до сихъ поръ дѣло не доведено до конца. Поэтому, въ заключеніе, авторъ высказываетъ такія благожеланія: 1) «долгъ исторической сираведливости—возвратить этой вѣковой святынь ея первоначальное назначеніе, а не оставлять ее въ нынѣшнемъ плачевномъ видѣ, скорѣе напоминающемъ полуразрушенный латинскій костелъ, нежели православный храмъ; 2) «задача нашего времени — возстановить Мстиславовъ храмъ по возможности въ его первоначальномъ видѣ, со строгимъ соблюденіемъ особенностей древнерусскаго церковнаго стиля,» и 3) наконецъ остается желать, чтобы одновременно съ возобновленіемъ Мстиславова храма были приложены заботы и объ учрежденіи при немъ русской школы, которая могла бы возвратити г. Владимиру его древнее значеніе религіозно-просвѣтительнаго центра на юго-западной окраинѣ русскаго міра.» Отъ всей души желаемъ, чтобы все выраженное авторомъ со временемъ исполнялось и, особенно, чтобы городъ сталъ такимъ просвѣтительнымъ центромъ края въ будущемъ, какимъ былъ онъ въ первый періодъ своего существованія. Это послѣднее желаніе главное и

существенное; къ нему приложится уже и все остальное. Къ сожалѣнію, авторъ, высказывая его и посвящая цѣлую VI-ю главу на указаніе просвѣтительнаго значенія г. Владиміра въ польско-уніатскій періодъ, когда процвѣтала тамъ базиліанская школа, лишь мимоходомъ, въ двухъ словахъ, говоритъ о такомъ же значеніи города въ древнѣйшей русской періодъ его исторіи. Правда лѣтописныя данныя объ этомъ скудны, но все же онѣ сообщаютъ кое-что и для исторіи просвѣщенія, для котораго особенно, напр., важна была дѣятельность кн. Владиміра Васильковича.

Въ концѣ книги приложенъ обстоятельный списокъ владиміровольнскихъ епископовъ, изъ числа которыхъ трое причислено къ лику святыхъ; есть также новыя, доселѣ неизвѣстныя имена. Для составленія списка авторъ воспользовался не только всѣми новоизданными матеріалами, но также и сырыми архивными, что обезпечиваетъ, на сколько возможно въ настоящее время, полноту его и достовѣрность.

Прекрасному изложенію книги соотвѣтствуетъ ея изящная внѣшность; если первое составляетъ заслугу автора, отличающую его и въ другихъ работахъ, то вторая дѣлаетъ честь заведенію г. Кульженка, отчетливо и красиво исполнившему хромофотографическіе и фототипическіе снимки плана и фасада Успенскаго собора, приложенные къ «Описанію». Изданіе сдѣлано на средства Св.-Владимірскаго владиміро-волинскаго братства, которое, кромѣ разобранной нами книги, напечатало еще *«Краткую опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищѣ православнаго Св.-Владимірскаго братства въ г. Владиміръ-Волинскъ»*. (Кіевъ. 1892 г.). Изъ этой описи мы видимъ, что въ древлехранилищѣ находится 38 предметовъ: образы¹⁾, кресты, антимисовы, священническія одежды изъ древнихъ храмовъ Волины и много самыхъ разнообразныхъ остатковъ, найденныхъ на мѣстѣ развалинъ этихъ храмовъ во Владимірѣ, Луцкѣ и окрестныхъ селахъ; вблизи Мстиславова храма и при раскопкѣ замка, сооруженнаго, по предположенію, королемъ Казимиромъ, найдено 66 предметовъ; здѣсь находимъ и кресты, и образки, и деньги, и оружіе, и другіе предметы, и сбрую и проч. Подъ рубрикой: «акварельные рисунки, фотографическіе снимки и брошюры,» кромѣ предметовъ

¹⁾ Для образца къ описи приложена литографическая копія „образа Благосвѣщенія, писаннаго въ 1579 г. Феодосіемъ изъ Самбора по заказу Матрены Иванцой.“

этого рода, встрѣчается не мало и такихъ, которые подѣ указанную рубрику вовсе не подходят; напр. проектъ проф. А. В. Прахова, серебряная таблица ex voto 1653, изнанка серебрянаго оклада евангелія, надгробіе Козѣвки, древній крестъ и проч. Всѣхъ такихъ предметовъ 94.

Въ древлехранилищѣ находятся еще рукописи и скоропечатныя книги, числомъ 32; изъ рукописей древнѣйшія не восходятъ далѣе XV в., а изъ старопечатныхъ книгъ мы находимъ нѣсколько виленскихъ изданій работы Петра Мстиславца; по содержанію это въ большинствѣ рукописныя или печатныя священныя и богослужебныя книги; есть сборникъ визитъ 174 церквей.

«Краткая опись» предметовъ и рукописей древлехранилища сдѣлана довольно обстоятельно, но въ распредѣленіи археологическаго и археографическаго матеріала мы не видимъ никакой опредѣленной системы.

И. Каманинъ.

Этнографическое Обзорніе. Изданіе этнограф. отдѣла Импер. Общ. любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при москов. университетѣ. Подъ ред. Н. А. Янчука. Книги XI и XII. (1891, № 4 и 1892, № 1).

Въ настоящей книжкѣ нашего журнала мы даемъ отзывъ только о двухъ номерахъ «Этногр. Обзорнія», а не о трехъ, какъ то можно было бы ожидать, въ виду того, что второй номеръ этого изданія за текущей годъ сторѣлъ весной во время бывшаго пожара въ типографіи Левенсона въ Москвѣ и можетъ быть возобновленъ издателями только при выпускѣ третьяго номера уже осенью.

Предлежація книжки заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго по южно-русской этнографіи. Въ этомъ отношеніи выдающееся мѣсто въ названныхъ книжкахъ принадлежитъ статьѣ галицкаго писателя г. В. Охримовича подѣ заглавіемъ *»Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи»*. Хотя, вообще говоря, малорусской свадьбѣ посчастливилось въ нашей этнографической литературѣ, такъ какъ обрядъ этотъ со всѣми подробностями былъ записанъ этнографами—собираателями много разъ въ разныхъ концахъ южно-русскаго края и подвергся значительной научной обработкѣ со стороны такихъ литературныхъ дѣятелей въ области этнографіи, какъ Костомаровъ, Янчукъ, Сумцовъ и др., тѣмъ

не менѣе г. Охримовичъ умѣлъ сдѣлать свою работу по данному сюжету въ высшей степени интересной, обративъ въ ней вниманіе на такую сторону дѣла, которая его предшественниками была мало затронута. Онъ слѣдитъ въ свадебномъ матеріалѣ за всѣми чертами, свидѣтельствующими о существованіи въ предѣлахъ малорусской семьи матриархата и на основаніи добытыхъ такимъ образомъ данныхъ сближаетъ развитіе семьи у насъ съ развитіемъ ея у другихъ индо-европейскихъ народностей и у остальныхъ расъ. Исходными положеніями г. Охримовича въ его изслѣдованіи являются слѣдующія заключенія о развитіи семейныхъ отношеній, извлеченныя имъ изъ работъ европейскихъ ученыхъ Бахофена, Моргана, Макъ-Леннана, Жиро Телона, Даргуна и мн. др. «Моногамія, читаемъ у г. Охримовича, со всѣми ея основными признаками—только временная форма семьи и брака; ей предшествовали, а равно могутъ и смѣнить ее другія формы. Первобытныя же формы семьи и брака, предшествовавшія моногаміи, какъ безпорядочное сожительство, кровосмѣсительство, пуналюанская («своиста») семья, основывались на полиандріи (многомужествѣ) и полигаміи (многоженствѣ): цѣлой группѣ женщинъ соответствовала такая же группа общихъ мужей. Очевидно, что при такомъ устройствѣ отцовство (отцевская власть, paternitas) не могло имѣть никакого значенія; гдѣ не было постоянного, всѣми признаннаго мужа, тамъ не могло быть опредѣленнаго общепризнаннаго отца. Зато материнство имѣло большое значеніе: только тѣ считались кровными родственниками, у которыхъ была общая мать, бабушка по матери, прабабушка и т. д. Только дѣти отъ одной общей матери считались братьями и сестрами, дѣти же одного отца—чужими и могли вступать въ бракъ между собою; словомъ, порядокъ родства шелъ по женской линіи. Согласно съ этимъ и система названій родства, родовое устройство, половая организація, запрещеніе брака, право наслѣдованія—всѣ эти семейныя и общественныя начала основывались на родствѣ по женской линіи. Дѣти причислялись къ роду матери, но не отца; дѣти наслѣдовали по матери имя, семейныя божества и имущество, но не могли наслѣдовать по отцу. Такъ какъ отецъ и мужъ не могли имѣть тогда никакого значенія, то о власти мужа и отца, о подчиненности жены не могло быть и рѣчи. Въ замѣвъ этого братъ и дядя были ближайшими родственниками каждой женщины: они замѣняли ей отца и мужа, заботились о ней, о ея дѣтяхъ, защищали ихъ. Мужчины составляли главную продуктивную силу, однако каждый изъ нихъ ра-

боталъ не на своихъ дѣтей, а на своихъ сестеръ и племянницъ, сестры и племянницы наслѣдовали послѣ нихъ. Женщины имѣли рѣшающій голосъ въ семейныхъ дѣлахъ; они принимали также участіе въ общественныхъ собраніяхъ и вообще въ дѣлахъ общественныхъ. Такое устройство въ социологіи принято называть *матріархальнымъ* въ противоположность позднѣйшему—патріархальному.»

Въ изслѣдованіи своемъ относительно проявленій матріархата въ малорусской семьѣ г. Охримовичъ даетъ слѣдующія заключенія: 1) Въ пѣсняхъ мать продаетъ дочь замужъ; матери, а не отцу достаются подарки въ качествѣ платы за невѣсту. 2) Мать получаетъ благодарность за выданную дочь. 3) Старшинство матери сказывается и при расчесываніи косы, положеніи вѣнка и иныхъ родственныхъ обрядахъ. 4) Мать воспитательница дочери; въ обрядахъ, напоминающихъ умыканіе (Raubehe) мать одна, а не отецъ, защищаетъ дочь-невѣсту отъ наѣздниковъ-бояръ, мать, а не отецъ, отправляется въ погоню за увезенной дочерью. 5) При женитьбѣ сына гостинецъ («балець») за воспитаніе его достается только матери. Мать, отправляющая сына на войну и научающая его, чтобы «напередъ війска не вырывався, а позадъ війська не zostаваяся»—это одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ образовъ въ малорусскихъ колядкахъ. Наоборотъ, отецъ, научающій сына при отправленіи его на войну,—это образъ въ древнѣйшей малорусской поэзіи или совсѣмъ неизвѣстный и небывалый, или во всякомъ случаѣ исключительный. 6) Мать самостоятельная хозяйка дома (господыня); мать—старшая жрица; мать—самостоятельная собственница имущества. Авторъ имѣетъ при этомъ въ виду встрѣчу молодыхъ матерью, благословеніе ею молодой хлѣбомъ и солью, одариваніе ею зятя. 7) Для жениха невѣста является женою, для свекра—невѣсткою, а для свекрови—служкою, невольницею. 8) Кромѣ свадебной матери, есть еще одинъ очень важный свидѣтель матріархальнаго времени; это свадебный братъ, именно братъ невѣсты. Въ матріархальныя времена права и обязанности брата по отношенію къ сестрѣ и ея дѣтямъ были приблизительно таковы, какъ въ настоящее время права и обязанности мужа по отношенію къ женѣ и дѣтямъ. Громадное значеніе брата, именно брата невѣсты, въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ сильно напоминаетъ эти отдаленныя матріархальныя времена и въ нихъ только находитъ свое объясненіе. Наболѣе сильно и выразительно замѣчается оно въ двухъ очень важныхъ и распространенныхъ обрядахъ: въ выкупѣ невѣсты и расплетаніи косы невѣсты. То, что теперь

осталось лишь обрядомъ, когда-то было жизненной правдой, и то, что теперь составляетъ свадебную драму, было драмою жизни. А было все это правдою и жизненною драмою именно во времена женитьбы черезъ умыканіе (Raubehe) и покушку (Kaufehe). Оба эти періода отразились въ обрядѣ выкупа очень вѣрно и наглядно, и именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ смѣняли они другъ друга въ своемъ историческомъ развитіи. Дружко и бояре сначала силою хотятъ взять невѣсту, а братъ защищаетъ ее: это намекъ на умыканіе невѣсты. Потомъ дружко и бояре покупаютъ невѣсту, а братъ торгуется и продаетъ ее: это отголосокъ періода купли невѣсты. Почему важнѣйшая и труднѣйшая обязанность (братъ грудью защищаетъ невѣсту) и наибольшее право (братъ продаетъ невѣсту, какъ свою собственность) принадлежить брату, а не отцу или кому другому, это мотивируютъ подруги невѣсты. Братъ, по ихъ словамъ, сестру свою «не рикъ, не два годувавъ, тай не тры одигавъ» и т. п.

Разрушеніе матриархата, по утверженію г. Охримовича, заключалось уже въ обрядахъ умыканія и купли невѣсты. Умыкавшій и покупавшій становился мало по малу главою женщины, а затѣмъ и семьи. Отсюда слѣдуетъ вести поэтому начало патриархата. Само собою, подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ условій и въ обрядахъ свадебныхъ должны были происходить соотвѣтственныя измѣненія. Г. Охримовичъ этимъ объясняетъ, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ мѣстностяхъ въ свадебныхъ обрядахъ играетъ большую роль отецъ, чѣмъ мать, и вообще мужчины большую роль, чѣмъ женщины. Но свода статистику пѣсенъ съ преобладаніемъ матери надъ отцемъ и противоположныхъ онъ приходитъ къ заключенію, что первыхъ безконечно больше. «Гдѣ отецъ, читаемъ затѣмъ у г. Охримовича, числомъ пѣсенъ и обрядовъ беретъ перевѣсъ надъ матерью, тамъ слѣды старины очень скудны и бѣдны, тамъ весь свадебный матеріалъ сокращенъ, урѣзанъ и такъ сказать захудалъ. Такъ, напр., въ Лолинѣ, гдѣ изъ всѣхъ мѣстностей Галицкой Руси свадебная мать пользуется наибольшимъ почетомъ, на свадьбѣ поется 181 пѣсня, а въ Угновѣ, гдѣ изъ всѣхъ мѣстностей Галицкой Руси отецъ въ наибольшемъ уваженіи, число свадебныхъ пѣсенъ сокращается до 28 (почти до $\frac{1}{7}$). Что же касается всей Галиціи, то и замѣчалъ, что въ горахъ, гдѣ всякая старина долѣе сохраняется, значеніе матери и въ обрядахъ, и въ пѣсняхъ гораздо больше, чѣмъ на равнинѣ, гдѣ значеніе свадебной матери болѣе уравнено съ значеніемъ отца». «Важно также и то, замѣчаетъ г. Охримовичъ далѣе, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

свадебная мать имѣеть большое преобладаніе надъ отцемъ, тамъ и значеніе брата выступаетъ сильнѣе и рельефнѣе, а тамъ, гдѣ больше значенія имѣеть свадебный отецъ, значеніе брата ступшевывается. Въ Буковинѣ (Купчанко), въ кобринскомъ уѣздѣ, въ Гостомлѣ вѣв. у., въ Угновѣ жолковскаго у. свадебный отецъ имѣеть большое значеніе, свадебный братъ очень малое,—и тамъ очень мало остатковъ первоначальнаго семейнаго строя. Наоборотъ, въ Долинѣ долииск. у., въ Борисполѣ переясл. у., въ Чашникахъ и Дубровкѣ лепельскаго у. и т. д. свадебная мать и братъ имѣють большое значеніе — и тамъ остатковъ первоначальнаго строя семьи очень много.»

Ислѣдованіе г. Охримовича было написано первоначально по малорусски и переведено на русскій языкъ уже въ редакціи «Этногр. Обзорѣнія.» Статья производитъ самое пріятное впечатлѣніе не только по своему содержанію и методу работы, но и по изложенію, вполне стройному, ни на минуточку не дающему читателю забыть основной темы автора. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ данная работа г. Охримовича стоитъ въ числѣ немногихъ наиболѣе симпатичныхъ научныхъ галицкихъ изслѣдованій.

Значительный интересъ въ области малорусской этнографіи представляетъ въ разбираемыхъ книжкахъ «Этногр. Обзорѣнія» и статья проф. Н. О. Сумцова «*Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки*». Статья заключаетъ въ себѣ сводъ пѣсенъ и сказокъ различныхъ европейскихъ народовъ о невѣрности жены, разоблаченной случайнымъ благопріятелемъ обманываемаго мужа. Малорусской сказкой на эту тему, какъ извѣстно, воспользовался для своего «Простака» Гоголь-отецъ и для «Москаля-чаривныка» Котляревскій. Г. Сумцовъ, приведя пѣсню о гостѣ Терентіи въ ея олонецкой записи, отмѣтилъ совершенно убѣдительно всю неосновательность заключенія покойнаго Безсонова, будто пѣсня эта была непременно новгородскаго происхожденія; единственнымъ поводомъ для такого заключенія было наименованіе Терентія гостемъ—куцомъ. Обиліе версій данной пѣсни и распространенность ея повсюду въ Европѣ требовало иного вывода. Такой выводъ, по мнѣнію почтеннаго автора, данъ въ 1875 г. извѣстнымъ французскимъ ученымъ *Гастономъ Парисомъ* въ брошюрѣ «*Les contes orientaux dans la littérature française du moyen âge*» (рус. перев. Шепелевича 1886 г.). «Что касается безчисленныхъ сказокъ, нишетъ Гастонъ Парисъ,—почти всегда забавныхъ, слишкомъ часто грубыхъ, сюжетъ которыхъ хитрость и вѣроломство женщинъ, то онѣ не родились въ средневѣковомъ обществѣ, онѣ

происходятъ изъ Индіи и имѣютъ свой *raison d'être* въ средѣ, которая ихъ произвела. Отчужденіе отъ всего, что возбуждаетъ желаніе и тревожитъ душу, полное самообладаніе, боязнь мірскихъ привязанностей и скорбей—таковъ смыслъ буддійской доктрины. Авторами разсказовъ, составленныхъ съ тѣмъ, чтобы заставить эту доктрину проникнуть въ сердца, были иновѣ, очень похожіе на западныхъ, которые старались внушить любовь къ безбрачію, не столько расхваливая мистическую красоту дѣйственности, сколько указывая на безобразіе, пошлость, заботы и опасности брака. Ихъ разсказы были съ удовольствіемъ собраны западными клириками, расположенными смотрѣть почти такъ же на брачную жизнь, и служили здѣсь, какъ и тамъ, къ отвлеченію отъ нея молодыхъ людей. Чтобы понять духъ этихъ сказокъ, нужно помнить, что онѣ были созданы въ странѣ, гдѣ женщины, лишеныя свободы, образованія, сознанія собственнаго достоинства, всегда имѣли извѣстные пороки, изображеніе которыхъ, преувеличенное уже въ Индіи, могло всегда считаться въ Европѣ крайней карриатурой. Благодаря злобѣ, этимъ несправедливымъ къ женщинамъ сказкамъ повезло у насъ (Франція), и онѣ переходили, обновляясь безпрестанно, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Наше поколѣніе еще повторяетъ нѣкоторыя, не принимая морали, которую онѣ проповѣдуютъ, а только ради смѣха, такъ какъ онѣ остроумны и пикантны». (19—20).

Спору нѣтъ, что такое объясненіе причинъ возникновенія сказокъ о невѣрности женъ весьма вѣроятно; но въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ авторомъ разбираемой статьи, не указано никакой связи европейскихъ пѣсенъ и сказокъ интересующаго насъ содержанія съ буддійскими цѣлями и стремленіями, и потому выводъ Гастона Париса о происхожденіи сказокъ про невѣрность женъ и ихъ уличеніе кажется столь же произвольнымъ, какъ и выводъ Безсонова, хотя онъ и болѣе интересенъ, и основанъ на большой учености.

Малорусская жизнь затронута и въ статьѣ г. А. *Верхова*. «*Народныя колыбельныя пѣсни*» (1892; № 1). Авторъ прекрасно выясняетъ громадное значеніе для этнографа колыбельныхъ пѣсенъ. «Кругъ предметовъ и понятій, читаемъ въ статьѣ, захватываемыхъ колыбельною пѣсней, весьма широкъ: все, что входитъ, такъ сказать, въ составъ души человѣческой, здѣсь отражается съ большею или меньшею степенью яркости». Почему это такъ—намъ уясняетъ весь складъ нашей крестьянской жизни и съ частности положеніе въ ней женщины. «Вотъ, говоритъ авторъ, сидитъ мать надъ колыбелью

своего дѣтища, источника ея надеждъ и упованій. Сначала, будучи занята все еще хозяйственными хлопотами, она думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе усыпить ребенка, прервавшаго ея работу. И она въ задумчивости затягиваетъ какой-нибудь мотивъ пѣсни. Мало-по-малу мысли ея обращаются къ ребенку. Конечно, первымъ долгомъ ея при такомъ оборотѣ мыслей является необходимость познакомить ребенка съ окружающимъ его міркомъ. Являются на сцену сначала одушевленные предметы, какъ напр. «кница», «гули» и т. п., а затѣмъ и неодушевленные, какъ колыбель. Эти пѣсни составляютъ какъ бы первый періодъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ. Здѣсь личныя чувства матери почти незамѣтны. Отдаваясь все сильнѣе и сильнѣе своимъ мыслямъ, мать обдумываетъ и будущую судьбу малютки во всѣхъ періодахъ его жизни. Мысль все еще вертится около ребенка, но въ составъ пѣсни уже входятъ въ болѣе или менѣе значительной дозѣ чувства и побужденія матери. Это дальнѣйшая ступень къ расширенію матеріала колыбельныхъ пѣсенъ. Уносясь все далѣе и далѣе волною своихъ мыслей, мать забываетъ о своихъ воспитательныхъ задачахъ и даже о дорогомъ ея сердцу малюткѣ: она входитъ въ область своихъ воспоминаній и раскрываетъ передъ нами свое міросозерцаніе и свои духовныя сокровища. Это заключительный періодъ въ колыбельной пѣснѣ, періодъ не въ смыслѣ опредѣленнаго срока времени, а въ смыслѣ порядка смѣняющихся душевныхъ настроеній.

Соотвѣтственно такимъ указаннымъ тремъ періодамъ авторъ и намѣренъ рассмотреть этнографическій матеріалъ, представляемый колыбельными пѣснями великорусскими, малорусскими и бѣлорусскими. Въ разбираемой теперь статьѣ авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе пока надъ первымъ періодомъ, т. е. надъ пѣснями, ведущими рѣчь о мірѣ, доступномъ пониманію ребенка.

Можно было бы сказать, что авторъ вполне исчерпываетъ обрабатываемый имъ этнографическій матеріалъ, но трудно не замѣтить, что работа его получила бы въ смыслѣ этнографическомъ еще большую округлость, если бы въ ней не былъ смѣшанъ матеріалъ разныхъ народностей и еслибы напротивъ этнографическія картины послѣдовательно были извлечены изъ пѣсенъ каждой отдѣльной русской народности.

Мысль о рѣзкой этнографической обособленности этихъ народностей легко можетъ придти на умъ всякому, хотя бы при чтеніи разбираемыхъ книжекъ «Этногр. Обзорѣнія», заключающихъ въ себѣ между прочимъ двѣ оцѣпъ цѣнныхъ статьи по бѣлорусской этногра-

фіи. Разумѣемъ статью *А. Е. Грузинскаго* — «Изъ этнографическихъ наблюдений въ рѣчицкож уѣздъ минской губерніи» (1891, № 4) и статью *Н. Я. Никифоровскаго*. — «Очерки Витебской Бѣлоруссіи. 1) Старцы» (1892, № 1). Обѣ статьи трактуютъ о своего рода братствахъ нищихъ старцевъ, пѣніе которыхъ доставляетъ духовное удовлетвореніе бѣлорусскому народу. Характеристика этихъ старцевъ сама собой вызываетъ для сравненія образы нашихъ кобзарей и лирниковъ и напоминаетъ о многихъ этнографическихъ отличіяхъ между бѣлоруссами и малоруссами. Къ тому же въ № 1 за текущей годъ мы находимъ еще и статью *А. П. Малинки*. «Прокopf Чубь». Характеризуемый въ ней Чубь (изъ с. Мокіевья нѣжин. у.), представляетъ собою не то кобзаря, не то лирника; онъ не поетъ уже думъ, какъ пѣли кобзари, но въ его бытовыхъ пѣсняхъ, часто юмористическаго содержанія, нѣтъ и слишкомъ уличнаго, подчасъ циничнаго тона лирницкихъ пѣсенъ. Отъ него авторомъ записаны и приведены въ статьѣ слѣд. произведенія: «Сонъ Богородицы», «Про Егорыя», «Чумакъ», «Про мищанку», «Про Хому та Ярему», «Про вдову», «Про тецу». Чубь является типичнымъ малороссомъ, мало похожимъ на характеризуемыхъ въ предъидущихъ статьяхъ бѣлорусскихъ пѣвцовъ Романа, крестьянина дер. Сенской рѣчицкаго у. минской губ., Арона Заброду изъ деревни Крупейки того же уѣзда и губерніи и «Сумона (Семена) сляпого» витеб. губерніи.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить окончанія статьи *В. О. Миллера* «Кавказско-русскія параллели» III. (1891, № 4). Въ данной статьѣ авторъ ищетъ въ кавказскихъ народныхъ рассказахъ параллелей нашимъ Добрынь и Алешѣ Поповичу, причемъ главное вниманіе его обращено на превращеніе Добрыни въ тура чародѣйкой Мариной и на несостоявшійся бракъ Алеши Поповича на Добрыниной женѣ. Въ числѣ другихъ параллельныхъ сказаній въ данномъ случаѣ привлечена къ дѣлу турецкая сказка объ Ашикъ-Керибѣ, «пѣвецъ-странникъ», которую слышалъ Лермонтовъ на Кавказѣ. Обиліе параллелей на Кавказѣ русскимъ былиннымъ и сказочнымъ сюжетамъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что «гигантскій горный хребетъ Кавказа, представляющій широкую труднопроходимую стѣну между двумя морями, служилъ ископн убѣжищемъ для множества народовъ, которые двигались съ востока на западъ по обѣ его стороны, по сѣвернымъ степямъ и южнымъ плоскогоріямъ Малой Азіи, а также тѣмъ, что «и съ сѣвера, и съ юга отбившіяся съ торнаго пути племена загонялись другими, болѣе сильными, въ горныя ущелья и про-

живали въ нихъ вѣвами, дѣлая изъ кавказскаго перешейка какой-то природный этнографическій музей. Русскій міръ не прерывалъ сношеній съ этимъ міромъ и во времена хазарскаго могущества, и затѣмъ при существованіи русскаго княженія въ Тмутаракани, и при широкомъ разливѣ на востокъ половцевъ и др. кочевниковъ вплоть до поселенія по Кубани черноморскихъ казаковъ, бывшихъ запорожцевъ. При такихъ условіяхъ не удивительно, что большая часть сближеній почтеннаго автора между русскими и кавказскими сюжетами оказываются лишними натяжесъ и представляютъ достаточную научную достовѣрность, избавляя его отъ рискованныхъ заключеній, свойственныхъ многимъ другимъ фольклористамъ.

Я. Ш.

Analecta byzantino-russica. Edidit W. Regel. Petropoli. A. MDCCCXCI.

Г. Регель, издавшій въ означенномъ сборникѣ нѣсколько документовъ, касающихся русской исторіи, на греческомъ языкѣ, присоединилъ къ нимъ рядъ своихъ замѣчаній и соображеній въ видѣ отдѣльныхъ болѣе или менѣе обширныхъ статей. Сборникъ этотъ составился совершенно случайно. Авторъ производилъ изысканія въ бібліотекахъ и архивахъ Патмоса, Рима, Мадрида, Лондона и Москвы для византійской исторіи XII столѣтія. Ему пришла мысль выдѣлить матеріалы, касающіеся русской исторіи, и издать ихъ въ видѣ отдѣльнаго сборника. Документы и матеріалы изданы съ дипломатическою точностью; статьи автора написаны на французскомъ языкѣ; оглавленіе сдѣлано по латыни. Намъ казалось-бы, что г. Регель могъ-бы съ успѣхомъ воспользоваться и языкомъ русскимъ, во первыхъ потому что изданные матеріалы имѣютъ интересъ главнымъ образомъ для историка Россіи, а не универсальный; во вторыхъ потому, что для человѣка ученаго и за границей знаніе русскаго языка является болѣе и болѣе обязательнымъ, и примѣровъ такого знанія мы можемъ указать уже не мало.

Нѣкоторые документы извѣстны были давно, но г. Регель вновь помѣщаетъ ихъ въ своемъ сборникѣ въ виду того, что ему удалось найти новые варианты. Къ числу такихъ матеріаловъ надо отнести Бандуріеву легенду о крещеніи Руси. Она была издана; ею пользовались русскіе ученые, но дѣло въ томъ, это эта извѣстная редакція не имѣла начала. Г. Регелю удалось найти на о—вѣ Патмосѣ въ мо-

настырѣ Св. Евангелиста Іоанна копію съ началомъ. Въ русской исторической наукѣ, какъ извѣстно, этой легендѣ не придается никакого значенія. Г. Регель, сличая найденную имъ рукопись съ «Житіемъ св. Владиміра» и русскою лѣтописью, приходитъ къ заключенію, что авторомъ этой легенды былъ не грекъ, какъ предполагали до сихъ поръ, а русскій человѣкъ. Доводы, приводимые г. Регелемъ въ пользу своего мнѣнія, кажутся намъ вполне основательными. Эту чисто славянскую основу легенды взялъ уже въ готовомъ видѣ грекъ и, соединивъ ее съ сообщеніями греческихъ источниковъ, постарался сдѣлать ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе понятной для греческой публики, при чемъ спугалъ два разсказа о крещеніи Руси—при Аскольдѣ и при Владимірѣ Св.

Весьма интересны письма іеромонаха Исидора, бывшаго впоследствии митрополитомъ кievскомъ. Найдены они г. Регелемъ въ ватиканской библіотекѣ, въ особомъ греческомъ кодексѣ. Особенно замѣчательны два письма къ извѣстному итальянскому гуманисту Гварино. Личность Исидора выступаетъ тутъ въ новомъ свѣтѣ. Самый характеръ его дѣятельности является въ новомъ видѣ. Не матеріальныя выгоды руководятъ Исидоромъ на Флорентійскомъ соборѣ; не былъ онъ также и тайнымъ носителемъ католическихъ убѣжденій, а былъ православнымъ, во, главнымъ образомъ, по своему образу мыслей, по своему образованію Исидоръ является гуманистомъ. Вотъ почему для него, при всемъ его православіи, политическое положеніе Византійской имперіи, судьба его отечества, стояли выше, имѣли большую цѣну, чѣмъ всѣ догматическія разногласія между востокомъ и западомъ. Намъ кажется, что этотъ взглядъ на Исидора, устанавливаемый, благодаря новооткрытымъ письмамъ, г. Регелемъ является вполне правильнымъ и единственно объективнымъ для историка.

Въ VI главѣ г. Регель подвергаетъ пересмотру старый вопросъ о происхожденіи русскихъ царскихъ регалій. Автору удалось найти въ Московскомъ Архивѣ соборное постановленіе о присвоеніи царскаго титула русскимъ государямъ при Иванѣ IV. Г. Регель послѣ тщательнаго анализа всѣхъ имѣющихся данныхъ пришелъ къ выводу, что легенда о присылкѣ регалій Владиміру Мономаху есть позднѣйшее произведеніе, постепенная подтасовка фактовъ, окончательно выработавшаяся ко времени Ивана IV. Анализируя самый документъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что на этой рукописи было первоначально нѣчто иное, чѣмъ тамъ есть: текстъ былъ подчищенъ и измѣненъ такимъ образомъ, что получилось полное согласіе текста

сь сложившейся уже къ этому времени въ Москвѣ легендой о присылкѣ регалии Владиміру Мономаху; первоначально-же въ посланіи говорилось о Владимірѣ Св., которому въ дѣйствительности могли быть доставлены регалии царями Василюемъ и Константиномъ.

О цѣломъ рядѣ интересныхъ документовъ говорятъ г. Регель въ VI главѣ: «Посланія греческихъ патріарховъ въ Россію (1557—1613)». О соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха 1561 г. мы тотчасъ говорили. Тутъ-же рассматриваются документы такого-же характера, касающіеся учрежденія въ Россіи патріаршества; посланія александрійскаго патріарха Мелетія Пегаса, собранные г. Регелемъ какъ въ различныхъ архивахъ заграничныхъ, такъ и находящихся въ Россіи, и извлеченные изъ ранѣ существовавшихъ изданій, и др.

Для исторіи смутнаго времени имѣетъ, по нашему мнѣнію, огромную важность посланіе іерусалимскаго патріарха Софронія къ лже-Дмитрію I. Не важно, конечно, что Софроній признаетъ Дмитрія истиннымъ сыномъ Ивана IV, но нельзя также соглашаться съ издателемъ въ томъ, будто документъ интересенъ лишь по взглядамъ, существовавшимъ на востокѣ, на обязанности русскихъ государей. Г. Регель не обратилъ вниманія на нѣкоторые выраженія, находящіяся въ этомъ документѣ. Между прочимъ патріархъ пишетъ: «ἐὰν δὲ εἰσακοβῶν χύριος ὁ θεὸς τὰς παρακλήσεις καὶ λιτανείας καὶ δεήσεις ἡμῶν, καὶ καταξιώσει σε ταχέως, ἵνα καθίσῃς εἰς τὸν θρόνον τοῦ πατρὸς σου.....», или: (мы возсылаемъ денно и ношно всякія моленія) Ἵν ἐπακούσῃ χύριος ὁ θεὸς τῆς δεήσεως ἡμῶν στηρίξῃ καὶ διαφυλάττῃ καὶ διαδέχῃ καὶ κατεροδώσῃ τὴν βασιλείαν σου ταχέως ἐπὶ τὸν θρόνον σου». Эти выраженія могутъ указывать или на то обстоятельство, что Дмитрій обратился къ патріарху, или что до Софронія дошла вѣсть о Дмитріи въ то время, когда онъ не былъ еще коронованъ, но былъ уже въ Москвѣ, или еще и совсѣмъ въ царствѣ московскомъ не былъ. Но именно слѣдующимъ мѣстомъ окончательно подтверждается послѣднее: «δεόμεθα... ἵνα (ὁ θεὸς) δώσῃ τὸν θρόνον τοῦ πατρὸς σου, τῆς βασιλείας σου, χωρὶς πολέμος καὶ αἱματοχυσίας... Такимъ образомъ, Дмитрій сталъ извѣстенъ въ Іерусалимѣ еще какъ претендентъ на московскій престолъ до начала военныхъ дѣйствій въ Сѣверщинѣ. Патріархъ Софроній ни единымъ поздравленіемъ, ни однимъ выраженіемъ радости не показываетъ, что Дмитрій уже въ своемъ царствѣ, а напротивъ говоритъ, что молитъ Бога о томъ, чтобы это занятіе прародительскаго престола произошло безъ войны, безъ кровопролитія. Этотъ документъ былъ извѣстенъ въ русской литературѣ

и раньше, но намъ кажется, что должной оцѣнки ему всетаки не было сдѣлано. Приверженность (внутренняя) Дмитрія къ католичеству уже значительно поколеблена въ русской наукѣ. Его заигрываніе съ іезуитами и папой (до принятія католичества включительно) является политической комбинаціей. Указанный документъ еще болѣе подтверждаетъ эту мысль. Дмитрій, завязавъ прочныя связи съ западомъ, въ то-же время втягиваетъ въ свою политику и востокъ. Не забудемъ, что масса документовъ погибла, и что связи Дмитрія до выступленія на арену открытой борьбы съ Годуновымъ остаются для насъ въ силу этого неизвѣстными.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще о рядѣ документовъ, изданныхъ тутъ-же г. Регелемъ. Это акты о поставленіи епископовъ въ различныя русскія области митрополитомъ Теофностомъ между 1328 и 1347 годами. Матеріалы эти были уже разъ изданы г. Васильевскимъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ русскомъ переводѣ съ рукописи г. Регеля. Теперь послѣдній издалъ ихъ въ подлинникѣ съ своими небольшими замѣчаніями. Между этими актами мы находимъ о поставленіи Аѳанасія во Владиміръ на Волини (1328 г.), Θεодора въ Галичь (1328 г.), Трифона въ Луцкъ (1331 г.), Павла въ Черниговъ (1332 г.) и др.

П. Г.

Библиографическая записка.

Въ Ягичевомъ «Archiv für Slavische Philologie» за 1891 г. вып. 1 находимъ слѣдующія двѣ замѣтки, небезынтересныя для читателей «Кіевской Старины»: 1) Eine kleinrussische Version der Lenorensage (Южно-русскій пересказъ сказанія о Ленорѣ) и 2) Ein Beitrag zur Kenntniss böhmischer Heiliger bei den Russen (Къ вопросу о распространеніи чешскихъ святыхъ на Руси). Малорусскій изводъ Леноринскаго сказанія записанъ въ Коломеѣ (Галиція) и со стороны содержанія не представляетъ ничего особеннаго: общеизвѣстный рассказъ о приходѣ изъ могилы мертваго жениха за невѣстою, о ея бѣгствѣ отъ него, послѣ того, какъ они пришли къ гробу, и смерти. Вторая замѣтка знакомитъ насъ съ новооткрытымъ малорусскимъ изводомъ житія «Пустынника Іоанна, хорватскаго королевича», заключающимся въ рукописи 17 вѣка. Это житіе было уже

извѣстно въ другомъ старорусскомъ изводѣ, который былъ сообщенъ еще Востоковымъ. (Описаніе рус. и слав. рукописей Рум. муз. стр. 778; хронографъ 17 вѣка); оно было даже переиздано, вмѣстѣ съ житіемъ св. Людмилы, г. Г. Иречкомъ, приложившимъ также переводъ и объясненія, изъ которыхъ слѣдовало, что мы имѣемъ дѣло еще съ однимъ чешскимъ святымъ, перешедшимъ на Русь. Изводъ, отысканный г. Муркомъ, составителю указанной замѣтки, и перепечатанный имъ въ «Archivъ», — отличается отъ прежняго въ выгодную, такъ сказать, сторону; наприм., вмѣсто испорченнаго прилагательнаго «Маворскій», въ которомъ г. Иречекъ предполагалъ «баворскій» или «моравскій», тутъ находится именно этотъ послѣдній, конечно, наиболѣе правильный обликъ (Боривой кнѣзь муравскій христинхавинъ былъ правя греческия сѣчѣ вѣры и т. д.).

А. С—чь.

Обозрѣніе журналовъ.

Русская Старина 1892 года № 4 и 5 (апрѣль и май). На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, отмѣтить довольно обширный и обстоятельный некрологъ покойнаго редактора — издателя журнала М. И. Семеваго (I—XXXVIII). Некрологъ этотъ знакомитъ насъ съ дѣятельностью покойнаго какъ общественною, такъ и литературною, причемъ сообщается и списокъ его сочиненій и переводовъ.

Записки Никитенко, напечатанныя въ апрѣльской книжкѣ журнала (IV стр. 141—177), продолжаютъ знакомить насъ съ полузабытыми фактами недавняго прошлаго. Въ 1872 году, который обнимаетъ послѣдняя часть записокъ, былъ выдвинутъ вопросъ о реальныхъ училищахъ и Никитенко сообщаетъ намъ съ одной стороны судьбу проекта въ Государств. Совѣтѣ, а съ другой и отношеніе общества къ реальному образованію. — Кроме этого сообщается нѣсколько данныхъ для исторіи академической: жизни смерти П. Ш. Пекарскаго, выборъ въ члены академіи М. И. Сухомлинова и С. М. Соловьева и т. д.

Г. Анатолий Е—шовъ въ своей замѣткѣ «Платонъ митрополитъ кievскій и галицкій» († 1891) сообщаетъ нѣсколько характерныхъ случаевъ, когда

повойный архипастыръ съ терпимостью относился къ другимъ вѣрамъ и исповѣданіямъ (V, 435—440).

Въ отдѣлѣ бібліографіи замѣтки о книгахъ А. Г. Брикнера «Потемкинъ» и П. Д. Брявцова «Польскій мятежъ» 1863 г. (май на оберткѣ).

Историческій Вѣстникъ 1892 г. № 4, 5 и 6 (апрѣль, май и іюнь). И. Н. Потапенко продолжаетъ въ своихъ бурсацкихъ воспоминаніяхъ «До и послѣ» ... сообщать характерныя бытовыя черты изъ жизни того класса духовенства, который группируется возлѣ епархіальнаго архіерея и составляетъ его, такъ сказать, дворъ. Поэтому особенно интересна статья въ майской книжкѣ, гдѣ г. Потапенко описываетъ путешествіе архіерея по епархіи.

Статья М. Ѳ. Ладвинскаго «Переселенческое движеніе въ Россіи» интересна по статистическимъ даннымъ, сгруппированнымъ авторомъ и показывающимъ до какихъ колоссальныхъ размѣровъ развилось у насъ это движеніе. Главнѣйшими причинами его, по мнѣнію автора, являются недостатокъ земли, дурное качество надѣловъ и дороговизна аренды. Сообщаются данныя и о переселенческомъ движеніи въ южныхъ губерніяхъ (май стр. 449—466).

Ф. А. Витбергъ. Н. В. Гоголь въ 1831 году (іюнь стр. 662—675). Авторъ старается опредѣлить точно хронологически время знакомства Гоголя съ Пушкинскимъ кружкомъ и подчеркиваетъ громадное вліяніе, которое имѣлъ на Гоголя Пушкинъ.

Ученые труды академика М. И. Сухомятина (6 марта 1852—6 марта 1892 г.) съ бібліографическимъ ихъ указаніемъ (апрѣль, стр. 239—245).

Въ отдѣлѣ бібліографіи отзывы о книгахъ: «Очерки литовско-русской исторіи XV вѣка. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430» сочиненіе А. Барбашева Слб. 1891 г. (іюнь). *Глинская Рождество-Богородицкая пустынь* (курской губерніи, путивльскаго уѣзда). Курскъ 1892 г. *Памятная книжка курской губерніи на 1892 годъ*. Изданіе Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Составлена секретаремъ комитета Т. Г. Вержбицкимъ Курскъ 1892 г. *Иерархія Всероссійской Церкви отъ начала христіанства въ Россіи до настоящаго времени* Н. Д. Лютова 1892 г. (іюнь). **Н. П. Залоскинъ** Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, Казань. 1892 г. Матеріалы для біографіи Гоголя В. И. Шенрока. Томъ первый. Москва 1892 г. Бернгардъ Танверъ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году.—Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Ольгерда Вильчинскаго. Слб. 1892 г. (апрѣль)—Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Изслѣдованіе К. И. Арабажина. Кіевъ. 1891 г.—И. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссійянъ въ эпоху Екатерининской комиссіи. Кіевъ. 1891. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II

Н. П. Семенова. Томъ III, часть 2. Спб. 1892 г.—Вѣляевъ. Крестьяне на Руси. Изд. 3-е (май).

Сѣверный Вѣстникъ 1892 г. № 4—6 (апрѣль, іюнь). *Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка* проф. Ѳ. И. Леонтовича (IV, 33—63 и V, 41—60).—Авторъ разсматриваетъ мѣры, къ какимъ прибѣгали съ древнихъ временъ для прекращенія голодовокъ. Такими мѣрами были: 1) организація управленія сельскимъ хозяйствомъ, 2) развитіе сельскохозяйственной культуры; 3) хлѣбныя запасы; 4) милостыня; 5) работы частныя и общественныя; 6) подвозъ хлѣба; 7) податныя льготы и разныя финансовыя мѣры; 8) мѣры обезпеченія продовольствія не свободныхъ людей. 9) мѣры противъ хлѣбной спекуляціи (кулачества); 10) хлѣбная экспроприація 11) запрещеніе хлѣбнаго экспорта; 12) запрещеніе винокуренія; 13) сокращеніе служебныхъ окладовъ.—Въ заключеніе авторъ, основываясь на прошломъ, дѣлаетъ нѣсколько соображеній и для настоящаго, выдвигая на первый планъ сельско хозяйственную культуру и другіе паліативы и совершенно почти умалчивая о главной причинѣ нашихъ голодовокъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ — о ненормальности нашего экономического строя.—Тѣмъ не менѣе, по своей обстоятельности и богатству матеріала, статья проф. Ѳ. И. Леонтовича должна занять первое мѣсто между всѣми «исторіями голодовки», появившимися въ послѣднее время.

Дневникъ Маріи Башкирцевой № 4—6 (апрѣль—іюнь) важный, преимущественно, въ психологическомъ отношеніи. Башкирцева—уроженка харьковской губерніи, воспитывалась и прожила большую часть своей жизни за границей; умерла очень рано. Въ 1876 г. она посѣтила родину, харьковскую и полтавскую губерніи (№ 4 и 5). Въ майской книжкѣ интересна характеристика лицъ высшаго полтавскаго общества: Башкирцева даетъ суровые отзывы о нѣкоторыхъ лицахъ здравствующихъ и играющихъ и въ настоящее время видную роль въ полтавскомъ свѣтѣ.

Изъ статей общаго содержанія отмѣтимъ статью проф. П. Г. Виноградова «Вліяніе рѣкъ на происхожденіе цивилизаціи», который дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу положеній, высказанныхъ въ книгѣ Льва Мечникова «La civilisation et les grands fleuves historiques» о значеніи рѣкъ для цивилизаціи (VI, 33—44).

Въ «*Областномъ отдѣлѣ*» статья Ѳ. Крюкова «Козачьи станичныя суда» (№ IV, 27—40), въ которой авторъ указываетъ на достоинство и недостатки этихъ судовъ, на ихъ компетенцію, составъ, судопроизводства и пр.

Въ статьѣ г. И. Бьлюконскаго «*Земство и народное хозяйство. I. Статистика*» излагается исторія статистическихъ работъ въ Россіи. Видное мѣсто въ нихъ, какъ извѣстно, занимали наши южно-русскія земства (V).

Въ отдѣлѣ *«Изъ провинціальной печати»* «Замѣтка о сельско-хозяйственномъ сѣздѣ въ Кіевѣ» и критика циркуляра черниговскаго губернатора о сельскихъ сходкахъ, въ которомъ «Сѣверный Вѣстникъ» видитъ проведеніе тенденцій, проповѣдуемыхъ «Гражданиномъ» (IV).

Въ майской книгѣ въ этомъ же отдѣлѣ замѣтки о тревогѣ въ юго-западномъ краѣ, вызванной слухами о летающихъ воздушныхъ шарахъ. Здѣсь же замѣтки о нѣмецкихъ коловіяхъ на югѣ Россіи; о вѣмецкой и еврейской эмиграціяхъ.

Въ іюньской книгѣ «Процессы г. Харькова съ харьковскимъ обществомъ водоснабженія, какъ матеріалъ къ ученію объ акціонерныхъ компаніяхъ».

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» отзывы о книгѣ *В. Е. Постникова* «Южно-русское крестьянское хозяйство». Москва. 1891 г. (апрѣль); *А. И. Пытина* «Исторія русской этнографіи».

Русскій Архивъ № 4—6 (апрѣль—іюнь) 1892 г. Замѣтка Н. Я. Скарятина «Г. О. Скарятинъ и графиня Потоцкая» относится къ извѣстному дѣлу гр. Мечислава Потоцкаго, жестоко обращавшагося съ своею женою. Дѣло это и арестъ Потоцкаго разсказаны, между прочимъ, въ Запискахъ Солтановскаго, печатающихся въ «Кіевской Старинѣ». Г. Скарятинъ имѣетъ цѣлью представить въ истинномъ свѣтѣ участіе въ дѣлѣ Потоцкаго Г. О. Скарятинъ, на котораго, по словамъ автора замѣтки, набросилъ тѣнь Н. М. Колмаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ (IV, 533—535).

В. Н. Каразинъ и господство надъ природою (V, 75—91). Изложена коротенькая вѣшняя біографія Каразина и его записка, читанная въ обществѣ естествоиспытателей 15 марта 1815 года, въ которой проводится мысль о необходимости измѣнять способы изученія метеорологіи, а также и мысль о возможности воспользоваться электрическими силами верхнихъ слоевъ атмосферы для потребностей человѣка. Здѣсь же разсказана и судьба записки Каразина, противъ которой возсталъ академикъ Фуссъ, когда ему было поручено разсмотрѣть ее и высказать свое мнѣніе.

Кіевскія Университетскія Извѣстія 1892 г. № 2 и 3 (февраль и мартъ). *В. Истомина. Къ вопросу о причинахъ, породившихъ народныя реакціи противъ Польши въ юго-западной Россіи въ XVIII вѣкѣ.* Авторъ подъ именемъ реакцій разумѣетъ гайдамацкія возстанія въ XVIII вѣкѣ; причины ихъ усматриваетъ въ социальномъ и экономическомъ положеніи крестьянъ въ Польшѣ, на что уже было указано давно въ извѣстномъ сочиненіи проф. В. Б. Антоновича о гайдамакахъ. Вообще статья г. Истомина даетъ очень мало новаго; заслуга автора заключается только въ томъ, что онъ иллюстрируетъ давно извѣстныя положенія новыми фактами, извлеченными изъ неизданныхъ документовъ кіевского центрального архива, глав-

нымъ образомъ, изъ актовъ книги пограничныхъ судовъ кievскаго воеводства. Къ статьѣ 3 незначительныхъ приложенія для исторіи гайдамацкихъ возстаній 1-й половины XVIII в.

И. М. Каманинъ. Матеріалы для исторіи кievской городской общины (№ 2). Во 2 № «Извѣстій» напечатано только 8 документовъ, касающихся охраненія торговли кievскихъ мѣщанъ, отбыванія натуральныхъ повинностей и выборовъ въ общественныя должности.

Библиографъ 1892 г. № 1—3. Краткая замѣтка «По поводу десятилѣтія «Кievской Старины» *К—нь* (№ 3-й, стр. 123—126).

Библиографическія Записки 1892 г. № 1—5. Въ отдѣлы «Критическія замѣтки» помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *И. В. Теличенко* «Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской комиссіи». (№ 1, стр. 45—46); 2) «Подолія. Историческое описаніе». Изд. *П. Н. Батюшковымъ*, (№ 2, стр. 144); 3) *В. Ф. Миллеръ* «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса». I—VII. (№ 3, стр. 227—229); 4) *М. Грушевскій* «Очеркъ исторіи кievской земли отъ смерти Ярослава до конца 14-го столѣтія». (№ 5, стр. 377—378).

Вѣстникъ Европы 1892 г. № 4—6. *Русская Ривьера. А. Петрушевскаго* (№ 4, стр. 620—649). Небольшая сравнительно статья представляетъ краткій очеркъ южнаго берега Крыма, давая кое-какія свѣдѣнія этнографическія, географическія, топографическія, статистическія, но болѣе всего обращается вниманіе на характеръ жизни ялтинскаго общества.

Теорія обще-славянскаго языка. А. Пыпина. (№ 4, стр. 762—804 № 5, стр. 302—341). Эта обширная статья, подобно многимъ другимъ того-же автора, представляетъ прекрасный разборъ извѣстнаго сочиненія А. Будиловича «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Статья г. Пыпина не есть исключительно рецензія,—это самостоятельное разсужденіе, написанное по поводу названнаго труда г. Будиловича, причемъ очень обстоятельно разсматриваются всѣ частныя вопросы, затронутые авторомъ, и выясняется существо самаго главнаго вопроса—объ общеславянскомъ языкѣ.

Иранскіе источники русской былины. А. Пыпина (№ 6, стр. 702—742). Эта статья написана по поводу извѣстнаго сочиненія Всевол. Миллера «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса». Хотя былевой эпосъ, котораго въ данномъ случаѣ касается статья, носитъ названіе *великорусскаго*, но, какъ извѣстно, великорусскія былины такъ тѣсно связываются съ вопросомъ о южнорусскомъ происхожденіи ихъ, что вполне понятно помѣщеніе этой статьи въ наше журнальное обозрѣніе.

Въ литературномъ обзорѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *М. Бобржинскій* «Очеркъ исторіи Польши». Перевъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакц. профес. Н. И. Карѣва (№ 4-й, стр. 874—880). 2) *Кіевскій Сборникъ* въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Подъ ред. *И. В. Луцицаго*. (№ 5-й, стр. 416—420). 3) *И. М. Собьстіанскій*. Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. (№ 6-й стр. 847—854).

Журн. Мин. Народ. Просв. 1892 г. № 4—6. Къ Біографіи Франциска Скорины. И. Шляпкина (№ 4, стр. 382—385). Это—маленькая замѣтка, приводящая три подлинныхъ акта на латинскомъ языкѣ, которые хранятся въ падуанскомъ университетѣ; изъ нихъ опредѣляются лѣта Скорины, имя его отца и время полученія имъ степени доктора медицины въ Италіи въ 1512 году.

Въ отдѣлѣ «критики и бібліографіи» помѣщена коротенькая рецензія о книгѣ г. *Эварницкаго* «Исторія запорожскихъ козаковъ. Т. I» (№ 6-й, стр. 363—364).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1892 г. № 2. Въ отдѣлѣ «критики и бібліографіи» помѣщенъ разборъ книги *М. А. Дикарева* «Воронежскій этнографическій сборникъ» или правильнѣе говоря—статьи его подъ заглавіемъ «Очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украинскимъ нарѣчіемъ» (стр. 314—322).

Труды Кіевской Духовной Академіи 1892 г. № 4—6. Замѣтка Архимандрита Евлоія объ остаткахъ древней Всеволодовой церкви въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ представляетъ маленькую поправку къ ст. г. Слюсарева «Церкви и монастыри, построенные въ Кіевѣ князьями» (№ 4-й, стр. 651—652).

Новооткрытый кіевскій проповѣдникъ второй половины 18-го вѣка. Н. Петрова. (№ 5-й, стр. 93—126). Статья эта представляетъ обстоятельное описаніе одного рукописнаго сборника проповѣдей 17-вѣка, доставленнаго въ церковно-археологическое общество при Кіевской Духовной Академіи. Послѣ подробнаго указанія всѣхъ внѣшнихъ примѣтъ рукописи, авторъ останавливается на опредѣленіи существенныхъ вопросовъ, касающихся ея, а именно: 1) времени составленія и произнесенія проповѣдей (предѣльными годами оказывается 1679—1696); 2) мѣста произнесенія ихъ (въ большинствѣ случаевъ монастыри и церкви г. Кіева и его окрестностей); 3) автора этихъ проповѣдей, при чемъ г. Петровъ почти убѣжденъ, что авторомъ долженъ быть признанъ извѣстный Варлаамъ Ясинскій. Въ заключеніе дается краткое описаніе всѣхъ проповѣдей, вошедшихъ въ этотъ сборникъ.

Кієво-подольская церковь Николая Доброю. А. Георгіевскаю (№ 5-й, стр. 127—167). Это есть продолженіе отмѣченной уже въ прошломъ обзорѣ журналовъ (см. Кіев. Стар. 1892 г. № 4) статьи, писанной на тему, предложенную Духовной Академіей для соисканія Евгеніе-Румянцевской преміи: въ данномъ номерѣ помѣщена глава «Священно-и церковнослужители».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

43-й и 44-й ВЫПУСКИ

(*Кальдеръ - Капитанъ*)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и № въ Москвѣ (Больш. Никитская
Долгоруковскій пер., д. 8).

Подписная цѣна (съ пересыл.) на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.): на лучш. бумагѣ 23 р., на обыкн. б.—25 р.; на томъ (14 вып.) въ переплетѣ: на лучш. б.—6 руб., на обыкн. б.—4 р. 50 к.; на серію въ 10 вып.: на лучш. б.—4 р., на обыкн. б.—3 р. Отдѣльные выпуски продаются: на лучш. б.—по 40 к., на обыкн. б.—по 30 к.

Дозволено ценз. Кіевъ, 30 іюля 1892 г.

радь Вологоцкогo полку зъ драгнуомъ тутъ же явились намъ и сказали о себѣ, что они зъ Яика отправлены отъ капитана отъ гвардіи и полковника, 12 мая, по жалованно, а оной капитанъ посланъ туда зъ 300 чловѣка драгунъ для розыску о проявившомся тамъ бунтѣ отъ козаковъ лицкихъ противъ государства російскаго, отъ которога хотѣли они отторгнутися. Едучимъ намъ отъ ночлѣга, гори и рѣка Донъ у лѣвой рудѣ били, а сей ночлѣгъ имѣеть противъ станицѣ — — —, за полъ милѣ отъ насъ отстоячей.

29. Вовторникъ. Ст. Ап. Петра и Павла. Тутъ же мы развелись, а зъ нами Галенковскій и Григорій Котляренко. По обѣдѣ рушились, проехавши версть зъ 20, наехали въ яру криницю барзо холодную, текучую и тутъ малое время забавились. Оттуда проехавши версть зъ 40, стали на ночлѣгъ надъ рѣчкою, у правой рудѣ намъ бывшою, надъ которою увидѣлимо и полкъ Нѣжинскій и Аванасія Дорофѣевича зъ Флемъ (?) стоячихъ, тогда жъ дождь зъ громомъ былъ.

30. Середа. Рано поехалимо отсюда и, проехавши версть зъ 30, сталимо на обѣдъ противъ станицѣ донской, Роспоинъ прозиваемой, у 2 версти отъ насъ стоячей. Въ тую жъ станицю ездилемо оба передъ обѣдомъ зъ п. Михайломъ и, бужи у атамана, знову до своего намету пріехалимо и тутъ кушалимо, а атаманъ людомъ и рибою вялоу намъ у насъ кланялся. По обѣдѣ нашомъ пріехалъ полкъ Нѣжинскій и сталъ на ночлѣгъ, а ми, рушивши зъ полъверсти, знову тутъ же стали на ночь. Старикъ донецъ, едучи въ поле зъ станицѣ, призванъ къ намъ былъ, который въ разговорѣ своемъ сказалъ себе быти осмдесятолѣтна, въ сей же станицѣ родившогося, але тѣломъ бодръ крѣнко. Онъ же сказалъ: 1) что станицѣ начинаются на Дону висше Мигулинскаго монастырца, и первая станиця — Казанка; 2) а станицѣ всѣхъ на Дону 52, на рѣчцѣ Хопру 26, на рѣчцѣ Медведицѣ 15, по Донцу 12, по Бузулуку 13, и того всѣхъ станицъ 107; 3) въ станицѣ сей, Роспоинъ, по перенись показалось дворовъ на сотню; 4) атаманъ въ Черкаскомъ главный Андрѣй Ивановичъ Лопатѣнъ, по указу госу-

даревомъ устройтъ; 5) а по станицамъ сами межн собою, кого хотятъ, поставляютъ своими атаманами; 6) донцовъ 3000 пошло весною въ Кгилянъ и имъ жалованна дано государева по 5 р.; 7) а всегда имъ зъ казни дается жалованне по 8 гривенъ, да за аршинъ сукна по 4 гривни, да по четверти муки; 8) разсуждалъ онъ, старикъ, что во всѣхъ станицяхъ на 20000 боевыхъ козаковъ донскихъ можетъ винайтися; 9) теперь виселяются 2000 козаковъ на Яикъ, а чего ради они сами не знаютъ, толко не зъ причины ли той, что тамъ прочулися бунти отъ нѣкоторыхъ по розиску Захаріева капитана.

Юль. 1. Четверъ. Рано рушилимося, и уехавши верстъ около 30, сталисмо на обѣдѣ, а по обѣдѣ, также около 30 верстъ уехавши, сталисмо на ночлѣгъ на степу у лѣвой сторонѣ при байракахъ, въ которихъ и криницѣ были.

2. Пятокъ. Поехавши мы оттуду рано, и уѣхавши верстъ зъ 30, сталисмо на обѣдѣ между байраками, где увидѣлисмо и донцовъ килкохъ чловѣка стоячихъ, которіе виехали на Яикъ. Сюда къ намъ пріехалъ Юско молодикъ, да Демянъ мой зъ словеснимъ предложеннемъ отъ господина губернатора Артемія Петровича, чтобъ мнѣ поспѣшать въ Царицинъ, бо мѣтъ въ Саратовъ скоро виежджать, и потому мы скоро рушилимося въ подлежащій путь, але же, по ихъ же сказкамъ, не безтрудной на станицѣ Качалинѣ есть черезъ Донъ переездъ, того ради близше на станицю Лавлю разсудилисмо ехать и, проехавши мало, взялисмо у лѣво и пріехали до Дону, отъ обѣда верстъ у 10 отстоящего. Переправивши черезъ Донъ возки поромомъ, а конѣ уплинъ при каюкахъ, засталисмо на сей сторонѣ Дону обозъ Кандиби и протчихъ и тутъ заночовалисмо у станицѣ Лавлѣ.

3. Субота. Тутже обѣдалисмо зарання, а по обѣдѣ поехалисмо и, переехавши черезъ рѣчку Качалинъ, у 10 верстахъ отъ Лавлѣ отстоящую, оставилисмо дорогу столповую у лѣво до Царицина, а сами у право верхами поехалисмо до лагеру, где брегадиръ Ветеранинъ стоитъ надъ лѣн... (?) и, пріехавши въ таборъ, чиди лагеръ великороссійскій, булисмо, первой, у полковника Кроншлотского

полку Петра Ивановича Вутурлина, где съ полуполковникомъ Алексѣемъ Веровкинимъ увидѣлемся; тамъ посидѣвши мало, пойдѣли до брегадира, у котораго ласкаве приняты zostалисмо и тамъ застали п. Василя Томару, еще съ рана туда заехавшого, который заразы и отехалъ въ путь, а мы, тамъ посидѣвши чимало, отехали и, еще до полуполковника Веровкина заехавши, тутъ просидѣли часъ, а потомъ отехавши, доехали возковъ и будокъ своихъ, отуду поехавши, уехалисмо отъ лагера верстъ 20 и сталисмо на ночь купно съ Томарою, Гамалѣю и Дорошенкомъ.

4. Неделя. Рано барзо рушилисмося съ ночлега и на дорогѣ стрѣтилисмося съ возами воловыми, редителскими и нашими, а моихъ возовъ 18, съ рибою и прочее, чего zde именное есть изображеніе съ реестра Гавриловаго: риби вялой сули 8000, чабака 7000 съ лишкомъ, еще жъ сули 450, чабака 2000 и 300 и того всей (сули 8450) чабаковъ 9300 и съ лишкомъ, а подъ тимъ и при томъ возовъ воловихъ 18, конний 1, воловъ 75, коней 3, сокирь 6, а при сему обрѣтается подданий нашъ Федоръ Сурайченко. Пріехалисмо до Царицина, отъ Лавлѣ въ 61 верстахъ отстоящего, а отъ лагеру въ 56, при линѣи будущаго, и сталисмо на кварталѣ, отведенной въ новомъ городѣ, не подалеку рѣки Волги. Едучи осматривалисмо линѣи, которая въ ширину будетъ на 4 сажеля, але у глубину болше двоухъ сажень не будетъ ровъ; по надъ ровомъ 4 городка, чили крѣпости. Рано былисмо у губернатора астраханскаго Артемія Петровича Волинскаго и милостиво приняты у его былисмо; тутъ же увидѣлисмося и съ коммендиromъ нашимъ означеннымъ полковникомъ Яропкинимъ. Обѣдалисмо у дворянина Михаила Ивановича Бакулина, куда съ губернаторомъ и семею его Александрою Львовною водою на шлюцѣ ездилисмо, да съ нами жъ былъ Яропкинь, полковникъ харковскій Квѣтка, оберъ-іеромонахъ отецъ Давидъ и прочіе; по кушанню, игралисмо въ карты, потомъ, пріехавши назадъ, осматривали конюшни Артемія Петровича, между которою (sic) конь жеребець сивострокатій, дивной шерсти, же мало оной и есть, а полеми (?) будто на вишлафованой якои матеріи. После вечералисмо у Артемія Петровича и на квартиру отойшлисмо

свою. Курієрь отъ Матюшкина зъ Гиляни повернулся и сказалъ — тамъ все благополучно и что тамошніе жители, прежде у горы збѣгшіе, теперь начали на свои прежніе поворачатись жилища. Тогда жъ явился и слуга сына Милорадовичевого, зъ Сулаку пріѣхавшій.

5. Понедѣлокъ. Рано былисмо на суднѣ, на которомъ нашъ багажъ зложенъ, а оттуду пошедши, были у полковника Яропкина, а отъ него у Артемія Петровича и кушали тамъ же. Пропшеніе на писмѣ въ 5 пунктахъ подалемъ Артемію Петровичу, о суднѣ тутъ и Астраханѣ, верблюдахъ и протчемъ, вина волоского на 5 р. купислисмо у двѣхъ барилцѣхъ. Передъ вечеромъ у губернатора жъ были и тамъ ужинали, онъ же въ разговорѣ зъ нами сказоваль про персидскую страну: 1) что тамъ толко пшеница да ячмѣнь родится, а дважди въ лѣто, въ май и октовиріи, 2) а землю, отъ упаловъ солнечныхъ вмѣсто камня изсохшую, первой лопатками желѣзными острыми первой (sic) издирають, а послѣ орутъ мякшую, 3) въ Испанганѣ окгороди израдніе зъ частими фонтанами, 4) дни жаркіе барзо, а ночи такъ же вопроки холодніе лѣтомъ, 5) наехалъ опъ рѣку, до Шамахи едучи отъ Испангана, которая разлившись, когда станеть упадуть, то остаючаяся вода на травѣ засыхаетъ и биваетъ чистою селѣтрою. Два комисара пріѣхали, одинъ зъ Гиляни, а другій зъ Баки сегодня, и сказують, что тамъ слава Богу все благополучно и жители тамошніе, прежде позбѣгавшіе, стали на свои жилища возвращатись.

6. Вовторокъ. Обѣдалисмо у себе сами и Томара позабавился у насъ. Далемъ грошей Демяну 30 р., да Юскови на судно въ Астрахань 15 р., да Гаврилови 6 р., итого 51 р., Юско зъ писмами Артемія Петровича отехалъ въ Астрахань почтою. У насъ были князь Андрей Григоріевъ Волконскій, порутчикъ Кроншлотского полку, комендированный къ Артемію Петровичу зъ 80 драгунами въ Саратовъ, кацитанъ Степанъ Федоровъ синъ Кондиревъ, да сержантъ Симеоновского полку Петръ Ивановъ синъ Цизеринъ. У вечеру былисмо у Яропкина, а оттуду у Артемія Петровича, вечерали и, по вечера, играли въ карти.

7. Середа. Обѣдалисмо у Артемія Петровича и по обѣдѣ позабавили и зъ нами Томара и Дорошенко. По обѣдѣ тіе жъ гостѣ великороссійскіе и Томара были у насъ и, позабавивши, отойшли. У Артемія Петровича знову былемъ, который изволилъ говорить о 5 верблюдахъ, мнѣ уступленныхъ, и о Гаврилу слузѣ п. Михайла, козака Узюмского полку похитавшемъ (?) и о протчомъ, а потомъ, отойшовши я отгуду зъ п. Михайломъ, у лавнѣ въ себе милемся.

8. Четверъ. Рано поехавши я въ городъ, служби Божой слухалемъ, а по службѣ былемъ у Артемія Петровича и Еропкина и кушалемъ тамъ жо, а по обѣдѣ у Селиванова, который и взглядомъ судна обнадежилъ насъ; да потомъ у насъ бувъ капитанъ Банѣнъ и Томара. Гаврилу въ 10 пунктахъ далемъ інструкцію, одучему въ Астрахань, и листи два, еденъ до Горки архiereя, а другій до Юска.

9. Пятокъ. Рано судно, на которомъ первій мой багажъ зложенъ былъ, затонуло и часть немалая багажу моего замокла, а то зъ причини Кондирева капитана, что излише тяжару на судно взялъ. Яковъ зъ обозомъ пріехалъ до Мочетной и сталъ тамъ, а тутъ на время бувъ. У Артемія Петровича былемъ и, нѣкоторое время пробивши, ходилемъ зъ Петромъ Васил. велблюдовъ, намъ опредѣленныхъ, осмотрувать пяти. У вечеру Василь Томара съ нами просидѣлъ, а за судномъ посилалемъ до Селиванова и осмотрували оногo по предложенню бережного, zde бывшего.

10. Субота. Рано обѣдалисмо у себе сами. Верблюдовъ 5 приведено къ намъ при Гаврилу, слузѣ п. Михайла, по указу Артемія Петровича. Былисмо потомъ у Еропкина, а отгуду у Артемія Петровича, где покушавши игралисмо въ карти, оба, Василь Гамалѣя и князь Андрей Волконскій, и Гамалѣя програлся. Гаврило, слуга мой, зъ багажомъ моимъ первымъ отпустился въ Астрахань судномъ зъ капитаномъ Кондиревимъ. Прійшовши ми зъ Василемъ Томарою домой, просидѣли и посла вечерню отпѣли.

11. Неделя. За верблюди заплатилисмо оба по 30 р. и по 12 ал. присланному чловѣку отъ Петра Василіевича порутчика. У служби Божой булисмо, а по службѣ вѣйшовши, кушали у Яроп-

вина и въ карти играли. Показовалъ Яропкинь листъ, въ якомъ пишеть Семень Лизогубъ, что онъ вчорайшого дня прибылъ до перевозу къ Дону. Оберъ іеромонахъ пріехалъ сюда зъ синода до Колмицкого Петра Петровича, которого служитель латинщикъ у Артемія Петровича тумани отнеслъ (?). Отійшовши мы отъ полковника, были у Томари и, просидѣвши чимало, пришлismo до себе. Демянь купилъ вина волоского у двѣ барилцѣ, а въ нихъ умѣстилось квартъ 22.

12. Понеделокъ. Вчорайшого дня обѣдалисмо вси на двохъ столахъ у Артемія Петровича, понеже дочери его Аннушки день былъ рожденія. По обѣдѣ поигравши въ карти, пришлismo до своей квартиры, а отсюду зъ Дорошенкомъ былismo у стца Лѣнкевича на суднѣ, а оттоль у полуполковника Толстеина. Данило Ивановъ сынъ Опачининъ, капитанъ посланный отъ Яропкина до Лизогуба, повернулься сюда. Молитвенникъ мой отдадемъ Артемію Петровичу.

13. Вовтор. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ были у Артемія Петровича, а оттуду у Данила Опачинина и играли въ карти. Артемій Петровичъ виехалъ зъ Царицина къ Саратову, водою, для примиренія Петра Петровича Колмика зъ прочими его свойственными, а зъ нимъ жена его Александра Лвовна опроважать поехала жъ, да въ дорогу жъ князь Волконскій Андрей да порутчикъ Яролаевъ и оберъ-іеромонахи оба, отецъ Давидъ и отецъ Лѣнкевичъ. По отездѣ его, былismo у Яропкина, оттуду у Опачинина и въ домъ пришлismo. Гваріѣзонновъ кіевского и глуховского солдати, коммендированніе до Сулаку, прибули сегодня водою сюда зъ гори. П. Михайло небилецъ провадилъ. — Достался намъ реестръ, въ екомъ виражено, что на сватбѣ цесаревны Анны Петровны зъ голштинскимъ княземъ пожалованы нѣкоторіе чиновники, той сватби приличіе на той часъ, а инніи въ чини вовсе. (*Засимъ слѣдуетъ, опускаемый здѣсь, списокъ лицъ, получившихъ награды*).

14. Середа. Вина волоского квартъ 20 купилъ Демянь. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ були у Яропкина и, въ карти поигравши, були потомъ у губернаторши. Поехалисмо до Артемія Петровича зъ

Еропкинымъ, я, п. Михайло и п. Гамалѣя Василь, Опачининъ и Цизиринъ и, черезъ рѣчку Мечетную, близко у Волгу упадающую, и инние поточки переехавши, доехали до Артемія Петровича у 20 верстахъ отъ города, тамъ вечералисмо и по вечерѣ играли въ карти. Артемей Петровичъ далъ писма до Астраханѣ о мнѣ до Ивановского, Полтева и Трифонова, а поехалисмо назадъ шлюпкою полъ 3 часа на низъ, а было болшь 20 веретъ водою. Ночоваль у насъ п. Василь Гамалѣя, который едуци еще туда такъ жаждоу роспалился, же табакерою воду пилъ, понеже и кунтушь и каванъ распасавши, аки ярижка на конѣ пригалъ.

15. Четверъ. Сегодня обѣдали у насъ Василь Гамалѣя и Дорошенко, а по обѣдѣ приходили до насъ Опачининъ капитанъ и Цизиринъ, и Костенецкій явился у насъ же. Милисмося у лазнѣ оба, зъ п. Михайломъ. Демянъ молодикъ уговорилъся зъ человѣкомъ рускимъ, астраханскимъ жителемъ, на судно взять нашъ запасъ въ Астраханъ и приприводить туда въ цѣлости, а ему за то отъ воза по рублю дать волового. Куріеръ до Еропкина полковника зъ Питербурху пріехалъ, а зъ чимъ еще ми не извѣстилисмося.

16. Пятокъ. Сегодня рано конфектъ ляксующихъ принималисмо оба, я 2 ложечки малихъ зъ верхами и имѣлемъ sedes 9, а то зъ тихъ мѣръ, что вчорайшого чи еще позавчорайшого дня рибоу спортилемъся. Куріеръ Зѣновіевъ нѣякійсь, вчорайшого дня пріехавшій зъ С. П. Бурху до полковника Еропкина зъ сенатскимъ указомъ, чтобъ онъ послѣшалъ зъ теми въ походъ до Сулаку, которіи въ его суть командѣ, а для малороссійскихъ войскъ оставилъ бы кого зъ штапъ или оберъ офѣцеровъ, отправленъ зъ отвѣтомъ, что онъ, уже дождавшисъ бунчуковыхъ и козаковъ, совокупно со всѣми пойдетъ въ надлежащій походъ. Обѣдали у насъ Костенецкій, Покотило и Грабовскій, а по обѣдѣ Опачининъ зъ капитаномъ, отъ линѣи пріехавшимъ, посѣщали насъ и, посидя мало, отехали въ лагерь полковника харьковского Квѣтки, сына своего меншого въ домъ отпускающого.

17. Субота. Казалемъ Демяну, жебы Леску кухару далъ зол. 5 на расходъ. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ послалисмо сво-

ихъ людей на ту сторону Волги, до колмиковъ, для покупки коней, которіе повернувшись сказали, что конѣ дешевою ценою продаются, а всего лутше рускіи промишленики чили баришники мѣняютъ на конѣ колмикамъ свои товары, именно чоботи жовтіи и красніи, крашанину, вндяки и протчіе симъ подобніе, високою цену онимъ ставлячи. На судно, у четверь еще Демяномъ сторгованное, поскладалисмо свои рѣчи. Былисмо передъ вечеромъ у Еропкина, который писмо показовалъ намъ о(тѣ) князя Голѣцина, зъ Ахтирки писанное къ нему зъ тимъ предложеннемъ, жебы онъ по указу Ветеранина брегадира, если нужда необходимая указоватиметь, оставилъ при линѣи козаковъ для неспокойства колмикъ, однакъ знову то отрѣшаеть, тимъ что полкъ Азовскій могль прийти туда къ линѣи, которой нарочно для того отъ его сіятелства коммендировался. Такъ же и Худолѣи видѣлисмо, и Василь Гамалѣи зъ нами жъ былъ. Десанъ, князь колмицкій, переехавши черезъ Дунъ, былъ у лагерѣ въ Ветеранина и таеъ якбы кушалъ, а при немъ ассистенцѣи было на 200 чловѣка.

18. Неделя. По службѣ Божой былисмо у Яропкина на водцѣ, а зъ нами харковскій полковникъ Квѣтка и офѣцери, а потомъ п. Михайло осталъся тамъ же обѣдать, а я въ квартерѣ своей, зъ Дорошенкомъ и Худолѣемъ, обѣдаемъ. По обѣдѣ быдемъ у полковника Еропкина, где играли у карти они зъ п. Михайломъ, програвшимся тогда. Тогда жъ принесено писмо къ Еропкину полковнику отъ брегадира Ветеранина, что онъ зъ собою взялъ нашихъ малоросійскихъ козаковъ 600 и приехалъ къ крѣпости, при линѣи, по срединѣ отъ Волги до Дону обрѣтающейся, прозываемой Грачевская, ради неспокойства калмикъ.

19. Понеделокъ. Сегодня Лизогубъ зъ нѣкоторими бунчуковими передъ обѣдомъ приехалъ сюда передомъ и обѣдалъ у Еропкина, а обозъ остался при Дону. Были у насъ п. Андрѣй Миклашевскій, Ширай, Дорошенко и послѣдніе зъ нихъ обѣдали у насъ. Судно на пп. Миклашевскихъ и курѣнчиковъ нашихъ приторговалисмо у тутейшого хозяина по рублю отъ воза двоволового и 10 ведръ московскихъ вина. Былисмо у Еропкина, который показовалъ

доношеніе, написанное въ сенатъ о томъ, что бригадиръ Ветеранинъ писалъ къ нему о учрежденіи форпостовъ нашими козаками, для неспокойства калмикъ, такъ же въ томъ же дѣлѣ, что и Артемей Петровичъ писалъ къ нему, а доношеніе тое послалъ въ Питербурхъ, черезъ салдата гвардіи, повернувшегося зъ Баку, который сказалъ, что Матюшкинъ пріехалъ въ Баку при ему еще и что теперь въ Гиляни мирно, потому что, когда нѣкоторое число гребенскихъ козаковъ и грузинцовъ, партіями ходившихъ, сожгли деревень непріятельскихъ 140 и болшъ, въ тотъ часъ стали поворачаться гилянскіе жители на свои мѣста и присягу вибонивать государинѣ императрици. Онъ же сказовалъ, что турки Гиспаганъ взяли.

20. Вовторникъ. Сегодня вѣдомость учинилася, что посланная партія драгунъ 300, донцовъ 2000 и слободскихъ козаковъ зъ полуполковникомъ Василиемъ Ивановимъ Засѣтскимъ разбила калмицкого владѣльца Нѣтаръ-держу, брата Десанового, и калмикъ на 40 чловѣка убито, а самъ владѣлецъ ушолъ на лошади у одной рубашкѣ. Обѣдалисмо у себе и у насъ Доршенокъ и Ломиковскій; по обѣдѣ ходилъ п. Михайло въ лагерь нашъ, а я до Селиванова комманданта, и тамъ довольно посидѣвши, отийшолъ и зайшолъ до Опачинина, где многихъ нашу браттюю засталъ, зъ которыми скоро и отийшолемъ. Рибя вялой въ три вози воловихъ понакладали мнѣ Яковъ и Демянъ, а именно: сули 2000, чабаковъ 1000, а сомовъ 100, за всю грошей дано 25 р., 3 алт., 4 д.

21. Середа. Сегодня обѣдали у насъ Ширай и Якубовичъ на кварталѣ, а п. Михайло захоровалъ на вшталтъ фебри. До 30 р., даннихъ Демяну, еще далемъ 13 р. и 20 к. для расплатки за рибу, вчорайшого дня въ числѣ 3 означенную. Ездилемъ въ лагерь нашъ и тамъ у Кочубея зъ полуполковникомъ Толстенимъ и Лизогубомъ были и подпивали, а по отездѣ ихъ я зъ Кочубеемъ на свою пріехалемъ квартиру.

22. Четверъ. Сегодня кушалъ у насъ Андрей Миклашовскій, оба Гамалѣи стар. (?). Бригадиръ Ветеранинъ пріехалъ въ Царичинъ и былъ у Яронкина, куда я ходилъ, а п. Михайло, немощенъ будучи, въ дому осталься. Тогда жъ и п. Федоръ дядко

пріехалъ. Семень Лизогубъ и Андрѣй Горленко за караулъ взяти по доношенію ченця нѣякогось монастира Мигулинскаго. Хлопецъ Вѣжевскій и у (о)бѣда, и у вечеру за упрямость каранъ.

23. Пятокъ. По утру были у нашей квартирѣ п. Федоръ дядко и Раковичъ и кушали, тако жъ и арестантъ Андрей Горленко зъ капитаномъ Аненковимъ и Василь Томара, о каменю нонъ дубѣти (?) сказивавший; а по обѣдѣ капитанъ Опачининъ зъ Павловимъ, порутчикомъ Азовскаго полку, и Андреемъ Миклашевскимъ пріездили до насъ въ гостѣ. Надъ вечеръ Андрей Горленко зъ тимъ же капитаномъ, Кандиба, Борковекій, Тернавскій були у насъ и, посидя мало, отойшли. Брегадиръ Ветеранинъ надъ вечеръ отехалъ зъ Царицина до своего лагеру.

24. Субота. Кушали сегодня у насъ п. Федоръ дядко, Тернавскій; а по обѣдѣ Горленко и протчіе были. По обѣдѣ жъ ходилемъ, чи ездилемъ, до Еропкина, оттуду былемъ у Миклашевскихъ, а отголь, зъ нами жъ и Кочубеемъ, у Семена Лизогуба и зъ нимъ пожекгналемъся я и всѣ протчіи товариство. Такъ же и зъ Горленкомъ у нашей квартирѣ, до котораго много товариства пріездило, а то для того, что они завтра мѣють быть отослани въ Ахтирку до князя Голѣцина.

25. Неделя. Семень Лизогубъ и Андрѣй Горленко попроважени отсюду за карауломъ до лагеру въ брегадиру господину Ветеранину, а оттуду въ Ахтирку до его сіятелства князя Голѣцина. По службѣ Вожой кушали наши курѣичики. Отъ князя зъ Ахтирки пріехалъ куріеръ до полковника господина Еропкина зъ указомъ взять у бунчуковихъ и полковниковъ вѣдомость, чего ради въ пути было медленіе и когда зъ домовъ своихъ рушились и потому всѣ, такъ же и мы оба зъ п. Михайломъ, далисмо отъ себе на писмѣ тое, что по указу вийшлисмо зъ домовъ первыхъ числѣ мая и, совокупясь зъ полками малор. близъ Барабашевихъ Байракъ, слѣдовали совокупно, а не порознь, ибо такъ велено указомъ зъ вой. енер. канцеляріи. У полковника былисмо Еропкина, а оттуду дома и вечералисмо зъ Томарю и Дорошенкомъ у себе.

26. Понеделокъ. Сегодня рано смотръ былъ намъ бунчуковимъ, которыхъ осматривалъ полковникъ Яропкинъ у двѣ версти отъ города. Обѣдали у насъ Томара, Дорошенко и Ломиковскій. Черезъ куріера, присланного сюда зъ Ахтирки, послалисмо писма пакетомъ до ахтирского полковника и листъ къ нему, такъ же къ родителю, родителцѣ, женѣ и ясневелможной и къ Михайлу Семеновичу. По обѣдѣ были у насъ п. Андрѣй Миклашевскій зъ товарищи. Далемъ хлопцеви Вѣжевскому 3 р. на росходи приватіе.

27. Вовторокъ. Сего дня полковникъ Еропкинъ окончилъ смотръ всѣмъ полкамъ нашимъ. Былемъ у колмицкихъ кибѣтокъ, для присмотренія ихъ состоянія, и увидѣлемъ у нихъ многіе вещи ихъ состоянія, единого негодованія и смѣху достойніе: 1) молитву абизъ ихъ отправлялъ сѣвши долѣ, а межи ногами книгу читаючи, писмо неznать якого языка, только подобное персидскому; 2) бурханъ показовали свой, который вмѣсто иконы почитаютъ и кланяются ему, шкурка заячая, да при ногахъ и ушахъ чирвонымъ шовкомъ обязанная и арканъ зъ мякой шерсти верблюжой и на оношь ремѣнне кашучки маленкіе и тое все въ каптурку повстномъ, чему при миѣ и кланялся колмикъ; 3) на зиму для препитанія сушатъ килка разныхъ скотинъ, здохлихъ наиболее; 4) пѣніе ихъ на кшталтъ лобурского, простимъ голосомъ, безъ всякой мелодіи; 5) по переспѣванню, книжку абизъ обвертѣвъ у 3 матерійки и, въ мѣсто благословенія, до всякого зъ колмикъ къ головѣ прикладивалъ и тое все чивили зъ благоговѣніемъ, але нѣкоторые, смотря на насъ, зъ того всего смѣючихся, и сами смѣялися. II. Федору дядку позволилисмо въ своемъ суднѣ до Астрахани водою ехать. Обѣдали у насъ наши курѣнчики. Сего дня по обѣдѣ бунчуковіе и всѣ полки переправились черезъ городъ за линѣю. Былисмо у Еропкина и, увѣдомившись о походѣ нашемъ приидучого четверга, былисмо потомъ у Миклашевскихъ, где и панчохи волосяніе за 7 зл. купилъ миѣ Цизирия. Оттуда былисмо у Селиванова и посидя отойшли домой. Приходили до насъ козаки Чернѣговскаго полку, зъ Сулаку зъ болними повернувшіеся сюда, которіи сказовали, что въ Сулаку смирно, и зъ началнихъ всѣ живи, а еще донци не пришли, а они 5

недель якъ оттуду. У ланѣ милися оба, а передомъ були у насъ п. Федоръ дядко, Томара, Дорошенко и Худолѣй.

28. Середа. Сегодня обѣдали у насъ Дорошенко и Ломиковский, а Томара просидѣлъ. Верблюдовъ ми своихъ 4-хъ навючивши послалисмо до лагера бунчуковыхъ, где и наметъ нашъ розбитъ за линѣю, куда и самъ я ездилъ и, посидѣвши у Кочубея, заехалисмъ до харковского полковника Квѣтки и, тамъ мало посидѣвши, приехалисмъ въ квартиру. Писма Якову поотдавалисмъ свои до ясновельможной при терѣнѣ листу до государинѣ императрици, до родителя, родительки о себѣ, до жени о рознихъ интересахъ господарскихъ и о присланню сюда виправи на весну вѣдомостей господарства, винъ у бутылкахъ и проч., до п. Павловой, Кондзеровского, братьовъ п. Андрѣя и п. Семена.

29. Четвер. У полуполковника рано былисмо, а оттуду у полковника Еропкина, где и куріера видѣлисмо, приехавшого зъ С. П. Бурха къ нему зъ указомъ о поспѣшеніи нашемъ и выходѣ въ подлежащій маршъ. Обѣдали у насъ въ дому п. Федоръ дядко, Яковъ Якубовичъ, а по обѣдѣ Томара былъ и фузѣю раздрагованный п. Михайла хлосталъ. Виправивши мы передомъ возки до лагера, сами заехалисмо до полковника (где атестатъ бунчуковыхъ за Фаемъ, что онъ боленъ, видѣлисмо) и, простившись зъ полковницею, заехалисмо потомъ до Селиванова (где до Артемія Петровича писмо написавши, отдаемъ салдату послаючомуся) и, попростившись зъ нимъ, приехалисмо въ лагерь, за линѣю стоячій, и тутъ зъ товариствомъ заночовалисмо, при утѣшеніи жартовномъ п. Василя Гамалѣи, а лагерь отъ города у версту обрѣтается.

30. Пятница. Якова Дуброву отпривилемъ въ домъ, а Вѣжевскому далемъ 3 р. безъ гривни на розходи. Полковникъ Еропкинъ, едучи верхомъ, зъближился къ нашему лагеру и казалъ намъ и полкамъ нашимъ маршировать рекгулярно и, переехавши черезъ рѣчку малую, прозиваемую Олпанка, отстоящую отъ Царицина въ 7 верстахъ, пройшлисмо еще верстъ зъ 6, и близъ полковъ слободскихъ сталисмо обозомъ всѣ фѣкгурою баталіонъ декари (декаре?) четвероуголно, по сторонахъ трохъ поля наши, а на передѣ

полки слободскіе, въ серединѣ драгуне, а по самой серединѣ полковникъ Еропкинъ съ присутствующими себѣ опредѣлилъ место, а ниже въ линіи двѣ—бунчуковіе всѣ. Дождь мочилъ тяжело, а мы съ Еропкинымъ у полковника харковского Квѣтки были, откуда Еропкинъ поехалъ въ Царицинъ, оставивши на писмѣ ордеръ всѣмъ коммендирамъ о заводѣ сторожи полевой, лозону (лозунга?) нестрѣлянию, о непропусканію лошадей за полевую сторожу. Гасло—Управи.

31. Субота. Сего дня на вчерайшомъ становиску дновалисмо, а обѣдали совокупно у одного столу съ Миклашевскими и Гамалѣями. По обѣдѣ отправили Алексѣя въ Царицинъ съ писмомъ до Селиванова и верблюдами, чтобъ онихъ взялъ въ соблюденіе до поворота людей нашихъ съ Астраханѣ, а ему казали возъ воловій тамъ достать съ ярмами. Гасло—Боже!

Августъ 1. Неделя. Сегодня обѣдалисмо совокупне съ Миклашевскими и Гамалѣями въ наметѣ ихъ. Алексѣецъ повернулся въ Царицина съ отвѣтнимъ писмомъ отъ Селиванова, что онъ верблюдовъ принять не хочетъ, которого знову посладемъ въ Царицинъ съ повторнимъ о томъ же писмомъ. По обѣдѣ полковникъ Еропкинъ пріехалъ къ намъ и подполковникъ Манштейнъ и оберъ офицеры и тогда рушилисмо съ становиска, а прійшлисмо до рѣчки Сарпи, съ степу у Волгу текучей, при которой и чагарники, и, не доходя ей мало, сталисмо на ночлѣгъ въ той же фѣгурѣ, то есть баталѣонъ декари. Отъ Царицина до становиска сего, то есть до рѣчки Сарпи, верстѣ 25. Слышно, что будто донци мѣли съ кубанцами акцѣю, не доходя Терку и хорошо показались противъ кубанцовъ, со стыдомъ ихъ. Слава Богу! Гасло—поспѣшествуй.

2. Понедѣлокъ. Сегодня взялъ Еропкинъ полковникъ бунчуковихъ молодыхъ къ себѣ и къ полуполковнику по одному чловѣку на ординансъ, такъ же и съ значковихъ и радовихъ козаковъ. Поехавши мы рано съ ночлѣга, ехалисмо степомъ верстѣ 30 и стали години 3 съ полудня на урочищѣ, прозиваемомъ Перелого, близъ рѣчечки, отстоящомъ отъ Царицина въ 55 верстахъ. Обѣдалисмо у наметѣ Гамалѣи съ Миклашевскими. По обѣдѣ и передъ обѣдомъ Опачининъ билъ въ куренѣ нашомъ. Гасло Москва.

3. Вовторокъ. Поехалисмо рано зъ ночлега и пріехалисмо на становиско, называющееся по рѣчцѣ Дубовцѣ, отстоящей отъ Царицина въ 77 верстахъ. А между тимъ житель царичанскій объявилъ, что колмики уже третій день, явъ перевозились зъ за Волги на сюю сторону, при Дубовцѣ рѣчцѣ, за которыми харковскій асаулъ комендерованъ билъ въ 40 человекъ и капралъ за ними гонить, а никого видѣть не могли. Алексѣецъ рано пріехалъ зъ Царицина и объявилъ, что онъ зъ дячкомъ царичанскимъ уговорился за то, что верблюдовъ нашихъ, которыхъ передержить черезъ два мѣсяца, дать за всякого по рублю и далъ задатку 25 зл. Гасло—Коломна.

4. Середа. Рано поехалисмо зъ ночлега и на дорозѣ зайдалисмо (?) зъ Еропкинимъ, а пріехали на ночлѣгъ при урочищѣ, прозываемомъ Везовка, которое отстоитъ отъ Царицина въ 90 верстахъ. Гасло—.

5. Четвер. Сегодня рано рушивши зъ мѣста, переехалисмо черезъ тую рѣчку и долго замедлѣли, поколь обозъ весь переправился, а послѣ зъ Кочубеемъ и прочими посидѣли и закусили, а пріехали до урочища, прозываемаго Сухій Байракъ, и тутъ стали на ночлѣгъ, яке становиско отъ Царицина въ 108 верстахъ отстоитъ мѣранияхъ веровками. Вечерню передъ Преображеніемъ правилисмо у наметѣ Еропкина и слѣвали многіе, а попъ при насъ бывшій рускій совершалъ. Гасло—.

6. Пятокъ. Сегодня праэдновалисмо день Преображенія Господня и утреню, зъ часами и молебнемъ, отпѣли въ наметѣ полковника Еропкина. Обѣдали у насъ Еропкинъ, харковскій полковникъ, полуполковникъ, Кандиба, Кочубей и прочіе, а по обѣдѣ игралисмо у карты. 4-го часа зъ полудня поехалисмо, и прибули на ночлѣгъ до урочища, прозываемаго Пади, второй години въ ночь, а становиско сіе отъ Царицина отстоитъ въ 120 верстахъ. Лозонъ былъ Чабаксаръ.

7. Субота. Сегодня дождъ рано началъ ити, ради которого, а барзѣй для того, что вчорайшаго дня въ ночь уже лошади государевы, пригнаніе сюди, служавшиє чогось, утонули 24, а другихъ тожъ немалое число виатовано, однакъ уже зъ дефектами (остано-

вились?). Козакъ полку лубенского умеръ и похованъ. Козаковъ двоухъ, а третего драгуна спуженніе лошади мало не до смерти при-топтали. Довенцевого чловѣка бито за тое, что вистрелилъ, а Левенець самъ, за то, что бранилъ п. Миклашевскаго Андрѣя, привязанъ былъ до волеса. Донци приѣхали къ намъ отъ Сулаку, которіе сказуютъ себе 4-го дня зъ Астраханѣ, а другой неделѣ зъ Сулаку и что довцевъ 3000 еще туда не прійшли; и Матюшкинъ енераль тамъ обрѣтается, куда и енералша Матюшкинова поехала. Казань гасло было.

8. Неделя. Сегодня рано поехавши, уехали верстѣ 20 и приехали до Чорного Яру, такъ городка прозиваемаго зъ деревяннымъ валомъ, якій городокъ отъ Царицина отстоитъ въ 141 верстѣ и, приѣхавши туда, былисмо тамъ у кабаку и пили пиво. Едучи до Чорного Яру вибѣгалисмо конми моими, между которыми сивий мой скоръ показался. Въ Чорномъ Яру на мѣстѣ коменданта умершого управляетъ прозиваемій поручивъ (sic). Отъ Чорного Яру поехавши верстѣ въ 12, стали близъ Волги на становиску, откуда послалемъ Мартина въ Чорный Яръ покупать зъ Алексѣемъ пива, хлѣба, овса и діогтю; и пива рубліовъ за 2 купили, такъ же и протчего, а приѣхали они сюда въ таборъ третьей години или болшъ въ ночь. А становиско сее зовется Солоновскій Падъ. Гасло было Калуга.

9. Понеделокъ. Сего дня рано поехавши отъ ночлѣга, уехали верстѣ зъ 17 и стали на становиску, отстоящемъ отъ Чорного Яру въ 32 верстахъ, а полковникъ Еропкинъ за болѣзнь свою, на палцѣ учинившуюся, въ кибѣтцѣ ехалъ; а становиско Грачовка, отъ Чорного Яру 49. Петро Мандрика, значковий полку чернѣговского козакъ, отъ горячки сегодня померъ и на вчорайшомъ становиску сегодня рано похованъ. Игралисмо у Еропкина въ палатцѣ его въ карти и 3 р. вигралъ. Гасло было Саратовъ.

10. Вовторокъ. Сегодня о пятомъ часу зъ полночи рушивши и минувши урочище, отъ ночлѣга отстоящее въ 15 верстахъ, прозиваемое Велюная Лучка, где довольно наши было, прибули на другое становище, прозиваемое Полозовъ базаръ, а ишлисмо 13 часовъ уставичне, а пришли передъ вечеромъ 33 версти. День бувъ хо-

лодний, а у вечеру и у ночѣ дождь ишолъ. Минувши Ветляную Лучку, пріехали противъ селища на томъ боку Волги, где рыбалки живутъ. Ради такъ долгого маршу, много воловъ и коней поприставало. Гасло было Харьковъ. Отъ Чорного Яру версти 62.

11. Середа. Сего дня простоялимо до обѣда, а по 10 часу рушивши, пріехалимо до становиска, прозиваемого Копанская Лучка, отстоящего отъ вчорайшого ночлѣга въ 14 верстахъ, а отъ Чорного Яру въ 8 верстахъ. Игралимо зъ п. Михайломъ и Гамалѣю въ карти у полковника Еропкина и програлимося оба. Гасло было Астрахань. Ординарци Янъ Миклашевскій и Домонтовичъ.

11. Четверъ. Сего дня тутъ, на семъ становиску, перестоялимо, а у полковника Еропкина обѣдалимо и по обѣдѣ, игралимо въ карти у его жъ и вигралемъ, потомъ у его жъ вечерали. Ординарецъ Василь Гамалѣя. Лозонъ Ахтирка.

13. Пятокъ. Сего дня рано рушивши, пришлимо на становиско, прозиваемое Ерокъ подстепний, за 14 верстъ отстоящій отъ вчорайшого ночлѣга, а отъ Чорного Яру 90 верстъ, и тутъ ночлѣгъ имѣлимо. Яжъ въ наметѣ своемъ былемъ, а п. Михайло и Гамалѣя играли въ карти у полковника. Гасло было Полтава.

14. Субота. Сегодня барзо рано, двома годинами передъ свѣтаннемъ вставши, пошлимо и, пройшовши верстъ 17, сталимо на обѣдъ въ урочищи „ (?), отстоящего отъ Чорного Яру въ 107 верстахъ, где Ерокинъ полковникъ провожатаевъ козаковъ черноярскихъ при насъ батожемъ казалъ быть, за то что близко стали. По обѣдѣ рушивши, увойшлимо верстъ 15 и прійшовши до урочища, отъ Чорного Яру отстоящего въ 12 верстахъ, тутъ на ночлѣгъ сталимо. Ходилимо зъ лагера на гору пѣши и зъ перспектива дивилимося на ту сторону Волги, за которою увидѣлимо городокъ, прозиваемый Селитраний, где комендантомъ. „ “ Вечерню отпѣли въ наметѣ Опачинина соборно. Лозонъ Кіевъ. 3 овци и корову Еропкину, 3 овци подполковнику, а 2 Опачинину далъ. Татаре зъ писмомъ отъ крикск-комисара пріехали зъ Астраханѣ до Еропкина, о увѣдомленіи о насъ Матюшкина писанимъ. Ординарецъ Дзявулскій.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по 8 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по 1 р.

Здѣсь же продаются чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца вв. I—V.

Издатель Н. М. Гамалѣй.

За редактора Е. Нивлицкій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

СЕНТЯВРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. ГОЛШТИНСКІЕ НАБОРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. Д. Миллера.	293—312
II. МАЛОРУССКІЯ ВИРШИ ИСТОРИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ. П. Житецкаго.	313—332
III. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (<i>Продолженіе</i>). Проф. Н. Ѳ. Сумцова	333—349
IV. ПО ПОВОДУ 900-ЛѢТІЯ ЧЕРНИГОВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАФЕДРЫ.	350—356
V. ПОМѢЩИКИ И ДУХОВЕНСТВО ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ ВЪ КОНЦѢ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ. (Бытовой очеркъ). В. Храевича.	357—388
VI. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛ- ТАНОВСКАГО	389—404
VII. ПАМЯТИ А. В. МАРКОВИЧА. (Съ портр. въ текстѣ.) А. Л.	405—409
VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи зе- млевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. А. Л. б) Офици- альные документы по дѣлу Виктора Садковского. Протоіерея П. Орловскаго. в) Контроль Губ. Канц. надъ расходами кіевскаго магистрата по исправленію нѣкоторыхъ «город- скихъ надобностей». А. А. г) Пререканіе кіевской город- ской думы съ администраціей по поводу одной изъ статей городскихъ доходовъ въ 1785—87 г. А. А. д) Къ исторіи Кубанскаго войска. П. Кितिцына. е) Анекдотъ о Мечиславѣ Потоцкомъ	410—430
IX. БИБЛИОГРАФІЯ: а) М. Грушевскій. Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV стол. П. Г. б) Харьковскій Сборникъ, подъ редакціей члена-секретаря В. В. Иванова. Н. В. в) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга шестая. Я. Ш. г) Извѣстія Тавриче- ской ученой архивной комиссіи—№ 15. И. Камагина. д) Обоз- рѣвіе журналовъ. е) Списокъ книгъ, относящихся къ Юж- ной Россіи	431—472
ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.	

ГОЛШТИНСКІЕ НАБОРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ.¹⁾

Въ XIX-мъ столѣтіи орденъ св. Анны остался единственнымъ памятникомъ нашихъ старыхъ связей съ голштинскимъ герцогствомъ, нынѣ потонувшимъ въ морѣ германской имперіи. А между тѣмъ Голштинія и голштинцы играли далеко не послѣднюю роль въ судьбахъ нашего недавняго прошлаго. Бракъ дочери преобразователя Россіи съ голштинскимъ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ впервые привелъ въ соприкосновеніе интересы русской имперіи съ интересами этого небольшого нѣмецкаго княжества, а тридцать пять лѣтъ спустя этимъ послѣднимъ удалось, правда на короткое время, взять даже рѣшительный перевѣсъ надъ коренными и существенными интересами русской земли. Въ короткій промежутокъ правленія Петра Третьяго голштинцы безъ войны овладѣли дворомъ, арміей и высшимъ обществомъ столицы, въ полгода успѣли поработить русскія силы своимъ эгоистическимъ, узко-національнымъ интересамъ, поработить на столько, что уже въ половинѣ 1762 г. Европа съ часу на часъ ожидала диковиннаго зрѣлища—войны сѣвернаго гиганта съ тщедушной Даніей изъ-за

¹⁾ Харьковскій Историческій Архивъ. Дѣла Малороссійской Коллегіи №№ 230, 662, 681, 2920, 21890, 21081 и 26826.

Полное собр. законовъ т. XV. № 11416 и т. XVI №№ 11587 и 11610.

Карповъ. Опис. Высочайшихъ указовъ въ XVIII в. (изъ архива Сенат.) т. III. Истор. описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ 1842 г. III. (стр. 196—234).

Исторія Руссовъ стр. 251.

Брикнеръ „Исторія Екатерины II“.

Брикнеръ „Петръ III-й“ (до вступленія на престолъ) изъ Р. Вѣсти.

крохотнаго лоскутка земли, оттянутаго ею у герцоговъ голштинскихъ еще въ то время, когда этимъ послѣднимъ и во снѣ не снилось ихъ будущее величіе. Вліяніе голштинцевъ отразилось въ это время на всѣхъ сторонахъ государственной жизни и отозвалось въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ имперіи. Вездѣ русскій человѣкъ, получившій послѣ реформы нарочитую способность подражанія и приспособленія, спѣшилъ приспособиться къ попавшимъ въ „случай“ пришельцамъ. Гвардейскій офицеръ приспособлялся къ выправкѣ голштинскихъ сателлитовъ молодого императора, государственный человѣкъ—къ ихъ политическимъ идеаламъ и симпатіямъ, высшее общество—къ ихъ капральскимъ манерамъ и своеобразному тону. „Braver soldat“ со всѣми его специфическими особенностями сталъ излюбленнымъ идеаломъ всѣхъ жаждущихъ карьеры и способныхъ къ приспособленію, а посетелемъ и, такъ сказать, живымъ воплощеніемъ этого идеала явилась для російскихъ карьеристовъ приближенная дружина государя—его голштинское войско.

Голштинское войско вмѣстѣ съ голштинской короной досталось Петру Федоровичу въ 1739 году по наслѣдству отъ его отца Карла Фридриха. Не смотря на воинственныя замашки покойнаго герцога, на его страсть къ экзерциціямъ, вахтъ-парадамъ и всякой солдатчинѣ, ему не удалось довести свою армію до размѣровъ сколько-нибудь внушительныхъ, и въ моментъ его смерти голштинское войско представляло собою силу во всѣхъ отношеніяхъ ничтожную. Но вмѣстѣ съ войскомъ Карль-Фридрихъ передалъ своему наслѣднику и свою горячую любовь къ этому войску, и стремленіе создать изъ него могучую и грозную для враговъ Шлезвига и Голштиніи силу стало завѣтнымъ желаніемъ юнаго герцога. Желаніе это не оставило Петра Федоровича и тогда, когда онъ превратился въ наслѣдника російскаго престола. Напротивъ, теперь желаніе это еще болѣе усилилось. Вдали отъ Голштиніи, голштинское войско, какъ и все голштинское, сдѣлалось еще милѣе сердцу великаго князя, а заботливость державной тетки, старательно удалявшей отъ него все, что могло поддерживать его нѣмецкія симпатіи, только разжигала это желаніе. Долгое время доступъ къ Ора-

ніенбаумскому двору былъ накрѣпко закрытъ для нѣмецкихъ подданныхъ великаго князя. Только въ 1755 г. запретъ этотъ если и не уничтожился, то все же смягчился значительно. Наслѣдникъ тотчасъ же воспользовался удобнымъ моментомъ, и лѣтомъ этого же года первый отрядъ голштинскихъ солдатъ былъ уже въ Ораніенбаумѣ.

Его прибытіе встрѣчено было съ необыкновеннымъ восторгомъ. Петръ Ѳедоровичъ почти совсѣмъ покинулъ свой ораніенбаумскій дворецъ и съ утра до ночи проводилъ время въ лагерѣ голштинцевъ. Великій князь, бывшій шефомъ кирасирскаго полка и подполковникомъ Преображенскаго, теперь почти не снималъ съ себя голштинскаго мундира. Усвоеніе всего облика „честнаго и храбраго нѣмецкаго офицера“ стало предметомъ его честолюбивыхъ мечтаній. Ораніенбаумскій дворецъ и его окрестности, пропитались запахомъ крѣпкаго кнастера; попойки, за которыя тяжело расплачивалась хилая натура Петра Ѳедоровича, стали явленіемъ постояннымъ. Окружающіе великаго князя далеко не раздѣляли его увлеченія. Если въ высшемъ придворномъ обществѣ его поведеніе встрѣчало насмѣшливо-снисходительные отзывы, за то въ низшихъ слояхъ слышался нескрываемый ропоть. Особенно недовольны оказывались солдаты Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ, поочередно державшихъ караулы въ ораніенбаумскомъ дворцѣ. По словамъ Екатерины II, голштинское войско въ представленіи нашихъ солдатъ являлось сборищемъ измѣнниковъ, запроданныхъ прусскому королю. Придворная прислуга, привужденная вмѣстѣ съ гвардейцами Ингерманландскаго полка таскать на себѣ кушанья изъ дворцовой кухни въ ораніенбаумскій голштинскій лагерь (для пропитанія голштинцевъ особыхъ запасовъ въ началѣ сдѣлано не было), втихомолку обзывала голштинскихъ солдатъ грубою сволочью. Прибытіе голштинскаго войска еще болѣе повредило авторитету великаго князя, вообще не любимаго за его нѣмецкія симпатіи. Но Петръ Ѳедоровичъ мало обращалъ вниманія на общественное мнѣніе. Съ теченіемъ времени его пристрастіе къ голштинскому войску ничуть не ослабѣло, и не смотря на скудость своихъ средствъ, онъ

дѣлалъ все, что былъ въ состояніи, для его усиленія и блеска. На мундиры и аммуницію голштинцевъ тратятся крупныя суммы; для голштинскаго войска отовсюду, по возможности безъ лишняго шуму и огласки, приглашаются солдаты и офицеры: проходимцы россійскаго и иностраннаго происхожденія смѣшиваются въ его рядахъ съ представителями даже аристократическихъ фамилій, каковы напр. братья Скоропадскіе изъ Малороссіи. Въ 1756 г. голштинское войско состояло уже изъ 3 мушкатерскихъ полковъ, одного артиллерійскаго и одного гренадерскаго баталіоновъ, 2 кавалерійскихъ полковъ и инвалиднаго корпуса. Но недостатокъ средствъ и нерасположеніе къ голштинцамъ Государыни много вредили успѣху дѣла и становились на пути широкимъ планамъ великаго князя. Въ декабрѣ 1761 г. Петръ Ѳеодоровичъ становится единственнымъ обладателемъ всѣхъ силъ и средствъ Русской имперіи, и широкіе планы не могли, конечно, встрѣтить теперь себѣ ни малѣйшаго препятствія. Съ первыхъ же дней поваго царствованія начинается дѣльный рядъ распоряженій о вербункахъ въ голштинскую службу въ Россійской имперіи и заграницей.

Распоряженія эти отразились и на жизни Малороссіи, возбудивъ въ сотняхъ юныхъ сердець честолюбіе и несбыточные надежды, которымъ суждено было разлетѣться въ прахъ и сдѣлать молодыхъ мечтателей, по выраженію историка этого времени, „притчею во языцѣхъ“. Во главѣ правительства въ Малороссіи стояла въ то время войсковая генеральная канцелярія. Еще въ октябрѣ прошлаго года гетманъ отозванъ былъ въ Петербургъ. И по смерти своей благодѣтельницы ясновельможный продолжалъ оставаться на берегахъ Невы, предпочитая придворную атмосферу Петербурга, пропитанную запахомъ пива и кнастера, чистому воздуху скучнаго Глухова. Высокоповелительный гетманъ обоихъ береговъ Днѣпра, генералъ-аншефъ, президентъ академіи наукъ и кавалеръ разныхъ орденовъ всѣмъ своимъ пышнымъ титуламъ предпочелъ званіе подполковника лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и, въ качествѣ такового, принималъ теперь весьма дѣятельное участіе въ непрерывныхъ парадахъ и воинскихъ эзерциціяхъ. Члены ге-

неральной канцеляріи Кочубей и Журавка, генеральный писарь Безбородко да подскарбій Гудовичъ вершили межъ тѣмъ въ Глуховѣ дѣла Малороссіи, и только важнѣйшія изъ нихъ восходили на „высокую резолюцію“ гетмана, при которомъ для дѣлъ этихъ имѣлась особая походная канцелярія. На первыхъ порахъ перемѣна правительства и наступленіе новыхъ порядковъ мало отражались на внутренней жизни Украйны. Произошли только кое-какіе перемѣны въ личномъ составѣ малороссійскихъ чиновниковъ. На полковничьи мѣста въ 3 полкахъ были присланы изъ Петербурга новыя лица, съумѣвшія снискать себѣ расположеніе при новомъ дворѣ. Въ Стародубѣ именнымъ указомъ 3 января назначенъ голштинскій генераль-маіоръ оберъ-гофъ-камеръ-интендантъ Карновичъ съ чиномъ бригадира російской службы. Полковничій урядъ въ Черниговѣ занялъ бывший гофъ-фурьеръ Петръ Милорадовичъ, а въ Гадячѣ прибылъ вновь пожалованный бригадиръ Крижановскій. Эти лица были для Малороссіи первыми ласточками наступающей шлезвигъ-голштинской эры.

Первое распоряженіе о голштинскихъ вербункахъ, коснувшееся Малороссіи, послѣдовало не раньше конца января. 31-го числа гетманъ получилъ сенатскій указъ, предписывавшій произвести въ Эстляндіи, Лифляндіи и Малороссіи наборъ охочихъ людей для голштинскаго войска. Въ Малороссіи, впрочемъ, записываться въ рекруты могли только поляки и волохи, но не туземцы, „дабы службѣ малороссійской отъ того умаленія не послѣдовало“. Гетману предписывалось наблюдать за точнымъ исполненіемъ указа и оказывать вербовщикамъ зависящее содѣйствіе. Указъ этотъ сдѣлался извѣстенъ въ Глуховѣ 19-го февраля.

Но уже 1 февраля волоховъ и поляковъ показалось мало. Голштинская пѣхота и конница, по мнѣнію Государя, нуждалась въ гораздо большемъ количествѣ новобранцевъ, чѣмъ та скромная цифра, которая могла набраться въ силу январскаго указа. 1 февраля командиру голштинскаго пѣхотнаго полка генераль-маіору Іоганну Христіану Ферстеру поручено было укомплектовать свой полкъ новобранцами изъ Украйны и бли-

жайшихъ къ ней мѣсть. Въ указѣ, писанномъ, разумѣется, по нѣмецки, уже ни слова не говорится о какихъ либо изъятіяхъ и исключеніяхъ. Въ голштинцы могъ поступать всякій желающій, и генераль Ферстеръ долженъ былъ только слѣдить за тѣмъ, чтобы его подначальные, которымъ будетъ поручено вербованіе, не причиняли жителямъ Малороссіи насилій и обидъ.

Въ тотъ же день состоялся и указъ объ укомплектованіи голштинской кавалеріи. Новопожалованный гадячскій полковникъ, какъ бывшій голштинецъ, прекрасно зналъ слабую струну Императора и въ знакъ благодарности за богатый гадячскій урядъ, доставившій ему и обширныя маестности, и громадную власть, предложилъ свои услуги по части набора рекрутъ для голштинской кавалеріи. Недавній выкрестъ изъ іудеевъ, Крижановскій не успѣлъ еще потерять присущей этому племени коммерческой сметки: быстро сообразивъ, что вербованіе—гешефтъ очень выгодный, онъ предл. жилъ Государю выставить на своемъ иждивеніи цѣлый полкъ гусаръ, такъ наз. Цабольтишскій, для легкой голштинской кавалеріи. Предложеніе, конечно, было принято съ радостью, и Крижановскій получилъ патентъ на вербованіе.

4 февраля Крижановскій уже предъявилъ свой патентъ гетману, патентъ же, выданный Ферстеру, въ походной канцеляріи его ясновельможности почему то былъ явленъ только въ мартѣ, тотчасъ же переведенъ на русскій языкъ, и вѣсть о прибытіи вербовщиковъ скоро облетѣла всѣ десять полковъ. Малороссія стала ожидать гостей.

Въ апрѣлѣ явились и гости. 17 числа въ генеральную войсковую канцелярію господами офицерами голштинскаго Ферстера полка былъ предъявленъ выданный имъ патентъ, и вербованіе началось.

Число господъ офицеровъ голштинской службъ, (прибывшихъ въ Малороссію для вербованія, было не велико: документы генеральной канцеляріи сохранили намъ имена прапорщика Берлира (француза), поручика Гофмана и маіора Стефани. Съ ними прибылъ сержантъ, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Берлиръ съ подначальными своими остался въ Глу-

ховѣ, Стефани уѣхалъ въ Кіевъ, что же касается Гофмана, то ни свѣдѣній о мѣстѣ его пребыванія, ни какихъ либо указаній на его дѣятельность не сохранилось. Наборы охочихъ людей въ военную службу были въ Малороссіи явленіемъ обыкновеннымъ: и гусарскіе полки, и компанейскіе контингенты комплектовались здѣсь путемъ набора охотниковъ, въ которыхъ никогда не бывало недостатка. Но теперешній вербунокъ представлялъ собою нѣчто чрезвычайное, и по охотѣ, съ какою украинцы спѣшили записаться въ число новобранцевъ, голштинскіе наборы могутъ быть сравнены развѣ только съ позднѣйшей пикинеріей. Но пикинерская горячка охватила низшіе слои населенія, людей необезпеченныхъ, „гультяевъ“, голштинскій же вербунокъ привлекъ къ себѣ преимущественно высшіе классы украинскаго общества. Причина этого необыкновеннаго успѣха кроется въ предшествовавшей исторіи страны. Давно уже привыкли гетманцы взирать на Петербургъ со страхомъ и уваженіемъ. Еще со времени Петра пріучились они къ мысли, что только оттуда всякая власть получаетъ твердую силу и крѣпость, что только тѣ люди, кои получили свою инвеституру на берегахъ Невы, могли безбоязненно и безнаказанно хозяйничать въ странѣ и держать свое имя „честно и грозно“. Еще при жизни великаго преобразователя Россіи могли видѣть они доказательства этому въ лицѣ свѣтлѣйшаго Александра Даниловича, безбоязненно обращаваемаго въ холопство сотни привилегированныхъ козачьихъ семействъ съ ихъ старшиною; видѣли эти доказательства и на полковникахъ, присланныхъ къ нимъ изъ Петербурга, на примѣръ же знаменитаго сотника протопопа Лисовскаго могли наглядно убѣдиться, что даже мелкая-сошка, попавшая въ фаворъ, можетъ сколько угодно трепать за чубы смиренныхъ людей, безъ всякаго за свои безчинства возмездія. Ходъ послѣдующей жизни служилъ только къ вѣщему утверженію этой истины въ сознаніи гетманцевъ. Примѣръ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, превратившагося изъ деревенскаго хлопца въ первую персону въ государствѣ; гетманскій бунчукъ, прикрывавшій голову его ясновельможнаго брата, наконецъ, новоиспеченные полковники,

сразу выскочившіе въ вельможи и магнаты—все это такіе факты, которые не могли не привести малорусское общество въ мысли, что Петербургъ есть тотъ рогъ изобилія, изъ котораго сыплется на русскую землю и уряды, и значеніе, и маетности. Какъ ни кратковременно было правленіе новаго Государя, но въ Малороссію уже успѣли проникнуть слухи о его симпатіяхъ, и мечта попасть въ голштинцы, любимѣйшее и ближайшее войско Императора, стала завѣтной мечтой не одной пылкой молодой головы.

Не удивительно поэтому, что вербованіе пошло успѣшно, успѣшно на столько, что уже спустя немного дней однимъ Берлиромъ набрано было въ Глуховѣ и его окрестностяхъ болѣе 200 человекъ. Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ маіоръ Стефани и низшіе разосланные по городамъ и мѣстечкамъ агенты. Новобранцамъ, въ знакъ принятія ихъ въ голштинскую службу, надѣвался на шею красный галстучекъ, такъ наз. обрончикъ, и выдавалось мѣсячное жалованье. При наборѣ не обращалось большого вниманія на то, къ какой національности принадлежалъ рекрутъ, былъ ли онъ вполне свободенъ, или его удерживали на родинѣ служебныя или другія обязательства; разъ молодой человекъ удовлетворялъ условіямъ физической годности, подлежащія власти, въ вѣдѣніи которыхъ онъ доселѣ находился, принуждались выдавать ему „абшидъ“, освобождающій новобранца отъ ихъ юрисдикціи. Господа голштинскіе офицеры требовали такихъ абшидовъ нерѣдко „неотступно и съ угроженіемъ“, а перечить этимъ требованіямъ малороссійскіе урядники не рѣшались. Когда въ маѣ Берлиръ обратился въ войсковую генеральную канцелярію съ требованіемъ о выдачѣ абшидовъ поименованнымъ въ его реестрѣ 28 лицамъ, то генеральная канцелярія, не ожидая конца начатымъ было справкамъ, послѣшила огуломъ удостовѣрить ихъ малороссійское происхожденіе и свободу, ибо всякая задержка, по мнѣнію канцеляріи, могла быть признана за обиду не только для господъ офицеровъ, но и для той вышней команды, отъ которой они посланы.

Обаяніе этой вышней команды дѣйствовало одинаково на всѣ классы малорусскаго общества и привлекало въ ряды голштинцевъ все новыхъ и новыхъ новобранцевъ. До сихъ поръ лучшею дорогой для молодого человѣка, желающаго выйти въ люди, была канцелярія. Положеніе канцеляриста было въ то время почетнымъ и выгоднымъ. Не говоря уже о приношеніяхъ челобитчиковъ, само правительство гетманское вполне обезпечило канцеляріи жалованьемъ и тѣми маестностями, кои были на нихъ отписаны. Канцеляристы зачастую попадали въ войсковые товарищи, получали чинъ сотника къ мѣсту, назначались полковыми хорунжими, эсаулами и писарями, а сыновья извѣстныхъ фамилій прямо изъ канцелярій высказивали въ бунчуковые товарищи, а то и въ полковые судьи. Такимъ образомъ канцелярская карьера была очень и очень заманчива, и не даромъ и при канцеляріяхъ высшихъ учрежденій, и при полковыхъ постоянно толпились сотни золотой украинской молодежи, ни гроша не получавшей за свое усердіе и даже платившей нѣкую дань генеральному писарю, особенно со времени Безбородка, обложившаго канцеляристовъ—кандидатовъ на „вакансовыя уряды“ опредѣленнымъ въ свою пользу оброкомъ. Но теперь, съ прибытіемъ голштинскихъ вербовщиковъ, всѣ прелести канцелярской службы забылись: карьера Разумовскихъ и tutti quanti не давала спать молодымъ честолюбцамъ; мечта о близости къ источнику всякихъ милостей переходила въ дѣйствительность. И дѣйствительные канцеляристы, и „обрѣтающіеся въ канцеляріяхъ въ чайніи вакансовыхъ урядовъ“ бросали теперь свои перья и въ своихъ богатыхъ жупанахъ спѣшили стать въ одинъ строй съ пропившимися оборванцами въ дырявыхъ полушубкахъ. Спѣшили сдѣлать карьеру и питомцы Кіевскаго коллегіума и „школьники“ всякаго рода, предпочитая голштинскую службу духовной и чиновной карьерѣ на родинѣ. Даже лица, находившіяся при особѣ самого ясновельможнаго, не смотря на всѣ выгоды своего званія и на затруднительность отказа отъ этой, тоже въ своемъ родѣ придворной, службы, мѣняли ее на службу въ голштинскомъ войскѣ. И графскій пѣвчій, и компанецъ, состоящій при надворной корогвѣ, бѣ-

жали записываться въ списки новобранцевъ, и тщетно сама экономическая канцелярія, вѣдавшая маестности и дворъ его ясновельможности, пыталась остановить это бѣгство.

Привлекала голштинская служба и низшіе классы. Привилегированное званіе реестроваго козака къ этому времени утратило почти всю свою былую заманчивость. Старшинскій классъ, болѣе и болѣе приобретающій силы, стремится съузить права реестровыхъ, елико возможно, а путемъ скупи грунтовъ, часто принудительной, быстро подвигается впередъ обезземеленіе этого сословія. Удивительно ли поэтому, что лишенный грунта реестровый предпочиталъ голштинскую службу положенію подсудка, какимъ онъ неизбежно сталъ бы на родинѣ. Кромѣ всѣхъ этихъ „свободныхъ и ничѣмъ не обовязанныхъ лицъ“, принимались на службу и подданные разныхъ владѣльцевъ и монастырей, которые при отсутствіи въ Малороссіи юридическаго признанія крѣпостнаго права также шли за людей вольныхъ. И на козаковъ, и на посольство особенное вліяніе оказывали блага матеріальныя: обѣщанія хорошаго вознагражденія, выдаваемое впередъ мѣсячное жалованье и слухъ о льготахъ остающимся на родинѣ родичамъ новобранца. Слухъ этотъ, пущенный, очевидно, голштинскими вербовщиками и нашедшій себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ одномъ изъ майскихъ ордеровъ гетмана, встрѣченъ былъ въ массѣ козачества и посольства съ полнымъ довѣріемъ. И отъ самихъ новобранцевъ, и отъ ихъ семействъ подаются въ это время въ генеральную канцелярію прошенія о тѣхъ или другихъ льготахъ остающимся въ Малороссіи родичамъ новобранцевъ. Самъ прапорщикъ Берлиръ обратился въ генеральную канцелярію отъ имени подначальныхъ ему новобранцевъ съ просьбою, „чтобы домовъ ихъ и отцевъ ихъ ни въ какіе наряды, командираціи и другія тяжести, а особливо домовъ ихъ въ постой было не употребляемо“. Не имѣя никакихъ точныхъ указаній по этому вопросу, генеральная канцелярія не могла, безъ сношенія съ Петербургомъ, разрѣшить его ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ и своею медленностью еще болѣе способствовала укрѣпленію слуха.

Мы не знаемъ, много ли казенныхъ денегъ привезли съ собою господа голштинскіе офицеры, но уже черезъ мѣсяць по прїѣздѣ прапорщикъ Берлиръ обратился въ генеральную войсковую канцелярію съ требованіемъ 2000 руб. на необходимыя издержки по набору. Требованіе это поставило генеральную канцелярію въ затруднительное положеніе. До сихъ поръ распоряженія на этотъ счетъ изъ Петербурга не получалось. Въ патентѣ, выданномъ Ферстеру, говорилось глухо о томъ, что власти должны оказывать вербовщикамъ всякое содѣйствіе, но простирается ли это содѣйствіе до отпуска денегъ, специально предназначенныхъ на войсковые расходы,—генеральная канцелярія не знала. Но отказать требованіямъ лица, присланнаго по именному Е. И. В. указу и при томъ по дѣлу столь близкому сердцу Государя, глуховское начальство, конечно, не рѣшалось. Члены канцеляріи сочли поэтому возможнымъ на половину удовлетворить просьбу голштинскаго прапорщика и о самой просьбѣ поспѣшили представить на высокоповелительную резолюцію ясновельможнаго. Но тысяча рублей, отпущенная скарбомъ, оказалась недостаточной. Черезъ недѣлю Берлиръ снова обратился въ генеральную канцелярію съ требованіемъ денегъ. Въ своемъ доношеніи онъ извѣщаетъ канцелярію, что выданныя деньги уже издержаны на отправку въ столицу и на жалованье набраннымъ имъ рекрутамъ, а также людямъ, на вербованнымъ въ Кіевѣ маіоромъ Стефани; набору больше чинить не изъ чего, а потому и просить выдать ему 500 рублей. Вновь послѣдовалъ отъ генеральной канцеляріи рапортъ гетману, 500 же рублей выданы Берлиру.

Скоро отозвался и маіоръ Стефани. Онъ потребовалъ для уплаты набраннымъ имъ въ Кіевѣ рекрутамъ, а также для отправки ихъ до самаго Ренбова 1500 руб., которые и были безпрекословно выданы.

Благодаря охотѣ украинцевъ и щедрости голштинскихъ офицеровъ, наборъ рекрутъ для голштинской пѣхоты шель быстро и успѣшно. Не менѣе успѣшно велось и порученное Крижановскому дѣло комплектованія кавалеріи. Въ короткій срокъ гадячскій полковникъ набралъ цѣлый полкъ легкоконныхъ гу-

сарь, составивъ его, по словамъ автора „Исторіи Руссовъ“, изъ козацкихъ дѣтей своего полеу, заводской и всякой другой сволочи. Крижановскій велъ дѣло на свои личныя средства и, конечно, соблюдалъ свою выгоду: чѣмъ проще были новобранцы, тѣмъ дешевле они стоили. Дѣло велось безъ излишней огласки, такъ сказать домашнимъ способомъ, и это, какъ мы увидимъ впоследствии, оказало гадяцкому полковнику большую услугу при перемѣнѣ обстоятельствъ.

Несмотря на успѣхи вербованія, число новобранцевъ въ глазахъ вышней команды, казалось далеко недостаточнымъ. Вскорѣ потребовался новый наборъ, окрещенный глуховскими канцеляристами именемъ „набора великорослыхъ“. Въ маѣ гетманъ получилъ Высочайшее повелѣніе о доставкѣ для голштинской службы 50 человѣкъ изъ малороссовъ „неувѣчливыхъ, собою взрчныхъ, мѣрою таковыхъ, какіе обыкновенно великорослыми почитаются“. Немедленно предписано было нарядить нарочныхъ во всѣ 10 полковъ, чтобы изъ каждаго полка выбрать по 5 человѣкъ годныхъ; выбирать ихъ предписывалось, если можно, изъ „безмѣстныхъ людей, неосѣдлыхъ, т. е. изъ школяровъ и разныхъ бродящихъ“, а въ случаѣ недостатка— и изъ козацкихъ подпомощниковъ. При наборахъ запрещалось всякое принужденіе. Срокъ назначался 6-ти лѣтній съ правомъ по истеченіи этого времени получить абшидь или, въ случаѣ согласія, остаться на службѣ. Новобранцамъ обѣщалось освобожденіе домовъ ихъ отъ повинностей. Генеральная канцелярія сама должна наблюдать за наборами и исполнить гетманскій ордеръ въ возможно короткій срокъ. Что касается до расходовъ, то они должны быть произведены на счетъ малороссійскаго скарба примѣнительно къ расходамъ голштинскихъ офицеровъ, посланныхъ для вербованія.

Гетманскій ордеръ полученъ былъ въ Глуховѣ 17 мая, и тотчасъ же отдано приказаніе о присылкѣ великорослыхъ изъ каждаго полка въ двойномъ противъ требуемаго количествѣ. Полковникамъ и полковымъ старшинамъ предписывалось, въ виду важности дѣла, самимъ слѣдить за ходомъ набора со всевозможной тщательностью, не полагаясь на подначальныхъ. Въ

каждый полкъ послано по 2 подорожнія и по 30 руб. денегъ на необходимые расходы. Новобранцевъ предписывалось доставить въ Глуховъ не позже 17 іюня. Въ самомъ Глуховѣ и его окрестностяхъ руководство наборомъ взяли на себя члены генеральной канцеляріи. Распоряженіе, въ которомъ замѣшанъ „высокій Е. И. В. интересъ“, исполнялось, конечно, съ необычайной поспѣшностью, а потому, вслѣдъ за полученіемъ ордера, чины полковыхъ канцелярій, „усердствуя по своей присяжной должности“, разѣхались по сотеннымъ мѣстечкамъ и селамъ, чтобы самимъ приняться за исполненіе важнаго порученія. На этотъ разъ усердіе полковыхъ урядниковъ превосходило нормы требованій самой генеральной канцеляріи. Почти въ каждомъ полку старались набрать большее число великорослыхъ, чѣмъ требовалъ ордеръ. Кіевская напрімѣръ, канцелярія, какъ видно, хотѣла повести дѣло совсѣмъ en grand; она снеслась съ митрополитомъ Арсеніемъ, подъ командою котораго находилась академія и школы, и только по просьбѣ преосвященнаго рѣшила не трогать молодцеватыхъ студентовъ кіевской академіи, довольствуясь великорослыми школярами; возбудила вопросъ о вербованіи въ голштинскую службу кіевскихъ и остерскихъ мѣщанъ, „яко людей вольныхъ“; вошла въ сношеніе съ кіевскою губернскою канцеляріей и магистратомъ, и наконецъ потребовала отъ генеральной канцеляріи увеличенія выданной на вербованіе суммы, мотивируя свое требованіе тѣмъ соображеніемъ, что для отправки набранныхъ „ласковымъ образомъ“ великорослыхъ въ Глуховъ потребуется не малый конвой. Впрочемъ, генеральная облава на кіевскихъ и остерскихъ мѣщанъ, задуманная кіевскою полковою канцеляріей, не удалась: получивъ за свое усердіе чувствительный репримандъ изъ Глухова, кіевскіе урядники принуждены были ограничиться скромными размѣрами требованій гетманскаго ордера. Не менѣе усердствовали и другія канцеляріи: всѣ онѣ прислали свыше указаннаго числа людей. Одинъ только нѣжинскій полковникъ, вѣроятно въ силу своей близости къ ясновельможному родичу, не спѣшилъ исполненіемъ высокоповелительнаго ордера.

Наборъ „великорослыхъ“—наборъ демократическій. Гетманскій ордеръ исполнялся буквально, и въ списки новобранцевъ исключительно вносились люди, отъ поступленія коихъ въ голштинское войско не могло бы произойти „умаленія малороссійской службѣ“. Понятно поэтому, что въ спискахъ этихъ панычей, этого цвѣта украинскаго служилаго сословія, вовсе не встрѣчается; не встрѣчается даже реестровыхъ козаковъ, за 2—3 исключеніями, и то изъ числа тѣхъ, у которыхъ дома оставалось 3—4 брата къ службѣ годныхъ. Въ число „великорослыхъ“ попадаютъ главнымъ образомъ подпомощники и подсусѣдки; остальная часть—люди вполне безмѣстные: дьячекъ, ищущій парафію, школяръ, до тридцати лѣтъ бродившій отъ пана къ пану въ качествѣ мандрованнаго педагога, поповскій сынъ, не попавшій на парафію, злополучный „удовинъ сынъ“, которому все равно цѣлый вѣкъ пришлось бы провести въ батракахъ или подсусѣдкахъ, странникъ безъ роду—безъ племени, всю жизнь бродившій изъ монастыря въ монастырь и зашедшій теперь въ Кіевъ поговѣтъ Петровскимъ постомъ—весь этотъ бездомовный людъ, кромѣ колоссальнаго роста и соответствующаго ему аппетита ничѣмъ не владѣвшій, счелъ голштинскую службу лучшимъ выходомъ изъ своего скитальческаго положенія. Но какъ среди рекрутъ, набранныхъ голштинскими офицерами, главную роль играла интеллигенція сытая и обеспеченная, панская, такъ и среди „великорослыхъ“ доминирующее положеніе занимала тоже интеллигенція, но интеллигенція голодная и бездомовная. И здѣсь грамотные составляли 25% общаго числа „великорослыхъ“; великорослые школяры и дьяки являлись представителями своихъ неграмотныхъ товарищей, получали за нихъ харчевыя деньги, росписывались на почтовыхъ станціяхъ, вели расходныя вѣдомости за своихъ приставовъ, хотя и выбранныхъ изъ значковыхъ товарищей и даже сотниковъ, но зачастую не очень „письменныхъ“.

Въ какомъ то чадѣ прошла для новобранцевъ короткая дорога въ Глуховъ. Спѣшили попасть къ сроку, остановки дѣлались лишь для ночлега по сотеннымъ мѣстечкамъ и селамъ въ квартирахъ, отводимыхъ сотниками и атаманами, днемъ же

останавливались только для перемѣны подводъ. Этими короткими остановками новобранцы пользовались для закупки провизіи. Не забывалась, конечно, и жидовская корчма, и въ то время, какъ выборный товарищ бѣгалъ по селу, раздобывая продукты для немудреной трапезы, остальные успѣвали и выпить изрядно на мѣстѣ и захватить на дорогу не малый запасъ. Были Петровки, а потому столъ новобранцевъ особою изысканностью не отличался. Свѣжая рыба, борщъ, „буханци“ составляли своего рода лакомство; обыкновенно и снѣдали, и обѣдали, и полудновали, и вечеряли соленой рыбой съ хлѣбомъ и квасомъ. Но за то эта скудная трапеза обильно запивалась питіями всякаго рода. Несмотря на недавнія мѣры, ограничившія свободу винокуренія, горѣлка была дешева— кварта стоила всего 8 коп.— а потому новобранцы, получавшіе значительныя по тому времени кормовыя деньги (иногда до 10 коп. на человѣка въ сутки), имѣли полную возможность не стѣснять себя въ этомъ отношеніи. И не стѣсняли.

Встрѣчаясь съ такими, напр., документами, какъ реесгръ расходовъ переяславскаго пристава, современнику остается только удивиться безпримѣрной вѣрности головъ „великорослыхъ“, подъ жаркими лучами іюньскаго солнца умѣвшихъ безнаказанно пить отъ зари до зари. Но хмель не всегда способенъ былъ выгнать грустную думу изъ сердца. По мѣрѣ удаленія отъ родныхъ мѣстъ, многимъ взгрустнулось по родинѣ и волѣ. Пользуясь беспросыпнымъ пьянствомъ товарищей и безопасностью подвыпившаго начальства, затосковавшій новобранецъ давалъ иногда тягу, и по пріѣздѣ въ Глуховъ злополучный приставъ не всегда представлялъ въ генеральную канцелярію показанное въ спискахъ число „великорослыхъ“.

Къ 17 іюня въ Глуховъ собралось 110 „великорослыхъ“. Здѣсь были представители всѣхъ полковъ, кромѣ нѣжинскаго (нѣжинцы прибыли значительно позже и вмѣстѣ съ присланными изъ другихъ полковъ добавочными рекрутами были оставлены, такъ сказать, про запасъ), но наибольшее число видныхъ и статныхъ молодцовъ оказалось среди полтавцевъ, такъ что почти всѣ „великорослые“, привезенные изъ Полтавы, вошли

въ списокъ избранныхъ. Послѣ осмотра было отобрано 50 человекъ, наиболѣе удовлетворяющихъ требованіямъ гетманскаго ордера, остальные же отпущены по домамъ съ приказомъ явиться немедленно въ случаѣ новаго требованія. Выбранныхъ генеральная канцелярія тотчасъ же снабдила необходимой обувью и одеждою и распорядилась выдачею подорожной на 55 подводъ; сопровождать ихъ въ Петербургъ назначенъ полтавскій эсаулъ Бенковскій съ однимъ унтеръ-офицеромъ, солдатомъ и жолдакомъ. На дорогу Бенковскій получилъ изъ малороссійскаго скарбу 500 руб. и инструкцію, предписывавшую ему вести великорослыхъ „денно и ночью“, „наблюдая, дабы оныя въ пути побѣгу учинить не могли, уговаривая притомъ, чтобы они содержали себя порядочно, не пьянствуя и никакихъ шалостей не дѣлая, отъ которыхъ ихъ удерживать безъ строгости“. На кормъ полагалось въ дорогѣ по 10 коп. на человека въ сутки, но если сверхъ этого потребуются какіе либо расходы на одежду или обувь, то Бенковскій и такія требованія долженъ былъ удовлетворять, однакъ безъ излишества, разсуждая въ томъ крайнюю надобность“. Унтеръ-офицеръ долженъ былъ ѣхать впередъ и заготовлять на станціяхъ нужное число подводъ. Въ случаѣ побѣга кого либо изъ новобранцевъ, воеводы и мѣстные помѣщики обязаны были оказать Бенковскому содѣйствіе.

18 іюня „великорослы“ распрощались съ родною Украиною.

Движеніе дошло теперь до своего апогея. Съ гикомъ и гамомъ летѣли ямскія телѣги, увозя на сѣверъ новоиспеченныхъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ голштинской арміи. Привѣтливо отпирали имъ двери встрѣчные трактиры, и плохо приходилось „штатскому“ обывателю, навлекшему на себя гнѣвъ молодыхъ искателей фортуны.

Переворотъ 28 іюня, посадившій на русскій престолъ Семирамиду Сѣвера, круто поворотилъ въ другую сторону и внѣшнюю, и внутреннюю политику Россіи и сразу оборвалъ на полусловъ торжественные звуки „Deutschland, Deutschland über alles“, лившіеся въ теченіе 6 мѣсяцевъ изъ восторженныхъ сердець петербургскихъ нѣмцевъ. Предметъ вчерашнихъ

нѣжнѣйшихъ заботъ, голштинское войско вдругъ превратилось въ предметъ посмѣянія, стало „притчею во языцѣхъ“. Съ перемѣной обстоятельствъ сразу измѣнилось и содержаніе гетманскихъ ордеровъ. Уже 1-го іюля, когда на петербургскихъ улицахъ не успѣло еще смолкнуть ура гвардейцевъ и народа, гетманъ, не ожидая распоряженія свыше, счелъ необходимымъ предупредить послѣдствія своихъ недавнихъ распоряженій. Посланнымъ въ этотъ день въ Малороссію ордеромъ предписывалось немедленно распустить по домамъ набранныхъ по послѣднему гетманскому приказу рекрутъ, буде же новобранцы уже отправлены изъ Малороссіи, немедленно послать курьера съ приказаніемъ вернуться въ Глуховъ. Но распоряженіе это пришло слишкомъ поздно. Въ то время какъ совершалось „Петербургское дѣйство“, ничего не подозрѣвавшіе „великорослые“ на 55 подводкахъ катили по направленію къ сѣверной столицѣ, и хотя ихъ стремительность сократили нѣсколько московскіе почтовые чиновники, отнявшіе у нихъ цѣлыхъ 25 подводъ, тѣмъ не менѣе 11 іюля Бенковскій представилъ своихъ молодцевъ въ походную канцелярію его ясновельможности. Но молодцы теперь оказались лишними и въ сопровожденіи сержанта Киселева, уже пѣшкомъ и получая по 3 коп. въ день на пропитаніе, поплелись обратно въ Малороссію.

Не заставило себя долго ждать и общее распоряженіе о голштинскихъ наборахъ. Сенатскимъ указомъ 1-го іюля предписывалось вербованіе солдатъ для голштинской службы повсемѣстно въ имперіи прекратить, вѣдомости же о числѣ и званіи навербованныхъ рекрутъ немедленно доставить въ сенатъ и военную коллегію, а самихъ вербовщиковъ выслать за конвоемъ въ ту же коллегію, отобравъ имѣющіяся при нихъ деньги. Тѣмъ же указомъ велѣно было приступить къ немедленному разсмотрѣнію званій новобранцевъ: записанныхъ въ подушный окладъ или бѣглыхъ крѣпостныхъ отдавать по наказанію помѣщикамъ, крестьянъ государственныхъ и монастырскихъ—отправлять въ ихъ волости, а купцовъ—отослать въ магистраты тѣхъ городовъ, къ которымъ они приписаны, что же касается „малороссіянцевъ“, а также людей, которые по справкамъ и осви-

дѣтельствѣваніи ихъ паспортовъ окажутся дѣйствительно вольными и ни за кѣмъ незаписанными, то такихъ, въ случаѣ ихъ согласія, разослать на службу въ ближайшіе полевые полки. Каждому изъявившему согласіе на поступленіе въ военную службу предписывалось сверхъ обычнаго жалованья выдавать по 15 руб. единовременно; срокъ службы въ указѣ объявлялся 10-ти-лѣтній, по истеченіи котораго продолженіе или оставленіе службы зависѣло отъ вольнопоступившаго.

Голштинское войско подверглось аресту. Голштинцы нѣмецкаго происхожденія отправлены на родину, но, какъ извѣстно, далеко не всѣмъ удалось увидѣть родную Голштинію: большая часть изъ нихъ потерпѣла кораблекрушеніе. Самъ принцъ Георгъ, глава и начальникъ голштинскихъ сателлитовъ бывшаго Императора, отправленъ уже на 3-й день послѣ переворота администраторомъ въ Голштинію. Русскіе голштинцы изъ Ораніенбаума переведены были въ Петербургъ и отданы въ смотрѣніе генераль-поручику Василию Ив. Суворову. Участь большей части изъ нихъ была плачевна; между голштинцами великорусскаго происхожденія свободныхъ людей оказалось очень мало, а такъ какъ кормить на казенный счетъ бѣглыхъ холопей до возврата владѣльцамъ, а тѣмъ паче развозить до мѣстъ ихъ жительства показалось накладнымъ, то уже 13 числа іюля состоялось сенатское распоряженіе, которымъ предписывалось всѣхъ неразобранныхъ голштинскихъ солдатъ зачислить въ полевые полки, съ предоставленіемъ ихъ бывшимъ помѣщикамъ права забирать ихъ оттуда, уплативъ слѣдующія за ихъ содержаніе деньги; имена этихъ злополучныхъ воиновъ, для свѣдѣнія ихъ отсутствующихъ владѣльцевъ, пропечатаны были въ академической газетѣ. Участь малороссовъ, „яко людей вольныхъ и ни за кѣмъ не записанныхъ“, была гораздо легче. Оказавшихся въ Ренбовѣ украинцевъ¹⁾ немедленно препроводили къ гетману, который отечески снабдилъ ихъ нужными паспор-

¹⁾ Кромѣ приведенныхъ изъ Малороссіи, въ ряды голштинцевъ пошло не мало рекрутъ изъ числа малороссійскихъ посполитыхъ, производившихъ земляныя работы въ Кронштадтѣ, Ригѣ, Нарвѣ—изъ такъ наз. 8000 набора посполитыхъ для войны съ Фридрихомъ.

тами и отправилъ на родину. Впрочемъ, и изъ числа ихъ нашлось четверо, пожелавшихъ остаться въ военной службѣ. 4-го іюля эти четыре охотника были доставлены гетманомъ въ военную коллегію, гдѣ и приняты подъ именемъ колодниковъ.

Эти четыре „колодника“ были, повидимому, единственными среди малорусскихъ голштинцевъ охотниками поступить на службу „въ полевые російскіе полки“. Въ Глуховѣ по крайней мѣрѣ такихъ охотниковъ не оказалось. Когда генеральная канцелярія, получивъ сенатскій указъ 1 іюля, поручила глуховскому сотенному правленію объявить его содержаніе находившимся въ Глуховѣ новобранцамъ Берлира, изъ 311 человекъ изъявили согласіе на поступленіе въ военную службу всего 14, но и эти черезъ нѣсколько времени взяли назадъ свое согласіе и просили объ отпускѣ по домамъ.

Голштинское войско перестало существовать. Сателлиты бывшего императора, еще мѣсяцъ назадъ гордые своимъ новымъ званіемъ и полные надеждъ, брели теперь пѣши, въ простыхъ зипунахъ, по направленію къ Украинѣ. Позоренъ и несносенъ казался молодымъ честолюбцамъ возвратъ на родину, еще такъ недавно ими легкомысленно покинутую. И таясь отъ людей, подъ кровомъ ночи пробирались они подъ родную стрѣху батьковской хаты.

Послѣ отпуска новобранцевъ глуховскому начальству оставалось только исполнить указъ въ отношеніи лицъ, которымъ было поручено вербованіе. Сейчасъ же по полученіи сенатскаго указа генеральная канцелярія поспѣшила отобрать отъ голштинскихъ офицеровъ и ихъ подначальныхъ подписки о невыѣздѣ изъ Глухова, а затѣмъ, въ силу того же указа, распорядилась отобраніемъ отъ нихъ денегъ. Но деньги оказались у одного Берлира: у него отобрано 650 руб., которые и возвращены въ скарбъ, у остальныхъ же вербовщиковъ денегъ не оказалось. Предусмотрительный маіоръ Стефани, лишь только почувялъ приближающуюся грозу, поспѣшилъ заранѣе скрыться, такъ что всѣ поиски генеральной канцеляріи оказались тщетными.

Не забыло глуховское начальство и Крижановскаго. Пошляя ему копію съ сенатскаго указа, генеральная канцелярія

предписывала ему немедленно сдать управление полкомъ полковой старшинѣ, которая и должна выполнить указъ 1 іюля въ отношеніи набранныхъ Крижановскимъ рекрутъ, самъ же полковникъ долженъ немедленно представить выданныя ему для вербованія деньги и явиться въ Глуховъ, откуда онъ, въ силу указа, долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Но положеніе Крижановскаго оказалось очень выгоднымъ. Государю онъ обѣщаль набрать полкъ на свой счетъ, въ надеждѣ получить изъ казны деньги по представленіи рекрутъ. Денегъ изъ малороссійскаго скарбу онъ также ни разу не получаль, самое же вербованіе велъ безъ излишней огласки, почти неофициально. Сама генеральная канцелярія также, повидимому, мирволила богатому гадячскому полковнику, и когда на ея предписаніе Крижановскій отвѣтилъ, что денегъ онъ на вербованіе ни откуда не получаль, а потому и вербованія не производилъ, то генеральная канцелярія сочла возможнымъ вполнѣ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ и, не производя дальнѣйшихъ разслѣдованій, оставила гадячскаго полковника въ покоѣ.

Къ концу іюля въ Малороссіи были подведены послѣдніе счета съ голштинцами. 31 числа господа голштинскіе офицеры и ихъ подначальные распрощались съ Украйной. За карауломъ унтеръ-офицера глуховскаго гарнизона везли теперь недавнихъ триумфаторовъ къ отвѣту предъ грозными членами военной коллегіи.

О возвратѣ 2446 руб., истраченныхъ на неудавшуюся затѣю, гетманомъ дѣлались представленія куда слѣдуетъ, но возвращены ли эти деньги въ малороссійскій скарбъ—неизвѣстно.

Д. Миллеръ.

Малорусскія вирши историческаго содержанія.

Отзывалась-ли старинная южно-русская школа на текущія явленія жизни?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ множество виршей историческаго содержанія, написанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ минуты.

Изъ первой половины XVII в. особеннаго вниманія заслуживаетъ острожскій *Ляментъ*, написанный по поводу несчастнаго событія, случившагося въ г. Острогѣ въ 1636 г. Содержаніе *Лямента* обозначается въ его заглавіи: „Ляментъ о прыгодѣ нещанс... мешча острожскій, що ся ѿ влаѣне придало на днѣ урочитаго свята з матвы встанія пна спайтеля нашего в понедело в процессии идучи по приидѣ еи милоти пнеи воеводиной виленкой“. Воеводиной виленской была въ то время владѣлица г. Острога, внучка знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, вдова воеводы виленскаго и великаго гетмана литовскаго, Анна-Алоиза Ходкевичъ, въ послѣдствіи іезуитская праведница. По наущенію іезуитовъ она приказала своимъ слугамъ украсть изъ замковой Богоявленской церкви гробъ съ тѣломъ ея отца, князя Александра Константиновича Острожскаго († 1603), и перенести его въ построенный ею костель при острожскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Похищеніе совершено было ночью, въ самый день Пасхи 1636 года, и вызвало глубокое негодованіе среди православныхъ мѣщанъ г. Острога.

«И на щѣ ся ѿ вышло, презацые ѿцене»,

обращается сочинитель *Ляменга* къ оо. іезуитамъ,

«Же ѿче к тому привели поцтивую матрону,
 Же есть тѣло порушеное ѿца еи з гробу?
 Снѣ ся нынѣ мѣтвы даремне мовляють,
 Бо тѣла люскіе покою в гробѣхъ не маѣ».

На другой день послѣ похищенія произошло кровавое столкновение между мѣщанами и слугами воеводиной виленской. Дѣло было такъ. Изъ Богоявленской замковой церкви вышелъ народъ съ духовенствомъ для совершенія крестнаго хода. Въ это самое время возвращалась изъ костела Анна-Алоиза въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ, окруженная своими дворянами и слугами. Ей нужно было пробѣхать въ замокъ чрезъ мостъ, почти у самой паперти церковной, гдѣ стояла густая толпа народа. Велѣно было очистить княжнѣ дорогу. Толпа не слушалась. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру бѣхать прямо на толпу, причемъ „вѣница почѣ людей бичовати“, замѣчаетъ сочинитель *Ляменга*. Тогда люди, продолжаетъ онъ,

«всѣ ся порвали,
 Кѣи побрали».

Въ свою очередь

«Служи и всѣ дворине,
 Видячп, же не жѣть, кинулися на нѣ едностаѣне,
 Шабель добывшы» ,

Началась свалка. Народъ окружилъ поѣздъ княжны и хотѣлъ было сбросить ее вмѣстѣ съ каретой съ моста, о чемъ, впрочемъ, сочинитель *Ляменга* не упоминаетъ. За то онъ рассказываетъ о томъ, что многіе

«с перестраку въ вѣ з мосту падали,
 Шып ламалп» .

Почтительно называя княжну *матроной* и стараясь „на обѣ сторонѣ правду признати“, онъ, однако же, не безъ ироніи замѣчаетъ, что княжна

«На зпчѣ пѣсви на цвигарь утѣааеть,
Бѣва ся размножаѣ».

Возстаніе усмирено было только тогда, когда старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подкрѣпленіями. На другой день утромъ начался судъ надъ бунтовщиками.

«Мещѣ зацнѣ в колоду посажано,
А наубогшы в темницу загнано,
Абы ропрѣвы до часу чекалы и голо дали.
Нѣмашъ ся, ѣ розмовити з сосѣды,
Бо потаемной зрады поно завсѣгды:
Та по овнами и в ночи слушають,
що розмовляють.
Подъ ча ярмаку нѣвгды славного,
А теи, реку, кожь занедбалого,
На самую взгарду звѣчи ѣ казано,
Жебы стпнано.

Тамъ килку мещѣ мечемъ прыкво стято,
Четвертому уши и носа утято,
А оные трупы ховать заказали,
Псомъ торѣгати дали».

Признавая схизматическихъ поповъ подустителями черни, трибуналъ, судившій это дѣло, опредѣлилъ изгнать ихъ въ числѣ 46 человекъ изъ предѣловъ острожскихъ имѣній.

Такъ окончилась эта печальная исторія, у современниковъ извѣстная подъ именемъ „острожской трагедіи“.

«О ты, Очрогу, мѣсто сираведливое,
заканчиваетъ рассказъ свой сочинитель *Ляменга*,

Въ тобѣ бывали мѣшканцы цютливые,—
Ты было хлѣбомъ зажде приходневы,
Ты убогому маткою было студѣгови,—
В тобѣ хто мешкѣ, нѣгды не шкодова, хто ся шанова».

Тер^а не ст^утежъ! На щ^о южъ приходыть!
 Снаги ся южъ на тое, подобно, заводыть,
 Жебы южъ было в н^ѣвечъ оберънено,
 Зъ грунту знищено!> ¹⁾.

Въ основѣ *Ляменты* польская рѣчь и даже польская рифма, не вездѣ удачно переложенная на славяно-русскую фонетику, но мысли и чувства въ немъ русскія²⁾. Написанъ *Ляментъ* спустя не болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ острожскаго событія (14 іюля) и посвященъ Петру Могилѣ. Замѣчательно, что сочинитель, скрывшій свое имя подъ инициалами Н. М. и называющій себя „найнызшимъ служебныкомъ з служебныковъ“ знаменитаго митрополита, писалъ свои вирши въ г. Ровно „з наубошеи школы“ За исключеніемъ „Ляменты“, мы не знаемъ другихъ виршей, которыя написаны были бы въ „найубогшей“ школѣ. Какъ и вездѣ, политикой въ южной Руси занимались преимущественно люди, вкусившіе высшаго знанія. И нашъ ляментующій авторъ, судя по складу его стиха, обнаружилъ значительное знакомство съ польской литературой.

Думаемъ, однако же, что и народная малорусская школа по условіямъ того времени, когда въ борьбѣ за существованіе народъ напрягалъ всѣ свои силы, какъ физическія, такъ и нравственные, должна была воспринимать и такъ или иначе перерабатывать впечатлѣнія политическихъ событій, которыя оказывали неотразимое вліяніе на ея благоденствіе и злоденствіе. Педагоги того времени, повидимому, давали этимъ впе-

¹⁾ Подлинная рукопись, современная самому событію, получена нами изъ сѣдлецкой губерніи отъ почтеннаго собирателя устныхъ и письменныхъ произведеній южно-русской старины Я. П. Андриѣвскаго.

²⁾ Таковы, напр., слѣдующія рифмы:

„Еды мещавн^н обр^аса зухвалы,
 А для одного вишк^ни вины з^остали,
 Же ся на п^оля п^нь-ск^ого замѣрыль
 Сва го ударилъ“.

Въ славянской транскрипціи нарушена рифма: очевидно, въ польскомъ подлинникѣ послѣдній стихъ читался такъ: Snadź go uderzył.

чатлївнїямъ извѣстное направленіе посредствомъ виршей и кантовъ. Такъ, въ драмѣ „Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“ (1728), „дѣти украинскїи, во училищахъ кїевскихъ учащїися“, привѣтствуютъ виршами Хмельницкаго при вѣздѣ его въ Кїевъ послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Поляками¹⁾. Тѣмъ не менѣе, пересматривая школьные сборники прошлаго вѣка, предназначавшіеся для походнаго употребленія, мы находимъ въ нихъ сравнительно мало виршей, проникнутыхъ, такъ сказать, злобой дня, которой не мало было въ жизни. По всему видно, что странствующіе школьники предпочитали имъ такія вирши, которыя могли бы служить безобиднымъ матеріаломъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, вирши нравоучительнаго и нравоописательнаго содержанія.

Слѣдуетъ-ли отсюда, что низшіе ряды школьной братїи не принимали никакого участія въ сочиненїи и распространенїи виршевыхъ сказанїй о событіяхъ и лицахъ, болѣе или менѣе значительныхъ въ историческомъ отношенїи? Мы знаемъ навѣрное, что обитатели старинной малорусской школы, какъ высшей, такъ и низшей, были вовсе неравнодушны къ тому, что происходило за стѣнами ея.

«Збунтовалась Украина, поны и дякы»,
говорится въ одной гайдамацкой пѣснѣ,
«Погынулы въ Украини жыды й полякы»²⁾.

Хотя и сказано давно, что *inter arma silent Musae*, но слова эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ тѣмъ музамъ, которыя въ кровавыхъ зрѣлищахъ войны находятъ свое вдохновеніе, которыя изображаютъ героевъ „подъ трубами повитыхъ, подъ шеломами взлелеянныхъ, конецъ копїа вскормленныхъ“. Не мало было такихъ героевъ въ старинной Украинѣ, поэтому и муза народная долго не умолкала, воспѣвая дѣянїя и подвиги этихъ героевъ. Они были представителями народной самодѣятельности, которая, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ главныхъ условїй для народ-

¹⁾ Собраніе сочиненїй Максимовича, т. I.

²⁾ Украинскїя народныя пѣсни, Максимовича, 1834 г., 125.

наго пѣснотворчества. Замѣчательно, что и школьная муза оживлялась въ эти именно моменты подъема народнаго духа. Мы остановимся на школьныхъ виршахъ, созвучныхъ съ народною музою въ изображеніи наиболѣе выдающихся моментовъ въ исторіи Украины. Мы разумѣемъ хмельницину и гайдамачнину—двѣ эпохи сходныя между собою во многихъ отношеніяхъ. „Такія-же побужденія, такія-же страсти, говоритъ Костомаровъ, какія отличали хмельницину, дѣйствуютъ и въ гайдамаччинѣ: та-же отъявленная ненависть къ панамъ, шляхтѣ, католическому духовенству и іудеямъ, тѣ-же кровавыя, часто грязныя сцены убійствъ, грабежей, мучительствъ, разореній панскихъ усадебъ и костеловъ,—тѣ-же ужасныя казни, слѣдовавшія, какъ репрессаліи отъ поляковъ, въ случаяхъ укрощенія мятежей,—то-же упорство со стороны южноруссовъ“¹⁾.

Вирши о Хмельницкомъ встрѣчаются большею частію въ лѣтописяхъ, именно у Ерлича и Грабянки. Обычная тема этихъ виршей—прославленіе Хмельницкаго за то, что онъ „искоренилъ Унію, гонилъ ляхи зъ жидами и прочіи народы подъ такими види“²⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ виршей напоминаютъ искренностію тона народныя думы:

«И ты, Чигирине, мѣсто Украинне, не меншую славу.
Теперь въ собѣ маешь, коли оглядаешь въ рукахъ булаву.
Зацного Богдана, мудрого гетмана, доброго молодця,
Хмельницького чигиринського, давного запорожця³⁾».

Такое-же изобиліе эпитетовъ, приложенныхъ къ имени Хмельницкаго, встрѣчаемъ и въ думѣ:

«Та хотя жъ бувъ панъ Хмельницькій,
Жытель чыгыринський,
Козакъ лейстровый,
Пысарь вийськовный,

¹⁾ Костомаровъ, Исторія козачества по памятникахъ оживн. народнаго творчества, отдѣльный оттискъ, стр. 140.

²⁾ Лѣтопись Грабянки: похвала виршами Хмельницкому отъ народа мало-россійскаго.

³⁾ Лѣтоп. Ерлича, 312.

Лыцарь добрый,
 Та померь,—
 А тильки его слава козацька—малодецька
 Не вмере, не поляже»... ¹⁾.

Есть и другія въ виршахъ о Хмельницкомъ точки соприкосновенія съ народными думами. Какъ въ виршахъ, такъ и въ думахъ, изъ прозвища Хмельницкаго извлекается извѣстная поэтическая аналогія для изображенія душевнаго состоянія враговъ:

«Высыпався хмель изъ мѣха
 И наробивъ ляхамъ лиха,
 До жовтой водицѣ
 Наклавъ имъ дуже хмелницѣ,
 Не могли на нагахъ стати,
 Волимо утѣкати» ²⁾.

Въ думѣ о Корсунской битвѣ враждующія стороны варятъ вмѣстѣ пиво:

«Не вербы жъ то шумили и не галки закрычали:
 Тожь козаки зъ ляхами пиво варыть зачынали» ³⁾.

Но это пиво не по вкусу пришлось ляхамъ: они начали уходить отъ козаковъ:

«Чомъ вы не дожыдаете»,
 говорятъ имъ козаки,
 «Нашого пыва не допываете?» ⁴⁾.

Какъ въ думахъ, такъ и въ виршахъ, весьма замѣтна склонность торжествующихъ козаковъ къ глумленію надъ побѣжденнымъ врагомъ. Въ одной виршѣ ляхи называются *кур-коидами* ⁵⁾,—въ другой говорится объ этомъ расположеніи ихъ къ куриному мясу слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Историч. пѣсни малорус. народа, Ант. и Дрогоп. т. 2, в. I, 29.

²⁾ Костомаровъ, Исторія козачества по памятникамъ южнор. народнаго творчества, отд. оттискъ, 279.

³⁾ Загребскій, Старосв. бандуриста, 81.

⁴⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 23.

⁵⁾ Та-же статья Костомарова отдѣльный оттискъ, 279.

«Нехай христiяне, ваши подоляне, поросплюжють куры,
Що выловили и выносили ваши дзюры.
А вы въ татарахъ, въ тяжкихъ кайданахъ, до смерти сидите,
Якъ мы одъ васъ, такъ вы одъ насъ, теперъ потерпите»¹⁾).

Въ думѣ о корсунской битвѣ Хмельницкій говоритъ плѣннику своему, гетману Потоцкому:

«Гей, пане Потоцькій,
Чомъ у тебе й доси розумъ жиноцькій?
Не вмивъ ты еси въ Камяпськимъ Подилици пробувати,
Печеного поросяты, курыци съ перцемъ та съ шапраномъ
ужываты,
А теперъ не зумнешъ ты зъ нами, козаками, воюваты,
И жытнѣи соломахи зъ туслукомъ уплитаты.
Хиба велю тебе до рукъ крымському хану дати,
Щобъ навчылы тебе крымсьви нагаи сырой кобылны жоваты»²⁾).

Какъ объяснить это согласіе въ тонѣ и даже въ словесныхъ образахъ между думами и виршами? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ по недостатку хронологическихъ данныхъ о происхожденіи той или другой думы, той или другой вирши. Можно предполагать, конечно, обоюдное вліяніе однихъ произведеній на другія, не менѣе вѣроятно и то, что одно общее настроеніе было причиной этого согласія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана счастливая находка одной вирши, несомнѣнно составленной современникомъ Хмельницкаго. Мы разумѣемъ виршу, которая открыта была А. Петровымъ и напечатана въ Archiv für Slavische Filologie, въ нашей транскрипціи³⁾). Въ подлинникѣ вирша эта носить слѣдующее заглавіе: „Duma kozackaia o wojni s kozakamy nad rikoiu Styru na te nute ou postył bym ia sim ponediłkow osmiiu nediłenky w roku 1651“. Рѣчь идетъ въ этой виршѣ о

¹⁾ Лѣтоп. Ерлича, 313.

²⁾ Зап. о. Юж. Руси, Кулыва, I, 223.

³⁾ 1877 г., Zweit. Band. Вирша открыта была въ книгѣ, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1627 — 1630 гг. подъ заглавіемъ: „De Militia Equestri, antiquâ et nouâ à P. Негмаппо Нугоне“. На пустыхъ страницахъ этой книги написана была вирша латинскими буквами.

пораженіи козаковъ подъ Берестечкомъ. Скоро-ли написана была она послѣ событія, изъ самого текста вирши этого не видно, но, безъ сомнѣнія, написана она была участникомъ въ берестечской битвѣ, что явствуетъ, на примѣръ, изъ такихъ выражений: „вельмы ж мы дыво да на Осолинського, що нас воюеть“, — „Аж бачат Ляхы, що на нас страхи“ и т. п. Къ тому же заключенію приводитъ и множество подробностей въ разсказѣ о ходѣ битвы, съ обозначеніемъ изо дня въ день всего того, что происходило предъ глазами сочинителя, съ наименованіемъ дѣйствующихъ лицъ, съ точной передачей разговоровъ между ними.

Вирша начинается не совсѣмъ яснымъ по смыслу обращеніемъ къ р. Стырю, затѣмъ рѣчь идетъ о замыслѣ Хмельницкаго „на перевозі, чи пакъ въ дорозі короля погромыты“.

«Хан згоду радят, а не порадыт, козаки войну любят:
Ой Коземиру, юж тобі миру с козаками не будет».

Но вотъ

«Середа прыйшла, вся орда прыйшла, Хан и Хміль с козаками».

Съ польской стороны начали битву Конецпольскій и Любомирскій. Кончилась она нерѣшительно. Таборъ козацкій остался цѣль, но козаки должны были отступить къ табору.

«Четвер надходьт, войско выходьт, Хан и Хміль с козаками».

Поляки обнаружили мужество

«Не як під Шилвцями,
Не утікают, кров проливають, и на Татар не дбают».

Пало въ этотъ день много богатырей польскихъ: палъ Казановскій „для обороны польской корони“, палъ Осолинскій, „якъ лях давный и юнак славный“, — едва спасся Сапѣга, благодаря Вишневецкому и Любомирскому, подоспѣвшимъ на выручку. Въ этотъ-же день „пав страх на Хана, слагъ онъ до Гетмана“ съ извѣстіемъ, что онъ уйдетъ съ поля битвы. Хмельницкій едва упросилъ его остаться.

«Въ ийатницю рано ушиковано войско до бою было,
Лахамъ выгода, а нам негода: небо солнце закрыло».

Когда приготовились уже къ бою,
«Довго стоялы, почать боялы, з Ляхама ся не былы,
Аж бачат Ляхы, що на насъ страхы, и до насъ скочылы».

Разсказывається далѣе, какъ Вишневецкій, заклятый врагъ козаковъ, врѣзался въ самую средину козацкаго войска. Завязалась ожесточенная битва:

«Крык труб повстанет, гук за тымъ встанет, дымы день
ясный тмылы,
Стрільці-лячаре, а з діл пожары непрестанно світылы».

Въ самый разгаръ битвы

«Хан утібаєт,
Ляхы гонылы, татаровъ былы, Хан ся не оглядаєт.
Тутъ засъ козаки, хотя й юнаки, ой різко утікалы,
Ляхы гонылы и йіхъ стгынали, ажъ табур розорвалы,
И гды бы почі тьма на помочі козакови не была,
Не одна б маты, гды б кто далъ знаты, козацкая завьла».

О приключеніяхъ Хмельницкаго, который поручилъ командованіе войскомъ полковнику Джеджалыку, а самъ отправился вслѣдъ за Ханомъ, чтобы воротить его назадъ, въ виршѣ ничего не говорится. Заканчивается она изображеніемъ трагическаго положенія козаковъ, которыхъ ляхи „обточылы“. Три раза просили они короля о мирѣ на условіяхъ зборовскаго договора.

«Мовить не даєт, з очу згнаний: «выдайте мы гетмана,
Панов слухайте, старшыну знайте, а идіть быты хана».

На все согласны козаки, только не согласны они отъ старшины своей „отступыты“. Въ отчаяніи рѣшились они загатить болото, которое было въ тылу у нихъ, чтобы вырваться изъ осады. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ они устроили гати не изъ хворосту, котораго подъ рукой не было, а изъ воевъ, кожуховъ, войлоковъ и т. п.

«Ляхы позналы, всі в шыку стали и на насъ пыльновалы,
Козаки же «понеділка ждали,
А в понеділокъ одбіглы діловъ и боршна усѣго,

Перебывайім да погибайім, щасливѣ, що вѣйшов с того.
 Тыї пльвають, до тых стрѣляют, ставыще залывають,
 А других в нестрі, в лісі, як вепрів дикых, забывають...

На этихъ словахъ обрывается вирша. Все въ ней до крайности просто и реально. Разсказъ идетъ бойко и живо, безъ излишнихъ словъ, безъ всякихъ риторическихъ возгласовъ. Въ языкѣ нѣтъ тяжеловѣсныхъ формъ и оборотовъ славянскихъ. Хотя и встрѣчаются по мѣстамъ полонизмы, но они не коснулись фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Вообще же по языку и стилю эта вирша близка къ народнымъ пѣснямъ. Авторъ ея, очевидно, подражалъ стихотворному размѣру одной изъ этихъ пѣсень, имѣя въ виду даже мотивъ ея. Размѣръ тотъ (5+5+7). Чрезвычайно важно для насъ это обстоятельство. Мы видимъ передъ собою сліяніе виршеваго творчества съ народнымъ, причемъ въ отношеніи къ формѣ центръ тяжести перемѣщается изъ книжной среды въ народную. Мы присутствуемъ какъ бы при самомъ зарожденіи тѣхъ произведеній виршеваго искусства, которыя съ теченіемъ времени превратились въ народныя пѣсни. Судя по наличному факту, не всякая вирша могла быть усвоена народомъ: для этого нужно было, чтобы составитель вирши самъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ стихотворному размѣру народной пѣсни. Мы не нашли нашей вирши въ народной переработкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, не мало есть пѣсень историческаго содержанія, въ которыхъ проглядываетъ виршевая основа. Такова, на примѣръ, изъ эпохи Хмельницкаго извѣстная пѣсня о Перебийносѣ: „Не дывуйтеся, добрии люде, що на Украины повстало“. По размѣру она близка къ виршѣ о берестечской битвѣ (5+5+8), но дѣло не въ томъ: въ нѣкоторыхъ вариантахъ ея встрѣчаются такія формы, какъ *злякнешиз, спаднешиз* ¹⁾,—въ другихъ—такія слова, какъ *жызность, юнакъ* ²⁾. Нужно замѣтить при этомъ, что это послѣднее слово составляетъ исключительную принадлежность виршей. Въ разобранной нами виршѣ о берестечской битвѣ оно одинаково прикладывается къ полякамъ и козакамъ. Всѣ эти

¹⁾ Зап. о Юж. Руси, Кулиша, I, 272.

²⁾ Лисенко, Збір. українс. пісень, I, 28.

слова и формы ясно указывают на виршевое происхождение этой нѣкогда популярной въ народѣ пѣсни ¹⁾).

Любопытно, что авторъ вирши о берестечской битвѣ самъ назвалъ свое произведеніе *думой*. Извѣстно, что первое упоминаніе о думахъ встрѣчается въ *Анналахъ польскаго историка Сарницкаго* подъ 1506 годомъ. Особенности думъ по Сарницкому слѣдующія: 1) общественное содержаніе ихъ (тѣ думы, о которыхъ говоритъ онъ, сложены были по поводу смерти двухъ воинственныхъ братьевъ-юношей въ борьбѣ съ Волохами); 2) элегическій характеръ и 3) печальный мотивъ ихъ; 4) жестикуляція при исполненіи думъ. Самое названіе этого рода произведеній Сарницкій считаетъ туземнымъ: *elegiae, quae dumae Russi vocant* ²⁾. Тотъ же нѣжный элегическій характеръ напѣва приписываютъ думамъ и болѣе поздніе писатели польскіе: таковы были въ XVI и XVII вв. подольскія думы, о которыхъ говоритъ въ переводѣ Аристотелевой политики польскій философъ Petrus ³⁾. Въ одномъ польскомъ стихотвореніи (Иеронима Морштина 1606 г.) *дума* входила въ обиходъ козацкой жизни, какъ ея необходимая принадлежность, при чемъ она игралась на трубахъ. Въ томъ же стихотвореніи думы называются военными псалмами ⁴⁾. Какъ видно, думы слагались еще при жизни воспѣваемыхъ героевъ: такъ, по свидѣтельству „Краткой исторіи о бунтахъ Хмельницкаго“, невѣста Тимофея

¹⁾ Считаемо необходимымъ высказаться здѣсь по поводу вопроса о поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, затронутого издателями Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа еще въ 1874 — 1875 гг. Предполагали они въ концѣ наданія помѣстять эти думы и пѣсни съ примѣчаніями о томъ, почему они считаютъ ихъ поддѣльными. Но такъ какъ изданіе не окончено, то заподозрѣнныя думы и пѣсни до настоящаго времени состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ въ ожиданіи окончательнаго приговора. Судъ, во всякомъ случаѣ, не скорый и не совсѣмъ милостивый. Мы тоже не сомнѣваемся въ поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, но для всесторонней оцѣнки ихъ въ неопредѣленномъ будущемъ, позволяемъ себѣ выразить съ своей стороны желаніе, чтобы ученые, которые когда нибудь займутся этимъ вопросомъ, имѣли въ виду высказаннаго нами въ изслѣдованіи нашемъ соображенія о старинныхъ книжныхъ влияніяхъ на пѣснотворчество народное.

²⁾ См. нашъ Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 289.

³⁾ *Słownik języka polskiego*, Linde, 1807 г., I, 549.

⁴⁾ *Iagić, Gradia za Historiju slovinške narod. poesije*, 76.

Хмельницкаго наканунѣ свиданія съ нимъ велѣла пѣть о немъ *думу козацкую*¹⁾. Вообще же въ польскомъ языкѣ *дума*, по объясненію Линде, основанному на значеніи этого слова у старинныхъ писателей польскихъ, есть *elegia rycerska, niбу zamysłona pieśń*²⁾. Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, можно полагать, что 1) родиной думъ была земля подольско-галицкая: и теперь народъ различаетъ въ Галиціи *думы* отъ *думокъ*; „дума, говоритъ Головацкій, это, по мнѣнію народа, *добра, поважна пѣсня*; напѣвъ ея тоже важнѣе, протяжнѣе“³⁾; 2) думы въ старину, какъ и теперь въ Галиціи, были пѣсни эпического содержанія, растворенныя однако же лирическимъ настроеніемъ, свойственнымъ элегіи; 3) въ козацкую эпоху народной жизни явились думы *войсковыя, козацкія*; 4) отъ южноруссовъ эта форма поэзіи перешла въ польскую литературу, гдѣ тоже явилась *дума*—конечно, не въ видѣ народнаго произведенія, а въ видѣ пѣсни меланхолическаго характера, сочиненной личнымъ авторомъ. Подъ вліяніемъ установившагося въ польской литературѣ понятія о думѣ и названа думой вирша о битвѣ берестечской.

У старинныхъ малорусскихъ писателей дума существеннымъ образомъ отличается отъ вирши. Въ лѣтописяхъ Грабянки и Велички собрано не мало виршей, которыя такъ и называются *виршами*,—думой же у Велички называются вирши пѣсеннаго размѣра, предназначенныя для пѣнія. Такъ, онъ говоритъ, что епископъ львовскій, Іосифъ Шумлянскій „новій унѣять и похлѣбца людскій“, состоявшій при королѣ Собѣскомъ во время похода его на турокъ подъ Вѣну, „на досаду гетману Самойловичу зложилъ собою *думу* альбо *пѣсню* такую“. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой *думы*—*пѣсни*:

¹⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 44.

²⁾ Słownik, Linde, 1807, I, 549. Раховскій, писатель польскій, жившій при Сигизмундѣ III, назвалъ свою пѣснь о татарскихъ разореніяхъ въ землѣ польской, съ воззваніемъ къ мести, думой. См. Encyklopedia powszechna, Ozełbranda, т. VII, 591.

³⁾ Народныя пѣсни Галиц. и Угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. II. Послѣсловіе, 10.

«Жался, Боже, жался, Боже, на гетмана,
 Самойловича Ивана!
 Що заказаль христїяномъ,
 Пойти противъ бѣсурманомъ!
 О тожь бачишь, о тожь бачишь, що ся стало:
 И безъ тебе ся надало
 Королевѣ и Полякомъ,
 Кавалеромъ и юнакомъ»...

и прочая, долго тоей пѣсни *албо думи*“, не безъ досады прибавляетъ лѣтописецъ ¹⁾).

Въ такомъ родѣ *думы-пѣсни* нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ XVII и особенно XVIII в. Къ этому разряду произведеній полукнижного, полународнаго характера можно причислить извѣстную пѣсню Мазепы, а также стихотворенія А. Марковича, Н. Ханенка, священника Некрашевича и многихъ другихъ большею частію безыменныхъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній отличаются глубоко-народнымъ колоритомъ мысли и рѣчи, хотя и не вошли они во все-народное употребленіе.

Мы остановимся на пѣсняхъ этого переходнаго типа изъ эпохи Гайдамачины.

Вотъ предъ нами страдальческій образъ мліевскаго ктитора Данила Кушника, казненнаго въ м. Ольшаной за то, что при отобраніи въ м. Мліевѣ одной изъ церквей подъ Унію онъ своими непосвященными руками снялъ съ жертвенника св. чашу и спряталъ ее у себя въ коморѣ, чтобы не досталась эта святыня уніатамъ. 29 іюня 1766 г. согнали множество людей въ обозъ regimentаря польскихъ войскъ Воронича для созерцанія этой ужаснѣйшей казни. Въ сказаніи о мученіяхъ его говорится, что преступнику сперва обвертѣли руки пенькою, осмолили смолою и зажгли, и когда обгорѣли руки, то отсѣвели ему голову и вбили на колъ для устрашенія упрямыхъ схизматиковъ ²⁾. Тотчасъ послѣ событія сложена была пѣсня, глубоко

¹⁾ Лѣтоп. Величел, т. II, 535.

²⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г., кн. 2.

искренняя по тону, но съ ясными признаками авторской руки ²⁾).

«Учынылы вражи ляхы у Вильшани славу
 Да отвялы Данылау Млиевському главу.
 Тило его повелилы огнемъ испалыты,
 Главу его а до пали изъ гвоздемъ прыбыты.
 Вражи сыны жыдыченькы тоди израдили,
 Якъ ктытора Даныла на пали узрили.
 А у той часъ страхъ великый людымъ завдавалы,
 Усихъ людеи до едности на виру наvertsалы.
 Сподивалысь на йгомена, що винъ заратуе,
 А винъ тилькы издачы по Украйни да ляхивъ дратуе.
 Заплакалы стари людеи малыи диты:
 Горе, горе намъ на свити, що нигде прожыты!» .

Игуменъ, упоминаемый въ пѣснѣ, есть никто иной, какъ извѣстный архимандритъ Мелхисидекъ Значко-Яворскій, который завѣдывалъ православными церквями на правой сторонѣ Днѣпра по порученію переяславскаго епископа Гервасія, подвластнаго Россіи. Заступничество Мелхисидека въ Петербургѣ и Варшавѣ за православныхъ, подвластныхъ Польшѣ, только дразнило ляховъ, какъ говорится въ пѣснѣ. Да и что могъ сдѣлать Мелхисидекъ, когда могущественная Екатерина II въ вопросѣ о диссидентахъ встрѣтила со стороны польской шляхты рѣшительное противодѣйствіе? Въ 1667 году она провела въ Варшавскомъ сеймѣ актъ въ пользу диссидентовъ: въ отвѣтъ на это сформировалась въ томъ же году барская конфедерація, поставившая задачей своей вооруженное сопротивленіе вмѣшательству русскаго правительства во внутреннія дѣла Польши, которая, по мнѣнію конфедератовъ, не должна была дѣлать постыдныхъ уступокъ иновѣрцамъ. Противъ конфедератовъ двинуты были русскія войска,—и мы имѣемъ пѣсню виршеваго склада объ осадѣ ими г. Станиславова, защищаемаго конфедератами. По обстоятельности и документальности разсказа пѣсня эта напоминаетъ думу о берестечской битвѣ.

¹⁾ Пѣсня эта открыта въ рукописномъ сборникѣ П. А. Лукашовича, съ отмѣткой, что она списана съ сборника 1767 г. Киевс. Страница, 1886 г. Январь.

Приступили, говорится въ пѣснѣ, москали къ осадѣ Станиславова во вторникъ.

«У середу рано стали ся сходити
 Всѣ ляхи до купи: «що будемъ робити?»
 Единъ мовить: «биймо!» десять: «утѣкаймо!»
 А сто каже: «всѣ до духа москалямъ поддаймо!»
 Москалѣ волають, абы выходили
 Всѣ ляхи изъ града, которіе тамъ были;
 Панъ староста Блонскій сердца добуває,
 Староста Святинскій отъ страху вылѣває.
 Почали стрѣляти, на плаць выходити,
 А не единъ мислитъ, якъ бы добре втекти.
 Мусѣли ся бити увесь день доволѣ,
 А въ вечеръ zostали москалямъ въ неволѣ.
 Любилисте, ляхи, добре людей грабовати,
 Любите жъ въ неволѣ у насъ zostавати.
 Любилисте исти гуси, кури много,
 Днесь сидѣть въ неволѣ, не нжде николи»¹⁾).

Въ послѣднихъ словахъ пѣсни звучитъ таже язвительная нота укоризны ляхамъ за насиліе и чревоугодіе, которая подробно развита въ думахъ и пѣсняхъ о Богданѣ Хмельницкомъ и сподвижникахъ его.

Наконецъ, въ 1768 году наступила кровавая расправа, извѣстная въ исторіи подъ именемъ *уманской рѣзни*. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого событія сочинена была пѣсня, не успѣвшая еще отшлифоваться въ народномъ употребленіи, но за то вполне свободная отъ преувеличеній, свойственныхъ часто народной пѣснѣ. Въ этой послѣдней говорится, напри-
 мѣръ, что Максимъ Желѣзнякъ „зібравъ війска сорокъ тысячъ“²⁾,—
 тогда какъ въ виршевой пѣснѣ ватага Желѣзняка ограничена
 всего тысячею человекъ. Рассказывается въ ней далѣе, что
 послѣ нѣкотораго раздумья, куда идти, гайдамаки направились
 въ Умань.

¹⁾ Рукописн. сборн. Кибальчича, № 77.

²⁾ Лисенко, Збірникъ пѣсень, I, 33.

«Въ Умань же мы пішли,
Тай почалы штурмоваты,
Тамъ багато панівъ найшли,
Та давай имъ нижки росправляты».

Хотя слова „мы пішли“ даютъ нѣкоторое основаніе считать автора участникомъ этого похода, однако же изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что пѣсня сложена по слуху, такъ какъ въ ней предводители отдѣльныхъ гайдамацкихъ ватагъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, сведены подъ Умань вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтой.

«Ой пішовъ Швачка голкою шыты,
Ляхивъ, жыдивъ по Умані лупыты;
А нашъ Неживый цокоче,
Ажъ Умань зубамы скриточе.
А Журба ходячы зажурывся,
Що, головко бидна, Умань загорився.
Та въ бандуру мицно грае,
Себе, возака, писнею розважае».

Впрочемъ, неточныя показанія пѣсни о совмѣстномъ дѣйствіи Швачки, Неживаго и другихъ подъ Уманью находятся во внутреннемъ согласіи съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ этотъ періодъ времени отдѣльные *ватажки* дѣйствовали по общему плану и взаимному соглашенію.

Есть еще одинъ эпизодъ въ этой пѣснѣ о какомъ-то сотникѣ Метлицѣ, который, повидимому, готовъ былъ противодѣйствовать гайдамакамъ, и за это убитъ былъ Желѣзнякомъ и Швачкой. Передъ смертію Метлица говоритъ предводителямъ гайдамацкимъ:

«Слухай, Максиме, Швачко й Неживый,
Бодай же кинецъ вашъ бувъ нудный та гиркий! 1).

На этотъ эпизодъ намекаетъ другая пѣсня, сочиненная отъ лица одного изъ предводителей, названныхъ Метлицей. Она изображаетъ этого предводителя въ неволѣ, въ оковахъ:

¹⁾ Скальковскій, Наѣзды гайдамакъ, 147—152. Киев. Стар., 1882 г., Сентябрь.

«Литавъ же я на степахъ,

говорить онъ,

Якъ орель крылатый,
А теперь же я въ цепяхъ,
Якъ медвидь мордатый».

Ждетъ опъ неминуемой смерти, и вспомнились ему злобѣщія слова Метлицы... Съ нѣмымъ укоромъ одинъ за другимъ встаютъ предъ нимъ образы невозвратнаго прошлаго. Мелькаетъ въ его воображеніи широкій, вольный Днѣпръ, къ которому обращается онъ съ страстною мольбою:

«Ой, ричка—Днипръ широка,
Течешъ ты въ Чорнее море...
Охъ, визьмы мене зъ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе!»

Жалѣеть онъ, что оставилъ крутые пороги днѣпровскіе:

«Въ тыхъ крутыхъ порогахъ
Вода съ каминямы воюе,
Въ тыхъ зеленыхъ дибровахъ
Сыва зозуленька кукуе...
Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щыру правду мени казала,
Що тамъ було мени жыты
И щастя свое мигъ тамъ зловыты,
Не хтивъ ип знаты,
Та полетивъ на родыну...
Теперь же мени не спийматы
Тую щасливую году»...

Вотъ за это бурное участіе въ судьбѣ близкихъ своихъ, рода-племени своего, и приходится дорого расплачиваться узнику. Онъ долженъ разстаться съ мечтою о счастіи, долженъ подумать о смертномъ часѣ:

«Годи мени козакуваты, говоритъ онъ,
Годи птахомъ въ поли лятаты,
Пора себе въ желиза заковаты,

Пора въ Бога прощениа заробляты,
 Колю бѣ дали прощениа заробыты,
 Бога молитвами вмолаты,
 А тоди хоть умираты:
 Не страшно въ домовыну съ покутою лягаты¹⁾.

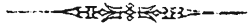
Эта задушевная пѣсня показываетъ намъ, на какую высоту могла подняться виршевая поэзія, проникаясь народным настроеніемъ и затрогивая жизненные вопросы, волновавшіе народную массу. Конечно, по поводу этихъ вопросовъ сочинялись вирши людьми неодинаковаго литературнаго ценза, но, за немногими исключеніями, высокій литературный цензъ находился въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ достоинству самихъ виршей. Поэтическія краски даетъ не школьная наука сама по себѣ, въ ея отвлеченіи отъ жизни, а именно эта самая жизнь, воспроизведенная въ чарующихъ звукахъ роднаго слова, которое стоитъ въ неразрывной связи съ естественнымъ методомъ народной мысли и народнаго чувства. Только тотъ могъ написать виршу, не оскорбляющую поэтическаго чувства, кто зналъ народную жизнь не по наслышкѣ, кто чувствовалъ ея трепетаніе въ своемъ собственномъ сердцѣ. Мы думаемъ, что къ этому болѣе всего способны были грамотные люди, входившіе, такъ сказать, во вкусъ народной жизни. Это были именно тѣ самые странствующіе школьники и имъ подобные просвѣтители народа, о которыхъ мы говорили выше... При всѣхъ своихъ недостаткахъ они принимали живое участіе въ тревогахъ и радостяхъ народной жизни. Сохраняя въ большей или меньшей степени нѣкоторыя культурныя привычки мысли и слова, они не теряли чувства народности, которое постоянно поддерживалось живымъ общеніемъ съ народомъ. На почвѣ этого общенія они вдохновлялись иногда сюжетами исторической важности, хотя произведенія свои, написанныя на историческія темы, они предназначали, повидимому, не столько для школьнаго, сколько для всенароднаго употребленія. Думать надобно, что и составлялись эти произведенія внѣ школьной обстановки, въ тотъ періодъ личной

¹⁾ Киевская Старина, 1882, Сентябрь.

жизни авторовъ, когда они выступали, какъ говорилось въ старину, „збройно и оружно“. Такъ объясняемъ мы сравнительную скудость въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ виршей военно-бытоваго содержанія. Слѣды ихъ существованія можно, однако же, какъ мы видѣли, открыть иногда въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ. Но особенно оцутительно отраженіе виршеваго искусства на языкѣ и стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ. Положительно можно сказать, что это искусство, взятое во весь его объемъ виршей правоучительныхъ, правоописательныхъ и историческихъ, оказало рѣшительное вліяніе на выработку своеобразной поэтической формы думъ.

Откуда же эта форма?

П. Житецкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.¹⁾

И. И. Манжура.

Записи Ивана Ивановича Манжуры часто встрѣчаются въ лучшихъ этнографическихъ изданіяхъ, сборникахъ и изслѣдованіяхъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Г. Манжура собиралъ великорусскій и малорусскій этнографическій матеріалъ; но такъ какъ районъ его экскурсій губерніи екатеринославская и харьковская, въ которыхъ великорусское населеніе встрѣчается лишь мѣстами, спорадически, то и собранные г. Манжурой матеріалы почти исключительно малорусскіе. Около 200 №№ великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ екатеринославской губерніи, переданы г. Манжурой извѣстному этнографу П. В. Шеину. Въ „Русской Старинѣ“ г. Манжура напечаталъ три великорусскія историческія пѣсни: „Осада Смоленска“, „Взятіе Хотина (Кистрина?)“ и „Новороссія“. Большая часть малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ поступила въ 70-хъ годахъ въ Юго-Западный отдѣлъ Географическаго Общества и, по закрытіи отдѣла, была издана отчасти въ „Малор. народ. преданіяхъ и разсказахъ“, отчасти въ „Политич. писняхъ украинскаго народа“. Въ 80-хъ годахъ большой матеріалъ (пѣсни и сказки) поступилъ въ харьковское историко-филологическое общество, которое издало главную часть—сказки, анекдоты и пр. и готовитъ къ изданію сборникъ пѣсенъ. Кромѣ того, небольшіе матеріалы были напечатаны г. Манжурой въ „Кіевской Старинѣ“, „Этнограф. Обзорніи“,

¹⁾ Кіевск. Стар. 1892 г. № 8.

„Живой Старинѣ“, „Степи“ и „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ“. Въ общей сложности матеріалы, собранные г. Манжурой, составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ науку. Научное значеніе этого матеріала опредѣляется не только его количествомъ, но прекрасными внутренними свойствами, точностью записей и сохраненіемъ мелкихъ фактическихъ деталей.

Достоинства этнографическихъ записей г. Манжуры обусловлены прекраснымъ знаніемъ народной рѣчи и пониманіемъ художественныхъ красотъ ея, что въ частности ярко сказалось въ небольшомъ сборникѣ оригинальныхъ стихотвореній г. Манжуры „Степовы спивы та думы“. А. А. Потебня высоко ставилъ г. Манжуру какъ этнографа и какъ поэта. Онъ редактировалъ его сборникъ сказокъ при печатаніи ихъ во II томѣ „Сборника харьк. историко филол. общества“ и издалъ „Степовы думы“. Въ прошломъ (1891 г.) году Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи при московскомъ университетѣ избрало г. Манжуру въ дѣйствительные члены во вниманіе къ его заслугамъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. О новѣйшемъ трудѣ г. Манжуры, сборникѣ сказокъ, изданномъ Ист.-филол. обществомъ, были одобрителные отзывы въ „Этнограф. Обзорѣніи“, „Wisła“ и „Revue des traditions populaires“.

Въ III т. „Исторіи рус. этногр.“ г. Пыпина на стр. 410 находится краткая замѣтка о небольшихъ статьяхъ г. Манжуры въ „Кіевской Старинѣ“. Мы изложимъ сначала біографію г. Манжуры, затѣмъ остановимся на изданныхъ имъ пѣсняхъ и мелкихъ повѣрьяхъ и, наконецъ, разберемъ по возможности подробно его сборникъ сказокъ.

Біографическій очеркъ составленъ нами по свѣдѣніямъ, отчасти полученнымъ отъ г. Манжуры, отчасти извлеченнымъ изъ его стихотвореній въ „Степовыхъ спивахъ“. И. И. Манжура—мой товарищъ по гимназіи; но мы рано пошли разными путями, и своихъ скудныхъ воспоминаній я сюда не вношу.

И. И. Манжура родился въ Харьковѣ въ 1851 г. Семейная обстановка не благопріятствовала успѣшному ходу его развитія. Отъ отца И. И. Манжура унаслѣдовалъ болѣзненное состояніе, лишившее его на всю жизнь обеспеченнаго положенія и житей-

скаго довольства. Въ стихотвореніяхъ „Старый музыка“, „Бояцка писня“ и въ особенности въ стихотвореніи „Незвычайный“ ярко просвѣчиваютъ автобіографическія черты. Первоначальное образованіе г. Манжура получилъ во 2 харьковской гимназій. Увольнившись изъ 5 класса, онъ поступилъ въ ветеринарный институтъ, но вскорѣ оставилъ институтъ и въ 1870—1871 годахъ поселился у своего товарища по гимназій И. А. С. въ его имѣніи въ екатеринославской губ. Съ этого времени, первоначально при содѣйствіи г. С., начались этнографическія экскурсіи г. Манжуры по екатеринославской и харьковской губерніямъ. Г. Манжура вошелъ въ самую глубь народной жизни, проживалъ въ крестьянскихъ хатахъ и на пасѣкахъ и посредствомъ самаго тѣснаго сближенія съ народомъ приобрѣлъ то тонкое и обстоятельное знаніе его жизни, рѣчи, внѣшняго быта, которое обнаруживается въ его этнографическихъ записяхъ и степовыхъ думахъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ г. М. приобрѣлъ сравнительно большую осѣдлость и проживаетъ большею частью въ Екатеринославѣ. Живаго общенія съ народомъ (въ смыслѣ изученія его) г. Манжура не прерывалъ, и нынѣ, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ личной жизни, онъ все еще продолжаетъ свои записи, какъ можно убѣдиться изъ его этнографическихъ замѣтокъ въ „Кіев. Старинѣ“, „Этногр. Обзор.“ и „Живой Старинѣ“ прошлаго и текущаго года.

Этнографическіе матеріалы г. Манжуры распадаются на прозаическіе и пѣсенные. Въ особенности обширнымъ и важнымъ оказывается отдѣлъ прозаическій.

Извѣстный сборникъ „Малор. нар. преданія и рассказы“ (1876 г.), послужившій драгоценнымъ пособіемъ для многихъ ученыхъ, заключаетъ много записей г. Манжуры. По признанію редактора этого сборника *г. Драгоманова* отъ г. Манжуры поступило „особенно много и все превосходнаго качества“. Таковую же оцѣнку сборникъ этотъ встрѣтилъ у *Костомарова* въ „Рус. Стар.“ 1877 и *Др. Веселовскаго* въ „Древ. и Нов. Россіи“ 1877 г. Г. Манжурой сообщены апокрифическіе рассказы (о сотвореніи міра, хожденіи Христа и ап. Петра, Андреѣ Первозванномъ), рассказы о птицахъ (ласточкѣ, сойкѣ, аистѣ) и на-

сѣкомыхъ (комарѣ и оводѣ), извѣстная легенда о стоколосѣ, нѣсколько заговоровъ, много разсказовъ о чертяхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, рядъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ о цыганахъ, великоруссахъ, солдатахъ, нѣсколько историческихъ разсказовъ о Мазепѣ и Паліѣ, о гайдамакахъ, нѣсколько обширныхъ сказокъ, изъ коихъ однѣ миѳическія (поповна въ лѣсу), другія повѣствовательныя (объ умной женѣ) и нѣсколько загадокъ.

Мелкіе народные разсказы изъ записей Манжуры разбросаны въ „Кіев. Стар.“, „Степи“, „Этногр. Об.“ и „Жив Стар.“. Отмѣчаемъ здѣсь ихъ вкратцѣ, сначала прозаическіе, а потомъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ отдѣлуе нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Въ „Кіев. Стар.“ 1888, VIII, 50—53 и въ „Живой Стар.“ 1892, I, 80 напечатаны г. Манжурой нѣсколько малорусскихъ разсказовъ о *богатыряхъ* и богатырскихъ коняхъ. Въ „Кіев. Стар.“ г. Манжура сопоставляетъ великорусскихъ и малорусскихъ богатырей и отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства: малорусскіе лыцари, подобно былиннымъ богатырямъ, исчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ.

Въ „Кіев. Стар.“ 1889, IX, 763—765, находится замѣчательная малорусская легенда о *Петровомъ батогѣ* съ превосходнымъ комментариемъ г. Манжуры, обнаруживающимъ отличное знакомство автора съ степной новороссійской природой, народнымъ міросозерцаніемъ и бытомъ. Варіанты этой легенды отмѣчены нами при обзорѣ статей П. В. Иванова. Этими легендами народъ объясняетъ названіе цвѣтка дикаго цикорія Петровымъ батогомъ и появленіе въ сухое время при восточномъ вѣтрѣ такъ называемой „юги“ (св. Петро вивци гоне). Мы не находили подобныхъ легендъ у другихъ народовъ и склонны къ предположенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ оригинальную малорусскую степную пастушескую легенду, приуроченную къ великому циклу легендъ о хожденіи по землѣ Спасителя и ап. Петра. Искаженіемъ малорусской легенды о происхожденіи юги можно считать бѣлорусскую сказку о томъ, „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли“. Въ этой грубой сказкѣ трудно узнать мягкую и поэтическую украинскую легенду (см. Смоленск. этногр. сборн. *Добровольскаго*, I, 290).

Въ „Кіев. Стар.“ 1890, I, 124—125 находится цѣнная замѣтка г. Манжуры къ вопросу о *кумовствѣ*, гдѣ опредѣляются степени родства по кумовству, признаваемыя народомъ (кумы клыканные, стричанные и одкупные).

Въ „Кіевск. Стар.“ 1890, IV, 161—162 замѣтка о повѣрьяхъ малороссовъ *объ ужѣ, сосущемъ корову*; въ „Кіев. Ст.“ 1890, X, 151 маленькая замѣтка о *полозѣ*; въ „Живой Старины“ 1892, II, 78—79 три разсказа *объ упыряхъ* — варианты извѣстныхъ въ печати. Въ прекратившихся провинціальныхъ изданіяхъ „Степи“ (1885—1886) и „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ“ (1887) находится нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Манжуры, напр. въ 51 № „Степи“ 1886 статейка о *Купалѣ*.

Главный этнографическій трудъ г. Манжуры „Сказки, словицы и т. п., зап. въ екатеринославской и харьковской губерніяхъ“ напечатанъ въ III т. Сборника харьк. историко-филол. общества (1890 г.); въ оттискахъ (200 экземпляровъ) 194 стр. Въ началѣ сборника находится 11 сказокъ животнаго эпоса со многими бродячими литературными мотивами. Остановимся для примѣра на двухъ сказкахъ этого рода, „Довгомудыкъ“ и „Якъ пивныкъ до моря воды ходивъ“.

Сказка „Довгомудыкъ“ (№ 1) слѣдующаго содержанія: Жили дѣдъ и баба. Всѣ куры ихъ были передавлены хоремъ. Дѣдъ рѣшилъ убить хоря. По дорогѣ ему въ товарищи и помощники поступаютъ кизякъ, лычко, кіекъ, жолудь, ракъ и пѣтухъ. Они вошли въ хату хоря, не застали его дома и спрятались: жолудь въ печь, кизякъ за порогомъ, лычко подъ порогомъ, кіекъ на чердакѣ, ракъ въ помойномъ ведрѣ, пѣтухъ на жердочкѣ и дѣдъ на печкѣ. Когда прибѣжалъ хорь, то жолудь треснулъ въ печкѣ и перепугавшійся хорь бросился къ ведру, гдѣ его ущипнулъ ракъ; хорь соскочилъ на жердь, гдѣ его клюнулъ пѣтухъ, бросился къ порогу, споткнулся о кизякъ, запутался въ лычкѣ и былъ убитъ кійкомъ, упавшимъ съ чердака. Дѣдъ снялъ съ хоря шкуру и ушелъ домой.

Сходная великорусская сказка „Баринъ, пѣтухъ и жорновы“ записана въ самарской губерніи. Въ этой сказкѣ пѣ-

тухъ отыскиваетъ у барина свои жорновы; ему помогаютъ лиса, волкъ, медвѣдь, огонь, вода, которые наносятъ барину вредъ по желанію пѣтуха (*Садовниковъ*, Сказки и пред. самар. края, 169).

Есть весьма сходныя польскія сказки. Такъ, въ одной сказкѣ изъ подѣ Кракова дѣйствующими лицами являются конь, волъ, пѣтухъ, котъ и ракъ. Въ другой сказкѣ, записанной у карпатскихъ горцевъ, къ бѣдному мужику присоединяются игла, ракъ, утка, пѣтухъ, свинья, волъ и конь. Они вошли въ одномъ лѣсу въ заклѣтый домъ, гдѣ жили демоны. Конь сталъ въ конюшнѣ, волъ въ сараѣ, пѣтухъ взлетѣлъ на крышу, свинья помѣстилась въ хлѣвѣ, утка подѣ печью, ракъ—въ ведрѣ и игла на скамьѣ. Когда пришелъ чортъ и сѣлъ на скамью, игла его уколола; онъ къ водѣ—ракъ ущипнулъ, жолудь лопаεται и выбиваетъ у чорта глазъ, волъ бьетъ его рогами, конь—копытами и т. д. Чортъ убѣжалъ въ адъ, гдѣ говорилъ, что его уколола игла, а когда онъ хотѣлъ помочить больное мѣсто, кузнецъ (ракъ) ущипнулъ, изъ печи выстрѣлили (жолудь), въ сараѣ ударили вилами (*Zawiliński, Z powiesci i piesni № 5*).

Во французской сказкѣ, записанный въ Лотарингіи, кошка беретъ себѣ въ товарищи пѣтуха, собаку, барана, козла и осла. Въ лѣсу они находятъ домъ воровъ. Воры были перепуганы и разбѣжались, причемъ одного изъ нихъ, который хотѣлъ зажечь свѣчу, кошка оцарапала, пѣтухъ клюнулъ и т. д. Сходныя сказки записаны въ Вестфалии, въ Швейцаріи, у австрійскихъ нѣмцевъ, чеховъ, норвежцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, въ Сициліи и Тосканѣ, въ Испаніи, въ Португаліи и на отдаленномъ востокѣ, въ Японіи и на о. Целебесѣ. Товарищи въ однихъ сказкахъ разгоняютъ демоновъ, въ другихъ воровъ, въ третьихъ волковъ. Въ большинствѣ сказокъ этого разряда товарищество составляютъ одни звѣри, и лишь въ немногихъ являются люди или неодушевленные предметы. Къ польской сказкѣ близко подходитъ нѣмецкая (у Гримма № 41), въ которой также является игла. Подобная сказка находится въ „*Fraschmeuseler*“ Ролленгагена, нѣмецкой поэмѣ 1595 г. (*Cosquin, Contes popul. II, p. 45*). Очень любопытный японскій

варіантъ этой сказки въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ газетѣ „День“ 1891, № 1270 и въ „Москов. Вѣдом.“ 1891 № 332.

Сказка „Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ“ имѣеть столь же много родственныхъ въ словесности другихъ народовъ. Содержаніе сказки состоитъ въ слѣдующемъ: Были дѣдъ и баба, а у нихъ пѣтушокъ и курочка. Курочка подавилась зерномъ, и пѣтушокъ побѣжалъ къ морю просить воды. Море потребовало за воду воловьего рога, пѣтушокъ обратился съ просьбой къ волу; но волъ за рогъ потребовалъ дубоваго жолудя, дубъ—липоваго листа, липа—дѣвичьяго вѣнка. Дѣвушки сплели вѣнокъ; липа за вѣнокъ дала листь и т. д., и когда пѣтушокъ раздобылъ наконецъ воды, то курочку черви съѣли.

Въ варіантѣ этой сказки мышка разбила золотое яичко, что вызвало слезы дѣда и бабы и скрипъ дверей. Двери говорятъ причину, почему онѣ скрипятъ, дубу, послѣ того какъ онъ опустилъ свои вѣтки, дубъ—барану, послѣ того, какъ баранъ сбиль себѣ роги, баранъ—рѣчкѣ, послѣ того какъ она стала кровавой, рѣчка—поповской дочери, послѣ того какъ она согласилась побить посуду, которую пришла помыть, дочка—матери, послѣ того какъ она разбросала по хатѣ рясчину, и, наконецъ попадья сказала попу, послѣ того какъ онъ отрѣзалъ себѣ косу (*Манж.*, 5—6).

Сходная польская сказка „O świnie rydce“: свинья не хочетъ идти съ поля. Пастухъ жалуется на нее собакамъ, на собаку—палкѣ, на палку—топору, на топоръ—кузнецу, на кузнеца—веревкѣ, на веревку крысамъ и мышамъ, на мышей—котамъ, на котовъ—собакамъ. Собаки начали гнаться за котами, мыши грызть веревку и т. д. до свиньи, которая должна была пойти домой (*Chelchowski, Powiesci i opowiadania, I, n. 20*). Сходная также польская дѣтская сказка напечатана въ „*Wiśła*“ 1890, II кн.

Весьма сходныя сказки записаны во Франціи, Италіи, Германіи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи и Индіи. Во французскихъ сказкахъ дѣйствуютъ вошь и блоха или мышь, въ испанской—муравей, сицилійской—кошка. Въ румынской сказкѣ являются также дѣдъ и баба, но вмѣсто умершей

курочки здѣсь утопаетъ мышка, которую они имѣли за ребенка (*Cosquin*, №№ 18 и 74).

Къ малорусской сказкѣ о мышкѣ, разбившей золотое яичко, весьма близко стоитъ слѣдующая индійская сказка, записанная въ Пенджабѣ: Старый воробей оставилъ свою жену и взялъ молодую. Она упала въ воду и утонула. Въ отчаяніи старый воробей вырываетъ у себя перья и садится на дерево, которое, узнавъ о постигшемъ воробья несчастіи, роняетъ всѣ свои листья (та же подробность въ сказкахъ, записанныхъ въ Гессенѣ и въ Каталоніи). Буйволъ пришелъ подъ тѣнь дерева и, узнавъ о несчастіи воробья, сбиль свои роги. Рѣка, изъ которой напился буйволъ, стала плакать такъ сильно, что вода обратилась въ соль; далѣе кукушка вырываетъ у себя глазъ (то же и въ португальской сказкѣ), купецъ отдаетъ голову на отсѣченіе, король и королева танцуютъ до изнеможенія, приговаривая: „жена воробья умерла, дерево потеряло отъ того листья, буйволъ рога“ и пр. Таковы были похороны жены воробья (*Ib.*, I, 206—207).

Двѣ маленькихъ сказки „Павукъ та соплякъ“ и „Бблоха та муха“, въ которыхъ городъ противопоставляется селу, мѣщане—крестьянамъ, отличаются юморомъ. Басня „Блоха и муха“ записана и въ Великороссіи (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самарск. края, 184), но въ болѣе слабой формѣ.

Двадцать двѣ сказки могутъ быть названы миѳическими. Таковы сказки: Чабанецъ, Чорный Иванъ та Золотокудрый Иванъ, о русскомъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, Бѣломъ Полянинѣ и Настасіи Прекрасной, Иванѣ Царевичѣ и красной дѣвицѣ Ясной зорницѣ, Костыниномъ сынѣ, Маркѣ Сучченкѣ, солдатскихъ сыновьяхъ богатыряхъ (котыгороскахъ), царевичѣ Иванѣ и морскомъ чудовищѣ, Иванѣ Поповичѣ, Незнайкѣ, о кобылячемъ сынѣ Кириакѣ, безрукой царевнѣ, дѣдѣ и ракѣ, Божей тросткѣ. Эти сказки отличаются значительной величиной. Во многихъ повторяются одни и тѣ же мотивы: похищеніе красавицы чудовищемъ или змѣемъ и освобожденіе ее богатыремъ, выборъ чудеснаго коня, оживленіе убитаго героя посредствомъ живой воды, принесенной птицей и др. Сказоч-

ныя мотивы этого рода принадлежать къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, и сообщеніе здѣсь литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Такія же сказки записаны у нѣмцевъ (Гриммъ, Кунъ), французовъ (Себильо, Коскенъ, Люзель), итальянцевъ (Питре), чеховъ и албанцевъ (Легранъ, Ганъ), русскихъ (Аванасьевъ), поляковъ (Кольбергъ, Хельховскій), сербовъ (Вукъ Караджичъ), румынъ (Кремницъ), цыганъ (Миклошичъ), монголовъ (Радловъ, Потанинъ), индусовъ современныхъ и древнихъ (Панчатантра). Сходство доходитъ до малѣйшихъ подробностей; напримѣръ, въ ближайшее родство съ Киріакомъ Кобылячимъ сыномъ можно поставить Ивана Медвѣжьяго сына русскихъ сказокъ Jean de l'Ors—французскихъ Giovanni dell'Orso—итальянскихъ, Joan de l'Os—испанскихъ, кобылячаго сына португальской и славонской сказокъ и Fillomusso сынъ ослицы) итальянской сказки. Қоварные друзья Киріака Верныдубъ и Верныгора являются и во французскихъ сказкахъ (Tord—Chêne, Appuie—Mantagne) и въ нѣмецкихъ (Baumdreher, Tannendreher).

Оригинальныхъ чертъ въ мноическихъ сказкахъ, если не считать языка, почти нѣтъ. Изрѣдка обнаруживаются мѣстные особенности народной жизни, напр., въ сказкѣ про Незнайку, находится краткое описаніе свадьбы: „зійшлысь бабуси, липлять шишки, коровой, все шо тамъ треба“. Въ сказкѣ про Безчастнаго Данилу баба-яга проситъ купить червонныя черевички.

Болѣе мѣстно — народнаго заключается въ небольшихъ бытовыхъ сказкахъ и анекдотахъ, занимающихъ большое мѣсто въ сборникѣ г. Манжуры. Въ анекдотахъ мѣстами обнаруживаются дѣйствительныя черты отношенія украинскаго просто-народія къ великоруссамъ и евреямъ, семейное положеніе малорусской женщины, понятія народа о счастливой жизни и пр. Однако и въ анекдотической сферѣ есть чрезвычайно много безразличныхъ въ національномъ отношеніи странствующихъ литературныхъ мотивовъ. Такъ, сказка „Двѣ доли“ имѣетъ близко родственныя литовскія и грузинскую сказки, „Дидъ та ракъ“ — нѣмецкія, французскія, итальянскія, индійскія; „Божа

тростка“—французскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія и румынскія. Даже въ сказкахъ о дурнѣ, а такихъ сказокъ у Манжурѣ около десяти, встрѣчаются странствующие литературные мотивы, и выдѣлить оригинальныя народныя черты весьма затруднительно. Въ одной сказкѣ 11 умныхъ братьевъ ничего не могли купить на ярмаркѣ за обиліемъ народа, а братъ ихъ, дурень, всего накупилъ—соли, меду, баранины, горшковъ, платковъ и скамейку (ослонъ). „Отъ йнде, а ослинъ и миша ему спаты: э, важе, чортивъ ослинъ! я на двоихъ ногахъ та и то бѣ до дому дійшовъ, а ты на чотырѣхъ та недойдешъ?—та взявъ и скинувъ его зъ воза“ (*Манж.* 79). Точно такая же черта глупости выведена въ одной французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи: дуракъ купилъ на базарѣ горшокъ о трехъ ножкахъ. Возвращаясь домой, онъ поставилъ горшокъ на перекресткѣ, сказавъ: „ты на трехъ ногахъ скорѣ меня можеть прійти домой, если захочешъ; теперь посмотримъ, кто изъ насъ скорѣ дойдетъ“, и пошелъ другой дорогой (*Cosquin*, II, 178).

Нѣсколько рассказовъ о чертяхъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ восполняютъ обширную демонологическую литературу немногими чертами. Домовой является иногда въ видѣ пана, спитъ въ печи, имѣетъ холодный задъ. Черти купаются въ глечикахъ не закрытыхъ и не перекрещенныхъ. Вѣдьмы портятъ воровъ, снимаютъ съ неба звѣзды, летаютъ на демонскія игрища. Сказки объ утопленникѣ и о новобранцѣ и вѣдьмѣ, популярныя и въ Великороссіи, нашли прекрасное литературное выраженіе у А. С. Пушкина. Сказка „Вѣдьма прячетъ зори“ представляетъ варіантъ сказки о женщинѣ, заговорившей дождь (напечатана мной въ „Кіев. Стар.“ 1889 г.). Сказка о томъ, какъ морозъ заморозилъ сварливую бабу (*Манж.* 143) встрѣчается у болгаръ и у др. народовъ, о чемъ см. мою статью „Сказанія о займѣ дней“ въ „Рус. Филол. Вѣстникѣ“ 1891, № 3.

Въ сборникѣ г. Манжурѣ находится около десяти сказокъ на темы о женской хитрости и женской невѣрности, темы весьма популярныя, съ большей или меньшей подробностью разработанныя въ устной словесности и письменности многихъ народовъ. Сказка „Якъ вовкы въ хати завелысь“ ранѣе была у же

известна по сборникамъ *Рудченка*, I, № 61, *Чубинскаю*, II, № 39 и *Kulberg'a* („Pokusie“, IV, 185). Любопытна, между прочимъ, сказка „Якъ чоловікъ у коробку стукавъ“: Чумакъ предлагаетъ молодой бабѣ большую сумму денегъ за любовь. Баба притворяется больною и говоритъ мужу: „Мини здається, якъ бы ты взявъ коробку, ходывъ воло хаты та стукавъ у неї, то бѣ може полегло“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. А жена въ его отсутствіе веселилась съ чумакомъ. На другой день чумакъ пошелъ въ церковь и по дорогѣ то заплачетъ, то засмѣется. Мужъ спрашиваетъ его и узнаетъ, что плачетъ онъ, когда вспомнить, что отдалъ бабѣ за одну ночь сорокъ тысячъ, а смѣется, когда вспомнить, какъ баба обманула мужа. Послѣдній догадался, отобралъ у жены деньги и половину суммы возвратилъ чумаку (*Манж.*, 96). Въ одной индѣйской сказкѣ купчиха входитъ въ любовную связь съ сипаемъ. Когда пришелъ мужъ, сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ принесъ апельсины. Жена, чтобы дать апельсиновъ любовнику, сказала мужу: „Давай бросать апельсины въ цыновку. Посмотримъ чья рука вѣрнѣе бросить“. Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется да ѣсть. Мужъ вскорѣ ушелъ, и сипай за нимъ. Сипай сѣлъ въ лавкѣ и сталъ курить, а у самого лицо такое радостное. „Чего ты такой веселый сегодня?“ спрашиваетъ его купецъ. Сипай рассказалъ мужу, который сталъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности, но еще нѣсколько разъ ею былъ обманутъ (*Минаевъ*, Индѣйскія сказки, 44—46).

Къ сказкамъ примыкаетъ небольшой сборникъ повѣрій, заговоровъ, примѣтъ и обычаевъ (около 100 №№). Повѣріе, что круглый перецъ произошелъ отъ слезъ Пресв. Богородицы, представляетъ вариантъ сказаній о плакунъ-травѣ. Значительный интересъ представляютъ народныя названія небесныхъ свѣтилъ и вѣтровъ и мѣстныхъ лѣчебныхъ средства. По мнѣнію народа, „дорога“, т. е. млечный путь, ведетъ въ Іерусалимъ и въ Крымъ, причемъ сообщается любопытная историческая подробность: „якъ бигалы видѣ панивъ, то по ній и шли“ (148). Не лишены интереса по вопросу о способахъ укрощенія змѣй пред-

ставляется народное повѣрье: „якъ смалты ракову шкаралуцу, то гадюки позлазятся до вогню“ (155).

До сихъ поръ въ научной печати не было указаній, чтобы въ южной Россіи существовало гаданіе по внутренностямъ животныхъ, въ частности кабана, обычное у древнихъ грековъ, у многихъ восточныхъ народовъ монгольскаго племени, у современныхъ болгаръ. Въ сборникѣ Манжуры находится слѣдующее сообщеніе по этому поводу: „якъ колють къ Риздву кабана, замѣчаютъ косу (селезенку); якъ къ задѣ товща, ще зима буде товста, а якъ товша, то и зима буде мнякша“ (156).

Нѣсколько поговорокъ и повѣрій представляются загадочными. Одно изъ такихъ повѣрій: „юга—це Петро вивци жене“ (157) разъяснено г. Манжурой въ сентябр. кн. „Кіевской Старины“ 1889 г. на основаніи народнаго же объясненія. Желательно было бы получить разъясненіе и слѣдующей темной поговорки, за которой, повидимому, скрывается цѣлое сказаніе календарнаго характера: „Сишненко (февраль) казавъ: „якъ бы мени батькови лита, то я бѣ быкови третякови ригъ ссадывъ, а дивци семилитци коромысель до плечей приморозывъ“ (156). Можетъ быть, эта поговорка намекаетъ на весьма любопытныя, въ сожалѣнію, собранныя въ небольшомъ числѣ народныя сказанія на тему, почему одинъ мѣсяць, чаще всего февраль, имѣетъ менше дней, чѣмъ другой, рядомъ съ нимъ стоящій. Въ „Romania“ 1889 г. т. XVIII находится цѣнное изслѣдованіе Shaipeanu объ этомъ мотивѣ.

Двѣ страницы занимаютъ „Сны и ихъ значеніе“. Всего 71 толкованіе. Матеріаль совсѣмъ новый. Въ послѣднее время въ этнографіи обращено вниманіе на снотолкованія. Небольшой сборникъ бѣлорусскихъ снотолкованій напечатанъ былъ въ „Этногр. Обзор.“ 1889 г. При накопленіи матеріала представится возможность и въ этой области народовѣдѣнія сдѣлать любопытныя выводы по народной психологіи и исторіи культуры. Въ малорусскихъ снотолкованіяхъ, повидимому, первое мѣсто занимаетъ своеобразная синонимика словъ съ предметами и понятіями, доступными народу, напр., каша—дѣти, голубы—взрослыя дѣти, комашки—родичи, ножъ—несчастье, рыба—дождь,

горы—горе, просо—просьба, громъ—извѣстiе, буря—ссора, судъ—хлопоты, орель—свиданiе съ паномъ, перецъ—печаль. Нѣкоторыя изъ снотолкованiй можно поставить въ связь съ народными повѣрiями и обрядами, напр., когда снится покойникъ будетъ дождь, тызва—сватовство на вдовѣ.

За снотолкованiями слѣдуютъ 400 приказокъ и присловiй съ краткими объясненiями. Въ этомъ отдѣлѣ можно найти много мѣстныхъ народныхъ чертъ. Сюда вошли народныя объясненiя крика разныхъ животныхъ, поговорки про „нюхаривъ“, бранныя слова и проклятiя.

Загѣмъ слѣдуетъ 57 загадокъ. Основа многихъ загадокъ скабрѣзная, а отвѣтъ всегда невинный, напр., „хылы, былы, ходимо до кумы, похитаймо свои жилы“ (ступа) и нѣсколько другихъ подобныхъ на слова: цебро, чобить, коромысло. Загадки такого рода встрѣчаются и у другихъ народовъ, напр., во Францiи (въ Бретани): „Poilu contre poilu qui couvre un petit bonhomme tout nu“ (глаза), или „J'accraupis mon bonhomme et j'assis ma bonne femme; tout ce qui passe entres les jambes de mon bonhomme fait du bien à ma bonne femme“ (треножникъ и кострюля) и мн. др. т. п. (Кроптадиа, II, 102, 103 и др.).

Словарь заключаетъ въ себѣ 585 словъ, записанныхъ г. Манжурой въ александровскомъ, новомосковскомъ и другихъ уѣздахъ екатеринославской губерни. Для этнографа и филолога словарь этотъ представляетъ интересъ, по народному характеру словъ. Какъ извѣстно, малорусскiе словари очень бѣдны въ количественномъ отношенiи и очень неудовлетворительны въ качественномъ. Слова набраны изъ разнородныхъ источниковъ. Наряду съ словами народными идутъ слова, заимствованныя малорусскими писателями изъ польскаго языка или сочиненныя ими. Получается довольно безобразная мѣшанина. Г. Манжура даетъ намъ чистые лингвистическiе матеріалы. Нѣкоторыя слова сопровождаются подробнымъ комментариемъ, именно, слова: „кумъ“, „дубъ“, „клейно“, „гуркало“, „пашенна яма“, „прытмо“ и „пужарь“. При многихъ словахъ поставлены фразы, гдѣ они встрѣчены, что даетъ имъ удовлетворительное объясненiе и живое значенiе. По недосмотру, одно лишь слово „луданы“ остав-

лено безъ всякаго объясненія. Съ этнографической точки зрѣнія значительный интересъ представляютъ мѣстные названія животныхъ и растений: волыкъ, дженчыкъ, келепъ, музыка, неvista, носаль, пичкуръ, полежанъ, попова свинка, турыця. Весьма любопытной въ историко-культурномъ отношеніи представляется мѣстная техническая терминологія. Въ словарь приведено много чабанскихъ словъ, повидимому, татарскихъ (аврякъ, арышь), изрѣдка нѣмецкихъ (овцы кгросы). Встрѣчаются, повидимому, греческія слова (кулѣба—густой кулѣшь). Встрѣчаются любопытные образцы народной этимологіи, напр.: ахтыдубинская (=ахтубинская) селедка, оковирный (=аккуратный).

Многія историческія малорусскія пѣсни, записанныя г. Манжурой, изъ бывшихъ въ Юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества, или остались совсѣмъ неизданными, или вошли въ одно малоизвѣстное и недоступное въ Россіи заграничное изданіе. Пѣсни эти, однако, такого рода, что могли быть изданными и въ Россіи, при данныхъ цензурныхъ условіяхъ, разумѣется, безъ внесенія въ нихъ политическихъ комментаріевъ, большею частью весьма безпочвенныхъ и шаткихъ. Извѣстно о существованіи слѣдующихъ пѣсенъ изъ записей г. Манжуры: варианты къ напечатаннымъ въ 1 т. „Истор. пѣс. малор. нар.“ Антоновича и Драгоманова №№ 6 (о поединкѣ съ турецкимъ царемъ), 44 (о княжескомъ тіунѣ), 16 (о боярскомъ сватанѣ), начало пѣсни „Павлечко коника сидлае“, пѣсня про разрушеніе старой Сѣчи (1709 г.), пѣсня про уходъ запорожцевъ подъ власть турокъ (1709—1712 г.), пѣсня „Та ше не свить“, относимая или къ 1775 или еще къ болѣе раннему времени (1710—1711). Эта пѣсня напечатана въ „Кіев. Стар.“ 1882, II, 435. Далѣе въ печати извѣстны пѣсни о плѣнѣ гайдамаки „Стоить яворъ надъ водою“ и пр. (Относятся ко времени алешковской Сѣчи, 1709—1732, но безъ убѣдительныхъ доводовъ), про возвращеніе запорожцевъ подъ власть Россіи и про Мих. Мих. Голицына (1711—1729). Последняя пѣсня („Зажурилась Украина“ и пр.) представляетъ вариантъ пѣсни, изданной Я. П. Новицкимъ, о чемъ въ своемъ мѣстѣ. Далѣе, упомянемъ изъ напечатанныхъ записей г. Манжуры пѣсню про Морозенка

(„Та литае воронъ“), три пѣсни про Мазепу и Семена Палія, изъ коихъ одна была напечатана въ „Кіев. Стар.“ 1882, III, 612, пѣсню про панщину на гетманщини, пѣсню про дивчину, приглашавшую козака переночевать съ ней, двѣ пѣсни про орла, несшаго руку мертвеца, и три пѣсни про наборъ въ гусары.

Не всѣ поименованныя здѣсь пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ пѣсенъ историческихъ, весьма немногія въ разрядъ пѣсенъ политическихъ, если допустить возможность послѣдняго названія въ области народной словесности. Такъ, пѣсня про дѣвушку, приглашавшую проѣзжаго переночевать съ ней, не имѣетъ никакого историческаго приуроченія. Весьма возможно, что это пѣсня рекрутская. Пѣсня про орла встрѣчается у многихъ народовъ. Въ ней разработанъ общій мотивъ. Большею частью вмѣсто орла является воронъ (см. *Сумцова*, Воронъ въ народ. слов. 14). Въ малорусской искусственной литературѣ отмѣтимъ написанное на этотъ мотивъ стихотвореніе Я. И. Щоголева „Орель“.

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ пѣсенъ о разореніи Запорожья (изъ нихъ одна 1709 г., другая 1775 г.) и трехъ пѣсенъ и легенды о Семенѣ Паліѣ, въ „Кіев. Стар.“ (1883, I) напечатана пѣсня „*про украинскую гетеру*“; но въ своемъ основаніи эта пѣсня, какъ указалъ А. А. Потебня въ „Объясненіяхъ“, II, 665, величальная. Если, можетъ быть, пѣсня эта и примѣнялась къ какой-нибудь особѣ гулящей, то, по крайней мѣрѣ первоначально, не было умыслу представить здѣсь „типъ свободной украинки“, какъ та „Настя кабашна, що до бидныхъ козакивъ нетягъ хоть злая, да й обашна“ (въ думѣ про Хвеська Андибера).

Въ V кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г. Манжура напечаталъ народную приказку о *нюхаряхъ*. Ранѣе у *Драгоманова* былъ напечатанъ народный рассказъ о происхожденіи табака. Г. *Петровъ* въ интересной статьѣ о южнорусскихъ легендахъ (въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.“ 1877, III) высказалъ мнѣніе, что малороссы заимствовали легенды о табакѣ у великороссовъ. Въ послѣднее время записанъ цѣлый рядъ малорусскихъ легендъ, сказокъ и приказокъ, свидѣтельствующихъ, что независимо отъ возмож-

ныхъ заимствованій, можетъ быть даже на ряду съ ними, на украинской почвѣ развилась оригинальная литература о происхожденіи табака, о вуріяхъ и нюхаряхъ, въ зависимости отъ сильнаго распространенія табака среди малоруссовъ и въ особенности среди запорожцевъ ¹⁾). Извѣстны частыя упоминанія о табакѣ и трубкѣ въ популярныхъ народныхъ пѣсняхъ, изображенія люльки на популярной картинкѣ съ играющимъ на бандурѣ запорожцемъ. Въ „Кіев. Стар.“ 1888, II, 20, *Я. П. Новицкій* помѣстилъ небольшой рассказъ о пустынноикѣ, въ которомъ демонъ научаетъ монаха пить водку и курить табакъ. Въ „Екатериносл. Губ. Вѣд.“ 1889 г. № 63, г. *Эварницкій* сообщилъ народную привазку о нюхаряхъ. Въ VIII кн. „Кіев. Стар.“ 1890 года г. *Катрухинъ* напечаталъ народный рассказъ о происхожденіи табака изъ слезъ женщины. Для сравненія укажемъ на великор. и бѣлор. матеріалъ въ статьѣ *П. В. Шемна* „Приговоры и причеты о табакѣ“ въ I вып. 48 т. „Трудовъ этногр. отд. Общ. люб. естеств.“. При широкомъ изученіи предмета нужно было бы привлечь еще довольно многочисленныя старинныя легенды о табакѣ (у *Костомарова*, *Тихонова* и др.).

Кромѣ сборника сказокъ, изданнаго Харьк. истор.-филол. обществомъ, въ распоряженіи общества находится еще большой сборникъ малорусскихъ пѣсень, записанныхъ г. Манжурой въ екатер. и харьк. губерніяхъ, колыбельныхъ, дѣтскихъ, свадебныхъ, семейно-родственныхъ, колядокъ, думъ, присказокъ и приспивокъ, всего 1135 №№. Если напечатать сборникъ цѣликомъ, то выйдетъ книга въ $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{3}{4}$ V тома „Трудовъ“ Чубинскаго; но такое изданіе, слишкомъ обременительное для Общества, и для науки было бы мало полезно, такъ какъ, при ближайшемъ пересмотрѣ, многое окажется уже извѣстнымъ въ печати въ близкихъ вариантахъ. Нагромождать извѣстный матеріалъ въ настоящее время крайне неблагоора-

¹⁾ Пристрастіе запорожца къ люлкѣ прекрасно характеризуется въ слѣдующемъ анекдотѣ: Принесли запорожскому отаману паску на Великдень, а отаманъ вмѣсто того, чтобы разговлѣться, сказалъ: „нехай, козаки, паска постое, а ми перше люльки поцупимъ“ (*Эварницкій*, Запорожье, II, 14).

зумно, такъ какъ и безъ того уже сдѣлано не мало прегрѣшеній этого рода, только затрудняющихъ успѣшное развитіе этнографіи. Въ послѣднее время Общество приступило къ разбору этого обширнаго сыраго матеріала и подготавливаетъ его къ печати. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ въ научномъ отношеніи далеко уступитъ сборнику сказокъ. Историческія пѣсни малочисленны и малозначительны; колядки схоластичны; есть кое-что цѣнное и любопытное въ отдѣлѣ пѣсенъ семейно-родственныхъ, въ присказкахъ и приспівкахъ. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ при тщательной редакціи составитъ цѣнный вкладъ въ этнографическую литературу.

Оригинальныя стихотворенія г. Манжуры (суровые отзывы были въ „Кіев. Старинѣ“ и „Зорѣ“) и нѣсколько передѣлокъ народныхъ сказокъ для народнаго чтенія оставляю въ сторонѣ, такъ какъ эти труды г. М. выходятъ за предѣлы нашего изслѣдованія.

Н. Ф. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу 900-лѣтія черниговской архіерейской каведры.

30 августа сего 1892 г. имѣло совершиться въ Черниговѣ празднованіе 900-лѣтія со времени основанія мѣстной архіерейской каведры ¹⁾. Основаніемъ для сего принято свидѣтельство Степенной книги, въ которой сказано: „Владиміръ посла въ Царьградъ къ патріарху Фотію изъ Корсуня. Фотій созываетъ соборъ и избираетъ на превысокій престолъ нѣкоего мужа свята *Михаила*, иже бѣ родомъ Сиринь, и абіе посла его къ боголюбивому князю Владиміру, съ нимъ же и 6 епископовъ и прочая священнодѣйственные чиновники и причетники. Егда же *Михаиль* прійде въ Корсунь, Владиміръ благочинно его срѣте“... Далѣе повѣствуется, что митрополитъ *Михаиль*, по прибытіи въ Кіевъ съ княземъ Владиміромъ, низвергъ идоловъ, крестилъ сыновъ Владиміра и кіевлянъ; потомъ съ 2 епископами отправился въ Суздальскую область, гдѣ княземъ Владиміромъ основанъ тогда г. Владиміръ; послѣ сего митрополитъ *Михаиль* съ 6-ю епископами и съ Добрынею ходилъ въ Новгородъ и крестилъ его, наконецъ онъ крестилъ ростовскую землю съ 4 епископами. По сказанію той же Степенной книги, по смерти митрополита *Михаила*, прибылъ въ Кіевъ митрополитъ *Леонтій* отъ патріарха *Никола* Хрисоверха въ лѣто 7,499-е (991-е отъ Рожд. Хр.). „Сей *Леонтій* послалъ въ Новгородъ епископа *Іоакима* корсунянина, въ Черниговъ *Неофита*, въ Ростовъ—*Федора*, во Владиміръ—*Стефана* и въ иные грады епи-

¹⁾ По обстоятельствамъ времени отложено на 15-е мая 1893 г.

скопы“¹⁾. Въ позднѣйшихъ спискахъ Степенной книги, вмѣсто Леонтія, поставленъ Михаилъ. Никоновская лѣтопись повторяетъ сказаніе Степенной книги²⁾, прибавляя епископа Никиту, поставленнаго митрополитомъ Леонтіемъ въ Новгородъ.

Но Степенная книга, очевидно, смѣшиваетъ перваго русскаго митрополита съ епископомъ Михаиломъ, посланнымъ въ 862 г. въ Кіевъ отъ патріарха Фотія для крещенія Кіевской Руси при Аскольдѣ и Дирѣ, и императора Василя Македонянина, современника патріарха Фотія, отождествляетъ съ императоромъ Василюемъ Болгаробойцею, современникомъ св. Владиміра. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что при св. Владимірѣ, вскорѣ послѣ его крещенія, были уже у насъ епископы и митрополиты, такъ какъ въ древней нашей лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой, говорится въ 996 г. о епископахъ, съ которыми Владиміръ совѣщался объ установленіи казни для разбойниковъ³⁾. Первоначальная Новгородская лѣтопись и древнѣйшіе списки Владимірова Устава полагаютъ прибытіе 1-го митрополита Леонтія въ Кіевъ въ 991 году; слѣдовательно къ сему же времени нужно отнести и учрежденіе первыхъ епархій въ русской церкви, кромѣ епархіи кіевской, которая не могла не начаться одновременно съ крещеніемъ кіевлянъ при св. Владимірѣ въ 988 году. Если для крещенія Руси при Аскольдѣ и Дирѣ признано было въ Константинополѣ послать епископа, какъ свидѣтельствуется о семъ самъ патріархъ Фотій, то тѣмъ болѣе требовалось сдѣлать это спустя 100 лѣтъ, когда крещеніе принималъ вмѣстѣ со всѣмъ государствомъ такой могущественный князь, какимъ былъ Владиміръ, вступавшій притомъ въ родство съ Византійскимъ императорскимъ домомъ. За учрежденіемъ митрополичьей каѳедры въ Кіевѣ, должна

¹⁾ Степен. книга 1775 г. стр. 140—152. Степенная книга составлена изъ разныхъ лѣтописей по мысли и начертанію моск. митрополита Макарія (1542—1564 г.) въ царствованіе Іоанна IV. Степенною названа потому, что въ ней означены степени или поволенія государей (всего 17) до 1559 г.

²⁾ Тоже повторено въ Густынской лѣтописи, Синописѣ, Палαιοдин и въ предисловіи къ печатному Патерику Печерскому.

³⁾ Лѣтопись по Илат. списк. С.-Петербур. 1871 года, стр. 87.

была получить свое начало и іерархія черниговской области или епархіи, такъ какъ Черниговъ, послѣ Кіева, былъ однимъ изъ главныхъ городовъ Руси.

Иной вопросъ, кто былъ 1-мъ епископомъ черниговскимъ. Степенная книга, какъ упомянуто выше, говоритъ, что митрополитъ Леонтій, прибывши въ Кіевъ въ 991 г., посла въ Черниговъ—*Неофита*, въ Владиміръ—*Стефана*, въ Бѣлгородъ—*Никиту*. Но древняя наша лѣтопись упоминаетъ объ этихъ епископахъ не въ концѣ X, а въ концѣ XI вѣка, именно о Неофитѣ черниговскомъ епископѣ и Никитѣ бѣлгородскомъ епископѣ говоритъ въ 1071 г., а о Стефанѣ волинскомъ епископѣ въ 1091 году, раньше же о епископахъ этого имени на тѣхъ каедряхъ въ ней не говорится. Въ Румянцевскомъ Хронографѣ и въ Синодикахъ монастырей Любечскаго, черниговскаго Елецкаго и Новгородъ-сѣверскаго хотя первымъ въ ряду черниговскихъ епископовъ стоитъ „Неофитъ“, но за нимъ слѣдуютъ епископы Іоаннъ (1089—1091 г.) и Θεоктистъ 1113 г., извѣстные въ эти годы изъ древней лѣтописи, тоже и въ Синодикѣ черниговскаго Спасскаго собора, съ тою только отмѣною, что первымъ черниговскимъ епископомъ стоитъ здѣсь Исаія, а Неофитъ вторымъ. Такимъ образомъ можно думать, что имена первыхъ черниговскихъ епископовъ намъ неизвѣстны. Въ „Описаніи черниговской епархіи“—преосв. Филарета черниговскаго, епископъ Неофитъ 1071 г. названъ Неофитомъ 2-мъ, а Неофитомъ 1-мъ признается епископъ этого имени, бывший, по сказанію Степенной книги, при митрополитѣ Леонтій; а между Неофитомъ 1-мъ и Неофитомъ 2-мъ поставлены: Мартирій и Θεодуль, взятые изъ Никоновской лѣтописи. Но Неофита 2-го нѣтъ ни въ Степенной книгѣ, ни въ Никоновской лѣтописи, ни въ древнихъ Синодикахъ черниговской епархіи.

Древнѣйшій храмъ Чернигова, Спасекій соборъ.

Учредители епископской каедры въ г. Черниговѣ, безъ сомнѣнія, позаботились устроить здѣсь и епископскій храмъ, соотвѣтствующій достоинству города и епархіи, захватывавшей

въ свой кругъ Курскъ и Рязань. Но первый каѳедральный здѣсь храмъ, вѣроятно, былъ срубленъ изъ дерева, и уже сынъ св. Владиміра Мстиславъ, утвердившись на черниговскомъ княженіи, заложилъ въ Черниговѣ обширный каменный храмъ св. Спаса, но не успѣлъ окончить до своей смерти, послѣдовавшей въ 1034 году. Стѣны этого храма были выведены, по выраженію лѣтописи, выше, чѣмъ можетъ достать человѣкъ, стоя на конѣ ¹⁾. Окончаніе Мстиславова храма приписываютъ въ Черниговѣ Святославу Ярославичу, бывшему черниговскимъ княземъ съ 1054 по 1073 годъ, а подъ конецъ жизни (1073—1076 г.) захватившему кievскій великокняжескій престолъ старшаго брата своего Изяслава. Чтобы примирить свое предположеніе объ окончаніи черниговскаго собора Святославомъ съ тѣмъ фактомъ, что Ярославъ, по кончинѣ Мстислава, сталъ единовластителемъ русской земли и былъ таковымъ до своей смерти въ теченіе 20 лѣтъ, описатели черниговскаго Спасскаго собора строятъ новое предположеніе, будто Ярославъ поручилъ черниговское княжество сыну своему Святославу тотчасъ по смерти Мстислава ²⁾. Но они опускаютъ изъ виду, что Святославъ, родившійся въ 1027 г. ³⁾, въ годъ смерти Мстислава имѣлъ только 7 лѣтъ отъ роду и слѣдовательно не могъ распоряжаться постройками, и игнорируютъ лѣтопись, которая ясно говоритъ, что Ярославъ раздѣлилъ русскую землю между своими сыновьями при смерти своей и въ это время далъ Святославу въ удѣлъ Черниговъ ⁴⁾. Остается признать, что черниговскій Спасскій соборъ окончаніемъ своимъ обязанъ великому князю кievскому Ярославу, который въ то же время приступалъ къ постройкѣ Кіево-Софійскаго собора ⁵⁾ и не могъ допустить,

¹⁾ Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 105.

²⁾ Описаніе чернигов. епархіи—Филарета, кн. 5. стр. 3. Тоже буквально въ Описаніи черниг. соборовъ—графа Милорадовича.

³⁾ Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 105.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 113.

⁵⁾ Заложеніе Кіево-Соф. собора слѣдуетъ признать въ 1034 г., послѣ побѣды надъ печенѣгами, а не въ 1036 г., такъ какъ подъ симъ годомъ говорится въ лѣтописи не только о заложеніи, но и украшеніи золотомъ и иконами.

чтобы гробъ брата его Мстислава оставался долго въ неоконченномъ соборѣ.

Черниговскій Спасскій соборъ стоитъ на возвышенномъ берегу Десны, въ бывшемъ кремлѣ Чернигова, онъ представляетъ собою весьма внушительное зданіе въ формѣ удлиненнаго прямоугольника въ 15 саж. высоты, съ 3 закругленіями на восточной сторонѣ и съ 6-ю куполами. Съ западной, сѣверной и южной стороны были при немъ одноэтажныя паперти, но отъ нихъ остались только фундаменты съ закругленіями у алтарныхъ стѣнъ. Храмъ внутри раздѣлялся на три корабля и имѣлъ хоры, которыя, примыкая къ западной стѣнѣ, продолжались на крещатыхъ сводахъ по сѣверной и южной сторонамъ до 1-й пары столбовъ, поддерживающихъ главный куполь. Но, къ крайнему сожалѣнію, обновители собора въ 1792—1798 г. признали за лучшее выломать боковыя части хоръ, оставивъ только западную ихъ часть. На сѣверной и южной сторонахъ уцѣлѣли отъ хоръ между передними столбами только четыре колонны внизу и четыре надъ ними, по парѣ, внизу и вверху на каждой сторонѣ, всего 8 штукъ ¹⁾). Нижнія колонны, какъ говорятъ, были круглыя краснаго мрамора; нынѣ онѣ обложены кирпичемъ съ отшлифовкой штукатурки подъ мраморъ; эта обкладка сдѣлана для предохраненія этихъ колоннъ отъ разрушенія послѣ пожара, бывшаго въ соборѣ въ 1750 году, когда онѣ потрескались отъ сильнаго огня. Верхнія колонны сложены изъ кирпичей и каждый изъ нихъ, подобно верхнимъ колоннамъ Кіево-Софійскаго собора, состоитъ изъ 3-хъ пилястръ съ полуваликомъ посрединѣ каждой пилястры. Въ промежуткахъ между верхними колоннами, которыя правильнѣе назвать столбами, въ нижней ихъ части вставлены парапеты краснаго шифера съ рисунками, подобныя парапетамъ на хорахъ Кіево-Софійскаго собора. На одной изъ переднихъ колононъ до пожара 1750 г. видны были высѣченныя въ мраморѣ греческія

¹⁾ А не 16-ть, какъ значится въ Описаніи черниг. епархіи—Филарета черниговскаго, и повторено въ позаимствованномъ изъ него „Описаніи черниговск. соборовъ“— графа Милорадовича и Черниговск. Епарх. Извѣстіяхъ 1892 года.

буквы φ і, по толкованію мѣстныхъ археологовъ значащія 510, а съ прибавленіемъ къ этимъ цифрамъ 6 (тысячнаго числа, якобы опущеннаго для краткости письма) 6500 лѣтъ отъ сотворенія міра или 1002 отъ Рождества Христова. Послѣдней цифрой якобы указывался годъ заложенія этого храма или по крайней мѣрѣ годъ, въ которомъ высѣчены эти колонны. Толкованіе довольно мудреное, а намъ проще кажется, что будвами φ і (510) означенъ здѣсь счетъ колоннъ, высѣченныхъ въ извѣстной мѣстности, или вообще изготовленныхъ кусковъ мрамора.

Стиль всей постройки зданія византійскій. Кирпичъ въ стѣнахъ собора тонкій, квадратный, растворъ извести желтоватый, смѣшанный съ толченымъ кирпичемъ; ряды кирпичной кладки смѣняются рядами булыжнаго камня вложеннаго въ растворъ извести; слой извести между кирпичными рядами около 2 вершковъ. На сѣверо-западномъ углу уцѣлѣла башня или вежа, которою всходили на хоры, подобная существующимъ при Кіево-Софійскомъ соборѣ, при великой церкви Кіево-Печерской Лавры, въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и при соборахъ древнихъ новгородскихъ монастырей Юрьевского и Антоніевского. Но верхняя часть этой башни передѣлана въ стилѣ готическомъ, совершенно отличномъ отъ византійскаго. Для симметріи въ прошломъ столѣтіи придѣлана и другая башня на юго-западномъ углу собора въ томъ же стилѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ двѣ такія башни на фасадѣ зданія даютъ собору видъ римско-католическаго храма или кирхи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Спасскій соборъ былъ росписанъ фресковою живописью по стѣнамъ; но пока слѣдовъ ея не обнаружено. Иконостасъ собора въ 3 яруса, рѣзной въ стилѣ рококо съ позолотой, устроенъ въ 1798 г. при преосвященномъ архіепископѣ Викторѣ Садковскомъ, а стѣны росписаны въ 1818 г. при преосвященномъ архіепископѣ Михаилѣ Десницкомъ. Нельзя сказать, чтобы иконостасъ, при всей художественности своей, соответствовалъ архитектурѣ этого храма.

Въ отдѣльномъ вѣтѣ помѣщается замѣчательная мозаическая икона Св. Христова Николая въ золоченой рамѣ съ эма-

левыми украшеніями, пожертвованная собору дворянствомъ черниговской губерніи въ ознаменованіе 25-лѣтія славнаго царствованія императора Николая Павловича. Стоимость этой иконы съ кіотомъ исчисляется въ 7,750 рублей.

Въ Спасскомъ соборѣ погребены черниговскіе князья:

- 1) Въ 1034 г. Мстиславъ Владиміровичъ ¹⁾.
- 2) Въ 1076 г. Святославъ Ярославичъ.
- 3) Въ 1078 г. Глѣбъ Святославичъ, убитый на Заволочьи: „положенъ за Спасомъ“.
- 4) Въ 1115 г. Олегъ Святославичъ „у гроба отца своего“.
- 5) Въ 1150 г. св. Игорь Ольговичъ „положенъ у Спаса въ теремѣ“ ¹⁾.
- 6) Въ 1198 г. Ярославъ Всеволодовичъ, сынъ вел. князя кіевского Всеволода Ольговича; „положенъ въ церкви св. Спаса, въ епископіи“.
- 7) Въ 1245 г. Михаилъ Всеволодовичъ (сынъ Всеволода Святославича Чермнаго) и бояринъ его Феодоръ, умученные въ Ордѣ. Мощи этихъ мучениковъ находились въ семь соборѣ до 1572 г., а въ этомъ году, по повелѣнію царя Іоанна IV, взяты въ Москву и находились сначала въ храмѣ ихъ имени на Тайницкихъ воротахъ, потомъ въ Срѣтенскомъ соборѣ, наконецъ положены въ соборѣ Архангельскомъ, гдѣ и нынѣ находятся.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 105. ²⁾ Тамъ же, стр. 139. ³⁾ Тамъ же, стр. 140. ⁴⁾ Тамъ же, стр. 203; ⁵⁾ Тамъ же, стр. 283; ⁶⁾ Тамъ же, стр. 474.

¹⁾ Подъ теремомъ, въ которомъ положены мощи св. мученика Игоря Ольговича, убитаго мученически 1147 г. въ кіевск. Феодоровскомъ монастырѣ, нужно разумѣть сѣнь или балдахинъ, устроенный внутри собора для положенія сихъ мощей, подобный серебряному терему, который хотѣлъ устроить посреди Вышгородской церкви Владимиръ Мономахъ для мощей св. мученикъ князей Бориса и Глѣба. (Лѣтопись по Ипат. сп., стр. 202). Потому въ лѣтописи сказано не о погребеніи Игоря Ольговича, а о перенесеніи *мощей* его „отъ Семена, изъ Копырева конца“, въ Черниговъ братомъ его Святославомъ Ольговичемъ въ 1150 г. Гдѣ эти мощи нынѣ, неизвѣстно. Исканіе фундаментовъ терема въѣ стѣнъ собора и вслѣдія другія о немъ предположенія напрасны.

Помѣщики и духовенство въ юго-западномъ краѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

(БЫТОВОЙ ОЧЕРКЪ).

Въ историческихъ судьбахъ южной и западной Россіи духовенство играло весьма замѣтную и очень часто благородную роль. Дѣятельность лицъ, принадлежавшихъ къ этой средѣ, не разъ оказывала рѣшительное вліяніе на ходъ событій, и неудивительно, если этимъ лицамъ принадлежатъ многія свѣтлыя страницы въ исторіи. Возьмемъ, напр., такую крупную фигуру, какъ Петръ Могила. Одно преобразование на европейскій ладъ кievской академіи, получившей съ тѣхъ поръ прочную организацію и ставшей центромъ южно-русской образованности, можетъ составить неувядаемую славу. А развѣ менѣ славна его дѣятельность на польскихъ сеймахъ, гдѣ онъ, аристократъ по рожденію, выступалъ на защиту правъ народныхъ? Припоминаются и личности другаго склада, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, истаго демократа, этого анахорета—публициста, громовыя посланія котораго звучали рѣзкостью и горячностью глубокоубѣжденнаго человѣка и производили необыкновенную сенсацію своею крайнею смѣлостью. Несомнѣнно, что благородные порывы подобныхъ дѣятелей, возбуждая и воодушевляя все общество къ напряженной дѣятельности, особенно были дороги той средѣ, въ которой и для которой они работали. Они давали ей руководящія идеи, возбуждали энергію, старались поднять эту среду на подобающую высоту.

Были однако среди южно-русскаго духовенства и теченія другого рода. Возвеличивая подвиги такихъ лицъ, какъ Петръ Могила, исторія записала на своихъ скрижаляхъ также имена Кирилла Терлецкаго, Ипатія Потѣя, которые изъ своекорыстныхъ побужденій измѣнили народнымъ стремленіямъ и втоле-нули народную жизнь въ совершенно чуждыя для нея рамки. Принятая и подписанная ими унія съ римско-католическою церковью была источникомъ большого народнаго горя. Да и сами уніаты очутились въ довольно комическомъ положеніи: ни отъ своихъ, какъ слѣдуетъ, не отстали, ни къ католикамъ по надлежащему не пристали. Но формально они все таки были ближе къ католикамъ, и это обстоятельство особенно неблагопріятно отразилось въ быту сельскаго духовенства. Издавна существовавшее патрональное право помѣщиковъ связывало руки духовенству и ставило его въ большую зависимость отъ своихъ патроновъ. Тяжесть этой зависимости сдѣлалась особенно ощу-тительною въ то время, когда вслѣдъ за присоединеніемъ западно-русскаго края къ Россійской имперіи было поведено дѣло воссоединенія уніатовъ съ православіемъ, или, какъ въ то время говорили, возвращеніе ихъ „на благочестіе“. Духовенство тогда увидѣло себя поставленнымъ между двухъ огней: съ одной стороны, народныя симпатіи и убѣжденія командированныхъ высшею духовною властью лицъ влекли его къ „благочестію“; съ другой, оно слышало угрозы помѣщиковъ запечатать церковь и обратиться въ костель, или отнять у священника церковныя земли и т. п. Если мотивы перваго рода брали верхъ и священникъ съ прихожанами присоединялся къ православію, то эти угрозы во множествѣ случаевъ приводились въ исполненіе; иногда просто между помѣщикомъ и священникомъ возникали недоразумѣнія, которыя, съ теченіемъ времени, все больше и больше осложнялись разными побочными фактами и наконецъ выростали въ слѣдственное дѣло. Обращаясь къ подобнымъ дѣламъ конца прошлаго столѣтія, извлеченнымъ изъ архива волынской духовной консисторіи, мы и намѣрены сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тогдашнихъ отношеніяхъ между священниками и помѣщиками.

I.

Въ то, не столь далекое отъ насъ, время порядковъ опредѣленія на приходъ былъ совсѣмъ не таковъ, какъ теперь. Если теперь кандидатъ священства, кромѣ прошенія къ мѣстному архіерею, отъ воли котораго всецѣло зависитъ его судьба, ничего больше въ рукахъ не имѣетъ, то тогда онъ являлся съ цѣлымъ ворохомъ документовъ, носившихъ большею частью названіе „презентальныхъ бумагъ“, или просто „презентъ“. Сюда входило представленіе благочиннаго, или духовнаго правленія, заручное прошеніе отъ прихожанъ, посвидѣтельствовавшее тѣмъ же благочиннымъ, разныя одобрительныя свидѣтельства отъ сосѣдей, или отъ лицъ, у которыхъ кандидатъ состоялъ раньше на службѣ, увольнительныя школьныя свидѣтельства, если они имѣлись, и т. д. Къ числу этихъ бумагъ принадлежала одна, носившая спеціальное названіе „презенты“: это именно рекомендація, или просто согласіе со стороны помѣщика. Во времена уніи этотъ документъ имѣлъ громадное, почти рѣшающее значеніе, такъ что безъ него едва ли какое-нибудь ходатайство могло увѣнчаться успѣхомъ. Съ воссоединеніемъ уніатовъ въ 1794—95 годахъ „презента“ начинаетъ, повидимому, терять свою прежнюю силу, хотя формально она все таки не изгнана изъ числа необходимыхъ „бумагъ“. Поэтому въ брацлавской духовной консисторіи всякаго кандидата обязательно допрашивали, имѣетъ ли презенту отъ мѣстнаго владѣльца; не смотря на часто встрѣчающійся отрицательный отвѣтъ, его однако рукополагали. Въ волынской духовной консисторіи такого вопроса не предлагали, но ходатайству помѣщика за извѣстнаго кандидата мѣстное начальство придавало особенный вѣсъ. Подобное ходатайство всегда удовлетворялось и кандидатъ могъ быть увѣренъ, что не потерпитъ фіаско. Въ ставленническихъ дѣлахъ того времени нерѣдко можно встрѣтить такую резолюцію: „священ. Лаврисевичу по желанію двора и прихожанъ быть навсегда въ любомльскомъ приходѣ“¹⁾, или „свящ. Анишкевича въ сход-

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 485.

ство желанія житинскаго владѣльца и прихожанъ на житинскій приходъ перевестъ“¹⁾). Такимъ образомъ архіерей, какъ видно, считалъ крайне важнымъ ходатайство помѣщика за излюбленнаго кандидата, если каждый разъ съ торжествомъ указывалъ на это обстоятельство.

Бывали и такіе случаи, что какой-нибудь, напр., Горскій назначенъ и уже рукоположенъ на приходъ въ м. Полонное. Но онъ не торопится къ мѣсту своего новаго служенія и не уѣзжаетъ изъ Острога, гдѣ происходила вся процедура возведенія его въ священство. Въ ближайшемъ къ Острогу м. Межиричѣ, расположенномъ отъ города всего въ $\frac{1}{2}$ верстѣ, вакантно священническое мѣсто и онъ находитъ для себя болѣе выгоднымъ попасть именно сюда, а не въ Полонное. И вотъ отъ имени громады старшій братчикъ подаетъ архіерею прошеніе въ этомъ смыслѣ. Священникъ, вѣроятно, соображалъ, что его стремленія нѣсколько уклоняются отъ обычной нормы, что поэтому трудно рассчитывать на достиженіе цѣли безъ посторонней поддержки. Онъ, конечно, старается заручиться этого рода поддержкой—и что же? Достаточно было письма къ епархіальной власти даже не самого помѣщика гр. Ферзена, которому тогда принадлежало это мѣстечко, а только его управляющаго, чтобы хлопоты новорукоположеннаго священника не пропали даромъ²⁾).

Но всѣ подобные случаи носятъ спорадическій характеръ и не являются выраженіемъ какого-нибудь строгаго и точно установленнаго принципа. Слѣдовательно быть или не быть извѣстному кандидату на томъ или другомъ приходѣ не зависѣло абсолютно отъ воли помѣщика. Однако, въ силу установившихся традицій, властная рука помѣщика постоянно напоминала о себѣ и не разъ крѣпко давала себя чувствовать. Это послѣднее надо разумѣть не въ переносномъ только, а въ самомъ буквальномъ смыслѣ, что мы въ своемъ мѣстѣ и подтвердимъ соответствующими фактами. А теперь мы хотѣли бы

¹⁾ Арх. вол. дух. копс. № 540.

²⁾ Ibid № 571.

обратить вниманіе на то общеизвѣстное обстоятельство, что польскіе помѣщики отличались необыкновенною своенравностью. Это черта, въ полной мѣрѣ проявлявшаяся въ отношеніяхъ ихъ къ крестьянамъ, угнетающимъ образомъ дѣйствовала и на духовенство. Какія причудливыя формы принимали иногда панскіе капризы, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Схабѣцкій, владѣлецъ с. Янковецъ, житомирскаго уѣзда, установилъ у себя такой порядокъ, что дьячки должны были нести парикмахерскія обязанности. На случай надобности онъ и требовалъ ихъ къ себѣ. Исполненіе этихъ обязанностей было особенно затруднительно въ воскресные и праздничные дни. Помѣщику и его прислугѣ съ утра надо непременно побриться, а дьячкамъ какъ разъ въ это время необходимо быть въ церкви... Что тутъ дѣлать? Но помѣщикъ не останавливается надъ этимъ вопросомъ, а велитъ насильно брать изъ церкви дьячковъ. Случилось, что дьячокъ не хотѣлъ пойти въ дворъ для исполненія своихъ обязанностей и получилъ за это 50 плетей. Тому же помѣщику вздумалось однажды заказать литургію въ праздникъ Рождества по новому стилю. Священникъ получилъ увѣдомленіе объ этомъ уже послѣ полуночи и заявилъ, что онъ не приготовился и потому не можетъ служить. Тогда помѣщикъ велѣлъ нѣсколькимъ изъ своихъ крѣпостныхъ идти къ дому священника, всю ночь до разсвѣта стучать въ окна и двери и кричать:— „Добродзю, добродзю! чи буде завтра служба?“ Тѣ, не смѣя ослушаться панскаго приказанія, все это разумѣется продѣлали съ пунктуальною точностью¹⁾.

Вообще паны не могли помириться съ тѣмъ взглядомъ, что личность священника для нихъ неприкосновенна; они смотрѣли на него, почти какъ панъ на подданнаго, и иногда практиковали по отношенію къ нему такія же мѣры взыскапія и наказанія, какими усмиряли своихъ крѣпостныхъ. Не ограничиваясь этимъ, строчили еще отъ имени громады жалобу на священника и обвиняли его предъ начальствомъ въ разныхъ проступкахъ. Въ 1796 году крестьяне с. Сарнъ ровен. уѣзда

¹⁾ Арх. вол. дух. воев. № 499.

подали еп. Варлааму прошеніе съ обвиненіемъ свящ. Тарановскаго въ вымогательствахъ, побояхъ, присвоеніи церковныхъ денегъ. Священникъ при слѣдствіи кое-что, болѣе мелкое, признавалъ, чтò покрупище—отвергалъ, но большею частью оправдывался тѣмъ, что все это было еще во времена уніи. Когда стали допрашивать свидѣтелей, то оказалось, что во всемъ этомъ дѣйствуетъ тайная пружина помѣщика Прушинскаго, который давно уже хочетъ выжить священника и однажды какъ то заявлялъ благочинному: „я его за 5 денежокъ зъ Сарнъ выкидаю“. Такъ, по крайней мѣрѣ, показали свидѣтели. „Свидѣтелие съ громады на тое признали, что правдиве священникъ отповѣдаетъ, а то помѣщика робота, понеже онъ хотѣлъ его еще въ уній будущаго казнити, ѥ зъ Сарнъ вигнать, яко ѥ чинилъ, же въ темници его держалъ, ѥ разныі обиди ему діелалъ, ѥ теперъ хочеть тое самое діелать“¹⁾. Кромѣ содержанія подъ арестомъ, возможны были и наказанія другаго рода. Помѣщикъ с. Губчи староконст. уѣзда Грохольскій, взводя на священника обвиненіе въ разныхъ мнимыхъ провинностяхъ, совсѣмъ не подтвердившихся потомъ на слѣдствіи, въ родѣ того, напр., будто священникъ „безъ числа прихожанъ здирае за самоменше дѣло“ и т. п., добавляетъ: „въ чемъ я онаго попа и наказовалъ“²⁾. Не извѣстно, какъ здѣсь понимать наказаніе: въ смыслѣ ли евангельскаго наученія, или въ видѣ внушенія розгами; но если помѣщикъ, не стѣсняясь ничѣмъ, заключалъ священника въ „темницу“, то на этотъ разъ не будетъ слишкомъ смѣлой гипотезой предполагать, что при случаѣ могли быть пущены въ ходъ и розги. Послѣ этого мы нисколько не удивимся, если узнаемъ, что иногда панъ, въ пылу запальчивости, обращался къ священнику съ такою, напр., угрозою: „я тебе убью, какъ у Корчовки убилъ панъ попа, и пропадешъ, какъ собака!“³⁾.

Стремленія пановъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ западно-русское духовенство простирались на все духовное со-

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 534.

²⁾ Ibid. № 651.

³⁾ Ibid. № 621.

словіе. Благодаря этому, дѣло принимало иногда, на теперешній взглядъ, нѣсколько странный оборотъ. Въ нашихъ матеріалахъ есть указаніе, что нѣкоторые паны вербовали изъ дѣтей духовенства кадры своей прислуги. Эта вербовка имѣла какъ будто характеръ періодической и отличалась нѣкоторыми атрибутами рекрутскихъ наборовъ. Захваченные такимъ образомъ поповичи должно быть исполняли роль лакеевъ. Вотъ отрывокъ изъ біографіи свящ. Корниловича. Онъ велъ свое „происхождение отъ родителей статьи духовенской“: его отецъ былъ уніатскимъ священникомъ въ м. Острополѣ. Корниловичъ рано осиротѣлъ, но не смотря на это, все таки былъ отданъ въ любарское училище и уже два года обучался въ инфимѣ латинскому языку. „При выборѣ же кн. Любомирскимъ ко услугамъ его изъ священническихъ дѣтей, въ числѣ протчихъ и онъ взятъ былъ насильно“. Впослѣдствіи онъ получилъ свободу отъ этой службы, обучался церковному уставу при дьячкахъ, затѣмъ три года находился въ уніатской рожницкой семинаріи и наконецъ епископомъ Стефаномъ Левинскимъ былъ рукоположенъ въ священство¹⁾. Какъ относились помѣщики къ другимъ лицамъ духовнаго сословія, напр., дьячкамъ, мы отчасти видѣли: они то возлагали на нихъ совсѣмъ не свойственныя имъ обязанности, то угощали плетями. А между тѣмъ это были большею частью сыновья или братья тѣхъ же священниковъ. Они должны были благодарить судьбу, если въ лицѣ этихъ послѣднихъ имѣли, по праву родства, естественныхъ защитниковъ. Но бывало и такъ, что они ни въ какомъ родствѣ ни съ кѣмъ изъ старшихъ членовъ клира не состояли—и тогда это былъ самый несчастный народъ, какіе то козлы отпущенія, которыми помыкалъ всякій; на нихъ, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шипки валились. Священникъ заставляетъ ихъ работать на себя, помѣщикъ предъявляетъ свои дикія требованія, за неисполненіе которыхъ наказываетъ плетями, а дьячку хотъ разорвись. Вслѣдствіе этого случалось, что дьячекъ никакъ не могъ удержаться въ приходѣ²⁾.

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 655.

²⁾ Ibid. № 499, 427 и др.

О пономаряхъ нечего и упоминать, такъ какъ они весьма часто были изъ вѣрѣстныхъ, „грамотѣ не изучены“ и слѣдовательно къ духовному сословію принадлежали лишь номинально¹⁾.

Не только личность священника и другихъ духовныхъ лицъ не считалась неприкосновенною въ глазахъ помѣщика, но и имущество ихъ не всегда было гарантировано отъ его посягательствъ. У помѣщика, напр., идетъ работа въ полѣ—бороньба, „бороны волочатъ“, а лошади священника въ это время пасутся,—онъ велитъ забрать ихъ и употребить въ работу на своемъ полѣ. А вотъ другой фактъ. Помѣщики собирали тогда особую подать, подѣ названіемъ „коминкове“, которую платили и священники. Съ священника слѣдуетъ, положимъ, 6 золотыхъ, но помѣщикъ требуетъ 12,—и тотъ долженъ заплатить²⁾.

Сдѣланныя нами бѣглыя замѣчанія о положеніи духовенства въ его отношеніи къ помѣщикамъ заставляютъ насъ придти къ тому выводу, что это положеніе было не изъ завидныхъ. Картина въ общемъ довольно печальная, свидѣтельствующая о томъ, какъ принижено было это сословіе и отдано на волю всевозможныхъ капризовъ. Естественно поэтому рождается вопросъ, гдѣ основаніе такихъ ненормальныхъ отношеній. Чѣмъ руководствовался помѣщикъ, если онъ по своему произволу могъ казнить и миловать священника? Одинъ ли произволъ игралъ въ этомъ случаѣ роль, или сюда примѣшивалось еще что нибудь другое? Не было ли основаній для такого образа дѣйствій въ самомъ строѣ церковно-бытовой жизни?

II.

Для правильнаго пониманія обычныхъ отношеній между духовенствомъ и помѣщиками въ концѣ прошлаго вѣка необходимо имѣть въ виду господствовавшія издавна традиціи. Согласно этимъ традиціямъ, панъ, хотя по вѣрѣ былъ и чуждъ

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 655.

²⁾ Ibid. № 499.

народу, все же считался первымъ лицомъ въ приходѣ. Это зависѣло отъ того, что онъ нерѣдко бывалъ фундаторомъ церкви; но еслибы даже онъ и не принималъ прямого и непосредственнаго участія въ ея сооруженіи, то вѣдь строили эту церковь крестьяне, которые составляли его собственность. Ему же принадлежали и результаты ихъ трудовъ, а слѣдовательно церковь, воздвигнутая ими, должна была входить въ сферу вѣдѣнія помѣщика. Во вторыхъ помѣщикъ надѣлялъ церковь землею, которая шла въ пользованіе причта; въ третьихъ, онъ иногда дѣлалъ пожертвованія въ церковь и т. д. Все это вмѣстѣ взятое было для него достаточнымъ основаніемъ считать церковныя интересы прихода близкими себѣ, вмѣшиваться въ эти дѣла и придавать своему голосу первенствующее значеніе. Этому тѣмъ легче было достигнуть, что предъ нимъ настоящіе члены прихода, какъ его подданные, были совершенно безгласны. Потому-то помѣщикъ не обинуясь могъ обращаться въ церковную „карбону“, какъ въ свой собственный карманъ, и брать оттуда деньги на свои личныя надобности. Хорошо еще, если онъ оставлялъ „письменный реверсъ“ во взятіи денегъ, тогда это имѣло хотя видъ одолженія, а не самовольнаго распоряженія церковными суммами ¹⁾. Впрочемъ, одинъ помѣщикъ, на обвиненіе въ обираніи церкви, простодушно объяснялся, что онъ, еслибы даже и желалъ, не могъ пользоваться церковными деньгами, потому что ихъ никогда не бываетъ и „карбона“ всегда пуста ²⁾. Такъ процвѣтали тогда, подъ патронатомъ помѣщиковъ, сельскія церкви! Но если была возможность чѣмъ-нибудь попользоваться, то съ какой же стати стѣснять себя? У помѣщика, напр., балъ, а тутъ не хватило свѣчей: онъ посылаетъ въ церковь и велитъ оттуда „и послѣдніи свѣщы до дому своего брать“ ³⁾.

Существовалъ давній обычай, перешедшій, какъ наслѣдіе уніи, и въ послѣдующія времена, что за каждымъ богослуже-

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 499.

²⁾ Ibid. № 54.

³⁾ Ibid. № 499.

ніемъ имя помѣщика возносилось въ молитвенныхъ призываніяхъ на этеніяхъ ¹⁾. Этотъ обычай служилъ какъ бы всенароднымъ признаніемъ патрональных правъ помѣщика въ отношеніи къ мѣстной приходской церкви и ея служителямъ. Къ священнику помѣщикъ обращался на „ты“ и при случаѣ дѣлалъ, подобно „духовной персонѣ, моральныя“ увѣщанія. Когда однажды происходили частые раздоры между двумя священниками, то помѣщикъ одному изъ нихъ сдѣлалъ замѣчаніе въ такихъ выраженіяхъ: „чего ты, всенже Корниловичъ, съ ксенземъ Томковичемъ клуцѣшься?“ ²⁾ Подобное обращеніе едва ли могло благотворнымъ образомъ вліять на развитіе въ духовенствѣ самосознанія, уровень котораго и безъ того былъ не высокъ. Даже при самыхъ благодушныхъ отношеніяхъ между священникомъ и помѣщикомъ, когда послѣдній не отказывалъ первому въ удовлетвореніи разныхъ случайныхъ просьбъ и бросалъ ему изрѣдка мелкія подачки, въ видѣ воза дровъ и т. п.,—и тогда въ этихъ отношеніяхъ было много холопскаго. Въ лучшемъ случаѣ священникъ пользовался нѣкоторыми матеріальными выгодами и только, но нравственная приниженность оставалась во всей силѣ, а когда рождались какія-нибудь недоразумѣнія, она всецѣло сказывалась и являлась тогда во всей своей неприглядной наготѣ.

Попадались иногда между священниками рѣдкія единицы, которыя, быть можетъ, и не сознавая вполнѣ, чувствовали тяготу этой нравственной приниженности, ея ненормальность и, хотя въ грубой формѣ, но все таки подчасъ заявляли стремленіе высвободиться изъ-подъ панской опеки.—„У меня ваши паны ничего не составляютъ, у меня есть власть“, громогласно заявлялъ одинъ священникъ передъ громадой, стоявшей толпой по выходѣ изъ церкви, и чтобы на дѣлѣ оправдать свое заявленіе, пересталъ поминать на богослуженіяхъ имя помѣщика ³⁾. Такъ же настойчиво и упрямо огрызались священники и въ томъ случаѣ, когда помѣщики возбуждали предъ епархіальною

¹⁾ Арх. вол. дух. ков. № 453.

²⁾ Ibid. № 655.

³⁾ Ibid. № 453.

властью разныя обвиненія противъ нихъ. Если, напр., помѣщикъ указывалъ, что священникъ небрежно ведетъ церковное хозяйство, опустошилъ своимъ скотомъ „двынтарь и на ономъ шпалеръ, съ насажденія разныхъ деревъ сдѣланный“, уничтожилъ, то священникъ въ свою очередь предъявлялъ на слѣдствіи встрѣчное обвиненіе противъ помѣщика и заявлялъ, что онъ грабитъ церковь¹⁾. Особенно много обвиненій противъ помѣщиковъ стало возбуждать духовенство тогда, когда началось воссоединеніе униатовъ и изданы были извѣстные Высочайшіе указы, въ силу которыхъ всякое противодѣйствіе этому дѣлу квалифицировалось, какъ тяжкое уголовное преступленіе. А одинъ священникъ служилъ даже обѣдню, спеціальное назначеніе которой было молиться о ниспроверженіи и истребленіи униатовъ и латинянь. Онъ проклиналъ унию и латинство и за это Богъ тяжело наказалъ, но не священника, какъ бы слѣдовало, а ни въ чемъ неповинную громаду: чрезъ нѣсколько дней выпалъ градъ необычайной величины и совершенно истребилъ посѣвы²⁾. Такъ, по крайней мѣрѣ, жаловался помѣщикъ; священникъ оправдывался, что хотя онъ дѣйствительно служилъ, но никакихъ особыхъ молитвъ, противныхъ православной вѣрѣ, не прибавлялъ, а лишь отклонялъ народъ отъ торжественнаго празднованія Божьяго Тѣла, Десятой Пятницы, памяти

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 427.

²⁾ Ibid. № 543. X. Kałaydowicz 13 Julia, Roku terazniejszego, miał mszą w cerkwi Zaborolskiej, na pobidę Uniatow y Rzymskiego Obrządku ofiarowaną. Wiklinał w czasie mszy Unią y Rzymski Obrządek, za co Bog ukarał zaraz gromadę, ponieważ 17 Julia grad wielkości niepraktykowanej wybił wszystkie zboża w Zaborolu y okna wytłukł. — Фактъ весьма характерный въ бытовомъ отношеніи! До сихъ поръ среди украинцевъ, населяющихъ западно-русскія области, слыно убѣжденіе, что священникъ можетъ совершать службы подобнаго рода. Является, напр., крестьянинъ и заказываетъ обѣдню. — О здравіи или за упокой? — спрашиваетъ батюшка. — Ни, то на черну службу! — Иной новичекъ становится втупиць. Что за оказія, думаетъ, какая такая „черная служба“? А! это, вѣроятно, за упокой, черныя ризы, значитъ, надо надѣвать. Опять начинаютъ разспросы и тутъ то крестьянинъ рѣшается повѣдать свое горе: у него украла лошадей, или таковой-то предполагаемый имъ злой человѣкъ наслалъ болѣзнь на кого-нибудь изъ его семьи — и вотъ онъ твердо вѣритъ, что заказанная обѣдня будетъ способствовать раскрытію преступления и что надъ его обидчикомъ непременно страстется бѣда.

Іосафата и запрещалъ въ эти дни волокольный звонъ. Не дозволялъ также звонить „въ отвращеніе бывшаго града“, такъ какъ въ кievской епархіи, гдѣ онъ раньше служилъ, это запрещено указами благочинныхъ.

Какъ ни велико было у духовенства рвеніе стряхнуть лежавшее на его плечахъ бремя панскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, достигнуть этого было невозможно, потому что сама епархіальная власть отчасти поддерживала существовавшія традиціи. Всякая жалоба помѣщика, нерѣдко явно несправедливая, непременно вызвала строжайшее разслѣдованіе. Это, съ одной стороны, было хорошо, такъ какъ у священника являлась возможность оправдаться и выйти чистымъ изъ бѣды; но, съ другой стороны, это было крайне затруднительно. Вѣдь свидѣтелями по дѣлу бывали, почти исключительно, крестьяне, которые стояли въ зависимыхъ отношеніяхъ къ помѣщику. Боясь впасть у него въ немилость, послѣдствія которой были бы для нихъ весьма печальны, они могли давать пристрастныя показанія. Представители власти сознавали это, но другаго способа къ раскрытію истины не находили. Бывшій тогда волынской губернаторъ Шереметевъ писалъ въ 1795 году епископу житомирскому Варлааму: „Какова бы ни была къ помѣщику людей его привязанность, но показаніе ихъ подѣ присягою должно безъ сомнѣнія быть свидѣтельствомъ ихъ безпристрастія“¹⁾. Дѣйствительно, трудно было иначе доискаться правды, и нужно сказать, что бывали рѣдкіе случаи поразительнаго безпристрастія. Тотъ самый помѣщикъ, который „наказовалъ попа“ за разныя мнимыя провинности, ссылался въ своихъ обвиненіяхъ на громаду и выставлялъ себя въ жалобѣ какъ будто защитникомъ ея. Но громада съ замѣчательнымъ единодушіемъ отвергла всѣ обвиненія помѣщика.—„Кто-сь то несправедливе выдумалъ“, простодушно и единогласно показывали всѣ крестьяне, „чтобы нашъ священникъ былъ пьяница. То якась напасть! Мы того не знаемъ, не вѣдаемъ и первый разъ слышимъ о томъ. То знаемъ достаточне, что онъ до корчмы не ходитъ, а коли бу-

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 54.

ваеть у своихъ прихожанъ на оказіи, мы считаемъ это для себя за счастье. Онъ насъ не здирае и еще часомъ спомогае, по божому зъ нами обходится. За требы беретъ—кто что даетъ, какъ чья сила. Онъ для насъ прикладный и хоба за тое помѣщикъ на него нападаетъ, что за свою працю вѣрную—за взятіе пчель упоминается“.

Брацлавская духовная консисторія, гдѣ разсматривалось это дѣло, какъ видно, не меньше нашего была поражена такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла и въ февралѣ 1797 года сдѣлала довольно интересное постановленіе по этому поводу. Она пишетъ, что обо всемъ этомъ слѣдовало бы сообщить въ брацлавское намѣстническое правленіе для привлеченія къ суду помѣщика Грохольскаго за ложный доносъ на священника Багриновскаго; однако потомъ отказывается отъ этой мысли по слѣдующимъ мотивамъ: „Со входящихъ въ сію консисторію дѣлъ усмотрѣно, что многіе помѣщики въ разсужденіи нетерпимости своей православнаго греко-россійскаго исповѣданія вѣры крайне невинно угнетаютъ разнообразнымы выды, то понеже въ семь дѣлѣ крестьяне своими показаніями вопреки воли помѣщика подвергнули себя его гнѣву, на случай же взысканія съ Грохольскаго за несправедливый доносъ на Багриновскаго, онъ, яко полную власть имѣющій надъ своими крестьянами, не променеть всячески мстить, для того снисходя по челоуѣколюбію и состраданію къ невинно страждущему въ крестьянствѣ люду, оставить сіе дѣло безъ дальнѣйшаго можнѣйшаго бы движенія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ консисторія предписываетъ внушить священнику, дабы онъ, во избѣжаніе подобныхъ доносовъ, „старался быть латымъ, учтивымъ и то бы имъ чинимо было безъ и малѣйшаго поврежденія чести священства или упущенія должности своей“¹⁾.

Вотъ какой примирительной политики должна была держаться даже высшая епархіальная власть! Роковыя обстоятельства были настолько неотразимы, что нечего было и думать о радикальномъ измѣненіи установившагося порядка ве-

¹⁾ Арх. вол. дух. коп. № 651.

щей. Само собою понятно, что низшія церковно-административныя инстанціи смотрѣли на этотъ порядокъ, какъ на нѣчто вполне неизбѣжное. Здѣсь взглядъ на помѣщика, какъ на исключительно компетентнаго и полноправнаго распорядителя церковныхъ дѣлъ, не омрачался никакими уступками. Одинъ благочинный такъ прямо и называлъ помѣщика въ оффиціальной перепискѣ „*rządca cerkiewny*“. Правда, помѣщикъ счелъ ниже своего достоинства это наименованіе и остался имъ недоволенъ. „*Nie byłem ja rządca cerkwi*, писалъ онъ въ своемъ отвѣтѣ, *ale tylko kollatorem; są na to bratczyki, którzy cerkiew w porządku utrzymują*“ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, если благочинный и употребилъ непонравившійся помѣщику терминъ, то суть дѣла нисколько не измѣняется; напротивъ, этимъ еще ярче обрисовывается указанный нами взглядъ, господство котораго довольно рѣзко обнаруживалось и при производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ.

Помѣщикъ, взводя разныя обвиненія на священника, на ряду съ дѣйствительными проступками, обыкновенно указываетъ и разныя невинныя мелочи, которыя только въ его глазахъ являются правонарушеніемъ, но съ точки зрѣнія каноническихъ законоположеній никоимъ образомъ наказуемы быть не могутъ. Между тѣмъ на дѣлѣ и эти невинныя мелочи ставились въ счетъ. Консисторія, получивъ доносъ, обыкновенно отсылала его въ духовное правленіе, которое уже отъ себя поручало произвести слѣдствіе или кому-либо изъ „присутствующихъ“, т. е. своихъ членовъ, или благочинному. Вотъ тутъ-то и открывалось, какъ высоко цѣнились прерогативы панскаго верховенства надъ приходской церковью. Слѣдователь всегда принимаетъ доносъ цѣликомъ и вовсе не дѣлаетъ надлежащаго различенія невинныхъ мелочей отъ дѣйствительныхъ проступковъ; вмѣстѣ съ послѣдними онъ и первыя возводитъ въ криминаль, требуя отъ священника объясненія одинаково какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ. Вотъ, напр., вопросъ, предложенный слѣдователемъ обвиняемому священнику: „Для чего безъ вѣдомости

¹⁾ Арх. вол. дух. кош. № 534.

своего помѣщика и прихожанъ самохотно съ своей стороны ктитора обраблѣ, съ коимъ цѣлости церковной не смотришь и порядка не чинишь“¹⁾. Выборъ церковнаго ктитора (то же, что теперь староста) безъ участія прихожанъ, конечно, дѣло предосудительное, но причеиъ тутъ помѣщикъ, который, какъ ино-вѣрецъ, вовсе не долженъ бы вмѣшиваться въ такіа дѣла? Еще подобный же случай. Было уже замѣчено, что одинъ священникъ, воссоединенный изъ униі, пересталъ поминать своего помѣщика за литургіей, ибо это вовсе не было для него обязательно. Между тѣмъ на слѣдствіи и такое невинное упущеніе засчитывается священнику въ вину, такъ что каждый свидѣтель подробно допрашивается и по этому пункту²⁾.

Естественно, что всѣ эти обстоятельства крайне невыгодно отражались на положеніи духовенства. Гибельныа послѣдствія такого порядка вещей въ достаточной степени обнаружались какъ во время воссоединенія униатовъ, такъ и непосредственно послѣ него.

III.

Хотя воссоединеніе униатовъ съ православіемъ прикрывалось религіозными мотивами и имѣло, повидимому, исключительную цѣлью возвращеніе народа „къ праотеческой вѣрѣ“, однако нельзя отрицать, что въ основѣ его лежали политическіа соображенія. По крайней мѣрѣ, заинтересованныа стороны такъ все это и понимали. Оффиціально объ этомъ не заявлялось, но въ конфиденціальной перепискѣ представителямъ власти не было надобности скрывать свои взгляды на этотъ предметъ и они, не стѣсняясь, высказывали ихъ. Такъ напр., генераль-губернаторъ Тутолминъ въ письмѣ къ епископу житом. Варлааму, указавъ на нѣкоторыа нетактичныа дѣйствія духовенства, требуетъ, „дабы отнюдь не дѣлали они никакихъ въ семь дѣлѣ утѣсненій, не токмо пользы не приносящихъ, но вѣще

¹⁾ Арх. вол. дух. коп. № 499.

²⁾ Ibid. № 453.

вредъ причиняющихъ, и по предмету обращенія униатовъ и вообще по политическимъ видамъ“. Въѣстѣ съ тѣмъ онъ выясняетъ, что „дѣло обращенія къ православію предпринято для произведенія въ народѣ желаемой къ намъ приверженности и для соединенія его съ древними россіянами неразрывнымъ вѣры союзомъ“¹⁾. Что касается поборниковъ уніи, то они считали воссоединеніе униатовъ особымъ проявленіемъ тиранства во вновь прибрѣтенномъ краѣ и старались тѣмъ или другимъ способомъ противодѣйствовать ему. Такъ, когда православное духовенство, собравшись на благочиннической сѣздѣ, призвало униатскаго декана Галятовскаго и упрекало его въ томъ, что онъ у воссоединенныхъ прихожанъ совершаетъ разныя требы, то дзеканъ въ свое оправданіе сказалъ: „когда бѣ и вы подпали подъ такое тиранство, то и вы бѣ то чинили“²⁾.

Горько и тяжело было польскому шляхетству лишиться политической самостоятельности, но фактъ совершился, и однимъ изъ его прямыхъ послѣдствій явилось воссоединеніе униатовъ. Трудно было мириться съ мыслью, что такъ скоро и легко разрушается то, на созданіе чего потрачены были вѣка упорной борьбы и неимовѣрныхъ усилій. Одновременно съ этимъ сглаживались въ значительной степени слѣды политической отдѣльности края. Естественнo поэтому, что у пановъ было сильное желаніе такъ или иначе помѣшати успѣшному ходу воссоединенія. Обычнымъ средствомъ были застрачиванія и угрозы; но они же были и самой безобидной вещью въ томъ, конечно, случаѣ, если не приводились въ исполненіе. Замѣчательно, что даже такіе знатные, богатые и родовитые паны, какъ князь Сангушко не брезгали прибѣгать къ подобнымъ не очень красивымъ приѣмамъ. Когда благочинный изяславскаго округа игумень Виссаріонъ обратился къ громадѣ м. Славуты съ увѣщаніемъ о присоединеніи, то она дала подписку такого условнаго характера, что „мы и радыбѣ присоединытца православію, но ради угрозъ владѣльцовъ нашихъ не желаемъ“.

¹⁾ Арх. вол. дух. ков. № 463.

²⁾ Ibid. № 41.

Угрозы состояли въ томъ, что кн. Иеронимъ Сангушко обѣщалъ отнять у громады приходскую церковь и обратить ее въ католическую каплицу, а княгиня, при проѣздѣ черезъ мѣстечко, громко всѣмъ говорила, что „кто пристанетъ на схизму, будетъ каранъ mocno безъ милости“. Тотъ же князь велѣлъ въ с. Миньковцахъ взять изъ церкви чудотворную икону Богородицы ¹⁾). Лица, завѣдывавшія воссоединеніемъ, въ своихъ донесеніяхъ о ходѣ этого дѣла сплошь и рядомъ заявляютъ, что „прихожане желаютъ присоединиться, но дѣдичи и поссессора до церквей ключей не отдаютъ и не допускаютъ, называя своими, почему оныя и припечатаны“, что вообще „шляхетскихъ сель никакъ добровольно пригласить къ присоединенію не можно, а потому и успѣвать вовся нѣтъ способа“ ²⁾). Когда же, не смотря на всѣ ухищренія, церковь все таки присоединялась къ православію, помѣщикъ пользовался всякимъ, самымъ, казалось бы, ничтожнымъ обстоятельствомъ, чтобы возвратить ее въ прежнее состояніе и иногда, хоть временно, достигалъ цѣли. Случилось, напр., священнику, наблюдавшему приходъ въ одномъ селеніи кременецкаго уѣзда, поѣхать въ гости къ сосѣду. Помѣщикъ тотчасъ вошелъ въ сношеніе съ бывшимъ униатскимъ настоятелемъ этого прихода, отнял у „старшаго брата“ (т. е. старосты) ключъ и опять обратилъ церковь въ унию, такъ что въ ней стало совершаться униатское богослуженіе. Священникъ немедленно донесъ обо всемъ благочинному, и тотъ пріѣхалъ произвести на мѣстѣ разслѣдованіе. Но помѣщикъ отдалъ приказъ эконому и нѣсколькимъ подданнымъ выйти „къ церкви и плебанальному дому съ цѣпами, кіями и другимъ орудіемъ“, дабы не допустить вторичнаго присоединенія церкви къ православію. Однако церковь не долго оставалась въ униіи и въ скоромъ времени, вѣроятно, при помощи земской полиціи, поступила снова въ вѣдѣніе православнаго причта. При этомъ епархіальное начальство предписало благочиннымъ наблюдать, чтобы впредь священники никуда не отлучались

¹⁾ Арх. вол. дух. ков. № 41.

²⁾ Ibid. № 26

изъ своихъ приходоувъ ¹⁾. Такимъ образомъ дѣло обошлось сравнительно довольно легко для священника: его интересы почти не пострадали. Подобныхъ случаевъ было особенно много въ дубенской округѣ. Мѣстный благочинный въ одномъ только 1798 году разослалъ болѣе тридцати бумагу по этимъ дѣламъ въ нижній земскій судъ и разныя другія правительственныя мѣста. Во всѣхъ этихъ случаяхъ паны должны были довольствоваться самымъ кратковременнымъ торжествомъ, такъ какъ церкви скоро вновь перешли въ православіе.

Не вездѣ подобныя дѣла оставались безъ замѣтнаго вліянія на положеніе духовенства. Гораздо чаще бывало такъ, что они затрагивали самыя насущныя его интересы. Панъ старался по возможности насолить священнику и лишить его тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыми онъ раньше пользовался. Такъ, въ силу давно установленнаго обычая, крестьяне давали священникамъ „роковщину“, или, какъ по мѣстамъ ее называли, „снопщину“ ²⁾. Кустинскій священникъ Бродовичъ, 13 лѣтъ состоявшій на приходѣ, все время безпрепятственно пользовался этимъ доходомъ, но по воссоединеніи помѣщикъ запретилъ прихожанамъ дѣлать въ пользу священника сборъ роковщины. Напрасно священникъ пожаловался своему начальству; дѣло отъ того нисколько не улучшилось. Наконецъ, „не имѣя никакой впредъ отрады“, онъ просилъ перевести его въ другое мѣсто, но начальство утѣшило его увѣдомленіемъ, что „о претерпѣваемой имъ обидѣ сообщено гражданскому губернатору“ и тѣмъ дѣло кончилось ³⁾. На ряду съ роковщиной другимъ главнымъ источникомъ къ пополненію священническаго бюджета служили доходы съ церковной земли. Къ умаленію этого источника и направлены были усилія пановъ. Нѣкоторые

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 105.

²⁾ Роковщина въ разныхъ мѣстахъ имѣла различныя формы: крестьяне давали хлѣбъ либо зерномъ, либо снопами. Въ первомъ случаѣ обыкновенно каждый хозяинъ ежегодно давалъ „полкорца (т. е. два четверика) жита или другой пашни“ (Арх. вол. дух. кон. № 81); во второмъ случаѣ давали „отъ полволоки сноповъ пятнадцать, а отъ четвергны — сноповъ восемь“. (ibid. № 543).

³⁾ Арх. вол. дух. кон. № 445.

въ этомъ случаѣ дѣйствовали косвеннымъ путемъ, прикрываясь разными юридическими основаніями; другіе прямо, безъ обиняковъ, отнимали у священниковъ церковныя „грунта“ и присоединяли къ своимъ владѣніямъ. Въ с. Темногайцахъ кремнецкаго уѣзда помѣщикъ Сѣраковскій еще во времена уніи построилъ каплицу, снабдилъ ее землею „по шнуру въ каждую руку“ ¹⁾ и приписалъ къ мѣстной церкви. Приходскій священникъ и пользовался этою землею. Во время воссоединенія помѣщикъ оставилъ каплицу за собой, обратилъ ее изъ изъ униатской въ католическую, а землю, принадлежащую къ ней, отнял у священника. Брацлавская духовная консисторія, изображая опрометчивость послѣдняго, въ своемъ постановленіи говоритъ, что „нѣтъ уже и надежды каплицу на благочестіе присоединить, а посему оной проситель и резона не имѣетъ просить о грунтахъ“ ²⁾. Помѣщикъ Целецкій, также отнявшій часть церковной земли, оправдывался тѣмъ, будто эта земля еще въ 1791 году неправильно захвачена была священникомъ; слѣдовательно, онъ лишь возвратилъ принадлежащее ему по праву ³⁾. Но странно, почему онъ только въ 1795 году надумался возстановлять свои владѣльческія права, нарушенныя еще четыре года тому назадъ? Почему онъ молчалъ все это время и позволялъ священнику свободно располагать частью своего имѣнія? Гораздо проще поступилъ владѣлецъ с. Войтовецъ чудновскаго повѣта графъ Илинскій; онъ не нуждался ни въ какихъ уловкахъ, ибо безъ дальнихъ разсужденій отнял всю землю у свящ. Назаревича, который, въ продолженіе двадцатилѣтняго пребыванія своего на приходѣ, безпрекословно ею пользовался. Священникъ безъ земли не могъ существовать и потому его перевели въ другое мѣсто, а церковь приписали къ сосѣднему селу ⁴⁾.

¹⁾ „Шнуръ“, или 6 дней пахоты, равняется 3—4 десятинамъ, а всего слѣдовательно десятина 10—12.

²⁾ Арх. вол. дух. кон. № 601.

³⁾ Ibid. № 54.

⁴⁾ Ibid. № 454.

Хотя здѣсь духовенство и терпѣло матеріальный ущербъ, но честь и достоинство оставались при немъ и не подвергались униженію со стороны помѣщика. Были случаи, когда помѣщикъ не ограничивался нанесеніемъ имущественнаго вреда духовенству; ему было мало этого и онъ наровиль еще всячески поиздѣваться надъ нимъ. Онъ пускалъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность, чтобы сочинить что-нибудь поостроумнѣе. Таковъ былъ Людвикъ Бардецкій, владѣлецъ с. Авратина чудновской округи. По воссоединеніи онъ сталъ называть священника жидомъ, который отдалъ свою душу дьяволу. Такимъ же эпитетомъ чествовалъ и церковно-служителей. Дворовыхъ своихъ людей онъ не пускалъ къ исповѣди и причастію въ православную приходскую церковь, а отсылалъ въ любарскій базилианскій монастырь. Онъ отягаль у священника всѣ пахатныя и сѣнокосныя земли, присоединилъ къ своимъ и велѣлъ пахать крестьянамъ; при этомъ отдалъ имъ строжайшій приказъ—ни подь какимъ видомъ, даже за плату, не даватъ священнику и церковно-служителямъ ни снопами, ни зерномъ хлѣба изъ предстоящаго сбора. Запретилъ также вывозить дрова для отопленія. Больше всего доставалось пономарю, какъ низшему члену клира; къ тому же онъ былъ, вѣроятно, изъ крѣпостныхъ. Наканунѣ пасхи помѣщикъ призвалъ его въ дворъ и вволю изругалъ не только его самого, но и его вѣру. Безмолвно выслушавъ все, пономарь просилъ, наконецъ, позволенія уйти, такъ какъ было время звонить къ вечернѣ. Тогда Бардецкій далъ приказъ принести конскіе шоры и самъ надѣлъ ихъ на шею пономаря; надѣта была именно та часть упряжи, которая, какъ показали крестьяне, называется „подогоніе“¹⁾. Въ такомъ нарядѣ онъ велѣлъ довести сго въ конюшню, поставить въ стойло и потребовалъ отправлять здѣсь благочестивую службу. Какъ ни принуждали пономаря, онъ, согласно наивному заявленію священника, при всемъ своемъ желаніи не могъ удовлетворить панской прихоти, потому что былъ совершенно негра-

¹⁾ Для незнакомыхъ съ принадлежностями конской сбруи напоминаемъ, что польское слово *ogon* значить хвостъ; отсюда понятно, что такое „подоговіе“.

мотень. Помѣщикъ, вдоволь натѣшившись, отослалъ его пасти конское стадо и тотъ на другой день, т. е. въ свѣтлый праздникъ, вмѣсто исполненія своихъ причетническихъ обязанностей, отправился съ табуномъ лошадей въ поле. Не особенно жаловалъ панъ и дьячка. Придравшись за то, что онъ не заплатилъ денегъ въ „пропинацію или шинькъ“, помѣщикъ однажды насильно взялъ его изъ священническаго дома, всячески ругалъ, а наконецъ велѣлъ снять верхнюю одежду и посадить въ колоду. Ночью дьячекъ ушелъ изъ-подъ ареста и, должно быть, припоминая изъ библіи, что такія мѣста, какъ церковь, всегда пользовались правомъ убѣжища, рассчитывалъ скрыться въ притворѣ. Но нарочно посланные за нимъ шесть человекъ поданныхъ и тутъ нашли его, схватили, причемъ не обошлось безъ драки, и въ концѣ концовъ привели, въ изорванной рубахѣ, предъ грозныя очи помѣщика. Послѣдній приказалъ „нещадно бить его плетми“, а потомъ посадилъ въ колоду, гдѣ и продержали дьячка болѣе сутокъ. Расправляться такимъ же образомъ съ священникомъ было нѣсколько затруднительно, но все таки и ему панъ угрожалъ побоями, приговаривая: „я бивалъ не только благочестивыхъ поповъ, но и архимандритовъ“ ¹⁾.

Скорбь о потерянной политической независимости и ненависть къ новому режиму возбуждала пановъ не только къ издѣвательствамъ, но и къ ужаснѣйшимъ насиліямъ, жертвою которыхъ являлось воссоединенное духовенство. Ничѣмъ инымъ, какъ только этимъ, надо объяснять звѣрское обращеніе помѣщика м. Краснополя житомирскаго уѣзда Гижицкаго съ протоіереемъ Зражевскимъ, который явился сюда для присоединенія прихожанъ. Совершивъ присоединеніе, протоіерей велѣлъ священнику на слѣдующій день служить и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ церковь. Какъ только началась литургія, вдругъ въ церковь врывается помѣщ. Гижицкій съ отрядомъ своихъ поданныхъ. Онъ хватаетъ антиминсъ съ престола, сбрасываетъ агнецъ съ жертвенника и велитъ пришедшему съ нимъ униат-

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 31.

скому попу совершать службу, а затѣмъ обращается къ протоіерею, ругаетъ его, поноситъ архіерея и издѣвается надъ православіемъ, называя его жидовскою вѣрою. Протоіерей хотѣлъ было возражать и защищаться, но на него напали, схватили и поволокли на площадь. Здѣсь помѣщикъ съ своими братьями, прибѣжавшими на эту сцену, стали бить и всячески терзать протоіерея; они рвали ему бороду, таскали за волосы, такъ что онъ дошелъ до безчувствія и не помнитъ, что съ нимъ было. Между тѣмъ помѣщикъ, въ увлеченіи дошедшій до крайней степени остервенѣнія, не зналъ, что дальше предпринять. Когда протоіерей очнулся, то услышалъ, что помѣщикъ выражалъ желаніе или затравить его собаками, или повѣсить; онъ приказывалъ то звать собакъ, то принести веревку. Протоіерей сообразилъ, что смерть стоитъ передъ нимъ лицомъ къ лицу: онъ залился слезами, палъ въ ноги помѣщику и сталъ просить у него помилованія. Тотъ, видно, былъ тронутъ мольбами старца, а можетъ быть, просто отлегло отъ сердца; во всякомъ случаѣ, звѣрское настроеніе его прекратилось и мысли приняли сатирическое направленіе. По требованію помѣщика, подали повозку, въ которой пріѣхалъ протоіерей, и онъ запретъ протоіерея въ корень, а православнаго священника съ протоіерейскимъ секретаремъ въ пристяжныя. Поглумившись вдоволь онъ велѣлъ выпроводить ихъ за околицу. И вотъ протоіерей въ такомъ видѣ долженъ былъ отправиться во-свои¹⁾).

IV.

Была еще одна сфера, на почвѣ которой происходили столкновенія между помѣщиками и священниками. Мы разумѣемъ экономическую сторону дѣла, которая, по видимому, столь далека отъ интересовъ вѣры. При всемъ томъ, церковно-религіозные мотивы примѣшивались и сюда, такъ что въ этихъ столкновеніяхъ мы можемъ замѣтить сплетеніе самыхъ разно-

¹⁾ Фактъ этотъ, заимствованный изъ арх. вол. дух. кон. № 4 за 1794 годъ, взложенъ о. Варварисскимъ въ „Вол. Еп. Рѣд.“ 1871 г. № 6.

родныхъ элементовъ. Чаше всего обнаруживался помѣщичій контроль по поводу той самой обыденной сдѣлки между священникомъ и прихожанами, которая извѣстна подъ именемъ „платы за требоисправленія“. Обыкновенно жалобы на священниковъ за пресловутое вымогательство подавались самими помѣщиками, или если и прихожанами, то подъ прямымъ вліяніемъ и непосредственнымъ руководствомъ помѣщиковъ. Нѣкая, напр., Златолинская жалуется архіерею на священника с. Тесова Кудржинскаго за то, что онъ не хотѣлъ хоронить бабы, пока не дадутъ ему вола. „Дневной грабежъ! возмутительное вымогательство!“ воскликнетъ всякій, не ознакомившійся съ дѣломъ. Въ дѣйствительности же оказывается, что баба, имѣвшая одного только вола, завѣщала его передъ смертью на погребеніе. Громада должна была оцѣнить этого вола и продать; изъ вырученныхъ денегъ одинъ рубль употребить на устройство поминальнаго обѣда, а остальные распредѣлить между братчиками и причтомъ, который, въ дополненіе ко всему, обязывался совершить двѣнадцать заупокойныхъ литургій¹⁾. По смерти завѣщательницы, ея воля была исполнена и громада оцѣнила вола. Священникъ, во вниманіе къ правамъ помѣщицы, предложилъ роднымъ отправиться къ ней съ воломъ и спросить, не пожелаетъ ли она купить его и заплатить деньги, положенныя громадой по оцѣнкѣ. Помѣщица взяла вола, но вовсе и не думала платить денегъ, а заявила, что она отдастъ его своему подданному, который также имѣетъ только одного вола²⁾. Какъ ни почтенно стремленіе помѣщицы увеличить благосостояніе ея подданнаго, но оно внушено не какими-либо высокогуманными, альтруистическими побужденіями, а чисто эгои-

¹⁾ Это изъясненіе дѣла можно привнати вполнѣ согласнымъ съ дѣйствительностію. До сихъ поръ еще зачастую дѣлаются подобныя завѣщанія. Какой-нибудь бодрый старикъ завѣщаетъ или деньги, или что нибудь изъ хозяйства, а то большею частью ульи съ пчелами на похороны. Деньги поступаютъ на храненіе въ перковь, а другіе предметы, еще при жизни старика, переходать въ вѣдѣніе причта. Иногда, задолго до смерти завѣщателя, пчелы, напр., изведутся, но онъ все таки считается свято исполнившимъ свой долгъ.

²⁾ Арх. вол. дух. кон. № 586.

стическимъ разсчетомъ имѣть лишнюю рабочую силу, правоспособную къ отбыванію барщины. Отсюда и возникла жалоба на священника, будто онъ отказался погребать женщину, пока не получитъ за это вола. Подобнымъ же образомъ надо объяснять и обвиненія въ томъ, будто священникъ „безъ числа съ прихожанъ здирае за самоменше дѣло“¹⁾, или „że zdzierstwo pieznosnie czyni od gromady“²⁾, тѣмъ болѣе что эти обвиненія нерѣдко не только не подтверждались, но на слѣдствіи открывалось нѣчто совсѣмъ противоположное, какъ это уже было указано раньше. Между тѣмъ мѣстные обычаи служили иногда весьма благодарной почвой для возникновенія такихъ обвиненій. Если, напр., прихожанинъ устраивалъ по извѣстному поводу обѣдъ и звалъ священника, то это уже считалось достаточной платой для него за совершеніе требы. Въ обвинительныхъ пунктахъ горинородской громады встрѣчаемъ, между прочимъ, такой пунктъ: „Obiad gdy ktury z ludzi sprawuie na tym gdy iest batiuszka prucz jedzenia kaze sobie dać złot jeden, a u nas tego zwyczaju nie było“³⁾.

Изъ многочисленныхъ разсказовъ и воспоминаній достаточно извѣстно, какими жесткими, мучительными сѣтями крѣпостное право опутывало всю жизнь, всѣ отправленія быта крестьянина, какимъ тяжелымъ гнетомъ ложилось оно даже на такую интимную область, какъ заключеніе брачныхъ союзовъ. Помѣщикъ не спрашивалъ у своихъ крѣпостныхъ объ ихъ сердечныхъ влеченіяхъ, а женилъ и выдавалъ замужъ по своему произволу, какъ ему вздумается; безъ его разрѣшенія приходской священникъ не могъ никого обвѣнчать, и по сю пору въ церковныхъ архивахъ, какъ грустное воспоминаніе о быломъ, хранятся массы помѣщичьихъ записочекъ, заключающихъ въ себѣ его согласіе на каждый въ отдѣльности бракъ между его подданными. Если-бы священникъ захотѣлъ нарушить эту пре-

¹⁾ Арх. вол. дух. конс. № 651.

²⁾ Ibid. № 543.

³⁾ Арх. вол. дух. кон. № 657. Какъ ореографію, такъ и образъ выраженія этой тирады оставляемъ на отвѣтственности составителя пунктовъ, который, какъ видно, былъ недостаточно силенъ въ польской грамотѣ.

рогativity панской власти, то помѣщикъ принималъ свои мѣры. Однажды священникъ с. Янковецъ житомирскаго уѣзда Кузьмицкій хотѣлъ было совершить бракъ противъ воли помѣщика. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, послалъ нѣсколько человекъ своихъ подданныхъ въ церкви,—и тѣ должны были стоять у входа съ кіями и во чтобы то ни стало не допустить заключенія брака; они имѣли полномочіе взять невѣсту даже отъ аналая изъ церкви ¹⁾. Тѣмъ болѣе противодѣйствія встрѣчали намѣренія и планы духовенства въ томъ случаѣ, когда подданная извѣстнаго помѣщика выходила замужъ въ другое село, или за человека вольнаго. Здѣсь не только нарушались права помѣщика, но наносился прямой ущербъ его экономическимъ интересамъ: онъ лишался рабочей силы, лишался своей собственности. Но такъ какъ подобныя закононарушенія происходили секретно, то предупредить ихъ не было возможности, а оставалось только заявить по начальству жалобу на дѣйствія священника. Такія жалобы, дѣйствительно, и встрѣчаются. Помѣщикъ с. Саличевъ новгородволинскаго уѣзда донесъ мѣстному епископу Варлааму, что свящ. Игнатовичъ самовольно обвинялъ его дѣвку, которая къ тому же не православнаго, а католическаго вѣроисповѣданія, „а супругъ ея и не принадлежащій до никакого обряда“. Священникъ откровенно сознался, что онъ дѣйствительно обвинялъ отставнаго поручика Шиллинда, по профессіи лѣсничаго, вѣроисповѣданіе котораго ему неизвѣстно. Сдѣлалъ же это потому, что женихъ настойчиво просилъ его, увѣряя, что за это ничего не будетъ. Уличенный, кромѣ того, еще и въ другихъ подобныхъ же проступкахъ, священникъ былъ приговоренъ консисторіею къ слѣдующему наказанію: его оштрафовали положеніемъ ежедневно, въ продолженіе недѣли, по 25 земныхъ поклоновъ и мѣсячной монастырской епитиміей, но по манифесту 20 апрѣля 1801 года, изданному имп. Александромъ I вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ былъ освобожденъ отъ наказанія ²⁾.

¹⁾ Арх. вол. дух. коп. № 499.

²⁾ Ibid. № 600

Къ этой же категоріи относится и довольно любопытное дѣло о женитьбѣ попovichа с. Билашева дубенскаго уѣзда Спольскаго на крестьянской дѣвушкѣ, его односельчанкѣ, подданной Дунина-Карвицкаго. Чтобы подобный бракъ состоялся, женихъ долженъ былъ дать выкупъ помѣщику, заплатить, какъ тогда говорили, „куницу“, или „куничныя деньги“. Въ настоящемъ случаѣ помѣщикъ требовалъ пятнадцать червонцевъ, тогда какъ попovichъ могъ предложить всего четыре. Однажды онъ встрѣтился со священникомъ м. Ворковичъ Пискуновымъ; зашла рѣчь о женитьбѣ, и попovichъ повѣдалъ ему свое горе. Но Пискуновъ повелъ успокоительный разговоръ, обѣщалъ помочь и, сославшись на то, будто онъ имѣетъ указъ духовнаго начальства, предписывающій вѣнчать такіе браки, выразилъ твердое желаніе благословить и этотъ бракъ. Въ условленный день, подъ вечеръ, онъ прибылъ въ с. Билашевъ. Вмѣстѣ съ отцомъ жениха Пискуновъ отправился къ родителямъ невѣсты; здѣсь, какъ кажется, все было улажено и браковѣнчаніе предположено совершить на слѣдующій день. Дѣло было поставлено такъ, чтобы показать видъ, будто все произошло помимо воли и даже совершенно безъ вѣдома родителей невѣсты. Отецъ ея долженъ былъ на это время совсѣмъ уѣхать изъ села на мельницу, понятно, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи была возможность выгородить его отъ отвѣтственности и неизбѣжныхъ придирокъ со стороны помѣщика. На другой день, призвавъ невѣсту въ домъ священника, Пискуновъ сказалъ:—„слыште, я имѣю дозволеніе отъ власти духовной бракъ благословить тебѣ, Мелашко, съ попovichемъ. Когда желаешь, ходи въ церковь; сповидь получите, по исповѣди обвѣнчаю васъ“.—Не могу я того учинить, отвѣчала дѣвка, хотя такъ кажете, понеже панъ мой владѣлецъ не дозволяетъ быть мнѣ въ супружествѣ съ попovichемъ.—„Знай, опять началъ убѣждать Пискуновъ, тебя панъ отдастъ за калѣку, или за кого схочетъ. Теперь маешь часъ иты за того, кого любишь. Ходи въ церковь, призовите люде!“ И такимъ образомъ попovichъ былъ обвѣнчанъ. Помѣщикъ заявилъ, конечно, жалобу, дѣло тянулось долго, но кончилось ничѣмъ; самъ помѣщикъ, съ теченіемъ

времени, отказался отъ всякихъ претензій, выразилъ только нежеланіе имѣть этого поповича священникомъ въ своихъ владѣніяхъ. Дѣйствительно, архіерей отказалъ поповичу въ его просьбѣ по этому предмету ¹⁾).

Принятый тогда порядокъ отбыванія воинской повинности сопряженъ былъ съ матеріальнымъ ущербомъ для помѣщиковъ. Отдавая въ рекруты молодаго парня, помѣщикъ навсегда долженъ былъ отказаться отъ всякихъ правъ на него, т. е. на его личность и трудъ. Естественно поэтому общераспространенное стремленіе помѣщиковъ воспользоваться сдачей въ рекруты, какъ мѣрой наказанія, или сбывать лишнихъ, вообще негодныхъ членовъ общества. Къ числу такихъ лицъ помѣщикъ относилъ и церковниковъ, тѣмъ болѣе, что ихъ иногда бывало по нѣсколько человекъ при церкви; ихъ-то онъ и захватывалъ, подчасъ даже силою, для сдачи въ рекруты. Изъ-за этого происходили бѣгства церковниковъ изъ одной епархіи въ другую, а также столкновенія между помѣщиками и священниками. Тотъ самый помѣщикъ Каминскій, который грозилъ убить „попа, какъ собаку“, напалъ ночью съ войтомъ и десятниками „гвалтовно“ на его домъ, выбилъ окошко, поотбивалъ въ жиломъ домѣ замки, а въ „коморѣ“ разбилъ дверь, шарилъ по всѣмъ угламъ, искалъ церковника, чтобы схватить его въ солдаты, а наэонецъ грозилъ сжечь всю усадьбу церковную. По заявленію священника, земскій судъ назначилъ слѣдствіе при двухъ духовныхъ депутатахъ и, допустивъ много неправильностей, сдѣлалъ самого же потерпѣвшаго во всемъ виновнымъ; только разъясненіе священникомъ всѣхъ незаконныхъ дѣйствій суда дало ему возможность оправдаться предъ своимъ начальствомъ ²⁾). Подобнымъ же образомъ помѣщичьи приказчики съ восемью дворовыми людьми напали, во время литургіи, на церковь въ с. Порохнѣ староконстантиновскаго уѣзда, произвели большое смятеніе и съ крикомъ вытащили за волосы одного молодаго парня. Это было во время рекрутскаго на-

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 654.

²⁾ Ibid. № 621.

бора, но къ сожалѣнію, слѣдствіе по этому дѣлу не производилось и потому подробности его неизвѣстны ¹⁾).

Въ ряду даней, собиравшихся помѣщиками съ крѣпостныхъ, была одна, носившая названіе „очкове“, или „десятина“, и подлежали ей только владѣльцы пасѣкъ. Состояла она въ томъ, что десятый улей, по выбору помѣщика, поступалъ въ его пользу и тутъ же уничтожался на медъ. Духовенство, которое почти всегда, въ числѣ другихъ угодій, получало и хуторъ для помѣщенія своей пасѣки, обыкновенно освобождалось отъ этой дани. Южно-русскій пасѣчникъ—крестьянинъ, такъ любовно относящійся къ своей работницѣ—пчелѣ, не могъ равнодушно видѣть ея безошадного истребленія, и вслѣдствіе этого ему трудно было избавиться отъ искушенія пристроить своихъ пчель такъ, чтобы укрыть ихъ отъ зоркихъ очей помѣщика. Такимъ надежнымъ, по его мнѣнію, убѣжищемъ являлась пасѣка священника. Но взоръ помѣщика, тѣмъ или другимъ путемъ, проникалъ и сюда—и тогда уже всѣ безъ разбора ульи поступали въ его пользу. вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщикъ заявлялъ на священника жалобу за укрывательство чужихъ пчель. Такъ было въ с. Бражинцахъ лабунскаго уѣзда, гдѣ священникъ Корниловичъ держалъ у себя три ульи пчель, принадлежавшихъ мѣстнымъ крестьянамъ. Хотя онъ и объяснял дѣло тѣмъ, что въ этихъ ульяхъ находились подаренные имъ по разнымъ поводамъ рои, которые имѣли оставаться въ его пасѣкѣ только до осени, но это нимало не помогло: пчелы давно уже были уничтожены ²⁾).

На защиту интересовъ крестьянъ съ этой же стороны вздумалъ было выступить и свящ. с. Пашукъ заславскаго уѣзда Голиновскій. Село это составляло владѣніе Городищскаго кармелитанскаго монастыря, на мѣстѣ котораго помѣщается въ настоящее время женскій православный монастырь. Однажды экономъ вмѣстѣ съ двумя дворовыми пасѣчниками отправился ревизовать крестьянскія пасѣки съ тѣмъ, чтобы получить съ

¹⁾ Арх. вол. дух. кон. № 620

²⁾ Ibid. № 655.

нихъ слѣдующую десятину. Зашелъ онъ между другими въ усадьбу Михалюка, гдѣ былъ священникъ съ шестью крестьянами. Когда онъ считалъ ульи, хозяинъ сталъ доказывать, что онъ не долженъ бы давать десятины, такъ какъ его пасѣка находится не въ лѣсу, а на его же усадьбѣ. Экономъ не обратилъ вниманія на это заявленіе и требовалъ слѣдующей дани; но тутъ возвысиль голосъ священникъ и съ апломбомъ заявилъ, что никто, кромѣ самаго пасѣчника, не долженъ засматривать въ ульи и считать ихъ.— „*Minęły czasy abyście sami sobie wybierali. Dosyc iuz waszego panowania! Do mnie teraz pasieki należą nie do skarbu*“. Обращаясь затѣмъ собственно къ эконому, онъ сталъ его прогонять и ругать.— „*Won skurwy synu, szelmo, kanalio, piiaku, złodzieiu, czarowniku, bestyo, rakaszu! Nie będziesz tutaj roskoszował, wysadziłem ja jednego, wysadze u ciebie, poydziesz precz*“. Вслѣдъ затѣмъ произошла драка, въ результатъ которой оказалась жалоба на священника, подкрѣпленная довольно интереснымъ письмомъ на латинскомъ языкѣ, которое было послано архіерею о. кармелитами. Но впослѣдствіи священникъ удовлетворилъ истцовъ и на запросъ начальства отвѣтилъ, что онъ живетъ съ ними въ мирѣ ¹⁾).

До какой мелочности вообще доходили обвиненія помѣщиковъ можно видѣть изъ одной жалобы, въ которой, въ числѣ другихъ претензій къ священнику, указывалось на то, что онъ держитъ „постороннюю водку и частуетъ ею крестьянъ“ ²⁾).

Да и чего только не натерпѣлось въ ту эпоху духовенство! Онъ такъ невысоко стояло въ культурномъ, правовомъ, социальномъ, экономическомъ и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, что ничего не стоило совершенно безнаказанно оскорбить его. Вотъ, напр., что было съ священникомъ с. Голубного ровенскаго уѣзда Новоселецкимъ. Поручикъ рижскаго полка Евреевъ самовольно занялъ въ его домѣ квартиру. Священникъ

¹⁾ Арх. вол. дух. кн. № 443.

²⁾ *ibid.* № 499.

воспротивился этому и сослался на Высочайшіе указы, которыми священническіе дома освобождены отъ постоя. Но это нисколько не смутило военнаго героя. Онъ тотчасъ велѣлъ взять священника „подъ калауръ“, связать его и затѣмъ привязать „въ корчемныхъ жидовскихъ сѣняхъ до столпа“. Привязанный священникъ часа два простоялъ такимъ образомъ. Кто знакомъ съ внѣшнимъ видомъ еврейскихъ корчемъ въ юго-западномъ краѣ, тотъ легко можетъ представить себѣ, что это за картина была, когда служитель религіи, точно преступникъ, стоялъ у позорнаго столба, для потѣхи праздныхъ зѣвакъ. Священникъ пробовалъ было заявить жалобу на такое самоуправство, и благочинный въ октябрѣ 1796 года дѣйствительно донесъ объ этомъ фактѣ волынской духовной консисторіи. Но только чрезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 1806 году, здѣсь обратили вниманіе на это дѣло и постановили, что такъ какъ свящ. Новоселецкій „доселѣ никакого дальшаго иску не имѣлъ за причиненную ему обиду“, то дѣло прекратить и сдать въ архивъ въ числѣ рѣшенныхъ дѣлъ ¹⁾).

Все это было возможно только благодаря тому, что духовенство, какъ въ тискахъ было сжато всевозможными опеками; въ духовную среду ни откуда не вносилось элементовъ возвышающихъ, облагораживающихъ ее. Но даже и при этихъ условіяхъ является непримѣрнымъ безобразный поступокъ клинецкаго эконома Моравскаго съ двумя священниками, да еще и благочинными. По откровенному объясненію самихъ потерпѣвшихъ, дѣло произошло такимъ образомъ. Моравскій обѣщаль благочинному Луцкевичу дать „корецъ гречки и работницу въ услуженіе“. Взявъ съ собою благоч. Высоцкаго, Луцкевичъ и отправился къ Моравскому за обѣщанными подарками. Началось угощеніе и всѣ выпили преизрядно, чего не скрываютъ и о.о. благочинные. Они прямо заявляютъ, что выпили до излишества, но имѣя въ виду снять съ себя часть отвѣтственности, добавляют, что сдѣлали это „первѣе по его (т. е. Моравскаго) ласкательному убѣжденію, а затѣмъ и принужденію“. Въ раз-

¹⁾ Арх. вол. дух. ков. № 570.

говорѣ зашла рѣчь объ иконѣ свят. Николая, находящейся въ придворной каплицѣ. Моравскій увѣрялъ, что она „чудовная“, но Высоцкій усумнился въ этомъ.—„Еслибы она была чудовная, то бы не раскололась“,—такъ аргументировалъ онъ свое сомнѣніе. Надо замѣтить, что Высоцкій еще раньше проявлялъ радикализмъ въ этомъ направленіи. Когда-то онъ проѣзжалъ близъ с. Гуничъ овручскаго уѣзда и здѣсь, вблизи „каплички“, лежала при дорогѣ статуя католическаго святаго (вѣроятно Яна). Эту-то статую, которая будто бы была разбита „донцами“, онъ вмѣстѣ съ ѣхавшимъ съ нимъ мальчикомъ, проходившимъ науку у дьячка, вымазала дегтемъ. При всемъ томъ весьма возможно, что и Луцкевичъ вставилъ въ разговоръ объ иконѣ нѣсколько своихъ словъ. Такъ или иначе, но въ концѣ концовъ оба эти священника оказались жестоко высѣченными. Сперва Моравскій принялся за Луцкевича и сѣкъ его плетью „до своего удовольствія“, а потомъ тоже самое продѣлалъ и съ Высоцкимъ. Последний чувствовалъ себя крѣпко оскорбленнымъ и выразилъ твердое намѣреніе жаловаться, но Луцкевичъ удержалъ его отъ этого. Онъ находилъ, что въ этомъ случаѣ даже стыдно подавать жалобу, и рассчитывая сохранить все въ секретѣ, рѣшилъ претерпѣть „Христа ради“. Но секретъ случайно обнаружился, и епископъ Варлаамъ потребовалъ обоихъ священниковъ въ отвѣту. Онъ объявилъ Луцкевичу строжайшій выговоръ и взялъ подписку, „дабы впредь получше памятовалъ святость іерейскаго сана и особо возложеннаго на его званія, а потому и велъ бы себя осторожниѣе и благоговѣйниѣе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ за безчестіе и побои онъ велѣлъ подать жалобу на Моравскаго. Относительно же другаго священника Варлаамъ написалъ слѣдующую резолюцію: „нанесенное Римскія церкви святынѣ съ вѣдома и допущенія іерея Высоцкаго поруганіе можетъ причинить величайшія мнѣ и консисторіи безпокойства. За таковъ поступокъ наказать его поклонами, коими однако онъ не отдѣляется, естли паче чаянія взойдетъ на его отъ католиковъ представленіе ¹⁾“.

¹⁾ Арх. вод. дух. коп. № 562.

Несомнѣнно, что во всей этой печальной, а въ то же время и комической, исторіи виноваты сами священники, допустившіе себя до состоянія невмѣняемости и потому совершенно напрасно сочинившіе, для собственнаго успокоенія, софизмъ будто они терпятъ Христа ради. Но во всякомъ случаѣ это фактъ довольно замѣчательный. Значить, со стороны, напр., Бардецкаго было не пустое хвастовство, когда онъ говорилъ, что „биваль не только поповъ, но и архимандритовъ!“ А слѣдовательно, рука помѣщиковъ дѣйствительно была тяжела для духовенства не только въ переносномъ, но въ самомъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ.

В. Храневичъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Аки- мовича Солтановскаго.¹⁾

Возвращаюсь къ прежнему. Я упомянулъ, что спутникомъ моимъ изъ Кіева въ Ровно былъ какой то частный учитель К—скій. Оказалось, что онъ не случайно ѣхалъ со мною, а имѣлъ порученіе при помощи знакомства со мною сблизиться съ учениками гимназіи и вліять на нихъ въ духѣ возрожденія Польши. Въ это время кромѣ капеляна-старичка, всѣ учителя, гимназіи были русскіе, за исключеніемъ трехъ учителей языковъ протестантовъ. Погамѣсть я жилъ въ домѣ Луковскаго съ учителемъ Соханскимъ, К—скій былъ у меня не былъе двухъ разъ въ теченіи года; но когда я перешелъ въ качествѣ надзирателя въ казенное помѣщеніе въ общихъ квартирахъ, К—скій сдѣлался ежедневнымъ моимъ гостемъ. Это меня стѣсняло, хотя онъ никогда не оставался болѣе получаса. Сначала я ничего не подозрѣвалъ. Но потомъ сталъ замѣчать, что К—скій входитъ ко мнѣ только для вида, а предварительно шмыгаетъ по учебнымъ комнатамъ, и во время гуляній на гимназическомъ дворѣ бесѣдуетъ съ учениками выспихъ классовъ. На вопросъ мой: откуда у него знакомство съ учениками? Онъ отвѣчалъ, что онъ часто видится съ ихъ родителями, которые посредствомъ него передаютъ дѣтямъ своимъ поклонъ, послыи и порученія. Вслѣдъ за тѣмъ я сталъ находить у учениковъ польскія историческія книги и узналъ, что имъ подносить ихъ К—скій. Отобравши эти книги, я отослалъ ихъ К—скому съ просьбою

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1892 г. № 8.

не смѣть болѣе являться ни ко мнѣ, ни въ общія квартиры. Въ отвѣтъ на это я получилъ вызовъ на дуэль. Пришлось обо всемъ сообщить директору Траутфеттеру. Полиція сдѣлала К—скому внушеніе, и онъ, по совѣту поляка городничаго Петре, куда то уѣхалъ, и я съ нимъ болѣе не встрѣчался.

При началѣ крымской войны, да и вообще въ прежнее время, въ обращеніи было масса золотой и серебряной монеты. Полуимперіаль стоилъ 5 р. 15 к. на серебро. Когда же началась война полуимперіаль упалъ до 5 рублей. Евреи мѣняли охотно безъ лажа за кредитные билеты. Казначейство наполнилось золотомъ. Чиновникамъ все жалованье отпускалось золотомъ. Въ гимназическомъ сундукѣ въ казначействѣ хранилось болѣе 8000 золотомъ. Вдругъ золото стало подниматься въ цѣнѣ. На границѣ поймали нѣсколько евреевъ, перевозившихъ боченки золота въ Австрію. Попался, какъ говорили, винницкій казначей, промѣнявшій евреямъ все золото изъ казначейства на фальшивыя кредитки. Появилось множество фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Особенно много было польскихъ рублевыхъ билетовъ, обращавшихся въ волынской губерніи. Директоръ Р—нко вмѣстѣ съ инспекторомъ Т—вымъ и учителемъ Петромъ К—ко отправились въ казначейство и забрали все хранившееся въ гимназическомъ сундукѣ золото, оставивъ вмѣсто него кредитки, особенно польскія. Кое что перепало Т—ву и К—ку; но вся сумма перешла къ Р—ку, который успѣлъ продать евреямъ золото по 5 рб. 75 кп. и заработалъ на немъ нѣсколько тысячъ рублей. При полученіи жалованья учителя стали просить золота, спрашивали: куда изъ сундука дѣвалось золото? Р—нко грозно объявилъ, что это надлежитъ вѣдать начальству, что подобные вопросы указываютъ на неуваженіе къ начальству, что неуваженіе можетъ пахнуть бѣлою лентою черезъ плечо, особенно въ настоящее военное время. Пошли пожертвованія на войну со стороны дворянства. Р—нко. При выдачѣ жалованья учителямъ, объявилъ, что всѣ теперь жертвуютъ, что тотъ измѣнникъ отечеству и врагъ Государю, кто не жертвуетъ, и сталъ удерживать изъ мѣсячнаго жалованья каждаго по пяти рублей.

Отставной солдатъ, директорскій сторожъ, жена котораго занималась стиркою бѣлья у учителей, получилъ въ сосѣднемъ съ квартирою директора гимназическомъ домѣ учительское помѣщеніе. Жена его стирала бѣлье на все семейство Р—ки и его прислугу. Сторожъ пользовался казенными дровами. Отъ неумѣренной топки печей у сторожа загорѣлось въ трубѣ. Въ томъ же домѣ помѣщался учитель словесности Солтановскій съ семействомъ.

Онъ былъ на урокахъ, когда загорѣлось. Дали знать въ гимназію. Прибѣжавшіе нѣсколько сотъ учениковъ успѣли потушить пожаръ; но у Солтановскаго оказалось много порчи въ посудѣ и мебели, которыя выбрасывались черезъ окна на улицу. Въ общихъ квартирахъ и классахъ между тѣмъ топили со страшной экономіей. Въ нихъ было холодно и сыро. На урокахъ и ученики и учителя кутались въ шинели и имѣли на ногахъ калоши. Р—ко продолжалъ порядокъ, заведенный еще Траутфеттеромъ,—отапливать зданіе гимназіи соломой. Вскорѣ послѣ перваго пожара ночью сгорѣли сараи, принадлежащіе гимназіи, и находившіеся между домомъ, въ которомъ жилъ директорскій сторожъ, и двухъэтажнымъ каменнымъ зданіемъ подъ гонтой, называемымъ оранжереей, въ которомъ помѣщалось нѣсколько учительскихъ квартиръ, приходское училище и на второмъ этажѣ гимназическая бібліотека. Пожаръ произошелъ отъ того, что сторожъ съ женой поздно вечеромъ собирали повѣшенное на чердакѣ для просушки бѣлье Р—ко. Ходили безъ сомнѣнія со свѣчею, тамъ же ее зажигали, и такимъ образомъ запустили въ разный валявшійся тамъ хламъ огонь. Въ сараѣ ничего не было, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ гимназическихъ скамеекъ и директорской дорожной кареты. Карету спасли, зданіе сгорѣло до тла. Загорѣлось помѣщеніе, въ которомъ жилъ Солтановскій; ученики успѣли вынести изъ его квартиры все его имущество и сложили въ переулкѣ во рву безъ всякаго присмотра, такъ какъ испуганная жена Солтановскаго съ груднымъ ребенкомъ бѣжала къ сослуживцамъ, а Солтановскій, какъ бібліотекаръ, посланъ былъ Р—ко въ бібліотеку съ приказаніемъ спасать книги по первому требованію

Р—ка. Зданіе оранжереи нѣсколько разъ загоралось и было спасено самоотверженностью ученика VI класса Леванды, который съ топоромъ въ рукахъ приказаль себя держать товарищамъ за ноги, а самъ, вися въ воздухѣ, изъ слуховаго окна рубилъ балку, лежавшую на карнизѣ окна и уже пылавшую. Отъ нея огонь сталъ сообщаться крышѣ. Огненные языки отъ близъ лежащаго сарая достигали балки и Леванды; на немъ обгорѣло платье; но ему удалось обрубить горѣвшую балку и скинуть ее внизъ на землю. Этимъ зданіе было спасено отъ огня, особенно послѣ того, какъ Леванда, бросился на крышу и вездѣ по краю обрубилъ тлѣвшую гонту и сбросилъ ее внизъ. Р—ко послалъ на словахъ приказаніе Солтановскому выносить библиотеку въ смежный клубный садъ. Такъ какъ въ библиотечку тѣснились евреи и всякіе темные люди, искавшіе наживы, то Солтановскій поставилъ изъ учениковъ стражу при дверяхъ и на лѣстницѣ съ приказаніемъ прогонять постороннихъ. Другіе же ученики въ простыняхъ, изъ общихъ квартиръ таскали книги въ садъ, гдѣ тоже поставлена была изъ учениковъ стража. Солтановскій объявилъ ученикамъ, что онъ отвѣчаетъ за всякую пропавшую книгу и просилъ ихъ поберечь и книги и его самого. Книги уже выносили, когда лакей Р—ки по лѣстницѣ поднялся къ окну библиотеки и вышибши окно, закричалъ: скорѣе, скорѣе выносите! Баринъ приказаль. Уже загорается крыша. Пожаръ былъ раннею весною въ темную холодную безлунную ночь. Солтановскій, по выносѣ книгъ, отправился въ садъ сторожить ихъ, такъ какъ иззябшіе ученики стали расходиться. Р—ко никого не послалъ ему въ помощь. Ученики явились по зову Солтановскаго и по его распоряженію принесли простыни. Къ утру сталъ накрапывать холодный дождь. Солтановскій въ одномъ легкомъ пальто, въ которомъ успѣлъ выскочить изъ своей квартиры во время пожара, оставался въ темнотѣ одинъ при кучѣ книгъ и промокъ до нитки. Онъ не зналъ, что дѣлается съ его имуществомъ. Оказалось, что еврей портной, занимавшійся мелкою починкою въ общихъ квартирахъ, видя всю мебель и рухлядь Солтановскаго сваленными въ переулокъ во рву, по собственному доброму побужденію, взялся охранять ихъ.

Когда опасность миновала — всѣ разбрелись и Р — ко первымъ отправился спать, не сдѣлавши ни какихъ распоряженій на счетъ библіотеки, которая была вынесена по его приказанію, и не любопытствуя даже узнать, гдѣ сложены книги, и кто ихъ охраняетъ. Едва въ девять часовъ Солтановскому, окоченѣвшему отъ холода, удалось поймать гимназическаго сторожа, проходившаго къ женѣ черезъ клубный садъ на завтракъ. Посланный Солтановскимъ сторожъ привелъ опять учениковъ съ простынями, и книги внесены были и свалены на полу въ кучу. Такъ какъ это былъ день воскресный и дежурство Солтановскаго въ общихъ квартирахъ, то онъ при помощи учениковъ, внесши и свои вещи изъ переулка въ квартиру, не передѣваясь отправился дежурить въ общія квартиры. Часа въ два явились директоръ и инспекторъ. На заявленіе Солтановскаго, что онъ нуждается въ отдыхѣ, что нельзя ли его на эти сутки замѣнить другимъ, что ему нужно разобраться съ своими вещами, которыя чуть ли не всѣ переломаны, испорчены дождемъ и грязью или расхищены, директоръ Р—ко отвѣчалъ, что это къ службѣ не относится, что Солтановскій за дежурство въ общихъ квартирахъ черезъ сутки получаетъ 200 руб. вознагражденія, дежурить не даромъ, кажется, замѣнить его не кѣмъ. А между тѣмъ легко было командировать на сутки одного изъ гимназическихъ надзирателей, ничего не дѣлавшихъ по случаю воскреснаго дня. На замѣчаніе Солтановскаго о той поспѣшности и суматохѣ, которою сопровождалась въ ночное время выноска книгъ, Р—ко грозно объявилъ: за пропажу вы сами и отвѣтите своимъ жалованьемъ. Вамъ никто не велѣлъ выносить книгъ. Нужно было ждать моего приказанія. Да вѣдь вы прислали это приказаніе черезъ Ивана К—ка, а затѣмъ лакей вашъ, взобравшись по лѣстницѣ и вышибивъ окно, вашимъ именемъ приказалъ поскорѣе спасать книги, такъ какъ загорается зданіе. К—ку Ивану, отвѣчалъ Р—ко, я не дѣлалъ никакихъ порученій и кажется даже не видѣлъ его на пожарѣ, а лакея вамъ не слѣдовало слушать, вы должны были ждать письменнаго распоряженія. Ваша рухлядь гроша не стоитъ. Можете быть покойны, ее описывать не станутъ. Отвѣтите сво-

имъ жалованьемъ! И такъ за безвозмездное завѣдыванье библиотекой, за потерю почти всей рухляди, за благоразумныя распоряженія при выносѣ книгъ изъ загорѣвшагося зданія, за понесенныя въ эту ужасную ночь труды полученъ былъ одинъ только высококомѣрный выговоръ съ угрозой денежнаго взыска-нія. Р—ко вслѣдъ за пожаромъ вошелъ къ попечителю съ ходатайствомъ о выдачѣ ему пособія въ 500 рублей, такъ какъ все его имущество, оставшееся, будто бы, не распакованнымъ сгорѣло въ сараѣ. Ему выдано было 450 рублей, затѣмъ онъ донесъ, что учитель словесности Солтановскій, завѣдующій библиотекой, вопреки его Р—ка приказанію, вынесъ всѣ книги въ клубный садъ изъ зданія, которому не угрожала опасность. Книги всю ночь валялись въ саду безъ досмотра, и вѣроятно добрая половина ихъ была расхищена во время ночной суматохи. Черезъ двое сутокъ послѣ пожара Солтановскій одинъ, безъ посторонней помощи принялся за разборъ и установку книгъ на полкахъ по отдѣламъ и каталогамъ. Эта работа длилась два съ половиною мѣсяца. Нужно было работать въ сырой, холодной, нетопленной комнатѣ; ползать по полу, лазить по лѣстницамъ; работать до полуночи, потому что утро занято было уроками. Работа совершалась черезъ каждыя сутки, проводимыя Солтановскимъ на дежурствѣ въ общихъ квартирахъ. Ученики гимназіи оказались на столько благородными и добросовѣстными, что всѣ книги найдены были въ цѣлости, за исключеніемъ трехъ ничтожныхъ брошюръ, стоимостью въ 60 к., вѣроятно затоптанныхъ ночью въ грязь. Р—ко вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву на жительство, гдѣ по слухамъ вскорѣ опредѣленъ былъ цензоромъ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и за отличіе пожалованъ прямо орденомъ Станислава I степени. Т—въ, заступившій мѣсто Р—ко, донесъ о состояніи библиотеки. Послѣдовало распоряженіе исключить три брошюры въ 60 коп. изъ капиталовъ, не взыскивая стоимость ихъ съ библиотекаря Солтановскаго. За свои потери и труды Солтановскій не удостоился даже простой благодарности. Между тѣмъ напряженная работа безъ отдыха, холодъ и сырость въ библиотекѣ и сознаніе сдѣланной

Солтановскому обиды, были причиною жестокой лихорадки, уложившей его на три недѣли въ кровать. Такъ какъ по болѣзни онъ не могъ самъ исполнять обязанностей дежурнаго надзирателя въ общихъ квартирахъ, то часть его очереди принялъ на себя его сослуживецъ, надзиратель и учитель Зражевскій, которому послѣ пришлось уплатить днями дежурствъ, а часть исполнены были гимназическимъ надзирателемъ, которому Т—въ выдалъ по рублю сер. за дежурство изъ жалованья Солтановскаго.

Т—въ кончилъ всего шесть классовъ гимназіи, и Л—въ объявилъ ему, что представленіе его въ директоры можетъ потерпѣть фіаско въ министерствѣ. Будь Т—въ изъ военныхъ, да еще съ ранюю, тогда можно было бы уладить дѣло, а теперь почти невозможно. Но Л—въ посовѣтовалъ Т—ву посредствомъ Любомирскихъ похлопотать у польскихъ магнатовъ, что бы они просили В—ва написать министру сверхъ представленія письмо, что Т—въ своею педагогическою полезною дѣятельностью заслужилъ всеобщую любовь родителей, воспитывающихъ своихъ дѣтей въ Ровенской гимназіи, что назначеніе его директоромъ они почли бы за особенную къ нимъ милость правительства, и были бы увѣрены, что дѣти ихъ воспитываются подъ надежнымъ руководствомъ и надзоромъ. Любомирскіе переговорили съ панамы и получили ихъ согласіе. Писать долженъ былъ князь Сангушко, извѣстный милліонеръ, владѣлецъ Славутскаго имѣнія и многочисленныхъ заводовъ и фабрикъ. Сангушко просилъ представить ему отъ имени всѣхъ магнатовъ сочиненное на французскомъ языкѣ письмо, для подписи. Т—въ сочинилъ письмо по русски; на французскій языкъ перевелъ его учитель французскаго языка Лемпъ. Это письмо, подписанное Сангушко, Т—въ отправилъ В—ву и мѣсяца черезъ 1¹/₂ былъ назначенъ директоромъ Ровенской гимназіи.

Не смотря на все полонофильство Т—ва, мелкопомѣстные помѣщики, арендаторы, официалисты и чиновники, воспитывавшіе дѣтей въ Ровенской гимназіи, крайне были смущены и недовольны назначеніемъ его директоромъ гимназіи. Они знали его, какъ взяточника и вымогателя, лишеннаго высшаго обра-

зованія. Они возмущены были продѣлкой магнатовъ и Сангушки. Магнаты никогда не воспитывали своихъ дѣтей въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Они, послѣ домашняго воспитанія, отправляли дѣтей оканчивать образованіе въ Краковскій университетъ, въ Парижъ, Италію или Швейцарію. Во время вакацій Т—въ поѣхалъ въ Кіевъ благодарить князя В—ва и Л—ва и повезъ съ собою своего друга, учителя Петра К—ко. Послѣ вакацій получено распоряженіе о назначеніи К—ка инспекторомъ гимназіи, не смотря на то, что онъ пользовался всеобщою ненавистью и товарищей и учениковъ, былъ плохимъ учителемъ и безсовѣстно бралъ взятки. Невгодовъ и Епифановичъ, служившіе давно уже и притомъ съ похвалой, были сильно оскорблены этимъ назначеніемъ. Всѣмъ оно пришлось не по душѣ, такъ что съ первыхъ же дней начальство гимназическое, директоръ и инспекторъ, оказались въ самомъ ненормальномъ и враждебномъ отношеніи къ заведенію, которымъ они должны были руководить.

Т—въ и К—ко раздѣлили между собою управленіе Ровенской гимназіей. Т—въ принялъ на себя хозяйственную часть; Петръ Дмитріевичъ К—ко педагогическую и дисциплинарную. У учителей на урокахъ ни тотъ, ни другой никогда не бывали. Хозяйственную свою дѣятельность Т—въ началъ съ ремонта своего помѣщенія, зданія гимназіи и перемѣны подрядчика въ общихъ квартирахъ—Келбша. Келбшъ, отставной капитанъ, полякъ, продовольствовалъ общія квартиры въ теченіи многихъ лѣтъ, чуть ли не съ основанія ихъ. Продовольствовалъ онъ добросовѣстно, всегда поставляя свѣжую провизію. Но гимназическія власти въ лицѣ директора и инспектора становились все требовательнѣе и вымогали отъ него болѣе, чѣмъ онъ могъ давать. Послѣ перваго мѣсяца продовольствія директорскаго дома при новыхъ условіяхъ Келбшъ объявилъ себя банкротомъ и отказался продовольствовать общія квартиры. Т—въ принялъ вмѣсто Келбша подрядчикомъ какого то еврея изъ Дубно. Этотъ еврей и зимою и лѣтомъ говядину возилъ на простыхъ возахъ, ничѣмъ неприкрытую, пыльную, грязную и вонючую изъ Дубно, верстъ за сто отъ Ровно. Эта говядина сваливалась го-

рою въ ледникъ или анбаръ и служила для продовольствія квартиръ въ теченіи цѣлой недѣли до новаго транспорта. Директору и инспектору, разумѣется, доставлялась другая свѣжая провизія. Ученики ничего не хотѣли ѣсть, съ трудомъ нѣкоторыхъ удавалось принудить сидѣть за столомъ. Т—въ и жена его выходили, пробовали, находили все отличнымъ, и объявляли буфетчику, что это все капризы и фантазіи надзирателей, что они еще взбунтуютъ учениковъ. Дѣти довольствовались чаемъ, какой нибудь кашей, и разными печеніями, покупаемыми у разносчиковъ, торчавшихъ вѣчно на гимназическомъ дворѣ. За право торговли печеніями на гимназическомъ дворѣ пекари платили Т—ву опредѣленную пенсію. Доносы десятками сыпались въ округъ. Явился наконецъ для разслѣдованія инспекторъ казенныхъ училищъ изящный М—скій. Я увѣренъ, что у Т—ва онъ не взялъ взятки. Но видя связи Т—ва съ польскою аристократіею, тогда всеильною, и не желая ссориться съ Л—вымъ, онъ ничего не открылъ. Все оказалось, какъ должно, а доносъ фальшивымъ. М—скій обѣдалъ и провелъ вечеръ у Любомирскихъ въ обществѣ знати. Тамъ ему и внушили, что все это пустяки, что Т—въ отличный директоръ. Для очистки совѣсти М—скій явился въ столовую, попробовалъ кушанья, нашель ихъ отличными, и дѣйствительно онѣ были отлично приготовлены изъ свѣжей провизіи. Потомъ вдругъ обратился къ надзирателю и учителю Солтановскому и громко, чтобы всѣ дѣти слышали, улыбаясь Т—ву, спросилъ; „скажите, правду, это всегда такъ кормятъ, или это только ради моего приѣзда“? Солтановскій отвѣчалъ: „я причастенъ къ лицамъ наблюдающимъ, при томъ я одинъ могу ошибаться. Спросите учениковъ, ихъ показаніе будетъ вѣрнѣе“. М—скій сдѣлалъ гримасу и отошелъ, не спросивъ учениковъ. Вѣроятно, Т—въ представилъ М—скому Солтановскаго, какъ поджигателя, возбуждающаго учениковъ протестовать противъ продовольствія. Мнѣ, впрочемъ, послѣ рассказали, будто бы дѣло это и князья Любомирскіе и Т—въ перенесли на политическую почву. Келбшъ былъ полякъ, служилъ въ молодости въ польскомъ войскѣ, отличался патриотизмомъ; живя на одномъ

дворѣ съ учениками, имѣлъ на нихъ нехорошее вліяніе. За это Т—въ его устранилъ. Но устраненіе его вызвало неудовольствіе въ ученикахъ, которые стали придираться къ новому подрядчику безъ всякихъ основаній. Солтановскій, конечно, не сочувствуетъ ничему польскому, но изъ угожденія ученикамъ, желая пріобрѣсти у нихъ популярность, присоединился къ ихъ протестамъ и даже самъ сталъ науськивать учениковъ на подрядчика. Конечно, этому М—скій не вѣрилъ; но это дало ему возможность извернуться въ щекотливомъ дѣлѣ. Солтановскаго оставили на мѣстѣ, можетъ быть, опасаясь, чтобы онъ снова не поднялъ этого дѣла. По выѣздѣ М—скаго опять пошли прежніе порядки. Дѣти были возбуждены, и потеряли вѣру въ начальство, послѣ изслѣдованій М—скаго продовольствіе ничуть не улучшилось. Въ ожиданіи проѣзда Государя Т—въ поролъ горячку, чтобы разрѣшено было поболѣе денегъ, на побѣлку зданія, на окраску половъ скоровысыхающею краскою. Изъ зданія гимназіи, гдѣ на второмъ этажѣ помѣщалось одно отдѣленіе общихъ квартиръ, учениковъ переселили въ домъ Рыльке. Тамъ они спали на землѣ покотомъ, на соломѣ, ничѣмъ не прикрытой, въ теченіи двухъ недѣль. Кровати ученическія наново окрасили, и ко дню пріѣзда въ городъ Государя покрыли новымъ бѣльемъ и вновь купленными однообразными бѣлыми фланелевыми одѣялами. Буфетъ, кромѣ мѣстнаго серебра, наполнился серебромъ изъ дома Любомирскаго и отъ Чарторыйскихъ. Около буфета и день и ночь караулили по очереди по два служителя подъ наблюденіемъ буфетчика.

Во время пріѣзда Государя городничимъ былъ Ч—скій, побочный сынъ графа Ч—ва. Онъ допился до того, что не могъ уже ничего пить, кромѣ простой сивухи. Гостей же залиралъ исключительно шампанскимъ. Въ гостяхъ онъ безпрерывно требовалъ букашку затопить, т. е. рюмку сивухи. Его за то и прозвали букашкой. Онъ въ присутствіи дамъ позволялъ себѣ самыя свободныя шутки и анекдоты. Онъ былъ человѣкъ свѣтскій, отлично образованный, весьма честный, съ благороднымъ образомъ мыслей, но опустился до нельзя. Онъ называлъ себя несмѣняемымъ до смерти городничимъ, предоставлялъ полиціи дѣ-

лать, что угодно, самъ ни во что не вмѣшивался; но къ мерзостямъ былъ строгъ; его боялись. Въ городѣ при немъ воровство совсѣмъ вывелось изъ моды. Жена его жила на особой половинѣ квартиры, съ мужемъ почти не видѣлась и ни съ кѣмъ въ городѣ не познакомилась. Это была статная, полная, еще красивая и моложавая дама. Говорили, что она знатнаго происхожденія и хорошо воспитана. Ее можно было только встрѣтить на прогулкѣ въ фаэтонѣ или каретѣ. Ч—скій получалъ отъ неизвѣстнаго лица крупныя суммы ежегодно и истрачивалъ ихъ на угощеніе шампанскимъ и на роскошный столъ.

Онъ караулилъ прїѣздъ Государя въ винномъ магазинѣ Цюлковскаго, потчюясь поминутно сивухой. Ему сообщенъ былъ порядокъ, въ которомъ должны были слѣдовать экипажи царскаго поѣзда. Пронесся фельдъ-егерь. Ч—скій не обратилъ вниманія. До прїѣзда Государя еще оставался цѣлый часъ, и впереди должно было проѣхать нѣсколько свитскихъ экипажей. Вдругъ въ городѣ послышалось: ура! Не вѣря ушамъ, Ч—скій вскочилъ на лошадь и встрѣтилъ царскую карету уже на мосту среди города. Онъ поскакалъ впередъ къ дому Любомирскаго, гдѣ было отведено Государю квартира. Любомирскій только еще облачался для встрѣчи Государя съ хлѣбомъ и солью. Военный караулъ еще не явился. Государь и государыня, вошедши изъ экипажа, обошли пустую свою квартиру и черезъ балконъ отправились гулять по саду. Это было, кажется, 1 сентября 1857 года. По возвращеніи они увидѣли у дверей князя Любомирскаго съ хлѣбомъ и солью. „Что вамъ угодно? Кто вы? Хозяинъ дома, князь Любомирскій? Извините, теперь я здѣсь хозяинъ!“ сказалъ Государь; но хлѣбъ поднесенный, хотя и не въ пору, принялъ и поблагодарилъ. Между тѣмъ сталъ прибывать багажъ, собралась вся свита, размѣстившаяся въ городѣ. Послѣдній царскій фургонъ застрялъ на обломавшемся мосту въ городѣ. Офицеръ, сопровождавшій его, напустился на Ч—скаго, крича, что его за эту небрежность разжалуютъ въ солдаты, что это могло случиться съ царской каретой и проч. Ч—скій отвѣчалъ ему: „довольно болтать вздоръ! Меня не разжалуютъ — я безсмѣнный городничій Ч—скій! Не вѣрите — спросите Адлерберга,

онъ меня знаетъ. Лучше пойдемъ и разопьемъ бутылку шампанскаго“. Подхватилъ подъ руку офицера и потащилъ къ Циолковскому. Государь хотѣлъ въѣхать незамѣтно, безъ всякихъ овацій. Съ этой цѣлью посвѣшилъ и на послѣдней станціи измѣнилъ порядокъ слѣдованья экипажей и поѣхалъ съ Государыней впереди поѣзда. Государь возвращался изъ заграницы съ большою свитой. Его между прочими сопровождали министръ двора графъ Адлербергъ и сынъ его генераль, Государыню сопровождали двѣ фрейлины. Онѣ помѣстились въ квартирѣ директора Т—ва, а министръ двора въ домѣ учителя Епифановича. Т—въ страшно струсиль, узнавъ, что Государь намѣренъ посѣтить гимназію. Дворъ весь ужиналъ у Государя. Разошлись въ 12 часовъ. Т—въ явился къ Адлербергу узнать, гдѣ Государю угодно видѣть гимназистовъ. Адлербергъ уже спалъ, но Т—ву приказано было явиться въ 12 часовъ по полуночи. Адлербергъ въ три часа отправился во дворецъ и приказалъ Т—ву ждать себя на крыльцѣ. Затѣмъ объявилъ, что Государь перемѣнилъ свою волю. Въ гимназіи не будетъ. Государь къ ночи спѣшитъ въ Житомиръ. Учениковъ приказалъ привести на дворъ своего помѣщенія. Въ четыре часа ученики были приведены и построены передъ дворцомъ. Стало разсвѣтать. Экипажи придвинулись къ выходу. Государь прошелъ по маленькой домовой оранжереѣ и, остановившись у окна, смотрѣлъ на учениковъ. Въ пять часовъ онъ съ Государыней сѣлъ въ карету. Ученики и народъ грянули—ура! Этимъ все кончилось. Ученики въ однихъ мундирахъ порядкомъ продрогли. Адлербергъ сдѣлалъ Т—ву замѣчаніе за то, что дѣтямъ не позволилъ накинуть шинелей.

Когда въ день приѣзда разошелся весь дворъ по квартирамъ, къ Государынѣ явились двѣ дамы съ прошеніемъ. Государь принялъ ихъ прошеніе передалъ Государынѣ и выпроводилъ дамъ. Дамы, потревожившіе Государыню были: сестра подсудка, бойкая женщина, и молоденькая вдова маіора. Мужъ ея не выслужилъ пенсіи. Она просила у Государыни единовременнаго пособія. Ей прислано было 100 рублей серебромъ.

Долженъ сдѣлать отступленіе, такъ какъ проѣздъ Государя ознаменовался необыкновенною его гуманностью и самымъ ми-

лостивымъ обращеніемъ. Государь овладѣлъ сердцами всѣхъ. Онъ возбуждалъ общую симпатію. Всѣ безбоязненно стремились увидѣть Его; всѣ по собственному внутреннему побужденію Его прівітствовали восторженно. Въ присутствіи Его не чувствовалось страха. За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда Государя въ Кіевѣ случилась скандальная исторія. Командиръ полка нѣмецъ полковникъ, Б—нъ, который ожидалъ скорого производства въ генералы, шелъ по троттуару съ женою и ея комнатной собаченкой. Повстрѣчался имъ студентъ съ тросточкой въ рукахъ. Собаченка кинулась на студента и разорвала ему брюки. Студентъ ударилъ ее тросточкой. Собаченка взвигнула. Б—нъ наговорилъ студенту дерзостей. Товарищи студента явились къ попечителю съ жалобой на Б—на требуя чтобы онъ извинился, на что онъ однако несогласился. Черезъ нѣсколько дней при разъѣздѣ изъ театра, когда Б—нъ вышелъ на подѣздъ, толпа студентовъ мгновенно его окружила; повалила на землю и избивала палками. Пока опомнилась полиція и жандармы, студенты успѣли всѣ скрыться. Никто не былъ арестованъ. Избитаго Б—на на рукахъ перенесли въ сани и отвезли на квартиру. В — въ назначилъ строгое слѣдствіе. Арестовали обиженнаго студента и депутатовъ, требовавшихъ отъ Б—на извиненія. По подозрѣнію еще арестовали нѣсколько человѣкъ. Наконецъ В—въ предалъ арестованныхъ военному суду. Два приговорены были въ солдаты, а нѣсколько человѣкъ въ арестантскія роты. Государь приказалъ вмѣнить имъ въ наказаніе сидѣніе подъ арестомъ и всѣхъ простилъ, сдѣлавъ выговоръ вообще студентамъ за дѣйствіе скопомъ. Студенты чуть не носили Государя на рукахъ въ его переѣздахъ по Кіеву. Но все это не помѣшало польскимъ студентамъ продолжать затѣянное ими патріотическое подготовленіе къ будущей революціи, которая была уже не за горами.

Какъ то случился проѣздъ черезъ Ровно въ Варшаву министра народнаго просвѣщенія Норова. Онъ ѣхалъ открывать тамъ университетъ. Его, кромѣ директора департамента, сопровождали еще два генерала и новый инспекторъ казенныхъ училищъ кіевского округа. Министръ высокій, брюзгливый, не-

привѣтливый старикъ, безъ одной ноги, на костылѣ. Онъ до такой степени безпричинно брюзжалъ, что дѣти не рѣшились занести ему жалобу на Т—ва и К—ка. Онъ экзаменовалъ только одинъ часъ седьмой классъ изъ словесности, французскаго языка, и исторіи русской и всеобщей. Сдѣлавъ учителю нѣкоторыя замѣчанія онъ прибавилъ обращаясь къ окружному инспектору: „Очень жаль, что округъ назначаетъ учителями словесности молодыхъ людей, молодымъ молодое недозрѣлое и нравится!“ „Буду имѣть честь слова в. в. п-ва передать попечителю округа“, отвѣчалъ тотъ. Пообѣдавши у Т—ва и приказавши заказать фотографическія снимки съ зданія гимназіи и стараго палаца, Норовъ уватилъ далѣе. Инспекторъ остался для производства повѣрки успѣховъ по всѣмъ предметамъ. Побывавъ на урокахъ русскаго языка и словесности, вечеромъ онъ пригласилъ однако на чай учителя словесности къ К—ку, пригласилъ и учителя чистописанія. Съ первымъ все толковалъ, что-то о значеніи знаковъ препинанія; о томъ что нельзя слѣпо слѣдовать авторитетамъ. Нужень свой собственный взглядъ. Хотя тоже большая самонадѣянность иногда ни къ чему не ведетъ. Нужно примѣняться иногда къ взглядамъ начальства и проч. и проч. Учителю чистописанія инспекторъ дѣлалъ внушенія по случаю плохихъ успѣховъ учениковъ въ этомъ предметѣ.

Послѣ смерти министра Норова и водворенія въ министерствѣ Головнина, послѣдовало распоряженіе, чтобы совѣты гимназій представили свои замѣчанія на проектъ новаго устава. Образована была въ совѣтѣ комиссія изъ учителей: Солтановскаго—словесности, Суворова—математики, Невгодова—законовѣднія, Андрущенко—математики и Трофимова—исторіи. Эта комиссія работала по ночамъ. Между прочимъ, она обратила вниманіе на сухое и неумѣлое преподаваніе въ гимназіи Закона Божія мѣстными протоіереями, которые, исполняютъ свою обязанность, какъ придаточную, совершенно небрежно, а нѣкоторые, какъ протоіерей К—скій, заявляютъ себя грубымъ обращеніемъ съ православными учениками. Имѣя это въ виду, комиссія проектировала допустить къ преподаванію Закона Бо-

жія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и лицъ свѣтскихъ, имѣющихъ собственныя познанія и ученую богословскую степень, а также отличающихся нравственными качествами и педагогическими способностями. При этомъ комиссія сослалась на уставы царствованія имп. Екатерины II, допускавшіе къ преподаванію Закона Божія лицъ свѣтскихъ. Другою крупною новостью было упраздненіе общихъ ученическихъ квартиръ. Ученикамъ позволялось жить у родителей, родственниковъ и частныхъ лицъ, которымъ дозволено будетъ мѣстнымъ начальствомъ содержать ученическія квартиры.

Какъ то скоро послѣ всѣхъ этихъ происшествій пожаловалъ на ревизію гимназіи самъ попечитель округа Ребиндеръ. Это былъ сухощавый, высокаго роста мужчина. Онъ прежде служилъ на Кавказѣ. Говорили, что онъ страшно страдаетъ печенью, и вслѣдствіе этого непомѣрно раздражителенъ, что у него всѣ привычки восточнаго деспота, что онъ просто удаляетъ отъ должности, если ему не понравится фізіономія служащаго. Мы ожидали грозы, ожидали, что онъ раскассируетъ весь составъ педагогическаго совѣта. Но крѣпко ошиблись. Онъ побывалъ у всѣхъ учителей на урокахъ. Былъ со всѣми вѣжливъ; хорошо и ласково обходился съ дѣтьми, и, собравши на прощаніе всѣхъ учителей, сказалъ имъ: „Я знаю, что труды ваши очень тяжелы, что вы просто несете крестъ въ этой мѣстности, гдѣ интеллигенція противъ правительства, слѣдовательно, и противъ васъ. Вознагражденіе за ваши труды недостаточное. Но пособить этому невозможно. Впрочемъ, я разрѣшилъ директору по очереди представлять къ денежнымъ наградамъ, не свыше 400 руб. въ годъ. Мужайтесь и продолжайте исполнять ваше высокое дѣло съ энергіей. Внутреннее сознаніе исполненнаго долга будетъ для васъ лучшею наградою. Прощайте!“

Прежде учителямъ не выдавалось никакихъ наградъ. Т—въ послѣ отъѣзда попечителя увѣрялъ, что Ребиндеръ былъ такъ милостивъ вслѣдствіе его отличной рекомендаціи всѣхъ служащихъ. Т—въ сдѣлался весьма любезенъ со всѣми. Только К—ка, который началъ дѣйствовать противъ него, онъ не

могъ терпѣть. Вскорѣ мы узнали, что Ребиндеръ по болѣзни выѣхалъ совсѣмъ изъ Кіева, а на его мѣсто назначенъ баронъ Николаи, впоследствии занимавшій, впрочемъ недолго, постъ министра народнаго просвѣщенія. Николаи не долго заставилъ себя ждать. Онъ прибылъ на ревизію въ Ровно послѣ обѣда. Сейчасъ собралъ 3 высшихъ класса гимназіи и задалъ темы для сочиненій по русской словесности. Сочиненія писались подъ его личнымъ наблюденіемъ. При свѣчахъ ученики одинъ за другимъ по его вызову читали ему ихъ громко на весь классъ. Выслушавъ учениковъ V класса онъ похвалилъ ихъ и поблагодарилъ учителя. Шестымъ классомъ онъ остался чрезвычайно доволенъ и нѣсколько разъ пожалъ руку Солтановскому. Седьмой классъ привелъ его въ восторгъ, онъ расцѣловалъ нѣсколько учениковъ, расцѣловалъ и учителя Солтановскаго, прибавивъ: „Я этого вамъ не забуду“. Ученикамъ объявилъ, что если кто изъ нихъ при поступленіи въ университетъ будетъ въ чемъ нуждаться, пусть прямо, не стѣсняясь, обратится къ нему.

Послѣ этой ревизіи, Т—въ не смѣлъ не представить къ наградѣ учителя Солтановскаго. Представлять слѣдовало двоихъ; но онъ представилъ трехъ. Самъ пригласилъ Солтановскаго прочитавъ подписанное и заномерованное представленіе и сказалъ: „Не думайте, что я не цѣню вашей службы!“ Однако Солтановскій остался безъ награды. Въ будущемъ году повторилась таже исторія. Попечителемъ округа былъ уже извѣстный операторъ и педагогъ Ник. Иван. Пироговъ. Солтановскій, не говоря никому ни слова, послалъ Пирогову письмо, прося указать ему тѣ его недостатки, по которымъ въ округѣ исключается его имя изъ награднаго списка, дабы онъ могъ исправить эти недостатки. Черезъ 10 дней Т—въ прибѣжалъ въ гимназію съ телеграммой Пирогова и вызвалъ Солтановскаго изъ класса. „Вы писали попечителю?“ — „Да, писалъ!“ — „Не могли подождать до будущаго года! Такъ нельзя беспокоить начальство! Счастье ваше, что все сошло благополучно. Пожалуйста послѣ уроковъ ко мнѣ и получите 200 руб. наградныхъ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти А. В. Марковича.

Двадцать пять лѣтъ назадъ, въ 1867 г., умеръ Аонасій Васильевичъ Марковичъ, одинъ изъ тогдашнихъ маларусскихъ—выражаясь по теперешнему—фольклористовъ¹⁾. Умеръ онъ въ Черниговѣ и въ тамошней газетѣ о его смерти напечатано было слѣдующее „извѣстiе“: „Въ ночь съ 31 августа на 1 сентября скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни надзиратель VI акцизнаго округа А. В. Марковичъ. Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей, которые и въ обществѣ, и на служебномъ поприщѣ пользуются общимъ сочувствiемъ. Смерть его—конецъ тѣхъ тяжелыхъ страданiй, которыми сопровождались послѣднiе дни его жизни“.

А—сiй В—чъ М—чъ былъ незаурядный знатокъ духовной стороны народной жизни и особенно прилежно изучалъ народную музыку. Но по живому, нервному характеру А—сiя В—ча ему трудно было приняться за какую нибудь систематическую работу и потому никакихъ почти работъ послѣ него неосталось.

Молодой поры жизни А. В. мы вовсе не знаемъ, познакомились съ нимъ лишь въ 1861 г. Знаемъ только, что онъ участвовалъ въ Кирилло-Меодiевскомъ братствѣ и за это участiе долженъ былъ пожить нѣкоторое время въ Орлѣ²⁾. Тамъ,

¹⁾ Отъ англійскаго термина folk-lore (буквально—народовѣдѣнiе).

²⁾ См. о жизни А—сiя В—ча въ Орлѣ у Петрова—Очерки исторiи украинск. литературы XIX стол.,—стр. 374.

въ Орлѣ, А. В. и женился на дѣвицѣ Вилинской, ставшей впоследствии известной писательницей подъ псевдонимомъ Марка - Вовчка. Жена А — сія В — ча велико-россіянка по ро-

жденію и въ Малороссіи передъ тѣмъ никогда, какъ говорятъ, не жила; и тѣмъ не менѣе въ 1857 году ею былъ изданъ рядъ разсказовъ изъ народной малорусской жизни, об-

ратившихъ на себя общее вниманіе какъ вѣрностью изображенія послѣдней, такъ и задушевностью изложенія. Близкіе пріатели А—сія В—ча допытывались у него (когда онъ поселился въ Черниговѣ, въ 1861 г.)—гдѣ, когда и какъ супруга его такъ хорошо изучила малорусскую народную жизнь?—А. В. не любилъ этихъ вопросовъ и всегда отвѣчалъ коротко, что, молъ, талантъ... И такими своими отвѣтами еще болѣе увеличивалъ сомнѣніе пріателей...

Въ 1861 г. А. В. пріѣхалъ въ Черниговъ на службу по крестьянскому дѣлу, получивъ должность члена отъ правительства мировыхъ сѣздовъ, которымъ Положеніе 19 февраля 1861 г. имѣло въ виду поручить нѣчто въ родѣ прокурорскаго надзора за дѣятельностью сѣздовъ мировыхъ посредниковъ. Никакихъ опредѣленныхъ обязанностей этимъ чиновникамъ законъ не указывалъ, но центральная губернская власть указывала, что эти правительственные члены сѣздовъ должны, по возможности, вліять на безпристрастное разрѣшеніе острыхъ вопросовъ, доходившихъ, чрезъ мировыхъ посредниковъ, до сѣздовъ. Такимъ образомъ должность эта требовала прежде всего такта и спокойнаго отношенія къ дѣлу. Но А. В. такимъ чиновникомъ стать не могъ; онъ вѣчно кипятился и свою миссію исполнить положительно былъ не въ силахъ. Помнимъ хорошо, какъ горячился онъ по вопросу о введеніи „Велико-россійскаго положенія“ въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ черни-

говской губерніи, особенно въ глуховскомъ уѣздѣ, гдѣ тогдашній предводитель дворянства В. И. Туманскій совѣтъ былъ обратнаго взгляда на этотъ вопросъ. Разумѣется, никакого результата мораль А—сія В—ча тутъ имѣть не могла и ему приходилось, что называется, лишь бить руками объ полы.— А тутъ стали вводить (въ нач. 1862 г.) акцизную реформу. Акцизнымъ начальникомъ въ черниговской губ. былъ назначенъ Ф. П. Рашевскій, который и началъ, очень умѣло, подбирать въ новое учрежденіе чиновниковъ. Соблазняясь большимъ (по тогдашнему) жалованьемъ, много тогда ушло въ акцизъ способныхъ людей, могшихъ принести гораздо большую пользу на другихъ поприщахъ. Ушелъ тогда въ акцизъ и А—сій В—чь, нуждаясь въ деньгахъ, которыя нужно было ему часто посылать семьѣ (женѣ и сыну), жившей въ это время за границей, кажется, въ Парижѣ и все собиравшейся оттуда вернуться къ своему *pater familias*. Перейдя на службу въ акцизъ, М—чь поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, откуда не рѣдко слалъ намъ писанія о своемъ печальномъ житьѣ-бытьѣ. Приводимъ здѣсь одно такое письмо, писанное въ сентябрѣ 1862 г., въ которомъ хорошо видится и самъ А—сій В—чь и его умѣнье владѣть малорусскою рѣчью.

„Не даромъ сердце мое може десять разъ згадувало васъ самимъ милымъ споминкомъ; а коли бравъ и жаль, що я одбився отъ васъ самохитю,—можно бѣ зъ вами и доси товаришуваты. То зновъ ничего не думалось, а такъ ваше обличья передъ моею душею свитилось зиркою. И сколько разъ ладнався до васъ озватись, та все щось перебье, то дило, то бездилья. Не знаю, якъ буде дали, може й погано, а до якого часу—ничого не вигорило дуже лихого. Заверталось, правда, чорзна навищо, та моя щирость розигнула карлючку. Спасибі Богу, и на сторони нікому ще не вникся и кривды отъ кого другого на себе ще не бачивъ

Живу я у Лавиды въ двори. Якъ, мовляля, живу я? Мало добра, якъ и всюди. Самъ живу, безъ семьи, да уже и не прїидуть: грошей у ихъ и въ мене нема; зима заходить. А тутъ ище халепа: моя пани такъ гришми вбога, що ажъ

ничогисинько не мае, ни на довги, ни на выздъ, ни на життя. Явійсь Лобко выдавъ — вона читала у Сив. Пчели, на Парижи,—2-гу часть Народнихъ Оповиданій. Вона не тильки ни одъ кого грошей, а спросу, а вистки не мае. Коли до рукъ випаде, поспитайте, хто це промишляе хлибомъ чужимъ? Поспитайте, братику! Чомъ не порятувать! Я й самъ поспитаю, та не надія добитьця чого небудь. Да взнавши ще й порадыте. Справивъ бувъ на ти гроши, що за третину году взявъ жалуваня наперидь, родича привести семью ¹⁾. Той гроши потративъ и не поихавъ. Такій мій таланъ. Теперь усего беру 80 чи 90 руб. Дожидавши (семью) узявъ квартиру добру. Добрый чоловикъ заплативъ хозяину 50 цилк. за мене, та мебели трохи заставивъ своен. Отъ и отдавай що мисяцю, то й на 40 цилк. хйба чи застанеться зъ розъиздомъ. И съ чого жъ мени уворвать, щобъ порятовать дружину зъ дитиною? Нехай бы Михайло ²⁾ спогадавъ за ихъ. Може бъ ми одробили, якъ чорна хмара перейде наша.

Чи не набралося присливья трохи, щобъ гостинчика минн прислать.—Я коло пословиць мордююсь и вже мовъ бы й начисто иде. Якъ свинчу, за музику писень визьмуся.

Мене,—бачите я якій,—аби зачепили—брызнули. Я лъь размеленый струментъ або визъ глабчастый, дробинястый: загуркаю и затуркаю другого. Я якъ чума, що до неи и присту-пати не треба!“

Пишетъ здѣсь А—ий В—чь о своихъ занятіяхъ пословицами и музыкою пѣсенъ; но ничего изъ этихъ занятій не вышло. Личный характеръ его, а еще болѣе плохо сложившіяся обстоятельства частной жизни мѣшали его работамъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что свое собраніе пословиць А. В. передалъ М. Т. Симонову (Номису), включившему ихъ въ извѣстный свой сборникъ, а пѣсенную музыку А. В. блестяще показалъ любителямъ при постановкѣ въ Черниговѣ двухъ оперетокъ,

¹⁾ Не помнимъ — о какомъ родичѣ говорятся. Знаемъ, что у А. В. былъ братъ, служившій, кажется, лѣсничимъ.

²⁾ Михайлъ Матв. Лазаревскій, умершій въ одинъ годъ съ А. В.—чемъ.

исполненныхъ любителями: „Наталки-Полтавки“, въ 1862 году (см. „Основу“ 1862 г., мартъ) и „Чарь“ (К. Тополи) въ 1866 г. Знатоки говорили, что исполненіе музыкальной части въ этихъ опереткахъ представлялось верхомъ совершенства. Но нужно же было и видѣть А — сія В — ча на репетиціяхъ этихъ оперетокъ... До усталости бился онъ, бранился, кричалъ пока та или другая партія не была наконецъ разучена... Особенно много труда положилъ А. В. при постановкѣ оперетки „Чары“, никогда передъ тѣмъ не игранный. Въ этой опереткѣ главную партію пѣла замѣчательная пѣвица Мел. Авд. Загорская (рожд. Ходотъ), которую А. В. встрѣтилъ въ одномъ глухомъ хуторѣ.—Дружескія отношенія М. А. Загорской скрасили послѣдніе годы жизни А — сія В — ча, такъ и не дождавагоса своей семьи....

Музыка поставленныхъ А — сіемъ В — чемъ оперетокъ, сколько мы знаемъ, не сохранилась: партитура писалась на скоро, на листочкахъ, которые потомъ безслѣдно растерялись.

Для полноты свѣдѣній, упомянемъ, что одна работка А — сія В — ча таки была напечатана; это былъ мастерски записанный имъ, въ 1854 г., отъ старухи-крестьянки разсказъ о родинахъ и крестинахъ, помѣщенный въ переложеніи на русскій языкъ въ Запискахъ Черниг. Статист. Комитета (II, 341—347).

Умеръ А. В. въ черниговской больницѣ, въ полной бѣдности. Похоронили его пріятели вмѣстѣ съ семьей тогдашняго черниговскаго губернатора кн. С. П. Голицына. Большая могила насыпана была надъ прахомъ А — сія В — ча (около Ильинской церкви, близъ Троицкаго монастыря) и высокій дубовый крестъ былъ поставленъ на ней. Но теперь, говорятъ, креста давно уже нѣтъ и могилы найти нельзя...

А. Л.

24 августа.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. (*Сахно-Устимовичи и Апостолы*). Родоначальникомъ теперешнихъ Сахно-Устимовичей былъ Устинъ Сахненко (т. е. сынъ Софонія)— «житель и товаришъ сотни Уласовской», какъ онъ значится въ актѣ 1691 г., по которому Яковъ Скоробогатько, житель м. Городища (теперь Градижскъ), продалъ хуторъ свой, на Кагамлыкѣ лежащій, зятю своему Устину Сахненку. Въ 1704 г. Сахненко былъ уже власовскимъ сотникомъ, какъ видно изъ универсала Мазепы, даннаго въ этомъ году Сахненку на освобожденіе его отъ пчелинаго налога. «Пчолыная десятина» установлена была, повидному, Мазею, такъ какъ болѣе раннихъ свѣдѣній объ этомъ налогѣ мы не встрѣчали.—Приднѣпровскіе жители миргородскаго полка имѣли свои земли и на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ, на привольи, занимались и пчеловодствомъ. Имѣлъ тамъ свои пасѣки и Устинъ Сахненко, на которыя съумѣлъ выпросить у гетмана освободительный универсалъ: «зъ певныхъ респектовъ, окриваючи мы, гетманъ, ласкою нашою п. Устина Сахненка, сотника власовского, увольняемъ его пасѣки, на томъ боку съ пчелами будучими, отъ давня роковой обыклой десятины, подъ такою еднакъ кондицію, дабы онъ при своихъ пасѣкахъ чужихъ пчоль не утаевалъ и не заборонялъ до отдаваня десятинной повинности; а если бы мѣло на его тое перевестися, чтобы утаевалъ чужии пчолы, то не толко одъ тоей пасѣки, лечь и отъ уряду сотницкого, будетъ отдаленъ»,—грозилъ Мазепинъ универсалъ. вмѣстѣ съ гетманомъ, милостивъ къ Сахненку былъ и мѣстный миргородскій полковникъ, которымъ въ это время былъ будущій гетманъ Данило Апостоль. У послѣдняго Сахненко выпросилъ, въ 1705 г., «листь» на безхозяйный «кутъ Каювченковскій». Въ «листвѣ» этомъ читаемъ: «Всѣмъ... а особливе старшинствующимъ въ Уласовцѣ, Городицѣ и

Крыловъ... ознаймуемъ, ижъ прекладалъ намъ п. Устимъ Сахненко, теперешній сотникъ уласовскій, же куть Каювченковскій, лежачій отъ дороги, що иде зъ Уласовки до Крылова, ажъ по рѣчву Цибулникъ, не мѣеть своего власного господара и произвоитого наслѣдника, и просилъ насъ, абы, за вѣдомомъ нашимъ, обнявши куть оный, владѣлъ имъ такъ, якъ бы власнымъ купленнымъ кгрунтомъ. Яко теды пустовскіе, а иле лежачіи добра, *некому инному въ полку нашомъ* належитъ вѣдати и *диспоновати* (распоряжаться) *тылко намъ, яко господареви, по милости Божьей и рейментарской*, того миргородского полку, такъ уважаючи давныѣ значныѣ въ войску запор. прислуги п. Устима Сахненка..., куть оный Канювскій (sic), яко пустовщину, позволяемъ ему обняти и такъ власне держати и владѣти въ часы потомныѣ, якъ бы мѣлъ за гроши...» Приведенный «листь» Апостола обращаетъ на себя вниманіе высказаннымъ здѣсь взглядомъ полковника на его власть относительно раздачи земельныхъ угодій въ предѣлахъ полка. «По милости Божьей и гетманской» Апостоль считаетъ себя полноправнымъ распорядителемъ вольныхъ земель («пустовщинъ»). Такіе размѣры власти могли присвоивать себѣ далеко не всѣ полковники; при Мазепѣ «лежачіи добра» могли раздавать лишь тѣ изъ полковниковъ, которые долгою своею службою «войску» приобрѣтали особый у гетмана почетъ; такими полковниками были—Данило Апостоль, Яковъ Лизогубъ, Михайло Миклашевскій, Дмитрій Горленко... Пробывъ на сотничествѣ около десяти лѣтъ, Сахненко настолько разбогатѣлъ, что сынъ его Василій могъ жениться на близкой родственницѣ Данила Апостола, въ то время уже гетмана. Женился Василій Устиновичъ Сахненко на дочери гетманскаго племянника—Якова Васильевича Апостола. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о семьѣ Павла Апостола и не знаемъ—какіе еще были у него сыновья кромѣ будущаго гетмана. Изъ бумагъ Сахно-Устимовичей видимъ, что, кромѣ Данила, Павелъ Апостоль имѣлъ еще и сына Василя. Сынъ послѣдняго—Яковъ былъ женатъ, повидимому, на единственной дочери миргородскаго полковаго есаула Василя Лагоды. Лагода былъ державцею хорольскаго села Аврамовки, которое получилъ отъ своего полковника Апостола, какъ видно изъ его «листа» 1699 г., которымъ Данило Апостоль, повидимому, ускромилъ какое то волненіе аврамовскихъ посполитыхъ: «... ознаймуемъ, ижъ яко передъ симъ, зъ ласки войсковоѣ и *нашой*, села Аврамовки люди посполитые послушенство отдавали п. Василю Лагодѣ, асауловн нашему полковому, такъ п теперъ на томъ есть воля наша,

абы цѣле и непремѣнно въ томъ селѣ тягліе знайдуючіеся люде ему, п. асауловн, во всемъ належите, безъ жадной спречности, отдавали послушенство, а если бы хто мѣлъ быти упорнымъ и противнымъ сей волѣ нашой зъ тихъ помянутыхъ людей тяглыхъ села Аврамовки, таковий знатному, неотступному подлѣгати будетъ караню, цѣле декларуемъ». Черезъ три года послѣ этого Аврамовка находилась уже во владѣніи зятя Лагоды—Якова Апостола, къ которому перешла, повидимому, послѣ смерти тестя и, нужно полагать, съ согласія полковника, того же Данила Апостола. Въ «листѣ» послѣдняго, написанномъ въ 1702 г., читаемъ: «Вамъ войтовѣ и всѣмъ посполитимъ людемъ с. Аврамовки приказуемъ и иначей мѣти хотимъ, абысте якъ въ работизнахъ, такъ и въ инихъ обыклыхъ повинностяхъ были послушниками п. Якову Василіевичи братаничеви нашему иначей, але власне такъ, якъ и предъ симъ отдавалисте всякое послушенство небожчику (покойному) п. Василю Лагодѣ, тестевѣ его, которое абысте и вышереченному братаничеви нашему, а небожниковому зятви, теперь отдавали...»

Мазепина измѣна и послѣдовавшая за нею «руина» вызвала во многихъ мѣстахъ по Малороссіи,—значительныя крестьянскія волненія. Заволновались въ это время и аврамовцы, какъ видно изъ слѣдующаго «листа» Данила Апостола (29 іюля, 1709 г.)—«п. Яковъ Апостоль, знати. тов. полку нашего, прекладалъ намъ о томъ, же вы, подъ его державою зостаючи, послушенства отдавати не хочете... прето яко таковое самоволство сурово вамъ ганимо, такъ видно и грозно чрезъ сей листъ нашъ всѣмъ приказуемъ, абы вы, подъ неотмѣнною державою его п. Якова Апостола зостаючи, належитое поданнымъ обыкновеніемъ во всемъ ему, безъ жадной спреки, послушенство отдавалисте... повторе и подесите грозно вамъ всѣмъ приказуемъ...»

Кромѣ маетности, Д. Апостоль надѣлилъ племянника и урядомъ, поставилъ его полковымъ есауломъ. Но Яковъ Апостоль не долго пожилъ: въ 1717 г. видимъ уже вдову его съ «осиротѣлою дитиною» —ходатайствующею предъ дядею умершаго мужа—объ оставленіи за нею Аврамовки въ прежнемъ послушаніи. Вопросъ о наследованіи войсковыми маетностями былъ вопросъ очень трудный въ старой Малороссіи. Права наследованія въ такихъ маетностяхъ собственно не было, такъ какъ онѣ давались войсковымъ чиновникамъ только въ личное владѣніе, за службу и на время службы. Но отсутствіе точнаго закона и разными личными отношеніи властной стар-

пины къ семьямъ умравшихъ державцевъ—давали возможность не только дѣтямъ умершихъ, но и ихъ вдовамъ удерживать за собою такія маетности... При такомъ положеніи дѣлъ вдовѣ Якова Апостола нетрудно было выпросить у близкаго родственника мужнину маетность для «осиротѣлой дитины», которая, будучи дочерью, даже и въ будущемъ не могла обѣщать какихъ либо «прислугъ войску запорожскому».—Распоряженіе полковника о передачѣ аврамовскихъ крестьянъ въ послушаніе вдовѣ умершаго ихъ державцы выражено слѣдующимъ «листомъ»: «Вамъ, пану сотниковѣ хорольскому, атаманови городовому зъ товариствомъ и войтови тамошнему зо всѣмъ послолствомъ, особливе однакъ атаманови села Аврамовки и войтови тамошнему зо всѣми жителями тамошними..., озваймуемъ, ижъ будучи передъ нами овдовѣлая жена покойного братанича нашего пана Якова Апостола зъ дитиною, по нему небожчику позосталою, просила нашего себѣ призрѣнія, дабы мощно было ей слободне на тихъ всѣхъ угодыяхъ, которыми покойный мужъ еи владѣлъ, прожити и тымъ всѣмъ, що небожчикъ заживаль, безъ жаднаго препятствія, користовати; прето мы тому прошенью еи паней Яковой давши мѣстце и respectfully на услуги мужа еи, барзѣй тежъ на осиротѣлую дитину уважаючи, яко оную зъ позосталою дитиною подъ нашу беремо протекцію, такъ и вамъ всѣмъ старшинѣ, зо всѣми тоей сотнѣ жителями, о семъ обявляючи, пилю мѣти хочемъ и приказуемъ, абы тоей овдовѣлой милаго братанича нашего женѣ нѣхто зъ васъ жаднаго нѣ въ чомъ утиску и обиженя, а въ заживаню добръ, по небожчику позосталихъ, перепоны чинити не важилса. Аврамовскіе тежъ жители, якъ за живота, предчасы, покойному пану Якову около работизнѣ его господарскихъ, отдавали послугу, такъ и по смерти неотмѣнно женѣ его тоежъ послушенство во всемъ, безъ жаднаго сопротивленя, по прежнему, жебы отдавали пилю и грозно приказуемъ и инаичей мѣти хочемъ» (24 августа 1717 г.). Кромѣ того, на этомъ же листѣ сдѣлана слѣдующая интересная приписка, какъ видно, выпрошенная вдовою уже послѣ написанія документа,—«такъ же и тие люде городовые хорольскіе, якіе слухали покойного пана Якова, безъ всякого отмаганя и отговорокъ теперъ женѣ его належную послугу, въ чомъ потреба укажетъ, до волѣ нашої, конечно, жебы отлавали, грозно приказуемъ». Можно догадываться, что эти «хорольскіе городовые люди» были чѣмъ нибудь въ родѣ «куренчиковъ»,—(если бы пларѣчь о подсосѣдкахъ, то было бы добавлено—«жіючихъ въ хатахъ небожчика»),—которые «слухали» Апостола потому только, что онѣ

былъ однимъ изъ полковыхъ урядниковъ; тѣмъ не менѣе и этимъ людямъ «грозно приказывалось» — попрежнему «отдавать послугу» вдовѣ умершаго урядника... А потомъ эти «городовые люди», конечно, были записаны, въ ревизскіе книги, за наслѣдниками Якова Апостола и стали ихъ крестьянами, какъ и всѣ прочіе...

Въ 1731 г. дочь Якова Апостола, Марья, была уже женою сына Устина Сахненка, Василя, къ достаткамъ котораго присоеди-нила имѣнія какъ своего отца, такъ и дѣда Лагоды. Мужъ Маріи Яков-левны писался въ актахъ Устименкомъ, а потомки его, соединивъ въ своемъ прозвищѣ Сахненковъ съ Устименками, стали писаться Сахо-Устимовичами, сохранивъ такую форму своего прозвища и по насто-ящее время.

А. І.

Официальные документы по дѣлу Виктора Садковского.

1) Письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барона Бил-лера къ русскому посланнику при варшавскомъ королевскомъ дворѣ Булгакову изъ Бреста-Литовскаго отъ ¹²/₂₄ сентября 1792 года.

«Ваше Высокопревосходительство! Важнѣйшее извѣстіе, какое я могу вамъ, милостивый государь, имѣть честь доставить, есть полное удовлетвореніе, которое главная конфедерація двухъ народовъ опредѣлила переяславскому епископу, архимандриту слупскому, кото-рый, какъ мнѣ сказывали, нашель убѣжище въ посольскомъ дворѣ вашего высокопревосходительства,—послѣ чего несправедливѣйшее гоненіе перестало ожесточаться противъ него.

Главная конфедерація двухъ народовъ прислала ко мнѣ при семъ приложенное съ надписью къ сему добродѣтельному прелату письмо, которое ваше высокопревосходительство сдѣлайте одолженіе доставьте ему. Оно содержитъ въ себѣ все то, что есть любезнѣй-шаго для души несправедливо гонимой, т. е. объявленіе его неви-ности, произнесенное всѣмъ народомъ.

Что же касается до вступленія его въ епископскую должность, заглаженія претерпѣннаго имъ несправедливаго и вознагражденія какихъ либо потерей въ его имѣніи и доходахъ, то конфедерованная респу-

блика старалась и будетъ стараться о всѣхъ сихъ розничныхъ предметахъ. Она предварительно поручила господамъ коронному и литовскому гетманамъ дать епископу пристойное количество стражей для препровожденія его въ прежнюю епархію. Онъ имѣеть быть переведенъ туда на иждивеніи республики и получить обратно свою должность и имѣнія. Ежели тѣ, которые со времени его отрѣшенія управляли его имѣніемъ, не возвратятъ ему всего того, что слѣдуетъ ему по праву, то онъ можетъ прямо отнестись къ главной конфедераціи, которая сдѣлаетъ ему скорое правосудіе.

Господину кастеляну Оч(ж?)аровскому, который завтра отправится въ Варшаву, поручено отъ господъ гетмановъ дать провожатыхъ, коль скоро сіе будетъ потребовано. Повелѣніе къ скарбовой комиссіи будетъ также дано сегодня.

Наконецъ, я имѣю честь сообщить вашему высокопревосходительству копію съ записки, которую главная конфедерація мнѣ прислала для увѣдомленія меня о удовлетвореніи слѣланномъ переяславскому епископу».

2) Записка генеральныхъ маршаловъ конфедераціи двухъ народовъ дѣйствительному статскому совѣтнику барону Биллеру изъ Бреста-Литовскаго отъ 22 сентября 1792 года.

«Ниже подписавшіеся маршалы конфедераціи двухъ народовъ имѣютъ честь объявить его превосходительству барону Биллеру, что при первомъ открытіи ихъ главныхъ собраній, на коихъ можно было разсуждать о дѣлѣ господина епископа переяславскаго, конфедераціи двухъ соединенныхъ народовъ, разбирая сіе дѣло по кардинальскимъ законамъ его отечества, совершенно нарушеннымъ взятіемъ подъ стражу поминутаго епископа безъ суда и доносу, равно какъ и наглою обидою, причиненною сему достойному прелату, прочтя въ то же время съ почтеніемъ воспоминаніе о семъ дѣлѣ въ объявленіи Ея Императорскаго Величества, почла долгомъ сдѣлать ему явное удовлетвореніе публичнымъ обнародованіемъ несправедливаго поступка и совершеннаго возстановленія его юрисдикціи и правъ на имѣнія, которыя состоятъ въ его владѣніи, при оказаніи ему явныхъ знаковъ почести. Почему мы просимъ господина барона, чтобы онъ благоволилъ взять на себя трудъ препроводить къ своему двору сіе опредѣленіе, увѣряя его въ то же время, что правосудіе и почтеніе къ

его августѣйшей Монархинѣ будетъ всегда словомъ нашего соединенія».

Подписали: «Станиславъ Феликсъ Потоцкій, маршалъ коронной конфедераціи.

Александръ князь Сапѣга, великій канцлеръ литовскій, маршалъ литовской конфедераціи».

3) Письмо отъ господъ маршаловъ генеральной конфедераціи къ Виктору, епископу переяславскому, изъ Бреста-Литовскаго отъ 22 сентября 1792 года.

«Превелебнѣйшій епископъ переяславскій, архимандритъ слуцкій! Правосудіе само собою призываетъ должность народной власти. Конфедерація двухъ народовъ, не ожидая отзыва съ вашей стороны, милостивый государь, и будучи увѣрена о несправедливомъ поступкѣ съ вами, равно какъ и въ безукоризненности вашихъ дѣяній, соглашается на ваше возвращеніе къ своей юрисдикціи и своимъ вольнымъ опредѣленіемъ постановляетъ, чтобъ вамъ немедленно были возвращены ваши права и имѣнія, утвержденныя на неоспоримыхъ основаніяхъ и чтобы ваши доходы, кѣмъ либо удержанные, были возвращены сполна. Имѣя удовольствіе васъ, милостивый государь, увѣдомить о семъ рѣшеніи, сходственномъ съ основаніями законовъ и свободы нашего народа, равно какъ и съ самою справедливостію, мы объявляемъ вамъ, что поелику вы находите насъ расположенными возстановить вашу честь, то равноѣрно увидите насъ готовыми доставить вамъ скорое правосудіе касательно потерей, причиненныхъ вашему имѣнію, по первой просьбѣ, которую вы намъ учините и по увѣдомленію виновныхъ, сіе учинившихъ. Учинено въ Брестѣ-Литовскомъ 22 сентября 1792 года».

Подписали: Станиславъ Феликсъ Потоцкій, генералъ артиллеріи, коронный маршалъ коронной конфедераціи.

Александръ князь Сапѣга, великій канцлеръ и маршалъ конфедераціи великаго княжества литовскаго.

4) Резолюція, возвращающая преосвященному Садковскому, епископу переяславскому, архимандриту слуцкому, юрисдикцію его и вотчины.

«Генеральная конфедерація вольныхъ соединенныхъ обоихъ народовъ.

Поелику декларация Ея Величества Императрицы отъ 18 мая 1792 года съ трогательнымъ сочувствіемъ упоминаетъ о содержаніи

подъ арестомъ преосвященнаго Садковскаго, епископа переяславскаго, слущаго архимандрита, то, по принятіи сего дѣла въ наше разсмотрѣніе, высоко почитаая всякій отзывъ великой Монархини къ нашей націи и оказанное Ея Величествомъ въ сіе найпаче время благотворительное вспомошествованіе для возстановленія національной свободы, мы возвращаемъ упомянутому преосвященному Садковскому, уже освобожденному, его юрисдикцію и всѣ вотчины, которыми онъ владѣлъ въ областяхъ республики, предоставляя ему право повскивать доходовъ своихъ, кѣмъ бы то ни было по сіе время задержанныхъ, законнымъ порядкомъ въ подлежащихъ судахъ. Для возвращенія же его въ свои вотчины поручаемъ гетманамъ обоихъ народовъ дать конвой, какого требуетъ личная безопасность его особы. Дана на засѣданіи въ Врестѣ-Литовскомъ 15 сентибря 1792 года.

Подписали: Станиславъ Феликсъ Потоцкій, генераль артиллеріи, маршалъ коронной конфедераціи.

Александръ князь Сапѣга, великій канцлеръ и маршалъ конфедераціи великаго княжества литовскаго.

Бенедиктъ Гулевичъ, писарь земскій коронной конфедераціи.

27 сентибря 1792 г. сія резолюція подана и записана въ акты сконфедерованной земли Варшавской, въ чемъ свидѣтельству. Регентъ земскій варшавскій Викторинъ Германъ.

Копіи прописанныхъ актовъ русскій посланникъ Булгаковъ сообщилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а преосвященный Викторъ при своемъ рапортѣ отъ 11 октября 1792 года въ Святѣйшій Синодъ.

5) На основаніи синодальнаго указа, послѣдовавшаго отъ 10 декабря того же года на имя кievскаго митрополита Самуила, преосвященный Викторъ вступилъ въ управленіе своею епархіею. Но предъ возвращеніемъ въ свою слущкую резиденцію, онъ счелъ нужнымъ послать къ паствѣ своей слѣдующую грамоту, въ которой кратко описывается его тюремное заключеніе:

«Божіею милостію смиренный Викторъ Садковскій, православный епископъ переяславскій и бориспольскій, коадьюторъ митрополіи кievскія и слущкаго Свято-Троицкаго благочестиваго монастыря архимандритъ.

Мы, пастырь, всечестнымъ отцамъ архимандриту, игуменамъ съ братіею, честнымъ отцамъ протоіеремъ съ присутствующими въ духовныхъ правленіяхъ, и всѣмъ восточнымъ греко-неунитскимъ церкве паствы нашей духовнымъ и мірскимъ возлюбленнымъ намъ о Христвѣ

чадомъ благодати Господа нашего Иисуса Христа, любви Бога и Отца и причастія Святаго Духа пастырски желая, предлагаемъ.

По неиспытаннымъ Божиимъ судьбамъ, по коимъ Отецъ, играя на кругѣ земномъ и утѣху свою имѣя съ сынами человѣческими, иногда доущаетъ сатанѣ и избраннѣйшихъ своихъ рабовъ съяти, аки ишеницу, взнесени были предъ симъ въ здѣшнемъ государствѣ на насъ вовсе напрасная (какъ нынѣ уже и цѣлому свѣту извѣстно) клевета о нѣякомъ, имѣвшемъ якобы произойти отъ насъ, а по наущенію нашему и отъ елиновѣрныхъ паствы нашея духовныхъ и мірскихъ грековосточныхъ неунитскихъ исповѣдниковъ противу своего отечества бунтѣ, къ чему де и нѣякія орудія будто въ заготовленіи и въ сохраненіи были. Что о такомъ всѣмъ государственнымъ и Божиимъ законамъ противномъ злѣ и сущему отечества врагу свойственномъ предпріятіи мы никогда ниже помышляли, въ томъ домашній нашъ судія, совѣсть епископская не имѣетъ зазрѣнія во всякое время сослаться не только на Испытующаго сердца и утробы Всевышняго, но и на всѣхъ васъ, безъ изыятія съ тѣмъ истиннѣйшимъ доказательствомъ, что отъ насъ, гдѣ только въ Украинѣ и въ Литвѣ довелось паствы нашея мѣста посѣщать, вездѣ какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ людямъ виѣдряемы были довольно убѣдительныя наставленія, межъ прочаго, хранить святѣйшую къ своему отечеству вѣрность съ должнымъ властямъ и помѣщикамъ своимъ повиновеніемъ, яко отъ сего все ваше благоденствіе непосредственно зависитъ.

А по сему сколь помянутая клевета не умножалась, даже съ разсѣніемъ уже страшныхъ и сильно намъ съ размѣрными такому злу слѣдствіями грозившихъ вѣстей, не могла однакъ духа нашего, всегда непорочностію ободряемаго, и малѣйше поколебать. Почему, бывъ въ состояніи отъ грядущаго зла себя бѣгствомъ спасти, въ оное не вдались; но напротиву того, во всей толикой молвы времени небоязненно отправляли мы, по долгу нашему, публичныя въ резиденціи нашей, въ городѣ Слуцкѣ, церковныя богослуженія. По сему какъ тогожъ города, такъ и окрестныхъ его мѣстъ съ разнаго чина, достоинства и религіи обывателями обращались мы не устами только говори: *благо же благо же*, а сердцемъ: *пожрохомъ его*, но дружески и чистосердечно. Почему на остатокъ и что за высочайше жалованнымъ намъ отъ его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго нашего Государя, привилегіемъ и по учиненной нами на вѣрное подданство, какъ его королевскому величеству, такъ и высокимъ Рѣчи Посполитой станомъ торжественной въ городѣ Тульчинѣ присягѣ,

паства намъ здѣсь вручена, силою чего, по примѣру каждаго вѣрно-подданнаго обивателя, выходить или выѣзжать, куда пожелаемъ, свободу мы имѣли, всѣ тѣ яко пустыя разглашенія отражая, отлучились было мы изъ города Слуцка въ мѣстечко Грозовъ, за три мили отъ онаго отстоящее, въ тамошній нашей слудкой Троицкой архимандріи приписный монастырь въ несовершенномъ нашемъ здравіи на краткое время для отдохновенія.

Но на другой того день т. е. 1789 года апрѣля 18 числа, при возвращеніи нашемъ накі въ Слуцкъ, схвачены мы съ бывшими при насъ военною вооруженною командою на пути, и первѣ посажены въ Несвѣжскомъ замкѣ, потомъ отвезены въ Варшаву, наконецъ изъ Варшавы въ Ченстоховскую крѣпость; вездѣ содержаны мы были подъ крѣпчайшею стражею: въ Несвѣжѣ двѣ недѣли, въ Варшавѣ три лѣта и мѣсяць, а въ Ченстоховѣ пять недѣль.

Но по благодати тогожъ Всевышняго Провидца, вѣдѹщаго неопивинныя и, искусивъ ихъ, могущаго и избавляти отъ напасти, настоящаго года іюля 19 числа изъ того угнѣтавшаго и удручавшаго насъ арешту ставши уволены, отъ пресвѣтлой конфедераціи генеральной обоихъ народовъ сентября 14 числа получили мы резолюцію и листъ съ признаніемъ нашей невинности, касательно выше выраженной клеветы, и съ возвращеніемъ насъ къ нашимъ имѣніямъ и юрисдикціи.

На какомъ основаніи мы, вступивъ въ отправление нашихъ епархіальныхъ дѣлъ и положивъ за Божіею помощію намѣреніе вскорѣ выѣхать изъ Варшавы въ городъ Слуцкъ къ прежней нашей резиденціи, о томъ всѣмъ паствы нашей возлюбленнымъ о Христвъ сынамъ извѣщаемъ, пастырски повелѣвая монастырскимъ настоятелямъ въ монастыряхъ, а протоіереймъ и всѣмъ вѣдомства ихъ священникамъ въ приходскихъ церквахъ, по божественной въ воскресные или праздничные дни литургіи, чтеніемъ сіе обнародовать. Чего ради и коніи резолюціи и листа пресвѣтлой конфедераціи генеральной съ переводомъ на російскій языкъ у сего прилагаются. Дано въ Варшавѣ 1792 года ноября 30 дня за подписомъ нашимъ и при печати нашей».

(М. П.)

Смиренный Викторъ, епископъ переяславскій и бориспольскій, коадьюторъ кievской митрополіи, архимандритъ слудкаго благочестиваго Свито-Троицкаго монастыря».

Конія грамоты сей 2 генваря 1793 года препровождена кievскому митрополиту Самуилу изъ г. Слуцка намѣстникомъ тамошняго

Троицкаго монастыря игуменомъ Кипріаномъ, а копии прочихъ вышепрписанныхъ документовъ препровождены тому же митрополиту при письмѣ преосвященнаго Виктора отъ 6 октября 1792 года изъ Варшавы и при уважѣ Святѣйшаго Синода отъ 10 декабря того же года за № 1680. Копіи эти хранятся въ архивѣ кievской духовной консисторіи между дѣлами за 1792 годъ.

Протоіерей П. Орловскій.

Контроль Губ. Канц. надъ расходами кievскаго магистрата по исправленію нѣкоторыхъ „городскихъ надобностей“. Высоч. указомъ 15 іюля 1759 г. въ г. Кіевѣ отмѣнены были денежные сборы, производимые магистратомъ, съ привозныхъ съѣстныхъ припасовъ, сборы за вѣсы, мѣры, бойни, за мѣста и за мосты, каковыя сборы, по сложности послѣднихъ трехъ лѣтъ, составляли 559 р. 66 к. Въ замѣнъ этихъ отрѣшенныхъ сборовъ, указомъ Пр. Сената отъ 17-го февр. 1756 г. опредѣлено было отпустить изъ Кіев. Губ. Канц. ежегодно кievскому магистрату изъ таможенныхъ сборовъ по 479 р. 66 к. ¹⁾ на строеніе палисадника, содержаніе на Подолѣ мостовыхъ улицъ, карауленъ и пр. Для контроля производимыхъ изъ этой суммы расходовъ выдавалась изъ К. Губ. Канц. магистрату особая книга, а для фактической повѣрки и свидѣтельствванія разнаго рода «строеной и исправленій» командировался ежегодно особый офицеръ, который

¹⁾ кiev. магистрату изъ числа собираемыхъ въ тотъ магистратъ издревле, по жалованнымъ грамотамъ, съ привозныхъ хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ, за вѣсы, мѣры, за бойни, за мѣста и мосты, магистратскимъ коштомъ строенныя, по сложности трехъ лѣтъ изъ 559 р. 66 к., за выключеніемъ 80 р., что оной магистратъ повсягодно платитъ въ К. Софійскій кафедральный монастырь, достальныя деньги 479 р. 66 к. (которыми, какъ оной магистратъ представляетъ, строятъ нижній г. Кіевъ наз. Подоль, т. е. палисадникъ, караульни и мосты, содержатъ почту, ставятъ подводы и другіе расходы чинить) на вышеписанное содержаніе надлежитъ отпустить изъ новоучрежденныхъ таможенъ изъ внутреннихъ 13-ти коп. пошлянъ съ того времени, какъ оной магистратъ, по силѣ состояшагося имен. о уничтоженіи въ Малой Россіи индукты и эванты іюля 15 д. 1754 г. указу, тѣ въ Кіевѣ сборы собирать оставилъ А чтобъ тѣ деньги держалъ точно на то содержаніе, въ томъ смотрѣніе имѣть Кіев. Губ. Канц., которой для записки повсягодно тѣхъ денегъ давать прих. и расх. книги, а по прошествіи года по тѣмъ книгамъ оныя деньги свидѣтельствовать“.

Упомянутые здѣсь 80 р., прежде отпускавшіеся магистратомъ въ Софійскій м—ръ, теперь выдавались этому м—рю изъ Кіев. Губ. Канц.

и представляя обстоятельный рапортъ объ этомъ свидѣтельствovanіи въ Губ. Канц.,

кажется, что этотъ контроль надъ расходovanіемъ вышеупомянутой суммы и былъ первымъ формально узаконеннымъ вмѣшательствомъ губернской администраціи въ «экономію» города, въ магистратское хозяйничанье.

Съ 1766 года отпущалось уже магистрату изъ тѣхъ же таможенныхъ сборовъ по 1209 р. 12 к. ¹⁾, для полученія которыхъ за весь годъ и отправлялся изъ магистрата въ Губ. Канц. кто либо изъ довѣренныхъ урядниковъ.

Въ рукахъ у меня находились расходныя книги на 1780-й годъ и рапорты объ освидѣтельствovanіи произведенныхъ на Подолѣ магистратомъ строеній и исправленій за 1762, 1780 и 81-й годы.

Въ 1762 году свидѣтельство палисада, караулень, мостовъ и пр. производилъ инженеръ капитанъ Бибиковъ, рапортъ котораго знакомить въ извѣстной мѣрѣ съ тогдашнимъ состояніемъ городскихъ улицъ, городского палисада, караулень и рогатокъ. Изъ него видно, что главная Подольская улица начинавшаяся отъ «Крещатскихъ воротъ», далеко не вся была вымощена, «отъ рынку мимо Братскаго м—ря влѣво къ Воскресенскимъ воротамъ и отъ рынку-жъ мимо Петропавловскаго м—ря къ Ерданской рогаткѣ мосты ветхи, съ Воскресенской улицы къ Днѣпру по набережной Николаевской ул. мостъ починки требуетъ, а по прочимъ улицамъ, кромѣ вышечисленныхъ, ни по которой мостовъ не имѣется». Палисадъ оказался во многихъ мѣстахъ ветхимъ, гнилымъ, изъ четырехъ караулень только одна была въ совершенной исправности. Изъ вѣдомости, представленной въ маѣ м-цѣ 1781 г. секунд-майоромъ Андреемъ *Токаревымъ*, объ осмотрѣ

¹⁾ Видно это изъ имѣшагося у меня предложенія ген. губ. Воейкова отъ 30-го іюля 1769 г.: «... К. Губ. Канц. имѣеть приказать подлежащіе, въ силу присланнаго ко мнѣ изъ Пр. Сената 766 г. іюля отъ 31-го д. указа, вмѣсто отрѣшенныхъ по указамъ 754 и 755 годовъ, собираемыхъ кiev. магистратомъ на разные городовыя нужные издержки, тожъ и на строеніе повелѣннаго для гражданъ запаснаго магазейна, на вышній 769 годъ денегъ 1209 р. 12 к. во оный магистратъ изъ имѣющейся въ К. Губ. Канц. таможеннаго сбора суммы, какъ по тому указу повелѣно, отпустить и отдать тѣ деньги присланному для приѣма оныхъ того жъ маг-та лавнику Ивану Дмитровичу, записавъ въ расходъ, съ роспискою». На тотъ же указъ 31-го іюля 1766 г., какъ видно, обыкновенно ссылался магистратъ, командируя для приѣма денегъ своихъ уполномоченныхъ (такой рапортъ у меня имѣлся 1781 года, когда за приѣмомъ денегъ и зашнурныхъ книгъ командировалъ б. лавникъ Иванъ Косачинскій)».

имъ улицъ, карауленъ и налсадниковъ «съ показаніемъ, что противу прошлаго 780 г. вѣдомости починкою исправлено и что нынѣ исправить слѣдуетъ», видно, что въ этомъ году «главныхъ мостовыхъ улицъ» на Подолѣ было семь:

1) Рождественская отъ Крещатской рогатки шла чрезъ весь городъ мимо Покровской церкви, чрезъ извоицкую площадь мимо Братскаго монастыря до Воскресенской башни, откуда продолженіемъ ея была Введенская ул.

2) Отъ Рождественской церкви шла улица мимо епископскаго Переяславскаго подворья.

3) Набережная Никольская до р. Днѣпра.

4) Борнсо-глубская отъ житнаго ряду до торговыхъ бань.

5) Спасская отъ гостиннаго двора до Днѣпра.

6) «Идущая поузь академическія школы до бровара монастыря Братскаго».

7) Духовская отъ старыхъ бурсъ до Днѣпра.

Карауленъ по вѣдомости показано четыре:

1) Рождественская, 2) Воскресенская, 3) Кожемяцкая, 4) Ерланская.

Всѣ эти улицы показаны въ вѣдомости въ общемъ исправными. О дорогѣ на старый городъ сказано такъ: «дорога отъ Доброго Николая къ Андрею Первозванному, что въ старой Кіевѣ, въ прошломъ 780 годѣ между горъ распространена, фошинникомъ утверждена, пескомъ усыпана, имѣющіеся ключи заглушены, но нынѣ, хотя то починкою было исправлено, къ лучшему жъ утвержденію отъ показаннаго магистрата промоины и выбоины мѣстами фошинникомъ наслать, землю поровнявъ и сверху пескомъ усыпать, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для распространенія дороги наплывающую землю отъ горъ очистить, да и ключъ въ одномъ мѣстѣ заглушить».

Изъ одной сиравки Губ. Канц. видно, что такое освидѣтельствованіе на Подолѣ производили: въ 1767, 68 и 69 годахъ подполк. Андрей *Панинъ*, въ 1770 и 71-мъ секундъ маіоръ *Осиповъ*, въ 1772-мъ сек. маіоръ Михайло *Степановъ*, въ 1773 г. неизвѣстно, въ 1774 поручикъ *Новгородцовъ*, въ 1775 не свидѣтельствованы, въ 1776 г. пор. Новгородцовъ, въ 1777 сек. маіоръ *Суровцовъ*, въ 1778 и 79-мъ сек. маіоръ Епанчинъ, въ 1780-мъ инженеръ поручикъ *Крутовъ*.

А. А.

Пререканіе кievской городской думы съ администраціей по поводу одной изъ статей городскихъ доходовъ въ 1785—87 г.

Кievская градская дума въ первый же годъ своего существованія по новому городовому положенію вошла въ пререканіе съ администраціей по весьма важному вопросу о томъ: куда должны поступать собираемые въ пользу города на Васильковской таможи доходы, — въ градскую ли думу или въ приказъ общественнаго призрѣнія? Дѣло это возникло въ 1785 г., но и черезъ два года оно нисколько не подвинулось въ своемъ рѣшеніи. Сущность же его, какъ можно судить по одному сохранившемуся документу, состояла въ слѣдующемъ.

Въ сентябрѣ м-цѣ 1785 г. кievскій губернаторъ Ширковъ предложилъ магистрату, уже доживавшему свои послѣдніе дни и тогда же преобразованному по новому городовому положенію въ градскую думу, — построить вновь на указанныхъ имъ мѣстахъ колодцы, а старыя надлежащимъ образомъ исправить. При этомъ самъ же губернаторъ указалъ на источникъ, изъ котораго могутъ быть почерпнуты средства для этихъ расходовъ, предписавъ обратиться въ казенную палату и встребовать отъ нея «потребное число изъ суммы, на таможенныхъ въ пользу городовъ собираемой». Согласно съ этимъ предложеніемъ, дума 4-го ноября того же 1785 г. просила казенную палату сообщить ей «о количествѣ собранныхъ, за силу Е. И. В. 1782 г. въ 22 д. сентября состоявшагося указа, въ Васильковской таможи въ пользу сего города денегъ» и доставить ихъ въ думу. Казенная палата отвѣчала, что де «какъ собираемыя въ Васильковской таможи въ пользу городовъ пошлинныя и другія деньги поступають приходомъ въ здѣшній приказъ общественнаго призрѣнія, и каз. палата до оныхъ никакова касательства не имѣеть, то и отнеслась бы дума къ Е. П. г. губернатору». Когда же дума обратилась къ губернатору съ просьбой сдѣлать распоряженіе о причисленіи названныхъ денегъ къ городскимъ доходамъ, тогда губернаторъ въ мартѣ 1786 г., составившись на 5 и 6 п. упомянутаго выше указа отъ 22 го сентября 1782 г. и на 146 ст. город. положенія ¹⁾, увѣдомилъ думу, что деньги эти «въ вѣдомство думы не слѣдуютъ», такъ какъ де онѣ, поступая въ приказъ общ. пр., «употребляются на распространеніе въ семь городѣ полезнаго и отдаются остатки въ проценты». Губернаторъ

¹⁾ Хотя по этой 146 ст., писалъ губернаторъ, и повелѣно: „въ которомъ городѣ есть портовая или пограничная таможня, тамъ, по указу отъ 22 сент. 782 г. опредѣляются городу въ доходъ собираемыя съ привозныхъ товаровъ съ каждаго

очевидно, отрицалъ право городской думы распоряжаться этими деньгами, полагая, что право это принадлежит приказу общ. пр. Городская дума, вновь обсудивъ этотъ вопросъ въ общемъ собраніи и признавъ, что именно указанныя губернаторомъ статьи ясно предоставляютъ упомянутыя деньги въ доходъ города, «дабы непричисленіе ихъ къ градскимъ доходамъ не имѣло быть признано нерадѣніемъ градской думы и упущеніемъ ея должности», просила губернатора представить этотъ вопросъ на разрѣшеніе намѣстнику гр. Румянцову или же разрѣшить ей самой обратиться къ нему по этому дѣлу. Губернаторъ долго ничего на это не отвѣчалъ. Между тѣмъ въ апрѣлѣ м-пѣ 1787 г., согласно послѣдовавшему высоч. рескрипту объ учрежденіи оснопрививательнаго института, городская дума должна была, по указанію губернатора, приобрести для этой цѣли домъ вице-губернатора Александра Федоровича Башилова, и репортомъ отъ 5-го августа представила губернатору, опятъ сославшись на 4 и 6 п. им. указа 22 сентября 1782 г., что за этотъ домъ «слѣдуетъ уплатить съ тѣхъ въ пользу города въ таможиѣ собираемыхъ денегъ» и при этомъ, «усугубляя прежнюю свою просьбу», просила губернатора предписать, кому слѣдуетъ, «какъ собранные до сего, въ силу вышепрописанныхъ всевысоч. узаконеній, въ Васильковской таможиѣ деньги къ причисленію къ городскимъ доходамъ въ сію думу доставить, такъ и впредь, сколько оныхъ собратся можетъ, доставляемо было бѣ».

Губернаторъ, указывая главнымъ образомъ на то, что собираемыя въ пользу городовъ на таможнякъ сборы имѣютъ определенное назначеніе, на содержаніе такихъ учреждений въ городѣ, которыми завѣдываетъ приказъ общ. пр., заявлялъ, что эти сборы «въ число вступаемыхъ собственно городскихъ доходовъ отданы быть не могутъ, но принадлежать приказу общ. пр.», а потому «и не имѣла дума резона полагать на заплату г. ст. сов. Башилову за домъ изъ собираемыхъ въ таможиѣ доходовъ», сославшись затѣмъ на высоч. повелѣніе объ устройствѣ больницы для заразныхъ болѣзней на счетъ «здѣшнихъ городскихъ доходовъ», губернаторъ говоритъ, что доходы эти «нынѣ за упраздненіемъ монастырскихъ шинковъ и присвоеніемъ

пошлинного рубля по двѣ копейки, а съ отвозныхъ по копейкѣ», но такъ какъ де эти доходы собираются въ пограничной таможиѣ не въ городѣ, а внѣ его, въ Васильковѣ, то потому они и не должны поступать въ город. думу. Но въ 6 п., какъ писала и дума, ясно сказано, что гдѣ таможи находятся не въ городахъ, но внѣ ихъ, тамъ этотъ доходъ поступаетъ въ пользу губернскаго города той губерніи.

въ пользу города всей вообще винной продажи, но всѣмъ его частямъ, знатно умножиться должны и ко многому полезному для здѣшняго общества пособствовать могутъ, такъ и на заведеніе прививанія осы слѣдуетъ нужныя деньги заимствовать изъ городскихъ же доходовъ».

Только послѣ этого отвѣта губернатора, городская дума обратилась 11-го сентября 1787 г. съ репортомъ къ гр. Румянцову, мотивируя это обращеніе тѣмъ же опасеніемъ, «дабы недоставленіе до сего означенныхъ денегъ въ вѣдѣніе городской думѣ не могло причтено быть ея нерадѣнію или пропущенію должности, закономъ ей предписанной».

Репортъ этотъ подписали градской глава Евфимъ Митюкъ и гласные: Григорій Радзицкій, Александръ Лебединскій, Матвѣй Мединцовъ и Василій Стефановичъ.

А. А.

Къ исторіи Кубанскаго войска. 30 іюня 1892 года исполнилось 100 лѣтъ съ того времени, когда Екатерина II пожаловала черноморскимъ казакамъ войсковыя земли на правой сторонѣ р. Кубани.

Въ грамотѣ отъ 1 іюля 1792 г. между прочимъ было сказано, что таврическому губернатору поручено: «истребовать для причисленія къ войску тѣхъ старшинъ и казаковъ, которые дѣйствительно прежде служили въ военномъ званіи и въ Запорожьѣ и, по разрушеніи Сѣчи, поселясь въ разныхъ мѣстахъ, удерживаются противъ ихъ воли».

Въ концѣ грамоты выражена увѣренность въ томъ, что войско «употребить усильнѣйшее стараніе о скорѣйшемъ переселеніи своемъ на эту землю изъ области между Днѣстромъ и Бугомъ», которая въ 1787 г. была назначена для переселенія запорожцамъ.

Въ своихъ запискахъ А. Туренко говоритъ, что 3 іюля 1787 г. Екатерина II, проѣзжая въ Тавриду, позволила старшинамъ запорожскаго войска: Сидору Бѣлому, Антону Головатому и другимъ поселить казаковъ между рѣками Днѣстромъ и Бугомъ. Полагаемъ, однако, что столѣтіе черноморскаго или кубанскаго войска слѣдуетъ считать съ 30 іюня 1792 года, когда была дана грамота на занятіе земли по р. Кубани, какъ сказано въ исторіи войска ¹⁾. Замѣтимъ, что войсковой атаманъ, генераль-маіоръ З. Челѣга и полковой судья А. Го-

¹⁾ См. „Черноморскіе казаки“. С. П. 1853 г. стр. 185.

ловатый, такъ много потрудившіеся для войска, скончались въ январѣ 1797 г., какъ поясняетъ Туренко ¹⁾.

Въ этой замѣткѣ мы пользуемся перепиской екатеринославскаго намѣстническаго правленія съ алексопольскимъ ²⁾ городничимъ, княземъ Манвеловымъ: «о высылкѣ служащихъ въ черноморскомъ войскѣ старшинъ и казаковъ, начатой въ 1790 году. Правитель намѣстничества сообщилъ, что атаманъ черноморскихъ казаковъ, бригадиръ З. Чепѣга, проситъ выслать въ войско старшинъ и казаковъ, отпущенныхъ въ домовые отпуски въ екатеринославскую губернію. Поэтому правленіе предписало, 26 февраля 1790 г., исправникамъ и городничимъ выслать этихъ казаковъ въ мартѣ мѣсяцѣ съ тѣмъ, чтобы имъ не дѣлать при этомъ никакихъ обидъ и притѣсненій, и донести о томъ правленію, подъ опасеніемъ штрафа за неисполненіе. При указѣ не былъ приложенъ списокъ старшинъ и казаковъ.

Спустя два дня, правленіе сообщило алексопольской управѣ благочинія, что князь Г. А. Потемкинъ-Таврической прислалъ правителю намѣстничества, при ордерѣ отъ 13 февраля 1790 г., копію Высочайшаго повелѣнія о наименованіи его «великимъ гетманомъ» казачьихъ войскъ и приложило копію этого повелѣнія для свѣдѣнія. Несомнѣнно, что князь Г. А. Потемкинъ очень интересовался титуломъ гетмана. Это видно изъ того, что онъ старался обнародовать этотъ указъ. На это также указываетъ письмо повѣреннаго князя, М. Гарновскаго, отъ 21 марта 1790 г. къ В. С. Попову ³⁾, управлявшему канцеляріей Потемкина. Извѣстно, что въ то время пользовался расположеніемъ Екатерины II графъ Ш. А. Зубовъ, о которомъ Гарновскій долженъ былъ извѣщать Попова.

Далѣе правленіе сообщило 2 іюля 1790 г., алексопольскому городничему, что бригадиръ З. Чепѣга требуетъ: «выслать къ нему полкового старшину, арміи поручика Заноревскаго, предварительно отобравъ на мѣстѣ отъ него всѣ письменныя наставленія и другія бумаги, какія у него явятся; ему же, Заноревскому, объявить, чтобы онъ слѣдовалъ въ кошъ, а въ случаѣ сопротивленія отправить туда подъ присмотромъ».

Вѣроятно, атаманъ Чепѣга узналъ о томъ, что командированный имъ въ екатеринославское намѣстничество для вызова запорож-

¹⁾ См. „Ист. зап. о войскѣ черном.“ А. Туренка. Киевск. Стар. 1887 г.

²⁾ Алексоподемъ названо было тогда м. Нежворощь полтавск. губерніи.

³⁾ См. „Русскую Старину“ 1876 г. „Записки Гарновскаго“.

цевъ на службу, старшина Заноревскій записываетъ въ козаки не принадлежащихъ къ нимъ людей и «другія тому подобныя несправедливости дѣлаетъ, а тѣмъ наводитъ черноморскому обществу и ему, Чепѣгѣ, порокъ и нареканіе», какъ сказано въ сообщеніи. Очевидно, Заноревскій слишкомъ увлекся и потому вызвалъ неудовольствіе своего начальника. На это городничій, кн. Манвеловъ, донесъ, 21 іюля 1790 г., что въ г. Алексополѣ поручика Заноревского «не считалось». 28 іюля того же года правленіе сообщило алексопольской управѣ благочинія, что князь Потемкинъ прислалъ рапортъ атамана Чепѣги, въ которомъ послѣдній донесъ ему, что «возвратившіеся изъ домовыхъ отпусковъ старшины и козаки жалуются на отягощеніи и разоренія въ селеніяхъ, семействамъ ихъ чинимыя». Вслѣдствіе этого князь Потемкинъ предписалъ исключить семейства козаковъ, служащихъ въ черноморскомъ войскѣ, изъ подушнаго оклада и позволить имъ переселиться на землю, назначенную имъ между Днѣстромъ и Бугомъ. Тогда же намѣстническое правленіе разослало указы въ суды и управы благочинія «о непремѣнномъ онаго Его Свѣтлости повелѣніи исполненіи» и предписало доставить ему именныя вѣдомости обо всѣхъ поступившихъ въ черноморскіе козаки людяхъ и ихъ семействахъ. Потомъ казенная палата, 7 сентября 1790 г., послала въ алексопольскую управу благочинія подтвержденіе о доставленіи вѣдомости жителей г. Алексополя, поступившихъ въ черноморскіе козаки. Затѣмъ правленіе, 30 сентября 1792 г., прислало въ алексопольскій уѣздный судъ двѣ копии грамотъ,—данныхъ черноморскому войску 30 іюня и 1 іюля, и поручило коніи съ нихъ разослать въ присутственныя мѣста. Изъ этого распоряженія видно, что грамоты были присланы правителю намѣстничества при именномъ указѣ 15 іюля 1792 г., и что войсковое начальство уведомило его, что козаки, живущіе на земляхъ между Бугомъ и Днѣстромъ, будутъ въ томъ же году переселяться на Фанагорійскій островъ. Поэтому правитель предписалъ исправнику херсонскаго уѣзда принимать слѣдовавшія туда команды того войска на Бугѣ, въ Соколахъ, и проводить ихъ въ Бериславъ до границы таврической области. 7 іюня 1794 г., исправникъ Андрей Шошинъ сообщилъ въ алексопольскую управу благочинія, что намѣстническое правленіе поручило ему изслѣдовать о черноморскомъ козацѣ Никитѣ Остроухѣ и его отцѣ, Иванѣ, «кто изъ нихъ съ бывшихъ запорожцевъ и изъ не бывшихъ въ ономъ, съ какого званія въ черноморцы поступили». Никита Остроухъ предъ-

явилъ Шошину свидѣтельство отъ жителей г. Алексополя ¹⁾ Ѳедора Перескока, Василя Кудры и другихъ о томъ, что отецъ его Иванъ служилъ въ звонковскомъ куренѣ запорожскаго войска двадцать лѣтъ. Но исправникъ потребовалъ, чтобы управа выслала восемь свидѣтелей на 11 іюня къ нему, въ с. Плавещину, для снятія съ нихъ показаній подъ присягою. На это уже городническое правленіе отвѣтило исправнику, что отправляеть четырехъ свидѣтелей: Ѳедора Лымаря и другихъ; старшина Данильченко и Перескока находились въ отлучкѣ, а Василя Кудру и Савву Ярошенка «по крайней ихъ старости и дряхлости выслать никакъ не можно». Поэтому правленіе увѣдомляетъ, что остальныхъ свидѣтелей, если показаній первыхъ будетъ недостаточно, можно допросить на мѣстѣ. Чернииска окончилась указомъ намѣстническаго правленія отъ 23 августа того же года, посланнымъ исправляющему должность городничаго, уѣздному судѣ, секундъ-маіору Миргалову о томъ, что начальникъ черноморскаго учебнаго флота, вице-адмиралъ І. М. де-Рибасъ, требуетъ собрать «черноморскаго войска козаковъ, кои остались здѣсь отъ переселенія войска на Тамань, для употребленія на лодьи при ввѣренномъ ему флотѣ». Вслѣдствіе распоряженія генераль-аншефа графа А. В. Суворова-Рымникскаго, де-Рибасъ отправилъ для этого полковаго эсаула Червенка, а потому правленіе предписало исправникамъ и городничему оказывать ему помощь, но при этомъ поручило наблюдать «дабы не служившіе первое на дѣйствительной службѣ въ бывшемъ запорожскомъ, а потомъ и черноморскомъ, имъ Черненкомъ отнюдь взяты не были и тѣмъ бы не послѣдовало между казенными поселянами и помѣщичьими подданными поводу къ побѣгу». Правленіе предписало также исправнику, по прибытіи эсаула Червенка, потребовать отъ него именной списокъ о принадлежащихъ къ гребной флотиліи козакахъ и, по удостовѣреніи въ томъ, отпустить этихъ козаковъ, давъ имъ на проходъ билеты. Затѣмъ о тѣхъ, которые окажутся не служившими въ запорожскомъ войскѣ, не отдавая ихъ, донести правленію съ объясненіемъ: кто свидѣтельствуеть о нихъ изъ мѣстныхъ жителей. Въ этомъ случаѣ правленіе боялось, чтобы Черненко не повторилъ того, что допустилъ Заноревскій.

Сообщаемыя свѣдѣнія безъ сомнѣнія доказываютъ, что полководцами Екатерины II запорожцы признавались вполне способными

¹⁾ Алексополемъ въ 1794 г. называлось м. Царичанка кобеляскаго уѣзда, потавской губерніи.

для сухопутной и морской войны. Поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые выставляютъ занорожское войско, не пригоднымъ для военныхъ дѣйствій.

Прилагаемъ копію указа намѣстническаго правленія. Указъ Е. И. В. С. В. Изъ екатеринославскаго намѣстническаго правленія алексопольской управѣ благочинія.

По указу Е. И. В. екатеринославское намѣстническое правленіе, по сообщенію господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника правителя екатеринославскаго намѣстничества и каналера, въ коемъ написано, что его свѣтлость высокопочетительный господинъ генераль-фельдмаршалъ екатеринославскій, таврической и херсонскій генераль-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврической въ ордеръ къ нему, послѣдовавшемъ отъ 13 числа сего февраля подъ № 717, далъ знать, что Е. И. В. благоудно было всемилостивѣйше повелѣть его свѣтлости именоваться великимъ гетманомъ Императорскихъ козацкихъ екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ,—препроводить изволилъ для надлежащаго въ губерніи, имъ правимой, предложенія экземпляры Высочайшаго Е. И. В. о томъ повелѣніи, съ коихъ экземпляровъ, прилагая при томъ сообщеніи восемнадцать, требуетъ: разослать оныя въ надлежащія присутственныя мѣста екатеринославской губерніи для свѣдѣнія о изложенномъ Е. И. В. повелѣніи. Приказали: объ ономъ для свѣдѣнія въ палаты и приказъ общественнаго призрѣнія сообщить, совѣстному суду предложить, а въ прочія присутственныя мѣста послать указы съ приложеніемъ по одному экземпляру въ палаты и верхнія мѣста подлинныя, а въ уѣздныя—копіи. Февраля 28 дня 1790 года № 4160.

Подлинный подписалъ: Александръ Тибекинъ.

П. Кятицынъ.

Анекдотъ о Мечиславѣ Потоцкомъ. М. Чайковскій въ той части своихъ записокъ, которая посвящена пребыванію его за границей, передаетъ интересный рассказъ объ одномъ изъ польскихъ магнатовъ гр. Мечиславѣ Потоцкомъ; впрочемъ, рассказъ этотъ едва ли не принадлежитъ числу ходячихъ анекдотовъ, приурочиваемыхъ то къ тому, то къ другому лицу. Вотъ этотъ рассказъ:

Мечиславъ Потоцкій, какъ и всѣ Потоцкіе, былъ удивительный оригиналъ: крайняя скудность совмѣщалась въ немъ съ величайшей

расточительностью. Въ его имѣніи Тульчинѣ, какъ и вездѣ въ Россіи въ то время, была монополія на продажу водки. Козаки пана Потоцкаго держали караулы, чтобы не пропускать водки въ мѣстечко. Скупою и недовѣрчивою п. Мечиславъ заподозрилъ ихъ добросовѣстность и однажды сообщилъ женѣ, извѣстной красавицѣ Дельфинѣ Потоцкой, о своемъ намѣреніи переодѣться крестьяниномъ и попытаться провезти въ мѣстечко водку съ цѣлью испытать вѣрность сгражниковъ. Этотъ разговоръ услышала случайно находившаяся въ сосѣдней комнатѣ горничная, возлюбленный которой находился въ числѣ стражниковъ. Дѣвушка предупредила своего жениха о замыслѣ пана. Козакъ сообщилъ о немъ товарищамъ и они сообща составили планъ дѣйствій. Подъ вечеръ на дорогѣ показался одноконный возъ, съ сидящимъ на немъ крестьяниномъ, въ которомъ козаки узнали пана. Они тотчасъ остановили возъ и приступили къ обыску. Крестьянинъ клянется, что у него нѣтъ никакой контрабанды и, наконецъ, предлагаетъ полтинникъ за пропускъ безъ осмотра. Козаки выругали соблазнителя и попотчивали его нагайками, а когда нашли на возу водку, принялись бить его безъ милосердія. Графъ не выдержалъ и сталъ кричать: «я вашъ панъ!», но козаки продолжали колотить его, приговаривая: «мало того, что крадешь панскія деньги, и подкупаешь панскихъ слугъ, да еще и выдаешь себя за пана!» Избитаго привезли они пана въ контору, гдѣ его узнали и отвезли въ палацъ. Пришлось звать доктора. Графиня при видѣ такого печальнаго исхода предирітія своего мужа не могла удержаться отъ улыбки. Графъ выздоровѣлъ, но не могъ забыть улыбки жены, заподозрилъ ее въ соучастіи съ козаками и разошелся съ нею.

БИБЛЮГРАФІЯ.

М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1891.

Мало по малу мысль о необходимости разработки русской исторіи по областямъ приводится въ исполненіе. Русская историческая литература въ настоящее время обогатилась новымъ трудомъ по областной исторіи, заглавіе котораго мы выписали. Писать исторію Кіевской земли значитъ писать исторію всей Руси вслѣдствіе того значенія, какое имѣлъ Кіевъ въ древне-русской жизни. Отсюда вытекаетъ трудность задачи. Историкъ приходится слѣдить за политической жизнью всѣхъ древне-русскихъ областей, если онъ желаетъ вполне уяснить ходъ историческихъ явленій. Кромѣ того, самая постановка темы несомнѣнно затруднила изслѣдователя. Дѣленіе исторіи на періоды, конечно, и необходимо и естественно. Но несомнѣнно также и то, что тамъ, гдѣ возможно избѣжать этого, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, хронологическій объемъ задачи не особенно великъ, тамъ подобное дробленіе не только не является необходимымъ, но даже, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ считаться нежелательнымъ въ интересахъ науки. Развѣ то, что явилось въ политической жизни полянскаго племени и всей Руси послѣ смерти Ярослава, есть нѣчто рѣзко особенное, могущее служить рѣзкою гранью? Конечно, нѣтъ. Принято шаблонно начинать удѣльно-вѣчевой періодъ со смерти Ярослава, а изложеніе исторіи этого періода — такъ называемымъ завѣщаніемъ Ярослава. Но дѣло въ томъ, что «вѣчеваго» періода этотъ князь не создалъ, да и не могъ создать, а удѣльный порядокъ начался гораздо раньше него. Для уясненія происхожденія удѣльно-вѣчеваго порядка необходимо связать между собою явленія до и послѣ смерти Ярослава. Итакъ историкъ достав-

ляла, какъ намъ вѣжется, не малыя затрудненія самая постановка темы. Третье обстоятельство, которое должно было значительно отягчать изслѣдователя—это богатство литературы, посвященной разработкѣ детальныхъ вопросовъ древней русской исторіи.

Не смотря на указанныя затрудненія, которыя пришлось преодолѣвать автору «Очерка исторіи Кіевской земли», послѣдняя представляетъ во многихъ отношеніяхъ полезный вкладъ въ нашу историческую литературу. Г. Грушевскій сумѣлъ представить исторію Полянскій земли въ ясномъ разлѣдованномъ видѣ, насколько, конечно, позволяли ему количество и характеръ источниковъ. Изложеніе автора легкое, живое и образное. Дѣлаемые имъ характеристики историческихъ дѣятелей даютъ живые образы далекаго прошедшаго, хотя мы и не можемъ согласиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Къ числу весьма удачныхъ мѣстъ въ работѣ г. Грушевскаго нужно несомнѣнно отнести объясненіе происхожденія удѣльно-вѣчеваго порядка, хотя оно и не вполне исчерпываетъ вопросъ; характеристику исторіи вѣча и Кіева въ удѣльный періодъ; характеристику отдѣльных періодовъ въ развитіи удѣльно-вѣчеваго порядка; особенно же хорошо очерчена политика Андрея Боголюбскаго. Нельзя отрицать того, что работы предшественниковъ послужили автору для уясненія себѣ многихъ явленій древне-русской жизни, но въ приведенныхъ мѣстахъ внесено г. Грушевскимъ много своего оригинальнаго, явившагося результатомъ и самостоятельной разработкой первоисточниковъ.

Трудъ г. Грушевскаго распадается на 6 главъ: 1) Географическій очеркъ, 2) Кіевская земля до смерти Мстислава, 3) Борьба за Кіевскій столъ (1132—1169), 4) упадокъ Кіевскаго стола, 5) общественное устройство и бытъ Кіевской земли въ до—монгольскій періодъ и 6) Кіевская земля отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.—Авторъ воспользовался всѣмъ, что когда либо было сдѣлано въ русской наукѣ по исторической географіи, и историческій очеркъ Кіевской земли отличается полнотою и тщательностью разработки. Правда, въ немъ немного самостоятельнаго. Во многихъ мѣстахъ авторъ почти не приводитъ данныхъ лѣтописи пѣликомъ и не анализируетъ ихъ, а лишь указываетъ на существующія мнѣнія. Иногда передавъ ихъ, авторъ говоритъ, что онъ несогласенъ съ ними, но въ болѣе части случаевъ или мало обосновываетъ или совсѣмъ не обосновываетъ своего несогласія. Сказанное приходится отнести не только къ географо-топографической части работы г. Грушевскаго, но и въ другія ея отдѣлаи. Къ числу удачныхъ соображеній нужно отнести

опредѣленіе мѣстонахожденія города Товарова, какъ и замѣчанія автора относительно города Торческа. Что касается доводовъ г. Грушевскаго о городѣ Юрьевѣ, то въ этомъ мѣстѣ именно яснѣе всего выступаетъ сказанное нами выше: г. Грушевскій не анализируетъ самъ лѣтописныхъ пзвѣстій, а что касается найденной на берегу р. Роси георгіевской панагіи, то, вѣроятно съ этимъ согласится и самъ авторъ, она могла быть занесена при всякихъ переполохахъ куда-нибудь и еще подальше. Говоря о доисторической колонизаціи славянскихъ племенъ, авторъ воспользовался и данными археологій. Мы думаемъ, эти данныя блестяще подтверждаютъ давно уже установленное въ наукѣ мнѣніе о Прикарпатіи, какъ первоначальномъ мѣстопребываніи славянскаго племени. Эти данныя довольно ясно указываютъ также путь движенія отдѣльныхъ русско-славянскихъ племенъ. Поэтому нѣтъ никакой возможности предполагать, будто древлянское населеніе къ югу отъ рѣки Припети было разрѣжено дреговичскими колонистами. Наоборотъ, дреговичія поселенія представляютъ здѣсь остатки отъ племени дреговичей, постепенно, при движеніи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, вытѣсненнаго древлянами. Этимъ объясняется также находеніе дреговичскаго, древлянскаго и сѣверянскаго погребальныхъ типовъ совмѣстно въ углу между р. Припетью и Днѣпромъ. Тутъ именно археологія рисуетъ намъ процессъ колонизаціи: сѣверяне, двигаясь впереди, сзади были тѣснены дреговичами. Между р. Припетью и Днѣпромъ сѣверянское племя должно было задержаться на нѣкоторое время, какъ передъ сильною естественною границею; когда племя дреговичей потѣснило сѣверянъ, то послѣдніе перешли за Днѣпръ, причемъ часть могла остаться и на старомъ мѣстѣ. Затѣмъ древляне, вытѣснивъ дреговичей съ южнаго побережья р. Припети, при чемъ часть послѣднихъ осталась на южномъ берегу, перешли въ своемъ движеніи и р. Припеть и въ видѣ отдѣльныхъ поселковъ могли явиться въ углу между рр. Припетью и Днѣпромъ. Такова вполнѣ ясна и простая картина колонизаціи русско-славянскихъ племенъ. Намъ кажется также, что можно было бы совершенно не касаться вопроса о происхожденіи термина «Поляне», тѣмъ болѣе, что прозванія эти должны были явиться еще на ихъ прародинѣ въ Прикарпатіи. По поводу географической части работы г. Грушевскаго приходится сказать тоже, что можно сказать и относительно работъ другихъ историковъ, вполнѣ основательно начинающихъ исторію той или иной области съ ея географическаго очерка. Цѣль, которой въ этомъ случаѣ задаются, очень проста: опре-

дѣлать съ ббльшей или меньшей вѣроятностью политическую границу земли, перечислить всѣ населенныя въ древности мѣстности, — вотъ и все. Все это необходимо для полноты труда и важно для объясненія самой политической жизни земля. Но вотъ на это то послѣднее обстоятельство и мало обращается вниманія: обыкновенно географической очеркъ является чѣмъ-то совершенно отрѣзаннымъ отъ остальныхъ частей работы, ограниченной связи между ними нѣтъ никакой. Намъ кажется, что въ значительной мѣрѣ многія событія древняго періода нашей исторіи вытекали изъ географическихъ обстоятельствъ. Не говоря уже о безконечныхъ пограничныхъ расприхъ между областями, даже такой запутанный вопросъ, какъ волынской, въ значительной степени объясняется причинами чисто географическими и условіями доисторической колонизаціи. Мы утверждаемъ, что политическую жизнь населенія, его бытъ, необходимо ставить въ тѣсную органическую связь съ территоріальными условіями.

• Переходимъ теперь къ другимъ главамъ труда г. Грушевскаго. Въ общемъ надо сказать, что изложеніе уважаемаго автора носитъ нѣсколько догматической характеръ. Дѣло въ томъ, что, группируя факты, давая ихъ объясненіе, авторъ часто употребляетъ выраженія: «правдоподобно», «я думаю» и т. д., при чемъ изъ самой группировки фактовъ не видно основанія для «правдоподобія». Мысль, пришедшая автору для объясненія того или иного событія, настолько сильно дѣйствуетъ, что не оставляетъ мѣста для другихъ комбинацій. Такъ, наиримѣрь, рассматривая фактъ высадки изъ поруба Судислава братьями, авторъ упускаетъ изъ вида самое простое его объясненіе: Судиславъ могъ заявить требованія не на одну Псковскую область, а на главенство во всей Русской землѣ, какъ дядя. Исторія столкновенія братьевъ съ Всеславомъ Полоцкимъ авторомъ не выяснена. Причина понятна. Уважаемый авторъ не можетъ тутъ ничего объяснить междукняжескими отношеніями, а на условіи чисто этнографо-географического характера онъ не обратилъ должнаго вниманія. Не можемъ не указать также на нѣкоторые случайныя неточности, на которыхъ авторъ основываетъ свои объясненія фактовъ. Къ числу такихъ случайныхъ погрѣшностей, какъ мы думаемъ, авторъ вмѣстѣ съ нами отнесетъ старшинство Давида Святославича передъ Олегомъ, утвержденіе, будто Всеволодъ Ольговичъ былъ во время занятія кіевского стола не старшій среди Ольговичей.

Намъ казалось бы, что пишущій исторію Кіевской земли *долженъ бы былъ* поставить себѣ задачей, отрѣшившись отъ всѣхъ мнѣ-

ній и споровъ, — выяснитъ на основаніи данныхъ первоисточниковъ главные факторы событій удѣльно-вѣчеваго періода. Г. Грушевскій прекрасно выясняетъ основной мотивъ дѣятельности Изислава, Святослава и Всеволода, опредѣляя его собираніемъ земли, стремленіемъ изъять какъ можно больше областей изъ рукъ младшихъ князей. Авторъ вполне вѣрно смотритъ на эти событія и не видитъ тутъ основанія въ родовомъ бытѣ. Но смотря вѣрно на основу явленій, авторъ даже противорѣчитъ себѣ. Это сейчасъ-же свазывается въ объясненіи борьбы кіевскихъ князей съ изгоями.

Наравнѣ съ сторонниками родового быта, г. Грушевскій ведетъ начало изгойства опять таки изъ родового быта, а на всю эту борьбу смотритъ съ точки зрѣнія кіевскихъ князей, такъ что изгой или князя, которыхъ сдѣлали изгойми, являются если не кромъ виноватыми, то по крайней мѣрѣ легкомысленными смутителями родной земли. При этомъ авторъ смѣшиваетъ мнѣніе Русской земли съ мнѣніемъ кіевского земства. Не признавая двигателемъ событій родовой бытъ, авторъ тѣмъ не менѣе называетъ Всеволода узурпаторомъ потому, что онъ (будто бы) не былъ старшій въ родѣ Ольговичей. Для объясненія многихъ событій г. Грушевскому приходится волей неволей прибѣгать къ теоріи родового быта. Это противорѣчіе явилось естественно: родовой бытъ и старшинство, необходимое для великокняженія, смѣшаны. Г. Грушевскій вполне вѣрно указываетъ основной мотивъ политики кіевского земства—стремленіе выдѣлиться въ особую политическую единицу съ излюбленной княжеской семьей во главѣ; такой излюбленной семьей являлась несомнѣнно линия Мстиславичей; на встрѣчу этому стремленію идутъ и Мстиславичи, старающіе сдѣлать кіевскую землю своею отчиною. Откуда вывели они такое новое свое право? По нашему крайнему разумѣнію, авторъ упустилъ изъ вида важный моментъ въ исторіи древней Руси—попытку установленія наследственной власти, выразившуюся въ передачѣ великокняжескаго стола Мономахомъ сыну Мстиславу. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ увѣренъ въ согласіи вѣча, но вѣче въ этомъ случаѣ руководилось тѣмъ основнымъ мотивомъ, который отмѣченъ, какъ сказано, авторомъ, — удержать у себя одну княжескую линію. Болѣе отдаленными перспективами оно, конечно, задаваться не могло. Изъ этой попытки Мономаха ничего не вышло, благодаря именно тому, что Мстиславичи вывели отсюда лишь отчинность Кіева въ ихъ семьѣ вполне согласно съ стремленіемъ вѣча.

Эта вотчинность Полянскій земли съ Кіевомъ, созданная или, лучше, выдвинутая Мстиславичами и кіевскимъ земствомъ иногда заслоняетъ отъ автора мотивы политическихъ событій и ставитъ его въ недоумѣніе. Всеволодъ Чермный садится въ Кіевѣ, а Рюрикъ въ Черниговѣ, но всѣ пригороды земли Кіевской остаются за Мономаховичами. Авторъ недоумѣваетъ предъ этимъ, повидимому, дѣйствительно страннымъ фактомъ. Между тѣмъ дѣло объясняется, по нашему мнѣнію, довольно просто. Основной цѣлью борьбы была не отчинность, а великое княженіе. Въ указанный моментъ Кіевъ выдѣляется одинъ; онъ былъ теперь безъ земли, безъ области, городомъ великаго князя, гдѣ могли смѣняться князья на основахъ княжескаго права. Кіевъ переставалъ быть городомъ земли Полянскій — онъ становился городомъ земли Русскій? Это былъ важный моментъ въ нашей исторіи. Но этотъ важный переворотъ удержался лишь на короткое время. Если мы бросимъ взглядъ назадъ, на весь удѣльный періодъ, то увидимъ, что эта самая идея созданія центра, обособленнаго отъ интересовъ областныхъ, центра обще-русскаго, — эта идея существуетъ у князей. Ея существованіемъ, хотя смутнымъ, объясняется избраніе для рѣшенія самыхъ важныхъ обще-русскихъ дѣлъ мѣстъ незначительныхъ, не областныхъ городовъ. Гдѣ рѣшается дѣло Олега, Давида Игоревича и т. п.? Эти незначительные городки могли считаться болѣе или менѣе нейтральными. Если-бы эта идея въ сознаніи древне-русскаго общества оформилась, мы не видѣли-бы тѣхъ страшныхъ броженій, которыя потрясли русскую землю болѣе двухъ-сотъ лѣтъ. Идея жила смутно и ясное выраженіе получила лишь въ томъ знаменательномъ фактѣ, о которомъ мы говорили выше. Идея на минуту осуществляется, ее признаютъ и Ольговичи, и Мстиславичи, спокойно владѣющіе пригородами и допускающіе Рюрика на столъ черниговскій. Но умираетъ Рюрикъ, раздражается галицкое дѣло, и самъ Всеволодъ выступаетъ на старую дорогу, стараясь выгнать Мстиславичей изъ ихъ удѣловъ.

Какъ особнякомъ въ цѣломъ трудѣ г. Грушевскаго стоятъ географическій очеркъ Полянскій земли, такъ отрѣзана ото всего остальнаго и глава, посвященная общественному устройству и быту Кіевскій земли въ до-монгольскій періодъ. Эти главы—I и V-я, по нашему мнѣнію, должны стоять непосредственно одна подлѣ другой. Точно также V-я глава должна предшествовать остальнымъ. На нашъ взглядъ политическія событія несомнѣнно вліяютъ на бытъ и промышленность страны, но по большей части лишь въ смыслѣ

отрицательномъ, т. е. при правильномъ, спокойномъ развитіи политической жизни въ древній періодъ вліяніе ея сводится на нѣтъ, а всѣ потрясенія, конечно, задерживаютъ культурное развитіе населенія. Наоборотъ, бытъ, зародыши котораго принесены изъ прародины и подвергаются измѣненіямъ подъ новыми географическими условіями, промышленность, зарождающаяся всецѣло подъ вліяніемъ этихъ условій, — они въ значительной степени оказываютъ вліяніе на ходъ историческихъ событій, обуславливая даже заранѣе отношенія двухъ сосѣднихъ племенъ. Припомнимъ, что значительныя предпріятія князей противъ половцевъ обуславливались чисто промышленными условіями, что колебанія политики В. Новгорода въ значительной степени зависѣли отъ его торговыхъ отношеній къ сосѣднимъ областямъ и государствамъ, — припомнимъ эти факты, и намъ необходимо придется подумать: не связана-ли попытка отнятія Всеволодомъ у Святославичей Курской области съ какими-нибудь чисто торговыми нуждами кіевскаго населенія; не добивались-ли кіевскіе князья покорности Полоцка ради Двинскаго торговаго пути (не говоримъ уже тутъ о другихъ причинахъ, чисто географическаго свойства) и т. д. и т. д.. Разъ все это такъ, то очередь промышленности и вообще быта населенія долженъ въ изложеніи предшествовать очерку его политической исторіи. Все сказанное нами не относится лишь къ разбираемому труду, а только выражаетъ нашъ личный взглядъ на распредѣленіе матеріала въ трудахъ, подобныхъ разбираемому. Мы должны сказать, что для уясненія вліянія выше указанныхъ факторовъ на политическія судьбы Полянскаго племени авторомъ сдѣлано весьма мало. Въ общемъ VI-я глава представляетъ одну изъ лучшихъ частей труда г. Грушевскаго. Авторъ воспользовался всѣмъ, чѣмъ было можно; его картина полянскаго быта нарисована живо и на нашъ взглядъ вполне вѣрно. Съ авторомъ можно однакоже не согласиться въ отдѣльныхъ взглядахъ, какъ напр. на то мѣсто Русской Правды, гдѣ говорится о смердѣ холопѣ. Авторъ придерживается мнѣнія, что смерды были полусвободнаго состоянія, а мы готовы слѣдовать толкованію г. Сергѣевича, что и у смердовъ могли быть холопы. Въ перечисленіи повинностей пропущенъ «повозъ». «Полюдь» авторъ считаетъ почему-то военнымъ постоемъ. Для такого толкованія фактовъ нѣтъ, а между тѣмъ мы встрѣчаемъ выраженіе «а князь былъ въ полюдь», что никакъ образомъ не можетъ быть истолковано: «и князь былъ въ военномъ постоеѣ». «Εἰς τὰ πολοδία» Константина Б. также противорѣчитъ взгляду автора.

Шестая глава посвящена судьбамъ Кіева и его области отъ нашествія татаръ до XIV ст. Намъ кажется, что авторъ здѣсь именно показалъ свое умѣнье обращаться съ историческими матеріалами, критически разрабатывать и устанавливать ясно свои взгляды на цѣлыя эпохи и на отдѣльныя явленія. Съ выводами можно не соглашаться, можно отчасти спорить и съ методомъ автора, но должно признать несомнѣнную заслугу его въ разработкѣ исторіи этого темнаго періода русской исторіи. Въ этой главѣ г. Грушевскій подвергаетъ снова самому тщательному пересмотру вопросъ о томъ: зацусѣла-ли южная Россія послѣ татарскаго нашествія. Вопросъ дебатировался не разъ въ русской исторической литературѣ. Г. Грушевскій снова и со всѣхъ сторонъ пересмотрѣлъ его и, намъ кажется, вполне основательно пришелъ къ отрицанію теоріи зацусѣнія. Что касается гипотезы объ отсутствіи въ кіевской области князей до XIV ст. то, на нашъ взглядъ, она не вполне еще подтверждается фактами. Предположеніе автора, что князь Ѳеодоръ былъ не болѣе какъ татарскій посаженникъ, основанное лишь на томъ, что около него постоянно находится баскакъ,—это предположеніе слабо, такъ какъ ко всѣмъ главнѣйшимъ князьямъ и во всѣхъ областяхъ были приставлены эти ханскіе чиновники.

Совсѣмъ инымъ намъ представляется выдвинутое г. Грушевскимъ мнѣніе о постепенномъ высвобожденіи общинъ изъ-подъ вліянія княжеско-дружиннаго. Мы въ нашихъ работахъ пришли къ тому же самому выводу. Оставляя болѣе подробное изложеніе нашего взгляда до болѣе удобнаго времени, мы скажемъ только, что не сходимся съ авторомъ въ одномъ пунктѣ. Г. Грушевскій главную роль отводитъ въ этомъ новомъ явленіи сельскому элементу, а мы признаемъ усиленіе городскаго населенія. Города въ лицѣ своихъ вѣчь проявляютъ огромную силу и принимаютъ на себя рѣшенія политическихъ вопросовъ.

Вотъ все, что въ главномъ мы хотѣли сказать по поводу труда г. Грушевскаго. Въ заключеніе не можемъ не пожелать автору успѣшнаго движенія по научному пути, начатому удачно.

И. Г.

Харьковскій Сборникъ, подъ редакціей члена-секретаря В. В. Иванова. Литературно-научное приложение къ «Харьковскому Календарю» на 1892 годъ. Выпускъ 6-й. — Изданіе Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Цѣна вмѣстѣ съ Календаремъ 1 р. 20 коп. Харьковъ. 1892 г. Стр. 194+179+X.

Нашему журналу нѣсколько ужъ разъ приходилось говорить о сборникѣ, заглавіе котораго мы выпясаи, отмѣчать его достоинства и недостатки и указывать на него, какъ на отрадное явленіе нашей провинціальной жизни среди темнаго мрака, окутавшаго ее въ послѣдніе годы.

«Харьковскій Сборникъ» издается ежегодно, нѣсколько ужъ лѣтъ подъ радъ, и сдѣлался такимъ образомъ какъ бы періодическимъ изданіемъ, выработавъ если не разъ опредѣленную программу, то опредѣленные традиции, которыя служатъ его характернымъ признакомъ и отличаютъ его отъ другихъ подобнаго рода изданій въ родѣ наир. Черниговскаго календаря, въ которыхъ издатели не знаютъ сами, что хотятъ дать публикѣ, и поэтому каждый выпускъ ихъ не только не похожъ на другой, въ чемъ еще была бы небольшая бѣда, но часто содержитъ такой хламъ, который, въ хорошемъ случаѣ, бесполезенъ для читателей. Такое изданіе ведется, очевидно, для того только, чтобы издать что-нибудь.

Въ Харьковѣ дѣло обстоитъ иначе. Изданіе, начатое такимъ человѣкомъ, какъ П. С. Ефяменко, не могло, конечно, носить характера случайности. Сразу была поставлена опредѣленная цѣль — строго научное изслѣдованіе губерніи, сразу же были привлечены и люди, которые стали содѣйствовать этому, которые способствовали выработкѣ и выработывали извѣстныя традиции изданія, на своихъ плечахъ выносили его — и результатомъ этого было то, что, при перемѣнной чуть ли не для каждаго выпуска редакціи, сохранилось единство «Сборника», сохранилась его содержательность, и его статьи, за исключеніемъ немногихъ, безъ чего, конечно, при такого рода изданіяхъ нельзя обойтись, имѣли опредѣленный характеръ, были строго научны и давали много цѣннаго фактическаго матеріала, а подчасъ и цѣнныя выводы. Въ особенности, это нужно сказать про статьи статистико-экономическаго содержанія, занимающія обыкновенно большую часть «Сборника»; другіе же отдѣлы, наир. историческій, находили мало работниковъ и не всегда были содержательными.

Предъ нами 6 выпускъ «Сборника», изданный подъ редакціей г. Иванова, и выпускъ этотъ вполне подтверждаетъ высказанное нами

мнѣніе о харьковскомъ изданіи: та же серьезность статей, та же умѣлость ихъ подбора. Большинство ихъ, по обыкновенію, посвящено статистико-экономическимъ изслѣдованіямъ харьковской губерніи.

Согласно разъ принятой программѣ п 6 выпускъ распадается на два отдѣла—литературно-научный и статистико-экономическій. Мы ужъ разъ имѣли случай говорить по поводу неудобства такого рода дѣленія, тѣмъ болѣе, что заглавія придуманы редакціей для отдѣловъ очень неудачно. Статистико-экономическій отдѣлъ, напр., почему то отличается отъ научнаго, какъ будто статистико-экономическія работы, ужъ по природѣ своей, работы ненаучныя; тогда какъ *научность* «Харьковскаго Сборника» и все его значеніе и заключается именно въ подобнаго рода работахъ. Неудачное дѣленіе «Сборника» порождаетъ и для читателя массу недоразумѣній. Почему, напримѣръ, статья г. Иванова «*Забытые труды по изслѣдованію народной жизни*» (Кадастръ харьковской губерніи), которая, какъ увидимъ ниже, по характеру своему, является *статистико-экономической*, отнесена въ отдѣлъ *литературно-научный*? Ужъ не потому ли, что статистико-экономическія данныя относятся къ 50-мъ, а не къ 70—80 г. текущаго столѣтія? Если—да, то резонъ очень странный. Курьезно также видѣть продолженіе статьи г. Л. О. Павловича «*Очеркъ растительности харьковской губерніи и сосѣднихъ съ нею мѣстностей*» въ отдѣлѣ *статистико-экономическомъ* (мы ужъ разъ указывали на это), тогда какъ статья представляетъ перечень растений съ чисто ботаническими замѣчаніями и никакого касательства ни къ статистикѣ, ни къ экономикѣ не имѣетъ.—Вообще редакціи, обѣщающей улучшенія въ изданіи, слѣдуетъ обратить свое вниманіе на эти недостатки, тѣмъ болѣе что если она видитъ необходимость дѣленія «Сборника» на отдѣлы (для удобства, конечно, читателей), то отдѣлы должны быть строго разграничены и менѣе общи, чтобы читатель сразу зналъ въ какомъ отдѣлѣ, что онъ можетъ найти. Въ этомъ только случаѣ отдѣлы перестанутъ быть пустой формальностью, нужной только для приданія изданію извѣстнаго болѣе почтеннаго и научнаго вида.

Сдѣлавъ эти замѣчанія, перейдемъ теперь къ содержанію 6 выпуска «Харьковскаго Сборника», тѣмъ болѣе, что онъ дастъ читателю много любопытнаго и поучительнаго. Дѣленія на отдѣлы, послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній, мы придерживаться не будемъ. На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, отмѣтить полную глубокаго интереса статью самого редактора «Сборника» В. В. Иванова «*Забытые*

труды по изслѣдованію народной жизни. Кадастръ харьковской губерніи стр. (1—67). О ней мы уже упоминали выше.

«Работа кадастровыхъ комиссій, организованная министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, имѣла въ виду «уравненіе денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ» (стр. 1)... Чрезмѣрное накопленіе недоимокъ побудило правительство обратить вниманіе на несправедливость и обременительность подушной системы сборовъ. Выходомъ изъ такого положенія представлялась затѣя прежней системы новою,—подоходною. Необходимость уясненія источниковъ народнаго дохода и ихъ энергій привела къ кадастру и изученію хозяйственнаго быта крестьянъ. Министерство остановилось на идеѣ создать «народный кадастръ», называя этимъ терминомъ упрощенныя работы сравнительно съ кадастрами западныхъ государствъ, и рассчитывало этимъ путемъ достигнуть тѣхъ же результатовъ «безъ особыхъ усилій и потрясенія народныхъ привычекъ», хотя вся финансовая реформа, разъ подати раскладывались и взимались по ревизскимъ душамъ, и рассчитана была на измѣненіе этихъ привычекъ. Благодаря этимъ упрощеннымъ работамъ и тому обстоятельству, что во многихъ губерніяхъ было общинное землевладѣніе, значительно облегчавшее трудъ измѣренія и оцѣнки, вся работа была произведена сравнительно быстро и не дорого (стр. 4)... Министерство сформировало «отдѣльные отряды межевыхъ чиновъ и агрономовъ изъ числа молодыхъ людей, спеціально для сего образованныхъ», предоставляло имъ трехгодичные сроки для всесторонняго изученія и описанія каждой губерніи и, перемѣщая ихъ изъ одной губерніи въ другую, расходовало на нихъ среднимъ числомъ по 60 т. руб. на губернію» (стр. 1). Изслѣдованія начались въ 1842 году въ с.-петербургской губерніи. Общее наблюденіе за работами было поручено центральной комиссіи при департаментѣ сельскаго хозяйства подъ предсѣдательствомъ Жеребцова. Работы по измѣренію земель и опредѣленію ихъ качества и доходности, а также по регистраціи промысловъ и уясненію зажиточности отдѣльныхъ домохозяевъ завершались составленіемъ оцѣнокъ, которыя предъявлялись крестьянскимъ обществамъ и, согласно возраженіямъ, исправлялись». Съ 1845 года началось введеніе новой системы сборовъ (стр. 5).

Кадастровыя изслѣдованія напоминаютъ собою современныя земскія работы по изученію народной жизни и, во всякомъ случаѣ, на первыя нужно смотрѣть, какъ на прототипъ послѣднихъ (стр. 3). Разница между ними, конечно, та, что земство имѣло въ виду всѣ

группы населенія, тогда какъ кадастровыя работы относились только къ одной категоріи крестьянства, къ крестьянамъ государственнымъ (стр. 2)

«Статистическія работы кадастровыхъ комиссій распались на четыре части: составленіе измѣрительныхъ таблицъ ¹⁾, подворныхъ списковъ, хозяйственныхъ описаній отдѣльныхъ поселеній и платежныхъ вѣдомостей. При сплошномъ измѣреніи всѣхъ угодій по извѣстнымъ разрядамъ, въ измѣрительныя таблицы заносились всѣ обособленные клочки, находящіеся въ общинномъ и личномъ владѣніи. Онѣ представляютъ собою весьма важный матеріалъ для исторіи крестьянскаго землевладѣнія, для изученія его формъ, дробности, узкополосности и пр.

Подворные списки заключаютъ въ себѣ слѣдующія показанія: именно домохозяевъ, число у каждаго изъ нихъ ревизскихъ душъ и наличныхъ, а также работниковъ (изъ членовъ семьи) мужскаго и женскаго пола, число рабочихъ лошадей, воловъ, гулевого скота крупнаго и мелкаго, не нанимаетъ ли домохозяинъ работниковъ, не нанимается ли самъ въ работники, арендуетъ ли землю, или отдаетъ, сколько десятинъ и по какой цѣнѣ, чѣмъ занимается каждый изъ работниковъ семьи въ разное время года, имѣются ли промышленныя заведенія и какія именно, имѣются ли пчелы и сколько ульевъ, количество недоимокъ. Хозяйственное описаніе отдѣльныхъ поселеній производилось по слѣдующей программѣ: положеніе поселенія, положеніе дачи, воды, дороги, способъ владѣнія землею, количество земли, разряды по качеству, хозяйство, урожайность, цѣнность земли подъ посявами, выгонъ и пастбище, постройки, отопленіе и освѣщеніе, сады и огороды, мірскія оброчныя статьи, народонаселеніе, скотоводство, занятія крестьянъ, стоимость найма рабочихъ, подати и повинности, винная пошлина, натуральныя повинности, недоимки, зажиточность крестьянъ и ихъ нравственность» (стр. 2—3).

По такой широкой программѣ производились кадастровыя изслѣдованія. Немудрено, конечно, что онѣ заключаютъ въ себѣ богатый и драгоценный матеріалъ о жизни государственныхъ крестьянъ и ихъ экономическомъ положеніи, и только обстоятельствами времени, когда вообще боялись гласности, а о крестьянствѣ и говорить было нельзя, можно объяснить, думается намъ, тотъ фактъ, что кадастровыя изслѣдованія «остались неизвѣстными и не произвели никакого

¹⁾ Кадастровые отряды занимались, при своихъ изслѣдованіяхъ, топографическими и даже межевыми работами (стр. 2).

впечатлѣнія на литературу». Врядъ ли поэтому исторически-вѣрно такое заключеніе г. Иванова: «славянофилы и западники, ломая свои копья по вопросу о формахъ крестьянскаго землевладѣнія, много говорили о народѣ, его душѣ и правдѣ, но они и не *подозрѣвали* (sic) о существованіи разностороннихъ свѣдѣній о крестьянской жизни; въ пылу литературнаго турнира они не замѣчали (?) работъ, производившихся на ихъ же глазахъ». Упрекъ этотъ, во всякомъ случаѣ, скороспѣлъ и безосновательно брошенъ въ глаза нашей литературы, такъ какъ у г. Иванова врядъ ли найдется много реальныхъ фактовъ для подтвержденія своей мысли. Думаемъ, не по винѣ литературы, славянофиловъ и западниковъ «обширные труды кадастровыхъ комиссій сдавались въ мѣстные архивы, а въ Журналѣ М. Г. И. появлялись лишь общія описанія отдѣльныхъ губерній, составляемыя членами кадастровыхъ отрядовъ», т. е. чиновниками (стр. 3). Если теперь, въ большинствѣ случаевъ, только, при извѣстныхъ усиліяхъ можно попасть въ провинціальный архивъ, то что же говорить про то время, когда на занимающагося даже исторіей смотрѣли съ подозрѣніемъ, а о занимающемся настоящимъ ужь и говорить нечего. Можетъ быть, благодаря отчасти этому «я до настоящаго времени матеріалы кадастровыхъ комиссій остаются забытыми, ими не пользуются, о нихъ не упоминаютъ» (стр. 3). Поэтому нельзя искренно не поблагодарить г. Иванова, что онъ, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, извлекъ изъ забвенія и напомнилъ о существованіи драгоценныхъ матеріаловъ для изученія народной жизни. По его пути, можетъ быть, пойдутъ изслѣдователи и это тѣмъ болѣе желательно, что, по вѣрному замѣчанію г. Иванова «уясная современное состояніе народнаго хозяйства, изслѣдователи не имѣютъ исходнаго момента для сравненія» (стр. 3), а такимъ моментомъ и могутъ послужить данныя кадастровыхъ изслѣдованій. Мы вполне сочувствуемъ мысли г. Иванова о необходимости изданія этихъ матеріаловъ. Земства наши, говоритъ онъ, должны посмотреть на работы кадастровыхъ отрядовъ, какъ на прототипы своихъ собственныхъ — земства, поэтому, и должны заняться изданіемъ ихъ. Но пока мы дождемся подобныхъ изданій, нельзя, повторяемъ, не пожелать, чтобы лица, имѣющія возможность воспользоваться данными кадастровыхъ изслѣдованій, познакомили бы насъ съ ними такъ, какъ сдѣлалъ это авторъ разбираемой нами статьи. Вся его статья, обнимающая 67 страницъ, состоитъ изъ 4 главъ. Въ *первой*, изъ которой мы сдѣлали выше выписки, авторъ говоритъ о необходимости изданія

кадастровых матеріаловъ, дѣлаетъ очеркъ кадастраціи губерній, общую оцѣнку финансовой реформы и касается затѣмъ старозаимочнаго вопроса, который былъ обостренъ кадастраціей и о которомъ авторъ обѣщаетъ представить особую статью. *Вторая* глава посвящена доходамъ и расходамъ и налогамъ и раскладкѣ ихъ. Итоги кадастровыхъ работъ представлены здѣсь въ видѣ общей оцѣночно-платежной таблицы, которая указываетъ на источники народнаго дохода и ихъ энергію съ одной стороны и опредѣляетъ мѣру ихъ сближенія съ другой (стр. 15). За таблицей слѣдуетъ объясненіе ея.—Раскладка налоговъ послѣ введенія новой финансовой реформы сдѣлалась болѣе уравнительной. Г. Ивановъ цифрами доказываетъ значеніе этой реформы, до которой «вся тяжесть прежней системы сборовъ выпадала на бѣдныхъ, а зажиточные крестьяне пользовались привилегированнымъ положеніемъ» (стр. 27). *Третья* глава касается земли и формъ землевладѣнія, скотоводства, роста народнаго богатства и платежей. Здѣсь авторъ допускаетъ сравнительный методъ, сопоставляя статистическія данныя кадастровыхъ послѣдованій, сгруппированныя имъ въ таблицы, съ довольно нагляднымъ объясненіемъ, съ данными земской статистики 80-хъ годовъ. Конечный выводъ, къ которому онъ приходитъ въ этой главѣ, таковъ: «повинности въ виду расширившихся потребностей государства, увеличивались, а богатство края въ отношеніи земли и скота уменьшалось. Въ періодъ кадастра населеніе государственныхъ крестьянъ находилось въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ послѣднее время» (стр. 45).—*Четвертая* и послѣдняя глава посвящена кустарнымъ промысламъ, распредѣленію ихъ и доходности.—Здѣсь мы находимъ данныя о пришлыхъ кустаряхъ, объ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ воинскихъ чинахъ, частью водворенныхъ въ поселеніяхъ государственныхъ крестьянъ, частью только временно проживающихъ въ нихъ; объ ученикахъ, находящихся у ремесленниковъ; о кустаряхъ прошлаго вѣка, современныхъ кустаряхъ и затѣмъ соображенія г. Иванова о факторахъ кустарничества.—Авторъ и въ этой главѣ примѣняетъ сравнительный методъ и высказываетъ иногда весьма вѣскія соображенія и замѣчанія. Онъ отмѣчаетъ напримѣръ, значительное паденіе мѣстныхъ промысловъ въ позднее время и относительное процвѣтаніе ихъ въ прошломъ вѣкѣ¹⁾. «Мѣстное кустарничество, говоритъ онъ,

¹⁾ «Въ 20 поселеніяхъ въ прошломъ столѣтіи жило 1810 ремесловыхъ хозяйствъ. Въ періодъ кадастра въ тѣхъ же самыхъ поселеніяхъ жило 757 ремесленниковъ, т. е. въ 2¹/₂ раза меньше» (стр. 55).

въ своемъ историческомъ развитіи, по всей вѣроятности, переживало отдѣльные періоды упадка и процвѣтанія въ тѣ промежуточные моменты, о которыхъ у насъ не имѣется свѣдѣній, привозные кустарнаты и пришлые кустари то подавляли мѣстные промыслы своею конкуренціей, то, нужно полагать, въ отдѣльныхъ случаяхъ, способствовали ихъ возникновенію» (стр. 55). Говоря о факторахъ кустарничества, изслѣдуя и сравнивая данныя харьковской статистики, г. Ивановъ приходитъ къ заключенію, что «кустарные промыслы развиваются на почвѣ хозяйства слабыхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи». «Чѣмъ больше въ поселеніи несамостоятельныхъ хозяйствъ въ отношеніи земледѣлія, тѣмъ больше развиты въ немъ кустарные промыслы на счетъ батрачества и отхода, чѣмъ меньше этихъ хозяйствъ, тѣмъ меньше развито кустарничество и больше развиты батрачество и отхожіе промыслы» (стр. 66).

Вторая статья «Харьковскаго Сборника», на которую мы должны обратить вниманіе читателя—это «*Рождаемость, брачность и смертность харьковскаго населенія*» д-ра К. Бобріцкаго (стр. 1—46). Медико-статистическія данныя, которыми пользовался авторъ, относятся къ 1885—1889. Матеріалами для него служили выборки изъ метрическихъ книгъ, данныя санитарнаго отдѣленія харьковской городской управы и мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета. На стр. 45—48 изложены выводы, къ которымъ пришелъ д-ръ Бобріцкій. Болѣе интересныя изъ нихъ слѣдующіе: 3) количество рожденій для Харькова представляется очень малымъ въ сравненіи съ другими городами западной Европы и Россіи. Это объясняется, по всей вѣроятности, массой пришлаго элемента, рабочихъ, учащихся и др. лицъ, остающихся въ Харьковѣ только временно; 4) число незаконнорожденныхъ въ Харьковѣ велико, что сильно отражается на смертности дѣтей въ раннемъ возрастѣ; 7) плодовитость браковъ въ Харьковѣ незначительна; 8) коэффициентъ смертности за 1885—1889 г. тоже не великъ, что г. Бобріцкій объясняетъ неправильностью счисленія населенія Харькова. 9) Число смертныхъ случаевъ *pro mille* населенія съ каждымъ годомъ какъ бы уменьшается, что можетъ до нѣкоторой степени (помимо другихъ причинъ) указывать на улучшеніе санитарныхъ условій г. Харькова. 12) Количество смертныхъ случаевъ лѣтомъ увеличивается. 17) Смертность въ Харьковѣ отъ инфекціонныхъ заболѣваній довольно значительна. 19) Общіе итоги движенія населенія г. Харькова указываютъ на относительно малый приростъ населенія и на

существованіе однихъ и тѣхъ же санитарныхъ условій, выражавшихся количествомъ смертныхъ случаевъ. 20) Увеличеніе населенія г. Харькова происходитъ не путемъ естественнаго роста населенія, а зависитъ, главнымъ образомъ, отъ пришлаго элемента.

Много характеристическихъ данныхъ заключаетъ въ себѣ и обстоятельная статья г. И. И. Арсеньева «*Плетажная способность и хозяйственно-экономическое положеніе крестьянъ волчанскаго уѣзда*» (стр. 79—136). Авторъ — податной инспекторъ 4 участка харьковской губерніи и его статья составляетъ извлеченіе изъ отчета объ его служебной дѣятельности, что, конечно, въ извѣстномъ отношеніи увеличиваетъ ея интересъ. Авторъ всесторонне изслѣдуетъ вопросъ, и его выводы и данныя говорятъ объ обременительности крестьянъ сборами въ пользу казны, земства и крестьянскихъ обществъ. Чтобы подойти къ такому окончательному заключенію онъ предварительно опредѣляетъ количество земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, указываетъ на отношеніе его ко всему пространству волчанскаго уѣзда, останавливается на способахъ владѣнія и пользованія этой землею, на величинѣ надѣловъ у различныхъ разрядовъ крестьянъ, на крестьянской арендѣ и ея условіяхъ, на заработной платѣ, отхожихъ промыслахъ; изслѣдуетъ различные виды платежей, падающихъ на крестьянство, подробно останавливается на различныхъ видахъ и характерѣ мірскихъ повинностей, указываетъ на отсутствіе правильного счетоводства у крестьянъ, на характеръ общественныхъ займовъ, на роль должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправления, старшины, писаря и сборщиковъ, отмѣчаетъ ихъ ненормальную постановку, характеризуетъ ихъ дѣятельность по разверсткѣ денежныхъ по винностей между плательщиками, по взиманію денежныхъ сборовъ и по дѣлопроизводству въ этомъ случаѣ. Какіе печальные случаи могутъ быть въ этомъ послѣднемъ отношеніи, когда сборщикъ податей или староста неграмотный, объ этомъ этомъ говорятъ стр. 130 и слѣд. статьи г. Арсеньева, гдѣ онъ указываетъ различные виды растратъ податныхъ общественныхъ денегъ: въ этомъ случаѣ неграмотные старосты и сборщики являютя иногда просто только козлами отпущенія. — Статью свою г. Арсеньевъ иллюстрируетъ множествомъ цифровыхъ данныхъ, и изъ всего видно, что авторъ очень хорошо знакомъ съ предметомъ и хорошо изучилъ то, о чемъ говорить. Нельзя, поэтому, не пожелать, чтобы статья его обратила вниманіе лицъ, которые интересуются положеніемъ нашего народа вообще и крестьянства въ частности: въ ней они найдутъ много поучительнаго

Статья г. Арсеньева хотя и носитъ заглавіе мѣстнаго изслѣдованія, но она имѣетъ общій интересъ: всѣ ея положенія можно примѣнить въ любой мѣстности Россійской Имперіи, иллюстрируются они только данными волчанскаго уѣзда.

Въ заключеніе «статистико-экономическаго» отдѣла помѣщенъ обзоръ г. В. В. Иванова *«Харьковская губернія въ сельско-хозяйственномъ и продовольственномъ отношеніи за 1891 г.»*. Подобные обзоры печатаются почти въ каждомъ выпускѣ «Харьковскаго Сборника» и касаются земледѣлія, скотоводства, сельско-хозяйственныхъ цѣнъ и народнаго продовольствія. Обзоръ этотъ въ настоящее время, тѣмъ болѣе любопытенъ, что неурожайный 1891 годъ захватилъ отчасти и харьковскую губернію и ей приходилось обращать свое особенное вниманіе на продовольственный вопросъ.

Статей историческаго содержанія въ 6 выпускѣ «Харьковскаго Сборника» немного. *Прот. Н. Лащенко* помѣстилъ окончаніе статьи, начатой въ 5 выпускѣ «Сборника» *«Высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ харьковскій, по письмамъ къ его другу валковскому помѣщику Н. Н. Романовскому (1851—1861)»* (стр. 68—145), гдѣ сообщаются данныя для характеристики извѣстнаго церковнаго историка и богослова. Ученой дѣятельности покойнаго архіепископа г. Лащенко почти не затрагиваетъ, а касается его дѣятельности какъ администратора и человѣка. Симпатіи автора статьи, конечно, какъ въ большинствѣ случаевъ это бываетъ, на сторонѣ своего героя, арх. Филарета, котораго онъ готовъ представить невинною жертвою интригъ, хотя сообщенныя факты не всегда говорятъ то, что хочетъ видѣть въ нихъ г. Лащенко, и дѣло, напр., объ оскорбленіи гр. Девьера (стр. 110 и слѣд.) говоритъ далеко не въ пользу знаменитаго ученаго архипастыря.—Въ концѣ статьи (стр. 145—185) приложены и самыя *«письма преосвященнаго Филарета къ Романовскому»*. Письма эти, большею частью, безсодержательны, касаются частныхъ дѣлъ; общественные же вопросы въ нихъ рѣдко затрагиваются. Въ одномъ письмѣ отъ 24 іюня 1858 года, когда подготавлилась крестьянская реформа, Филаретъ, напр., пишетъ Романовскому: «тѣмъ, что Господь посылаетъ каждому изъ насъ, не надобно тяготиться. Вамъ, какъ помѣщику, назначены теперь особенныя хлопоты. Не тяготитесь ими. Тяготясь ими, вы по многимъ отношеніямъ становитесь виновными передъ своею совѣстію. Во первыхъ, вы разстраиваете тѣмъ свое слабое здоровье. Далѣе идете противъ воли Божіей, возмущаетесь противъ Господа. Если правительство убѣдилось историческимъ ходомъ

дѣлъ, что необходимо должна быть переменна въ дѣлахъ крестьянскихъ, а противящійся власти, противится волѣ Божіей: что же значить ваше возмущеніе противъ началъ правительства, какъ не возмущеніе противъ воли Божіей. Поберегите свою душу. Вы говорите что то и другое выйдетъ дурно, что и для помѣщиковъ, и для крестьянъ было бы лучше, если бы сдѣлано было по вашему? Мечта самолюбія! Кто вамъ далъ право думать, что правительство — врагъ вамъ, и что оно менѣ васъ заботится о томъ, какой отвѣтъ придется ему дать за свое дѣло? Нѣтъ теперь уже извѣстно, что правительство много и много думало о дѣлѣ, выслушало и обсудило 100 проэктовъ. Мнѣ страшно за васъ особенно тогда, когда возстаете вы противъ надѣла крестьянъ землею. Я въ васъ не узнаю тогда ни христіанина, ни даже человѣка. Пусть польскій панъ, пусть австрійскій магнатъ, пусть лифляндскій дворянинъ были столько жестоки къ людямъ, работавшимъ на нихъ столѣтія, что сказали имъ наконецъ: вы свободны, чтобы умирать съ голоду; намъ до того дѣла нѣтъ; для васъ нѣтъ у насъ ни влочки земли! Но русскій дворянинъ, русскій христіанинъ, упорно хочетъ сдѣлать тоже самое! Это непостижимая задача. Гдѣ же наше православное, братолюбивое христіанство? Вы въ оправданіе указываете на непріятныя для васъ послѣдствія надѣла, напр., на сосѣдство съ безпечнымъ и неразборчивымъ хохломъ. Это не оправданіе. Вы смѣшиваете два дѣла: дѣло и его послѣдствіе. Предлагайте мѣры противъ неспокойныхъ послѣдствій: Это вамъ предоставлено; но не осуждайте святого дѣла. Притомъ вы ошибаетесь, если думаете, что правительство не имѣетъ въ виду невыгодныхъ послѣдствій сосѣдства съ безпечнымъ хохломъ и не приготовило средствъ оградить покой вашъ. Будемъ думать какъ можно лучше о другихъ и какъ можно хуже о себѣ: это будетъ во всякомъ случаѣ выгодно для насъ. Простите, Господа ради, что говорю непріятное. Говорить любовь». — Но такихъ писемъ, къ сожалѣнію, очень немного, большинство же до того безсодержательны, что невольно рождается вопросъ, стоило ли всѣ ихъ печатать?...

Чтобы кончить нашъ разборъ «Харьковскаго Сборника» назовемъ еще двѣ статьи, помѣщенныя въ немъ.—Замѣтку *О. В. Спльсивцева «Случайная археологическая находка»*, въ которой онъ знакомитъ съ результатами своихъ поисковъ въ окрестностяхъ сел. Райгородка, и продолженіе «*Очерковъ растительности харьковской губ. и сосѣднихъ съ нею мѣстностей» Л. О. Павловича.*—Въ концѣ «Сборника», въ видѣ приложения, помѣщена статья «Холера и мѣры личной предосторожности»

Въ заключеніе намъ остается пожелать болѣе широкаго распространенія «Харьвовскому Сборнику» (цѣна съ календаремъ 1 р. 20 к.), какъ изданію серьезному и очень полезному. Нельзя не порадоваться тому, что изданіе его стало, кажется, на твердую ногу: по крайней мѣрѣ, редакція объявляетъ о своемъ намѣреніи нѣсколько улучшить свое изданіе. Въ календарѣ предполагается расширить отдѣлы посвященные харьковской губ. и г. Харькову, ввести новый отдѣлъ практическихъ и общинтересныхъ свѣдѣній; въ Сборникѣ—удѣлять большее мѣсто разработкѣ и изданію цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ прошлому краю, и болѣе всестороннему освѣщенію переживаемаго настоящаго. Печататься изданіе будетъ на лучшей бумагѣ»
 Часъ добрый!

Н. В.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга шестая. Издана подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1892.

Для исторіи южной Руси каждая книга «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца» привноситъ довольно много существенныхъ свѣдѣній, то въ сообщеніяхъ и изслѣдованіяхъ членовъ Общества, то въ доставляемыхъ ими сырыхъ матеріалахъ первой руки. Если въ видахъ болѣе точной характеристики даннаго Общества принять въ расчетъ еще и то, что въ «Чтеніяхъ» его печатаются не всѣ рефераты его членовъ, и что менѣе спеціальныя изъ этихъ рефератовъ находятъ себѣ мѣсто въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и между прочимъ въ «Кіевской Старинѣ», то, конечно, нельзя не признать, что для изученія прошлаго нашего края «Общество Нестора Лѣтописца» дѣлаетъ не мало. Несомнѣнно въ кругъ его задачъ входитъ прошлое всей русской земли, и мы отъ времени до времени встрѣчаемъ въ «Чтеніяхъ» рефераты, относящіеся къ сѣверо-восточной и западной Россіи, тѣмъ не менѣе однако интересъ къ исторіи южной Руси въ немъ преобладаетъ, ибо кому же, кромѣ южно-русскихъ ученыхъ, наиболѣе сподручно вести работы по исторіи этого края, тѣмъ болѣе, что дѣлателей на исторической нивѣ сѣверо-восточной и западной Руси довольно и помимо южно-русскихъ ученыхъ, да наконецъ и собственная то наша историческая нива велика и обильна и превосходитъ наши наличныя ученныя силы.

Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, эту малочисленность нашихъ научныхъ дѣятелей, быть можетъ, слѣдовало бы пожелать даже ващей организаціи научныхъ работъ въ нашемъ историческомъ обществѣ. Быть можетъ, слѣдовало бы пожелать, чтобы были предпринимаемы, кромѣ работъ по собственному почину и производимыхъ единичными силами, еще и работы, такъ сказать коллективные, по тѣмъ историческимъ вопросамъ, которые Общество признало бы наиболѣе настоятельно требующими разрѣшенія въ виду современнаго состоянія науки. Тогда, по всей вѣроятности, возможно было бы Обществу избѣгать тѣхъ упрековъ, какіе иногда теперь на него падаютъ, упрековъ въ мелочности, въ погонѣ за буквой и въ упущеніи существенныхъ цѣлей историческаго изученія. Такого рода упреки были между прочимъ высказаны и въ *«Кіев. Старинѣ»*, въ рецензій на предъидущій томъ *«Чтеній»* Общества. При условіи господства въ *«Обществѣ»* исключительно личной инициативы отдѣльныхъ работниковъ и при отсутствіи руководящихъ указаній отъ *«Общества»*, какъ цѣлаго, приведенныхъ выше упрековъ, какъ кажется, не всегда несправедливыхъ, избѣгнуть невозможно, да и *«Общество»*, какъ таковое, рискуетъ слабо достигать своихъ цѣлей — всесторонняго изученія исторіи русской земли. Высказывая однако вышеприведенное пожеланіе, мы хорошо знаемъ, что осуществить его нелегко, и что задержкой для его осуществленія можетъ быть и весьма основательное опасеніе ослабить личную инициативу членовъ, замѣнивъ ее своего рода менторствомъ однихъ надъ другими.

Обращаясь къ разбираемой VI книгѣ *«Чтеній»*, мы въ ней находимъ въ отдѣлѣ *«сообщеній и изслѣдованій»* нѣсколько работъ, дающихъ матеріалъ для уясненія серьезныхъ вопросовъ давней южно-русской жизни. Такъ, для вопроса объ экономическомъ сопркосновеніи двухъ русскихъ народностей у насъ въ Кіевѣ въ половинѣ XVІІІ в. читатель получаетъ много интереснаго изъ статьи А. А. Андріевскаго *«Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи и объ отношеніи къ нему мѣстнаго магистрата»*.

Изъ статьи этой мы узнаемъ, что кіевскій магистратъ, чуть не съ самого присоединенія Кіева къ Россіи, заботился объ огражденіи мѣстной торговли отъ конкуренціи великороссійянъ. Въ указахъ Петра В., въ силу малороссійскихъ ходатайствъ, была запрещена розничная продажа въ Кіевѣ *пріѣзжимъ* въ Кіевъ торговымъ людямъ. Но великорусскіе купцы тѣмъ не менѣе являлись въ Кіевѣ для торговыхъ цѣлей и на Подолѣ, главной торговой части города, къ

которой особенно относились приведеннымъ запрещенія, заводили лавки для розничной продажи, всячески обходя законъ. Образъ дѣйствій ихъ въ этомъ случаѣ сильно напоминаетъ образъ дѣйствій евреевъ въ наши дни. То они нанимали лавки у мѣстныхъ жителей и назывались ихъ приказчиками, то выступали фиктивными заводчиками, устраивая «для куріозитету», по выраженію документа, какой-нибудь шолковый заводъ, то принимали на себя обязанности завѣдыванія казенными кабаками, соляными и табачными складами. Само правительство при этомъ обособляло великороссійскихъ купцовъ въ Малороссіи, какъ чужестранцевъ, предоставляя имъ право на особый судъ. Такъ, по долговымъ дѣламъ съ малороссами великороссійскіе купцы въ Кіевѣ должны были имѣть судъ по вексельному уставу въ кіевской губернской канцеляріи, а въ Глуховѣ и полкахъ—у великороссійскихъ командировъ. Торговля, даже розничная, на Подолѣ оказывалось открытой для великороссійскихъ купцовъ часто и потому, что терминъ *«пріѣзжіе торговые люди»* допускалъ толкованіе, не согласное съ тѣмъ смысломъ, какое ему придавалъ магистратъ, ходатайствуя о подтвержденіи своихъ привилегій. Нерѣдко, напри- мѣръ розничными торговцами въ Кіевѣ оказывались великороссійскіе купцы, пріобрѣвшіе осѣдлость въ Кіевѣ. Кіевскіе генералъ-губернаторы, являвшіеся въ Кіевѣ представителями центральной власти, смыслъ указовъ не всегда толковали одинаково. Въ однихъ случаяхъ они оставляли торговлю за великороссіянами, разъ они были не пріѣзжіе и осѣвшіеся въ Кіевѣ люди, въ другихъ считали торговлю великороссіянь въ Кіевѣ незаконною и предписывали изслѣдовать, какъ напр. генералъ-губернаторъ Леонтьевъ—на какомъ основаніи тотъ или другой купецъ торгуетъ на Подолѣ, «я для чего кіевскіе мѣщане свои лавки для той торговли, вѣдая запретительные *о неторгованіи великороссійскимъ людямъ* указы, въ наемъ имъ отдавали».

Отмѣченное выше совпаденіе между великороссійскими купцами въ Кіевѣ и современными торговцами евреями сказывается и въ другой сферѣ. Являясь въ казенныхъ кабакахъ «надзирателями» и вѣрными сборщиками», состоя затѣмъ головами и цѣловальниками при продажѣ казенной соли и наконецъ получивъ въ свои руки табачный откупъ и таможи, великороссійскіе купцы извлекали изъ такого своего положенія всякія стороннія выгоды и съ спокойною совѣстью обращались даже къ контрабандѣ.

Авторъ даетъ читателю и нѣкоторое указаніе на условія жизни кіевскаго мѣщанства, затруднявшія успешную конкуренцію его

въ торговлѣ съ великороссійскими купцами, которые, если и несли повинности, то только денежныя, не отрываясь отъ своего кучества ни для какихъ общественныхъ службъ, тогда какъ болѣе имущественные торговцы изъ кіевскихъ мѣщанъ несли довольно сложныя обязанности, которыя и отрывали ихъ отъ собственныхъ «куческихъ промысловъ».

Всѣ приведенныя выше положенія г. Андріевскій извлекаетъ изъ ряда документовъ кіевского губернскаго правленія, которые и напечатаны имъ въ приложеніи къ статьѣ. Въ виду интереса выводовъ было бы желательно, чтобы и документы того же рода, имѣющіеся въ распоряженіи автора въ отрывкахъ, какъ видно изъ его ссылокъ, также подверглись тщательной обработкѣ. Для намѣченнаго выше вопроса объ экономическомъ соприкосновеніи въ нашемъ краѣ въ прошломъ двухъ русскихъ народностей это имѣло бы не малое значеніе.

Другой статьёй VI тома *«Чтеній»*, затрогивающей существенныя политико-культурныя вопросы въ прошлой жизни нашего края, можетъ быть названа статья *В. И. Щербини «Кіевскіе воеводы, губернаторы и генераль-губернаторы отъ 1654 по 1775 г.»*. Статья эта особенно можетъ быть пригодна для тѣхъ изъ начинающихъ работниковъ въ области южно-русской исторіи, которыхъ могло бы путать тожество административныхъ терминовъ современныхъ съ прошлыми и давало бы поводъ думать объ одинаковости функций хотя одноименныхъ, но въ сущности различныхъ учреждений; имѣемъ въ виду главнымъ образомъ термины губернія, губернаторъ, генераль-губернаторъ. Г. Щербина въ самомъ началѣ своего реферата предотвращаетъ такое недоразумѣніе. «Административное устройство Кіева и приписанныхъ къ нему малороссійскихъ городовъ, со времени присоединенія его къ Русскому государству и до учрежденія кіевского намѣстничества, читаемъ мы у него, представляло большія отличія отъ устройства какъ остальной Малороссіи, такъ и областей великорусскихъ. Съ самаго момента присоединенія своего къ Россіи городъ этотъ, вслѣдствіе своего важнаго политическаго и стратегическаго значенія, а также и своего историческаго прошлаго, обращалъ на себя особое вниманіе русскаго правительства и возбуждалъ въ послѣднемъ стремленіе тѣснѣе связать его съ русскимъ государствомъ. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли было назначеніе для Кіева особыхъ правителей—воеводъ, впоследствии переименованныхъ въ губернаторовъ и генераль-губернаторовъ. Прави-

тели эти не могли имѣть той власти, какую имѣли одноименные съ ними правители областей великорусскихъ; они были собственно начальниками великорусскихъ войскъ, расположенныхъ въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ городахъ; но при назначеніи ихъ правительство имѣло въ виду и иную, болѣе широкую, задачу: они должны были служить представителями государственной власти въ краѣ и готовить болѣе тѣсное сближеніе его съ Россіей. Осуществленіе этой задачи представляло большія трудности. Объединительныя стремленія правительства встрѣчали противовѣсь въ общемъ положеніи дѣлъ въ Малороссіи и въ особыхъ правахъ козацкаго и мѣщанскаго населенія Кіева. Последнее препятствіе было устранено довольно легко. Полковое правленіе кіевскаго полка было перенесено въ г. Козелець, въ Кіевѣ же остался только сотникъ, что низвело Кіевъ на степенъ второстепеннаго пункта козацкаго управленія. Что же касается кіевскаго мѣщанства, представлявшаго богатую общину, пользовавшуюся съ конца XV столѣтія Магдебургскимъ правомъ, то правительство, еще при самомъ присоединеніи города къ Россіи, подтвердило права мѣщанства, признаніе которыхъ не противорѣчило установившемуся въ московскомъ государствѣ обычаю и представляло даже извѣстную выгоду для правительства, какъ ограниченіе козацкаго управленія. Труднѣе было побороть общій порядокъ вещей, борьба затянулась надолго и окончилась только въ царствованіе Екатерины II измѣненіемъ всего политическаго строя Малороссіи; тогда и Кіевъ былъ подчиненъ общей административной системѣ, установленной учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года.

Затѣмъ г. Щербина по договорнымъ статьямъ гетмановъ съ русскими государями слѣдитъ за размѣрами власти воеводъ и указываетъ на тѣ пререканія, какія имѣли мѣсто по дѣлу о воеводахъ въ Малороссіи между козаками и русскимъ правительствомъ. Права малороссійскихъ воеводъ простирались, по утвержденію автора, только на военное управленіе, но постоянное подтвержденіе этихъ ограниченій, постоянныя жалобы на воеводъ, наконецъ неоднократныя возстанія показываютъ, что *de facto* власть воеводъ принимала часто болѣе широкіе размѣры, да и само правительство старалось расширить ее и распространить на большее количество городовъ.

Далѣе мы узнаемъ, что воеводы были переименованы въ губернаторовъ съ введеніемъ въ началѣ XVIII в. раздѣленія Россіи на провинціи и губерніи. Кіевская губернія при этомъ обнимала большую часть теперешнихъ губерній Харьковской, Курской и Орлов-

ской; изъ малороссійскихъ же городовъ въ ней приписаны были только Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ и Нѣжинъ, т. е. именно тѣ города, въ которыхъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ были великорусскіе воеводы. Новые губернаторы вполне замѣняли воеводу и роль правителей играли только въ тѣхъ городахъ Кіевской губерніи, которые въ составъ Малороссіи не входили и были великорусскими. При гетманѣ Скоропадскомъ стольникъ Измайловъ, затѣмъ Протасовъ и наконецъ бригадиръ Вельяминовъ, стоявшій во главѣ малороссійской коллегіи, способствовали возвышенію власти кіевскихъ губернаторовъ или, какъ ихъ теперь называли, генераль-губернаторовъ. Но особенно широкое значеніе приобретаетъ власть кіевскихъ губернаторовъ (генераль-губернаторовъ) съ 30—40 годовъ XVIII столѣтія, причемъ своего исключительнаго характера она и тогда не лишалась. Авторъ объясняетъ тогдашнее усиленіе ихъ власти возроставшимъ значеніемъ Кіева вслѣдствіе колонизаціи новороссійскихъ степей и гайдамацкихъ движеній въ Польшѣ, вызывавшихъ внимательство русскаго правительства. Только съ 1787 г. Кіевская губернія получаетъ устройство, аналогичное съ устройствомъ другихъ губерній.

Основные положенія автора не подлежатъ оспариванію вслѣдствіе ихъ документальности. Можно только пожалѣть, что, стремясь къ краткости, авторъ не далъ въ своей работѣ характеристикъ хотя бы только наиболѣе видныхъ представителей воеводской, а потомъ губернаторской власти. Конкретныя лица, разъ они введены въ рассказъ, естественно оживляютъ изложеніе исторіи учреждений. Къ статьѣ приложенъ полный списокъ воеводъ, губернаторовъ и генераль-губернаторовъ за время съ 1654 по 1775 г., а также грамоты о назначеніи губернаторовъ Гулица и Леонтьева.

Въ VI книгѣ «Чтеній» имѣется и статья, являющаяся желательнымъ пополненіемъ зачатковъ литературы по исторіи малороссійскихъ городовъ; разумѣемъ статью *А. М. Лазаревскаго «Историческій очеркъ Батурина (1625—1760)»*. Имѣющійся въ распоряженіи автора матеріалъ не далъ ему впрочемъ возможности представить очеркъ бытовой исторіи батуринскихъ горожанъ. Мы здѣсь узнаемъ только такъ сказать внѣшнюю, политическую сторону жизни Батурина. Прежде всего авторъ весьма убѣдительно отрицаетъ основаніе Батурина Стефаномъ Баторіемъ, что было измышлено вслѣдствіе созвучія въ словахъ, и доказываетъ, что не далѣе сорока верстъ на западъ отъ Путивля, т. е. примѣрно около границы теперешняго коноптскаго уѣзда была до XVII в. русская «сторожа», а такъ какъ

«сторожа» высматривала непріятеля среди «полей», то значить къ западу отъ сторожевыхъ становъ и были только «поля», т. е. пустыя незаселенныя земли; въ этой мѣстности до XVII в. никакихъ поселеній не было да и быть не могло вслѣдствіе полной беззащитности ея. Основанъ же Батуринь на самомъ дѣлѣ въ 1625 г., по распоряженію короля, Матвѣемъ Стахорскимъ, управляющимъ лѣвобережными имѣніями Александра Пясочинскаго. Свѣдѣніе это заимствовано авторомъ у г. Руликовскаго, который пользовался неизвѣстно гдѣ теперь находящимся архивомъ Росцишевскихъ. Гетманскою резиденціей Батуринь сталъ съ 1669 г., побывавъ предварительно въ нѣсколькихъ частныхъ рукахъ. Батуринь былъ расположенъ въ центрѣ лѣвобережной Малороссіи, на чертѣ, отдѣляющей Полѣсье отъ степей— и потому казацкая рада, избранная Многогрѣшнаго гетманомъ, назначила Батуринь его резиденціей вмѣсто разрушеннаго Переяслава. При Самойловичѣ въ Батуринь имѣлся уже гетманскій замокъ. При Мазепѣ укрѣпленія Батурина, по заявленію Кочубея, были вичтожны, такъ какъ гетманъ ихъ не исправлялъ и занимался только своимъ пригороднымъ подворкамъ Гончаровкой. Послѣ измѣны Мазепы Батуринь подвергся разоренію со стороны русскаго войска. Въ развалинахъ Батуринь пребывалъ долго. Впрочемъ уже гетманъ Даніилъ Апостоль ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ о перенесеніи изъ Глухова гетманской резиденціи въ Батуринь. Дозволено это было однако только въ 1750 г. гетману Кириллу Разумовскому. Палаты для Разумовскаго, по его порученію, строилъ извѣстный Тепловъ на мѣстныя средства и мѣстными силами. По уничтоженіи гетманства въ 1764 г. Екатерина II подарила Разумовскому батуринскій гетманскій домъ и прочія воздвигнутыя Тепловымъ зданія. Съ 1776 г. Разумовскій жилъ въ Батуринь и умеръ въ немъ въ 1803 году.

Сводъ всѣхъ этихъ свѣдѣній о бывшей гетманской резиденціи не лишенъ интереса и значенія для людей, занимающихся исторіей гетманщины.

Переходя за снѣгъ къ статьѣ *Н. Н. Оглоблина «Служба въ Сибири Демьяна Многогрѣшнаго»*, мы не можемъ, конечно, не признать весьма естественною пытливость автора опредѣлить, въ какіе тартары могли въ XVII и XVIII вѣкѣ попадать такіе видные малорусскіе дѣятели, какъ на примѣръ бывшій гетманъ Демьянъ Игнатьевичъ Многогрѣшный; для характеристики той поры это имѣетъ большое значеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, что правила не quid

ниміс забывать не слѣдуетъ, и что поэтому не должно изслѣдователямъ всегда вникать во всѣ подробности жизни важныхъ людей въ такіе ея періоды, когда она ровно никакого историческаго интереса не представляетъ. Изъ статьи Н. Н. Оглоблина мы именно узнаемъ и то, что можетъ имѣть интересъ, и то, что совершенно безразлично для какихъ бы то ни было историческихъ выводовъ. Въ статьѣ нашего автора прежде всего мы находимъ весьма интересный пересказъ о томъ, какъ долго Многогрѣшный томился въ тюремномъ заключеніи, какъ его хотѣли было изъ «тюремныхъ сидѣльцовъ» сдѣлать козакомъ и отдать въ «пѣшью козачью службу», какъ этому помѣшали побѣги его товарищей по несчастью и «частокротныя» прошенія врага его гетмана Самойловича, какъ онъ «свѣтался межъ дворъ и помиралъ чуть не голодною смертью», какъ наконецъ попалъ въ «дѣти боярскіе» съ опредѣленнымъ жалованіемъ, а потомъ сталъ «сѣдовокомъ», по выраженію одного китайскаго документа, т. е. сѣлъ на приказѣ въ Селенгинскѣ въ товариществѣ съ сыномъ Петромъ и сталъ ревностно охранять свой селенгинскій острогъ съ его населеніемъ отъ бунтовавшихъ противъ русской силы мунгаловъ и табунутовъ и какъ наконецъ закончилъ жизнь постриженіемъ въ монахи, что случилось въ 1696 году. Но рядомъ съ этими данными, имѣющими значеніе, авторъ приводитъ и другія, и именно подробности стычевъ Многогрѣшняго и его сына съ табунутами и мунгулами, что уже едва ли интересно. Нельзя при этомъ надивиться необыкновенной обстоятельности Н. Н. Оглоблина при передачѣ содержанія документовъ о службѣ Многогрѣшнаго, найденныхъ вновь въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и заключающихъ въ себѣ именно эти ненужныя подробности.

Къ числу статей, затрогивающихъ серьезныя историческіе сюжеты южной и западной Руси, принадлежитъ и живо написанная статья проф. И. В. Луцицкаго съ двойнымъ заглавіемъ «По поводу Дроичинскихъ древностей. Замѣтки къ исторіи торювыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью». Не касаясь сперва повода, по которому написана данная статья, отмѣтимъ въ ней вторую и третью главы, какъ такія, которыя сами по себѣ даютъ много читателю независимо отъ цѣлей, къ какимъ онѣ направлены. Во второй главѣ идетъ рѣчь о клеймахъ и ихъ употребленіи въ средніе вѣка и новое время. Авторъ, пользуясь довольно значительной западно-европейской литературой по данному вопросу, выводитъ происхожденіе клеймъ изъ тѣхъ условныхъ мѣтокъ на всякаго рода

одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметахъ въ обиходѣ сельскихъ хозяйствъ и вообще въ промыслахъ, какія и теперь въ ходу у насъ сплошь и рядомъ. Съ усложненіемъ экономическихъ отношеній, узнаемъ мы далѣе, всѣ такіа мѣтки пріобрѣли и юридическую силу. Установленіе при этомъ знаковъ не было вполнѣ произвольнымъ, такъ какъ требовалось, чтобы знакъ, усвоенный кѣмъ-либо, былъ принятъ и признанъ сосѣдями, сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ имъ на всемъ протяженіи округа. Знаки такіе уже издавна въ Германіи назывались Hofmarken, Hausmarken. Они переходили по наслѣдству и въ случаѣ распадѣнія рода на нѣсколько семействъ одно только наслѣдовало знакъ безъ измѣненій, у остальныхъ же онъ получалъ тѣ или другіе придатки. До XVI в. въ употребленіи было два типа знаковъ: или это были геометрическія начертанія самого разнообразнаго вида, или это были изображенія какихъ-либо фигуръ—человѣческой ли головы или лица, птицъ, звѣрей, орудій всякаго рода (топора, пилы, угольника и т. д.). Владѣльцы товаровъ, пересылавшихся съ развитіемъ торговли при посредствѣ нанятыхъ лицъ, стали снабжать свои товары своими Hofmark'ами и Hausmark'ами. Каждый купецъ при этомъ въ нотаріальныхъ книгахъ заявлялъ о своемъ знакѣ, заносилъ изображеніе его въ торговыя книги. Завелись у купцовъ прусскихъ сперва, а потомъ и у другихъ кольца съ пхъ знаками и печати. До XVI в., повторяемъ, знаки геометрическіе и фигурные преобладали, на печатяхъ же XVI и XVII в. стали уже попадаться и буквы (иниціалы). Во всемъ районѣ Ганзы на товарахъ и въ торговыхъ сдѣлкахъ было въ ходу употребленіе печатей со знаками и товарныхъ пломбъ.

Далѣе въ третьей главѣ профессоръ съ фактами въ рукахъ доказываетъ, что Ганза еще въ 1346 г. въ одну изъ своихъ Willkuren внесла постановленіе, въ силу котораго изученіе русскаго языка сдѣлано было обязательнымъ для молодыхъ людей купеческаго званія (не старше 20 лѣтъ), и что вообще она очень была заинтересована торговыми сношеніями съ Русью, и это не только съ Новгородомъ, но и съ сѣверо-западною и южною Русью. Сперва Торнъ, а потомъ Данцигъ являлись посредниками Ганцы въ этой торговлѣ. Лѣсъ и лѣсные продукты были главными предметами вывоза изъ Руси и Литвы; кромѣ того, отсюда же шли мѣха, воскъ, кожи, хлѣба, пража и пенъка. Обратнo везли обработанные продукты «Hosen und Mützen» или такіе, какъ сельди.

Путь шелъ для торговцевъ все время по рѣкамъ. Главною артеріею служила Висла, затѣмъ Наревъ до Пултуска, наконецъ З. Бугъ, гдѣ торговый путь захватывалъ Нуръ, Дрогичинъ, Мельникъ и доходилъ до Брестъ-Литовска. Были впрочемъ еще и другіе пути. Торговля Данцига съ Волынью и Луцкомъ усилилась послѣ паденія связей Данцига съ Ковно и Литвой. По З. Бугу торговля эта началась еще въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка. Длилась она и въ послѣдующіе вѣка, а въ XVII и XVIII в. Данцигъ торговалъ и съ лѣвобережной Украиной.

Всѣ эти свѣдѣнія изложены авторомъ по поводу тѣхъ объясненій, какія приводились членами Виленской Археологической Коммиссіи, учеными чешскими, принадлежащими къ пражскому ученому Обществу Славянскихъ Древностей, и нѣкоторыми учеными изъ археологическаго великобританскаго института относительно массы свинцовыхъ пломбъ, найденныхъ лѣтомъ 1864 г. на берегу р. Буга подлѣ г. Дрогичина гродненской губерніи бѣльскаго уѣзда. Перечисленные ученые терялись въ догадкахъ при этомъ: одни называли пломбы чуть не ятвяжскими канцелярскими печатями, другіе признавали ихъ торговыми знаками, но сдѣланными какимъ-то дрогичинскимъ мастеромъ, и только англійскіе ученые признали ихъ весьма распространенными торговыми пломбами, фабриковавшимися всюду въ районѣ ганзейской торговли. Г. Лучицкій, примыкая къ послѣднему мнѣнію, имѣлъ въ виду облечь его въ плоть и кровь и уясненіемъ значенія клеймъ въ торговлѣ среднихъ и новыхъ временъ, и точнымъ опредѣленіемъ путей, какими шла эта торговля, причемъ Дрогичинъ оказался городомъ, гдѣ могла быть товарная пристань.

Въ общемъ г. Лучицкій высказалъ много несомнѣннаго, но, какъ утверждаютъ люди, тоже компетентные въ археологическихъ вопросахъ, характеръ дрогичинскихъ пломбъ не совсѣмъ таковъ, чтобы ихъ безъ затрудненій причислить ко торговымъ клеймамъ, и потому, по ихъ мнѣнію, побиваемые авторомъ противники не убѣждаются его доводами и не признаютъ себя крайними невѣждами. Да и въ нѣкоторыхъ частныхъ положеніяхъ автора можно усмотрѣть преувеличенія по вопросу, наур., о торговлѣ Данцига съ Волынью съ конца XIV вѣка; ссылаясь на акты кіевск. центр. архива, описи которымъ уже составлены, можно кажется утверждать, что Волынь очень слабо откликалась на торговые зазывы Ганзы. Конечно, въ такихъ возраженіяхъ г. Лучицкому есть доля истины, тѣмъ не менѣе, повторяемъ, данная работа его богата и несомнѣн-

ными данными, а ужъ во всякомъ случаѣ послѣ ея прочтенія мало найдется охотниковъ раздѣлять мнѣніе г. Леопардова по поводу злополучныхъ пломбъ—будто онѣ были занесены въ Дрогичинъ или въ мѣстность, гдѣ возникъ позже городъ, христіанами, бѣжавшими сюда отъ гоненій, воздвигнутыхъ римскими императорами; если принять еще въ расчетъ, что христіане эти, по утверженію г. Леопардова, должны были быть славянами, и что г. Леопардовъ Южный Бугъ смѣшиваетъ съ Западнымъ, то тѣмъ болѣе adeptовъ у его мнѣніи не будетъ.

Въ статьѣ проф. В. З. Завитневича «Вторая археологическая экскурсія въ Припечское Полесье» читатели VI книги *Чтеній* получаютъ рядъ очень точныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скучныхъ протоколовъ произведенныхъ имъ раскопокъ, а кромѣ того, и попытку установить нѣкоторые этнографическія различія у древнихъ русскихъ славянъ по различнымъ типамъ погребенія. Многія заключенія автора оспариваются другими археологами въ виду неопредѣленности многихъ данныхъ добытыхъ пока раскопками. Есть впрочемъ у автора догадки и соображенія, съ которыми прямо таки нельзя согласиться въ виду полной произвольности и недостаточной логичности. Имѣемъ, напримѣръ, въ виду догадки автора объ исчезновеніи деревянныхъ столбовъ, поддерживавшихъ сосуды съ прахомъ покойниковъ (стр. 22).

Много произвольного встрѣтитъ читатель разбираемаго тома *Чтеній* и въ «Археологическихъ замѣткахъ» проф. А. И. Соболевскаго. Замѣтки относятся къ русскимъ лѣтоисямъ и болѣе всего къ начальной, и всѣ почти основаны на довольно гадательной филологіи.

Въ отдѣлѣ *Матеріаловъ* въ данномъ томѣ чтеній помѣщены слѣдующіе: *Святаго Кирилла, ексарха Александрійскаго, ижемена, наука о противной уніи* (сообщилъ А. С. Крыловскій); «*Ростисной списокъ г. Кіева 1700 г.*» (сообщилъ протоіерей П. Г. Лебединцевъ); *Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ и Записки Іоасафа Горленка, епископа бѣлгородскаго* (сообщилъ В. П. Горленко); «*Брань честныхъ седми добродѣтелей в седми грѣсами и пр.*» Іоасафа Горленка (сообщилъ В. П. Горленко); «*О разборъ архива графа П. А. Румянцова-Задунайскаго*» (Записка М. О. Судіенка) (сообщилъ В. С. Иконниковъ) и наконецъ «*Древній поманникъ Кіево-Печерской лавры*» (конца XV и начала XVI ст.) (сообщилъ С. Т. Голубевъ).

За недостаткомъ мѣста отмѣтимъ здѣсь только по поводу сообщенія А. С. Крыловскаго, что «наука о противной уніи» по языку

есть если не самостоятельный трудъ какого-либо западно-русскаго писателя конца XVI или начала XVII вѣка, то во всякомъ случаѣ переводъ съ греческаго, сдѣланный на тогдашній западно-русскій книжный языкъ. Сочиненіе это могло быть даже переведено въ Москвѣ, если ужъ г. Крыловскому такъ угодно связать его съ сѣверною Русью, но все же человѣкомъ западной Руси, не отвыкшимъ отъ своей книжной рѣчи и не усвоившимъ тогдашняго московскаго русскаго языка. Что до почерка рукописи, признаннаго г. Соболевскимъ за обычный великорусскій, то по почерку рукописи опредѣлять автора ея нельзя во всѣхъ случаяхъ: авторъ или переводчикъ могъ быть одной народности, а переписчикъ другой.

Прибавимъ въ заключеніе, что въ данномъ томѣ *Чтеній* помѣщены еще рѣчи, произнесенныя въ годичномъ засѣданіи Общества Нестора профессорами *П. В. Владиміровымъ* и *Н. П. Дашкевичемъ*. Первому принадлежитъ рѣчь «*Историческіе сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова*», а второму — «*Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова*». Рѣчи вполне соотвѣтствуютъ юбилейному торжеству по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со дня смерти поэта. Рѣчь Н. П. Дашкевича печатаніемъ не окончена и пока устанавливаетъ то несомнѣнно вѣрное положеніе, что до сихъ поръ русская критическая литература предавалась о Лермонтовѣ толкамъ вкривъ и вкосъ, не сдерживая своихъ сужденій никакимъ опредѣленнымъ критеріемъ. Съ интересомъ наконецъ читается помѣщенная въ *Чтеніяхъ* краткая помянка по *Л. К. Лазаревичъ, сербскомъ писателѣ*, принадлежащая перу *А. И. Степовича*.

Я. Ш.

Извѣстія Таурической Ученой Архивной Коммисіи—№ 15 (годъ шестой). Подъ редакцію правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь. 1892 г.

Настоящая книга «Извѣстій» столь же богата содержаніемъ, какъ и предшествующія. Мы находимъ здѣсь прежде всего продолженіе печатаемаго *Θ. Θ. Лашковымъ «Рестра крымскаго двора старыхъ лѣтъ дѣламъ, въ столпахъ содержащимся, съ 1579 по 1700 г.»*, о цѣнности котораго для людей науки мы уже сказали при разборѣ № 14 «Извѣстій»; теперь прибавимъ лишь, что и продолженіе мы прочли съ неменьшимъ интересомъ, какъ и начало. Весьма было бы

полезно, если бы Коммиссія выпустила въ свѣтъ отдѣльные оттиски этого реестра.

«*Ордера графа Платона Александровича Зубова правителю Таврической области въ 1793 году*», сообщенные г. Кирѣенкомъ, содержать въ себѣ распоряженія Зубова о развитіи хлѣбонашества, промысловъ, русской морской торговли, о поддержаніи козачьей черноморской флотиліи и проч., какъ о предметахъ первостепенной важности для края, который началъ незадолго передъ тѣмъ заселяться русскими людьми; поэтому напечатанные ордера послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для мѣстной исторіи той эпохи; одно неудобство—нѣтъ описей при каждомъ ордерѣ; читатель для того, чтобы найти нужный ордеръ, волей-неволей долженъ терять безполезно время на прочтеніе всѣхъ ихъ отъ начала до конца.

И въ этомъ номерѣ, какъ и въ предыдущемъ, мы находимъ новый «*Статейный списокъ*»; на сей разъ г. Лашковъ даетъ намъ списокъ *Семена Безобразова*, посланнаго въ Крымъ въ 1593 г. памятнику этому издателемъ предпослано небольшое предисловіе, гдѣ изложены обстоятельства, при которыхъ совершилась отправка посольства, и указаны результаты, которыхъ оно достигло. Нѣтъ необходимости, намъ кажется, говорить о важности этого документа для политической исторіи Московскаго государства и Крымскаго ханства. «Статейный списокъ» содержитъ не мало любопытныхъ подробностей и для исторіи южной Россіи; отмѣтимъ, между прочимъ, подробности о походѣ татаръ подъ г. Константиновъ и произведенныхъ ими на Волини разореніяхъ, а также о намѣреніи хана перенести свою столицу изъ Бахчисарая на берега Днѣпра у перевоза Кашнипа, называемаго также Ебулаемъ (по-русски Добрый перевозъ) и лежащаго выше пороговъ; въ другомъ же мѣстѣ «Списка» говорится, что этотъ перевозъ ниже пороговъ (сравн. стр. 80 и 82). Ошибка ли это въ подлинникѣ, описка ли коніста или типографская опечатка? Разобраться трудно. Въ предисловіи же издателя мы не видимъ разъясненія этого недоразумѣнія.

Въ «*Керченскихъ древностяхъ*» г. *Ящуржинскій* описываетъ три коллекціи археологическихъ предметовъ: гг. Цѣхановскаго, Савидцаго и свою собственную. Болѣе обстоятельное описаніе предметовъ дано авторомъ только для двухъ послѣднихъ коллекцій. Въ коллекціи самаго автора, большей изъ описываемыхъ, изъ 20 предметовъ упомянуты два кирпича (матеріалъ, величина, назначеніе и мѣсто находже-

нія не обозначены) съ подписями и доннышко сосуда¹⁾; остальные— всѣ клейма (на амфорныхъ ручкахъ?) съ подписями и изображениями боговъ, людей, животныхъ, птицъ и т. п. Въ коллекціи г. Савидцаго 14 клеймъ (т. е. амфорныхъ ручекъ съ клеймами?); всѣ они также съ подписями и изображениями представителей всѣхъ царствъ природы. Но кромѣ клеймъ, у г. Савидцаго хранится еще известковый камень, приобретенный владѣльцемъ въ Тамани; камень имѣетъ 17¹/₂ с. (?) высоты, 16 с. (?) ширины и 9 с. (?) толщины²⁾. На этой-то известковой глыбѣ сохранились остатки лишь пяти словъ отъ бывшей когда-то на ней надписи. О коллекціи г. Цѣхановскаго связано очень мало, а между тѣмъ, по словамъ г. Ящуржинскаго, она состоитъ «изъ большого количества бусъ, между которыми (между бусами?) обращаютъ вниманіе изображенія (на чемъ? на бусахъ?) Пріама, гермы, Бахуса» и проч. и, наконецъ, *кукиши* (бурсивъ у автора). Къ сожалѣнію, г. Ящуржинскій, при слишкомъ большой краткости описанія «керченскихъ древностей», не дѣлаетъ никакихъ заключеній ни о важности самыхъ предметовъ, ни о важности надписей на нихъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что работа г. Ящуржинскаго носитъ слѣды большой спѣшности.

«Описаніе дѣлъ Таврическаго историческаго архива», печатаемое А. И. Сѣницынымъ, продолжается и въ разбираемой нами книжкѣ. Не будемъ останавливаться на нелѣпости дѣленія архивовъ на историческіе и неисторическіе; всѣ архивы безъ исключенія могутъ служить исторіи; если же и требуется для архива опредѣленіе, то оно должно быть или географическое, смотря по территоріи, которую объимаютъ старыя дѣла, или оно должно заимствоваться отъ учреждений, при которыхъ архивы состоятъ. Посмотримъ лучше, что историческое выбирается для этихъ *историческихъ* архивовъ. Изъ печатаемой описи мы видимъ, что для храненія въ архивѣ выбираются главнымъ образомъ дѣла выдающіеся, не имѣющія себѣ подобныхъ, исключительныя по содержанию; заурядныя же дѣла, составляющія большинство, въ которыхъ-то и слѣдуетъ искать особенностей мѣстной жизни, выбрасываются (или точнѣе—отгладываются для продажи въ магазины и лавки на обертку). Куда же годятся и для какихъ историческихъ

¹⁾ Кирлича и доннышко отнесены авторомъ почему-то къ клеймамъ.

²⁾ Авторъ означаетъ мѣру высоты, ширины и толщины буквой с; мы читаемъ ее сажень, хотя с можетъ означать и сантиметръ. Слишкомъ ужъ экономное сокращеніе словъ даетъ поводъ къ недоразумѣнію.

задачъ потребуются такія отрывочныя дѣла, которые имѣють значеніе только въ общей массѣ? Все почти уничтожается. Напр., изъ 5135 дѣлъ, которыя были разсмотрѣны, отобрано всего только 12 дѣлъ! Желательно было бы поэтому узнать, изъ какихъ источниковъ можно будетъ заимствовать матеріалъ для исторіи одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ русской жизни—крестьянскаго, когда дѣла объ ищущихъ вольности ¹⁾ и закрѣпощеніи уничтожаются, такъ же какъ и дѣла о бѣглыхъ и передержательствѣ, объ отпускаемыхъ на волю, о продаваемыхъ; не видимъ мы также дѣлъ о скоростижно умершихъ, якобы отъ побоевъ нанесенныхъ управляющимъ пмѣніемъ, и многихъ другихъ дѣлъ, касающихся народнаго быта; всѣ дѣла, рисующія семейную жизнь: отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтьми и дѣтей между собой, должны быть безусловно сохранены, а мы опять-таки въ описи ихъ не видимъ, какъ не видимъ дѣлъ объ убійствахъ, самоубійствахъ и дѣтоубійствахъ; между тѣмъ они рисуютъ общественную нравственность. Не говоримъ уже о другихъ вопросахъ: административныхъ, юридическихъ и проч., для которыхъ едва-ли что-нибудь останется. Правда, каждое изъ указываемыхъ нами дѣлъ въ отдѣльности ничтожно, но въ общей массѣ это одна изъ чертъ большой картины мѣстной жизни. Такихъ дѣлъ набирается множество, но чтобы сберечь побольше мѣста, если ихъ негдѣ хранить, нужно только изъ каждаго дѣла отдѣлать экстрактъ, доклады, со всѣми наиболѣе важными документами или показаніями участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Экстракты занимаютъ иногда полъ листа всего, хотя въ болѣе старыхъ дѣлахъ доходятъ до 5 и болѣе листовъ; отбрасывать можно дѣла, но лишь по ничтожнымъ явленіямъ жизни, какъ, напр., оскорбленія, мелкія кражи, но и изъ нихъ слѣдуетъ все-таки выбрать характерныя; можно также отбрасывать дѣла переносимыя по апелляціи въ высшіе суды или такія гражданскія дѣла, документы по которымъ записаны въ актовыхъ книгахъ: продажи, уступки, завѣщанія и проч.; всѣмъ же уничтоженнымъ дѣламъ обязательно должна быть составлена опись, чтобы можно было судить о количествѣ дѣлъ извѣстнаго рода. Если же изъ каждой тысячи дѣлъ будетъ сохраняться одно—два дѣла, то смѣло и вѣрно можно предсказать, что скоро у насъ не будетъ ни матеріала для мѣстной исторіи, ни необходимости въ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду

¹⁾ Вѣдоность объ ищущихъ вольности сохранена, а два тѣла отброшены; между тѣмъ слѣдовало поступить какъ разъ наоборотъ.

не одну Таврическую ученую архивную комиссію, но и всѣ другія, гдѣ также идетъ огульное уничтоженіе старыхъ дѣлъ, собиравшихся вѣками. Вообще, слѣдуетъ имѣть въ виду при разборѣ архивовъ, что задачи будущихъ историковъ намъ неизвѣстны и что уничтожая дѣла на нашъ взглядъ малозначущія, мы быть можетъ лишаемъ возможности изслѣдовать такіе вопросы, важности которыхъ теперь просто не понимаемъ и не подозреваемъ. Лучше сохранить десять неважныхъ дѣлъ, чѣмъ одно важное уничтожить.

Въ печатаемомъ описаніи, мы не замѣчаемъ никакой системы; хронологическая никуда не годится и ее рѣшительно надо оставить, замѣнивъ расположеніемъ дѣлъ по содержанію и территоріи. Сказанное о разборѣ архивовъ наводитъ на мысль о необходимости объединенія дѣйствій комиссій и выработки обстоятельной программы для выбора дѣлъ, важныхъ въ научномъ отношеніи. Однако, въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что комиссія, какъ показываютъ это ея протоколы, имѣла въ весеннемъ полугодіи два засѣданія и что вслѣдствіе такой рѣдкости ихъ ей приходилось разрѣшать по 30 вопросовъ.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Восходъ № 4—8. Бершадскій С. А. Въ изнаніи. Очеркъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV столѣтія. Главы III, IV и V. (№ 4 стр. 117—137, № 6 стр. 32—53, № 7 стр. 50—65, № 8 стр. 18—27).

Литературная хроника: *Не-еврей. Литературный иезуитизмъ.* Разборъ книги С. Я. Димянскаго «Еврей, ихъ вѣроученіе и правоученіе» (№ 4 стр. 12—35, № 5 стр. 17—29).

Никитинъ В. Н. Еврейскія земледѣльческія колоніи въ Западномъ краѣ. Гл. XX—XXI (№ 6 стр. 97—115).

Блюменфельдъ Ис. Письма о херсонскихъ еврейскихъ колоніяхъ. Письма IV и V. (№ 7 стр. 1—12, № 8 стр. 1—9).

Гр. Ос. Новое объясненіе источниковъ древнерусской литературы. Разборъ статьи Г. М. Бараца «Кирилло-Меоводіевскіе вопросы», напечатанной въ «Трудахъ Киев. Дух. Академіи». № 7 стр. 28—35).

Biblioteka Warszawska № 4—8. К. Gorski. Pierwsza wojna Rzeczpospolitej z wielkiem księstwem Moskiewskiem za Batorego (№ 4, стр. 93—117).

Antoni I. Dzieje osadnictwa tatarskiego na wołoskiem pograniczu. Краткій очеркъ исторія татарскихъ поселеній въ вел. кн. Литовскомъ и исторія татарскихъ поселеній въ Подоліи. (№ 5 стр. 202—222, № 6 стр. 381—406, № стр. 83—117).

Kozłowski Stanisław. Henryk Sienkiewicz jako powieściopisarz historyczny. (№ 6 стр. 526—543, № 7 стр. 119—137, № 8 стр. 337—354).

Kwartalnik Historyczny № 3. I. Korzon. Nowa książka o Koliszczyźnie. Разборъ книги Я. Н. Шульгина «Очеркъ коливщины по неизд. и изд. документамъ 1768 и ближ. г.г.». Авторъ отрицаетъ всякое значеніе книги г. Шульгина и дѣлаетъ рядъ нападеній на «тенденціональность» историковъ «киевской школы», къ которымъ онъ причисляетъ и автора разбираемой имъ книги. (Стр. 527—540).

A. Czołowski d-r. Relacya o obleżeniu miasta Lwowa przez Bohdana Chmielnickiego 1648 roku. Текстъ документа съ краткимъ предисловіемъ. (Стр. 543—550).

F. Bostel. Stacye królewskie na Rusi w r. 1524. (Стр. 550—552).

Въ отдѣлѣ рецензій разобраны слѣдующія книги: 1) *F. Bostel Żydzi ziemi lwowskiej ip owiatu żydaczowskiego w r. 1765* (рец. I. S. Fraenkel. Стр. 623—625). 2) *Budzynowski M. Kronika miasta Sambora* (рец. L. Dziedzicki. Стр. 625). 3) *Papée. Skole i Tucholszczyzna* (рец. A. Czołowski. Стр. 625—628).

Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи.

Абель В. И. д-ръ. Куяльницкій (Андреевскій) лиманъ. Изд. одес. гор. общ. управ. Од. 1892. in—8. 94 стр. + 2 плана.

Авенариусъ Н. Нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ. (Отт. изъ Зап. Имп. рус. археолог. общества). Спб. 1892. in—8. 12 стр.

Archiwum komisji historycznej, t. VI. Kraków, nakł. Akademii umiej. 1891. in—8. IV+463+1 стр. (Żydzi ziemi lwowskiej i powiatu żydaczowskiego w r. 1765, zestawił F. Bostel (стр. 357—378): Wiadomości o rękopisach prawno-historycznych biblioteki ces. w Petersburgu, sprawozdanie z poszukiwań, przez d-ra A. Blumenstoka 379—463 стр).

Bieliński St. d-r. Sprawa kredytu melioracyjnego dla rolników w Galicyi. (Odbitka z Ekonomisty Polsk.). Lwów. 1891. in—XII+73 стр.

Blumenstok Alfr. Wiadomość o rękopisach prawno-historycznych biblioteki ces. w Petersburgu, sprawozdanie z poszukiwań. (Otb. z t. VI Archiwum Kom. hist. Akad. umiej.) Kraków. 1891. in—8. 87+1 стр.

Bułharyn Tad. Mazera, romans historyczny. Lwów, in — 8. 359 стр.

Витбергъ *Ө. А. Н. А.* Гоголь и его новый биографъ (По поводу книги Н. Шеврока. «Матеріалы для біографіи Гоголя» т. 1. М. 1892). Спб. 1892. in—8. 40 стр. ц. 30 к.

Havliček Borowsky' K. Krest Sv. Vladimira, legenda z ruskè historiè. 3—ti vydání. Praha. 1891. in—8. 47 стр.

Гоголь Н. В. Тарасъ Бульба. Пов. (въ сокращ. видѣ). Приспособлена для чтенія въ народн. аудиторіяхъ. Изд. учрежденной по Высочайшему повел. М-ромъ Н. Пр. постоян. коми. по устройству нар. чтеній. Изд. 2-е. Спб. 1892. in—8. 58. стр. ц. 5 к.

Hryniewicz-Tulko Iul. dr. Charakterystyka fizyczna ludności żydowskiej Litwy i Rusi na podstawie własnych spostrzeżeń (Odb. ze Zbioru wiadomości do antropol. kraj. XVI, I). Kraków. in—8. 62 стр.

Dan Dimitrie. Amenii orientali diu Bucovina (Popoarele Bucovici, I). Czerniowce. 1891. in—8. 45 стр.

Daszkiewicz Silv. Die Lage der gr.-or. Ruthenen in der Bukowinaer Erzdiöcese, zugleich Antwort auf die Apologien des Bukowinaer gr. or. Metropolitens Silvester Masariu Andriewicz. Czernowitz. 1891. in—8. 171 стр.

Dunikowski E. dr. prof. Atlas geologiczny Galicyi, text do zeszytu IV. Kraków, wydawnictwo Kom. fisyograf. Akad. umiej. 1891. in—8. 63 стр.

Dunikowski E. dr. prof. Geologischer Atlas von Galizien, IV. (Nadb. z Anzeiger der Akad. der Wissensch.). Krakau. in—8. 47—58 стр.

Ермиловъ В. Е. Великій артастъ-крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Біограф. очеркъ съ портр. М. 1892. in—8. 60 стр. ц. 40 к.

Żarnowiecki Longin ks. Starożytne skaty kościelne w dyecezyach łuckiej i zytomierskiej, opisał... mgr teologii, proboszcz monasterzyski, dziekan humański. Kijów. 1891. in—8. 24+1 стр. +4 фототипи.

Жизнь преп. Антонія Печерскаго, любечскаго и кіевскаго чудотворца. (983—1073). Изд. 2. М. in—16. 34 стр.

Житіе преп. и богон. отецъ Антонія и Феодосія кієво-печерскихъ, первоначальниковъ янческаго общежитія въ Россіи. Изд. 2-е Е. Губанова. М. in—16. 35 стр.

Зерцаловъ С. А. ветер. врачъ. Стенное скотоводство въ Новороссійскомъ краѣ, его прошлое и настоящее. (Изъ «Зап. Имп. Общ. сел. хоз. южн. Россіи». за 1891 г.). Од. 1892. in—8. 81 стр. ц. 50 к.

Императорское православное палестинское общество. Его ученые и литературные труды. Ш. Жизнь и странствованія Василя Григорьевича Барскаго. Сост. Ө. Грековъ (Палеологъ). 1892. in—8. 44 стр. ц. 15 к.

Календарь Черниговской губ. на 1892 г. Изд. черниг. губ. статист. ком. (Годъ 6). Черниговъ. 1891. in—8. 361+V стр. ц. 1 р.

Календарь черниговской епархіа на 1892 г. Съ портр. преосв. Веніаміна. (Годъ 2). Черниговъ. 1891. in—8. 234 стр. ц. 1 р. 25 к.

Карабчевскій Н. Положеніе винодѣлія въ Крыму и его нужды. (Изъ ж. «Вѣстн. винодѣлія»). Спб. in—8. 15 стр.

Кętrzyński W. Die Grenzen Polens im X Jahrhundert. (Отг. изъ Anzeiger der Akad. d. Wissensch) Krakau. in—8. 91—97 стр.

Кіевскій сборникъ. Въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Подъ ред. И. В. Лучидкаго. Кіевъ. 1892. in—8. 2+II+433 стр. ц. 2 р. 50 к.

Котляревскій И. П. Москаль — чаривникъ. Малорос. опера въ 1 дѣйств. Изд. Ф. Іогансона К. in—64. 127 стр.

Коханскій В. Одесса и ея окрестности. Полный иллюстрированный путеводитель и справочная книга съ 4 плавани, 4 картами и 62 рис. (3 годъ изданія). Од. 1892. in—8. 352+202 стр.

Кочубинскій А. Рецензія на книгу г. Житецкаго «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія». Спб. 1892. in—8. 97 стр.

Краткій обзоръ дѣятельности горнаго управленія южной Россіи за 1891 г. Составленъ по офиц. даннымъ горн. управленія южн. Россіи. (Приложеніе къ ж. «Горно-заводскій Листокъ». №№ 7 и 8). Хар. 1892. in—8. 62 стр.

Краткая опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищѣ православнаго Св.-владимірскаго братства въ г. Владиміръ-Волинскомъ. Изд. Св.-владимірскаго братства. К. 1891. in—8. 19 стр.

Крымскій Е. С. Охота на птицъ и звѣрей въ Малороссіи, Украинѣ и Волини. Съ приложеніемъ статьи о ружьяхъ и охотничьихъ собакахъ: лягавыхъ и гончихъ. Изд. 2-е дополненное. Звенигородка. 1892. in—8. XII+64 стр. ц. 50 к.

Кудрялецъ Николай. Геологическій очеркъ Орловской, Курской и Черниговской губ. Спб. 1892. in—8. IV+881 стр.+2 табл.+2 карты.

Latkowski Jul. Mendog, król litewski. (Odb. z t. XXVIII Rozpraw Wydziału histor.-filoz. Akad. umiej). Kraków. in—8. 154 стр. + карта.

— Mendog, roi de Lithuanie. (Отг. изъ Bulletin de l'Acad. des sciences). Cracovie. in—8. 82—91 стр.

Левицкій О. И. Историческое описаніе владиміро-волинскаго Успенскаго храма, построеннаго въ пол. XII в. кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Изд.

Свято-Владимирскаго братства въ г. Владимирѣ-Волынскомъ. К. 1892. in—8. 132 стр. + рис.

Lemberg. (Aus «Oester. Städteduch», IV.) Wien. in—8. 10 стр.

Lengnik W. Geschichte der Evang.-lutherischen Gemeinde [zu Jekaterinoslaw 1791—1891. Festrede zum 25—jährigen Jubiläum des Bethauses. Спб. in—8. 8 стр.

Leszczye I. N. Gustaw Olizar, marszałek gub. kijowskiej, 1798—1865, życie i prace (Odb. z Pamiętnika). Lwów. in—8. 32 стр.

Limanowski Bol. Galicya przedstawiona słowem i ołówkiem... z rysunkami Włodz. Tetmajera. Lwów. in—8. 154+2 стр.

Лупранди. А. П. (А. Волынецъ). 900-лѣтіе православія на Волини. Очеркъ. Хар. 1892. in—8. 49 стр. ц. 75 к.

Liske X. dr. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy-pospolitej polskiej, z archiwum t. zw. bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi sw. p. Alex. hr. Stadnickiego wydane staraniem galicyjskiego wydziału krajowego. T. XV. Lwów. 1891. in—4. XIII+720 стр.

Луцькь Іеронимъ. Проклятіе матери, оповиданне для народа (Выдавництво народне, XI. 3). Львовъ. in—16. 20 стр.

Матеріалы для статистики Одессы. Статистическое обозрѣніе Одессы за 1890 г. Составлено стат. бюро при одес. гор. управѣ. Съ прилож. очерка врача П. Н. Дятроптова—Рождаемость и смертность въ Одессѣ въ 1890 г. Изд. одес. гор. обществ. управленія. Од. 1892. in—8. VI+201 стр.

Метелица. Малороссійскій пѣсєвникъ. Изд. И. Сытина. М. 1892. in—16. 138+V стр.

Милорадовичъ Г. А. графъ. Сборникъ черниговскаго дворянства (Балпыталы для пособія на воспитаніе и другіе. Правила о стипендіяхъ и стипендіатахъ. Программы). Черниговъ. 1892. in—8. 44+II стр. ц. 20 к.

Mischler E. dr. prof. Mittheilungen des statistischen Landesamtes des Herzogthums Bukowina. Heft 1. Czernowitz. in—8. 201 стр.

Mitrofanowicz M. Praktische Grammatik der kleinrussischen, ruthenischen Sprache für den Selbstunterricht, kurzgefasste theoretisch-praktische Anleitung die kleinrussische Sprache in kürzester Zeit durch Selbstunterricht sich anzueignen, mit zahlreichen Uebungsaufgaben, Gesprächen, Lesestücken, einem kleinrussisch-deutschen und deutsch-kleinrussischen Wörterverzeichnis. (Bibliothek der Sprachenkunde. XXXVI). Wien. 1891. in—8. VIII+184 стр.

Могыла въ поли. Историчне оповиданне, напысавъ сільскій душпастьрѣ. (Выдавництво народне. X. 12). Львовъ. 1891. in—16. 38 стр.

Орльшичикоу А. Матеріали по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья. Съ 3 табл. М. 1892. in—8. 39 стр.

О Jósefina. Zofia Olońkiewiczówna, księżniczka słucka, powieść historyczna, napisana oryginalnie przez . . . Lwów. in—8. 320 стр.

Ossowski G. Rapport sur une excursion paléoethnologique faite en Galicie en 1890. (Отт. изъ Bulletin de l' Acad. des sciences). Cracovie. in—8. 27—29 стр.

Ostrożyński Wład. dr. Galicyjskie Towarzystwo kredytowe ziemskie, jego powstanie i półwiekowy rozwój. Lwów. in—8. XI + 389 + 1 стр.

Отчетъ о дѣятельности православнаго Св.-Владимірскаго братства въ г. Владиміръ-Волынскомъ, состоящаго подъ покровительствомъ Е. И. В. Вел. Кн. Константина Константиновича, за 1888, 1889, 1890 и 1891 гг. Петроградъ. 1892. in—8. 29 стр.

Отчетъ попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1891 г. К. 1892. in—8. 42+94+26+52+14+13 13+68+42+9+15 стр.+табл.

Отчетъ Харьковскаго городского ремесленнаго училища за 1891 г. Хар 1892. in—8. 22 стр.

Оце галушки! що въ ротъ—то спасибо! Разск. изъ малорос. старини. Изд. Е. Губанова. М. 1892. in—16. 70 стр.

Повістки два: I. Марко зъ Добровлянъ. II. На Кредвть. (Выдавництво народне, XI, 4). Львѣвъ. in—16. 36 стр.

Polek J. dr. Die Anfänge des Volksschulwesens in der Bukowina, ein Beitrag zu einer Geschichte der Bukowinaer Militärverwaltung. Czernowitz. 1891. in—12. 104 стр.

Polek J. dr. Repertorium der landeskundlichen Literatur der Bukowina. (Отт. изъ Mittheilungen des statist. Landesamtes). Czernowitz. in—8. 41 стр.

Polek Joh. dr. Rückblick auf die Forschungen zur Landes—und Volkskunde der Bukowina seit 1773, von . . . Custos der k. k. Universitäts-Bibliothek in Czernowitz. Vortrag gehalten in der constituirenden Versammlung der Mitglieder des Bukowiner Landas-Museums in Czernowitz. am 21 Februar. 1892. Czernowitz in—8. 32 стр.

Poradowska Marg. Mischa, Sittenbild aus Galizien, aus dem Französischen von August Scheibe. (Allgem. Romanbibliothek, VIII, II). Stuttgart. in—8. 160 стр.

Равноапостольные просвѣтителѣ Россіи—Благовѣрная княгиня Ольга и св. Вел. Князь Владиміръ. Изд. И. Сытина и К^о. М. in—16. 35 стр.

Радкевичъ Г. О мѣловыхъ отложеніяхъ Волинской губ. (Изъ минерал. каб-та унив. св. Влад.) К. 1892. in—8. 20 стр.

Родословная гр. Милорадовича. 1891 г. (годъ 6) Черниговъ. 1892. in—16. 11 стр.

Тоже. 1892 г. (годъ 7). Черниговъ. 1892. in—16. 11 стр.

Rocznik statystyki Galicyi, wydany przez krajowe biuro statystyczne (oddzial statystyki przemyslu i handlu), pod kierunkiem d-ra Tad. Rutowskiego, rocznik III. 1889—91. Lwów. 1891. in—8. 328+XI стр.

Siemiradzki J. i Dunikowski E. Szkic geologiczny królestwa polskiego, Galicyi i krajów przyległych. (Odb. z Pamiętnika fizyogr.) Warszawa. 1891. in—8. 146 стр.+карта.

Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego według planu T. Sulimierskiego. Nakładem W. Walewskiego do końca. tomu X. Tom XII Zeszyt 135. Варш. 1892. 161—240 стр. Zeszyt 136. Варш. 1892. in—4. 241—320 стр.

Слово о полку Игоря, переложывъ зе старорусского и пояснывъ селян .. (Выдавництво народне, X, II). Lwów. 1891. in—16. 40 стр.

С. Н. Празныкъ въ Грановци, оповиданне для народа, написавъ Н. С. (Выдавництво народне, XI, 2) Львиль. in—8. 32 стр.

Soltan Abgar. Jòsef Jerzy Hordyński-Fed'kowicz, poeta rusiński na Ukraine, szkic literacki. (Odb. z Przeglądu polsk.). Kraków. in—8. 32 стр.

Справоздане директора ц. к. гимназіи академичной у Львови за рикъ шкильный 1891. Львиль. in—8. 19+52 стр. (Содержаніе: Nestoris Chronicon, cap. 57—67. in Romanorum sermon m conversa a Const. Luczakowski).

Стамати К. К.—Воспоминавія объ охотѣ по Бессарабіи. Съ 6 картинами. Изд. 2. Кишиневъ. 1891. in—8. 89 стр. ц. 40 к.

Угодники Божі значнійши, котрыхъ память обходить руско-католицка церковь въ мисяцахъ цвѣтні, маю и червци, написавъ сельскій душпастырь. (Выдавництво народне, XI, 5). Львиль. in—16. 40 стр.

Угодники значнійши Божі, котрыхъ память обходить руско-католицка церковь въ мисяцахъ сичню, лютомъ и марті, написавъ сельскій душпастырь. (Выдавництво народне, XI, I). Львиль. in—16. 36 стр.

Улезко Н. Отчетъ черниговской городской лѣчебницы за 1890 г. Изд. ж. «Земскій Врачъ». Черниговъ. 1892. in—8. 20 стр.

Czehryński Daniel. Na Podolu, kartka z życia. Kraków. in—16. 125.

Черноморець. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. Изд. Е. Губанова. М. 1892. in—16. 144 стр.

Czolowski Alex. dr. Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta: 1. Najstarsza księga miejska, 1382—1389. Wydat . . . Lwów. in—4. VII+152+1 стр.+1 сним.

Шевыревъ Ив. Вредныя лѣсныя насѣкомыя южной Россіи. Наблюденія 1891 г. I. Насѣкомоядныя птицы и степные лѣса (2 отчета лѣсному департаменту). Спб. 1892. in—8. 28 стр.

Шематизмъ всего клира греко-католической епархіи станиславовской на рикъ Божій 1892. VII. Станиславивъ. in—8. XXII+1+186 стр.

Szemityzm królestwa Galicyi i Lodomeryi z wielkiem ks. krakowskiem na r. 1892. Lwów. in—8. XXIII+995 стр.

Schematismus universi Venerabilis cleri Ruthenorum catholicorum dioeceseos Premisliensis, Samboriensis et Sanocensis pro a. D-ni 1892. Premisliae. in—8. 252 стр.

Эварницкій Д. И. Исторія запорожскихъ казаковъ. Т. I. Съ 22 рис. Спб. 1892. in—8. VII+542 стр. Ц. 4 р.

Юревичъ В. Краткій указатель музея Имп. одес. общества исторіи и древностей. Изд. 3-е дополн. и испр. Од. 1892. in—8. 95 стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

45-й—48-й ВЫПУСКИ

(Кашу—Копрейницъ)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К^о въ Москвѣ (Больш. Никитская Долгоруковскій пер., д. 8).

Цѣна выпуску 30 коп. на обыкн. бумагѣ и 40 коп. на лучш. бумагѣ; цѣна тому (14 вып.) въ перепл. 4 р. 50 к. на об. б. 6 р. на лучш. бумагѣ.

Подписка на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.) по уменьшен. цѣнѣ (25 руб. и 32 руб.) принимается лишь до выхода въ свѣтъ 50-го выпуска.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ВЪ ПОЛЗУ БѢДНЫХЪ МАТЕРЕЙ И ДѢТЕЙ, ПОСТРАДАВШИХЪ
ОТЪ ЦЫНГИ И ТИФА ВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ,

КНИГА:**„РУССКИМЪ МАТЕРЯМЪ“.**

Сборникъ разсказовъ и стихотвореній о матеряхъ и дѣтяхъ. Съ
рисунками Е. Бемъ, Н. Касаткина, К. Лебедева, В. Маковского
и В. Переплетчикова. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ **И. Д. Сытина и К^о.**, Москва,
близъ Ильинскихъ воротъ, въ домѣ Титова.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXVIII, 1892 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

	стр.
I. СУДЬБА ЭКЗАРХА НИКИФОРА ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ. (Историческій очеркъ). (Окончаніе). Ө. Нудринскаго	1—19
II. ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВИКТОРЪ САДКОВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ МИНСКІЙ, ИЗЯСЛАВСКІЙ И БРАЦЛАВСКІЙ, КОАДЮТОРЪ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛИ, УПРАВЛЯЮЩІЙ СЪ 1785 ПО 1796 ГОДЪ ВСЪМИ ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВАМИ И МОНАСТЫРЯМИ ВЪ ПРЕДЪЛАХЪ БЫВШАГО Ц. ПОЛЬСКАГО. Протоіерея Петра Орловскаго	20—54
III. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. II. Записки Евстафія Петровича Рудыковскаго (1796—1874). (Окончаніе). В. Щербинны	55—84
IV. СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. Проф. Н. Ө. Сумцова . 85—94, 141—159.	333—349
V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО. 95—108, 199—216.	389—404
VI. ПРИСЯГА НА ВЪРНОСТЬ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. В. Храневича	109—113
VII. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВЯЩЕННИКА О. НИКИФОРА ХМЪЛЕВСКАГО ОБЪ УПРАЗДНЕННОМЪ БАЗИЛІАНСКОМЪ УЧИЛИЩѢ ВЪ Г. УМАНИ. Свящ. Вик. Ильяшевича	160—167
VIII. ХАРЬКОВСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ. С. Р.	168—198

	стр.
IX. БОГУСЛАВСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ. 1808—1860 годы. П. Клебановскаго.	217—224
X. БЪЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ. В. Соколова.	225—245
XI. ЗАПИСКИ МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).	246—258
XII. ПО ПОВОДУ 900-ЛѢТІЯ ЧЕРНИГОВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАФЕДРЫ	350—356
XIII. ПОМѢЩИКИ И ДУХОВЕНСТВО ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ ВЪ КОНЦѢ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ. (Бытовой очеркъ). В. Храневича.	357—388
XIV. ПАМЯТИ А. В. МАРКОВИЧА. (Съ портр. въ текстѣ). А. Л.	405—409
XV. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мѣщанская се- мейная драма прошлаго столѣтія. В. А. б) Къ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. В. А. в) Къ исторіи ста- ринной малороссійской школы. г) Шевченко въ Академіи Ху- дожествъ. д) Къ предполагаемому «Описанію харьковской губерніи». е) Къ біографіи Саввы Чалаго. В. А. б) Благо- дарственное письмо Импер. Елисаветѣ Петровнѣ за возвра- щеніе Кіевской кафедрѣ митрополитанскаго титула. Про- тоіерея П. Орловскаго. ж) Къ преданіямъ о гр. Потоц- комъ. Свящ. Вик. Ильяшевича. з) Жалоба переяславскаго полковника на укывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760 г.). А. А. и) Указъ изъ канцеляріи Московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ сбѣжавшаго студента кіевлянина. А. А. е) «Никому не принадлежащій табакъ въ погребѣ кіевскаго магистрата (1723 г.). А. А. і) Святоч- ные подарки отцу протоіерею. П. Нитицына. к) Къ исто- ріи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. А. Л. л) Оффиціальныя документы по дѣлу Виктора Садковскаго. Протоіерея П. Орловскаго. м) Контроль Губ. Канц. надъ расходами кіевскаго магистрата по исправленію нѣкоторыхъ «городскихъ надобностей». А. А. н) Пререканіе кіевской городской думы съ администраціей по поводу одной изъ ста- тей городскихъ доходовъ въ 1735—87 г. А. А. о) Къ исторіи Кубанскаго войска. П. Нитицына. п) Анекдотъ о Мечиславѣ Потоцкомъ. 114—129, 258—268.	410—430

- XVI. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Ак. Наукъ. Вып. 48-й. **А. Степовича.**
 б) Памятная книжка курской губ. на 1892 г. **А. Степовича.**
 в) Южный Сборникъ, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, изданный одесскимъ обществомъ вспомошествованія литераторамъ и ученымъ. **В. Ястребова.** г) Киевскій Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Подъ редакціей **И. В. Лучицкаго. В. Н—на.** д) Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. **И. Наманина.** е) Этнографическое Обзорѣніе. Изданіе этнограф. отдѣла Импер. общ. любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при москов. университетѣ. **Я. Ш.**
 ж) *Analecta byzantino-russica.* Edidit **W. Regel.** Petropoli. А. MDCCCXCI. П. Г. г) Библиографическая записка. **А. С—ча.** е) **М. Грушевскій.** Очеркъ исторіи кievской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV стол. П. Г. ж) Харьковскій Сборникъ, подъ редакціей члена-секретаря **В. В. Иванова. Н. В.** з) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга шестая **Я. Ш.** и) Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи — № 15. **И. Наманина.**
 і) Обзорѣніе журналовъ. к) Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи. 130—139, 269—292 431—474

- ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральная подскарбія Якова Марковича.
 2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.

15. Неделя. Сегодня на томъ же становиску часовъ вислухавши, кушалисмо у полковника харьковского Квѣтѣи. А по обѣдѣ рушивши, увойшлисмо верстѣ 12 и стали на ночлѣгъ въ урочища „ „, отъ Чорного Яру 134 верстѣ. Гасло было Чернѣговѣ. Рано зъ вчорайшого становиска послалѣ Еропкинѣ Галецкогго, зъ товарищи и зъ татари, въ Астрахань передомѣ. Ординарецѣ Якимѣ Кулябка.

16. Понеделокѣ. Рано, передѣ свѣтомѣ, поѣхалисмо и, увойшовши верстѣ 21, стали на ночлѣгу при урочищѣ „ „, на лугу у Волги. Обѣдалисмо сами куренемѣ, у полатцѣ п. Миклашевскогго, а по обѣдѣ подполковникѣ билѣ у тимѣ же куренѣ, а у полковника играли у карти п. Михайло и Василь Гамалѣя, которій и програлся. Отъ урочища сего до Чорного яру верстѣ 155. Ординарецѣ Пекалецкій да Дмитрашко.

17. Вовтор. Рано уставши, поехалисмо въ предлежацій путь и, уехавши верстѣ 22, сталисмо на ночлѣгѣ. Отъ Чорного Яру 177 верстѣ.

18. Середа. Сегодня рано жѣ, поехавши верстѣ зъ 15, стали на лугу и отдохнули, а ми, передомѣ оттуду зъ п. Андрѣемѣ Миклашевскимѣ и п. Михайломѣ поехавши, приехали на берегѣ Волги, отъ ночлѣга вчорайшого верстѣ 26, и тутѣ перевезшись черезъ рѣчку Солянку, уехали еще верстѣ 2 и стали противѣ Астраханѣ, куда я передомѣ, а потомѣ и прочіе перевезлися. Отъ Чорного Яру 205 верстѣ. Перевозшись, я бувѣ у архiereя Горки и у его до ночи забавилемѣся, и любително трактованѣ былемѣ; а оттуду поившовши на квартиру п. Стефана Миклашевскогго, тутѣ ночовалемѣся.

19. Четверѣ. Сегодня рано былемѣ у Любима Совѣтовича Полянскогго и потомѣ на своей квартирѣ, при березѣ, а оттоль на квартирѣ п. Стефана Миклашевскогго; оттуду шлюпкою зъ Опачининомѣ переехалисмо на той бокѣ къ лагеру, и були у Еропкина и перекусили у его жѣ, а потомѣ зъ нимѣ же знову переехалисмо въ Астрахань, и былисмо зъ нимѣ у коменданта Митрофанова, а оттуду у Безобразова Ивана Григ., полковника, куда князь Василій Алекс. Урусовѣ и Полянскій и прочіе поприездили и просидѣли. Оставя ихѣ тамѣ, я былемѣ по всѣхѣ радахѣ, индійскихѣ, арменскихѣ и

московскихъ, и въ нихъ осмотрѣлемъ индианъ, малюющихъ на чолѣ фарбою чирвоною и играющихъ, наприжѣръ дакъ (?) въ четвереугольномъ сукнѣ да костями метались. Оттуди пришовши въ квартиру п. Стефана, а оттуду знову у п. Федора дядка, дойдемъ до своей квартирѣ, где застали п. п. Миклашевскихъ и протчихъ. Купилемъ табакерку и перспективъ.

20. Пяткъ. У полковника Безобразова быдемъ рано, а оттуду пошовши, зайшемъ до Томари, где и обѣдалемъ. Туда жъ пришолъ секретарь капитана морского флота фонъ Вердина, Яковъ Павловичъ, который въ разговорѣ о Гилянѣ сказалъ, что тамъ въ юнѣ, юлѣ, августѣ, септеври и октоври мѣсяцахъ превеликіе жары бывають, ради которыхъ тамошніе жители збѣгають у горы, где воздухъ холоднѣйшій. Ращъ городъ гилянскій, такъ многлюдный, что въ ономъ самихъ дворовъ гостинныхъ 73, а поселеніемъ темнимъ, потому же въ лѣсахъ частихъ живутъ тамъ люде; зъ Астраханѣ туда пріехать можно въ 7 день, когда добрая погода. Подъ часъ жарячости люде умирають. Оттуда пошовши, я зъ Тамарою быдемъ въ аптецѣ и купилемъ фунтъ дерева *sassafras* за 15 копѣекъ, а 2 фунта куреня за 24 коп., на затички до бутиловъ. Оттуду быдемъ у подполковника нашего Топстейна, а оттуду у князя Урусова, Алексѣя Василіевича, которому и листъ родителскій отдадемъ. Да туда жъ, къ намъ сидячимъ, пришли полковники Безобразовъ да Еропкинъ, оттуду со всѣми пошлимо до Полянскаго, и тамъ я мало посидѣвши, пришолъ на свою квартиру. Ездилемъ одноколкою Полянскаго до судна своего буса, и оной осмотрѣвши, оглядного мастерамъ далемъ полкопи.

21. Субота. Рано быдемъ у п. Федора дядка, а оттуду у Стефана Миклашевскаго, куда и Полянскій пришолъ, оттуду пошовши зъ п. Михайломъ, переехалимо на ту сторону Волги до лагера. Смотръ былъ болнимъ чиненъ отъ полковника Еропкина и штабъ лѣкара, почому оставлени болніе: бунчуковыхъ 19 чловѣка, радovýchъ изъ старшины 24 и драгунъ число нѣкоторое, и оніе злѣцени Безобразову. Обѣдалимо тамъ же у Еропкина, который мнѣ водою ити въ Сулакъ опредѣлилъ. Доношеніе Еропкину по-

далъ Бандиба, за подписаніемъ его, Якимъ Горленка, Тарасевича и Івана Забѣли, а въ ономъ выразилъ, что зъ болнихъ бунчуковыхъ, отъ Царицина водою до Астраханѣ приехавшихъ и тутъ остающихся, притворили нѣкоторые себѣ болѣзни и чтобъ безъ освѣдительстваванія ихъ никого не оставлять зде, такъ же и водою никого непускать, развѣ кого бы они приговорили. Приехали на ночь сюда въ Астрахань, до своей квартиры.

22. Неделя. Сегодня рано быдемъ у Еропкина, стоявшего у Безобразова кварталѣ, а службы Божой слухалемъ у соборной епископской церквѣ, а по службѣ былимо многіе бунчуковіе у архиерея на водцѣ, а оттуду зъ Опачининомъ обѣдать пошлимо до Безобразова. При вечерѣ полковникъ Еропкинъ пришолъ къ судну, близъ квартиры нашей стоявшему, и простившись со всѣми и я зъ нимъ сѣлъ у судно, зъ п. Михайломъ и Василемъ Гамалѣю, отехалъ въ лагерь. П. Андрѣй Мьялашевскій просился у Еропкина водою ити, але не позволилъ. П. Михайло повернулся зъ лагеру и приехалъ къ намъ на ночь. Опачинину 6 бутилокъ вина черезъ Мартина послалемъ.

23. Понеделокъ. Сегодня рано п. Михайло, п. Мьялашевскій, Григорій Гамалѣя, Иванъ Мьялашевскій, простившись со мною, отехали до лагеру. На розніе потреби вилѣчилиемъ зъ мешечка 15 р. и далъ Гаврилу, а осталось 80 р. Былъ у насъ Якимъ Кулябка, который сказовалъ, что еще наши не рушали зъ лагеремъ въ маршъ. Мартинъ коней двохъ, сивого верхового и сивенкого, сюда припровадилъ, а потимъ и буланого п. Федорового, которого знову туда жъ велѣлемъ отпровадить въ лагерь. Сегодня обѣдалемъ у себе зъ Якубовичемъ, а по обѣдѣ быдемъ у п. Стефана Мьялашевского, а оттуду у полковника Андрияна Петровича Дебриня, сего дня отъ С. П. Бурга, сюда въ Астрахань, приехавшого, а оттуду у коменданта Митрофанова, которому и листъ Артемія Петровича далемъ; а пошедши оттуду, купилемъ футро 1 сѣбирковое за 4 р., а два лапковыхъ сѣбирковыхъ же за 2 р. и смолки черной полчетверти за 16 л.; оттуду прямо у архиерея быдемъ, а посидя съ нимъ до ночи, отийшолъ на свою квартиру.

24. Вовторокъ. Сегодня рано былъ я у Полянскаго и оттуду въ церквѣ Николая ст. на службѣ Божой, где зъ Зазѣтскимъ подполковникомъ видѣлемся. Обѣдалемъ у себе зъ Дмитріемъ гречиномъ, а передъ вечеромъ были у мене на квартирѣ полковникъ Дебриней, маіоръ инженеръ и садовникъ государинѣ, и посидѣвши довольно, отойшли. Казѣмирови денегъ 20 р. далемъ на розніе потребности; до буси Гаврило умовилъ работниковъ до буси на годъ по 13 р. на ихъ харчи. Сего дня полковникъ Еропкинъ зъ бунчуковыми и всеми козаками земнимъ путемъ рушилъ до Сулаку и, у войшовши вереть 12, сталъ на ночлѣгъ. У лазнѣ милемся у Афанасія Сергѣевича Крашенинникова, посадскаго здешнего перваго астраханскаго, отколь зъ Якубовичемъ идучи, зайшолемъ до Стефана Миклашевскаго, а потомъ и въ квартиру; зачулемъ отъ Якубовича, что якобы его мать пошла замужъ за Буцкаго, суддю полковаго полтавскаго. Мартинъ, отправадивши до лагеру буданаго коня ступака, повернулся назадъ. Козаковъ смѣловскаго стрелца и токаровскаго отправилемъ въ Царицинъ зъ конми моими всема, давши имъ карту подорожную и листъ до Якова Ивановича у Дубовку, чтобъ тамъ они ждали прибутья Юска конюшого, да имъ же на дорогу и рубля грошей. Сегодня помаршировавшая наша компанья землею до Сулаку увойшла вереть 12 и стала на ночь у рѣчечки по лѣвой сторонѣ, при урочищи Безкал татар.

25. Середа. Сегодня рано заходимемъ до п. Федора дядка, а оттуду до соборной церкви, где и служби Божой слухалемъ, а по службѣ ходилемъ въ ради индѣйскіе да арменскіе, где купилисмо две штучки на чекмени суена за 4 р. зъ полтиною. Рано Дмитрій грекъ принюсъ шафрану паляничокъ 5 и фунт. 1 за 2 р. и 5 л. и чубукъ тростяній за 2 гривни. Иванъ Тарновиотъ приходилъ ко мнѣ и посидя отойшолъ. Работникамъ 10 чловѣкамъ, умовленнымъ вчера черезъ Гаврила до буси, на годъ по 13 р. всякому, далемъ теперь черезъ его жъ Гаврила половину денегъ, то есть 65 р. Особливе ему жъ на росходи далемъ 10 р. Вѣжевскому въ росходъ далемъ рублей 2. Сегодня компанья наша земная увойшла вереть 15 отъ становиска перваго, а отъ Астраханѣ 27, и стали при

болотѣ у лѣво въ урочища, прозиваемаго по татарску Бакъ Клушунъ, а въ лѣво были озера солоніе.

26. Четверъ. Сегодня рано козаки роменскіе зъ Гудименомъ приѣхали сюда въ Астрахань, а зъ дому отъ Ромна отпущени юля 17, и писма зъ нѣкоторими послылками попривозили: писма отъ родителей и червон. 20, писмо отъ ясевел. и червонихъ 10, отъ жени писмо, отъ п. Седова брата, отъ Петрановского, отъ Афанасія, глинского сотника, отъ сина его Василя кожухъ (?), отъ Орановского и отъ прокурора 2 писмѣ до мене и до п. Михайла. Да съ тихъ же писемъ вѣдомости: 1) 5000 козаковъ идутъ сюда въ Сулакъ на перемѣну прежнимъ, а коммендѣромъ обозний прилуцкій Михайло Григоріевичъ ¹⁾. Томара, суддя чернѣговскій, зъ Савѣцкимъ на розграниченне до Черкасского поехали. Да п. Михайлу жъ ясевел. прислала 100 р. и Заборовскому Матею столко жъ. Черезъ дворецкого Еропьяноваго, зъ табору сюда за покупкою вина приѣздившого, послаемъ до п. Михайла писма зъ дому, до его належаціе, и бутылку водки мастихини и о себе писмо. Былемъ у соборной церквѣ на молебнѣ, за великую княжну Наталію Алексѣевну, самимъ здешнимъ архиереемъ отправляемимъ, а на службѣ Божой и тутъ зъ Полтевимъ видѣлемея. Шевцю тутейшому далемъ сафянъ свой жовтий и казалемъ зробить 2 пари чоботъ колицкихъ за 8 гривень и очернить. Былемъ у дядеа п. Федора, которій на ноги и на диссенторію хоруетъ. Добринея обислаемъ 2 барилцами, водкою полинковою и вишневою. Переехалемъ къ архиерею на ночь и тутъ въ келіи близъ трапези, по лѣвой сторонѣ, идучи зъ церкви до архиерейскихъ полатъ, обрѣтаючихся, ночовалемъ купно зъ Якубовичемъ. Якубовичъ же, прийшовши ко мнѣ, сказиваль, что Еропкинъ полковникъ до полковника Безобразова писалъ, чтобъ оставшихся бункувовихъ и протчихъ козаковъ, забывши въ колодки, прислалъ до лагеру. Сегодня наша компанія земная увойшла 33 версти отъ ночлѣга, а отъ Астраханѣ 60, и стали въ урочища, прозиваемаго по татарску Джурукъ Узанъ.

¹⁾ Остроновичъ.

27. Пятокъ. Зъ архiereемъ розговоръ былъ о лавости достать колникъ и татаръ къ крещенію, которимъ хто воспріемникомъ будетъ, тотъ и имѣть ихъ у себе можетъ. Попи арменскіе були у архiereя и приносили просфири свои, на подобіе оплатковъ кругліе, величиною зъ рубль сѣлний, тонкіе, а по серединѣ Христосъ роспятий зъ приписомъ словъ нѣякихъ, по бокамъ низко. Да они жъ всѣ, и не толко архiereей, въ митрахъ служатъ, а депенденцію мѣють до своего патріарха, въ Великой Арменѣи обрѣтающося, а не до папи. Молитву передъ исповѣдію исповѣдающему приличную скомпоновалемъ. Зъ полученной у архiereя книги Гоог. (?) нѣскольکو молитвъ Якубовичъ зъ латинского на руский діалектъ перевелъ. За 7 л. Вѣжевскій мнѣ панчохи волосяніе купилъ. Ночовалемъ у архiereйской келіи, мнѣ отведенной при трапезѣ. Сегодня наши, увойшовши 26 версть отъ ночлѣга, а отъ Астраханѣ, 86, стали въ урочища прозиваемога Бассудъ.

28. Субота. Коммунѣковалемъся у трапезной церквѣ архiereйской. По обѣдѣ, ездилемъ зъ Якубовичемъ до слободы татарской, где заехавши до одного бухарца, посидѣлемъ у мазанцѣ его, который сказовалъ, что де Бухаръ черезъ Яикъ и Хиву отскуду ездятъ на верблюдахъ у полтора мѣсяця, а зъ Бухаръ до границъ индійскихъ у мѣсяць, становятся жъ землею, самимъ степомъ. Оттуду поехавши, заехалемъ до одного татарина, игравшого у балабайку, до которой два татарчата танцовали въ присѣдки, на подобіе простого козацкого танцу; поехавши оттуду заехалемъ до полковника Безобразова, тамъ посидѣлемъ мало, а оттуду пріехалемъ въ монастырь и вечералемъ у Рошаковского. Сегодня наши увойшли бунчуковіе и проч. землею 24 версти отъ вчорайшого ночлѣга, а отъ Астраханѣ 110 и стали въ урочища Дидалѣ по татар.

29. Неделя. На всенощной и на утренѣ былисмо у соборной церквѣ, а обѣдалисмо у архiereя. Службы же Божой вислухалисмо у грузинской церквѣ, въ которой еденъ архимандритъ зъ палицею безъ митри зъ 3-ма священниками служилъ, кромѣ киріе елейзон, все своимъ язикомъ сѣввали; а женскій полъ подобіемъ платка турецкого имѣють и всѣ помаліовани не толко лицемъ и бровами,

але и вѣками округъ очей. По тий церемонїи, у архиерея засталисмо Безобразова съ товарищи, на водцѣ бывшого. Передъ вечоромъ ездилисмо зъ архиереемъ въ сади его и государеви, два послѣднихъ при рецѣ Котумѣ, где и полати деревяніе; туда жъ приехали къ намъ Ивановскій, а послѣ Безобразовъ и прочіе оффцери и Андрѣй Иванов. Змѣевъ, подполковникъ. Оттуду поехавши, приехали къ архиерею, зъ которимъ посидѣвши мало, отойшлисмо до своей квартири и тутъ ночовали. Куріеръ зъ П. Бурху до Еропкина приехалъ землею черезъ Астрахань. Сегодня компанья наша увойшла 16 верстѣ, а отъ Астрах. 126, и перейшла 2 брода по череву коневи, отъ заливи морской и стали у урочища Джурилѣ.

30. Понеделокъ. Сегодня обѣдаемъ у своей квартирѣ зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ. По обѣдѣ Тернавскій былъ у насъ, а по отездѣ его, ездилемъ водою, Бутумовою рѣчкою, до лазарета и противъ оногo въ стоящей квартирѣ п. Федора дядка посѣщаемъ и, посидя съ нимъ, отехалемъ въ свою квартиру и отсюду ходилемъ до Полянскогo и у его вечералемъ. Сегодня наши, увойшовши отъ ночлѣга 28 верстѣ, а отъ Астраханѣ 154, стали въ урочища, прозиваемого по татарску Алазанъ Тарне.

31. Вовтор. Сегодня принималемъ проносное лѣкарство въ конфетѣ и довольно, болшъ 10, столцовъ было. При вечеру ходилемъ до Томари, где штабъ лѣкаръ билъ, Кгуревъ капитанъ, Тернавскій и лѣкаръ, и оттуду приплисмо зъ Тернавскимъ до одного капитана и посидѣвши мало, отойшлисмо до нашей квартири, где Тернавскій и ночовалъ. Шапку за 4 р. сторговалемъ мнѣ зробить. Сегодня наши, увойшовши отъ вчорайшого ночлѣга 25 верстѣ, а отъ Астраханѣ 179, стали въ урочища Ала Бугара.

Септевр. мѣсяцъ. 1. Середа. Сегодня рано кровь зъ головной жили зъ правой руки пускалемъ. Конюшому п. Андрѣя Миклашевскогo казалемъ, чтобъ Гаврило далъ 10 р. на потребу пана его. Ездилемъ водою до Ишайка, где церковь каменная и дворецъ архиерейскій рѣчкою Луковкою (?), куда и архиерей приехалъ землею, и тамъ забавилисмо до вечера, а у вечеру водою приехалисмо сюда и билъ архиерей въ моей квартирѣ и, посидѣвши мало, оте-

халь. Якубовичъ на жолудокъ захороваль билъ тяжко. Сего дня наши, увойшовши 25 верстъ, а отъ Астраханѣ 204, а на початку маршу у версту перебравшись черезъ бродъ, отъ мора заходячій, глубиною въ черево коневя, стали въ урочища Исубась, при морскихъ заливахъ солонихъ.

2. Четвер. За шапку сегодня заплатилемъ 4 р. Гаврилу на поупку потребъ до буси далемъ 40 р. Якубовичъ у мене позичилъ 6 р. а почалемъ мѣшокъ п. Михайла, въ моемъ зась мѣшку 3 р. недолѣчени. Обѣдали у мене Максимовичъ, сотникъ чорнускій, и Полунѣцкій; по обѣдѣ ходилъ я до Томари, а оттуду до полковника Безобразова и тамъ ужиналъ. Зеленецкій, Иванъ Забѣла и Яковъ Жураковскій, приехали зъ Царицина въ Астрахань. Сегодня наши рушивши, а увойшовши зъ полъверсти, переходили 2 брода отъ мора и всего увойшли верстъ 23, а отъ Астраханѣ 227, и стали въ урочища Денбась.

3. Пятокъ. Сего дня рано Якубовичъ жестоко захороваль на диссентерію, вомѣти и фебру, а зъ причини—позавчорайшого дня бывшего, что дулъ и шапталу чили бросковки иль. П. Андрѣя Миклашевского слузѣ конюшему Гаврило далъ 5 р. въ позіку. Рано былъ у мене Степанъ Забѣла, а по обѣдѣ Семень Карпѣка и посидѣвши отийшли. Ходилемъ самъ пѣши до буси своей, которая еще вчора вся висмолена зостала, да зъ Яномъ Новѣцкимъ видѣлемея, которій въ разговорѣ сказалъ, что полубусокъ нанялъ зъ ихъ куреня до Сулаку за 60 р., а Карпѣка зъ товарищи другое наняли судно за 105 р. у татаръ. Листи сегодня до дому писалемъ. Сегодня наши, увойшовши верстъ отъ ночлѣга 17, а отъ Астраханѣ 244, пришли до рѣки Буми (которая неподалеце Кабарди взялась, а впадаетъ въ море Каспѣйское, тамъ на примѣръ озера розлившогося, смакъ води солон. кгурковат.) и тамъ ночлѣгъ имѣли.

4. Субота. Сегодня рано осмотрувалемъ своей водки, которая поподамъ зъ водою заледво можетъ поднятись и барилъ 36 цѣлихъ, зъ которыхъ двѣ отпечаталемъ и въ онихъ гор. (?) неповно, одно на корхъ, а другое на 3 палцѣ неполно. Обѣдалъ у мене Криштофъ македонянинъ, здешній купчинъ, которій сказоваль: 1) что

Мирвейць родомъ зъ Кандавагаръ провинціи, царству персидскому прилеглой, але близъ Индіи обрѣтающей, до которой зъ Гиспагану будетъ ездѣ на 2 мѣсяца и болшъ; 2) Шамаху, сказуетъ, уже тому килка лѣтъ якъ збунтовавшись, взялъ тамошній незнатній чловѣкъ Даутъ Бекъ; 3) да въ городѣ жъ, прозивасомъ Шамахъ, въ той же провинціи будучомъ, будетъ домовъ на 70000; 4) въ Мизондаранѣ, кромѣ иннихъ овощей, и цукеръ дѣлается, толко не можетъ такъ дѣлаться якъ належить, за недоумѣніемъ въ томъ тамошнихъ; 5) въ Астрабадѣ мало чего есть зъ такимъ вещей, якъ у Гилянѣ и инде, але воздухъ здоровій; 6) въ Гилянѣ воздухъ нездоровій, потому что отъ землѣ гори Сивозъ (?) заступили Гилянъ и потому тамъ вѣтровъ мало; да тутъ же воздухъ отъ води, жаромъ солнечнимъ до засмердѣнія запсовавшейся, заражается; а наипаче тамъ где рижъ родится, потому что тамъ вездѣ канали покопани и водою упущенною наполнены, которая долго стоячи портится и воздухъ заражаетъ; 7) бухарци подобіемъ калмиковъ живутъ и въ нихъ за безстрашіе, что всякъ зъ ханомъ владѣтелемъ ихъ за брата есть, всегда междуособіе разногласное (sic). По обѣдѣ ходилемъ до Полянскаго, которій на завтрейшій ранокъ приобѣщаль людей дать до спускання на воду буси моей. А оттуду былемъ у Тамари, и чаю у его напившись, зайшолемъ до полковника Безобразова, где застали подполковника Змеіова, да при мнѣ жъ пріехалъ зъ Сулаку за 8 день служитель морской до Безобразова. Составилемъ термѣну тестаменту до жени. Сегодня наши перебирались черезъ рѣку Куму, глубиною по череву коневѣ, и увойшовши 39 верстѣ, а отъ Астрах. 283, стали въ урочища Исунъ Бѣракъ, где жадной води не было.

5. Неделя. Сегодня рано ходилемъ до церкви и, служби Божой вислухавши, повернулемся зъ Степаномъ Забѣлою до своей квартиры, откуду посилалемъ до Тарнавскаго и Івана Тарноліота, зъ которыми обѣдалемъ; а по обѣдѣ ходилемъ зъ ними жъ до штапъ лѣвара, куда потомъ и полковникъ Безобразовъ пріехалъ и, посидѣвши до вечера, пришолемъ до своей квартиры. Буса моя начала спускаться на воду, але остановка учинилась.

6. Понедѣлокъ. Сегодня рано буса моя на воду спущенна zostала. Вилемъ у Тамари, где Канѣвского и Тарноліота застали, зъ которыми, до квартири своей приишовши, обѣдаемъ, а по обѣдѣ ходилемъ до лѣкара Карла Павловича и, у его посидѣвши, ходилемъ до буси, а оттуду переехавши черезъ рѣку Кутуму, билемъ у Бурковского, и посидя мало, заходилиемъ до дядка п. Федора и оттуду Тернавскій и Максимовичъ, опроводивши мене до берега, отойшли, а я до своей приѣхалемъ квартири. Сегодня наши увойшли отъ позавчорайшого ночлѣга и отъ вчорайшого верствъ 69, а отъ Астраханѣ 352, и стали въ урочища Кизларъ, сие есть дѣвва. Тогда з брода переходили по черево коневы, и четвертую заливу морскую болшую, въ ширъ съ полтори версти, по сѣдло коневы, глубокую, а вода солоная, а остатній бродъ билъ води солодкой, тамъ трава худая начала показоватись трохъ видъ, на при-мѣръ полиню.

7. Вовторокъ. Сегодня рано пересмотрувалемъ аптеки родителской, зде оставленной, и зъ оной по части взалемъ медикаментовъ именно: *rad. bergae* (?), *spermaceti, pulv.* (?) *ol. anisi*. Обѣдали у мене Тернавскій и Максимовичъ и приседѣлъ Тарноіотъ; а по обѣдѣ у Маслова, полковника бывшего астраханского, а нинѣшнего гиланского комменданта, сюда на время приѣхавшаго. Гаврилу 20 р. далемъ еще на росходи. По щоту зъ реестра Гаврилового въ росходѣ гор. вѣдеръ нашихъ 25, а есть 186. Вилемъ у вечеру у Поланского, у которого извѣстилемся, что еще сегодня приѣхалъ куріеръ зъ С. П. Бурга до Еропкина.

8. Середа. Сегодня рано былемъ у архiereя, у котораго увѣдомилемся, что у синодѣ псковскій архiereископъ новагородскимъ устроенъ, а тверскій отецъ Лопатинскій вице-президентомъ въ синодѣ поставленъ. Архирей служилъ у церквѣ Рождества Пресвятой Богородици, бо праздникъ тамъ билъ, а мы, вислухавши въ соборѣ службы Божой, пришлисмо до моей квартири зъ Тернавскимъ и Семеновъ Карпѣкою и тутъ кушалисмо. Атютантъ господина генерала Матюшкина иноземецъ Іоганъ „ “ приѣхалъ зъ Сулаку и, пообѣдавши у штапъ-лѣкара, до котораго и ми тогда ходилемъ, при

насъ же и отехалъ до С. П. Бурха. Былемъ на суднѣ, котормъ идетъ Семень Карпѣка, нанявши подъ разніе багажи за 105 р., а судно—буса мѣрная; а бужи я отдалъ листъ ему Карпѣцѣ до п. Михайла Скоропадского, о моемъ зде медленіи писанный, за нескорою додѣлкою буси моеи. Былъ у мене Масловъ зъ прочіими своими офѣцерами, которому водки и табаку отослать казалемъ Гаврилу. Сегодня наши, рушивши зъ ночлѣга позавчорайшого, увойшли 30 верстѣ, а отъ Астрах. 382 и стали въ урочища Кайпунъ Бугоръ.

9. Четверъ. Сегодня рано принесенъ ко мнѣ листъ Гавриломъ отъ канцеляріи губернской, писанный отъ пана Михайла зъ походу отъ урочища, прозываемого Алабуксара, отстоящего отъ Астраханѣ въ 174 верстахъ, а въ листѣ дата 31 августа, въ якомъ пишетъ, же лошади стали и что къ прийдучому числу, сего сент. 3-му, мѣють стать у Куми рѣки, да при томъ и листъ до своей жени прилагаетъ. Гаврилу далемъ еще грошей на росходи 20 р. Обѣдалъ со мною Иванъ Тарноліотъ, а по обѣдѣ былъ у мене п. сотникъ чорнускій и, отшедшимъ имъ, я ездилъ до буси своей водою, а оттуду былъ у п. Федора дядка, и повернувшись былемъ у Тамари и, посидѣвши мало, пришолемъ до квартери своей. Козаку Василеви казалемъ дать 3 р. и со мною моремъ ехать казалемъ ему жъ. Семень Карпѣка рано маршъ восприялъ водою до Сулаку судномъ, на котормъ многихъ бунчуковихъ багажъ поскладанъ. Осмотрувалемъ лѣкарствъ своихъ, кромѣ аптеки обрѣтающихся, котормъ показалось певное число, именно: 1) травы на декоктъ прежде пявокъ, 2) spir. cochlearia; 3) spir. antiparalyti; 4) elixir puri p. . . . 5) Unguent. antiparaliti; 6) r. purg. cum pelulis adhibenda sub. lit. D; 7) electuar. laxat.; 8) pilula cum vulgar. decoctio, другій слокъ зъ такими жъ пилудами lit D; 9) pilula cum ra. suburo 6; 10) essen. sangu. purifica; 11) philonium romanum; 12) sat. vol. oleos; 13) reguies Nicolai; 14) ungv. antiparalit., такихъ якихъ sub n-ro 5-to; 15) cremr. tr.; 16) lapis prunella. 17) spir. antiparalyt. такий який sub n-ro 3-tio. 18) essen. sang. purifi sub. lit K.; 19) eplastr de miscellag. st. iej.; 20) pi-

lul. cum vulg. decocto, такіе якіе sub n-ro 8-vo. 21) species pro decocto vulgar.; 22) pilula l. . . . ; 23) oleum anesi; 24) pulv. italy contra phtisi; 25) essen. pectoral., 26) elixir ol. . . . ; 27) elixir pestil. . . . Заездилиъ до птичого двора, где видѣлемъ барани, чапури, лебедѣ и рябіе чапури зъ тонкимъ, а острымъ и долгимъ носомъ, та еще заперскіе (?) дикіе гуси дивной композитури: шии долгиѣ отъ лебеднихъ, да тоншіе, носъ долгій горбатій, на низъ закривлений, бѣлочорній, корпусъ—пѣрье бѣлое, да по концамъ крыль фабры рожевой пѣрье и ноги тонкіе, а високіе, збитъ того жъ колѣору рожевіе. Сегодня наши, увойшовши 34 версти, отъ Астрах. 416, стали въ урочища Курдюковъ Дупь.

10. Пятокъ. Сегодня буса наша рушила зъ мѣста своего и, минувши квартиру мою, стала на якорахъ. По вѣдомости Мартина показалось: бутилокъ плетенихъ именно: зъ бургунскимъ 3, зъ еремѣтари. 3, зъ полин. 3, зъ рен. солод. 3, зъ церков. 6, зъ краснимъ 10, зъ рен. твердимъ 22, зъ водкою француз. 6, порожнихъ 7, итого зъ виномъ бутилокъ 50, зъ водкою франц. 6, а порожнихъ 7, всѣхъ бутилокъ, повнихъ и порожнихъ, 63. А вина бариль: 1 церковного, 1 ренского, 3 полинкового, четвертое неповно, волоского отъ ясневел. одно, сотницкого одно, купленного одно, и того 9. 5 р. Мартину на розніе покупки, а 6 р. Василеву зъ Лескомъ кухаремъ, на кури и гуси, далемъ. Сегодня наши, увойшовши отъ становиска 24, а отъ Астрахан. 440 верстъ, пришли къ рѣцѣ, Терекъ прозиваемой, и поребрались черезъ оную не подалеце городка Курдюкова, собою въ ширь и довжь по 40 сажень будучого, въ право; тутъ гори кавказскіе стали видни, будто облаки.

11. Субота. Сегодня рано далемъ Гаврилови зъ мѣшка Заборовского рублей 30. Демянъ принюсъ зъ аптеки 3 лѣкарствъ—elixir vitriol. mynsichti, essen. pectoral., elixir pestilenteal. aa ꝑij, а даль 30 зл. Билемъ у Томари, которій подарилъ мнѣ пороховницу роговую, а оттуду заходилемъ до Безобразова, которій даль мнѣ писмо до Еропкина отъ Волинского; оттуду пошовши зъ Дорошенкомъ, кушалисмо у себе, и въ лазнѣ мились у Брашенниникова. Безобразовъ подорожный пашпортъ даль Юсеу.

12. Неделя. Сегодня рано быдемъ у архiereя, а оттуду у церквѣ соборной, а по службѣ быдемъ же у архiereя, и, поведковавши, отойшодемъ и обѣдадемъ у Любима Совѣтовича Полянского; да у его жъ были на обѣдѣ полковники Безобразовъ, Пѣць и комендантъ, Митрофановъ, секретарь губернской, и протчіи; по обѣдѣ засѣ прійшолъ я до своей квартиры.

13. Понеделокъ. Сегодня рано билъ я у Полянского, а потомъ билъ у насъ Полунѣцкій и, по отходѣ его, обѣдадемъ зъ Якубовичемъ. Кравецъ рускій покроялъ гусарку, суконную зъ футромъ сѣбирковимъ и обранне зъ черкаского чили шамаханского сукна. Сегодня наши отъ Терку рушивши, увойшли 41 версту, а отъ Астрах. 481, и стали въ урочища, прозиваемого Баксай, тутъ брода топкіе перейшли.

14. Вовтор. Сегодня рано быдемъ у Безобразова полковника, которій заказвалъ, что получили онъ отъ генерала Матюшкина писмо о присылки бунчуковыхъ и протчіихъ въ Сулакъ, буде оздоровѣтъ кто зъ нихъ. Юску писма до дому подавалемъ до розниихъ персонъ; ему жъ далемъ 6 р. для того, что зъ сихъ же денегъ надобно въ Царичинѣ покровскому дячку дать 3 р. безъ гривни, за 4 верблюдя, да харчовалъ конѣ, данніе стрелцу смѣловскому и козаку токаровскому, числомъ 7., гнѣдихъ 2, рижихъ старихъ 2, сивихъ 2 и Вѣжевского еденъ бѣлогубий, поколь оніе до дому запровадятся. У архiereя зъ Роцаковскимъ обѣдадемъ, а оттуду заходилемъ до Тамари, где немедлячи, прійшодемъ до своей квартиры шуменъ зѣдо (?). Гаврила п. Михайлового исповѣдали. Сегодня наши, увойшовши 29, а отъ Астрах. 510 верстѣ, стали у озерѣ, прозиваемихъ Толмы, где худой травы много.

15. Середа. Юско и Казѣмиръ сегодня отправленни зъ писмами и поехали въ Царичинъ, да у Юска жъ фузѣю за 2 р. зъ полтиною взяли. Безобразова пожекгналемъ и листи у его взяли до Еропкина и до Ушакова Костантина, аютюанта генерала Матюшкина. Демяну на потреби розніе зъ мѣшка Заборовского далемъ 6 р. У Тамари билемъ, которій далъ чубуекъ тростяній, а прійшовши до дому, обѣдадемъ зъ Дорошенкомъ, отцемъ Петромъ,

священникомъ рождественскимъ, Максимовичомъ, сотникомъ чорнускимъ, и Яковомъ Жуковскимъ. Черезъ Максимовича, отехавшого сегодня къ Царицину, домой писалемъ до родителей и жени. Купилемъ чубукъ слоніовий за рубль, а пугвиць 48, за 8 гривенъ. У архиерея былемъ и пожегналемъ его, да его жъ за Кондрата слугу его, прогнаввившого его нѣкоторимъ словомъ, перепросилемъ. Ему жъ архиерею *testamentum* до жени далемъ. Сегодня наши, увойшовши верстѣ 9, а отъ Астраханѣ 519 верстѣ, прийшли къ прорвѣ Сулацкой, бо Сулакъ, у верху отъ крѣпости Ст. Креста прорвавшись, туда потекль.

16. Четверъ. Сегодня рано былемъ у Полянского, и оного 2 вѣдерками воды обослалемъ. Ездилемъ до церкви арменской, где засталемъ уже на концу службы: 1) которую отправлялъ попъ зъ діакономъ; 2) але попъ въ ризахъ подобныхъ плащу, спереду застебнулся, въ митрѣ подобной архиерейской, зъ крестомъ; 3) на концу службы прочиталъ Евангеліе и по прочтеніи, посредѣ церкви ставши, давалъ евангеліе цѣловать всѣмъ, а по цѣлованіи евангелія и руки его, отъ малого хлопца принималъ всякъ даръ; 4) олтарь на примѣръ католицкого, толкс за запоною великою, которая весь олтарь заслоняеть, а когда потреба оную отнимають, отъ земли високъ у аршинъ, а доль церкви вистилень коберцами; 5) женскій полъ на задѣ въ церквѣ, за оградю решетками здѣланую, стоитъ, по дару (?) ходять, укривши лице и все тѣло бѣлимъ полотномъ; 6) архиерейская митра подобна бѣскупской инфулѣ; 7) попи въ церкви въ плащахъ матеріальныхъ темного коліору въ церквѣ стоятъ; 8) протопопъ арменскій въ разговорѣ со мною говорилъ себе нѣчимъ отъ насъ неразнствующихъ, кромѣ календаря, по которому и свята неравно съ нами и пости имѣють, же Благовѣщеніе апр. 5 дня, а Рождество купно зъ Богоявленіемъ, 1 гевваря празднують; 9) люде и попи въ церквѣ сидять и кленчатъ, и стоятъ, когда что важнѣйшее, отправляется; 10) сказалъ, что патріярховъ у себе въ Арменіи имѣють двоухъ, одного на мѣстѣ святого Григорія арменского, а другого меншого честію. У того жъ протопопи, по его прошенію, былемъ и по чарцѣ водки вишивши, пріехалемъ до своей

квартири. Обѣдали у мене Полянскій и капитанъ, здешній комисаръ. Рошачковскій зъ отцемъ Соколовичомъ посѣщали мене, а по отходѣ ихъ, ездилемъ до пана Федора дядка, зъ которимъ я зъ п. Раковичемъ пожегнавшись, отехалемъ до квартири своей. По щоту показалось, что неповніе барила долили трома барилами, а зъ нихъ розійшлось на досипку водки вѣдеръ 19 и кварть 7. Остається бариль тутъ 5, водою нерозведенихъ, а самою горѣлкою досипленихъ, а въ нихъ водки вѣдеръ 21 и польъ кварти, да остається жъ бариль 9 водою досипленихъ, а въ нихъ вѣдеръ 42 и кварть 12 и польъ кварти, а всѣхъ вѣдерокъ 63 и 13 кварть.

17. Пятокъ. Сегодня рано Тернавскій, Полунѣцкій и Забѣла Степанъ были у мене и, посидѣвши мало, отойшли восвоеси. Зъ мѣшка Забор. винялемъ грошей 10 р. Гаврилови, да еще жъ 10 р. винялемъ, зъ которихъ тутъ на харчъ далемъ Демянови 3 р., 30 зл. Андрущицѣ, при Демяну остаючомуся, да за 4 кулѣ солоду (котрый зъ собою взялисмо) 4 р. заплатилисмо, да кравцю за гусарку и обранне 25 зл. Мартину на барилка 1 р. и на другіе мѣлкіе потреби розійшлись. Демянъ далъ карту рѣчій зъ нимъ оставленихъ zde, а въ ней написано: бариль гор. 14, а въ нихъ вѣд. 63 и кварть 13, муки жит. и пшенич. куѣ 5, пшона куѣ 2, товчи куѣ 1, бокуну кулей 5, тютюн. кул. 5, муки пшенич. кул. 2, сала польъ бочки, овса кулей 3, тютюну молодецкого кул. 3. Былемъ вечеромъ у Полянского и черезъ Демяна получилемъ по дорожную отъ Безобразова.

18. Субота. Сегодня рано былемъ у Алексѣя Василіев. Ивановского, где и Петра Петровича Посевита, француза, садовника государственого, засталемъ, зъ которимъ оттуду ходилемъ до склепу мурованого государственого, въ кремль обрѣтающогося, и тамъ осотрувалемъ винъ государевихъ здешнего винограду. Зъ тихъ же винъ рознихъ купилемъ у 4 барилцѣ 7 вѣдеръ, по рублю вѣдро. Заходилемъ до службы Божой и послѣ зъ Тернавскимъ и Полунѣцкимъ пришлисмо до моей квартири, где зъ нами и зъ Рошачковскимъ кушалисмо; да до насъ же посередѣ обѣда прийшолъ Ивановскій и кушалъ тутъ же. Посланникъ государевъ італѣянецъ, называющійся Флоръ Белеведи,

у бухарского хана 6 лѣтъ обрѣтавшійся, приѣхаль въ Астрахань, до которого, стоячого квартирою у садовника помянутого, ходилемъ зъ Тернавскимъ и прочіими, бывшими на обѣдѣ у мене, где онъ въ разговорѣ своемъ сказалъ намъ: *1-то*, что онъ зъ Бухари 7 день ѣхаль до Хиви, а зъ Хиви до границъ російскихъ сталъ въ 25 день; *2-до*, въ Хивѣ видѣлъ Члбишова, брата подполковници Ниловой, еще за походу Бековича князя Черкасского тамъ въ полонъ взятого, чому будетъ лѣтъ 8, въ работѣ найдуючогося, такой, что надъ 6 чловѣками, рижъ товкучими, надзирателемъ есть; *3-tio*, у Хивѣ и у Бухарахъ, теперь по два хана, чего ради у ихъ междоусобная брань; *4-to*, Бухари граничатъ зъ индійскимъ государствомъ, въ которомъ есть императоромъ Муголь, подъ своею властію нѣсколько имперій содержацій, вѣрою махOMETанинъ, где и жителей тамошнихъ болше того махOMETанъ, а не идолопоклонниковъ; *5-to*, проехалъ зъ великимъ небезпеченствомъ черезъ Хиву, где хочай билъ и удержанъ и виговорувано ему, что будто ихъ посланнихъ бывшій прежде у государя, отруень zostалъ зде, однакъ потомъ отпушень zostалъ.—Оттуду пойшовши, мы зайшли до Томари зъ капитаномъ Гуревимъ и Каневскимъ и протчними и, пожекгнавшись, прийшолемъ до своей квартири, але знову ходилемъ видѣтись зъ прежде реченнимъ посланникомъ, у дому подполковници Ниловой, и посидѣвши тамъ мало, прийшолемъ до дому и тутъ голову и увесь обмилемся. А отъ посланника листъ принеслъ чловѣкъ его Николай, до Матюшкина енерала писаний. Сеей ночи перейшолемъ на бусу, посередъ рѣки Кутуми на якорѣ стоячую и тутъ заночовалемъ. Далемъ Демянови наказъ въ 8 пунктахъ: 1) о надзираніи багажу, 2) о частомъ репортованню мене, 3) о покупцѣ сули, судна на оіе и работниковъ найму къ тому жъ до Царицина, 4) о коняхъ нашихъ двоухъ тутъ оставленныхъ, 5) о татарчатахъ и комличатахъ, жобы ихъ достать, 6) о купленню барилковъ, 7) о збуттю надлежащю, 8) о данню гор. (9) отцу Петру Рождественскому и хозяйцѣ нашей, чили хазяינוви. Да тотъ же посланникъ Веневесі сказалъ и сіе, что у Бухарѣ суть шляхта, на примѣръ мурзи, которіи хана и поставитъ и скинуть силни, але зъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.